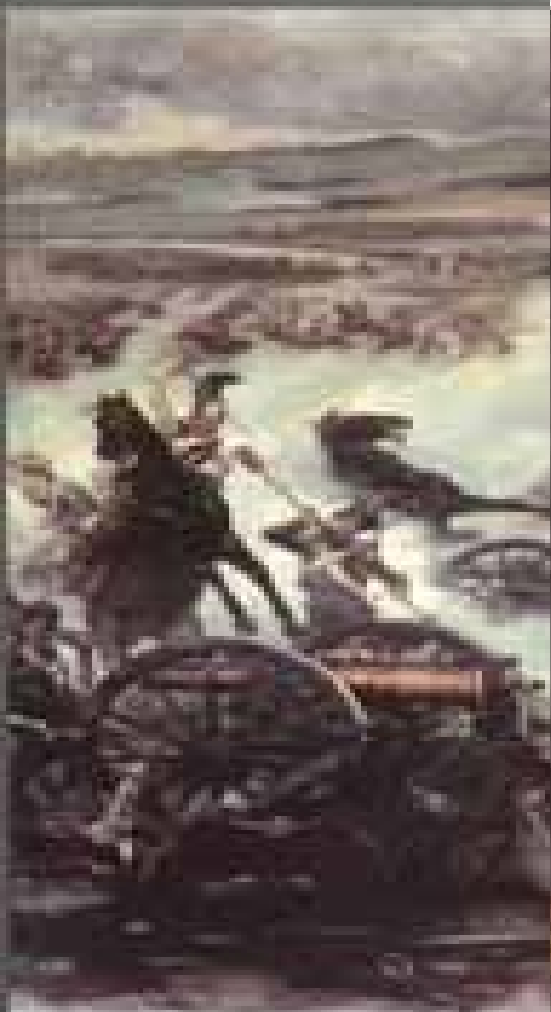

КУТУЗОВ

Людия
Убченко

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Эта книга — о великом русском полководце и дипломате Михаиле Илларионовиче Кутузове (1745–1813). Последний из плеяды «славных екатерининских орлов», герой Очакова, Измаила, Мачина, он выжил после серьезнейших ранений, чтобы в конце земного пути совершить главный свой подвиг: возглавив русскую армию, разгромить и изгнать иноплеменное воинство, вторгшееся в Россию под предводительством Наполеона в 1812 году.

Привлекая богатый документальный материал, автор биографии развенчивает многочисленные мифы о своем герое, созданные его недоброжелателями и поднятые на щит некоторыми современными исследователями, показывает Кутузова как человека и семьянина, повествует о непростых отношениях полководца с императором Александром I.

- [Ивченко Лидия Леонидовна](#)
 - [ВВЕДЕНИЕ](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Чрезвычайный и полномочный посол в Порте Оттоманской](#)
 - [Во главе кадетского корпуса](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Глава десятая](#)
 - [Поход в Австрию](#)
 - [«...Я себя не обвиняю ни в чем»](#)
 - [Глава одиннадцатая](#)
 - [Глава двенадцатая](#)
 - [Глава тринадцатая](#)
 - [Назначение главнокомандующего](#)
 - [Накануне Бородина](#)

- [Бородино](#)
 - [От Москвы до Красного](#)
 - [Березина](#)
 - [Глава четырнадцатая](#)
 - [ПРИМЕЧАНИЯ](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Глава десятая](#)
 - [Глава одиннадцатая](#)
 - [Глава двенадцатая](#)
 - [Глава тринадцатая](#)
 - [Глава четырнадцатая](#)
 - [ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГЕНЕРАЛ-ФЕЛЬДМАРШАЛА СВЕТЛЕЙШЕГО КНЯЗЯ МИХАИЛА ИЛЛАРИОНОВИЧА ГОЛЕНИЩЕВА-КУТУЗОВА-СМОЛЕНСКОГО](#)
 - [БИБЛИОГРАФИЯ](#)
 - [Иллюстрации](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
-

Ивченко Лидия Леонидовна
КУТУЗОВ

ВВЕДЕНИЕ

Однажды после выступления на научной конференции автора этой книги спросили: какую книгу о Кутузове вы считаете лучшей? На первый взгляд простейший для исследователя, десятилетиями занимавшегося темой Наполеоновских войн, вопрос в то время вызвал замешательство. Ни одно возникшее в памяти жизнеописание великого полководца не вызывало чувства удовлетворения. Ответ был найден лишь после некоторого размышления: самая лучшая и полная книга о Кутузове, принимая во внимание «изощренный ум» полководца, который в один голос признавали за ним «недруги и други», могла выйти только из-под его пера.

Генерал-фельдмаршал светлейший князь Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов-Смоленский скончался «в сиянии славы, блеске почестей», но ему в отличие от его далеко не беспристрастных оппонентов не было отпущено время на создание мемуаров. Поэтому каждый, кто интересуется биографией Кутузова, должен постоянно помнить о том, что у него нет под рукой самого главного источника для создания «сбалансированного» научного знания о тех далеких событиях — рассказа о них самого М. И. Кутузова с учетом мнений его оппонентов. К их числу следует причислить и императора Наполеона, который в течение нескольких лет в ссылке на острове Святой Елены диктовал приближенным свои мемуары. По выражению его падчерицы королевы Гортензии Богарне, император «с изощренным кокетством хорошего драматурга» «аранжировал свою жизнь, свою защиту и свою славу». Мы можем констатировать историографический факт: соратники Наполеона, которых он призывал поведать миру о подвигах, стояли горой за своего императора, создав внушительную апологию, в то время как ближайшие соратники М. И. Кутузова работали против его славы. Заметим, что речь здесь идет даже не о правдивости «самовидцев», а об их умении «аранжировать» события. По воспоминаниям современника, «природа и навык одарили его (Кутузова. — Л. И.) прекрасным языком, который восходил до высокого красноречия. В нем были счастливые обороты в мыслях и словах, и притом он умел сохранять всегда чудную прелесть лаконизма и игривость от шуточного до величественного. Можно сказать, что Кутузов не говорил, но играл языком: это был другой Моцарт или Россини, обвораживающий слух своим смычком». Если бы Михаил Илларионович прожил пятью годами дольше, то не приходится сомневаться в том, чей рассказ о военных

событиях той эпохи получил бы в глазах потомков статус источника номер один.

Участник Отечественной войны 1812 года, впоследствии известный военный писатель-публицист И. П. Липранди, смущавший своими критическими замечаниями знаменитых историков Д. П. Бутурлина, А. И. Михайловского-Данилевского, М. И. Богдановича, в середине XIX столетия получил исключительную возможность ознакомиться с семейной перепиской Михаила Илларионовича. Это произвело на весьма недоверчивого к «патриотическим легендам» и «вымышленным сказаниям» И. П. Липранди такое разительное впечатление, что он направил внуку полководца Ф. К. Опочинину письмо: «Приношу душевную благодарность за доставление мне случая узнать князя так, как некоторые из приближенных к нему знали его; сознаюсь, что относительно душевных качеств его, далеко не разделял из сознания, а принадлежал к большинству — совершенно различного мнения. <...> Из возвращаемых же писем он весь нараспашку, в самых интимных сношениях, и я такого мнения, что собранные все эти письма в хронологическом порядке пролили бы большой свет на лучшую эпопею нашей отечественной истории». Это письмо было опубликовано вместе с архивом князя М. И. Голенищева-Кутузова-Смоленского (1745–1813) в нескольких журналах «Русская старина». К сожалению, в историографии эти письма использовались в кратких отрывках; причем историков интересовало то, что относилось к военным событиям, а не к личности самого фельдмаршала. В том, что касается личности, в последнее время появилось много нелицеприятных отзывов, которые, к сожалению, основаны на домыслах при полном игнорировании источников. Для их авторов Кутузов существует вне времени, в котором он жил, вне сложных взаимоотношений с людьми. Что может быть справедливее слов П. А. Вяземского, предостерегавшего от опрометчивых выговоров прошлому: «Вообще наши убеждения, критики, порицания, наши мнения, понятия, взгляды лишены способности отречься, хотя условно, от настоящего дня, от мимотекущего часа. Мы не умеем переноситься в другое, несколько отдаленное время; мы не умеем мысленно переселяться в другую среду и в другие отжившие лица. Мы не к ним возвращаемся, как бы следовало, когда судили их. Мы насильственно притягиваем их к себе к своему письменному столу, и тут делаем над ними расправу».

Факты из жизни Кутузова приноравливаются к современным понятиям, а не к малознакомым нормам и правилам теперь уже такого далекого XVIII столетия В большинстве биографий полководца главное

внимание уделяется событиям Наполеоновских войн в Европе. Но ведь это всего лишь последние десять лет жизни Михаила Илларионовича из шестидесяти семи. Один из современных исследователей справедливо заметил, что при создании научного труда о прошлом важно учитывать отношение автора к дворянскому сословию, речевую культуру писавшего и уровень его общей культуры. От себя заметим, что все перечисленное чрезвычайно важно при составлении жизнеописания М. И. Кутузова, сформировавшегося в царствование Елизаветы и Екатерины II, унаследовав черты сословия, к которому он принадлежал. Нельзя забывать, что речь идет об особой «субкультуре», понять которую современному человеку, далеко отстоящему от той эпохи, сложно. Современник рассуждал по поводу жизнеописания нашего героя: «Все то, что относится к великим людям, по большей части тогда только возбуждает общее любопытство, когда они уже делаются великими: вот отчего многие подробности о прежней их жизни почти вовсе пропадают». В наши дни из биографии Кутузова действительно многое «пропало», но много появилось такого, что не подтверждается источниками. Так, один автор полагает, что из масонской солидарности Кутузов сдал Москву Наполеону и дал ему возможность избежать пленения. Автор даже не посчитал нужным комментировать сведения про «масонский след»: для Кутузова это увлечение юности, модное в тех кругах, к которым он принадлежал, закончилось с запрещением масонской деятельности в России Екатериной II, чье слово значило для него больше, чем все премудрости «братьев-каменщиков». В противном случае он бы посоветовал Наполеону ни в коем случае не вступать в Москву и конечно же не оставил бы его без армии, что предредило гибель Наполеоновской империи. Даже из беглого прочтения документов становится заметным одно из главных качеств М. И. Кутузова — человеколюбие, которое, как явствует из его официальной и частной переписки, он считал обязательной нормой поведения. Забота о слабых, больных и раненых прослеживается по документам и проходит рефреном через всю его жизнь, и надо же такому случиться, что именно этого полководца в погоне за сенсацией на рубеже XX–XXI веков историки обвинили в преступном равнодушии к воинам, раненым в Бородинском сражении! Однако строгий историк с секуляризованным сознанием современного человека не принимает во внимание, что Кутузов был очень богобоязненным человеком. Конечно, в его жизни случалось многое: он недолюбливал соперников по службе (впрочем, как и все его соратники), увлекался прекрасным полом (опять же, как почти все его соратники), был хитер, скрытен и даже двуличен, имел карточные долги, но к вопросам

жизни и смерти, как любой верующий человек, он относился очень серьезно. Суда Божьего он боялся более, чем суда потомства, поэтому аналогии с сюжетами из Второй мировой войны в его случае не историчны.

Нас особенно волновали личность Кутузова, его взгляды на военное искусство, стратегию и тактику, сформировавшиеся задолго до революции во Франции, которые полководец корректировал, изменял, приводил в соответствие с обстоятельствами места и времени. Он одним из первых заметил, что все существовавшие в Европе системы ведения войн были рассчитаны главным образом на европейский театр военных действий. Вопрос о роли сражения в общем «концепте» войны всегда решался им в соответствии с политическими целями, которые преследовались в ходе военных действий. Стратегическое наступление Наполеона, активный поиск сражения как кратчайшего пути к миру оправдывали себя в определенных условиях: в Европе он достигал быстрого результата на ограниченных территориях, загнав неприятеля либо к реке, либо к горному перевалу, либо к границе соседнего государства. В России, где, по словам К. Клаузевица, «можно было играть с противником в прятки», эта система не «сработала». Факторы территории и климата занимали в стратегии Кутузова ведущее место. Парадоксально, но армия Наполеона была уничтожена Светлейшим (так, с большой буквы, будем писать его титул) по тем же правилам, которые он использовал в войне против турок на дунайском театре военных действий, погубив армию великого визиря под Слободзеей, — «кто не спрятался до зимы — тот и пропал».

Как справедливо заметили современные издатели военно-теоретического наследия М. И. Кутузова: «Великие испытания требуют великих исполнителей. Чтобы победить Наполеона, мало было мужества, храбрости, опыта, таланта, терпения и удачи. Нужно было превзойти его в человеческом измерении. И Кутузов справился с этой задачей, оставаясь самим собою: и без Наполеона он был великим человеком». Автора представленной книги также больше всего интересовало «человеческое измерение» героя.

Глава первая

«ПРОСТОЙ ПСКОВСКИЙ ДВОРЯНИН»

Многие ли из нас знают историю своих предков и до какого колена могут ее проследить, обратившись из сегодняшнего дня в глубь веков? Дай бог, если удастся довести свою родословную до прадедов, ответив на простейшие вопросы: как их звали, откуда были родом, на ком женились и чем занимались по жизни? «Это было характерно для всей исторической науки недавнего прошлого: не заострять внимания на том, какого ты роду и племени»¹. Особенность среднестатистического россиянина наших дней — отсутствие интереса к этим, как кажется, малозначительным подробностям. Для среднестатистического дворянина рубежа XVIII–XIX веков сведения о родственниках — основа бытия. Чем древнее родословное древо, чем крепче его ветви, тем увереннее и прочнее он вступал в жизнь, встречая радости и преодолевая невзгоды, потому что ощущал себя очередным звеном в длинной цепи, именуемой родом. Предками гордились или стыдились их старались им подражать или избежать их ошибок. Главное же заключалось в том, что о них помнили. Вероятно, поэтому отпрыски дворянских фамилий так смело вступали во взрослую жизнь: они очень рано самоидентифицировались. Взглянуть на свое родословное древо — все равно что в наши дни для многих прочитать гороскоп.

Когда к Кутузову обратились за материалами для биографии, то он ответил на этот запрос в традициях аристократического воспитания. «Что же касается биографий, то должен Вам сказать, милостивый государь, — писал М. И. Кутузов Августу Коцебу, — что моя скромность постоянно препятствовала мне подумать о своей, поскольку я никогда не ожидал какой-либо степени известности. Тем не менее, чтобы удовлетворить Вашу настойчивость, я попытаюсь собрать воедино кое-какие материалы, ускользнувшие из моей памяти, и не премину переслать их Вам, уверенный, что русский Плутарх, желая обессмертить деяния моих соотечественников, обессмертит и себя в этом новом роде своей деятельности»². Причем в сознании Кутузова его биография начиналась, естественно, с предков, с сообщения о том «какого он роду-племени». В сознании религиозного человека предки не были каким-то безликим и отвлеченным понятием: он неизбежно должен был предстать перед ними в мире ином, а они как бы наблюдали за его земным поприщем.

В городе Вильне в те дни, когда победоносная кампания 1812 года пришла к блистательному для нашего героя завершению, светлейший князь «Михайло Ларивонович» Голенищев-Кутузов-Смоленский «однажды воскликнул у себя за обедом, когда произнесли тост победителю: „Ах, не все сделано! Если бы не адмирал (П. В. Чичагов. — Л. И.), то простой псковский дворянин сказал бы: Европа, дыши свободно!“». Что олицетворял в понятиях Кутузова образ «простого псковского дворянина»? Что означал этот, по нашим понятиям, местный патриотизм? Почему для полководца в те славные мгновения так важна была связь с губернией, куда он если и наведывался в зрелом возрасте, то довольно редко? Вероятно, он ощущал связь со своими многочисленными предками, издавна поселившимися в Псковской губернии, один из которых носил прозвище «Схватившийся за рукоять меча». Как тут не вспомнить эпизод фильма «Формула любви», действие которого происходит в XVIII веке: юный герой-дворянин задает вопрос своей тетке: «В чем смысл жизни?» — и тут же получает ответ: «А это зависит от того, в какой губернии человек живет. В Курской губернии смысл жизни один, а в Смоленской — другой...»

У потомственных псковских дворян действительно на протяжении долгих веков был свой особый смысл жизни. После объединения восточных славян в единое государство, Киевскую Русь, Псков стал одной из главных крепостей на западном рубеже страны. И хотя при начале феодальной раздробленности Псков входил в состав Новгородской вечевой республики, которая посылала в Псков своих бояр на должность посадников, в городе было и собственное вече. Новгород позволял псковичам самостоятельно решать вопросы обороны, расширять собственную крепость, иметь собственные пригороды. Нашествие немецких крестоносцев в XIII веке было тяжелым испытанием для всей Руси. К тому времени рыцари-тевтоны завоевали Прибалтику и готовились к захвату русских земель. Время для этого было подходящим: на востоке полчища татар разрушали города, превращая в прах целые княжества. Лишь небольшая часть русской земли вокруг Новгорода, Пскова, Полоцка и Смоленска оставалась свободной. Объявив крестовый поход на Русь, рыцари в 1240 году в очередной раз подступили к Пскову. Целую неделю они штурмовали город, выжгли окрестности, но псковичи отбили все приступы, и только предательство одного из бояр позволило крестоносцам ворваться в крепость. Однако многие псковичи бежали в войско Александра Невского. Князь Александр Ярославич неожиданно появился со своими отрядами под Псковом, освободив город «изгоном». Псковские отряды участвовали и в знаменитом Ледовом побоище, где немецкие

рыцари были наголову разгромлены, однако и на этом противостояние не закончилось. Согласно сведениям «Общего гербовника», именно в это время появился на Руси предок Кутузова. Этот род принадлежит к одному из древнейших дворянских родов России. Он происходил от «мужа честна Гавриила», выехавшего к князю Александру Невскому «из Прус». Один из первых биографов М. И. Кутузова Ф. Синельников в 1814 году сообщал: «Гавриил помещен был в число воевод и бояр <...> и участвовал с ним (с Александром Невским) в знаменитой победе, которая <...> одержана была им над шведами неподалеку от речки Ижоры». На основании этого факта возникло предание, будто великий русский полководец имел общего предка с великим русским поэтом А. С. Пушкиным. В этой версии слились в одно лицо вышеупомянутый «честный муж Гавриил», прародитель М. И. Кутузова, и герой Невской битвы Гаврила Олексич, также входивший в число соратников Александра Невского. Вычертив и сопоставив схемы первых семи колен основоположников родов Голенищевых-Кутузовых и Пушкиных, исследователь Ю. Н. Гуляев доказал, что в лице двух Гавриилов мы имеем совершенно разных людей, не состоявших друг с другом в родстве. Он же обнаружил в архивных документах подробности о том, что первоначально «честного мужа» звали «именем Гатуша», а имя Гавриил он получил «во святом крещении»³. Из Пруссии же он въехал в 1263 году, избегая раздоров и несогласий, рождавшихся в то время от крестоносцев, возвращавшихся из Иерусалима. Как бы то ни было, Гавриил прибыл в русские земли не один. Согласно разысканиям историков, в том году «убит в Литве Миндовг, великий князь Литовский, по сказанию Длугоша племянником своим Тройнатом, а по Воскресенской летописи — Герденом, а по Псковской — Домантом (Довмонтом). От сего произошли междоусобия в Литве. Миндовгов сын Войшелк мстил за смерть отца побиением весьма многих, и литовцы разбежались из отечества в разные стороны». Причем именно в том году Святослав Ярославич, княживший в Пскове, принял в подданство 300 литовских семей и крестил их. Не среди них ли был предок Михаила Илларионовича? Впрочем, Ф. Синельников уточнял, что «род Кутузовых происходил от славянорусов, обитавших по ту сторону реки Висла, где сейчас Пруссия». В 1266 году Довмонт был «принят князем во Пскове»; при нем была основана первая во Пскове каменная крепость ниже собора, «названная Довмонтовой стеной». Чего только не случилось за годы его правления! В тот же самый год Довмонт «ходил со псковичами на Литву». В 1268 году князь создал церковь Святого Мученика Тимофея Газского, имя которого он получил в крещении. В знаменитом походе 1268 года псковский отряд в составе большого войска

выступил к городу Раковору. Командовал объединенными русскими силами сын Александра Невского — Дмитрий (вероятно, и здесь не обошлось без предков М. И. Кутузова). Под Раковором рыцари потерпели поражение, и только темнота ночи спасла их войско от полного уничтожения. В 1269 году опять «напали нечаянно лифляндские рыцари на Псковскую область, выжгли сперва Изборск, а потом и около Пскова посад, стояли 10 дней и потом перемирие заключили», и князь Довмонт «создал церковь во имя Великомученика Георгия». В 1272 году, однако, «напали рыцари, в числе 18000, пришедшие сухим путем и водою, под предводительством орденмейстера Оттона фон Роденштейна открытою войною на Псковские области, но прогнаны. Они возвратились ко Пскову с большею силою и вторично разбиты и преследованы Довмонтом в их владения. <..> Князь Довмонт построил церковь Святого Феодора Стратилата». Довмонт княжил в Пскове до конца XIII века, при нем Псков стал независимым от Новгорода, а вместо деревянных стен были возведены каменные. Псковские каменщики всегда славились на Руси особо. В городе среди других ремесленников они занимали особое место: их по праву называли «мужами», как и воинов, потому что от них в неменьшей степени зависела безопасность западных рубежей. Чем труднее становилось положение Псковской земли, тем больше надежд возлагали псковичи на Москву. Они откликнулись на зов князя Дмитрия Ивановича (Донского), собиравшего войско против татар, и направили свои отряды в Коломну. «Ходили псковичи с князем своим Андреем Олгердовичем в помощь великому князю Дмитрию Ивановичу на татар к Дону». В Куликовской битве они дрались на правом фланге и стойко выдержали натиск татарской конницы. Выбирая между Новгородом и Москвой, Псков стал на сторону последней, тем более что с новгородцами возникало немало недоразумений. Так, в 1392 году «новгородцы и псковичи порознь заключили мир с лифляндцами, а между собою были в ссоре». В том же году «по явлению иконы Успения Богородицы в погосте Михайлове Холмского уезда во имя ее основана церковь на самом месте ее явления».

В молитвах и войнах, как красноречиво свидетельствует «каменная летопись», для псковичей прошли целые столетия. Древние крепостные сооружения Пскова, Изборска, Порхова стоят и поныне. Конечно же их на протяжении веков видели далекие предки Кутузова, видел отец полководца, выбравший для себя профессию военного инженера, видел и сам Михаил Илларионович, который пошел по его стопам. По словам биографа, будущий полководец с детства «имел необыкновенное любопытство обогащать ум свой разными полезными сведениями и часто вопросами

затруднял тех, к кому обращался»⁴. Можно себе представить, какой простор для любознательности ребенка открывался при виде Пскова и его окрестностей, среди которых сразу же можно было определиться с выбором жизненного пути. Сама Псковская крепость не могла не привлекать внимания будущего выпускника Соединенной инженерной и артиллерийской школы. Уже в XIV–XV веках крепость стала самой большой среди каменных городов России; общая протяженность ее стен достигала девяти километров. Из крепостных башен большой интерес и сейчас представляет Покровская — самая южная на берегу реки Великой. Под ее сводами находился целый арсенал пушек. Кроме трех наземных ярусов и зубцов поверху Покровская башня имела подземелье с бойницами «подошвенного» боя. Обстрел из нижних бойниц велся на уровне основания крепости; помещения для пушек «подошвенного» боя находились под землей. Стены городских укреплений, примыкавшие к башне, были настолько толсты, что по их верху, под защитой зубцов крепости, свободно могла проехать большая повозка или одновременно мог пройти целый отряд воинов. Ярусы башни были устроены так, что разрушение верхних не лишало возможности вести огонь с нижних. Сложная мощная система оборонительных сооружений делала Псков сильнейшей крепостью на Руси.

Нельзя не вспомнить, что в 1794–1797 годах, став директором Сухопутного шляхетского корпуса, Михаил Илларионович преподавал в нем военную историю и тактику. В конце XVIII столетия далеко не каждый «полевой» генерал, который провел десятки лет в боях и походах, чувствовал себя способным выступать с лекциями перед учебной аудиторией. Военная история интересовала Кутузова с ранних лет, и его родословная, связанная с Псковом, этому не могла не способствовать. Архитектурный облик Пскова если и претерпевал с течением времени какие-либо изменения, то главным образом под воздействием внешней угрозы. Так, в XV веке над Псковом нависла двойная угроза: со стороны немецких рыцарей и Литвы. Именно в XV–XVI веках была построена большая часть дошедших и до наших дней оборонительных сооружений и церквей. Пришлось укреплять южные крепости-пригороды Пскова и Новгорода-Остров, Воронин, Велье, Порхов, Вышгород. Были выстроены и новые: Врев, Опочка в 1414 году; именно здесь находилась и родовая вотчина Голенищевых-Кутузовых), Выборг (в 1431-м), Володимерец (в 1462-м), Красный (в 1464-м). Даже маленькие псковские церкви всем своим обликом напоминают о суровых буднях приграничной земли: они предназначались не только для молений, но и для хранения оружия и

пороха. Летописец XVII века упоминает, что бочки с порохом для всех укреплений Запсковья хранились под колокольной Космодемьянского монастыря. Под небольшой церковью Николы от Каменной ограды сохранилось «подцерковье» размерами едва ли не больше самой церкви. Крепостные стены и башни Пскова и его пригородов много раз перестраивались, чаще всего в связи с усовершенствованием оружия. С появлением крепостной артиллерии пришлось утолщать стены, а башням придавать круглую форму — такие башни меньше разрушались от обстрела. Все более и более изобретательной становилась оборона крепостных ворот: они устраивались то под башнями, то за башнями, под их прикрытием, то между двух башен. Главные ворота вели не прямо внутрь крепости: за ними был сделан проход в виде рукава между двумя стенами.

С конца XIV века псковское вече приглашало князей чаще всего из Москвы, к ней же обращалось за помощью в войнах с Литвой и немецкими рыцарями. В 1406 году имели место «сильное и нечаянное нападение и разорение Псковской области с одной стороны от Литовского великого князя Витовта <...>, а с другой в августе от лифляндцев, целые две недели разорявших Псковские волости под Островом и под Котельном. Но и псковичи им отмстили в том же и в следующем году походом на Полотск и Лифляндию. <...> Около Великих Лук и Ржева они отняли у литовцев и Коложское знамя, и самые города сии опустошили. <...> Сверх того за псковичей противу Литвы вступился и великий князь Московский Василий Дмитриевич, а новгородцы в помощи им отказали». Но за помощь надо было платить. В начале XVI века вечевой строй в Пскове был ликвидирован, вечевой колокол увезли в Москву: при Василии III местную знать выселили на другие земли, а их дома и вотчины были розданы верным служилым людям за военную службу. Теперь Псков стал главным бастионом на западном рубеже. Именно поэтому в Пскове, как и в Новгороде, московский князь раньше, чем в других русских землях, заменил боярские вотчины — остаток феодальной раздробленности — поместным служилым дворянством, среди которых было немало предков М. И. Кутузова. При царе Иване IV Грозном на Псковской земле не оставалось уже ни одной боярской вотчины. В 1570 году после кровавого погрома в Новгороде он явился со своими опричниками и в Псков. От многих сел и деревень остались пепелища. Из псковских земель Иван Грозный выселил 500 с лишним семей, а города Изборск, Опочку и Порхов взял в опричнину. Таким образом, в глубине веков зародилась важная особенность потомственных псковских дворян: основная их масса была

мелкопоместной. Свои земельные наделы они получали за то, что веками служили сначала московским князьям, а потом и великим государям всея Руси. В этом и заключался для них смысл жизни. Только во второй половине XVIII столетия, когда Псков утратил значение приграничной твердыни и жизнь в нем сделалась безопасной, значительная часть земельных владений перешла к столичным аристократическим родам: князьям Шаховским, Гагариным, Салтыковым; графам Строгановым, Гейденам, Каменским, Янковским, баронам Розенам, Вревским, Медемам, Остен-Сакенам и другим⁵. В отличие от них светлейший князь Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов-Смоленский даже на вершине своей карьеры как был, так и остался «простым псковским дворянином», подобно своим предкам, отдавшим всю жизнь военной службе.

...Во второй половине XVI века Псковская земля сильно пострадала от военных бедствий в ходе Ливонской войны: почти 25 лет по ее дорогам двигались войска Ивана Грозного, наступавшие на Ливонию; в их числе уходили на войну псковские служилые люди. Оборона Пскова против многочисленных войск польского короля Стефана Батория в 1581 году стала одной из самых героических страниц в военной летописи России. Стефан Баторий надеялся на внутренние противоречия в России, на недовольство суровым правлением Ивана Грозного, однако иноземцы с удивлением писали о русских: «Должно заметить, что народ не только не возбуждал против него никаких возмущений, но даже высказывал во время войны невероятную твердость при защите и охранении крепостей». В этих драматических событиях, вероятно, также принимал участие не один предок М. И. Кутузова. Так, 12 марта 1813 года полководец признавался в письме известному писателю и публицисту А. Коцебу: «...Ни одна из Ваших работ не ускользнула от меня, а одна из книг, которые прославили Ваше перо во всех областях литературы, именно один из романов, действие которого происходит в Ливонии, настолько заинтересовал меня, что я даже не спал ночами, чтобы завершить чтение»⁶. Очевидно, полководец имел в виду роман «Свидригайло, великий князь Литовский». В те годы, когда формировался характер «простого псковского дворянина», время текло гораздо медленнее: не было ни электрического освещения, ни СМИ, ни привычных для нас средств связи и средств передвижения. Следовательно, гораздо медленнее менялись образ жизни людей и их представления о смысле жизни, увековеченные сословным делением, семейным промыслом и т. д. «Люди того времени отличались чрезвычайным почтением ко всему старинному, сделанному предками, и какой-то боязнью перемен,

нововведений; изменять что-либо в своем доме и хозяйстве, „священных от древности“, казалось тогда большинству „смертным грехом и невиданным отважным предприятием“; старики и вообще старина пользовались чрезвычайным почтением...» — писал историк, изучавший жизнь провинциального общества первой половины XVIII века⁷. В «блаженном XVIII», как назвал столетие М. Ю. Лермонтов, люди ближе и явственнее ощущали свою связь с дальними предками, чем современный человек — со своими отцами и дедами. Для владевшего несколькими языками и европейски начитанного М. И. Кутузова всё, чем он занимался в жизни, а именно: война, политика, дипломатия, административная деятельность, — всё это уходило корнями в далекое прошлое, которое он всегда принимал во внимание. Его успехи на различных поприщах зависели от того, что он, как показывает переписка, отчетливо представлял себе исторически сложившиеся характеры действующих лиц эпохи, будь то Франц II Габсбург или Наполеон Бонапарт. Для нас, конечно, важно знать: что с детства знал о предках, а значит, и о самом себе Кутузов? Ответить на этот вопрос несложно благодаря тому, что в царствование Павла I само правительство побуждало благородное сословие подавать сведения о своем происхождении в Гербальдическую палату. Семейным воспоминаниям способствовала такая наука, как геральдика. Фамильный герб — постоянное напоминание о выдающихся заслугах предков — не выходил тогда из повседневного употребления: карета с гербом на дверцах, герб на воротах особняка, герб на парадном сервизе, наконец, герб-печатка, вделанный в кольцо, которым «опечатывался» сургуч на письмах. Что представлял из себя герб Кутузовых? Во втором томе «Общего гербовника дворянских родов Всероссийской империи» помещено изображение этого герба с описанием: «В щите имеющем голубое поле, изображен черный одноглавый Орел с распростертыми крыльями, имеющий над главою дворянскую Корону с тремя строусовыми (страусовыми) перьями. Намет на щите голубого и черного цвета, подложенный серебром». Далее же сообщается: «Род Голенищевых-Кутузовых, как показано в Российской Истории и в Бархатной книге, происходит от выехавшего в Россию к Благоверному Великому Князю Александру Невскому из Немец честнаго мужа именем Гавриила. У сего Гавриила был праправнук Федор Александрович Кутуз, от которого пошли Кутузовы. Происшедшаго от сего Федора Кутуза, потомка Андрея Михайловича дщерь была в замужестве за Казанским царем Симионом. Помянутого же Кутуза брат родной Ананий Александрович имел сына, прозванного Голенище. Потомки их, Голенищевы-Кутузовы, Российскому Престолу служили разные дворянские

службы, а некоторые находились и в знатных чинах, и жалованы были от Государей поместьями и другими знаками Монарших милостей. Все сие доказывается сверх Истории Российской, Бархатною книгой, копиею с жалованной на поместья грамоты и родословною Голенищевых-Кутузовых»⁸. В этом издании, как и положено, первые страницы занимают гербы княжеские, потом идут гербы родов графских; герб Голенищевых-Кутузовых помещен в разделе гербов дворянских. На первой странице издания значится: «На подлинном подписано собственной Его Императорского Величества рукою тако: быть по сему. В городе Павловске июня 30 д(ня) 1798 г.». «...Я никогда не ожидал какой-либо степени известности...» — впоследствии напишет Кутузов. Действительно, в то время, когда составлялся гербовник, Кутузову, вероятно, трудно было представить, что в отличие от представителей многих именитых родов именно его, «простого псковского дворянина», будут величать светлейшим князем Голенищевым-Кутузовым-Смоленским и, более того, он заслужит единственный в своем роде титул: «спаситель Отечества». Следуя в черед великих мужей Румянцева-Задунайского, Долгорукова-Крымского, Потёмкина-Таврического, Суворова-Рымникского, он достойно замкнул плеяду «славных екатерининских орлов».

Кстати, о «честном муже» из Пруссии. Кем бы он ни был по происхождению, но тот факт, что некогда он обитал по другую сторону Вислы, по-видимому, был известен при прусском королевском дворе. Может быть, сам Михаил Илларионович, дважды побывав в Пруссии с дипломатической миссией, в беседах с прусскими придворными и генералами мог сообщить об этом факте своей родословной. 25 марта 1813 года он поведал в письме своей супруге из города Калиша: «За день до отъезду прислал (король Фридрих Вильгельм III. — Л. И.) ко мне государственного канцлера, который подал мне от короля Черного и Красного орла, сказав от имени короля, что он благодарит меня, как восстановителя Пруссии, и что ежели поможет Бог утвердить все начатое, тогда желает король иметь меня своим согражданином и утвердить за мною имение в Пруссии»⁹. Год спустя с подобным же предложением английский король обратился к фельдмаршалу М. Б. Барклаю де Толли, зная о его шотландских «корнях», и получил тот же самый ответ. Кстати, Михаил Илларионович в совершенстве говорил по-немецки; это был первый иностранный язык, который он освоил еще до поступления в Инженерно-артиллерийскую школу. Попавший в плен в 1812 году французский интендантский полковник М. Л. де Пюибюск отметил: «...Он (Кутузов. —

Л. И.) говорит свободно по-французски, а его выговор сдается на немецкий»¹⁰. Но Кутузов с рождения был очень артистичен, и в разговоре с наполеоновским офицером он мог изобразить акцент намеренно. Так, граф П. Л. де Боволье, против воли оказавшийся в России с армией Наполеона и также попавший в плен, был известен Кутузову как роялист, преданный Людовику XVI. Фельдмаршал удостоил его трехчасовой аудиенции, после которой граф признался, что «имел случай дивиться его обширным познаниям и чисто французским оборотам речи»¹¹. Современники не раз удивлялись искусству Кутузова перевоплощаться. Они вспоминали, что немцы принимали его «по языку» за своего соотечественника, а французы — за своего. Михаил Илларионович по этому поводу шутил так: «В разговорах с немцами я — немец, с французами — француз, но сам я — настоящий русак». Кутузов знал, что его предок Гавриил, сын Гавриила Андрей и внук Гавриил Андреевич Прокша (что и означает: «схватившийся за рукоять меча») похоронены в церкви Спаса на Нередице. Правнук Гавриила Александр Прокшич был первым в роду, кто получил прозвище «Куруз» («подушка»). Именно он, вопреки сведениям Общего гербовника, и стал родоначальником рода Курузовых. Правда, в тексте гербовника родоначальником назван его старший сын (праправнук Гавриила) Федор Александрович, который, как и его отец, также носил характерное прозвище «Куруз». Племянник же Федора Александровича Курузова, Василий Ананьевич, в свою очередь, имел прозвище «Голенище», откуда и пошли Голенищевы-Курузовы, прочно обосновавшиеся на Псковской земле. Сам Василий Ананьевич (в 1471 году посадник в Новгороде) имел небольшие земельные владения в Опочечком и Торопечком уездах Псковской губернии. Его правнук «раб Божий Иван Иванов сын Голенищева-Курузова», умерший в 1580 году, был похоронен в Псково-Печерском монастыре. Копии жалованных грамот роду Голенищевых-Курузовых царей Михаила Федоровича, Алексея Михайловича, Федора, Иоанна и Петра Алексеевичей Романовых сохранились в псковском архиве Землями на Псковщине за верную службу жалуются четырежды правнуки Василия Ананьевича Голенищева-Курузова: Федор, Елизар, Ульян Александровичи и их двоюродные родственники, братья Михаил и Иван Савиновичи. Вероятно, мы не знали бы так подробно о связях рода Голенищевых-Курузовых с Псковской землей, если бы не научные изыскания Л. Н. Макеенко, автора статьи «Род Голенищевых-Курузовых», опубликованной в одной из книг «Псковская земля История в лицах». Ею приведены подробные сведения о ближайших родственниках полководца,

начиная с Ивана Савиновича — прапрадеда нашего героя. Согласно жалованной грамоте за походы на султана турецкого и хана крымского, в княжество Литовское и Смоленское, Ивану Савиновичу пожалованы земли в Великолукском и Торопецком уездах. Кроме того, грамотой подтверждены прежние владения, записанные за ним с 1663 по 1670 год, в том числе деревня Рязаново (Резаново), которая впоследствии перешла к праправнуку — Михаилу Илларионовичу¹².

Итак, следуя за родословной Голенищевых-Кутузовых, мы подобрались к XVIII столетию, которому «принадлежал мыслями и привычками» великий русский полководец. У вышеупомянутого Ивана Савиновича было четверо сыновей — Юрий, Семен, Алексей, Иван. Иван Иванович — прадед полководца. Из записи в Герольдмейстерской конторе от 19 июля 1754 года выясняется, что Иван Иванович Голенищев-Кутузов «служил при генерале-фельдмаршале графе Борисе Петровиче Шереметеве флигель-адъютантом»¹³. И. И. Голенищев-Кутузов служил в Великолуцком гарнизоне капитаном и умер предположительно в 1747 году. В конце XVIII столетия, когда в наследственные права на земли предков вступил самый знаменитый в роду Голенищевых-Кутузовых — Михаил Илларионович (Ларионович), в Псковской губернии числилось по документам 19 представителей этой фамилии мужского пола.

В свою очередь, у «поручика Матфея Иванова сына Голенищева-Кутузова было четверо детей: три сына Ларион (Илларион), Иван, Василий и дочь Прасковья. Старший — Илларион Матвеевич Голенищев-Кутузов — отец будущего полководца. В формулярном списке за 1769 год генерал-майор Илларион Голенищев-Кутузов сообщает, что ему от роду 51 год (полных), что соответствует 1718 году рождения, из дворян и за ним в Пусторжевском, Луцком (Великолукском) и Новгородском уездах 443 мужских души крестьян»¹⁴. 8 октября 1733 года он поступил в Петербургскую военно-инженерную школу и был выпущен из нее кондуктором в феврале 1737 года. За время учебы Илларион Матвеевич только однажды побывал в двухмесячном отпуске в родных местах: в 1735 году возвращаясь из отпуска, заболел в Пскове, а выздоровев, сразу же вернулся на службу. И неудивительно. Как отметил историк, «до Манифеста о вольности дворянства (1762 год. — Л. И.) <...> дворянство почти все было на службе, то есть в столицах, или где-нибудь у границ в войсках»¹⁵. В 1738–1741 годах Илларион Матвеевич занимался съемкой местности в окрестностях Санкт-Петербурга, Кронштадта, Выборга, Кексгольма, шведской границы. В 1740 году он даже входил в комиссию по

погребению императрицы Анны Иоанновны. С 1741 по 1752 год он служил флигель-адъютантом, вначале — в чине армейского поручика с 1742 года — в чине капитана у генерал-аншефа Любераса фон Потта. Вместе с Люберасом, бывшим послом в Швеции с 1743 по 1745 год, он находился на конгрессе в Або, потом в Стокгольме. В 1746 году привлекался в Петербурге к инженерным работам. С 1750 года находился на постройке Кронштадтского канала; 20 мая 1752 года произведен в инженер-капитаны и «определен к управлению конторой кронштадтских строений». В течение шести лет он руководил строительством каменного канала Петра Великого и был «произведен за труды в 1758 году в инженер-майоры», через восемь месяцев — в инженер-подполковники, а в январе 1759 года — в инженер-полковники¹⁶. После непродолжительного пребывания начальником рижской инженерной команды И. М. Голенищев-Кутузов был переведен в Петербург в департамент, занимавшийся укреплением русских крепостей в Прибалтике. Что ж, отец полководца жил и служил в соответствии с понятиями своего времени: «Ни на что в службе не набиваться и ни от чего не отбиваться», а служба дворянства была иногда не легче крепостной зависимости. По мнению историка, дворянство «находилось почти в такой же крепостной зависимости от правительства, как от него крепостные»¹⁷. До Манифеста 1762 года в свои вотчины дворяне возвращались, как правило, к старости после многолетней тяжелой службы. «...В тогдашнем русском дворянстве распространено было, с одной стороны, сознание обязанности дворянина служить своему отечеству, а с другой — чувство благородной гордости, запрещающее какие бы то ни было в этом деле заботы о своих личных выгодах и удобствах»¹⁸.

В начале царствования императрицы Екатерины II, 3 марта 1763 года, Илларион Матвеевич был произведен в инженер-генерал-майоры и возглавил подготовительные работы по строительству Арсенала в Петербурге¹⁹. Он участвовал в изыскательных работах по постройке канала между Волгой и озером Ильмень, а затем разработал проект Екатерининского канала, ограждавшего Петербург от наводнений (ныне канал Грибоедова), за что получил из рук императрицы золотую табакерку, осыпанную бриллиантами. Отец будущего полководца был одним из выдающихся военных инженеров своего времени, и сыну было чему у него поучиться. Бесспорно и то, что неизменное внимание, которое оказывала Михаилу Илларионовичу на протяжении всей его карьеры Екатерина II, отчасти было связано с тем уважением, которое она испытывала к его знающему и трудолюбивому отцу. Безусловно и то, что безупречная

репутация отца накладывала особые обязательства на сына, который сделал все от него зависящее, чтобы оправдать ожидания, налагаемые на него этим родством.

Согласно формулярному списку с 1769 года Илларион Матвеевич в чине инженер-генерал-майора находился в действующей 2-й армии, возглавляя инженерные и минерные команды в армии графа Румянцева во время Первой русско-турецкой войны (1768–1774). Он отличился в сражениях при Рябой Могиле, реке Ларге, Кагуле. При его штабе уже находились: старший сын Михаил Илларионович (капитан, затем секунд-майор) и младший — Семен Илларионович, 16-летний кадет Артиллерийского и инженерного корпуса, в должности флигель-адъютанта. Младший, Семен, оставил службу по достижении чина майора. Причиной тому явилось умственное помешательство. Он проживал в сельце Федоровском Великолуцкого уезда; согласно сведениям местного архива, «майор Кутузов с прошлого 793 года находится в повреждении ума под опекой...»²⁰. В 1804 году Михаил Илларионович сообщал о нем в письме супруге: «...Забыл тебе сказать, что я дорогою заезжал к брату Сем. Лар., и по несчастью нашел его, кроме что тих, в прежнем состоянии. Много очень говорил о трубе и просил меня от этого несчастья его избавить и рассердился, когда ему стал говорить, что этакой трубы нету»²¹. Однако Семен Илларионович значительно пережил своего прославленного брата: он скончался в возрасте 82 лет в 1834 году и был похоронен на кладбище Преображенской церкви погоста Влиц (Локня). Как сообщают местные историки-краеведы, накануне Великой Отечественной войны от памятника на могиле оставался один постамент, на котором были высечены слова: «Семен Илларионович Голенищев-Кутузов брат Светлейшего князя Смоленского»²².

К 1770 году военная страда подкосила силы отца полководца, который, как свидетельствуют документы, трудился, не зная отдыха: в рапорте от 25 марта Илларион Матвеевич сообщил графу Г. Г. Орлову, что по причине сломанной кости, которая еще не срослась, он пока не может следовать со 2-й армией. В сентябре того же года Илларион Матвеевич подал рапорт на имя императрицы, в котором просил по «...дряхлости и болезням... от военной и гражданской службы уволить». Ему была отставка с чином инженер-генерал-поручика. Так закончилась 37-летняя военная служба отца будущего фельдмаршала. В ту пору ему было всего 52 года, но на этом его государственная служба не закончилась. Илларион Матвеевич был назначен сенатором и отправился в Москву. Он и здесь проявлял свои

глубокие знания и ум: «всякое важное дело в Сенате считалось окончательно решенным лишь после того, как Ларион Матвеевич, рассмотрев его, сказывал на оное свое мнение»²³. Д. Бантыш-Каменский сообщал, что отец полководца «приобрел от соотечественников наименование Разумной книги, быв весьма сведущ не только в военных делах, но и в гражданских»²⁴.

В 1777 году Илларион Матвеевич вернулся на Псковщину. В 1779 году в Исповедальных росписях Воскресенской церкви Теребенского погоста Опочецкого уезда сообщается, что «в сельце Ступине жительство имеет господин генерал-поручик и кавалер Илларион Матвеевич сын Голенищев-Кутузов, 62 лет, и дочь его Дарья, 24 лет». Кроме Ступина ему принадлежат деревни Бабеева, Подъельна, Скарехново, Федорково, Васково, Варыгина, в них 275 душ крестьян. Естественно, что возвращение в родные пенаты такого высокопоставленного чиновника не прошло незамеченным в местном дворянском обществе: «...очень невысокий чин — капитанский, например, делал обладателя его человеком, уверенным в себе, давал ему вес и право на общее уважение в околотке; лица начальствующие представлялись нерушимым авторитетом»²⁵. В 1775 году на основании одного из указов Екатерины II для управления губерниями стали создаваться депутатские дворянские собрания. В декабре 1777 года при открытии Псковского наместничества (губернии) Илларион Матвеевич был избран первым предводителем псковского губернского дворянства. В разгар выборов курьер из столицы принес весть о рождении внука Екатерины II — Александра, что было отмечено молебном и залпами из 101 пушки. В ответ царица милостиво пожаловала дворянство рескриптом, под впечатлением которого было решено вместо обычного монумента основать в Пскове дворянскую Екатерининскую гимназию. С письмом наместнику Якову Сиверсу от имени всего дворянства губернии обратился его предводитель Илларион Матвеевич Голенищев-Кутузов с просьбой завести в городе благородное училище.

В 1784 году, будучи уже в чине бригадира, его сын Михаил Илларионович получил известие, что «отец его в недавнем времени умре». Впервые за много лет получив отпуск, он отправился в край своих предков и над местом захоронения отца построил церковь Воскресения Христова. В Ведомости Опочецкого уезда погоста Теребени за 1789 год говорится: «Церковь Воскресения Христова з двумя приделами Знамения пресвятыя Богородицы и святыя Великомученицы Варвары деревянные, твердые, из оных настоящая за отлучкою по военному времени здателя его

превосходительства Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова из дому не освящена». Как правило, церковь и приделы к ней освящали в присутствии заказчика и первым в графе «прихожане» ставился он же, если был жив. В вышеназванной ведомости первым прихожанином записан «господин генерал-майор и кавалер Михаила Ларионович Голенищев-Кутузов». Надписи на деревянных подпрестольных крестах сообщают, что приделы Святой Варвары и Знамения в Теребенском погосте освящены «1778 году месяца ноября, 2-го дня», храм Воскресения Христова — «1791-го, месяца ноября, 2-го дня»²⁶.

После смерти отца старшим в семье стал Михаил Илларионович. Каждый, кто занимался изучением биографии полководца, знает, что в самом ее начале содержались загадки, которые трудами нескольких поколений исследователей удалось разрешить лишь на рубеже XX–XXI веков. Первый вопрос, который возникал после прочтения жизнеописаний знаменитого военачальника: какого рода племени была его мать? как ее звали? Первый биограф фельдмаршала назвал фамилию Бедринская. Ф. Синельников считал, что мать полководца происходила из рода Беклешовых. Автор «Российской родословной книги» князь И. Долгоруков причислил мать Кутузова к роду Беклемишевых. Ленинградский историк Ю. Н. Яблочкин попробовал разобраться в этом вопросе, в середине 1950-х годов установив, что мать фельдмаршала звали Анной Ларионовной (Илларионовной) и родилась она в 1728 году. Однако эта версия была признана малоубедительной. Кроме того, Анной Илларионовной звали и старшую сестру полководца, и на первый взгляд логичным казалось предположить, что здесь произошла некая путаница. В конечном счете возобладала версия, предложенная князем П. Ф. Долгоруковым в 1857 году, согласно которой мать фельдмаршала происходила из рода Беклемишевых. Этой же версии придерживались и Ю. Н. Гуляев, и Н. А. Троицкий²⁷. Справедливо отвергнув «красивую легенду», на основании которой родоначальником рода Кутузовых считался дружинник Александра Невского Гаврила Олексич, авторы предложили в предки фельдмаршалу князя Дмитрия Пожарского, создав, в свою очередь, не менее прекрасный миф. Так, Ю. Н. Гуляев писал: «Дочь Федора Елизарьевича Ефросинья Федоровна Беклемишева вышла замуж за князя Дмитрия Михайловича Пожарского. Таким образом, главные вожди российских войск в великие 1612 и 1812 годы происходили по женскому колену из фамилии Беклемишевых, т. е. находились в родстве по материнской линии. Удивительно, но этот знаменательный факт биографии двух прославленных

русских полководцев остался незамеченным биографами М. И. Кутузова!»²⁸

На наш взгляд, убедительными были сведения, опубликованные Л. Н. Макеенко, заведующей историческим отделом Псковского государственного историко-архитектурного музея-заповедника: «В 1991 г. в Великолукском архиве я натолкнулась на интереснейший документ, датированный 1808 годом, — „Просьба надворной советницы Анны Ушаковой об удовлетворении ее 9 тыс. рублей из доходов имения ее братьев майора Семена и генерала от инфантерии Михаила Голенищевых-Кутузовых“. В своей просьбе Анна Илларионовна упоминает имя деда своего по матери Лариона Захарова сына Бедринского». И в подтверждение своих земельных владений приводит более ранний документ от 1767 года, по которому ей, Анне, «в Гдовском уезде принадлежат земли, числившиеся за ее дедом Ларионом Захаровым сыном Бедринским, которые отошли к нему по выморочным книгам от его дяди Семена Филипова сына и бабки вдовы Авдотьи Ивановских-Бедринских»²⁹. Эти же сведения Л. Н. Макеенко кратко изложила в 1993 году в статье «О Голенищевых-Кутузовых на Псковской земле», снабдив разъяснением: «...Мать Анны Илларионовны, а следовательно, и Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова была из псковских дворян Бедринских. Выходит, что и мать, и бабушка полководца были из одного рода Бедринских. Мать была дочерью Лариона Захарова сына Бедринского, а бабушка — дочерью Семена Бедринского, т. е. дяди Лариона Бедринского, о чем свидетельствуют приведенные выше сведения»³⁰. Однако редакция, вновь сославшись на П. Ф. Долгорукова, сделала примечание к этой статье: «Бабка М. И. Кутузова, происходившая из рода Бедринских, была замужем за Матвеем Ивановичем Голенищевым-Кутузовым. Мать М. И. Кутузова происходила уже из рода Беклемишевых»³¹. Сомнения редакторов можно понять: в семье полководца женщины из семейства Бедринских довольно часто выходили замуж за представителей рода Голенищевых-Кутузовых; кроме того, получается, что у родителей полководца совпадает редкое, по нашим понятиям, имя Ларион. Но, приняв во внимание, что на псковских землях проживало несколько ветвей рода Голенищевых-Кутузовых, находившихся к тому времени в весьма отдаленном родстве между собой, а имена детям давались по святцам, совпадение уже не представляется невероятным. Так, известный представитель рода Голенищевых-Кутузовых, проживающих на Псковщине, назвал обоих своих сыновей Иванами, и один из них, в свою очередь, назвал Иванами троих своих сыновей! Не будем удивляться и

тому, что мать и старшая сестра М. И. Кутузова были полными тезками — обеих звали Аннами Илларионовнами. Для историков, конечно, неудобно, но у «простых псковских дворян» на этот счет, по-видимому, была своя точка зрения. Присоединимся к мнению исследователя, специально изучавшего местные архивы: «сестра фельдмаршала не могла ошибиться в фамилии своего деда по матери»³². Итак, Илларион Матвеевич Голенищев-Кутузов, 1717 года рождения, был женат на Анне Илларионовне Бедринской, 1728 года рождения, дочери опочецкого, псковского и гдовского помещика, отставного капитана Нарвского гарнизонного полка. От себя заметим, какую бы фамилию ни носила мать будущего полководца, в отличие от своего супруга, она вряд ли могла похвастаться образованностью: суровые требования к образованию предъявлялись тогда только к дворянским сыновьям, которые в обязательном порядке должны были являться на военную службу. Дочери провинциальных помещиков мелкой и даже средней руки в большинстве своем в то время оставались неграмотными. «...Подыскать себе в невесты девушку, которая была бы любознательна, охотница читать — оказывалось почти невозможным. <...> Много среди них было и очень неглупых и без образования, отличных матерей и хозяек, которых лучшие мужчины очень уважали и почитали»³³. Возможно, бракосочетание родителей будущего полководца произошло в 1744 году, когда Илларион Матвеевич приезжал в Москву из Стокгольма, а может быть, и позднее — в 1745 году. Ко времени вступления в брак Анне Илларионовне было 16 лет, а Иллариону Матвеевичу — 26, обычная по тем временам разница в возрасте между супругами. У современного читателя может возникнуть вопрос: когда же родители М. И. Кутузова успели познакомиться, если жених постоянно находился на службе? Вовсе не обязательно им было знакомиться! «Сватовство начиналось обыкновенно через свах <...> женились часто вовсе незнакомые. <...> После неофициального согласия обеих сторон устраивались смотрины, то есть приезжал жених и несколько времени видел невесту, которая почти всегда, „по обыкновению невест“, ничего не говорила, у общих знакомых или в церкви; затем следовал формальный сговор, с молебном и обедом, в доме невесты». А вот ни в церкви во время венчания, ни на свадебном ужине родителям невесты быть не полагалось, хотя обряд венчания совершался в церкви, как правило, ближайшей к домам жениха и невесты. Невеста надевала венок из красных роз. «По совершении обряда ехали в дом жениха, причем дорогу для более состоятельных людей освещали горящими смоляными бочками. В то время в деревнях кареты были еще

редкостью, но сколько-нибудь порядочный жених старался непременно достать карету, также какую-нибудь музыку, которая тогда тоже бывала в очень немногих домах. <...> Музыка встречала свадебный поезд и играла во все время вечера и ужина, за исключением того момента, когда молодые прикладывались к образам при входе в дом. Свадебный ужин всегда был изобилен и вкусен, но ели мало, а всё больше пили за здоровье молодых. <...> После ужина шли за так называемые „сахары“, то есть к столу, уставленному вареньями, конфетами, фруктами, преимущественно же ягодами и орехами. После того, „по известному древнему и глупейшему обыкновению“, гости, ночевавшие у жениха, а таких было немало, ложились спать только уже после поздравления новобрачной <...>»³⁴. Родителей невесты наконец извещали о «благополучном окончании», и муж приезжал к ним «благодарить за содержание и воспитание его молодой жены», приглашая их на «княжой пир»; потом родители невесты, в свою очередь, устраивали пир, а молодые объезжали всех знакомых, кто был на их свадьбе. Конечно, в обеих столицах уже не так строго следовали старинным обычаям, и, уж конечно, свадьба Михаила Илларионовича, женившегося на аристократке-петербурженке в последней трети XVIII столетия, сильно отличалась от свадьбы его родителей на Псковщине.

Следующий вопрос, который возникает у исследователей: где родился М. И. Кутузов? Версий существует две: Петербург и Псковская земля. Биографический очерк Д. Н. Бантыш-Каменского начинается сообщением о том, что место рождения Михаила Илларионовича — Петербург. Большинство историков и сейчас уверены в том, что будущий полководец — уроженец Северной столицы³⁵. Но существуют сведения, что детство, из-за ранней смерти «нежной матери», он провел в имении деда и бабки, — «не то в Ступине, не то в Матюшкине, не то в Федоровском». Л. Н. Макеенко считает, что Кутузов родился на Псковской земле. «Объясню, почему, — пишет автор. — Илларион Матвеевич в это время занимался постройкой Кронштадтского канала и находился в постоянных разъездах. Очень маловероятно, что он возил за собой беременную жену с грудной дочерью. Он мог ее оставить на попечение своих родителей. Но те жили на Псковщине». Далее автор убедительно доказывает, что М. И. Кутузов мог увидеть свет в сельце Федоровском, которым владел его дед Матвей Иванович с 40-х годов XVIII столетия³⁶. Как бы то ни было, вопрос о том, где появился на свет великий полководец, в отсутствие документов так и остается открытым.

Не совсем понятно, почему биографы считают, что М. И. Кутузов

лишился матери в младенчестве, едва ли не при его родах или вскоре после них: кроме сестры, вышеупомянутой Анны Илларионовны, в замужестве Ушаковой, полководец, как говорилось выше, имел еще и брата Семена 1752 года рождения, и сестру Дарью 1755 года рождения. Так, Л. Н. Макеенко приводит в своей статье сведения: «...Именно в 1755 г. Ларион Матвеевич берет свой первый 28-дневный отпуск. Едет ли он посмотреть на новорожденную Дарью или его поездка связана с еще более печальным событием — смертью жены?»³⁷ В этой же публикации приведены и другие сведения, касающиеся младшей сестры полководца: «То, что Дарья Илларионовна называется везде девицей и генеральской дочерью, говорит о том, что она не была замужем, а вот то, что она „никогда и никуда не отлучается“, наводит на мысль, что у нее был какой-то физический недостаток». Михаил Илларионович заботился о сестре до конца своих дней: вместе с братом, после смерти отца, они взяли на себя уплату ее недоимок (впрочем, как и старшей сестры), а в 1812 году полководец выхлопотал для нее пожизненную пенсию в две тысячи рублей³⁸. Кстати, забота о женщинах в семье, ответственность за материальное и моральное благополучие сестры ли, жены или дочери — черта, очень характерная для Кутузова, по-видимому, внушенная ему с детства.

Десятилетиями не подвергалась сомнению дата рождения полководца — 5(16) сентября 1745 года. В метрических книгах церквей Санкт-Петербурга за 1745–1748 годы сведения о дате рождения Михаила Илларионовича отсутствуют. Тем не менее в середине прошлого столетия в примечаниях к Формулярному списку М. И. Кутузова от 2 января 1791 года оговаривалось: «Необходимо отметить, что хотя принято считать годом рождения М. И. Кутузова 1745 год, данные формулярных списков не соответствуют этой дате. Так, в списке 1769 г. показано, что Кутузову в то время 22 года, в списке 1785 г., что ему 37 лет, в копии списка 1791 г. — 43 года, что соответствует дате рождения 1747 или 1748 года»³⁹. Ю. Н. Гуляев привел еще два документа, обнаруженные в Архиве Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи и подкрепляющие эту версию. Первый документ — «покорнейшее доношение» отца нашего героя генерал-фельдцейхмейстеру графу П. И. Шувалову от 17 апреля 1759 года, в котором сообщается: «Имею я сына Михайла одиннадцати лет, который на первой указанный срок, имея тогда от роду седьмой год, Правительствующего Сената в герольдмейстерской конторе явлен, от которой для обучения российской грамоте отпущен в дом по 760 год до июля месяца»⁴⁰. В другом документе уточнен срок первого «явления

недоросля Михаила Голенищева-Кутузова» в Герольдмейстерскую контору Правительствующего сената: «754 года июня 26 дня». Порядок определения дворян в службу регламентировался Указом 1742 года, согласно которому все недоросли, достигшие семи лет, должны были являться на первый смотр в Герольдмейстерскую контору или в губернские города к губернаторам. После чего они возвращались домой, приняв обязательства ко второму смотру в 12-летнем возрасте обучиться грамоте. Следовательно, если в 1759 году Михаилу Голенищеву-Кутузову было одиннадцать лет, а в день «первого смотра», как и положено, — семь, то годом его рождения следует считать 1747 год. Правда, все гипотезы строятся не на метрических свидетельствах, а на основании арифметических вычислений; в документах встречаются даты, соответствующие и 1745 году. Однако в 1845 году в Петербурге вышел сборник статей Н. Полевого «Столетие России», и одна из статей была посвящена М. И. Кутузову: «Сто лет — думал я, смотря на изваяние Русского воеводы — сто лет свершилось с того года, когда родился ты, муж великий! Сто лет, в которые совершил ты свои подвиги, и уже тридцать два года, как почил ты среди потухших громов!» А ведь в это время были живы дочери и внуки полководца, точно знавшие число, месяц и год его рождения!

Отец М. И. Кутузова, как и его бабка, «женщина, состарившаяся в добродетели, благочестивая», судя по всему, не склонен был баловать детей. Но даже допустив, что отец почему-то решился продлить безмятежное детство старшего сына, нельзя не признать, что ему трудно было бы ввести в заблуждение Герольдмейстерскую контору. По свидетельству родственников, «одаренный крепким сложением, Кутузов начал ходить и говорить на первом еще году своего возраста» и, «отличаясь телесною красотой, являл собой совершенную дородность». Так или иначе, в роду «простых псковских дворян» появился очередной мужчина, «схватившийся за меч», которому предстоял нелегкий путь. На исходе XVIII века, поздравляя своего родственника и земляка, «простого псковского дворянина» И. Л. Голенищева-Кутузова, с назначением президентом Адмиралтейской коллегии, что соответствовало I классу государственной службы, М. И. Голенищев-Кутузов заметил: «Ежели такой дворянин дошел до фельдмаршала — такой видно родился необыкновенного покроя». О своем «покрое» он в те дни и не загадывал...

Глава вторая

ОБРАЗОВАНИЕ

Образованный русский офицер — мечта, которую на протяжении столетия преследовали российские монархи, начиная с Петра Великого. Основатель регулярной армии в ходе затяжной войны со шведами убедился, что на иностранных наемников, несмотря на их «обширные сведения», которых так не хватало в России, не всегда можно было положиться. В жестокое противостояние с войсками Карла XII им подчас не хватало стойкости: так, в 1700 году в неудачном для нас сражении под Нарвой русский главнокомандующий фельдмаршал де Круа и вместе с ним 40 офицеров-иностранцев прямо на поле боя перешли на сторону противника. Однако несколько русских полков устояли в бою, и в их числе — гвардия, «возлюбленные чада» Петра. Они-то и стали ядром регулярной армии, которую всего девять лет спустя после нарвского погрома Петр Великий приветствовал под Полтавой: «Здравствуйте, сыны Отечества! Никто не в состоянии совершить подвига, какой совершили вы, смело смотревшие в лицо смерти... Храбрые дела ваши никогда не будут забвенны у потомства!» Великий русский поэт А. С. Пушкин был уверен: «Успех народного преобразования был следствием Полтавской битвы». Однако середина XVIII столетия не ознаменовалась торжеством образования в военной среде. Автору «Исторического очерка 2-го кадетского корпуса», на наш взгляд, удалось выразить своеобразие той ситуации: «Судьба военно-учебных заведений в нашем отечестве представляет такой интерес, какого не может представлять она ни в одном другом государстве. <...> По меткому выражению профессора В. О. Ключевского, мы начали учиться у наших западных соседей с пушки, а затем уже перешли к другим отраслям знания. Этим объясняется, что история военной школы в первое время возникновения ее у нас почти сливалась с историей русского просвещения вообще»¹.

Заметим, что мнение В. О. Ключевского отнюдь не противоречило мнению А. С. Пушкина. Но даже на исходе века Просвещения многие родители, готовившие своих сыновей к военной стезе в родовых вотчинах, вдали от обеих столиц, искренне считали, что «наука отбивает от дела». Прочности этих убеждений отчасти способствовал и без того укрепившийся престиж России в военных делах. К середине XVIII

столетия от военной репутации шведов не оставалось камня на камне. Прусский король Фридрих II Великий привел в своих Записках показательный исторический анекдот: «Тогдашнее превосходство России заставило шведов послать в Петербург двух сенаторов с предложением шведской короны молодому великому князю, принцу Голштинскому, племяннику императрицы (будущему императору Петру III. — Л. И.). Не могло быть для этой нации ничего более унижительнее отказа великого князя, который нашел эту корону недостойною себя. Маркиз Ботта, в то время австрийский министр в Петербурге, приветствуя великого князя сказал ему: „Я желал бы, чтоб королева, моя повелительница, столь же легко могла сохранять владения, как ваше императорское высочество от них отказываетесь“»².

Сам Петр I был одержим страстью к знаниям, и эту страсть он волевым усилием старался привить своим подданным. К тому же стремились и его преемники, далеко не всегда встречая понимание представителей служилого сословия: последние готовы были проливать кровь и даже положить свой живот за государей, но отягощать свой ум науками считали для себя вовсе не обязательным: «большинство дворян почти ничего не читало; иные думали даже, что слишком прилежное чтение книг, в том числе и Библии, сводит человека с ума». По этой причине в начале царствования императрицы Анны Иоанновны, которая и сама не производила впечатления охотницы до знаний, был издан указ от 23 ноября 1731 года, постановлявший «впредь <...> безграмотных из солдат и капралов в унтер-офицеры, а из унтер-офицеров, которые не умеющие же грамоте, в обер-офицеры не производить, дабы который по обучению грамотному попечение имел неленостное»³. Однако многие дворяне противостояли «книжной премудрости» даже спустя три царствования: вспомним персонажа знаменитой комедии Д. И. Фонвизина, утверждавшего, что «от чтения книг бывают приливы к голове и впадение в совершенно дураческое состояние». Впрочем, при Екатерине Великой это была уже сатира, а не горестная констатация фактов. Но даже в те годы просвещенный вельможа граф С. Р. Воронцов, посланник в Лондоне, сообщая об успехах своего сына, счел нужным успокоить родственников: «...Он очень любит читать: между тем все это ничуть не вредит его здоровью, потому что он беспрестанно бывает на открытом воздухе и каждый день ездит верхом, что много укрепляет его телосложение». Согласно документам и в 1812 году 52 процента офицерского корпуса недалеко ушли от образовательного минимума, обозначенного в указе от

1731 года: знания почти половины офицеров Российской императорской армии определялись формулировкой «читать и писать умеет». Несмотря на многочисленные призывы, раздававшиеся с высоты трона, родители не спешили отправлять своих сыновей в столичные учебные заведения. В то же время большинство мелкопоместных дворян не располагали денежными средствами, необходимыми для образования детей «на местах». При наличии денег они сталкивались с другой проблемой: образовательных учреждений в их «медвежьих углах» не существовало, не было там и подходящих учителей. Для многих потомственных дворян путь к знаниям был поистине тернистым. «Учить мальчиков начинали обыкновенно лет с семи, но иногда и с пяти, и даже с четырех; первоначально учением заведовал или кто-нибудь из домашних или дядька крепостной; тут дальше грамоты не шло, иногда и на нее употреблялось времени до двух лет; обыкновенно, с множеством всевозможных праздников, в году было едва ли более ста учебных дней; затем нанимали какого-нибудь священника, дьячка или пономаря, иногда, наконец, отдавали в женский монастырь; тут учили детей сначала еще тоже по букварю, потом по „Псалтыри“ и „Часослову“, начинали и писать — у иных учителей сначала мелом на обожженной дощечке, а потом уже на бумаге; некоторые учились и церковному пению; случалось, что дети же должны были исполнять для своего учителя разные мелкие поручения — ловить рыбу, собирать ягоды, грибы и т. п. <...> Но у духовных можно было выучиться обыкновенно только грамоте: <...> то есть не только геометрии, геодезии и фортификации, но даже арифметики не преподавалось. <...> Разных пансионеров по городам, которые завелись позже в довольно большом числе, тогда еще не было вовсе, и добыть учителя было очень нелегко; найти возможность учиться арифметике, геометрии и черчению у какого-нибудь артиллерии штык-юнкера, гарнизонного школьника (то есть ученика гарнизонной школы) было уже удачей, хотя часто они учили без всяких объяснений правил, не могли растолковать ученику ни одной задачи, так что ученик писал наугад разные цифры и робко подавал свое писание. А тогда такой учитель осыпал ребенка бранью, стирал с доски его цифры, ставил свои и приказывал переписать это в тетрадь, которая показывалась отцу и т. п.; более достаточные нанимали какого-нибудь отставного поручика»⁴.

Вот что сообщал о своем наставнике и его методах преподавания А. Т. Болотов: «...Начал я час от часу далее и с множайшим прилежанием продолжать свою науку. <...> Во все продолжение сего похода отводима была обыкновенно мне с учителем моим немцем особливая квартира, ибо

как я учиться у него беспрерывно продолжал, то дабы нам никто в том не мешал и приказано было квартирмейстру назначить нам всегда особую избу. По обыкновению сему получили мы и в сем городе особый домик. Тут учась однажды после обеда, чем-то таким не угодил я своему учителю. <...> Человек он был мудреного нрава и не угодить ему всего легче и скорее и всем было можно, и нередко за самую безделицу и ничего не стоящее дело не только сердился, бранился и ярился несколько часов сряду, но и бивал и секал меня немилосердным иногда образом, и чрез то произвел то, что я его не столько любил, сколько боялся и страшился»⁵. Читая это бесхитростное, шутовское повествование, не перестаешь удивляться долготерпению и крепким нервам воспитуемых, которых педагогические приемы наставников, казалось бы, раз и навсегда должны были отвлечь от учебы. Так, однажды наставник Андрея Болотова «возъярился еще более и желая умышленно нанести мне более страха и боязни, схватил стоявшее тут у стены по случаю ружье, зарядил оное и сбирался выстрелить в окно на улицу, ведая, что мне стрельба всего была страшнее. <...> Действие страха и боязни столь близкой стрельбы до того меня довело, что вскочил, упал ему в ноги и со слезами просил лучше меня сколько угодно ему высечь, но только не стрелять. Но упряма сего ни слезы, ни обнимания его ног, ни все жалостные умаливания не могли тронуть, но он выстрелил и находил удовольствие в том, что я на смерть перестращался»⁶. По-видимому, сам факт наличия преподавателя был такой редкостью и удачей в дворянских семьях, что малолетний ребенок не смел даже пожаловаться на учителя-изувера отцу, перед которым его мучитель трепетал и благоговел не менее, чем его воспитанник перед ним. «Перед приближением нового года, — продолжал свой рассказ А. Т. Болотов, — вздумалось учителю моему сочинить поздравительное письмо родителю моему от имени моего с новым годом, и заставил его меня переписать на белой бумаге с золотым обрезом. В работе сей упражнялся я несколько времени, ибо становил всякое слово с превеликою осторожностью и боязнью, чтоб не испортить. Бумага сия была почитаема властно как некою святостию, и я трепетал, писавши оную, и ныне весьма дорого заплатил, если бы кто мог отыскать мне оную. Я надселся со смеха тогдашнему моему писанию, а не столько писанию, сколько русскому переводу, который вздумалось учителю моему приобщить на другой странице, и который, как теперь помню, был наиглупейший и вздорнейший и содержал такую нескладную галиматью, чтоб тому довольно нахохотаться было не можно. Но, к сожалению, время похитило у меня сию грамоту и монумент глупости моего учителя. Кроме

сего продолжал я учиться арифметике, и около сего времени был уже далек в оной, ибо за понятием моим не было ни малейшей остановки. Я понимал все хорошо и довольно скоро, а не доставало только порядка в учении и хорошего учителя»⁷. Особо следует отметить, что Болотов, будучи на 8–10 лет старше Кутузова, постигал начала наук в городе Пскове, где в то время служил его отец. Кстати, многие отцы семейств, используя дружбу или служебное положение, находили наставников своим детям в ближайшем окружении. М. И. Кутузов, как и А. Т. Болотов, имел большую склонность к знаниям, приобретая их в более благоприятных условиях: «В свободное время от службы Илларион Матвеевич <...> неусыпно занимался воспитанием сына: сам обучал его»⁸. Этот случай также нельзя признать исключительным: родители на протяжении XVIII века нередко брали на себя функции педагогов, не задумываясь над тем, как далеко простирались их собственные знания. Так, генерал Я. О. Отрощенко, чьи детство и юность пришлись на конец того же столетия, вспоминал: «В то время мало еще было таких людей, которые понимали, что познание наук молодому человеку необходимо; для них достаточно казалось и того, если он умеет читать и писать; чтение церковных книг было изучаемо рачительно; чтение в церкви Апостола составляло уже половину учености, а сочинить просьбу в суд — крайний предел образования. <...> В арифметике я далее умножения и сложения не знал ничего. Об иностранных языках я не имел никакого понятия, кроме польской азбуки, которую преподавал мне отец»⁹. А знание иностранных языков для военных было особенно важным, так как в XVIII столетии сочинений по военному делу на русском языке просто не существовало; офицер, вознамерившийся заняться самообразованием, прежде всего должен был освоить немецкий и французский языки. У Иллариона Матвеевича в этом вопросе было несомненное преимущество перед другими отцами семейств: он был выпускником Инженерной школы и убедил своего сына в необходимости «правильного» военного образования. Здесь уместно обратить внимание на важный факт биографии будущего победителя Наполеона: М. И. Кутузов, если можно так выразиться, был «потомственным интеллектуалом». Действительно, многие историки констатировали его отличные достижения в учебе, что не было случайностью, следствием одних только природных дарований. Вопреки распространенным в те годы заблуждениям отец не только привил сыну непреходящую любовь к знаниям, но и сумел убедить его в необходимости начать службу в «казенном заведении», что игнорировалось многими родителями. Тот, кто знаком с системой военного образования в

середине XVIII века, не может не признать, что такое явление, как отец и сын, окончившие одно и то же учебное заведение, — явление довольно редкое.

17 апреля 1759 года генерал-полковник И. М. Кутузов обратился с прошением на имя блистательного вельможи елизаветинского царствования генерал-фельдцейхмейстера графа П. И. Шувалова: «Имею я сына Михайла одиннадцати лет, который на первой указанный срок, имея тогда от роду седьмой год, Правительствующего Сената в герольдмейстерской конторе явлен, от которой для обучения российской грамоте отпущен в дом по 760 год до июля месяца. Того времени обучался сверх российской грамоте, немецкого языка с основанием, по-французски, хотя несовершенно, говорит и переводит и в латинском грамматикой оканчивает и переводить зачал. Також арифметики и геометрии и фортификации один манер прочертил. И несколько рисовать, також истории, географии и которых наук, что принадлежат до артиллерии, яко то в арифметике, геометрии и фортификации. По прошению моему, а по ордеру Его Превосходительства от фортификации генерал-майора Муравьева, оной сын мой чрез инженер-капитан-поручика Шалыгина и освидетельствован. И как оный сын мой ревностное желание и охоту имеет служить Ея Императорскому Величеству *в артиллерийском корпусе* (выделено мной. — Л. И.), того ради Ваше Высокографское сиятельство всепокорнейше прошу, дабы повелено было означенного сына моего по желанию определить в артиллерийский корпус, а для обучения артиллерии и окончания наук отдать мне»¹⁰.

Биограф полководца Ю. Н. Гуляев справедливо указывал на неточность, связанную со временем пребывания М. И. Кутузова в Соединенной артиллерийской и инженерной школе, ссылаясь в качестве наиболее показательного примера на монографию П. А. Жилина¹¹, в которой сообщалось, что Кутузов начал обучение в 1757 году и досрочно завершил его в 1759-м. Однако приведенный выше документ (обнаруженный Ю. Н. Гуляевым) из архива Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи убедительно свидетельствует, что в 1759 году будущий полководец только был зачислен в учебное заведение. Но прошение на имя графа П. И. Шувалова, сняв один вопрос, способствует возникновению нескольких других. Почему отец, сообщив «о ревностном желании и охоте» своего сына служить в артиллерийском корпусе, тут же забирает его к себе «для окончания наук»? Более того, сам граф П. И. Шувалов, после «освидетельствования в науках» малолетнего

Кутузова, не только не возражает против продолжительного отпуска, но даже распоряжается о его поощрении в ордере Артиллерийской и инженерной школы № 1230 от 31 июля 1759 года: «По требованию моему сего июля 21 дня присланным мне из Правительствующего Сената указом велено недорослей: статского советника сына Якова Нартова, инженер-полковника сына Михайлу Кутузова <...> определить в Артиллерийскую школу. Того ради Артиллерийская школа имеет объявленных недорослей в ученики причислить и ведать, что данным от меня артиллерии господину и генерал-лейтенанту кавалеру Глебову ордером велено их для поощрения к наукам написать капралами, и ежели пожелают, для обучения артиллерийской науки на своем коште в отпуск в дом, то с данными пашпортами отпустить по ево рассмотрению».

Отметим, что учить детей дома «дозволялось только тем, которые имели определенное количество душ (не менее 200. — Л. И.) и которые поэтому считались в состоянии нанять учителей, и тем, дети которых обнаруживали особенно хорошие познания; но все-таки и для учившихся дома детей обязательны были явки на смотры к лицам администрации, смотря по месту жительства — в Сенат или к губернаторам-воеводам — в 7, 12, 16 и, наконец, 20 лет — для определения на службу; в первую явку дети только записывались; затем было определено, чему должно научиться между каждыми двумя явками, и следующую домашнюю отсрочку получали только те, которые на смотре удовлетворяли узаконенным требованиям; за уклонение же от учения и смотров грозила каторжная работа или ссылка в Оренбург; были даже и случаи применения этих наказаний»¹². Вероятно, у графа Шувалова не возникало сомнений в отношении успехов домашнего образования «недоросля из дворян» Михайлы Голенищева-Кутузова: согласно апрельскому прошению его отца мальчика привезли на экзамен на год и три месяца ранее положенного срока: «отпущен в дом по 760 год до июля месяца». По-видимому, Илларион Матвеевич ненадолго уехал с сыном к месту своей службы в Ригу, но уже 26 июня того же года генерал-фельдцейхмейстер граф П. И. Шувалов назначил инженер-полковника И. М. Голенищева-Кутузова в Канцелярию Главной артиллерии и фортификации в Петербурге. В сентябре того же года в столицу перебралась из Риги вся семья, в дом, приобретенный главой семейства на Московской стороне, на 3-й Артиллерийской линии. 10 декабря 1759 года граф П. И. Шувалов отдает очередной приказ или ордер по Артиллерийской и инженерной школе: «По представлению оной школы, артиллерии каптенармус Михаил Кутузов за его особенную прилежность и в языках, и математике знание, а паче что

принадлежит до инженера имеет склонность, в поощрение прочим, сего числа произведен мною в инженерный корпус первого класса кондуктором; о чем Артиллерийская и Инженерная школа будучи известна, имеет ему, Кутузову, сей кондукторский чин объявля, в верности службы привести к присяге и оставить по прежнему при школе, к вспоможению офицерам для обучения прочих; а о том же от меня гг. артиллерийскому и инженерному генералитету ординовано и о учинении оклада жалованья в Канцелярию Главной артиллерии и фортификации предложено». Обратим внимание на разницу в содержании двух вышеприведенных документов: согласно апрельскому прошению отца Кутузов-сын имел «ревностное желание и охоту» служить по артиллерийской части, а к декабрю он уже «паче что принадлежит до инженера имеет склонность». По-видимому, Илларион Матвеевич к тому времени передал сыну знания, которые он имел как выпускник Инженерной школы до слияния ее с Артиллерийской. Для обучения артиллерийскому делу он намеревался нанять подходящего преподавателя, но не успел, вернувшись в Петербург на два года раньше, чем предполагал, поэтому Кутузов-младший сдал экзамен за курс обучения в Инженерной школе. В любом случае 1759 год закончился для 14-летнего Михайлы Голенищева-Кутузова более чем успешно. Для того чтобы в этом убедиться и подвести итог «документальной хронике» этого периода, обратимся к истории учебного заведения, где началась действительная служба полководца.

...Петр Великий, вернувшись из путешествия по Европе, решил не откладывать в «дальний ящик» создание образовательных заведений для юношества. В 1701 году в Москве была основана Школа математических и навигацких наук; в течение пятнадцати лет в ней получали образование не только морские офицеры, но и геодезисты, инженеры, артиллеристы. Царь считал, что учеников можно набирать и в излишестве, невзирая на наличие вакантных мест. Конечно, специальных познаний будущие артиллеристы и инженеры отсюда вынести не могли, так как обучали их здесь только математике, тригонометрии и черчению, а остальные сведения они должны были приобретать практическим путем по месту службы. Сознавая несовершенство этой системы, 16 января 1712 года Петр I издал указ об учреждении в Москве Инженерной школы, в которую предполагалось набрать до 150 учеников, причем две трети из них должны были состоять из дворян. Но охотников учиться не хватало: в конце 1713 года в школе было всего 23 ученика. Сенат издал указ Военной канцелярии набрать еще 77 учеников из всяких чинов людей, «также из царедворцовых детей, за которыми до 50 дворов», чтобы они прилежно обучались инженерной

науке¹³. По-видимому, и эта мера не дала желаемых плодов. В 1719 году в новой столице Санкт-Петербурге была учреждена Инженерная рота, куда были переведены все наличные ученики, считавшиеся рядовыми до получения инженерных знаний. С 1722 года рота стала называться Инженерной школой, где обучали не только арифметике, геометрии и тригонометрии, но и фортификации, а затем и гидравлике. Предписывалось, «кроме бумаги, на земле практиковать малыми модельми» (моделями. — Л. И.). Учения в школе проводил лично генерал-майор де-Кулон. Учебников же, судя по всему, не было. Среди 94 учеников, проэкзаменованных самим де-Кулоном, только 49 были признаны достойными получать жалованье. Обратим внимание на сведения, имеющие для нас особую важность, в связи с биографией нашего героя. Ученики, успешно освоившие курс наук, выносили из школы довольно значительный объем знаний, а те из них, кто с успехом закончил курс наук, получали звание кондуктора в инженерной команде. Таким образом, ордер графа П. И. Шувалова от 10 декабря 1759 года подтверждает тот факт, что 14-летний Михаила Кутузов успешно овладел «обязательной программой» обучения. Если потом кондукторы продолжали образование на практике, то достигнув успехов, они производились в первый офицерский чин — инженерные прапорщики, а «если же ничему большему не научатся, то так и останутся кондукторами»¹⁴, то есть «инженерными вспомогателями» офицерам. Многим дворянским детям наука давалась нелегко. После смерти Петра I сразу же нашлись ученики, которые явились в Военную коллегию с просьбой «отбыть от науки» под предлогом «беспамятства и непонятности». Но их надежды на легкую жизнь были безжалостно разбиты: Канцелярия Военной коллегии возвратила их в школу с требованием к начальству «обучать их с прилежанием» и посылать в Военную коллегию ежемесячные отчеты. Нерадивых учеников отчисляли из школы для укомплектования Минерной роты: в их число попали даже князь Матвей Голицын и князь Ефим Мещерский¹⁵. При существовавших условиях, когда по достижении чина кондуктора следовало самим добывать специальные знания, школа готовила помощников для иностранных инженеров: выпускникам зачастую открывалась перспектива остаться «вечным кондуктором». При Анне Иоанновне стараниями графа Бурхарда Кристофа Миниха, «постигшего дух Петров», был принят проект кадетского корпуса, который должен был готовить русских офицеров для инженерной службы. По окончании этого корпуса кадеты выпускались не только прапорщиками, но подпоручиками и даже поручиками. Таким

образом, «кондукторское училище» было преобразовано в корпус. Причем Миних сам часто экзаменовал поступивших в школу недорослей, рассматривал чертежи, задавал вопросы и даже требовал красоты отделки чертежей. Однако получить офицерский чин по-прежнему было непросто: кондукторов разделили на три класса. По окончании курса школы ученики выпускались кондукторами 3-го класса, затем до получения чина инженер-прапорщика служили в чине кондукторов 2-го и 3-го классов, то есть срок мытарств по добыванию специальных знаний и опыта увеличивался. В 1733 году школа помещалась на Петербургском острове, на Инженерном дворе. В 1738 году число учеников ее увеличилось до 150 человек. Правда, 50 из них были вскоре переведены в Москву, во вновь учрежденную там Инженерную школу.

Указ 11 февраля 1737 года установил определенные сроки для сдачи экзаменов. Анна Иоанновна хотела, чтобы на экзаменах непременно присутствовали бы по очереди сенаторы, на что генерал-аншеф Чернышев однажды резонно возразил, что будет там совершенно бесполезен, «подобно прочим сенаторам за необучением другим наукам, кроме военной экзерциции». В конце концов в роли экзаменатора окончательно утвердился Миних. Илларион Матвеевич Голенищев-Кутузов поступил в Инженерную школу как раз в этот непростой период и обучался в ней с 1733 по 1737 год, испытав на себе все строгости графа Миниха, которые, безусловно, пошли ему на пользу. Во-первых, через четыре года он стал подпоручиком, не замкнувшись на кондукторском поприще. Во-вторых, он сам сумел с успехом обучить своего сына «на дому». Вероятно, была веская причина, по которой Илларион Матвеевич сразу взял сына «на свой кошт» до окончания курса наук: зная нравы многих воспитанников Инженерной школы, отец мог опасаться их пагубного влияния на своего сына. Так, автор «Исторического очерка 2-го кадетского корпуса» сообщал: «В Артиллерийской и Инженерной школах начальство требовало от воспитанников добросовестного отношения к учебным обязанностям, как к службе, но затем нисколько не интересовалось их нравственным образом, совсем не обращая внимания на то, как они проводят свободное от занятий время; должно было только избегать скандалов, а затем можно было пить и вести компанию с кем угодно. Воспитание учеников не входило в программу»¹⁶. Причем даже Военная коллегия не слишком смущалась фактом пьянства среди учеников. Довольно распространенной была практика, когда старшие ученики осуществляли надзор и обучение младших. В этом случае наставники самовольно отпускали учеников, чтобы самим заняться своими делами. Были случаи истязания младших

учеников старшими. Так, в том же 1737 году кондуктор Минау, славившийся к тому же частыми посещениями кабака и пьяными драками, засек «по своему усмотрению» двух младших учеников, братьев Савельевых, за жалобу на него их отцу до такой степени, что несчастные едва добрались до дому и слегли в постель. За этот жестокий поступок «педагог» был отдан под военный суд. Жениться ученикам запрещалось под страхом трехлетней каторжной работы, но были случаи, когда и это правило нарушалось¹⁷.

Отметим, что все описанные выше случаи происходили как раз в те годы, когда в Инженерной школе обучался отец полководца. Обладая ясным умом и проницательностью, Илларион Матвеевич заметил в своем сыне недюжинные способности: мальчик схватывал все на лету и был в состоянии за короткий срок «переварить» огромный объем знаний, поэтому с ним нужно было заниматься индивидуально, не оставляя ему времени для праздности и досуга, которые неизбежно возникли бы, если бы он находился в корпусе среди менее способных учеников. Вместе с тем Михаил не отличался кротостью. «С наружной красотой юноша соединял отважность, смелость, предприимчивость; имел нрав веселый, пылкий <... > резвостию и насмешками оскорбляя кого, тотчас впадал в задумчивость: черта доброго, чувствительного сердца, — рассуждал Д. Н. Бантыш-Каменский. — Любимым также занятием его, особливо, когда не имел он случая разговаривать, был сон. Странное смешение огненного чувства с беззаботной негой!»¹⁸ Как видим, пресловутая «сонливость» сопровождала Михаила Илларионовичу с детства, что, по-видимому, являлось естественной реакцией организма на интенсивную умственную деятельность. Он держал в памяти множество имен, без труда предвидел ход событий, «прокручивая» в голове всевозможные варианты выхода из сложных ситуаций, после чего давал себе отдых, погружаясь в сон. Впоследствии его будут упрекать в том, что он спал на военном совете перед Аустерлицем в 1805 году и в тарутинском лагере в 1812-м. Как известно, способности людей не одинаковы: одному потребуется час времени на то, чтобы освоить знания или принять решение там, где иной затратит на это годы, так и не добившись успеха, а напряженное бодрствование не всегда является спутником аналитического склада ума! Притом что интенсивная умственная деятельность, на пике которой Кутузов находился до конца своих дней, является более затратной для организма, чем физическая активность. Так, один из первых биографов полководца отмечал: «Хотя природа снабдила его отлично дарованиями и

способностями; однако тщательное и строгое воспитание, образовав оные, соделало его способным в продолжении пятидесяти лет к ревностному отправлению различных должностей, обративших на него внимание и милости Государей. В юношестве своем он приобрел основательные познания в математических и артиллерийских науках, в инженерном деле; хорошо разумел российский, немецкий и французский языки; кроме сего он имел обширные сведения в политике и дипломатике. Сим наукам посвящал он не только лета юности, но даже и свободные часы от службы своей и в старости, при разнообразных занятиях и важных упражнениях»¹⁹.

Итак, в 1759 году, на исходе царствования императрицы Елизаветы Петровны, Михаил Голенищев-Кутузов, приняв присягу, поступил на службу в Соединенную артиллерийскую (существовала с 1731 года) и инженерную дворянскую школу. Слияние двух школ в одно учебное заведение произошло 22 августа 1758 года по инициативе графа П. И. Шувалова. Именно в то время, по мнению историков, туда «проник воспитательный элемент». Граф Шувалов разработал и представил императрице проект преобразований, изложив в нем «твердые начала», которых следовало придерживаться в корпусе: «1) учреждением воспитательного учебного заведения удалить и охранить молодых людей, готовящихся занять офицерские должности в войсках, от пагубного столкновения и влияния малообразованной и малонравственной среды <...> 2) уделить потребное время для общего умственного развития и образования воспитанников <...> избрав предметами обучения для этих классов такие науки, которые <...> послужили бы способом к надлежащему изучению наук как военных, так и точных, прикладных наук; 3) дать потребное время и средства для приобретения молодыми офицерами надлежащей степени образования во всем его объеме и видах; 4) распространением в армии образованных офицеров не только способствовать неуклонному совершенствованию военного дела в наших войсках, но и вознаградить потребные на образование офицеров издержки»²⁰, то есть снабдить учебное заведение достойными надзирателями и учителями с «достаточным вознаграждением». В качестве верного средства добиться успеха в воспитании благородного юношества граф П. И. Шувалов предлагал «полное и сердечное участие самого генерал-фельдцейхмейстера (то есть его, графа П. И. Шувалова. — Л. И.) во всем касающемся внутреннего порядка в заведении». Учащимся предписывалось выглядеть опрятно и не ходить «на народные гуляния под горы». По плану графа Шувалова предполагалось «корпусу состоять из

низших кадетских классов, и высшего класса кадетских наук, и кадет выпускать на службу офицерами, а при каждой кадетской роте содержать и обучать солдатских детей, для пополнения ими унтер-офицерских, кондукторских или мастерских должностей»²¹.

В корпусе должно было обучаться штатное число воспитанников — 272 человека (четыре роты, одна из них бомбардирская). В каждой роте была по 60 кадет и 8 капралов. Штатные воспитанники получали обмундирование, амуницию и питание за счет казны. В корпус принимались только сыновья русских и остзейских дворян, иностранцев же зачисляли в корпус в том случае, если они готовы были вступить в российское «вечное подданство». Сверхкомплектные ученики, в числе которых находился и М. И. Кутузов, допускались в корпус только на своем собственном коште («не определять сверх комплекта тех, кто не мог за недостатком себя содержать»); таких было в Соединенной школе всего 40 человек, а экзаменовать их должны были по одному артиллерийскому и одному инженерному генералу. Как мы видели, наш герой не долго ел отцовский хлеб: Кутузов поступил в корпус сразу на унтер-офицерскую должность с назначением жалованья. Воспитанники корпуса могли занимать вакантные унтер-офицерские должности, но без права выпуска офицерами, не окончив высшего военного класса и «вообще не пробыв в корпусе пяти, а в военном классе двух лет»²².

Кадет обучали наукам, распределенным на три отдела: 1) французскому и немецкому языкам, истории и географии, механике твердых тел, гидравлике и аэрометрии, архитектуре гражданской, географии математической, химии, основаниям экспериментальной физики, натуральной истории, военным экзерцициям, танцам, фехтованию, верховой езде; 2) арифметике и низшей алгебре, геометрии начальной и высшей, свойствам трех сечений конуса и «прочему до сего относящемуся»; 3) артиллерии, фортификации, фейерверчному искусству, рисованию и черчению. На умение «пускать фейерверки» традиционно обращалось особое внимание. Так, в истории этого учебного заведения сказано: «<...> занятие это имело педагогическое значение для будущих военных XVIII столетия. Вот как его определил сам Петр I в разговоре с прусским министром бароном Мардефельдом: „Я довольно знаю, что меня в рассуждении частых моих фейерверков почитают расточительным; известно мне также, что они стоят мне, в сравнении издержек на фейерверки при чужестранном дворе, весьма дешево, и теперешний, который вы ценили в 20000 рублей, не стоит 5000; а хотя бы и стоил

гораздо дороже, однако ж оный почитаю я у себя весьма нужным, ибо чрез увеселительные огни могу приучить своих подданных к военному пламени, и их в оном упражнять; поелику я приметил из опыта, что тем менее страшимся военного пламени, чем более привыкнем обходиться с увеселительными огнями“»²³.

Для обучения экзерцициям полагалось выезжать в «пространное место, которое в городе сыскать не можно», поэтому на два месяца выезжали в лагерь, оставив на время все прочие науки и «производя одни только экзерциции». Экзерциции были сложные: конная и пешая, солдатская и унтер-офицерская, «особливо маршировать вперед, вбок, накось и назад тихо, посредственно и скоро». Следовало научиться «без замешания и проворно наполнить во фронте места, упалые во время сражения», «различие знать барабанных боев» и т. д. Выпускники корпуса непременно должны были освоить «художество воинское», под которым понималось: «каким образом офицеру во всяком фронте обращаться; как в роте и в полку повеления давать, как стрельбу производить; <...> всему, что в военном уставе предписывается»; «во что солдат, полк, рота становятся содержанием; в какие сроки получают вещи мундирные и амуничные, как оные вещи раздаются и употребляются <...> и при жаловании, какие у кого вычеты чинятся». Кроме «художества воинского» существовала в программе обучения и «наука военная»: «как всякий фронт устроить, зачав от фронта ефрейтора даже до фронта полкового, и как в оном поступать; <...> как маршировать, где какое прикрытие употреблять, каким образом с конвоями и деташментами поступать, как лагерем становиться и его укреплять и что при том примечать надлежит»²⁴. Но и это было далеко не все, что требовалось офицеру, которому, по мысли графа П. И. Шувалова, предписывалось «читать всех военных авторов и делать на них рефlekцы; рассуждать о всех знатных баталиях и акциях, и рассуждать те погрешности, от чего они потеряны, и те случаи примечать, чем выиграны, рассуждать же о настоящих политических делах в Европе и о военных силах других держав»²⁵.

Проект генерал-фельдцейхмейстера подчеркивал значение географии и истории, впервые введенных в число наук, преподававшихся кадетам: «Знание гистории и географии политической нужно всякому, а необходимо дворянину, к военной службе приуготовляющемуся; гистория, открыв завесу древности, представит великих героев и полководцев; там увидит он лакедемонянина, сопротивляющегося с малым числом людей бесчисленной Ксерксовой силе, увидит побеждающего Павзания, представится ему

мудрое и осторожное предводительство Ксенофонтово, увидит Александра с малым числом великие войски гонящего, и наконец, увидит великих римлян, вселенную в трепет приводящих; напоследок представятся ему восходящие и разоряющиеся царства, поверженные области и новые из них рождающиеся; все сие молодой человек, собрав в мыслях своих, несравненную пользу получить себе может; он, разбирая характер Сарданапалов, гнушается роскошному и сластолюбивому житью, а гнушаяся оному, самой роскоши и сластолюбию гнушается; удивляясь мужеству Леонидову, завидует ему, а мысли к подражанию склоняются <...>». Граф Шувалов был уверен, что история «больше в сердце молодого человека добродетелей вливает, нежели наистрожайшее нравоучение, а сколько подает военному служащему пользы, того и описать не можно <...>», а «география политическая научает молодого человека: разделение земель, положение их, образ правления, показывает границы соседства, описывает корабельные пристанища, реки, озера и прочее, и тако возможно ли сомневаться, что знание сего офицеру нужно»²⁶.

Стремясь «с сердечным участием» обеспечить будущих офицеров-дворян знаниями, развивать их кругозор и прививать нравственные начала, сам граф Петр Иванович Шувалов отнюдь не являлся образцом добродетелей. Он выдвинулся на высшие должности благодаря счастливому стечению обстоятельств: его жена Мавра Егоровна, урожденная Шепелева, пользовалась особой доверенностью императрицы Елизаветы Петровны. За период с ее вступления на престол и до 1748 года граф Шувалов прошел путь от первого придворного чина камер-юнкера до генерал-лейтенанта, получив высшие ордена Российской империи, значительные земельные пожалования, графский титул и должность генерал-адъютанта, но всегда, по словам Д. Н. Бантыш-Каменского, «желал большего и приступил к исполнению обдуманного плана». В числе придворных любимцев состоял тогда Бекетов, молодой человек красивой наружности, который по выпуске из кадетского корпуса в один год был произведен в полковники и стал генерал-адъютантом графа А. Г. Разумовского. Шувалов опасался, как бы со временем новый баловень фортуны не взял над ним перевеса. По этой причине он «вкрался в сердце неопытного юноши, выхвалял красоту его, чрезвычайную белизну лица и для сохранения на нем всегдашней свежести дал Бекетову притиранье, которое навело угри и сыпь. Тогда графиня Мавра Егоровна присоветовала Императрице удалить Бекетова от Двора, как человека зазорного поведения». Место Бекетова заступил Иван Иванович Шувалов, брат графа Петра. «В то время, как Иван Иванович, оставляя в покое зависть, не

помышлял о приобретении богатства и наград», граф Петр Шувалов в полной мере реализовал свои возможности брата фаворита. Он стал кавалером ордена Святого Андрея Первозванного, «получил достоинство» генерал-фельдцейхмейстера, был пожалован конференц-министром, распорядителем «деланных вновь по его проекту медных денег», которые он имел право раздавать под проценты дворянам и купцам, управлял Артиллерийской и Оружейной канцеляриями, по важным делам присутствовал в Правительствующем сенате, исходатайствовал себе лучшие горноблагодатские казенные железные заводы и монополизировал поставку вин в Санкт-Петербург. Дело дошло до того, что князь Я. П. Шаховской однажды в присутствии брата Ивана Ивановича обратился к нему с предложением: «Ваше сиятельство! Теперь вы уже довольно богаты и имеете большие доходы, а я, при всех высоких титулах своих, и не мыслил еще о каких-либо приобретениях! Дадим в присутствии Его Превосходительства честное слово друг другу: отныне впредь не заниматься более увеличением нашего достояния, не следовать влечению страстей своих, отступая от обязанностей и справедливости, но идти прямым путем, куда долг, честь и общая польза сограждан будет нас призывать. Тогда только я соглашусь носить имя вернейшего друга Вашего»²⁷. Типичная картина для «безумного и мудрого столетия»: ненавидеть пороки и являться их носителем, твердо знать, где находится добродетель, и двигаться к ней окольными путями, сочетать крайнюю форму стяжательства и честолюбия с готовностью сложить голову за царя и отечество. Вспомним верного сподвижника Петра I, «полудержавного властелина» Александра Даниловича Меншикова! В поведении российских вельмож была своя логика: чем богаче и сановитее они были, тем громче звучал их голос у трона, тем решительнее они брались за решение государственных проблем. Впрочем, придворный образ жизни, налагая определенные обязательства, некоторым образом провоцировал «больших вельмож» к корысти и стяжательству. По словам блестящего знатока эпохи Е. В. Анисимова, «столичное дворянство было обязано украшать дома французской мебелью, картинами, иметь великолепный выезд, массу лакеев, поваров и содержать „открытый стол“, чтобы <...> быть в состоянии угостить внезапно нагрянувшую императрицу с огромной свитой так, как если бы приготовления к приему велись загодя»²⁸. Так, канцлер М. И. Воронцов сокрушенно писал Елизавете Петровне: «... принужден был покупать и строить дворы, заводить себя людьми и экипажем и для бывших многих торжеств и праздников ливреи, платья

богатые, иллюминации и трактаменты делать»²⁹. Но, обращаясь к графу Шувалову, князь Шаховской, вероятно, был уверен, что его слова найдут отклик в сердце друга, потому что в сознании людей присутствовал нравственный идеал, к которому следовало стремиться. В связи с этим Е. В. Анисимов приводит мнение Г. А. Гуковского, автора «Очерков по истории русской литературы XVIII века»: «Тип, образ идеального человека „создавался как бы вне своей жизни, как идеальный облик бытового сознания дворянина, правомерно занимавшего высокое место в сословной лестнице и претендующего на самостоятельность“»³⁰. В конце концов, все они начинали учиться с Псалтыри и Часослова. В исходе жизни, на одре болезни, выпустив из своих рук бразды власти, граф Петр Шувалов окружил себя духовенством и искал утешения в религии. По словам того же историка, вельможа, воспетый М. В. Ломоносовым, действительно оказал немалые услуги Отечеству: «Анализ многолетней деятельности Петра Шувалова позволяет отметить присущее ему и довольно редкое у его современников качество — чувство нового. В сочетании с честолюбием, энергией, властной уверенностью в правоте (а иногда и в безнаказанности) это свойство ума и характера выдвигало Петра Шувалова из среды его коллег по Сенату, предпочитавших по словам Я. П. Шаховского, „ставить парусы по ветру“, избегать всякой инициативы и — как следствие этого — ответственности. Шувалов действовал иначе. После смерти Петра Великого в России, пожалуй, не было другого государственного деятеля, который бы подобно Петру Шувалову так живо откликался на всякое предложение, новую идею и поощрял на этом пути своих подчиненных»³¹. Достаточно вспомнить о Соединенной артиллерийской и инженерной школе и ее выпускнике, Михаиле Илларионовиче Кутузове, в котором ярко воплотились характерные приметы времени...

Курс наук в Артиллерийской и инженерной школе определялся способностями кадет: менее способные заканчивали учение раньше, находя себе соответствующее применение в жизни, а более способные продолжали службу в кадетском корпусе. К последним и принадлежал М. И. Кутузов. В списке преподавателей школы за 1760 год значился «кондуктор 1-го класса Михаила Голенищев-Кутузов, 14 лет»³². При зачислении в корпус он благополучно миновал чины кондукторов 3-го и 2-го классов и теперь уверенно шел к офицерскому чину, сочетая преподавательскую деятельность с получением необходимых для производства знаний. Занимался он, согласно правилу, введенному Шуваловым, по индивидуальному плану, то есть посещал только те занятия и тех учителей,

которые были ему необходимы. Учился он отлично; в формулярном списке за сентябрьскую треть 1760 года отмечено, что «науку артиллерийскую, инженерную нарочито, языки немецкий, французский весьма изрядно знает и обучается с крайним прилежанием»³³. К началу 1761 года юному Кутузову удалось досрочно овладеть полной программой обучения в корпусе: 28 февраля 1761 года после строгого экзамена он получил первый офицерский чин. Аттестат, подписанный директором корпуса, артиллерии обер-кригскомиссаром М. И. Мордвиновым, свидетельствовал, что с 20 октября 1759-го по 28 февраля 1761 года он проходил службу в школе: «науку инженерную и артиллерийскую знает; по-французски и по-немецки говорит и переводит весьма изрядно, по латыни автора понимает, и в истории и географии хорошее начало имеет; состояния доброго и к перемене достоин»³⁴. Выпуск в офицеры на действительную службу ранее положенного срока допускался только в том случае, «разве которые отменное пред другими знание получают», и не иначе как по рассмотрении самого генерал-фельдцейхмейстера. Экзамены в корпусе должны были происходить публично. Кадет, особенно отличившихся на экзаменах, поощряли следующим образом: «Если из таковых к выпуску подлежащих по особливой их пред другими остроте и прилежности предусматрится дальнейшая надежда к знатному просвещению в науках, то имеют таковые еще на несколько времени в классе оставлены быть и, конечно, не менее году или двух, смотря по обстоятельствам, и потом уже выпущены быть с награждением за науку еще одного ранга; буде же из оных кто способнейшим усмотрится по прилежности и наукам в кадетский корпус в офицеры, то и туда их производить»³⁵. В одной из последних биографий сообщается, что М. И. Кутузов, «исключенный из списков Артиллерийской и Инженерной дворянской школы 28 февраля 1761 года, убыл к новому месту службы»³⁶. Однако на соседней же странице говорится, что «по уже упоминавшемуся приказу графа П. И. Шувалова от 28 февраля 1761 года инженер-прапорщик Михайла Голенищев-Кутузов направлен в Инженерный корпус на освободившуюся вакансию вместо Михайлы Можарова, убывшего в Сибирь с секретной экспедицией»³⁷, из чего явствует, что он никуда «не убыл», но как «способнейший по прилежности и наукам» был оставлен служить в корпусе. По-видимому, его не очень-то устраивал такой поворот судьбы: вся его дальнейшая карьера указывала на то, что, получив образование и офицерский чин, он вовсе не хотел заниматься педагогической деятельностью. Он стремился в армию, чтобы стать настоящим солдатом, но, по-видимому, его отец придерживался на

этот счет другого мнения. У Иллариона Матвеевича была своя правда: для юноши шестнадцати лет получить назначение в армию в мирное время — одно дело, другое дело — оказаться там в военную пору.

Биографы Кутузова никогда не обращали внимания на то, что период его пребывания в школе пришелся как раз на те годы, когда в Европе не сходило с языка имя мятежного «бранденбургского курфюрста». Европа переживала одно из самых затяжных и по тем временам жестоких военных потрясений — Семилетнюю войну, зачинщиком которой выступил король Пруссии Фридрих II. Он уже выиграл две войны, отхватив часть «австрийского наследства» — Силезию. На исходе царствования императрицы Елизаветы Петровны Россия оказалась втянутой в масштабный военный конфликт не на своих окраинах, а в самом центре Европы, сражаясь не за насущный выход к морям, а против чрезмерного усиления соседней державы, чтобы, «ослабя короля прусского, сделать его для России не страшным и не заботным»³⁸. Вдохновитель этой инициативы, канцлер А. П. Бестужев-Рюмин, надеясь на «пропорциональные» английские субсидии, «полагал, что все обойдется „весьма легким образом, а именно чужим именем и с подмогой чужих денег“». Возможное столкновение с 200-тысячной прусской армией в глубине Германии казалось ему легким походом, в котором «генералам желанный доставится случай к оказанию своего искусства и своего характера; офицерство радоваться ж будет случаю показать свои заслуги. Солдатство употребится в благородном званию его пристойных упражнениях, в которых они все никогда экзерцированы быть не могут»³⁹. Главнокомандующий русскими войсками фельдмаршал С. Ф. Апраксин отбыл из Петербурга к армии с инструкцией, где говорилось, что армия должна была «такой вид казать», что «королю прусскому сугубая диверсия сделана будет тем, что невозможно узнать, на которое прямо место сия туча собирается»⁴⁰. Но в отличие от России Фридрих ждал войны и готовился к ней. К тому же, несмотря на упорное противостояние русских и прусских войск в битвах при Гросс-Егерсдорфе, Цорндорфе, Кунерсдорфе, он имел в России немало поклонников, в числе которых был наследник Елизаветы Петровны — великий князь Петр Федорович. Прусского короля иронически называли «поставщиком невест» для русского императорского двора: именно он способствовал брачному союзу между наследником престола и Софьей Фредерикой Августой Анхальт-Цербстской, впоследствии Екатериной II. По словам В. А. Бильбасова, в те годы «цербстская княгиня, как и большинство мелких владетельных особ

Германии, боготворила Фридриха II, его глазами смотрела на политические дела и его желания принимала за подлежащие исполнению приказания»⁴¹. «Старый Фриц» или «Фридрих Великий» надолго сделался «властителем дум» многих военных, для которых его стратегия и тактика стали образцом для подражания. Это пристрастие к возмутителю спокойствия в Европе оказывало слишком явное влияние на ход боевых действий: главнокомандующие русскими войсками, предвидя скорую кончину Елизаветы Петровны, действовали в соответствии со сводками о состоянии ее здоровья, соображаясь с настроениями великокняжеской четы. Сторонников Фридриха II среди русского генералитета было гораздо больше, чем приверженцев австрийского союза. При дворе ходил упорный слух, что Россия воюет, как позже выражался в таких случаях Наполеон, «из-за цвета лент»: поговаривали, что против Фридриха настроил обидчивую Елизавету Петровну австрийский посланник граф Брюль рассказами о мнимом неуважении, который тот ей будто бы оказывал. Как бы то ни было, Фридрих стойко оборонялся против возмущенной его вероломством Европы, то впадая в отчаяние на грани самоубийства, то воскресая духом...

Илларион Матвеевич занимал в Петербурге достаточно высокую должность, чтобы быть в курсе событий на театре военных действий и слухов, которые их окружали. Вероятно, состояние здоровья императрицы Елизаветы Петровны также не было для него секретом; к тому же историки утверждают, что Кутузов-старший был отмечен вниманием великой княгини Екатерины Алексеевны и пользовался ее «отличным уважением» до вступления на престол. Она вполне могла принять участие в семейном деле, дав совет побережь юного и даровитого инженер-прапорщика. Она и впоследствии говорила: «Кутузова надобно беречь». 25 декабря 1761 года умерла Елизавета Петровна. Петр III, как и ожидали, немедленно заключил мир с Пруссией, получив от Фридриха II письмо со словами: «Я никогда не в состоянии заплатить за все, чем вам обязан...»

1 марта 1762 года приказом Военной коллегии Инженерного корпуса прапорщик Михаила Голенищев-Кутузов был назначен флигель-адъютантом к генерал-губернатору Петербурга и Ревеля генерал-фельдмаршалу принцу П. А. Гольштейн-Беку, ближайшему родственнику императора Петра III. Принц сам отобрал юного Кутузова, прекрасно владевшего немецким языком, для службы в своем штабе. Петр III намерен был продолжать войну, но уже в союзе с королем Пруссии...

Глава третья

«ПЕРВЫЕ ЛЕТА»

Мы не знаем точно, сколько времени провел Кутузов в Северной столице в дни детства и юности. Но где бы ни родился наш герой, он комфортно чувствовал себя в Петербурге, с детства сжившись с царственным величием этого города. Вид тогдашнего Петербурга сильно отличался от сегодняшнего, привычного для нас: в те времена не было еще ни Нового Эрмитажа, ни здания Адмиралтейства, ни Таврического дворца, ни Михайловского замка, ни Казанского и Исаакиевского соборов, ни арки Генерального штаба, ни Шереметевского дворца на Фонтанке, ни здания Биржи на Васильевском острове... Но «простор меж небом и Невой» завораживал каждого, кто приезжал в новую столицу Российской империи, возникшую по мановению царя-реформатора «на берегу пустынных волн». Если отчий край — Псковщина — напоминал о далеком боевом прошлом, то Санкт-Петербург свидетельствовал о недавних подвигах россиян, которые «стали твердой ногой» на Балтике, преодолев врагов и климат. На глазах Кутузова среди русских снегов как в сказке «расцветали» храмы, дворцы, особняки вельмож, созданные по проектам архитектора В. В. Растрелли. С городом на Неве была связана большая часть жизни Иллариона Матвеевича: неспроста он обзавелся здесь собственным домом, завещанным впоследствии старшему сыну. В Петербурге все говорило о настоящем величии России и о ее крепком положении «в семье европейских народов». Д. И. Фонвизин вспоминал, каким предстал перед ним в юности двор елизаветинской поры: «Признаюсь искренно, что я удивлен был великолепием двора нашей императрицы. Везде сияющее золото, собрание людей в голубых и красных лентах, множество дам прекрасных, наконец, огромная музыка — все сие поражало зрение и слух мой, и дворец казался мне жилищем существа выше смертного». Вероятно, такие же чувства испытал и М. И. Кутузов.

По своей природе Михаил Илларионович не был затворником, впоследствии он всегда тосковал в малонаселенных городах, в которых, по его словам, не было подходящего «сосиетета» (общества). В письме из Киева 29 марта 1803 года он сделал своей супруге неожиданное замечание: «<...> Здесь такая скука, что я не удивляюсь, что многие идут в монахи. Все равно жить, что в монастыре, что здесь в городе»¹. Как и многие его

современники, рано освоившие иностранные языки, Кутузов в совершенстве владел чужестранными изысканными оборотами речи, при этом его русский язык оставался простонародным. Вспомним, что полководец жил в «допушкинское» и даже «докарамзинское» время; в поисках выражений для «утонченных чувств» аристократы середины XVIII века, не задумываясь, переходили на французский или немецкий язык и привычно вплетали слова иностранного происхождения в русскую речь. Кстати, подобное «смешенье языков французского с нижегородским», отмеченное в бессмертной комедии А. С. Грибоедова, было характерно для дворянина и в более поздние времена. Обратившись к письмам знаменитого генерала Н. Н. Раевского, внучатого племянника Г. А. Потёмкина и младшего сослуживца М. И. Кутузова, мы найдем в них потоком льющуюся французскую речь, перемежаемую русскими словами «эфтот» вместо «этот». Или же вдруг вместо фразы «вы меня удивили» Н. Н. Раевский мог заявить: «Вы меня сюрпренировали». Итак, Кутузов любил содержательное и поучительное общение. Как человек, с детства привыкший к чтению и размышлению, он умел сочетать светские развлечения с умственными занятиями, предполагавшими уединение, но уединяться он предпочитал в кабинете, а не в сельской глуши. И не он один. На этот счет существовало мнение, высказанное «умным философом» и воином, знаменитым бельгийским принцем де Линем. Фельдмаршал де Линь, сослуживец М. И. Кутузова в Русско-турецкой войне 1787–1791 годов, был чрезвычайно популярен в аристократических кругах, а перевод его сочинений был издан в России в 1810 году. Запомним авторитетное мнение, которому следовали в то время многие государственные люди: «Представьте себе генерала, придворного вельможу, министра или какого-нибудь дворянина в своем поместье без страстей: он всегда будет посредственным человеком. Если люди не расточают своей чувствительности, которую почти всегда получают с самого младенчества, для детей, для любимой женщины, то становятся жестоки, несправедливы, недоверчивы; они или презирают человечество, или гнушаются им; таковы, например, бывают холостые, не имеющие отечества, удалившиеся от света по склонности или от несчастных обстоятельств. Сии последние лучше соглашаются судить о свете с невыгодной стороны, нежели узнавать его и делать наблюдения. Они не имеют никакого уважения к общему мнению, ибо не знают его, или пренебрегают. Генерал или министр, если он добрый отец или верный любовник, может иногда быть пристрастен, но никогда не будет предубежден. Он иногда может сделать слишком много добра, но никогда

не сделает много зла. Если он несправедлив, то его надобно заманить в общество. Тот, кто убегает общества, вместо исправления, становится злее; он наживает себе врагов, не зная, как и для чего. Он думает, что не имеет никаких слабостей, потому что ни в чем не берет участия. Он считает себя добродетельным, потому что не имеет страстей. <...> Это уединенное от света существо, этот мнимый мудрец нечувствительно становится окаменелым. Окаменелость сердца сообщается потом и уму. Он делается неспособным к отправлению должностей своих; досада и скука расстраивают его. Напоследок сей бедняк, лишась здоровья, становится несчастлив и повергает в несчастье всех тех, которые от него зависят. Вот, что случается с людьми, самыми благородными и наилучше образованными. Судите же, что должно произойти с теми, которые вовсе не таковы и которых нравственное и физическое образование <...> большей неблагодетельности <...>² Кажется, что эти слова составляют сущность характера Михаила Илларионовича Кутузова, «воина и царедворца», которого принц де Линь называл в числе лучших русских генералов. «К тому же, — как выразился историк об одном из современников полководца, — он жил в эпоху, поощрявшую способность сочетать тягу к удовольствиям с умением делать карьеру»³. С самой ранней юности привыкнув бывать при дворе, полководец не воспринимал придворный этикет как тяжкую повинность: эта наука давалась ему так же легко, как и многие другие. В елизаветинское время явка на балы и маскарады была обязательной для всех приглашенных. На публичные маскарады являлись «все придворные и знатные персоны, и чужестранные, и все дворянство с фамилиями, окромя малолетних, в приличных масках». Очевидно, не пренебрегал этой формой общественного развлечения и Илларион Матвеевич, посещавший маскарады со всей «фамилией», достигшей нужного возраста. И конечно же все семейство готовилось к придворным праздникам заранее, строго соблюдая требование ни в коем случае «не вздевать каких непристойных деревенских платьев». На маскарадах устраивалась лотерея, где разыгрывались «золотые и серебряные галантереи», саксонский фарфор. В этих случаях семейство Голенищевых-Кутузовых, как и многие другие, возвращалось домой, оживленно радуясь подаркам и обсуждая яркие впечатления. О том, что Михаил Илларионович на протяжении всей жизни знал толк в маскарадах, свидетельствует его письмо супруге, написанное уже во времена Павла I: «Будет один большой маскарад для дворянства и купечества (как видим, на излете века „сословное представительство“ на маскарадах расширилось. — Л. И.),

благородным всем быть в розовом, а не иначе. Заблаговременно уведомляю, что сказывают, будет розовое очень дорого, и мне домину розовую надобно будет, один бал в робах, да балы у великих князей в другом платье»⁴. Современный читатель может ли себе представить канцлера графа А. А. Безбородко, генерал-губернатора Петербурга генерала от кавалерии графа П. П. Палена и генерала от инфантерии М. И. Кутузова и все столичное дворянство в розовых домино? Тем не менее все это шилось у лучших портных. На придворных куртагах и в маскараде вершились государственные дела, плелись дипломатические интриги. «Говорилось не просто о политике Пруссии, Франции или Австрии, а о политике конкретных людей: Фридриха II, Людовика XV или Марии Терезии. С годами складывалось определенное отношение к их личностям, и политика властителя идентифицировалась с политикой государства. В глазах Елизаветы это придавало внешней политике элемент игры, интриги, увлекательного заочного соперничества или дружбы»⁵. Заметим, что государство привычно отождествлялось с личностью на протяжении всего XVIII столетия, что далеко не изжило себя в эпоху Наполеоновских войн.

В своем знаменитом политическом памфлете «О повреждении нравов в России» князь М. М. Щербатов, как известно, осуждал и роскошь двора Елизаветы, и господствовавшие там нравы. «Двор, подражая <...> императрице, в златотканые одежды облакался, вельможи изыскивали в одеянии всё, что есть богаче, в столе всё, что есть драгоценнее, в питье всё, что есть реже, в услуге — возобновля древнюю многочисленность служителей, приложили к оной пышность в одеянии их. Экипажи возблистали златом, дорогие лошади, не столь для нужды удобные, как единственно для виду, учинились нужны для вождения позлащенных карет. Дома стали украшаться позолотою, шелковыми обоями во всех комнатах, дорогими мебелью, зеркалами и другими. Все сие составляло удовольствие самим хозяевам, вкус умножился, подражание роскошным народам возрастало, и человек делался почтителен по мере великолепия его жилья и уборов». По мнению Е. В. Анисимова, князь Щербатов «пришел к очень важному выводу, подчеркивающему особенность развития русского абсолютизма в XVIII веке. Речь идет о возросшей по сравнению с прошлым зависимости верхушки „природного“ русского дворянства от „монаршей щедроты“, об утрате в связи с этим аристократией самостоятельности и низведении ее до положения слуг, стоящих у трона и ждущих от монарха подачек»⁶. В качестве убедительного доказательства историк приводит текст челобитной графа

М. И. Воронцова, обращенной к Елизавете Петровне: «Мы все, верные ваши рабы, без милости и награждения В. И. В. прожить не можем. И я ни единого дома фамилии в государстве не знаю, который бы собственно без награждения монаршеских щедрот себя содержал». Заметим, что речь здесь идет фактически о норме поведения, распространявшейся на высшие круги петербургского общества. Образ жизни «большого вельможи» приобретал черты устойчивого стереотипа: государственный человек вправе рассчитывать на достойное его положению вознаграждение. Не будем забывать, что и наш герой с детства жил и служил в столице. Впечатления детства и юности, как правило, бывают самыми сильными: от них никуда не уйти, они накладывают отпечаток на всю дальнейшую жизнь человека, определяя его характер и поведение. «События совершаются людьми. А люди действуют по мотивам, побуждениям своей эпохи. Если не знать этих мотивов, то действия людей часто будут казаться необъяснимыми или бессмысленными»⁷. Так, в характере М. И. Кутузова запечатлелись приметы вполне определенной «субкультуры». Мы знаем Кутузова (или думаем, что знаем) в основном по рассказам мемуаристов, которые либо не были его ровесниками, либо воспитывались в совершенно иных условиях. Фактически все биографии полководца представляют его портрет вне времени: их авторы нередко осуждают его за те или иные поступки, не задаваясь вопросом: а мог ли Кутузов поступать иначе, если он вел себя согласно нормам и правилам своего воспитания, соответственно полагая, что поступает правильно? Приведем здесь письмо жены Екатерины Ильиничны Михаилу Илларионовичу от 20 сентября 1806 года, которое говорит само за себя: «...Надобно рассказать все как было. Несколько дней назад приезжает ко мне граф Васильев и говорит: Государь отдал мне письмо Михайлы Ларивоновича, а у вас приказал спросить записку о долгах его, так и ваших. Я ему говорю: в банке вам все долги известны, а и партикулярных (личных. — Л. И.) довольно. — Сделайте записку и пришлите. — Я тотчас велела Башурову оную сделать, не утаивая ни полушки; к сведению, сама увидела, что долгов и на тебе и на мне больше, нежели думала, но что делать? Подала записку и при отдаче ее графу просила, чтоб отдавал на волю Государю, просила, чтоб как лутче. Он пообещал и божитца, на что Государь сказал: дать петьдесят тысяч обеим, как хотят уплотят. Когда Васильев сказал: мало, он отвечал: все впереди, это на первый случай. Вчерась указ вышел, с которого копию посылаю, признаюсь, что мне досадно, что так мало <...>»⁸ Встает вопрос: куда шли деньги? На удовольствия и развлечения? Не только. Вот еще одна выдержка

из письма М. И. Кутузова жене, следовательно, еще одна примета времени, доживавшая свой век в начале XIX столетия: «Волхонский дает превеликие банкеты, хотя у бедного подмосковную в мае месяце с публичного торга за долги продали, но полк исправен»⁹.

Стереотип поведения «большого барина» не менее успешно усвоил князь Петр Иванович Багратион, несмотря на то, что был двадцатью годами моложе нашего героя и родился в городе Кизляре на Кавказской линии. Однако любимец Суворова в юные годы был причислен к штату светлейшего князя Г. А. Потёмкина-Таврического, о происхождении богатства которого говорить не приходится. В «Замечаниях о русской армии», адресованных Потёмкину, знаменитый принц де Линь советовал: «При генералах никогда не надобно оставлять так называемых штатов. Многие из принадлежащих к сим штатам, не получая жалования, становятся принужденными жить на счет других»¹⁰. Это замечание принца де Линя разъясняет смысл высказываний о Багратионе, содержащихся в Записках А. П. Ермолова. «Расточительность товарищей отдалила от него всякого рода нужды, и он сделал привычку не покоряться расчетам умеренности»¹¹. Когда же Багратион возвратился из Итальянского и Швейцарского походов «в сиянии славы, в блеске почестей», то «неприлично уже было ни возобновить прежние связи, ни допустить прежние вспомоществования: надобно было собственное состояние»¹². Павел I нашел выход из положения: «избрал ему жену прелестнейшую, состояние огромное» или, как говорили в те времена, «поставил на якорь выгодной женитьбы». Заметим, что Ермолов не осуждает князя, которого, в свою очередь, считает своим благодетелем. Тон спокойного и безмятежного повествования об известных фактах жизни одного из главнейших героев 1812 года, «боготворимого войсками», может повергнуть в шок неподготовленного историка, дополнительно вызвав у него вопрос: если князь Багратион — благодетель Ермолова, то зачем он сообщает о нем эти сомнительные, с нашей точки зрения, сведения? И вообще, как ему, современному историку, теперь быть с этими сведениями, если он задумал писать биографию князя Багратиона? Можно пойти проторенной дорогой: ужаснуться и нигде не упоминать об этих фактах, утешаясь тем, что Ермолов, очевидно, был втайне за что-то зол на князя Багратиона и отплатил ему черной неблагодарностью. Но можно мысленно поместить человека в историко-психологический контекст времени, в котором он жил, и тогда многое в его поведении станет объяснимым. Во всяком случае, станет понятным неудовольствие князя Багратиона Александром I,

выраженное фразой, которую он произнес, будучи уже известным военачальником: «Таким, как я, нужно давать много, или не давать ничего». Перед князем Багратионом стояли достойные примеры для подражания: «В сие же время и М. Ф. Каменский приехал. Государыня через несколько дней по его прибытии послала ему 5000 рублей золотом; он счел то за маловажный подарок, и в Летнем Саду каждодневно давал завтрак, ловя встречного и поперечного, пока не истратил все жалованные деньги, и уехал. А Суворов поступил иначе: когда камер-лакей привез ему такой же подарок, он вынул один империял и, отдав его камер-лакею, сказал: „Доложи Государыне, что Суворов по ее милости очень богат, и на что мне такая груда золота, а осмелился один империял вынуть, чтобы тебе дать“. После того поехал из Петербурга. Императрица вслед за ним послала ему 30000 р(ублей); эту сумму он принял безотговорочно»¹³. Мы видим, что между высокопоставленным дворянином и монархом существует жесткая этика отношений: дворянин служит — монарх награждает. Кроме того, подчас, по словам Фридриха Великого, «природа раздавала свои дары, не обращая внимания на генеалогию». Сановитое русское дворянство, поддерживаемое императорской властью, в свою очередь, по той же схеме «благодетельствовало» обедневшим аристократам, выходцам из небогатых дворянских фамилий, а то и вовсе лицам неблагородного происхождения. Именно таким путем добились признания и М. В. Ломоносов, и М. М. Сперанский...

Можно было бы безоговорочно признать правоту князя М. М. Щербатова, если бы «повреждение нравов» удивительным образом не сочеталось с такой добродетелью, без которой невозможно существование любого государства, с просвещенным патриотизмом: «Причастность к семье европейских народов в середине XVIII века воспринималась в России не только как копирование европейских обычаев, быта, культуры, но и как осознание своего равенства с членами этой семьи, а следовательно, осознание собственной значимости, ценности как нации, не лишенной способности и сил „соревноваться в образованности с развитыми народами“»¹⁴. Безусловно, эта «соревновательность» существовала и в области военного искусства: к середине XVIII столетия русская армия, созданная реформами Петра I, гордилась своими победами не только над шведами, но и над непобедимой прусской армией Фридриха Великого при Гросс-Егерсдорфе, Кунерсдорфе, при взятии Кольберга, вступлением в Берлин. Многие явления в экономической и политической жизни дворянской империи нельзя рассматривать только с одной точки

зрения: так, при Елизавете Петровне дворяне получили возможность обогащаться за счет неограниченного вывоза за границу хлеба, леса, смолы, пеньки, но тем самым поощрялось и вовлечение в торговлю «оборотистых» крепостных крестьян. По мнению вице-канцлера М. И. Воронцова, «с исчезновением избытка дешевого хлеба <...> крестьянство в погоне за выгодой забудет присущую ему „леность и последующую от того бедность“ и будет распахивать новые посевные площади, заниматься транспортировкой хлеба к портам»¹⁵. Отмена внутренних таможен по проекту графа П. И. Шувалова была проведена «в узкосословных интересах дворянства» и в первую очередь обогатила его самого, но в то же время от этих перемен выигрывало и купечество, и опять же крестьянство, втягивающееся в торговые отношения. В то же время ревнитель нравственности князь Щербатов в 1758 году направляет своим приказчикам инструкцию «О наказаниях», где деловито рекомендует «осторожно поступать, дабы смертного убийства не учинять иль бы не изувечить. И для того толстой палкою по голове, по рукам и по ногам не бить. А когда случится такое наказание, что должно палкою наказывать, то, велев его наклоняя, бить по спине...»¹⁶. Е. В. Анисимов справедливо замечает: «То, что строки о более „рациональной“ порке крестьян и строки осуждения фаворитизма двора написаны одной рукой, не должно нас удивлять». Это еще один пример того, что у каждого явления российской жизни в те времена, как, впрочем, и в любые другие, была не только «лицевая», но и «оборотная» сторона. Может быть, поэтому в те годы многие просвещенные дворяне, уходя от крайностей в суждениях, сознательно вырабатывали в себе философское отношение к окружающему миру. Как тут не вспомнить слова историка, призывавшего «прикинуть, сколько поколений, сколько пра-пра... разделяет нас и тех прямых предков, которые в 1700-х годах, так же как и мы, радовались солнцу и лесу, любили детей, были потомков не глупее, мечтали о лучшем, скорбели о невозможном...»¹⁷. По словам А. И. Герцена, в XVIII веке «власть и мысль, императорские указы и гуманное слово, самодержавие и цивилизация» шли рядом. Писатель-революционер восклицал: «Их союз даже в XVIII столетии удивителен!»¹⁸ Да, удивителен, но тем не менее он существовал, как существовали командиры полков, тратившие личные деньги на их содержание, и главнокомандующие армиями, кормившие за своим столом весь свой штаб. Как рассуждал исследователь, «...отрицая историческую роль русского дворянства, мы рискуем впасть в крайность. Психология служилого сословия была фундаментом самосознания дворянина XVIII

века. Именно через службу сознавал он себя частью сословия. Петр I всячески стимулировал это чувство — и личным примером, и рядом законодательных актов. Вершиной их явилась Табель о рангах. <...> Табель о рангах устанавливала зависимость общественного положения человека от его места в служебной иерархии. Последнее же в идеале должно было соответствовать заслугам перед царем и отечеством. Показательна правка, которой Петр подверг пункт третий Табели. Здесь утверждалась зависимость „почестей“ от служебного ранга: „Кто выше своего ранга будет себе почести требовать, или сам место возьмет, выше данного ему ранга; тому за каждый случай платить штрафа, 2 месяца жалования“. <...> Одновременно с распределением чинов шло распределение выгод и почестей. Бюрократическое государство создало огромную лестницу человеческих отношений, нам сейчас совершенно непонятных»¹⁹.

Первым признаком того, что юный дворянин движется в правильном направлении к своему возвышению, являлась служба при штабе влиятельного вельможи. Судя по всему, Илларион Матвеевич Голенищев-Кутузов сделал все от него зависящее, чтобы его сын был замечен и по достоинству оценен представителями высшего общества Северной столицы. Юный Кутузов был на отличном счету у могущественного графа П. И. Шувалова, он даже был зачислен в свиту ближайшего родственника Петра III, который, как известно, любил Голштинию гораздо больше, чем Россию. «Отличные дарования, исправность в службе и примерная расторопность Кутузова, — достоинства, кои во всякое время были одними из лестнейших украшений юных воинов, не замедлили обратить на него внимание начальства...»²⁰ Но на начальстве его «фортуна» не закончилась. Он с отроческих лет попал в поле зрения великой княгини Екатерины Алексеевны...

«Век осмнадцатый» был наполнен именами и событиями, без которых невозможно представить М. И. Кутузова, прожившего сорок с лишним лет до того, как привычный для него старый мир был безжалостно сметен революцией во Франции и Наполеоновскими войнами. Но даже эти грандиозные события не уничтожили память. Биографы полководца не обращают особого внимания на то, как много он оставил в прошлом, не только с точки зрения военных побед, дипломатических и придворных успехов. В прошлом сформировались его знания, убеждения, привычки, взгляды на жизнь, манера поведения, с которыми Кутузов не расставался до конца своих дней. В начале XIX столетия многое из того, чем он дорожил и от чего не хотел отказываться, вызывало порицание и даже отвергалось. Но

по меркам XVIII столетия Кутузов был идеальной моделью «просвещенного дворянина», созданного наставниками по «проекту» Петра I в царствование его дочери Елизаветы Петровны и вступившего в большую жизнь при Екатерине II. Впоследствии он не собирался начинать жизнь с чистого листа, как это делали революционеры всех времен, отказываясь от прошлого. Он знал, его так учили, что прошлое — опора в настоящем и уж кто-кто, а он сможет с Божьей помощью применить свои знания и способности в другую эпоху при худших обстоятельствах...

Жизнь в столице — это не только благоприятная возможность для карьеры и сказочная роскошь дворцовых забав, это еще и ценнейшая возможность получить лучшее чем где бы то ни было образование, получить доступ к книгам, встретиться со знаменитыми людьми, наконец, посетить театр. На протяжении всей своей жизни Михаил Илларионович очень любил театр. Именно в середине XVIII века закладывались основы русской оперы и русского балета. Причем опера в середине века могла продолжаться четыре часа, включая в себя, кроме сольного и хорового пения, декламацию и балет. Постановки поражали своим великолепием: гигантские живописные декорации, нарядные платья актеров, совершенство музыкального сопровождения... К этому добавлялась сложная система театральных механизмов. Основному представлению предшествовал так называемый пролог на актуальную тему. Так, в 1759 году в честь тезоименитства императрицы Елизаветы Петровны и победы русской армии при Кунерсдорфе был поставлен пролог под названием «Новые лавры». Автором либретто был знаменитый драматург А. П. Сумароков. Как знать, не было ли в числе зрителей и нашего героя, который в то время уже находился в Санкт-Петербурге? Огромный хор славил Елизавету, балет сочетался с игрой знаменитых драматических актеров, в том числе Федора Волкова и Ивана Дмитриевского. Само действие было чрезвычайно сложным: во время пения «облака закрывают богов, а потом расходятся и открывают Храм славы. Во храме видима сидящая Победа с лавровою ветвию и россияне, собравшиеся торжествовать день сей. Потом слышно необыкновенное согласие музыки. Является российский на воздухе Орел. Россиянин приемлет пламенник и к себе других россиян созывает воспалите благоухание. Нисходит огонь с небеси и предваряет предприятие их. Орел ниспускается и из рук Победы приемлет лавр». Кому мог быть понятен этот тяжеловесный, перегруженный аллегориями «официоз»? Но образованный человек XVIII века легко читал язык символов, с помощью которых он мог выразить любое событие. Определенные требования предъявлялись и к актерской игре: театральный

зритель той эпохи не смог бы смотреть современный спектакль, он просто не понял бы происходящего на сцене. Достаточно обратиться к «Рассуждениям о сценической игре» Ф. Ланги, чтобы понять разницу во вкусах между современными «театралами» и поклонниками Мельпомены того времени. На сцене запрещалось «подражать простому естественному разговору, в котором собеседники имеют в виду только друг друга». Прежде чем ответить на услышанные слова, актер должен был игрою изобразить то, что он хочет сказать, так, «в сильном горе или в печали можно и даже похвально и красиво, наклонясь, совсем закрыть на некоторое время лицо. Прижав к нему обе руки и локоть, и в таком положении бормотать какие-нибудь слова себе в локоть, или в грудную перевязь, хотя бы публика их и не разбирала — сила горя будет понятна по самому лепету...». Каждый человек живет по законам своего времени. Можно себе представить, с каким волнением Кутузов следил за тем, как актер при удивлении «обе руки поднимает и прикладывает несколько к верхней части груди, ладонями обратив к зрителю», а при отвращении обязательно «поворачивает лицо в левую сторону, протянув руки, слегка подняв их в противоположную сторону, как бы отталкивая ненавистный предмет».

Если бы не жизнь в столице, где бы Кутузов увидел «фейерверочные огни», которым со времен Петра I придавалось значение воспитательного элемента? «Сопровождаемые иллюминацией, салютом, музыкой, фейерверки, вероятно, представляли собой поистине сказочное зрелище. Из полной темноты внезапно появлялись сад с огненными деревьями; „великий бассейн, огненному озеру подобный, посреди которого стоит статуя, представляющая Радость и испускающая великий огненный фонтан“, а вокруг бассейна — „великое множество по земле бегающих швермеров, ракет и других прыгающих по всему сему пространству сада огней, которые своим журчанием, треском, лопаньем и стуком немалую зрителям подают утеху“»²¹. Как явствует из истории 2-го кадетского корпуса, его выпускники должны были досконально знать искусство «пускания фейерверков». Можно себе представить, какой восторг испытывал двенадцатилетний Михайло Голенищев-Кутузов не только от созерцания, но и от своей причастности к этим «утешительным» забавам!

Вероятно, Михаил Илларионович при всей старательности и ответственности не добился бы таких быстрых и значительных успехов в науках, если бы круг его общения замыкался бы только Илларионом Матвеевичем и сослуживцами по корпусу. Именно в Петербурге в начале 1760-х годов судьба свела его с земляком и родственником-однофамильцем

— Иваном Логиновичем Голенищевым-Кутузовым, который «был замечательно скромен и шутя называл себя простым Торопецким дворянином, о котором все молчат»²². Не от него ли Михаил Илларионович перенял впоследствии привычку именовать себя «простым Псковским дворянином»? Сын флотского офицера, Иван Логинович был почти на десять лет моложе отца нашего героя. В 1742 году он был зачислен в Сухопутный шляхетский корпус, но в 1743 году переведен в Морской, потому что Петр I завещал дворян Новгородской губернии (а родители Ивана Логиновича имели земельные владения и в этой губернии) по преимуществу определять офицерами на флот. С флотом была связана вся его дальнейшая жизнь: он ходил в плавание гардемаринном, мичманом; в начале 1750-х командовал небольшим фрегатом, на котором плавал в Архангельск и обратно, а в 1759 году был произведен в капитаны 2-го ранга и командовал кораблем «Северный орел». Кроме того, Иван Логинович был известен всем как человек ученый, поэтому в 1762 году он был назначен директором Морского кадетского корпуса. В «Русском биографическом словаре», посвященном самым знаменитым россиянам, о нем сказано: «В истории русского флота Ивану Логиновичу Кутузову принадлежит видное место, потому что он сорок лет стоял во главе единственного тогда у нас морского учебного заведения; через его руки прошло свыше 2000 морских русских офицеров и в последние годы его жизни *все офицеры русского флота* (выделено мной. — Л. И.), начиная от контр-адмирала и ниже, были воспитанниками Морского корпуса за время начальствования над корпусом И. Л. Кутузова. Он посвящал постоянно этому учебному заведению большое внимание. Его заботами оно снабжаемо было всегда хорошими преподавателями; он умел всегда выхлопотать нужные для развития училища средства. В 1771 году сильный пожар уничтожил почти все здания Морского корпуса; пришлось перевести воспитанников в Кронштадт. Адмиралтейств-коллегия постановила прекратить на время, за недостатком места, прием новых воспитанников, — Кутузов сумел устроить в Кронштадте помещение кадетов так, что занятия могли идти правильно, и оказалось возможным принимать и новых учеников; в 1777 году Коллегия поручила ему выработать лучшего обучения и приготовления штурманов. Обладая солидными специальными сведениями, Кутузов был вообще деятельным, энергическим человеком, которому были не чужды довольно разнообразные и широкие интересы. В 1764 году он напечатал „Собрание списков, содержащее имена всех служивших в российском флоте флагманов, обер-сарваеров и корабельных мастеров“ — это издание включает много точных хронологических дат и замечательно, как первая

попытка русской морской истории; в том же году Кутузов издал перевод сочинения Госта „Искусство военных флотов“; в 1789 году перевод этот вышел вторым изданием; в 1765 году Кутузов издал перевод Вольтерова „Задига“, — второе и третье издание этого перевода вышли в 1788 и 1795 годах; в 1788 году вышел его же перевод „Нравоучительных писем“ Душа. При самом открытии Российской академии, 21 октября 1783 года, И. Л. Голенищев-Кутузов был провозглашен ее членом; он принимал довольно деятельное участие в первых заседаниях Академии и отчасти в работах по ее Словарю. Своему родственнику, знаменитому М. И. Кутузову-Смоленскому, он был в его юности верным руководителем и другом»²³. Будущий полководец часто бывал в доме своего наставника, был искренне к нему привязан, впоследствии называя его в письмах своим «батюшкой». Иван Логинович был, по-видимому, общительным, душевным человеком и действительно нередко заменял М. И. Кутузову отца, все интересы которого поглощались службой. Иван Логинович приветливо принимал своего любознательного родственника, который часами мог просиживать в его кабинете в доме на Большой Морской улице, пользуясь обширной библиотекой. Чтение стало настоящей страстью М. И. Кутузова; он читал на трех языках газеты и журналы, сочинения по истории государств и народов, труды по истории войн и теории военного искусства, трактаты философов, мемуары полководцев и государственных деятелей, произведения классиков, французские романы. Где, как не в беседах с умным и просвещенным родственником ему было учиться «делать рефлексии» и «рассуждать о политических делах в Европе и о военных силах других держав»? По словам первого биографа Ф. Синельникова, «в малолетстве Михаил не имел ни малейшей склонности к резвостям. Он всегда уклонялся от своих сверстников. <...> Много любил разговаривать и столько был любопытен, что готов был целый день расспрашивать и целый день слушать ответы на его вопросы»²⁴.

Юному Кутузову, который с самого детства с живейшим интересом следил за большой европейской политикой, было что обсуждать со своим «батюшкой». События Семилетней войны были у всех, что называется, «на слуху». Как писал историк, «...тяжелая и победоносная война кончилась без видимых выгод для нас, но она далеко не осталась бесплодной вполне: она еще более усилила значение России в среде европейских государств и много содействовала распространению образованности среди нашего дворянства. Впервые русские вели войну <...> в центре, можно сказать, Европы; значительная часть нашей армии была почти пять лет в

государстве более <...> благоустроенном, причем большая область была принята нами в свое управление, и в ней установлено почти правильное, почти мирное, обыкновенное течение жизни. В это время чуть не все молодые русские дворяне, которыми была наполнена армия во всех чинах, побывали за границей, увидали там совершенно новую жизнь <...> имели под руками обширную литературу, сделавшуюся им теперь доступной, и пользовались ею. <...> Во время войны вообще усилились наши сношения с Веней, Парижем; в свите послов, гонцами, немало там побывало дворян, которые без этого случая никогда туда не попали бы...»²⁵. Они, по словам А. Т. Болотова, «насмотревшись немецких лучших порядков, потом в состоянии были переменить и всю свою прежнюю и весьма недостаточную экономию и приведя ее в несравненно лучшее состояние — чрез самое то придать и всему государству иной и перед прежним несравненно лучший вид и образ». И конечно же в центре внимания Европы был «скоропостижный король» — Фридрих II.

Со временем для русских историков его имя, связанное в сознании с духом германского милитаризма, превратилось в символ ненавистного «пруссачества» — бездумного подражания военной системе, нанесшей непоправимый вред русской армии в царствование Павла I и Александра I. Но в лучшие годы М. И. Кутузова отношение к этому монарху, который на протяжении почти двадцати лет был не только врагом, но и союзником России, было не столь однозначным. К тому же прусский король был не только полководцем, но и выдающимся государственным деятелем, пользовавшимся искренним уважением и даже привязанностью своего народа, фамильярно называвшего его «старым Фрицем». Так, он писал Вольтеру: «Прошу Вас, почитайте меня искренним другом. Ради Бога, пишите ко мне, как к человеку, презирая вместе со мною титулы, звания и наружный блеск. До сих пор у меня еще так мало времени, что я не могу прийти в себя. Много делаю и еще более замышляю. Работаю обеими руками: с одной стороны, для войска, с другой — для народа и наук. Я думаю, что после смерти отца моего я весь принадлежу государству...»²⁶ Кроме того, он был виртуозным музыкантом, плодовитым автором. Вся Европа зачитывалась сочинениями «Антимакиавелли» (1739), «О различных родах правления и обязанностях монархов», «Историей моего времени» (1746), «Записками Бранденбургского дома», «Сочинениями философа из Сан-Суси» (1751). Он сочинял пьесы и поэтические оды, которые переводил Г. Р. Державин. Кстати, в одном из своих стихотворений Фридрих пылко восклицал: «Чтобы государство не теряло своей славы, и

на лоне мира должно заниматься военной наукой!» Правда, Фридрих II озадачивал современников то сентиментальностью, то цинизмом: «Он давал обещания, чтобы тотчас их нарушить, подписывал соглашения о мире, чтобы разорвать их прежде, чем чернила высохли на бумаге»²⁷. Ему принадлежат слова: «Но что делать, где между необходимостью обмануть или быть обманутым нет середины, там для монарха только один выбор». В то же время «Фридрих выходил из себя от негодования, читая статьи некоторых пессимистов, которые сомневались: служат ли науки ко благу человечества, и не есть ли просвещение зло, ведущее к вольнодумству и гибели государств? „Науки всегда делали людей человечнее: они внушали им чувство справедливости, кротость и отвращение к насилию. Счастье народов почти столько же зависит от наук, как от законов. Стыжусь вопроса, который могут предлагать так называемые ученые; стыжусь века, в который он предложен! Только обманщики и себялюбцы способны противиться успехам мысли, наук и художеств, потому, что они для них только опасны. Одна черствая душа решилась бы лишить род человеческий того утешения и душевного спокойствия, которые он, среди земных скорбей, почерпает в науках и искусствах“»²⁸. «Филантропические» суждения воинственного короля и опасного «возмутителя спокойствия» в Европе снова убеждают нас в том, что век Просвещения был наполнен противоречиями: «Но каждая война сама по себе так плодovита несчастьями, успех ее так неверен, а последствия до того пагубны для страны, что государи должны зрело и долго обдумывать свое намерение, прежде чем берутся за меч. Я уверен, если б монархи могли видеть хоть приблизительную картину бедствий, причиняемых стране и народу ничтожной войной, они бы внутренне содрогнулись. Но воображение их не в силах нарисовать им во всей наготе страданий, которых они никогда не знали и против которых обеспечены своим саном. Могут ли они, например, почувствовать тягость налогов, которые угнетают народ? Горе семейств, когда у них отнимают молодых людей в рекруты? Страдания от заразных болезней, опустошающих войска? Все ужасы битвы или осады? Отчаяние раненых, неприязненный меч или пуля которых лишают не жизни, но членов, служивших им единственными орудиями к пропитанию? Горесть сирот, потерявших родителей, и вдов, оставшихся без опоры? Могут ли они, наконец, взвесить всю важность потери столь многих для отечества полезных людей, которых коса войны преждевременно снимает с лица земли? Война, по моему мнению, потому только неизбежна, что нет присутственного места для разбора несогласий

государей»²⁹.

По словам историка, «он прочно занял свою „нишу“ в мировой истории. „Изъяв“ из нее Фридриха, мы очень сильно изменим ландшафт XVIII века, точнее ту его часть, которую искусствоведы называют эпохой рококо»³⁰. Впоследствии читая книгу аббата Деннина о Фридрихе Великом, напротив выписанного ею абзаца: «Его гений и его мужество не только совсем не ослабевали, но почерпнули себе новую жизнь в своих неудачах...» Екатерина II пометила: «Именно в его неудачах проявлялся его гений...», «следовало бы удивляться ему и стараться подражать»³¹. Как знать, может быть, Михаил Илларионович, для которого мнение Екатерины многое значило, и удивлялся, и подражал... Конечно, высказать подобное предположение где-нибудь не то что в середине, но даже в начале прошлого века значило бы совершить кощунство и подписать себе суровый приговор, в первую очередь как историку. Не исключено, что и в наши дни подобное предположение о преемственности идей у кого-то вызовет негодование, а кого-то, напротив, обрадует как вновь открывшаяся возможность критиковать великого русского полководца за приверженность к отжившей военной системе. Но изжил ли себя Фридрих II в эпоху Наполеоновских войн? Как тактик, вероятно, да, но как стратег? «Истинные правила ведения войны — это те, которыми руководствовались семь великих полководцев, подвиги коих сохранила для нас история: Александр, Ганнибал, Цезарь, Густав Адольф, Тюренн, принц Евгений и Фридрих Великий»³², — напишет впоследствии Наполеон.

Начиная с 1990-х годов мы разоблачили множество мифов отечественной истории, попутно, впрочем, создавая новые. Любое мифотворчество основывается на пренебрежении к истории, что особенно ощутимо на примере XVIII века, который совершенно забыт «именно как „столетье безумно и мудро“, то есть как время живое, горячее, разорванное противоречиями. Он, напротив, стал представляться некой заводью, неким голубо-розовым интерьером, населенным <...> пудренными париками, красными каблуками, атласными кафтанами и учтивыми менуэтами — иначе говоря, театрально. А между тем в XVIII веке шла своя, очень живая духовная работа. Любопытен был XVIII век, любознателен, все занимало его и тешило, все, что делается на белом свете, хотелось ему знать. Он шагал семимильными шагами, радостно впитывая в себя знание о мире и о самом себе»³³. Так, один из главных мифов нашего прошлого остался в неприкосновенности: речь идет о специфической школе русского военного искусства, которая со времен Петра I будто бы развивалась вопреки

западным канонам. И здесь мы сами себе противоречим: Петр I преобразовывал русскую армию по западному образцу, на первых порах офицерские должности в этой армии занимали иностранные специалисты. Именно по этой причине царь-реформатор заботился о воспитании национальных офицерских кадров, которые по уровню образованности не уступали бы европейцам. В кадетских корпусах учились по немецким и французским учебникам, а преподавателями были иностранцы либо русские офицеры, получившие образование за границей. А. В. Суворов в детстве с удовольствием читал сочинения Монтекукколи и Евгения Савойского, считая величайшими полководцами всех времен «Цезаря, Ганнибала и Бонапарта». Вновь остановимся на мысли: Россия чувствовала себя полноправным партнером в европейских делах, в том числе в военных, что отнюдь не исключало благородных амбиций, соревновательного духа, стремления превзойти своих учителей. В последней трети XVIII столетия знаменитый принц де Линь, к которому Г. А. Потёмкин обратился за советом по поводу реформирования армии, констатировал состоявшийся факт: «Я должен только удивляться воинственной нации во всем свете и могу сообщить одни маловажные перемены, которые предполагаю сделать в армии, торжествовавшей над всеми своими врагами с самого начала нынешнего столетия, в которое время урок, данный Карлу XII, сделал ее непобедимой. <...> Русские очень способны ко всему; я нигде не видывал им подобных»³⁴. Но любое превосходство предполагает знание...

По словам знаменитого немецкого историка Г. Дельбрюка, весь XVIII век в Европе был наполнен столкновением двух концепций ведения войн, для которых немецкий автор, по его словам, «отчеканил» названия: «стратегия сокрушения» и «стратегия измора». Причем это не было какой-то отвлеченной дискуссией: на протяжении нескольких веков знаменитые полководцы посредством своих сочинений вели между собой заочный спор, опираясь на собственный военный опыт, а основы этого спора были заложены еще в эпоху Возрождения одним из классических трудов канцлера Флорентийской республики Никколо Макиавелли «Возрождение военного искусства». Под «стратегией измора» подразумевалось, что «полководец выбирает от момента к моменту, добиваться ли ему намеченной цели путем сражения или же маневра. Так что его решения непрерывно колеблются маневра и сражения. <...> Этой стратегии противопоставляется другая, которая направлена на то, чтобы атаковать неприятельские вооруженные силы, их сокрушить и подчинить

побежденного воле победителя, — стратегия сокрушения»³⁵. В самом сочинении уже были заложены противоречия. Так, в одном случае автор утверждал: «Центр тяжести войны заключается в полевых сражениях; они составляют цель, ради которой создают армию. <...> Делать переходы, бить врага, становиться лагерем — вот три главные дела войны». Однако тот же автор в противоположность себе высказывал и другие суждения: «Хороший полководец лишь тогда дает сражения, когда его к тому принуждает необходимость или когда представляется благоприятный случай. <...> Лучше победить неприятеля голодом, чем железом, ибо победа гораздо больше зависит от счастья, чем от храбрости»³⁶. Кроме того, Макиавелли стремился к обновлению военного дела путем изучения и восстановления великих традиций Античности. В числе его последователей в этом вопросе в конце XVI столетия были знаменитый военный деятель Нидерландов принц Мориц Оранский и его двоюродный брат Вильгельм Людвиг Нассауский. «Классический труд, на который принцы Оранские преимущественно ссылаются, это „Тактика императора Льва“, появившаяся в 1554 году сначала в латинском, потом в итальянском переводе. <...> В XVIII столетии вышел сначала французский, а затем и немецкий перевод, а принц де Линь назвал это сочинение бессмертным и ставил императора Льва на один уровень с Фридрихом Великим и выше Цезаря»³⁷. Главное, что было заимствовано из античной традиции, — это обучение и строгая дисциплина в войсках, а далее начались бесконечные эксперименты с тактическими построениями. В каждом государстве эти построения зависели от национальных особенностей, к числу которых едва ли не в первую очередь относился способ комплектования армии. Военно-теоретические поиски в Европе на практике оказались напрямую связаны с российской историей: последователем военного искусства Морица Оранского оказался шведский король Густав II Адольф, «который не только воспринял и развил новую тактику, но и положил ее в основу стратегии широкого масштаба»³⁸. Практическим воплощением этих достижений явилось то, что на рубеже XVII–XVIII веков шведская армия считалась в Европе непобедимой: маленькое королевство активно вмешивалось в европейские дела, и горе тому, кто имел своим противником шведов. Еще дядя Густава II Адольфа, король Швеции Юхан III, в ходе Ливонской войны лишил слабого соседа выхода к Балтийскому морю, захватив города Ям, Копорье, Корелу, Орешек, Ивангород. Густав II Адольф, великий полководец, закрепил эти завоевания в Столбовском мире 1617 года, заметив при этом: «Тяжелее всего для русских быть отрезанными от

Балтийского моря... Вся богатая русская торговля прибалтийского бассейна теперь должна проходить через наши руки». Первым царям династии Романовых нечего было возразить скандинавскому воителю, одно имя которого наводило ужас на всю Европу: флота у России не было, а сухопутные силы состояли из стрельцов и немногих полков «нового строя», все еще живших по старой пословице: «Дай Бог великому Государю служить, а сабли из ножен не вынимать». Шведы смотрели с пренебрежением на обездоленного соседа и не ждали для себя опасности, когда на престол в Москве вступил младший сын «тишайшего» царя Алексея Михайловича — Петр I, прозванный впоследствии Великим. И конечно же М. И. Кутузов в 1812 году не мог не гордиться сравнением с Петром I, который, сочетая «стратегию измора» со «стратегией сокрушения», одержал решительную победу над шведами в полевых и морских сражениях. Особый склад ума Кутузова позволял ему постоянно держать в памяти огромный поток информации, который он анализировал, сопоставлял, выхватывая нужное решение применительно к ситуации, отбрасывая ненужное. Характеризуя его как полководца, военный историк А. Петров отмечал: «Светлейший князь Голенищев-Кутузов умел соединить в себе две совершенно, по-видимому, несовместимые черты характера — решительность и осторожность, которые он проявлял сообразно обстоятельствам, в которых находился, не гонясь за блеском победы, но везде руководствуясь расчетом, к ней ведущим. Такой образ действий возможен только при условии обладания тонкой проницательностью, столь ему свойственной, позволявшей далеко видеть в будущем последствия принимаемых мер. К нему можно применить слова, сказанные А. С. Пушкиным: он был „холодно-горяч“»³⁹.

Спор о стратегических концепциях был отнюдь не праздным. С течением времени армии становились всё более и более многочисленными и «тяжеловесными» и, как следствие, их становилось всё труднее и труднее содержать в мирное время и обеспечивать всем необходимым в военное. «...Не я команду, говорил Фридрих II, а мука и фураж». Полководцы той эпохи задавались вопросами, что важнее и выгоднее: захватить неприятельскую территорию или уничтожить живую силу? вести войну наступательную или оборонительную? сокрушить противника в генеральном сражении или подорвать его силы в ходе затяжной кампании? Монтекукколи, один из любимых авторов А. В. Суворова, считал: «Тот, кто полагает, что может, не вступая в сражения, одерживать успехи и завоевать что-либо значительное, тот сам себе противоречит или, по меньшей мере, высказывает такое курьезное мнение, что оно поневоле вызывает

насмешку. <...> Тот, кто выигрывает сражение, не только выигрывает кампанию, но и большой кусок территории. Поэтому лишь бы полководец сумел вступить в бой в хороших условиях, и ошибки, которые он раньше сделал в маневрировании, ему простятся; если ж он погрешил против учения о сражениях, то, хотя бы он в остальных подробностях проявил себя с хорошей стороны, все ж не довести ему до конца войны с честью»⁴⁰. Тюренн полагал, что лучше наносить возможно больше вреда противнику в открытом поле, чем осаждать и брать города. В рамках двух стратегических концепций решался и вопрос о роли генерального сражения в ходе военной кампании: одни считали, что сражение — кратчайший путь к миру; другие были убеждены в том, что выиграть войну можно и не вступая в битву. Наиболее последовательным и ярким представителем «стратегии измора» считался современник М. И. Кутузова Фридрих Великий, сочинения которого, по словам Г. Дельбрюка, «волнообразно протекают через всю его жизнь, приближаясь то к одному полюсу, то к другому»⁴¹. В письме Морицу Саксонскому, сокрушаясь по поводу своего смелого продвижения вперед, результатом чего стала проигранная кампания 1744 года, прусский король писал: «Фабий всегда может стать Ганнибалом; но я не думаю, чтобы Ганнибал мог следовать методу Фабия». В 1759 году, в разгар Семилетней войны, Фридрих размышлял о военных походах Карла XII: «Конечно, бывают положения, в которых приходится давать сражение; но вступать в него надо лишь тогда, когда можешь потерять меньше, чем выиграть, когда неприятель проявляет небрежность в расположении лагеря или в организации марша или когда решительным ударом его можно принудить согласиться на мир. Впрочем, твердо установлено, что большинство генералов, которые легко ввязываются в сражение, лишь потому прибегают к этому средству выпутаться из положения, в которое они попали, что не умеют найти другого исхода. Далеко не ставя им это в похвалу, мы скорее усматриваем в этом признаке отсутствие гениальности». В 1777 году, подводя итоги своим успехам и неудачам, Фридрих II советовал: «Никогда не давайте сражения с единственной целью победить неприятеля, а давайте их лишь для проведения определенного плана, который без такой развязки не мог бы быть осуществлен»⁴². Ошибкой было бы считать «стремительного короля» неспособным к решительным действиям: в теории он отдавал предпочтение маневрированию, на практике, особенно в Семилетнюю войну, склонялся «к полюсу сражения». Вероятно, эта двойственность теории и практики делала наследие Фридриха II неприемлемым для

великого русского полководца А. В. Суворова, известного не только в России, но и в Европе как последовательного сторонника «стратегии сокрушения», получившей законченное выражение в государственной и полководческой деятельности Наполеона Бонапарта, чьи успехи в войнах начала XIX столетия, казалось, посрамили сторонников «стратегии измора». Но забегая вперед отметим, что это было временным явлением. Взгляды сторонников этого направления эволюционировали, подстраиваясь к новым условиям ведения войн: в конечном счете победа осталась за ними. Нельзя не согласиться с мнением британского историка Д. Ливена: потенциал «старорежимных» армий не следует преуменьшать. Мы знаем, к каким необратимым драматическим последствиям привело Наполеоновскую империю столкновение двух стратегий на Пиренейском полуострове и конечно же в России в 1812 году, когда, по крайней мере, трое главных действующих лиц — Александр I, М. И. Кутузов и М. Б. Барклай де Толли — остановили свой выбор именно на «стратегии измора» до того, как возможной сделалась «стратегия сокрушения». Через 30 лет после окончания Наполеоновских войн в Европе, подводя их итог, знаменитый теоретик военного искусства А. Жомини высказал суждение: «Сражения некоторыми авторами преподносятся в качестве главных и решающих характерных особенностей войны. Строго говоря, это утверждение не совсем верно, поскольку армии уничтожаются стратегическими операциями без заранее подготовленных на определенном участке сражений, чередой, казалось бы, незначительных предприятий. Верно также и то, что полная и решительная победа может приводить к таким же результатам и без больших стратегических комбинаций»⁴³.

Что можно еще сказать о военно-теоретических пристрастиях нашего героя? В общеевропейском споре принимал участие полководец, который, вероятно, вызывал особые симпатии у Кутузова. Речь идет о Морице Саксонском. Впоследствии С. Н. Глинка привел в Записках случай, связанный с той порой, когда М. И. Кутузов занимал должность директора Сухопутного шляхетского корпуса: «За день до выхода из корпуса, когда надели мы мундиры, Кутузов поодиночке призывал нас к себе и предлагал нам тактические вопросы. Мне задал он вопрос о тактических укреплениях. Чувствуя, что по строгим правилам науки не могу отвечать, я спросил: как прикажете мне объясниться, тактически или исторически? Он взглянул на меня и сказал: „Ну, посмотрим, отвечай исторически“. Я начал: „Полевые укрепления устраиваются для останова первых напоров неприятеля. Известнейшие из таких укреплений устроены были Петром I на поле Полтавском, и граф де Сакс в сочинении своем о военном

искусстве приписывает им победу русских над Карлом XII. <...> Но никакие укрепления не могут устоять перед отважной решимостью войска. Граф Ангальт рассказывал нам о вашем движении на высотах Мачинских, споспешествовавшем к заключению мира с Портою Оттоманскою 1791 года“. Кутузов был доволен моим ответом»⁴⁴. Легко допустить, что предприимчивый кадет нашел случай сделать приятное Кутузову, не только весьма кстати напомнив о его победе под Мачином, но и назвав имена наиболее почитаемых полководцев: Петра Великого и Морица Саксонского, «удивительного маршала» с общеевропейской известностью, судьба которого тем не менее оказалась связана с Россией. Он родился 28 октября 1696 года и был старшим из 354 признанных незаконнорожденных детей Фридриха Августа, курфюрста Саксонского и короля Польского, вечного союзника Петра I в войне со шведами. Мориц «был очень похож на своего отца, как внешне, так и характером». Уже в тринадцатилетнем возрасте он участвовал в знаменитой битве при Мальплаке (Бельгия), где в 1709 году англичане, австрийцы и голландцы под командованием герцога Мальборо и принца Евгения Савойского разбили французов. В возрасте восемнадцати лет его против воли женили на баснословно богатой саксонской наследнице Виктории фон Лебен. В 1720 году, промотав наследство жены, Мориц Саксонский переехал в Париж, где ему был пожалован чин фельдмаршала французской армии и он в традиции того времени купил полк. К обучению полка он относился очень серьезно и в перерывах между пирушками и бесчисленными адюльтерами изучал тактику, фортификацию, читал мемуары великих полководцев. К тому времени его брак был аннулирован, и Мориц де Сакс устремил свой взор на вакантный трон герцогства Курляндского. Для реализации своих честолюбивых замыслов он был готов жениться на вдовствующей герцогине Курляндской, Анне Иоанновне, племяннице Петра I. Ему требовались деньги, которые охотно были пожертвованы ему знакомыми женщинами, в том числе знаменитой актрисой Адриенной Лекуврер, которая продала свою серебряную посуду, чтобы помочь возлюбленному получить трон. Правда, Петру I пришла в голову идея женить титулованного искателя удачи на своей дочери Елизавете Петровне, выделив ей долю наследства. Трудно предположить, чем закончилась бы эта матримониальная история, если бы не скандал, о котором тогда говорили в Европе. Анна Иоанновна, подобно другим женщинам, не осталась равнодушной к красоте и обаянию Морица, который, проживая в ее дворце, завел роман с одной из фрейлин герцогини Курляндской. «Одной снежной ночью Мориц Саксонский провожал даму домой. По несчастному стечению обстоятельств, они наткнулись на

старуху-служанку с фонарем. Чтобы скрыть лицо своей спутницы, Мориц толкнул фонарь, поскользнулся, увлек за собой даму, та свалилась на старуху, на крик которой сбежался караул. О происшествии было доложено герцогине, та пришла в ярость, и хотя Мориц Саксонский заверял ее, что это „ужасная ошибка“; она не смягчилась. Взбешенная герцогиня выгнала Морица из дворца...»⁴⁵

В большой войне 1740–1748 годов, известной как Война за австрийское наследство и имевшей целью воспрепятствовать восхождению на австрийский трон Марии Терезии, последняя сохранила трон, но потеряла значительные территории под натиском армий Пруссии, Баварии, Франции и Испании. Страдая от водянки и едва передвигаясь, Мориц принял участие в кампании, закончившейся в 1745 году победой при Фонтенуа французов над англичанами и их союзниками. Вольтер при встрече с полководцем осведомился, как он мог участвовать в военных действиях в полумертвом состоянии. Де Сакс ответил: «Речь идет не о жизни, а о действии». Во время битвы, из которой французы вышли победителями, большую часть времени его носили на носилках. Враги Морица Саксонского советовали королю отступить и раскритиковали весь план битвы. На это Мориц ответил: «Пока я дежурный повар у плиты, я намерен разделаться с британским лобстером по-своему». Людовик сказал Морицу Саксонскому в присутствии этих критиков: «Ставя вас командовать моей армией, я надеялся, что вам будут подчиняться все, и я сам первый подам в этом пример!» Мориц скончался во Франции, в замке Шамбор в ноябре 1750 года, на пятьдесят четвертом году жизни. Его последними словами, обращенными к ухаживающему за ним господину де Сенаку, были: «Жизнь, доктор, не более чем сон, и у меня он был приятным»⁴⁶.

Страдая от болезни, он создавал свои «Мечтания», наделавшие много шума в Европе из-за своей полемической направленности. Именно это сочинение вдохновило Фридриха II на патриотические стихи, а принц де Линь стал называть военное искусство «наукой Морицов», имея в виду Морица Оранского и Морица Саксонского. Какие мысли выставил на всеобщее обсуждение де Сакс? Одна из глав его сочинения так и называлась: «Слово против генерального сражения». «Я не сторонник генеральных сражений, особенно в начале войны, — признавался полководец. — И убежден, что умелый полководец может воевать без них всю жизнь. Ничто так не уменьшает нелепые притязания врага, как подобный метод ведения войны; ничто не продвигает дела лучше. Частые

малые бои рассеивают силы противника, и, в конце концов, он будет вынужден отступить. Я не говорю, что, когда появляется благоприятная возможность сокрушить противника, его не надо атаковать или что не надо извлекать выгоду из его ошибок. Но я хочу сказать, что можно воевать, не оставляя ничего на волю случая. И это высшая точка совершенства полководческого искусства»⁴⁷.

В XVIII столетии люди зачастую воспринимали чтение книги как беседу с умным человеком, с которым можно было соглашаться или спорить. Разве мог Михаил Илларионович с его начитанностью и натренированной памятью забыть слова, прочитанные в юности? Разве мысли, высказанные де Саксом, утратили свою актуальность в ходе Наполеоновских войн? Чего бы стоил Кутузов как полководец, если бы он не принимал во внимание слова, некогда произнесенные умным собеседником? Они звучали для него как предупреждение: «Умение атаковать — в природе французов. Когда полководец не хочет зависеть от строгой дисциплины в своих войсках, а генеральное сражение требует строгого порядка, он должен лишь создавать условия, при которых выгодно действовать отдельными бригадами. И, разумеется, такие условия всегда найдутся. Мужество и пыл, свойственные французам, никто и никогда не отрицал. <...> Их первый удар ужасен. Необходимо только знать, как продлить такое состояние умелым расположением войск, а это дело полководца»⁴⁸. Кутузов запомнил на всю жизнь: имея дело с французами, не следует с горячностью вступать во встречный бой, где они сильны; надо во что бы то ни стало остановить их наступательный порыв. «Я всегда отмечал, — рассуждал Мориц Саксонский, — что одна кампания уменьшает армию по меньшей мере на треть, а иногда наполовину, и что кавалерия к концу октября находится в таком жалком состоянии, что неспособна вести военные действия. Я бы предпочел дать войскам отдохнуть на квартирах или в казармах, беспокоя противника вылазками одиночных отрядов, а к концу длинной осады напасть на него со всеми своими силами. Полагаю, что этим я совершил бы выгодную сделку, заставив врага задуматься об отступлении, ибо ему было бы нелегко противостоять хорошо организованным и укомплектованным войскам. Вероятно, он был бы вынужден оставить свое снаряжение, пушки, часть кавалерии и все повозки. Эти потери на следующий год затруднят его появление на поле боя. Вероятно, он даже не осмелится появиться там снова»⁴⁹. Так, де Сакс был уверен в следующем: «Природа бесконечно сильнее человека; почему же этим не воспользоваться?» Что думал

французский фельдмаршал по поводу сражения? «Хорошие линии — это те, которые создала природа, а хорошие укрепления — это хорошая дисциплина и храбрые солдаты»; «надо соблюдать только одно правило: держать тыл открытым, чтобы иметь возможность в случае необходимости оттянуть войска и организованно отступить. На пересеченной местности очень большое значение имеет размещение артиллерии»⁵⁰. Как должен вести себя в сражении главнокомандующий? «Главным его качеством является мужество. Без мужества остальные достоинства представляют небольшую ценность, поскольку не могут быть использованы. Второе — незаурядный ум и, если можно сказать, своеобразная хитрость. Третье — отменное здоровье. <...> Функции полководца безграничны. <...> Генералов, находящихся в его подчинении, следует считать некомпетентными, если они не умеют исполнять его приказы и осуществлять маневры с вверенными им дивизиями. Надо сделать так, чтобы главнокомандующему не приходилось заниматься этими вопросами и затруднять себя другими мелочами. Ведь если ему придется выполнять функции сержанта и всюду успевать самому, он будет похож на муху из басни, которая думала, что правит повозкой! Я бы хотел, чтобы в день битвы полководец ничего не делал. Его наблюдения будут от этого лучше, суждения более здравыми, и он лучше воспользуется ситуацией, в которой противник окажется во время боя. <...> Генерал обязан уметь ложным ударом в одном месте отвлечь внимание противника от другого. Посеять в его рядах смятение, использовать любую возможность для нанесения смертельного удара в нужном месте. <...> Но чтобы все это делать, ему не следует занимать свой ум разными пустяками»⁵¹. Чем заканчивается выигранная битва? Преследованием: «<...> Ничто не внушает такого ужаса и не наносит такого урона, как упорное преследование, потому что все потеряно. Чтобы восстановить разбитую армию, требуются существенные усилия, а кроме того, враг долго не будет вас беспокоить»⁵².

Откровения «удивительного маршала» невольно вызывают в памяти образ М. И. Кутузова, который был почти что его современником и наверняка немало слышал о нем от старших сослуживцев, помнивших и Морица Саксонского, и Петра I. Именно в тот «век военных споров», как назвал XVIII столетие Г. Р. Державин, и сложился М. И. Кутузов как полководец, как дипломат, как личность. Оттуда он вынес твердую уверенность в том, что цели в войне должны соразмеряться со средствами, что война тесно связана с политикой, что военные обстоятельства могут изменяться дипломатическими решениями, что последствия битвы могут

оказаться гораздо хуже самой битвы, а выигранные сражения и выигранная война — это далеко не одно и то же. Бóльшую часть отпущенных ему лет Михаил Илларионович прожил в «столетье безумном и мудром», когда приобретение разносторонних знаний считалось одной из форм служения царю и отечеству; со времен Петра I за знания в полном смысле слова нужно было сражаться, преодолевая настроения в обществе, безденежье, отсутствие учителей, чрезмерную строгость наставников, искушения радостями жизни... В начале XIX века, «пережив многое и многих», когда Кутузова со всех сторон теснили более молодые и энергичные представители новой эпохи, он до конца своих дней оставался действующим полководцем, дипломатом, администратором. «Величественный обломок минувших царствований», он неизменно производил на собеседников впечатление «государственного человека». В 1814 году, когда Кутузова не стало, его адъютант и будущий военный историк А. И. Михайловский-Данилевский по особому воспринял эту потерю; во время Венского конгресса он записал в своем Журнале: «Часто в великолепных здешних собраниях, где бывают почти все знаменитые люди Европы, смотрю я на наших со вниманием, перебираю в мыслях заслуги и подвиги их, вслушиваюсь в разговоры министров и генералов и всегда в сокровенности мыслей говорю сам себе: „Смоленский был славнее вас“»⁵³.

Глава четвертая

«БЕСЦЕННЫЙ ОПЫТ»

Итак, 1 марта 1762 года инженер-прапорщик Михайла Голенищев-Кутузов вырвался из-под крыла школьных наставников и сделал первые самостоятельные шаги в военной карьере. Биографы полководца, называя имена и даты, оставляли без комментария исторический контекст событий, сопутствовавший раннему периоду службы. Следует обратить внимание на важное обстоятельство, с которым до тех пор не сталкивалось ни одно поколение служилых дворян. В отличие от своих предков Кутузов получил возможность свободно выбирать судьбу: при желании он мог избежать всех неудобств и опасностей военной службы, а его первый офицерский чин мог стать для него последним, если бы наш герой вышел в отставку и зажил помещиком в деревне среди «людей, исключительно занятых собаками, разными птицами, страстными охотниками до боевых гусей». За десять дней до нового назначения Кутузова, 18 февраля 1762 года, Петр III подписал знаменитый Манифест о вольности дворянской, после чего стало очевидно: как бы ни крепла зависимость дворянства от самодержавия, но поводок, на котором «гуляло» благородное сословие, отныне стал значительно длиннее. Дворяне получили право «служить и выходить в отставку по собственному желанию, жить, где угодно, в России и за границей и учить детей, чему и как хочет. Хотя последнее право было вскоре опять отчасти ограничено, но этот Манифест есть действительно важнейший акт в развитии прав и привилегий дворянства: он именно обращал его в сословие привилегированное, наделяемое особыми правами, из сословия служилого и несшего службу, иногда действительно очень тяжелую, ибо, не говоря уже об отдельных тягостях военной службы, и по ограничении ее двадцатипятилетним сроком, бывали случаи даже переселения дворян из одного места в другое в видах правительства и по его лишь предписанию, без согласия переселяемых...»¹.

Вообразим смятение юного Кутузова, на глазах которого произошло событие, в корне изменившее представления многих дворян о «смысле жизни», где до сих пор основное место отводилось службе. И вот теперь, «по силе указа», им была дарована воля, которой многие не преминули воспользоваться: «тотчас же все дороги из Петербурга и Москвы покрылись дворянами, которые оставили службу и спешили по своим

домам, и таким образом явились в провинции, по всем углам России, люди еще не старые, какими, бывало, приезжали дворяне в деревню прежде...»² Правда, слухи об Указе о вольности ходили разные; говорили, что Петр III, «объявив, что ночью будет заниматься государственными делами с секретарем Волковым, отправился к любовнице, а Волкову велел не выходить и писать все, что угодно». Секретарь и составил закон о дворянских вольностях, которым, по словам А. С. Пушкина, «наши предки гордились и которого скорее следовало бы стыдиться». Но «впервые в русской истории закон запрещал пороть хотя бы какую-то часть населения»³. Проживая в Санкт-Петербурге, отец и сын Голенищевы-Кутузовы были в числе первых читателей манифеста, откуда они, воспользовавшись правом свободного выбора, взяли то, что считали своей дворянской привилегией — военную службу. Обнародование манифеста совпало с окончанием боевых действий против Пруссии и подготовкой к войне против Дании в союзе с Фридрихом II. Многие русские военные были недовольны исходом затяжной военной кампании, плоды которой Петр III уступил прусскому королю, и поэтому спешили выйти в отставку. Они не намерены были следовать в фарватере внешней политики Пруссии и проливать свою кровь за голштинские вотчины российского императора, захваченные датчанами. Для тех, кто оставался служить, возникла возможность для быстрого карьерного роста: неспроста Михаила Голенищев-Кутузов сразу, в возрасте 15–17 лет, занял должность «флигель-адъютанта ранга капитанского»⁴.

Его начальник Петр Август Фридрих принц Гольштейн-Бекский являлся крестником Петра I и служил в русской армии с 1734 года, вступив в нее полковником. В 1738 году он был уже генералом в армии фельдмаршала Миниха и отличился в битве при Ставучанах в 1739 году. Императрица Елизавета Петровна в 1750-х годах пожаловала его генерал-аншефом с назначением директором Военной коллегии и ревельским губернатором. По воцарении Петра III едва ли не первым деянием российского монарха явилось пожалование родственнику чина генерал-фельдмаршала, а Фридрих Великий прислал ему орден Черного орла. Для молодых людей, подававших особые надежды в будущем, состоять при штабе высокопоставленных лиц в ту эпоху являлось своеобразной школой жизни, где они получали «навыки и опытность» к гражданским и военным делам. Принц, ни слова не знавший по-русски, возложил на грамотного и старательного юношу ведение канцелярских обязанностей. «Отличные дарования, исправность в службе и примерная расторопность Кутузова, —

достоинства, кои во всякое время были одними из лестнейших украшений юных воинов, не замедлили обратить на него внимание начальства...»⁵ В сборнике «Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов» Д. Н. Бантыш-Каменский посвятил П. Гольштейн-Бекскому всего две страницы и привел о нем отзыв фельдмаршала Миниха: «<...> Справедливый и хороший полководец; служит охотно и добрый воин, но не имеет больших дарований; дурно ведет себя; затрудняется командою, не зная русского языка». Судя по всему, принц был опытным администратором, но его происхождение не позволило ему долго находиться на занимаемой должности, хотя в тот день, когда М. И. Кутузов вступал на новое поприще, ничто, казалось, не предвещало беды. Напротив, положение его начальника лишь укрепилось с тех пор, как 21 марта 1762 года в Россию прибыл, оставив прусскую службу, еще и принц Георг Голштинский, дядя российского императора. Еще до прибытия принца Петра III «наименовал его первым членом Совета и вслед за тем пожаловал генерал-фельдмаршалом и полковником гвардии с титулом высочества; намеревался сделать герцогом Курляндским; требовал от иностранных министров, пребывавших тогда в Петербурге, чтобы они предварили дядю его своими посещениями; подарил ему два дома великолепно убранные; подчинил Голштинское войско, состоявшее из шестисот человек»⁶. Подчеркнутое расположение императора к голштинской родне подчас проявлялось довольно неуклюжим образом: Петр III и сам не заметил, как однажды «сжег мосты» в отношении со своей супругой. «Следующий эпизод, случившийся в мае 1762 года, наделал довольно много шума в столице. На торжественном обеде по случаю празднования мира, заключенного с Пруссией, Петр предложил „за здоровье императорской фамилии“. Когда императрица выпила бокал, Петр приказал своему генерал-адъютанту Гудовичу подойти к ней и спросить, почему она не встала, когда пила тост. Государыня отвечала, что так как императорская семья состоит из ее супруга, сына и ее самой, то она не думает, чтобы это было необходимо. Гудович, передав этот ответ, был снова послан сказать ей, что она „дура“ и должна бы знать, что двое дядей, принцы Голштинские, также принцы венценосной семьи. Опасаясь, впрочем, чтобы Гудович не смягчил выражения, Петр повторил его громко, так что большая часть общества слышала его. Екатерина залилась слезами. Происшествие это быстро разнеслось по городу, и по мере того как Екатерина возбуждала к себе сочувствие и любовь, Петр глубже и глубже падал в общественном мнении»⁷. В наши дни специалисты проявляют

снисходительность к недостаткам свергнутого императора, а то и вовсе считают их вымыслом его честолюбивой супруги: «Петр находился на престоле недолго, всего шесть месяцев. Он не снискал не только любви, но и признания у своих подданных, хотя был человеком незлобивым и совсем не глупым»⁸. Все же более убедительными, на наш взгляд, представляются доводы Е. В. Анисимова: «Сознавая, как сильно влияет на точку зрения сложившийся в литературе стереотип, автор этих строк пытался найти в документах свидетельства, которые позволили бы пересмотреть традиционную оценку личности Петра Федоровича, увидеть в ней „скрытый план“, такие не замеченные предшественниками черты, раскрытие которых обогатило бы наши знания. Но все усилия оказались тщетными — никакой „загадки“ личности и жизни Петра Федоровича не существует. Упрямый и недалекий, он стремился во всем противопоставить себя и свой двор „большому двору“ и его людям, как впоследствии Павел противопоставлял свою Гатчину Царскому Селу»⁹. Конечно, можно заподозрить будущую императрицу Екатерину II в преднамеренном желании «сгустить краски» в повествовании о своей супружеской жизни, представить в выгодном свете свои помыслы и действия, которые возвели ее на трон, но трудно заподозрить в обмане очевидцев, с горестью повествовавших о недостойном поведении монарха, оскорблявшем верноподданные чувства. «Редко стали уже мы заставлять Государя трезвым и в полном уме и разуме, — сокрушался А. Т. Болотов, — а всего чаще уже до обеда несколько бутылок английского пива, до которого он был страстный охотник, уже опорожнившим, то сие и бывало причиною, что он говаривал такой вздор и такие нескладницы, что при слушании оных обливалось даже сердце кровью от стыда перед иностранными министрами, видевшими и слышавшими то и бессомненно смеющимися внутренне. Истинно, бывало, как вся душа поражается всем тем, что бежал бы неоглядкою от зрелища такового: так больно было все это видеть и слышать».

Сознавал ли юный Кутузов, что его на первый взгляд выгодная служба при государевом любимце может в любую минуту обернуться неприятностями? Доходили ли до него слухи о «всеобщем негодовании» против Петра III, грубо обходившегося с высокопоставленными сановниками империи, генералами, в недавнем прошлом побеждавшими войска Фридриха II? На этом фоне незаслуженная протекция «голштинцам» воспринималась как оскорбление национальной гордости, и без того пострадавшей от заключения мира с Пруссией в тот момент, когда

русские войска занимали Берлин. Был ли Кутузов уже в те годы достаточно сметлив и проницателен, чтобы заметить тучи, которые собирались над головой его начальника? Обсуждал ли свое «зыбкое» положение с отцом и «батюшкой» Иваном Логиновичем? Очевидно, старшие наставники, повидавшие на своем веку не один правительственный кризис, были встревожены существовавшим при дворе «раскладом сил». Может быть, не без их стараний Кутузов оказался в Ревеле, подальше от столицу, где назревал заговор, о котором, по удачному выражению А. С. Пушкина, «знали все, кроме правительства».

Пока трудолюбивый офицер «старался употребить все меры к приобретению навыка и опытности» в делах, грянул государственный переворот «26 числа июня 1762 года», навсегда оставшийся в памяти его участников. Житель Северной столицы, Михайла Голенищев-Кутузов с детства был наслышан о «кратковременных правлениях» и дворцовых переворотах, но, вероятно, и он был взволнован, когда в канцелярию ревельского генерал-губернатора был доставлен манифест императрицы Екатерины II, содержащий, по словам В. А. Бильбасова, «всемирное исповедание»: «Не снискание высокого имени обладательницы российской; не приобретение сокровищ, которыми паче всех земных нам можно обогатиться; не властолюбие и не иная какая корысть, но истинная любовь к отечеству понудила нас принять сие бремя правительства. Почему мы не токмо все, что имеем и иметь можем, но и самую нашу жизнь на любезное отечество определили, не полагая ничего себе в собственное, ниже служа себе самим, но все труды и попечения подъемлем для славы и обогащения народа нашего»¹⁰. Очевидно, вместе с манифестом до Ревеля стали доходить подробности «революции 28 июня». Императрица прибыла в гвардейские казармы близ Калинкиной деревни. Первым новой самодержице присягнул лейб-гвардии Измайловский полк, за ним — Семеновский, к которым вскоре присоединилась вся гвардия. Среди новостей были такие, что произвели на принца Петра Гольштейн-Бекского особенно гнетущее впечатление: «<...> С ненавистью необыкновенной при этом обращались с новыми, прусского образца мундирами. Гренадерские шапки многие топтали ногами, пробивали их штыками, швыряли в нечистоты или же надевали их на ружья для всеобщего обозрения и так носили. В конце концов, эти озлобленные беснующиеся люди продавали новые мундиры по смехотворным ценам, лишь бы хватило на выпивку»¹¹. Переворот был бескровным, но в числе пострадавших оказался принц Георг: его избили конногвардейцы, разграбив дом, пожалованный

низвергнутым императором. Начальнику Кутузова, находившемуся в Ревеле, безусловно, повезло, также как и офицерам его штаба. Надежды на то, что Петру Федоровичу вдруг удастся вернуть себе трон, рассеялись быстро: вскоре последовал манифест, из которого следовало, что бывший император скончался от «геморроидальных колик», которые, по замечанию иностранцев, «в России особенно опасны». Екатерина II была милостива к побежденным противникам: на третий день после переворота принц Георг с семейством смог беспрепятственно отправиться в Германию. Императрица выразила в письме сожаление пострадавшему «от неистовства солдат», приложив к своему посланию 150 тысяч рублей. Кутузову стало ясно, что расставание с начальником не за горами. Впрочем, он мог и не особенно тревожиться по этому поводу: согласно сведениям Ф. М. Синельникова, именно Екатерина II, будучи великой княгиней, рекомендовала М. И. Кутузова принцу Петру Гольштейн-Бекскому...

В августе штаб принца Петра Гольштейн-Бекского был расформирован; по представлению фельдмаршала Военная коллегия распределила «флигель-адъютанта ранга капитанского Михайлу Голенищева-Кутузова капитаном для определения в полк здешней команды». По-видимому, он некоторое время оставался в Ревеле, да и потом бывал здесь неоднократно. Возможно, после отставки принца Петра Августа его «принял под крыло» новый генерал-губернатор Ревеля Тизенгаузен. Впрочем, образованному, прилежному, общительному офицеру было нетрудно расположить к себе начальников, «не склоняемых пристрастием» к родне. В Остзейских губерниях, недавно включенных в состав Российской империи, таким, как Кутузов, служилось легче, чем в столице, куда лучше было являться по достижении высоких чинов. В столице мелкопоместный дворянин обязательно сталкивался с проявлением «местничества», которое существовало в сознании жителей обеих столиц, невзирая на Табель о рангах. На протяжении всей жизни Михаил Илларионович, судя по документам, избегал двух вещей: покровительствовать родственникам и служить во внутренних губерниях России, нравы и противоречия которых явились во всей красе во время Пугачевского восстания. Как человек, получивший европейское образование и навыки светского общежития, он (впрочем, как и его отец) стремился в те места, где его знания и навыки не вызывали бы подозрение и зависть, а напротив, привлекали бы к нему людей. Кроме того, как уроженец Пскова, где в чести была каменная архитектура, он предпочитал (что тоже очевидно) жить в каменных домах, в то время как в Центральной России даже дворянство и знать, по предубеждению, что каменные

постройки наносят вред здоровью, селились в деревянных домах и усадьбах. Любопытный Кутузов всегда искал новых впечатлений. Ревель — военный и торговый порт на Балтике — не только представлял возможности для усовершенствования в иностранных языках, но и позволял наблюдать за обычаями и нравами людей разных национальностей и вероисповеданий. Фактически это был заграничный город, даже в середине XIX столетия православные составляли здесь не более 30 процентов населения. По воспоминаниям Л. Н. Энгельгардта, состоятельные дворяне отправляли своих сыновей для получения образования в Остзейские губернии, где не было недостатка ни в учителях, ни в пансионах. Ревель перешел к России в 1710 году, сдавшись Петру I, который, в свою очередь, даровал дворянству и городским сословиям жалованную грамоту, подтвердившую привычный для местного населения жизненный уклад. Ревель, как некогда Псков, стал сильной приграничной крепостью; здесь была основана военная гавань, и Петр I построил небольшой домик, чтобы наблюдать за ходом ее строительства. Во времена пребывания здесь Кутузова это была не единственная постройка, напоминавшая о лицах императорской фамилии: в окрестностях города был выстроен Екатерининский дворец, подаренный Петром I своей супруге Екатерине I. Именно в этом дворце императрица Елизавета Петровна подписала оборонительный договор против Пруссии с австрийской императрицей Марией Терезией. У довольно многолюдного города была богатая история, о которой напоминали крепостные валы и стены; лучшие общественные и частные здания располагались на Вышгородской горе (*Domberg*). В XIII веке город принадлежал датчанам, потом стал главной резиденцией ордена меченосцев, и сюда потянулись выходцы из Саксонии и Вестфалии; Ревель входил в состав Ганзейского союза, а с конца XIV по XVI век он принадлежал Ливонскому ордену, пока не присягнул на верность шведам. В том, что Кутузов был здесь не чужим человеком, убеждает факт, что впоследствии одна из его дочерей — любимая — Елизавета вышла замуж за его адъютанта Фердинанда Тизенгаузена, который по укрепившейся традиции начал службу при его штабе. Как хорошо, что человеку не дано предвидеть будущего: в те дни беззаботной юности, когда Кутузов бродил по мощенным камнем улицам Ревеля, мимо древней, выстроенной в готическом стиле соборной церкви, он и представить себе не мог, что спустя десятилетия здесь будут хоронить его зятя (которого он любил как собственного сына), погибшего у него на глазах со знаменем в руках...

Пока же Михайла Голенищев-Кутузов мечтал об опасностях военной

службы для самого себя. Первым шагом им навстречу был перевод в армейский полк. 21 августа 1762 года он был произведен в капитаны и назначен командиром роты в Астраханский пехотный полк, а 31 августа того же года командиром полка был назначен полковник Александр Васильевич Суворов¹². Не станем придавать особого значения факту пересечения судеб будущих великих полководцев, отраженному в документе: историки давно поставили под сомнение возможность их «судьбоносной встречи» в то время. Бесспорно другое: армия приобрела в лице Кутузова талантливого, исполнительного офицера, увлеченного своим ремеслом, не боявшегося ни трудов, ни опасностей. В его раннем послужном списке от февраля 1763 года говорится: «В должности звания своего прилежен и от службы не отбывает, подкомандных своих содержит, воинской екзерциции обучает порядочно и к сему тщание имеет, лености ради больным не репортовался и во всем себя ведет так, как честному обер-офицеру подлежит...»¹³ Одним словом, его образ жизни полностью соответствовал идеалу воина из «Военных отрывков» принца де Линя: «Хотя бы вы происходили от крови величайших героев, и даже от самых богов; но ежели честь и слава не воспламеняет вас непрерывно, то не становитесь никак под их знаменами; не говорите, что имеете склонность к военному званию. Это холодное выражение не значит ничего; выбирайте лучше другой род службы; остерегайтесь: вы можете служить беспорочно, вы можете иметь некоторые сведения, можете сделать небольшие успехи, но далее, конечно, не пойдете, потому что не имеете истинного таланта. Любите военное звание больше всех других; любите его до исступления. Если вы не думаете беспрестанно о воинских упражнениях; если не хватаетесь с жадностью за военные книги и планы; ежели не целуете следа старых воинов; если не плачете при рассказывании о сражениях; если не умираете от нетерпеливости быть на них и не чувствуете стыда, что до сих пор их не видали, хотя бы это и не от вас зависело, то сбросьте, как можно скорее, мундир, который вы бесчестите. Если одно баталионное учение не приводит вас в восторг, если вы не чувствуете охоты присутствовать везде; если вы задумываетесь в таких случаях; если не трепещете от страха, что дождь может помешать вашему полку делать маневры: то отдайте ваше место тому из молодых людей, кто будет иметь вышеозначенные свойства. Он только может любить страстно науку Морицов; он только будет уверен, что надобно делать втрое больше, нежели сколько требует долг, чтоб исполнить свое звание. Горе холодным людям. Им должно возвратиться в недра своего семейства. Они не стоят того, чтобы разлучать их с матерью

или любовницей. Пусть они умножают число тунеядцев. Если природа ошибкою произвела их на свет в позлащенных чертогах вместо сельской хижины, где часто рождаются великие люди, то, по крайней мере, пусть наглая и едва проницаемая их толпа не препятствует заслуженным воинам выказывать Государю почтенные свои раны. Итак, юные военнослужащие, надобно непременно, чтоб вы упоены были восторгом; чтоб честь потрясала сердца ваши; чтоб огонь победы блистал в глазах ваших; чтоб душа ваша при одном помышлении о славных подвигах возносилась выше самой себя»¹⁴. Довольно неопределенная информация о переводе в действующую армию М. И. Кутузова содержится и в историческом анекдоте, попавшем во все биографии полководца, где явно объединились разновременные события: «Первоначальное внимание Северной Монархини к Кутузову, усугубленное лестными отзывами принца Голштейн-Бекского об отличных его способностях, было, наконец, довершено дальнейшими усилиями его оказать готовность свою на службу Отечеству. Во время путешествия Государыни в Остзейские провинции она имела многие случаи заметить в молодом, благовоспитанном, умном и расторопном офицере те воинские дарования, которые составляют славу Государей, надежду Отечества и честь целого народа, и потому удостоила его лично своею благосклонностью. Отъезжая из Ревеля, она изволила спросить Кутузова: желает ли он отличиться на поле чести? — „С большим удовольствием, Всемилостивейшая Государыня!“ отвечал он со скромностию и заслужил улыбку Северной Монархини <...>»¹⁵. Когда и где именно состоялась эта встреча, выявившая намерения М. И. Кутузова покончить раз и навсегда со штабной деятельностью и служить под полковыми знаменами? Один из биографов полководца А. Петров, в конце позапрошлого столетия ссылавшийся на сведения фамильного архива, судя по всему утраченного после революции, с уверенностью сообщал: «Через два года Императрица Екатерина II была в Ревеле, узнала Кутузова и, с свойственной ей проницательностью, оценила его способности»¹⁶. Кстати, для этой легенды есть основания. Именно в 1764 году Екатерина II «путешествовала в Остзейские провинции»: она посетила знаменитого герцога Э. И. Бирона в его курляндских владениях, которых бывший фаворит Анны Иоанновны едва не лишился странным способом. В 1740 году Бирон пал жертвой переворота, возглавленного энергичным Минихом, и считался герцогом Курляндским до такой степени формально, что императрица Елизавета Петровна сочла для себя (и для России) возможным подарить Курляндию сыну польского короля Августа III — Карлу.

Екатерина II иронизировала по этому поводу: «Говорили, что во всяком деле есть только два способа, которые следует избрать — это быть справедливым или несправедливым. Обыкновенно корысть производит последнее. В деле о Курляндии было справедливым возратить детям Бирона то, что им предназначалось от Бога и природы. Если же хотели следовать корысти, то долженствовало (признаюсь, что несправедливо) беречь Курляндию и изъять ее из-под власти Польши для присоединения к России. Кто бы после этого рассуждения сказал, что нашли третий способ, по которому учинена несправедливость без извлечения из этого и тени выгоды...»¹⁷ Мы для того приводим здесь пространную цитату, чтобы показать, что на глазах у Кутузова создавалась новая дипломатическая система России, где Россия впервые выступала не в роли «подручного» сильных европейских держав, а становилась самостоятельным игроком, преследовавшим свой собственный интерес. Любезность фраз скрывала твердость намерений. Екатерине II, дебютировавшей на международной арене в «польском вопросе», нужны были приверженцы — дипломаты, разделявшие ее взгляды, и воины, готовые их отстаивать с оружием в руках. Одним из них безоговорочно стал М. И. Кутузов.

1 марта 1764 года он был направлен волонтером (добровольцем) в войска под командованием генерал-майора И. И. Веймарна в Польшу, где, по словам историка, «Репнин твердою рукою, даром слова и благоразумными мерами, возложил корону на стольника Литовского, графа Станислава Понятовского»¹⁸. Вопреки ожиданиям Франции и Австрии, традиционно поддерживавших в Польше антирусские настроения, влияние России в «стране вековой анархии» стало преобладать. Воспринимая дворцовые перевороты как норму политической жизни в Петербурге, в Париже и в Вене полагали, что Екатерина II всецело поглощена внутренними проблемами и вообще процарствует не более четырех — шести лет. Иностранные дипломаты «проглядели» союз России и Пруссии в «польском вопросе», полагая, что после смерти Петра III подобный альянс невозможен. «Мои предшественники не имели союзником короля Фридриха: и вот мое преимущество перед ними; искреннее содействие, оказанное мне моим союзником, довело это избрание в Польше также единодушно, как и спокойно к концу. <...> Я не удивляюсь, что великие державы возбуждены против меня: я устранила преграду, неудобную для России, но весьма выгодную интересам этих держав»¹⁹. Впрочем, на деле все выглядело не так «единодушно»: «Под Варшавой Виленский воевода князь Радзивил 28 июня напал на отряд полковника Бока, где находился

капитан Кутузов. Бок со своим помощником Кутузовым не только отбили нападение Радзивила, но и обратили его в бегство»²⁰. Первая военная кампания Кутузова продолжалась всего год, но и этого времени хватило для того, чтобы он уверился в своих силах, а его начальство убедилось в том, что молодой офицер не боится опасности и так же расторопен и сметлив на поле боя, как и на учениях.

1 марта 1765 года М. И. Кутузов снова возвратился в Астраханский пехотный полк, который квартировал в Новой Ладоге под Петербургом и время от времени нес караульную службу в столице. Императрица Екатерина II по-прежнему благоволила красивому, остроумному, образованному офицеру, который везде был к месту — и в поле, и при дворе. Указом от 31 июля 1767 года капитан Астраханского пехотного полка был переведен в распоряжение генерал-прокурора князя А. А. Вяземского для не совсем обычного на первый взгляд занятия: он был направлен в Большую комиссию, которая должна была составить новое Уложение. Более 500 депутатов съехались в Москву «изо всех уездов и городов», причем в их числе были однодворцы, «пахатные солдаты» и даже крестьяне. Депутатом от Северной столицы был избран граф Алексей Григорьевич Орлов, а в комиссии для составления депутатского наказа приняли участие один тайный советник, один генерал-майор и три купца. По мнению В. А. Бильбасова, собрание представителей Русской земли, во-первых, «для того, чтобы от них выслушать нужды и недостатки каждого места», и, во-вторых, «для заготовления проекта нового уложения» — великий акт, призывавший русский народ в лице его выборных к участию в законодательстве. В той форме, в какой эта мысль была выражена, она являлась действительно «опытом великой доверенности к народу», и день открытия комиссии есть день, «долженствующий навсегда остаться священным для России». В этот день 545 депутатов привезли в Москву и представили на всенародное обсуждение длинный перечень «нужд и недостатков» из 1264 местностей, из которых прежде доносились лишь «напрасные жалобы и подавленный ропот». Никто не радел о нуждах русского человека, никто не заботился о недостатках той или другой местности, когда «с высоты престола» раздался образный голос Екатерины: «Выскажите свои жалобы. Сапог жмет вам ногу? Мы постараемся поправить это. У меня нет системы; я желаю только общего блага — оно вместе с тем и мое собственное. Работайте. Собирайте материалы, издавайте проекты — узнайте, чего вы хотите». Дело, безусловно, было необычным. В Волоколамске, например, по случаю выбора дворянского депутата в комиссию проходили торжественные обеды и ужины у знатных

лиц и даже был «сожжен фейерверк, в котором изображено имя Императрицы, а по сторонам начальные литеры: Б. М. И. П. Б. О., означавшие „благоволение монаршее, исполнение подданных, благополучие общества“ и т. п.». Манифест о созвании Большой комиссии был встречен с живейшей радостью, и, не дожидаясь успехов предприятия, «местами заговорили о памятнике, который дворянство намеревалось воздвигнуть Екатерине II»²¹.

Согласно «Наказу» императрицы Большая комиссия под руководством князя А. А. Вяземского должна была составить проект Уложения и представить его затем ей на утверждение. В состав комиссии входили родственники М. И. Кутузова по линии Ивана Логиновича Голенищева-Кутузова, женатого на Авдотье Ильиничне Бибиковой: ее братья Александр Ильич и Василий Ильич, причем первый из них, генерал-поручик, пользовался особой доверенностью Екатерины II и был назначен ею верховным маршалом комиссии. Для разработки отдельных проектов создавались депутатские комиссии, называвшиеся «частными». Каждая комиссия состояла из пяти депутатов: М. И. Кутузов был включен в секретариат Юстиц-кой комиссии. Он должен был составлять реестры депутатских наказов, выписки и сводки из существующего законодательства, связно излагать формулировки статей проектов, вести протоколы заседаний, которые затем сводились в одну дневную записку, и ее «экстракт» ежедневно направлялся на прочтение императрице. В архивных делах сохранились составленные им записки с 11 октября по 13 ноября. Жесткие прения между депутатами разгорелись по вопросам дворянских привилегий: дворяне-аристократы требовали их расширений, а представители военного сословия и купцы настаивали на ограничении прав потомственных дворян. «Обнаружился антагонизм между двумя важнейшими группами дворянства: настоящая аристократия, т. е. Рюриковичи по происхождению, богачи по состоянию, потомки столпов государства, не хотели пользоваться одинаковыми правами с дворянами нового происхождения, т. е. с людьми, вступившими в дворянское сословие не иначе как путем постановления „Табели о рангах“»²². Наибольшее впечатление произвела на всех членов Большой комиссии речь князя М. М. Щербатова, который, оставаясь верным себе, предложил назначать дворян не только на офицерские, но и на унтер-офицерские должности. Однако депутат от крестьян, однодворец Воронежской губернии Ефим Фефилов, резонно возразил на эту пафосную речь: «Во-первых, такого ограничения никогда не было и что такое нововведение было бы „несообразно с самым

естественным законом“, а во-вторых, что одних дворян не хватит для занятия во всей империи не только всех унтер-офицерских чинов, но даже не хватит его для занятия всех обер-офицерских чинов». Вопрос о дворянстве был впоследствии решен императрицей в духе предложений Фефилова. Во время прений о правах благородного сословия, которые вряд ли оставили равнодушным М. И. Кутузова, основными оппонентами были дворяне и офицеры; во время споров о правах купеческого сословия «выступили на сцену в качестве главных ораторов купцы и крестьяне». Безусловно, обсуждался депутатами животрепещущий вопрос о крепостном праве. И неслучайно: среди крестьян ходили упорные толки о том, что указ Петра III о дворянской вольности предшествовал указу о крестьянской вольности. Все, кто собрались в Москве с целью дать стране новые и справедливые законы, не предполагали, что страна находится накануне страшного социального взрыва — крестьянской войны под предводительством Емельяна Пугачева. Пока же депутаты в мирной обстановке обсуждали возможности «улучшения быта крестьян» в границах крепостной зависимости. «Мы люди, и подвластные нам крестьяне суть подобные нам, — обратился к депутатам князь М. М. Щербатов. — Разность случаев возвела нас на степень властителей над ними; однако мы не должны забывать, что и они суть равное нам создание. <...> И я, конечно, не сомневаюсь, что почтенная Комиссия узаконит запрещение продавать людей поодиночке без земли». Конечно же Кутузова интересовал вопрос о привилегиях окраин, тех самых мест, где он предпочитал нести службу. Подчас наказания, привезенные депутатами, носили курьезный характер: «так, например, в одном наказе первым пунктом поставлено, что „дворянство, имея штаб и обер-офицерские чины, приехав в город, за неимением при себе домовой водки и вина, принуждены бывают с питейных домов покупать водку и вино, многим с противными и с непристойными специями и запахом; посему дворянство по характерам их видеть принуждены себе в том недостаток, посему о дозволении о скидке вина каждому помещику по достатку доложить комиссии“»²³.

Участие двадцатилетнего Кутузова в столь необычном для России деле, как работа Большой комиссии, не могло пройти для него бесследно. «Правда, мы не имеем отзывов современников, в которых высказывалось бы признание за ней большой пользы: напротив, многие находили, что она была совершенно излишней и бесплодной, что никакого дела из нее не вышло, так как большинство дворян и по своему развитию было еще весьма далеко от возможности быть полезными в таком деле. Но если даже

не признавать, что намерение императрицы было лишь узнать желания и нужды сословий, — указаниями депутатов очень много воспользовались при составлении учреждения о губерниях, если даже не признавать этой единственной цели, то все же не мог не оказаться полезным для дворян призыв собраться, обсудить свое положение и нужды, обдумать свои желания и поискать средств к устранению недостатков»²⁴. По признанию самой Екатерины, депутаты, съехавшиеся из разных мест, «подали мне свет и сведения о своей империи, с кем дело имеем и о ком пещись должно». В продолжение своего 34-летнего царствования Екатерина нередко пользовалась этими сведениями: так, в 1778 году в указе особой комиссии для преобразования Тульского оружейного завода императрица ссылалась на требования, заявленные в 1767 году в наказе депутату от завода. Не преувеличивая значимости вклада М. И. Кутузова в работу над Уложением, нельзя не признать, что он смог обогатить себя полезными в будущем сведениями, касающимися сословных взаимоотношений, хозяйственной жизни, юриспруденции и т. д. Ему представилась редкая возможность «людей посмотреть и себя показать»: среди депутатов были известные в России люди — князь М. М. Щербатов, четверо братьев Орловых, Г. А. Потёмкин, граф П. И. Панин. В декабре 1768 года деятельность Большой комиссии прервалась. Россия стояла на пороге войн: против нее решились выступить одним фронтом Турция и Польша, объединенные старинной враждой. Депутаты, бóльшая часть которых состояла из военных, поспешили вернуться к своим прямым обязанностям. Кутузов расстался с мирной жизнью без сожалений: он всегда рвался туда, куда призывали его долг и страсть к «науке Морицов».

Глава пятая

«ГДЕ ТРЕВОГА — ТУДА И ДОРОГА»

*Говоря однажды о храбрости, Екатерина сказала:
«Если б я была мужчиною, то была бы убита, не
дослужась и до капитанского чина».*

С. Н. Глинка. Русские анекдоты

Поводом для вмешательства России в польские дела послужила защита прав диссидентов, то есть православного населения. Отстаивая в Польше их права, Екатерина II играла в глазах Европы роль «представительницы религиозной терпимости в борьбе против фанатизма католической церкви»¹. Именно в этом качестве она представлялась Вольтеру, утверждавшему, что «в первый раз в истории военные действия оказываются средством для благодеяния человечеству»². Позиция императрицы в отношении диссидентов была довольно жесткой: «<...> Православные в Польше подвергаются разным притеснениям. <...> Большая часть их принуждена признать унию, остальных в Белоруссии оскорбляют католическое духовенство и дворянство. Сейм должен согласиться на неограниченную свободу религии...»³ Поляки, в свою очередь, проявляли неуступчивость в этом вопросе, сознавая, что покладистость прямым путем приведет их к потере независимости. Король Польши Станислав Август Понятовский тяготился зависимостью от России, но его попытки найти поддержку у Франции, Австрии и Великобритании успеха не имели. Он готов был частично признать права диссидентов в обмен на реформы, усиливающие монархические начала в государственном правлении, но Екатерина II твердо придерживалась принципов русской дипломатии, существовавших со времен Петра I: не допускать централизации власти в Польше во избежание усиления западного соседа, который принес немало бед России в XVII веке. Накал политических страстей в Польше с 1764 года возрастал: наш резидент князь Н. В. Репнин, «неограниченно царствовавший в Варшаве», недвусмысленно пообещал на сейме умножить количество русских войск, которые фактически оставались там со времен Семилетней войны. Не получив действенной поддержки в Европе, поляки возложили надежды на

Оттоманскую Порту, сознавая при этом призрачность этих надежд: «изгнать русских при помощи турок значит зажечь дом для того, чтобы избавиться от мышей». Турцию тревожил союз между Россией и Пруссией: ее беспокоило вступление на российский престол Петра III, равно как и Екатерины II, вмешательство которой в польские дела Порты расценила как нарушение собственных интересов. К вооруженному конфликту с Россией турок подталкивал французский посланник, полагавший, что время для войны настало подходящее: он уверил турок, что Екатерине II не удержаться на престоле. Французская дипломатия тех лет, как впоследствии и при Наполеоне, была одержима стремлением во что бы то ни стало отбросить Россию к допетровским временам. «Что касается России, то мы причисляем ее к рангу европейских держав только затем, чтобы исключить ее из этого ранга, отказывая ей в праве даже помыслить об участии в европейских делах, — высокомерно писал граф де Бройль. — Необходимо устранять все обстоятельства, которые могли бы дать ей возможность играть какую бы то ни было роль в Европе». Опираясь на Швецию, Польшу и Турцию (опять же, как во времена Наполеона!), Франция надеялась возвести «непроницаемый барьер между Россией и остальной Европой от полюса до архипелага». Помощь оружием поступала в Турцию не только из Парижа, но и из Вены и от крымского хана. Претензии Блистательной Порты возрастали день ото дня: она требовала удаления русских войск от турецких границ, очищения от них Подолии и всей Польши. 25 сентября 1767 года русский посланник А. М. Обресков был арестован, что означало объявление войны. Русская императрица встретила это известие спокойно, благо мужества ей было не занимать: «На начинающего Бог! Не первый раз России побеждать врагов!» По натуре Екатерина II всегда была оптимистом — неоценимое качество для монарха, привлекающее к нему сердца подданных, а в той ситуации, когда разразилась Русско-турецкая война 1768–1774 годов, заразительный оптимизм был просто необходим. Россия плохо подготовилась к войне: положение спасало лишь то, что Турция была готова к ней еще меньше. Но настроение императрицы передалось всем, кто встал под ее знамена и кого впоследствии А. С. Пушкин назвал «екатерининскими орлами». В те дни императрица писала: «<...> И вот разбудили спавшего кота, и вот кошка бросилась на мышей, и вот, смотрите, что вы увидите, и вот о нас заговорят, и вот мы зададим такого звону, какого от нас не ожидали, и вот турки побиты <...>»⁴. До победы, конечно, было еще очень далеко. Россия вступала в войну сразу на двух фронтах. С точки зрения военного искусства — не самое удачное начало, но спустя много лет сподвижники

Екатерины будут гордиться тем, что они справились с трудностями, выпавшими на их долю.

8 ноября 1768 года последовал манифест Екатерины II, извещавший подданных, что внутренние беспорядки в Польше и нарушения прав диссидентов вынуждают ее принять участие в польских делах. Польский король к тому времени уже не владел ситуацией в стране и вынужден был «от имени нации» просить защиты в России: королевские войска готовы были соединиться с русскими против Барской конфедерации. Русское командование в 1769 году ожидало одновременно вторжения турок в наши пределы и в Польшу, где они намеревались действовать вместе с конфедератами. Для занятия Польши назначалась 1-я армия под командованием генерал-аншефа князя А. М. Голицына, численностью в 80 тысяч человек; по весне русские вступили в Каменец-Подольск и Хотин, обороняемые турецкими гарнизонами, под прикрытием которых утвердились партии конфедератов. 2-я армия генерал-аншефа графа П. А. Румянцева, численностью до 40 тысяч человек, должна была ограждать южные границы России от набегов крымцев. Наконец, 3-я «обсервационная» армия генерал-аншефа П. И. Олица, в числе до 15 тысяч человек, должна была собраться у Луцка; для ее усиления из внутренней России был выслан корпус генерал-майора И. И. Веймарна, состоявший из четырех карабинерных и трех пехотных полков при десяти орудиях. При корпусе находился и М. И. Кутузов, которого Веймарн помнил по первому польскому походу, почему и назначил его руководить действиями отрядов, высылаемых против конфедератских партий. Подробных сведений о его участии в польской кампании 1769 года, к сожалению, не сохранилось, однако сам характер боевых действий позволяет предположить, что капитан Голенищев-Кутузов приобрел навыки ведения партизанской войны, которые невозможно было приобрести ни в кадетском корпусе, ни на учебном плацу. Во всяком случае, в 1812 году, в отличие от многих своих сослуживцев, считавших партизанскую войну «неправильной» и относившихся к ней с пренебрежением, фельдмаршал Кутузов умело развязал «малую войну с большими преимуществами» на коммуникациях наполеоновской армии.

Партии польских конфедератов в 1769 году «вели партизанскую войну без общей связи между собою: каждый <...> желал быть вполне самостоятельным и никому не подчиняться. Таких партий образовалось довольно много. <...> Самым видным деятелем Барской конфедерации являлся князь Потоцкий, как по своему богатству, так и по знатности рода. Турки, занимавшие Хотин своим гарнизоном, недоверчиво смотрели на

конфедератов вообще, мало ожидали от них действительной помощи и потому обращались с ними чуть ли не с презрением. Со своей стороны, конфедераты также мало ожидали помощи от турок, тем более что вместе с ними должны были вступить в Польшу и татары, для которых грабеж — дело привычное. Постоянное угнетение малороссов поляками также не могло не отразиться на их отношениях. Это способствовало образованию казацких, так называемых гайдамацких партий, собиравшихся в Польшу вместе с татарами и турками для действия против конфедератов и вообще жителей Польши. Между этими партиями были и такие, кто имел в виду только возможность кого-нибудь пограбить. Это побудило жителей Брацлавского и Киевского воеводств просить у русского командующего защиты от подобных поборников христианства. Князь Голицын поэтому разослал партии для уничтожения гайдамаков в Польше. Действия под Хотиным приводили к постоянным столкновениям небольших отрядов, и М. И. Кутузов постоянно назначался то в тот, то в другой отряд для лучшего руководства их действиями. Вспоминая это время, он говорил, что тогда еще „не понимал войны“ и что настоящие понятия о ней в нем развил только „герой Ларги и Кагула“ — П. А. Румянцев»⁵.

Однако до назначения в армию полководца, которого Екатерина II назвала «предводителем разумным, искусным и усердным», Кутузов столкнулся с первыми неприятностями по службе. Упоминания о них содержатся лишь в одном из жизнеописаний полководца: «Быстрые успехи, оказанные Кутузовым в самое кратчайшее время, не замедлили навлечь ему недоброжелателей и завистников, кои, видя раскрывающийся гений юного героя и проложенную им дорогу к важнейшим подвигам, а следовательно, к вящей славе, старались всячески стеснить порывы его героизма. К несчастью он сделал недоброхотствующими себе даже тех, от коих непосредственно зависело открыть ему обширнейшее поле действий, и таким образом доставить средство соделаться гораздо ранее тем, чем в последние дни жизни соделался он (выделено мной. — Л. И.): удивлением не только для соотечественников, но для целого света. Однако ж сколь часто случается, что самые мудрые и достойнейшие люди чем более начинают себя выказывать, тем более зависть и недоброжелательство, опасаясь собственного своего затмения, изыскивают случаи помрачить самые блистательнейшие лучи великих их доблестей! Это столь обыкновенное дело, сколь достоверно то, что Кутузов, после поражения крымцев при Шумне, несмотря ни на оказанную им при сем случае личную храбрость и неустрашимость, ни на важность одержанной им победы, ни на полученную им рану, ниже на личное благорасположение к нему

правосуднейшей Монархини Севера, остался без всякой награды, — лестной спутницы великих дел»⁶. Автор сочинения был совершенно прав, определив причины некоторой задержки в служебном продвижении Кутузова, но он «забежал» вперед в своем рассказе, полагая, что досадный инцидент случился в конце Русско-турецкой войны 1768–1774 годов. Красноречивая запись в послужном списке Кутузова относится именно к 1769 году: «Хотя оной в нынешнем настоящем чину и показан 1762 года марта 1-го числа, однако, по силе именных указов и учиненного в Военной коллегии 1754 году декабря 13 числа обще собранным генералитетом рассуждений, показан по старшинству прежнего ево чина с 'заслугою десяти лет и доколе старшие пред ним в повышение не поступят, до того времени и он, Кутузов, производства себе получить не может»⁷. Возвращение офицера-волонтера в полк, по-видимому, не вызвало радости у начальников, для которых молодой сослуживец с солидным образованием и практическим боевым опытом представлял серьезную неприятность. По этой причине ему и «подрезали крылья». Можно себе представить внутреннее состояние офицера, прибывшего из похода, которого попытались отбросить чуть ли не на десять лет назад в чинопроизводстве! После Указа о вольности 1762 года, последствием которого явилась нехватка офицерских кадров, ссылка на «рассуждения генералитета» пятнадцатилетней давности выглядела особенно уместной! Для Кутузова, самозабвенно преданного своему ремеслу, этот случай должен был явиться первым предостережением: искренность и открытость не спасают от недоброжелательности и зависти. В этом случае «простого псковского дворянина» не могла защитить даже Табель о рангах, которая, по мысли Петра I, должна была обеспечить карьерный рост способным и опытным офицерам. Впоследствии Михаил Илларионович напишет о том, что всегда «хотел жить и умереть на службе». Молодые годы, которые современные исследователи всё чаще и чаще упускают из виду, раскрывают несомненную особенность его характера: он был исключительно целеустремленным человеком, и воли и напора ему было не занимать! И эту черту он сохранял на протяжении всей своей жизни. Современник рассказывал: «Тщетно недоброжелатели истощали все свои усилия совратить его с того поприща, на котором слава не преминула в свое время показать бессмертного Героя Смоленского. Тщетно друзья и родные советовали ему оставить государственную службу и общественное звание, порождающие так много врагов, и уклониться под безмятежную сень семейственного покоя. „Нет, — говорил он им, — я никогда не престану

служить; никогда не дам причины порадоваться врагам моим и сказать: мы превозмогли его. Нет, этого никогда не будет“»⁸. Одной из причин тому была его глубокая религиозность. «Благочестие, сия небесная добродетель, возвышающая героев превыше обыкновенных людей, занимала первое место в высоких его доблестях. При неограниченном уповании на промысел Всевышнего, он отличил еще себя примерной кротостию и смирением. Сей величайший из Героев во все время жизни своей держался неукоснительного правила приносить за все искреннее благодарение Богу и не приниматься ни за какие дела, не испросив предварительно Божеского благословения...»⁹ Из его многочисленных писем явствует, что он воспринимал обиды и поражения, как посланное ему свыше испытание, которое нужно безропотно преодолеть, чтобы двигаться вперед. Просторы же в середине XVIII столетия открывались необозримые. Как говорил в те времена А. В. Суворов: «Где тревога — туда и дорога, где ура — туда и пора».

В декабре 1769 года М. И. Кутузов прибыл в 1-ю армию графа П. А. Румянцева (назначенного вместо князя Голицына, после взятия Хотина не отличавшегося особой решительностью). Молодому офицеру, по счастью, было с кем тогда делить свои невзгоды: в действующей армии в чине инженер-генерал-майора находился его отец, Илларион Матвеевич, возглавлявший инженерные и минерные команды. Этим, по-видимому, и объясняется назначение капитана Михаила Голенищева-Кутузова дивизионным квартирмейстером к генерал-майору Ф. В. Боуру, опытному инженеру, поступившему на русскую службу из прусской армии, ученику Фридриха II. При его штабе находился и младший брат М. И. Кутузова — Семен, 16-летний кадет Артиллерийского и инженерного корпуса, в должности флигель-адъютанта. Впоследствии М. И. Кутузов признавал, что именно П. А. Румянцев оказал на него исключительное влияние как полководец, «развивший в нем настоящие понятия о войне». Во введении к одному из последних изданий военно-теоретического наследия П. А. Румянцева отмечено: «<...> Он (Румянцев) наследник дела Петра I и самый видный после него деятель в истории военного искусства в России, не имеющий себе равных. Из румянцевской школы вышли такие военные, как Потёмкин, Петр Панин, Репнин, сам Суворов...»¹⁰ Издатели почему-то вычеркнули из этого списка имя М. И. Кутузова, наследовавшего идеи великого полководца не только по внутреннему побуждению, но и в силу прямой служебной необходимости. В отличие от всех названных издателями особ в 1-й армии в 1770 году находился только он. Именно в

тот год произошло знаменательное для отечественного военного искусства событие: в войсках графа П. А. Румянцева стал применяться (вместо петровского регламента службы 1716 года) разработанный им свод воинских инструкций и правил, который лишь с 1777 года был утвержден в качестве строевого и боевого устава для всей остальной армии. Подлинный заголовок этого документа выглядел так: «Обряд службы. Для равенственного оной отправления в первой армии Ее императорского величества, вверенной в команду генерала и кавалера графа Румянцева; дан в главной квартире в городе Летичеве 1770 года марта "...» дня». Кутузов же в числе первых и в самом благоприятном возрасте, когда все новое усваивается легко и быстро, приобщился к румянцевским «понятиям о войне» как в теории, так и на практике.

В то время в Европе П. А. Румянцева хорошо знали; хотя перед началом Семилетней войны в общегенеральском списке он был назван по счету всего лишь двадцать седьмым, но участие в битвах при Гросс-Егерсдорфе, Цорндорфе, Кунерсдорфе и особенно взятие Кольберга принесли ему громкую славу. Широкую известность получило наставление Фридриха II своим соратникам: «Бойтесь собаки-Румянцева. Все прочие русские военачальники не опасны»¹¹. Спустя годы полководец посетил Пруссию в свите наследника престола, где на его долю выпали исключительные почести. 29 июля 1776 года в Потсдаме Фридрих Великий устроил для гостей большое показательное учение не только армейских полков, но и королевской гвардии, специально вызванной из Берлина. Он, вероятно, хотел удивить и обрадовать Румянцева. В ходе учений король решил повторить различные построения и движения, совершенные войсками в Кагульском сражении. Петр Александрович наблюдал за совершаемыми войсками «эволюциями», а потом заметил, что такие построения совершались, вероятно, по приказаниям греческого либо римского полководца...

Вера Петра I в силу просвещения не была пустой мечтой. В середине XVIII столетия представители русской военной школы выдвинули собственные взгляды на теорию военного искусства. В вопросах тактики ведения боя теперь они смотрели шире, чем их западные учителя, чьи поиски в этом направлении всё дальше и дальше уводили их в область схоластики. Главной причиной подобного расхождения являлись разные способы комплектования русской и западноевропейских армий. В 1762 году Воинская комиссия, созданная для реформы армии, анализируя предпосылки «силы войска», признала, что «наибольшим же ко всему

основанием признается общий язык, вера, обычай и родство»¹². Совершенно иная картина представала на Западе, где «в данный период господствовала система комплектуемых вербовкой постоянных армий. <...> Такие государства, как Англия или Голландия, свои вооруженные силы целиком строили на этом принципе. Французская армия в существенной мере базировалась на вербовке, особенно широко прибегала к ней Пруссия. На этой основе строилась в середине столетия полностью, а позднее частично и австрийская регулярная армия. <...> С точки зрения военного профессионализма солдат-наемник при некоторых условиях удовлетворял требованиям тогдашнего боя. Однако массовое использование наемников имело существенные негативные последствия. Главная причина этого — в рамках национальной армии, т. е. в системе тех самых отношений, при которых происходит складывание людей в армию, наемник был чужеродным элементом. <...> Главным мотивом военной деятельности наемников являлась оплата, а важнейшей чертой, определяющей поведение на поле боя, — инстинкт самосохранения. <...> Единственной реальной силой, обеспечивающей совместные действия такой армии, становилась поддерживаемая самыми жесткими мерами дисциплина. <...> Линейная тактика являлась своего рода гигантским обручем, механизмом, сама жесткость которого в отношении шага каждого солдата была не чем иным, как пересаженным внутрь человека началом, заменившим ему мотив поведения в бою. Наемную армию, равно как и армию, составленную чисто принудительным путем, без вложения в нее элементов, одушевляющих действия воинского механизма, нельзя было ни обучить, ни вести в бой, ни обеспечивать ее действия в бою иначе чем посредством прусской муштры и линейной тактики. Русская армия извлекала выгоды из этой тактической системы. Однако она была подготовлена и к выходу за пределы ее...»¹³.

Не идеализируя преимуществ рекрутских наборов и не преувеличивая «прелестей» солдатской службы в период крепостного права, нельзя не признать, что русская армия формировалась на совершенно иных принципах. Здесь уместно вспомнить, каким образом в основном поступали в армию рекруты. «Единицей, несущей ответственность за поставку рекрутов, выступала община, мир. <...> С правовой точки зрения рекрутская система конечно же была повинностью, обязанностью. Но смысл этой повинности <...> состоял в том, что она носила не личный, а общинный характер. Именно община определяла, кому идти в армию, а кому оставаться. <...> Рекрутский набор представлял собой непосредственное перенесение в армию еще одного среза отношений,

которыми были связаны между собой нижние чины. <...> Правительство поощряло создание в армии артелей по территориальному признаку. Связать порукой солдат, исключить побег и облегчить ведение солдатского хозяйства — такова задача артели. Артель рассматривалась как продолжение всего общинного уклада их прежней довоенной жизни». Основоположник научного коммунизма и откровенный русофоб Ф. Энгельс тем не менее отдавал должное русскому солдату: «Весь его жизненный опыт приучил его крепко держаться своих товарищей. <...> Объединенные в батальоны массы русских почти невозможно разорвать; чем серьезнее опасность, тем плотнее они смыкаются в единое компактное целое»¹⁴. Именно в этой среде родился емкий термин «наши», переживший крепостное право, сельскую общину и множество других социальных и военных потрясений. Добротный «человеческий материал» позволял ставить смелые и конкретные задачи и добиваться успеха в их разрешении: выход к Балтийскому и Черному морям, присоединение территорий с целью обеспечения безопасности собственных границ. Однако сложной проблемой было и оставалось значительное число иностранцев в русском офицерском корпусе. Манифест Петра III от 18 февраля создал условия для нового притока людей, которые жили войной и ради войны и, в подавляющем большинстве, не могли и не хотели понять отличия русской армии от западноевропейских, откуда они механически переносили методы обучения войск. В петровское время на это можно было закрыть глаза, более того, их знания и навыки были необходимы. В середине XVIII столетия следование в военном ремесле «чистой науке», бездумное «опрусса-чивание» русских войск уже не соответствовали государственным интересам. «В России же, когда вводилось регулярство, — писал Екатерине II Г. А. Потёмкин, — вошли офицеры иностранные с педантством того времени, а наши, не зная прямой цены вещам военного снаряда, почли все священным и как будто таинственным. Им казалось, что регулярство состоит в косах, шляпах, клапанах, обшлагах, ружейных приемах и прочее»¹⁵. Сознывая перемены, произошедшие в армии со времен Петра I, граф П. А. Румянцев составил вышеупомянутый «Обряд службы», необходимость которого он обосновал в докладной записке, поданной императрице под названием «Мысль» (1777): «Часть воинская удельно (отдельно) от других, с одного почти времени, по некоторым предположениям в Европе, всем державам сделалась необходимо надобною; но по неравенству физического и морального положения не могли они ни в количестве, ни качестве быть одна другой подобны <...>».

Не стоит полагать, что Румянцев и Потёмкин были убежденными противниками всего иностранного. Напротив, «и тот и другой творчески использовали идеи знаменитого полководца и военного теоретика Франции Морица Саксонского, оказавшего большое влияние на развитие военного искусства»¹⁶.

Весной 1770 года армия П. А. Румянцева снялась с зимних квартир, перешла Днестр у Хотина, готовясь действовать наступательно, однако разразившаяся в Молдавии чума существенно повлияла на характер боевых действий. В частности, она погубила значительную часть корпуса генерал-поручика Х. Ф. Штофельна, которому предписывалось занять Валахию и обороняться в Молдавии. После смерти самого Штофельна в командование молдавским корпусом вступил генерал-поручик князь Н. В. Репнин, собравший свои сильно поредевшие силы на реке Прут у урочища Рябая Могила, где в ожидании подкреплений стойко удерживал натиск татар. Первым прибыл на помощь авангард — корпус под начальством генерал-майора Боура, которому Румянцев приказал атаковать неприятеля с тыла. В должности дивизионного квартирмейстера в корпусе находился капитан Михаила Голенищев-Кутузов. В числе «чинов», отличившихся 10 июня в деле у Рябой Могилы, которые «не боялись ни опасности, ни трудов и шли охотно ударить на неприятеля», в реляции Румянцева названо и его имя. В формулярном списке М. И. Кутузова сообщается также, что он участвовал «июля 5-го и 7-го на баталии при реке Ларге». За отличие при Ларге он был произведен в чин премьер-майора, минуя чин секунд-майора. После поражения при Ларге разбитый неприятель отступал по направлению к Дунаю; причем турки двинулись затем по левому берегу реки Кагул, а татары отправились в сторону крепостей Измаил и Килия. Следом за неприятелем продвигались передовые отряды из корпуса Боура, собравшие сведения о том, что великий визирь Халил-бей намерен атаковать войска Румянцева. Невероятное, с точки зрения европейца, соотношение сил, безусловно, придавало уверенности неприятелю: турки насчитывали около 150 тысяч войск при 350 орудиях, а татары собрались в количестве 80 тысяч. В армии П. А. Румянцева насчитывалось всего лишь около 17 тысяч. Справедливость знаменитой пословицы «воюй не числом, а умением» нашла в этой битве полное подтверждение. Полководец принял решение воспользоваться беспечностью противника и атаковать турок до подхода татар. 21 июля на «баталии при реке Кагуле» русская армия, построившись в каре, двинулась на турецкий лагерь. Визирь бросил в атаку сотысячную конницу, которая была встречена жесточайшим картечным огнем. Отбив первый натиск, русские войска направились к турецким укреплениям, где

сошлись в жестокой схватке с янычарами, которые смяли каре Астраханского пехотного полка и прорвались в каре Муромского и Бутырского пехотных полков. Румянцев лично бросился в гущу схватки, чтобы восстановить положение. Подскакав к расстроенному и начавшему разваливаться каре, Румянцев крикнул громким, властным голосом: «Стой, ребята!» Полководец лично повел войска на центр турецкой позиции. В результате янычары были истреблены. К утру следующего дня в руках победителей был весь турецкий лагерь, включая артиллерию, обоз и казну. Мы не знаем в подробностях, как именно отличился Кутузов в трех сражениях, указанных в его послужном списке, но в распоряжении историков, напомним, есть его собственное утверждение, что именно в это время он научился «понимать войну».

Очевидно, при Кагуле М. И. Кутузов вместе со всеми стоял в каре, на которые со всех сторон наваливалась стотысячная турецкая конница, которой, казалось, не предвиделось конца. На стороне турок были напор и численный перевес, на стороне русских воинов — искусство: они построились «в расчлененный боевой порядок», именно так, как и предписывал Румянцев. Вместе со всеми Кутузов понимал, что, кроме искусства, успех обеспечит только мужество. Если каре устоят, то русские победят, если же они позволят смять и разорвать боевые порядки — то погибнут. Беспорядочные атаки турок разбились о стойкость каре. Когда битва закончилась, Румянцев ехал вдоль строя, приветствуя и благодаря войска, а нижние чины кричали ему в ответ: «Ты — прямой солдат!» (то есть: «Ты настоящий солдат!»). Это была самая лучшая похвала. Видел ли Кутузов эту сцену своими глазами, или ему рассказали о ней очевидцы, но он помнил об этом всю оставшуюся жизнь. Много лет спустя, будучи директором кадетского корпуса, он объяснил своим питомцам, что является самым важным в их профессии: «Господа! <...> Знаете ли вы, что такое солдат? Я получил и чины, и ленты, и раны; но лучшей наградой почитаю то, когда обо мне говорят: он настоящий русский солдат»¹⁷. Михаил Илларионович конечно же понимал, что смысл его слов откроется стоявшим перед ним необстрелянным юнцам только на поле битвы, где они встанут плечом к плечу со своими соратниками, готовые, как и он когда-то, победить или умереть. Как бы ни складывалась жизнь Кутузова в дальнейшем, главным приоритетом в ней было то, что он — солдат. Он прекрасно сознавал, что связи при дворе и покровительство начальства могут существенно облегчить продвижение по службе и получение наград, но связи при дворе не сделают труса храбрецом, а покровительство начальства не заставит подчиненных по его приказу идти на смерть.

Современные авторы могут сколько угодно рассуждать о том, что слава Кутузова, дескать, была случайностью. Неправда. «Мужество — добродетель без подделки», — сказал однажды «солдатский император» Наполеон Бонапарт. А сослуживец Кутузова в 1812 году рассуждал так: «Будущий отличный генерал весьма виден в настоящем хорошем офицере»¹⁸.

Кампания 1770 года завершилась взятием крепостей Измаила, Килии, Аккермана, Браилова, после чего армия Румянцева встала на зимние квартиры. Главнокомандующий «не препятствовал убытию офицеров 1-й армии в качестве добровольцев для участия в штурме крепости Бендеры», которую с июля осаждала 2-я армия под командованием графа П. И. Панина. Для овладения крепостью было решено взорвать минными фугасами часть стены, чтобы в образовавшиеся бреши ворвались штурмовые отряды, во главе которых должны были идти офицеры-добровольцы, и среди них — конечно же премьер-майор Михаила Голенищев-Кутузов. В ночь с 15 на 16 сентября начался штурм крепости. «В десятом часу вечера 400 пудов пороха взлетело на воздух. Несмотря на темноту, войска, хорошо знакомые с местностью, без всякого замешательства двинулись на штурм. Турки открыли сильный огонь, но в темноте он оказался малоэффективным. С одинаковым мужеством и успехом действовали все штурмовые колонны, одновременно вступившие на крепостной вал. Сбитый с вала неприятель укрывался в улицах и домах пылавшего города, оказывая еще большее сопротивление. <...> Бой длился всю ночь и завершился только днем»¹⁹. Крепость Бендеры пала, и двенадцатитысячный гарнизон сложил оружие.

После участия в штурме крепости обер-квартирмейстер Михаила Голенищев-Кутузов вернулся в армию П. А. Румянцева и 26 октября «за неимением в генеральном штабе того чина порозжей (порожней, свободной. — Л. И.) вакансии и по собственной его просьбе переименован в премьер-майоры и определен в Смоленский пехотный полк»²⁰. Вот как прокомментировал этот факт П. А. Жилин: «Широко образованный двадцатипятилетний Кутузов своим знанием военного дела, энергией и инициативой отличался от многих офицеров, прежде всего иностранцев, занимавших почти все должности в штабе Первой армии, которой командовал П. А. Румянцев. Засилье немецких офицеров, всемерная поддержка ими друг друга, незаслуженное поощрение и продвижение по службе создали для Кутузова, являвшегося старшим офицером в штабе, нестерпимую обстановку. Его резкие суждения по поводу насаждения в

армии прусских порядков не могли не вызвать недовольства у прусских офицеров и возглавлявшего штаб генерал-квартирмейстера Фридриха Бауера (Боура)»²¹. Выше уже отмечалось, что «засилье» иностранных офицеров после Указа 1762 года не было прихотью правительства, и П. А. Румянцев, вводя в войсках «Обряд службы», старался нейтрализовать последствия этой вынужденной меры. Нет оснований полагать, что служба под начальством генерала Боура была для Кутузова «нестерпимой»: несмотря на «засилье» иностранцев, он быстро продвигался по службе, чему, безусловно, способствовал его начальник. Более справедливым представляется суждение Ю. Н. Гуляева: «В кампании 1770 года отчетливо проявились лучшие командирские качества молодого офицера: смелость, находчивость, решительность, хладнокровие в критических ситуациях, умение общаться с солдатами и способность повести их за собой. Да и сам М. И. Кутузов, видимо, в этой кампании почувствовал в себе бóльшую склонность к командирской, а не к штабной работе»²². С нашей точки зрения, склонность к службе «в поле» проявилась у Кутузова гораздо раньше (он с ней родился); чем еще объяснить «порывы его героизма», постоянное стремление попасть волонтером в сражение? Закономерным выглядит другой вопрос: почему он так долго находился при штабе? Ответ, думается, содержится в документах той поры: Кутузову не хотелось огорчать отца отказом следовать по его стопам. Илларион Матвеевич в это время также находился при штабе 1-й армии, и старому воину сильно нездоровилось: в рапорте от 25 марта Илларион Матвеевич сообщил графу Г. Г. Орлову, что по причине сломанной кости, которая еще не срослась, он пока не может следовать со 2-й армией графа П. И. Панина. Из-за несчастного случая отец будущего полководца остался при 1-й армии; «именно И. М. Голенищеву-Кутузову мы обязаны дошедшими до нас схемами и планами основных сражений 1770 года: турецкого лагеря при урочище Рябой Могиле и сражения при Рябой Могиле 12 июля 1770 года, сражения при речке Ларге 7 июля 1770 года, сражения при Кагуле 21 июля 1771 года и преследования неприятеля 21 июля 1770 года генерал-майором Боуром»²³. Кутузов же, судя по переписке и воспоминаниям современников, всегда был очень почтительным сыном. Для него было совершенно очевидным, что его отец уже с трудом несет службу и нуждается в его помощи. Кто бы еще мог помочь Иллариону Матвеевичу осматривать местность, составлять карты и маршруты передвижения войск, как не его сын, имевший ту же самую военную специальность и, по отзывам начальников, всегда отличавшийся особыми способностями? В

сентябре того же года Илларион Матвеевич подал рапорт на имя императрицы, в котором просил по «дряхлости и болезням <...> от военной и гражданской службы уволить». Он получил отставку с чином инженер-генерал-поручика, а Михаил Илларионович почувствовал себя отныне свободным в выборе пути.

В кампании 1771 года перед 1-й армией графа П. А. Румянцева стояла непростая задача — содействовать 2-й армии графа П. И. Панина в овладении Крымом. С этой целью войска Румянцева должны были не допустить переправы турок через Дунай. Премьер-майор Михайла Голенищев-Кутузов оказался к началу боевых действий в Валахии в составе гренадерской роты Старооскольского полка, входившей в батальон подполковника Салтыкова. Согласно записи в формуляре он отличился «в октябре месяце при Попештах в сражении при разбитии сорока тысяч неприятелей»²⁴. В середине октября значительные силы турецких войск устремились к Бухаресту, надеясь захватить к зиме всю Валахию. Навстречу неприятелю двинулись войска под общим командованием генерал-поручика Р. И. Эссена, среди которых находился корпус генерал-майора П. А. Текелли, где служил и наш герой. 19 октября у деревни Попешты, в шести верстах от расположения русских войск, появились многочисленные толпы неприятеля. Генерал Эссен принял решение атаковать их немедленно с двенадцатью тысячами воинов, бывших в его распоряжении. Отряд генерал-майора Текелли поддержал атаку наших войск с фронта, внезапно появившись в тылу у турок. Генерал-поручик Эссен в реляции генерал-фельдцейхмейстеру Г. Г. Орлову в числе особо отличившихся назвал премьер-майора Голенищева-Кутузова, «который был не только неоднократно посылаем в разные места для осмотра их (турок. — Л. И.) положения и, несмотря на встречавшиеся с ним опасности, доставлял начальнику своему вернейшие сведения, но даже в самый день сражения напрашивался на все опасные случаи»²⁵. В этом весь молодой Кутузов. Начальники, несмотря на его перевод из штаба в полк, продолжают использовать его по специальности и по способностям: образованный офицер с первого взгляда «читал» местность и расположение войск на ней, оценивал силы неприятеля, что удавалось далеко не каждому. «Офицеров приучать брать глазомер», — требовал Румянцев в «Обряде службы». Кроме того, Кутузов по-прежнему «напрашивался» на опасности. Он полностью соответствовал требованиям, предъявляемым к воинам фельдмаршалом принцем де Линем: «надобно непременно, чтоб вы упоены были восторгом; чтоб честь потрясала сердца ваши; чтоб огонь победы

блистал в глазах ваших; чтоб душа ваша при одном помышлении о славных подвигах возносилась выше самой себя». 8 декабря 1771 года, по представлению генерал-майора Текелли, Кутузов был произведен в подполковники, что полностью опровергает мнение о том, что иностранцы на русской службе чинили препятствия знающему и талантливому офицеру: они охотно признавали его достоинства. Если бы он сталкивался с притеснениями старших по чину, он был бы гораздо более осторожным в своих поступках, а он допустил досадный промах в поведении...

Весь 1772 год велись дипломатические переговоры о мире, которые начались 19 мая. Турецкие дипломаты умышленно затягивали дело, и на театре военных действий наступило временное затишье. Кутузов, не страдавший тягой к одиночеству, для развлечения посещал все офицерские собрания и, «обладая веселым характером, живостью воображения, чрезвычайно наблюдательностью и способностью подражать манерам, жестам, интонациям других людей», однажды позволил себе изобразить и самого Румянцева. Слух об этом дошел до фельдмаршала, отличавшегося вспыльчивым характером и взрывным темпераментом. Его негодованию не было предела. Забывшегося офицера следовало поставить на место: не уведомив самого Кутузова, он перевел его приказом из своей армии в Крымскую, состоявшую под командованием князя Василия Михайловича Долгорукова, покорителя Крыма в 1771 году. Что ж, это был хороший урок. Кутузов на протяжении всей жизни преклонялся перед Румянцевым, ни разу не выразив при этом обиду или неудовольствие. В его глазах начальник был абсолютно прав, вовремя указав ему на несовместимое с офицерским званием поведение. Через много лет Кутузов с неожиданной для окружающих резкостью одернул молодого офицера, позволившего себе шутовскую выходку в тарутинском лагере: «В лагере много продавалось вещей, принадлежавших Неаполитанскому королю Мюрату (маршалу Наполеона. — Л. И.), весь обоз которого был захвачен казаками и разграблен. Пришел мне на память один замечательный случай: в числе продаваемых вещей был какой-то темно-пунцовый бархатный кафтан Мюрата, вышитый на груди, на спине и по подолу золотом, отороченный каким-то мехом, и такого же цвета бархатная шапка, на манер конфедераток, но без пера; все это купил за ничтожную цену, кажется, за пять рублей, офицер нашей бригады Добрынин, и после одной попойки, происходившей у князя Горчакова, когда уже порядочно нагрузились, пришла шутовская мысль нам одеть Добрынина в мюратовское платье, воткнуть в шапку вместо недостающего пера красный помпон музыкантский и в таком наряде пустить его по всему лагерю. Эффект

произошел необыкновенный! Где мы ни проходили, все с хохотом выбегали из палаток и присоединялись к нам. Дежурный генерал Коновницын, Кайсаров и многие другие из штабных и близких лиц главнокомандующего разделяли нашу общую веселость.

Вдруг показались дрожки и на них Кутузов, который с изумлением глядит на эту толпу, которая с хохотом и шутками приближается к нему. Он остановился, зовет к себе Добрынина и спрашивает, кто он такой. Тот называет себя и на новый вопрос, офицер он или нет, отвечает, что он офицер. „Стыдно, господин офицер, — громко и явственно заговорил Кутузов, глядя сердито на несчастного Добрынина, а равно на всех нас. — Не подобает и неприлично русскому офицеру наряжаться шутком, а вам всем этим потешаться, когда враг у нас сидит в матушке Москве и полчища его топчут нашу родную землю. Плакать нужно, молиться, а не комедии представлять; повторяю вам всем, что стыдно! Так и передайте всем своим товарищам, кого здесь нет, что старику Кутузову в первый раз в жизни случилось покраснеть за своих боевых товарищей. Ступайте, так и скажите, что я за вас покраснел! А ты, голубчик, — продолжал Кутузов, обращаясь к Добрынину, который стоял все время как ошпаренный, — ступай поскорее к себе домой, перемени это дурацкое платье и отдай его поскорее кому-нибудь, чтобы оно не кололо тебе глаза!“ Можете себе представить, как мы себя чувствовали после такого неожиданного урока и как всем нам было совестно глядеть друг другу в глаза. Куда девался и хмель!»²⁶ Помимо желания напомнить сослуживцам, что неприятель все еще находится в Москве, слова Кутузова заключают в себе моральную заповедь: офицер не может быть шутком! Даже если речь идет о неприятельском военачальнике, который, прямо скажем, был довольно эксцентричен в одежде. Эта сцена явно противоречит духу снисходительности, с которой начальство обходило с подчиненными в тарутинском лагере, стараясь поддерживать в них бодрость и веселость. Да и сам Кутузов, по словам современников, с одной стороны, «был веселонравен» и имел «склонность к шутовству, свойственную старинному барству», с другой — считал, что «его главная квартира — не монастырь», а «веселье в войске доказывает готовность идти вперед». Но веселье веселю — рознь: офицер, «пародировавший» Мюрата, очевидно, навел старого фельдмаршала на болезненные воспоминания. По-видимому, в его молодости начальство либо узнавший обо всем отец поставили его на место с той же самой жесткостью, как сделал он сам в назидание более молодым сослуживцам. Благодаря случаю, имевшему место в 1812 году, мы можем себе представить, что испытал Кутузов в 1772 году, покидая армию

Румянцева, где все «кололо ему глаза». Кроме умения сдерживать врожденную «пылкость» этот, как тогда говорили, «афронт» произвел в характере Кутузова решительный поворот: он перестал доверять людям... И неудивительно: тот, кто довел до Румянцева сведения о необыкновенных талантах молодого полковника, наверняка был в числе его близких друзей. Впоследствии «случалось, что короткие его знакомые, желая узнать образ его мыслей о ком-нибудь, заводили с ним по сему случаю разговоры, коими надеялись выведать желаемое; но Кутузов, поняв их намерение, переставал говорить или начинал совершенно другую речь»²⁷. Эта его особенность, возведенная им в принцип, отмечалась многими: «Кутузов был некоторое время на ратном поле вместе с князем Репниным, сим великим полководцем и политиком благословенного царствования Императрицы Екатерины Второй. Геройские его дела удивили князя, как и всех прочих современников. Отдавая Кутузову должную справедливость, фельдмаршал Репнин часто называл его Фабием Ларионовичем и Михаилом Баярдом. Рассказывают, что князь Репнин говаривал нередко: Кутузов доступен, но к сердцу его недоступно»²⁸. «Какое нам дело до других; будем знать самих себя, — любил впоследствии повторять полководец, добавляя при этом: — Лучше быть излишне осторожным, нежели слишком оплошным и допустить обмануть себя кому-нибудь». Для веселого, увлекающегося, искреннего офицера с открытым сердцем это стало очередным потрясением: в 1769 году он с рвением выполнял свои служебные обязанности — его осаждали напоминанием о том, что он «не в очередь» получил чин капитана; в 1772 году он верил, что его приятели не станут докладывать начальству о его, казалось, безобидной выходке — ему напомнили, что «дружба и служба — параллельные, которые никогда не пересекаются». Если бы не особые дарования, возвышавшие его в глазах начальства и обеспечившие быстрый карьерный рост, Кутузов, по всей вероятности, никогда не столкнулся бы ни с завистью, ни с предательством. Но он был умен, красив, талантлив, удачлив, прямодушен и... неосторожен, сильно переоценив чувства справедливости и дружбы. Зато впоследствии его осторожности хватало на все с лихвой: наблюдательность и искусство лицедейства, естественно, остались при нем, но использовал их Михаил Илларионович отныне уже не во вред себе.

Пообещав расстроенному отцу «переменить свое поведение и получив от отца благословение на таковое обещание», Кутузов прибыл в Крымскую армию и был назначен в отряд генерал-майора И. И. Кохиуса, расположенный на Днестре в урочище Олешки против Кинбурнского мыса.

И снова на Кутузова была возложена обязанность проводить разведку окрестных мест. И в который раз «он выполнил поручения с таким успехом, что последствия превзошли самые его (генерала Кохиуса) ожидания; ибо по соображении всех сведений, которые собрал Кутузов <... > приняты были столь удачные меры, что с ноября 1773-го по 22-е число июля 1774 года все покушения неприятельские оставались тщетными в рассуждении нападения на наши войска»²⁹. 10 июля в Кючук-Кайнарджи был заключен очередной «вечный» мир между Россией и Турцией, согласно которому Турция обязалась вывести свои войска из Крыма, Тамани, с Кубани, передав России крепости Керчь, Еникале, Азов и др. В те дни стояла страшная жара; трава на полях выгорела. Это заставляло татар перекочевывать с места на место для отыскания корма для своих коней. Истребив траву, «татары вместе с тем зажигали и хлеб, частью уже собранный с полей и лежавший в снопах, а частью остававшийся на корню, чтобы он не достался русским, не думая о том, что он был необходим и туркам. Вследствие этого, турецкие войска чрезвычайно нуждались в пище и в корме. Начался падеж скота; турки ели дохлых лошадей; развились заразные болезни и крайне ощущалась потребность в подвозе морем новых жизненных припасов. Значительный транспорт судов предполагал высадиться 22-го июля у Алушты, между Судаком и Ялтой, где при деревне Шумы укрепился турецкий отряд, назначенный способствовать высадке»³⁰. Узнав об этом, генерал Долгоруков двинул навстречу неприятелю войска генерал-поручика графа В. П. Мусина-Пушкина, куда входил отряд Кохиуса, при котором находился командир гренадерского батальона Московского легиона подполковник М. И. Кутузов. По словам князя В. М. Долгорукова, не сумевшего скрыть восторга действиями подчиненного, Кутузов принял под свою команду батальон, «из новых молодых людей состоящий», и привел его «в наилучшую исправность и познание службы», доведя «до такого совершенства, что в деле с неприятелем превосходил оный старых солдат»³¹. Обратим внимание на важное качество будущего фельдмаршала, единодушно признаваемое за ним начальством и без которого он никогда не достиг бы высших чинов: умение толково и быстро обучать солдат, в том числе новобранцев, которые понимали его с полуслова и готовы были идти за ним в огонь и в воду. Вспомним пылкие наставления офицерам принца де Линя: «Если одно батальонное учение не приводит вас в восторг, если вы не чувствуете охоты присутствовать везде; если вы задумываетесь в таких случаях; если не трепещете от страха, что дождь может помешать вашему полку делать маневры: то

отдайте ваше место тому из молодых людей, кто будет иметь вышеозначенные свойства. Он только может любить страстно науку Морицов; он только будет уверен, что надобно делать втрое больше, нежели сколько требует долг, чтоб исполнить свое звание»³². Кутузов не был прекраснодушным говоруном, который любил в офицерских компаниях обсуждать теорию военной науки: он был настоящий офицер-«фрунтовик», для которого практика военного дела имела не меньшее значение, чем книжная премудрость. В молодости он был не просто искатель приключений, «волонтер», ищущий острых ощущений: он, как и отец, был офицером-тружеником, для которого «наука Морицев» была не просто обязанностью, но и удовольствием, что со всей очевидностью подтверждают документальные источники екатерининского царствования. В его отношениях с нижними чинами не было ни наигранности, ни лукавства, которые он с некоторых пор обнаруживал с равными по чину. Не следует забывать, что будущий полководец принадлежал к первому поколению офицеров, начавших служить после Указа о вольности 1762 года, следовательно, многие понятия он унаследовал с петровских времен, когда разница между нижним чином и служивым дворянином была не столь велика. В 1812 году юный сослуживец Кутузова отмечал особое свойство Светлейшего, бросившееся ему в глаза: «Нрава он был резкого и даже грубого, но солдаты его любили. Он умел говорить с ними». Другой соратник фельдмаршала отмечал: «Он сохранил для нас древний характер (выделено мной. — Л. И.) и российской грубости, и русской доброты». Таким образом, даже к началу XIX столетия исторический характер Кутузова для большинства окружающих представлял собой пережиток, уходящий в подзабытое прошлое. Что же говорить о нас, пытающихся навязать полководцу понятия и привычки человека нашего времени, в котором мы и сами разбираемся с трудом? У Михаила Илларионовича не было наших проблем в поисках пути; смыслом его жизни была государева служба, и все его беды и радости были связаны с ней.

...Турецкий десант располагался на левом, высоком берегу реки в двух лагерях; передовые войска турок занимали выгодную позицию у деревни Шумы (Шумны), прикрытую каменными стремнинами («каменными линиями»). Граф Мусин-Пушкин лично возглавил атаку двух каре на правый ретраншемент неприятеля; впереди его колонны шел гренадерский батальон подполковника Голенищева-Кутузова. По иронии судьбы 23 июля воюющие стороны вступали в бой, не зная о том, что между обеими державами уже заключен мир: известие об этом пришло только 27 июля. В

реляции главнокомандующего князя В. М. Долгорукова на имя Екатерины II сообщалось: «Как только войска повели атаку, они были встречены жесточайшим огнем из пушек и ружей. Неприятель упорно защищался более двух часов, атакующие каждый шаг добывали кровью. Наисильнейшая пальба не умолкала с обеих сторон. Мусин-Пушкин приказал атаковать в штыки и продраться в ретрашемент, что и исполнено было с левой стороны, где самое сильное сопротивление оказано гренадерскому батальону...»³³ Очевидно, самое раннее по времени описание этого боя содержится в недавно опубликованном рапорте генерал-майора И. В. Якоби, поданном генерал-поручику В. П. Мусину-Пушкину 27 июля. Генерал Якоби сражался бок о бок с Кутузовым, и события того дня, судя по тексту, всё еще стояли у него перед глазами, когда он составлял рапорт: «Сам (Якоби. — Л. И.) с одним гренадерским легионным батальоном, по повелению вашего сиятельства, пошел спуском с крутой горы на засевшего за означенною чрез всю дефилию, проведенною каменною линией неприятеля, который встречал из-за оной презестокой оружейною стрельбою. Но несмотря на все то и на препятствующие скоро к нему итить три рва, устремился я с гранодерами на него, сильно их поощряя собственным своим и господина подполковника Голенищева-Кутузова в фаше присудствием, который при сходе в средний ров получил жестокою рану, а я при последнем контузию. Но как чрез оную, по щастию, силы мои не совсем изнемогли, то я еще мог подать гранодерам вид моего здоровья, переправлялся вместе с ними чрез последний ров, пособием находившегося при мне секунд-майора Буйносова, которому поручил я после ранения господина Кутузова батальон. И по выходе из самого того последнего рва приказал я гранодерам оставлять ружейную пальбу, поелику продолжение оной причинило бы больше урону нам, нежели неприятелю, в рассуждении сидения его за каменною линиею. <...> Вместо же стрельбы из ружей велел им приударить в штыки. Они сие исполнили с поспешностию, закричав все вдруг „ура“. И сколь неприятель не супротивлялся по его гораздо превосходнейшему числу, но не мог, однако, долго противустоять оным и обратился скоро в бег. <...> Гранодеры наши, сколько возможности было, прогоняли его за деревню Шуму в лощины, поднимая на штыки. Они многих засевших в деревне покололи и иных, запершихся в деревне в избах, сожгли. <...> С нашей стороны в сем сражении ранены вышеозначенный господин подполковник Кутузов и три батальона его обер-офицера. <...> А о господине подполковнике Голенищеве-Кутузове не изъясняю я вашему сиятельству ничего, поелику мужество его и храбрость известны по собственному вашему сиятельства

обозрению. И для того только смею вашему сиятельству доложить, что сей штаб-офицер отличное в себе имеет храбрости достоинство и батальон чрез собственное его старание приведен в такое мужество»³⁴. В тот день весь лагерь, обозы, палатки, пушки, знамена и множество всяких военных орудий, «приуготовлений» и снарядов достались в руки россиян. Представляя своего отважного подчиненного к высокой награде — ордену Святого Георгия 4-й степени, князь Долгоруков отдавал ему полную справедливость: «...Он, Голенищев-Кутузов, во все время бытия своего в его предводительстве отличил себя перед прочими ревностным и прилежным исполнением всего ему поручаемого. <...> Несравненно большую похвалу заслужил он мужеством своим и храбростью, оказанным особливо во время атаки войск турецких, сделавших в последнюю кампанию десант на Крымские берега при Алуште, он был отряжен для завладения неприятельским ретрашементом, к которому вел свой батальон с такой неустрашимостью, что ни превосходная сила защищающихся, ни жесточайшее сопротивление его не останавливали, и многочисленный неприятель, тщетно противившийся сему устремлению, принужден, бросая свои укрепления, спастись бегством; в самое то время, когда делалось было последнее усилие к преодолению турков, он, Голенищев-Кутузов, получил весьма опасную рану»³⁵. В начале XIX столетия живы были еще очевидцы, которые рассказывали, что «в ту минуту, когда Кутузов был ранен, он стоял на камне, нависшем на ров, и что с сего камня в беспамятстве упал в ров на тела убитых»³⁶. Когда подполковника Голенищева-Кутузова без сознания уносили с поля боя, сослуживцы полагали, что он обречен: пуля пробила голову у левого виска и вышла у правого глаза. Вероятно, именно по этой причине его сразу не представили к награждению; традиции жаловать ордена посмертно в те времена не существовало. Около года бесстрашный офицер находился на излечении; за это время завершилась война с Портой, был расформирован Московский легион, батальоны которого поступили во вновь сформированный Тульский пехотный полк. В феврале 1775 года подполковник Михаила Голенищев-Кутузов заявил о своем существовании и в Военную коллегию, для которой исцеление одного из героев покорения Крыма было полной неожиданностью. Согласно докладу Военной коллегии от 24 ноября 1775 года, Кутузов обратился туда с челобитной, к которой был приложен «аттестат, свидетельствующий о его подвигах»³⁷. Сам главнокомандующий князь В. М. Долгоруков выступил ходатаем о награждении своего бывшего подчиненного орденом Святого Георгия 4-й степени. Эта награда была учреждена Екатериной II в 1769 году для

военных, и только для тех, кто совершил конкретный подвиг. Во все времена своего существования этот знак отличия считался самым почетным среди русских офицеров, так как свидетельствовал о необыкновенной храбрости своего обладателя. Таким образом, будущий победитель Наполеона был в числе первых награжденных этим орденом, который он заслужил отнюдь не светской любезностью. Михаил Илларионович был человеком не робкого десятка, начальники единодушно свидетельствовали о его необыкновенных способностях, выраженных в знаменитой «триаде» Суворова: «глазомер, быстрота, натиск». Но и это было не всё. Рациональному человеку XXI века не сразу пришла бы в голову мысль, которая тотчас же явилась в голове у великого соратника Кутузова. Тогда еще не слишком известный генерал Суворов в раздумье обронил фразу: «Кутузов получил рану, какой в Европе не бывало; а в целой Европе ничто ни на волос не пошевелилось»³⁸. Суворов был уверен, что Провидение, сохранив жизнь русскому офицеру, всем загадало загадку, ответ на которую со временем непременно будет найден, и он был уверен, что воля Провидения, выраженная столь явным образом, коснется не только России, но и Европы.

Вероятно, только храбростью не объяснить геройского поступка офицера, в который он вложил все чувства, разрывавшие ему сердце. В армии Румянцева он допустил служебную оплошность, погрешив против субординации; он подвел своих благодетелей: отца, «батюшку» Ивана Логиновича, наконец, государыню, оказавшую ему покровительство в молодые лета. Он должен был заставить смолкнуть голоса своих завистников и оправдать надежды, которые на него возлагались, что ему в полной мере удалось. Вскоре для излечения раны Кутузов отправился в Петербург, где императрица лично пожелала его видеть. Биографы полководца упускают из виду тот факт, что встреча подполковника Голенищева-Кутузова и Екатерины II произошла прежде, чем он явился благодарить ее за награждение: кавалером ордена Святого Георгия он стал 26 ноября 1775 года, но этому предшествовал приказ вице-президента Военной коллегии генерал-аншефа Г. А. Потёмкина от 3 октября того же года о предоставлении офицеру годовичного отпуска «для лечения на теплых водах», согласно «высочайшего указа»³⁹. Следовательно, государыня неоднократно «изволила лично совещать с ним о различных политических и государственных делах, и видя достаточное познание его в оных, советовала ему ехать в чужие края, как для поправления и совершенного восстановления своего здоровья, так и для лучшего изучения политики

прочих государств Европы, повелев между тем Государственному казначею выдать ему на путевые издержки надлежащую сумму денег». Императрица не представляла себе военного ремесла без истинной храбрости и сопряженных с ним опасностей (вспомним: «Если б я была мужчиною, то была бы убита, не дослужась и до капитанского чина»)⁴⁰. Невзирая на увечье, Кутузов нисколько не утратил обаяния: он умел поддерживать беседу на любом уровне с самыми взыскательными собеседниками. Острый ум, европейская образованность, широкая начитанность, увлекательное красноречие — все это вместе взятое восхищало и очаровывало собеседников. Прелесть разговора с ним заключалась в том, что бесстрашный подполковник вовсе и не стремился озадачить «парадной вывеской ума», подавить ученостью, обилием приобретенных сведений и т. д. Образование было для него средством, с помощью которого он без особых усилий подчеркивал врожденное качество — интеллект. Кутузов был одинаково хорош как в легкой светской беседе, так и при обсуждении политических и военных тем. Императрица неспроста обмолвилась среди приближенных: «Надобно беречь Кутузова. Он у меня будет великим генералом».

Екатерина II, безусловно, нуждалась в те годы в «великих генералах», которые были бы одинаково к месту не только на поле битвы, но и за столом дипломатических переговоров, не только во внешней политике, но и во внутренних государственных делах. 1774 год, оказавшийся трудным и для Кутузова, и для государыни, и для всей России, показал это со всей очевидностью. В самом конце 1773 года императрица признавалась своему Г. А. Потёмкину: «<...> С моей стороны я весьма желаю ревностных, храбрых, умных и искусных людей сохранить...»⁴¹ Затяжная война с Портой показала со всей очевидностью, что врагов у России гораздо больше, чем друзей. Середина 1770-х годов испытывала на прочность государство, сравнительно недавно «прорубившее окно в Европу» и вызывавшее опасение своим могуществом: «Не только противники России — Франция и Австрия, но и союзница Пруссия не были заинтересованы в скором окончании войны, истощавшей Турцию и Россию. „Конфедератская“ война, вконец расстроившая государственный механизм Польши, стоила России больших усилий и связывала руки. Опытный и коварный Фридрих Великий, которого Екатерина звала „старым Иродом“, не забывал тяжелых поражений от русских войск в Семилетнюю войну, поставивших Пруссию на грань катастрофы. Он настойчиво внушал своей союзнице, что выход для России видится только в одном — в разделе

Польши. <...> Екатерина колебалась, но под давлением Пруссии и Австрии, в условиях затягивавшейся войны с Турцией пошла на соглашение о разделе Польши. <...> Высвободившиеся в Польше войска предполагалось перебросить на северную границу, где осложнились отношения со Швецией, и на Дунай для скорейшего окончания войны с Турцией. Но вместо Дуная полки пришлось перебрасывать в Поволжье и в Предуралье. Начавшееся в сентябре 1773 года восстание яицких казаков быстро охватило обширный край. Донской казак станицы Зимовейской Емельян Пугачев стал *седьмым* (выделено мной. — Л. И.) самозванцем, принявшим на себя имя незадачливого Петра III. Но именно ему удалось разжечь пламя крестьянской войны, потрясшей основы государства»⁴². Биографы, составлявшие жизнеописания М. И. Кутузова, как правило, не соотносили вехи биографии полководца с событиями и временем, в которое он жил. В те дни, когда он разведывал окрестности Крымского полуострова, его не могло не беспокоить разраставшееся «внутреннее возмущение» в стране. «Пугачевщина могла превратить империю, созданную по образцам западно-европейского политического мира, в казачье царство. <...> Екатерина должна была оказаться сильнее громадных разбойничьих шаяк, представителей анархии, грабителей и убийц, как-то случайно и временно собравшихся под знаменами мнимого Петра. <...> При громадных размерах и глубоком значении бунта все в России становилось вопросом»⁴³. Екатерина II в те дни писала губернаторам Московской и Новгородской губерний: «Я начинаю походить приключениями моего века на Петра Первого. Но что Бог ни даст, по примеру дедушкину унывать не станем. <...> Два года назад у меня в сердце Империи была чума (в Москве. — Л. И.), теперь у меня на границах Казанского царства политическая чума, с которою справиться нелегко... Генерал Бибииков отправляется туда с войсками, чтобы побороть этот ужас XVIII столетия, который не принесет России ни славы, ни чести, ни прибыли. <...> По всей вероятности, это кончится виселицами. Какая перспектива, господин Губернатор, для меня, не любящей виселиц. Европа подумает, что мы вернулись ко временам Ивана Васильевича (Грозного. — Л. И.)». Упомянутый в письме императрицы генерал Александр Ильич Бибииков был родным братом жены Ивана Логиновича Голенищева-Кутузова, с которым наш герой постоянно состоял в переписке. Более того, Михаил Илларионович впоследствии и сам женился на одной из сестер Бибииковых, поэтому «история Пугачевского бунта» входила в число семейных преданий Голенищевых-Кутузовых. В апреле 1774 года А. И.

Бибииков внезапно скончался в Бугульме, Пугачев прорвался к Казани, разорив этот богатейший губернский город. Потерпев поражение от генерала И. И. Михельсона, он все же добрался со своими сторонниками до правого берега Волги, после чего в Нижнем Новгороде и в самой Москве вспыхнула паника: вести, приходившие в армию, были одна другой хуже. Так, А. Т. Болотов, находившийся в те дни в Москве, вспоминал: «Мысли о Пугачеве не выходили у всех нас из головы, и мы все удостоверены были, что вся подлость и чернь, а особливо все холопство и наши слуги, когда не въявь, то в тайне сердцами были злодею сему преданы...» А ведь в Москве сенатором находился тогда и отец Кутузова — Илларион Матвеевич. Почта в те времена доставлялась медленно, и Михаил Илларионович, двинув своих гренадер в атаку на турецкий десант, вероятно, ничего не знал о судьбе своего родителя; будучи наслышан о зверствах повстанцев, он не мог не беспокоиться о нем. Возглавив колонну, он сознавал: чем быстрее будет одержана победа, тем быстрее закончится война, следовательно, тем быстрее русские войска обратятся на внутреннего неприятеля. Очнувшись после тяжкого ранения, он узнал, что в августе И. И. Михельсон разгромил Пугачева под Царицыном. К сожалению, мы не знаем, при каких обстоятельствах встретились после всех пережитых бедствий отец и сын Голенищевы-Кутузовы, но, как мы уже убедились, во многих поздних воспоминаниях о полководце внезапно возникают сюжеты, значение которых не до конца постигает сам мемуарист, потому что не соотносит их с ранними эпизодами биографии Кутузова. Вот воспоминание С. Н. Глинки о выпускном экзамене по русской словесности в Сухопутном шляхетском корпусе, на котором присутствовал М. И. Кутузов. Кадетам было задано сочинить письмо, «будто бы препровожденное к отцу раненым сыном с поля сражения». «Два первые сочинения Кутузов слушал без особого внимания, — рассказывает автор. — Дошла очередь до меня. Я читал с жаром и громко, Кутузов вслушивался в мое чтение. Лицо его постепенно изменялось, и на щеках вспыхнул яркий румянец при следующих словах: „Я ранен, но кровь моя лилась за Отечество, и рана увенчала меня лаврами! Когда же сын ваш приедет к вам, когда вы примите его в свои объятия, тогда радостное биение сердца вашего скажет: Твой сын не изменил ожиданиям отца своего!“ У Кутузова блеснули на глазах слезы...»

В те годы «простой псковский дворянин» был опорой трона в противостоянии между старой аристократией и знатью, созданной Табелью о рангах, на которую опиралась в своем правлении Екатерина. Государыня, отправив Кутузова «на казенном иждивении в дорогу», не только предоставила ему возможность путешествовать по Германии, Франции,

Италии и «усовершенствовать себя в высоких своих познаниях». Красавец подполковник, при взгляде на которого каждый убеждался в его мужестве, поражал умом и знаниями всех, с кем сводила его судьба. Представляясь к европейским дворам, заводя знакомства с известными людьми, он служил живым примером того, как далеко шагнули в России образование и «искусство светского общежития». Екатерина II предъявила Европе блестящий результат петровских преобразований, который после Пугачевского восстания мог вызвать сомнения в Европе. Преданный офицер с задатками дипломата легко мог развеять «дурные импрессии»: «Фридрих Великий почтил его равномерно своим благорасположением; все важнейшие мужи допускали его к своему знакомству»⁴⁴. В Берлине Кутузов, естественно, старался возможно лучше приглядеться к фридриховским военным порядкам, которые вызывали бездумный восторг у многих почитателей прусского короля. «На Потсдамских парадах старик Фридрих хихикал себе под нос над пристрастием молодых офицеров, — французов, англичан, австрийцев — к маневру в косвенном порядке, годному лишь на то, чтоб некоторые плац-адъютанты составили себе имя, — писал на острове Святой Елены Наполеон. — При глубоком изучении маневрирования за семь лет войны этим офицерам следовало бы понять, в чем тут дело, а окончательно рассеять их очарование должно было то, что Фридрих всегда маневрировал линиями с захождением фланга и никогда не сводил маневра к простому развертыванию фронта»⁴⁵. Кутузов в этом отношении был не прост; вероятно, по этой причине Фридрих Великий допустил его в свою «Потсдамскую беседу избранных»⁴⁶. Для молодого офицера это была, безусловно, большая честь. Однако любознательный подполковник, не ограничившись впечатлениями, полученными в Пруссии, счел необходимым встретиться и побеседовать с противником Фридриха II, австрийским фельдмаршалом Лаудоном, нанесшим пруссакам ряд чувствительных поражений в Семилетней войне.

Объехав Германию, Италию, Францию, Голландию и Англию, Кутузов возвратился из заграничной поездки в Петербург. 3 апреля 1777 года состоялось решение Военной коллегии направить подполковника Тульского пехотного полка Михайлу Голенищева-Кутузова в Новороссийскую губернию в распоряжение генерал-аншефа Г. А. Потёмкина «для определения к формированию там гусарских и пикинерных полков, либо на имеющиеся в тех полках вакансии»⁴⁷. Явившись по назначению, Кутузов получил распределение на свободную вакансию в Луганский пикинерный полк. Тогда же в его жизни произошло знаменательное событие: 33-летний

Михаил Илларионович решил обзавестись семьей и сделал предложение 22-летней Екатерине Ильиничне Бибиковой, на которой женился менее чем через год. Младшая дочь инженер-генерал-поручика Ильи Александровича Бибикова после смерти матери проживала в доме адмирала И. Л. Голенищева-Кутузова, который был женат на старшей сестре — Авдотье Ильиничне. По сведениям Ф. Синельникова, первого биографа полководца, Кутузов впервые увидел будущую невесту, когда она была еще 13-летней девочкой. Спустя восемь лет после первой встречи он повел свою избранницу под венец. Путешествуя по Европе, бесстрашный офицер, по-видимому, немало размышлял над своими чувствами к Екатерине Бибиковой, которая с годами превратилась в красавицу. Он же пережил состояние между жизнью и смертью вследствие ужасного ранения, изувечившего его лицо, некогда считавшееся весьма красивым. Конечно, рана — это честь для офицера. Но одно дело — появиться в офицерском собрании или при дворе, привлекая всеобщее внимание зримым доказательством доблести и мужества, и совсем другое дело — предстать перед молодой девушкой, помнившей его наружность до ранения. Кутузов сомневался напрасно: Екатерина Ильинична приняла его предложение. Однако портрет, подаренный невесте, выдал внутренние переживания офицера: по его желанию художник П. Ротари запечатлел Кутузова в мундире Луганского пикинерного полка с орденом Святого Георгия 4-й степени без следов ранения на лице, чтобы хотя бы портрет сохранил его прежний облик, который отныне стал таким, каким его сделало увечье. Итак, можно сказать, что этот брак основывался на чувствах, проверенных временем. Об этом же свидетельствует дошедшая до нас переписка более поздних лет, когда обмен письмами стал главной формой общения между супругами. В первые же годы замужества, когда Екатерина Ильинична легко переносила походные условия, она предпочитала не разлучаться с мужем, о чем свидетельствуют даты появления на свет детей: Прасковья — 1779 год, Анна — 1782 год, Елизавета — 1783 год, Екатерина — 1787 год, Дарья — 1788 год, Николай — 1790 (?) год. Как видим, все потомство супружеской четы Голенищевых-Кутузовых появилось на свет в бурные времена «Очакова и покоренья Крыма».

4 июня 1777 года был принят закон («конфирмация»), который «предусматривал отбор в легкие кавалерийские полки (гусарские и пикинерные) „обер-офицеров по способности и достоинству с повышением чинов“»⁴⁸, вследствие чего 10 июня того же года Михайла Голенищев-Кутузов был сразу же произведен в полковники⁴⁹. Как пишет историк, «в

это время на юге России предпринималось новое дело: путем дипломатическим или иным мирным способом закрепить за Россией покоренные оружием Крым, берега Черного моря и Ногайские земли по Кубани. Это трудное дело было поручено Суворову, которому императрица указала на Кутузова как на человека, чьи опытность, ловкость и знания могут быть очень ему полезны. С этого времени начинается сближение между двумя великими личностями в русской истории. Кутузов был ревностным и талантливым помощником Суворова. В Крыму все было спокойно: там правил преданный России хан Гирей. Суворов отправился в Астрахань и управлял ходом дел на Дону и на Кубани, но в 1782 году в Крыму снова начались волнения. Еще в 1780 году хан Гирей был низвержен. Для восстановления его Потёмкин вызвал к себе Суворова. Советуясь с ним, кого бы отправить в Крым для восстановления власти русского ставленника. Суворов указал на де-Бальмена, а в качестве его помощника на Кутузова». 30 июля 1782 года генерал-поручик А. Б. де Бальмен рапортовал Г. А. Потёмкину о смотре Луганского, Полтавского и Екатерининского полков: «При объезде моем на сих днях границы по новой Днепровской линии для осмотра состоящих там полков, имел случаи смотреть и расположенные там по повелению Вашей светлости Луганский, Полтавский и Екатеринославский пикинерные полки. За долг поставляю Вашей светлости донести, что из них Луганский и Полтавский полки, старанием и попечением господ полковых и ротных командиров во всех частях как внутренно, так и наружно, равно и в военной экзерциции, доведены до такого состояния, которого только желать можно от конных полков...»⁵⁰ С именем нашего героя также связано формирование одного из лучших кавалерийских полков Российской армии, особенно отличившегося в 1812 году, — Мариупольского гусарского. В 1820-х годах С. Н. Глинка, ревностный собиратель сведений о начальном периоде службы великого полководца, встретил ветерана, помнившего молодого Кутузова: «<...> Он был всегда душою тех войск, которые находились под его начальством. Я служил некогда в Мариупольском гусарском полку, им устроенном. Там от первого до последнего человека помнили его расторопность, искусство, повелительный голос и все прочие воинские качества»⁵¹. Итак, прослеживая по документам жизнь прославленного полководца, мы узнаем о нем всё новые и новые подробности. Он представал перед нами образованным штабным офицером, легко «читавшим» карту и местность, пылким волонтером-партизаном, стремившимся к опасностям на поле битвы, офицером-пехотинцем, умело обучавшим новобранцев, с которыми

бестрепетно шел в бой. «Свободно говорил он по-французски, по-немецки, по-польски, увлекал всех своею веселостью, своею беседой...» Наконец, из рапорта де Бальмена явствует, что он был отличным кавалеристом, с тем же успехом доводившим до совершенства пикинеров, как в свое время гренадеров. Из личной переписки Кутузова следует, что лошади действительно были его страстью. Все это не вяжется с привычным для нас образом малоподвижного, медлительного «дедушки», добившегося успехов на служебном поприще исключительно благодаря хитрости и к месту сказанным комплиментам.

Биографию полководца, безусловно, можно рассказывать по-разному. «По возвращении из-за границы, 28 июня 1777 г., Кутузов был произведен в полковники, а затем, в *мирное время* (выделено мной. — Л. И.), между двумя русско-турецкими войнами 1768–1774 и 1787–1791 годов, получил два следующих чина — бригадира (1782) и генерал-майора (1784)», — пишет автор монографии о Кутузове Н. А. Троицкий⁵². Сразу же в душу закрадываются нехорошие сомнения: что это за генерал мирного времени? Чем он мог заслужить подобное продвижение по службе? Историк почему-то не счел нужным упомянуть, что Кутузов находился там, где война фактически не прекращалась: 1782–1784 годы — это время присоединения Крыма к России! Именно в 1782 году Екатерина II писала князю Потёмкину: «В Крыму татары начали вновь немалые беспокойства. Теперь нужно обещанную защиту дать Хану, свои границы и его, друга нашего, охранить»⁵³. Спокойствие в Крыму было ненадолго восстановлено. Ставленник России Шагин-Гирей удивительным образом сочетал в себе тягу к европейским реформам и чисто восточный деспотизм, немедленно обрушив жестокие казни на своих соплеменников, среди которых его правление вызывало постоянное неудовольствие. В то же время Турция, признав формально независимость Крыма, рассчитывала при поддержке европейских держав восстановить там свой протекторат. «Крым положением своим разрывает наши границы. Нужна ли осторожность с турками по Бугу или со стороны Кубанской — во всех сих случаях и Крым на руках, — рассуждал Потёмкин в письме императрице. — Тут ясно видно, для чего хан нынешний Туркам неугоден: для того, что он не допустит их чрез Крым входить к нам, так сказать, в сердце»⁵⁴. В настоящее время в отношении присоединения к России Крыма, равно как и покорения Кавказа, нередко употребляется термин «колонизация», справедливость которого мы не беремся оспаривать. Заметим, что активный баланс внешней политики, стремление прикрыть свои границы

«дружественными» территориями, усилив в них свое влияние, — явление, характерное для всех крупных европейских держав того времени, будь то Великобритания, Священная Римская империя Габсбургов, Франция, Пруссия. Бесконечные войны то за испанское, то за австрийское, то за баварское наследство — явное тому доказательство. Теперь же «в очередь дня» выдвигался «восточный вопрос», — война за наследство распадавшейся империи османов, — в решении которого Россия опередила своих соперников, вызвав их неудовольствие. Современному читателю трудно представить себе настроения, которые одушевляли русских военных, причастных к присоединению или «колонизации» Крыма. Однако «после свержения в XV веке монголо-татарского ига самым беспощадным врагом Московского государства стало Крымское ханство. <...> В 1571 г. крымско-ногайская конница прорвалась к Москве. В гигантском пожаре погибли многие жители столицы. Тысячи русских людей были угнаны в полон и проданы в рабство. Хан обещал на будущий год покончить с самостоятельностью Московии. Его набег был отбит, но нашествия продолжались. Только в первой половине XVI в. в крымский полон было угнано двести тысяч человек. <...> Крымские ханы на своем престоле утверждались в Константинополе. По воле султана набег татар совершался то на Москву, то на Краков, т. е. на того противника, какого Порты считала в тот момент опасным для себя. Крымских всадников видели стены Вены, когда в 1683 г. огромная армия великого визиря Кара-Мустафы обложила столицу крупнейшей европейской державы. Столица Габсбургов была спасена армией польского короля Яна Собеского. <...> Трудно поверить, но отмена выплаты дани крымскому хану произошла только в 1700 г. при Петре I, а последний набег крымской конницы на украинские земли, входившие в состав России, был произведен в 1769 г., при начале войны»⁵⁵. Можно сказать, что опасное могущество Крымского ханства разваливалось на глазах у Кутузова, и он, как и его соратники, сознавал, что для России настало время реванша за прошлые столетия. Только овладение Крымом позволило России решить проблему, доставшуюся в наследство от петровского царствования: получить выход в Черное море. Даже в 1778 году турецкие военачальники Дже-заирли Гази Хасан-паша и Джаныклы-паша в ультимативной форме пытались запретить русским судам плавание в Черном море под угрозой их потопления. Под защитой русских войск осваивались плодородные земли, строились новые крепости, города и селения, которые некий шутник в незапамятные времена назвал потёмкинскими деревнями. К сожалению, это наименование прижилось, став со временем нарицательным, таким, с помощью которого обозначают

нечто, не существующее в действительности. Но потёмкинские деревни существовали и существуют по сей день: Севастополь, Симферополь, Мариуполь, Херсон и др. Возникновение этих городов связано с именем «великолепного князя Тавриды» и его сподвижников, в числе которых находился и Михаил Илларионович Кутузов. В отличие от отечественных скептиков, иностранцы не считали потёмкинские деревни временной декорацией. В начале XX столетия французский историк Э. Дрио совершенно иначе отзывался о «временах Очакова и покоренья Крыма»: «Усилены были херсонские укрепления и хорошо вооружен Севастополь. Русский флот увеличился на Черном море и стал грозой для всех. Русская армия, состоявшая из 130 тысяч человек, была сосредоточена на юге России. Греческий архиепископ Булгарис был водворен в Херсоне, и на него была возложена обязанность состоять в постоянном сношении с единоверцами в Оттоманской империи, где он являлся таким образом агентом религиозного протектората России. <...> Согласно со смело обдуманым и твердо выполненным планом русское влияние проникало в самое сердце турецкой империи. <...> Строя, как по мановению жезла, города и деревни; пролагая дороги, делая реки пригодными для навигации, полагал основу блестящей будущности Одессы. Продукты черноземной полосы шли уже по рекам в Черное море, и „русский ледник“ скользил, подобно фатальной силе, все ближе к югу»⁵⁶. В начале 1784 года турецкий султан Абдул-Хамид дал письменное согласие на признание власти России над Крымом. В конце того же года М. И. Кутузов и получил упомянутый чин генерал-майора за то, что «участвовал самым деятельнейшим образом во всех распоряжениях и мерах, которые приняты были к усмирению мятежников и к восстановлению тишины и спокойствия»⁵⁷. К сожалению, он не мог поделиться этой радостью с отцом: Илларион Матвеевич скончался летом в своем псковском имении. «Имея пре крайнюю нужду отъехать <...> в рассуждении смерти отца моего, просил увольнения по команде, но, не получа оно го, взял отпуск у генерал-поручика Чекина на двадцать девять дней, чтобы не упустить времени...» — обратился Кутузов к начальнику канцелярии Потёмкина В. С. Попову⁵⁸. Мы не знаем, успел ли он ко дню погребения, но впоследствии над местом захоронения своего отца он распорядился построить церковь Христова Воскресения, которая была освящена «1791-го, месяца ноября, 2-го дня».

14 января 1785 года Екатерина II подписала рескрипт Г. А. Потёмкину об «умножении» и преобразовании армии. «Президент Военной коллегии давно подготовил и настойчиво проводил важную реформу — заведение

егерских корпусов — отборной пехоты, приученной к рассыпному строю, меткой стрельбе, индивидуальному бою. Ни одна европейская армия не имела таких частей, а Фридрих II (один из пионеров заведения егерей) довольствовался небольшими по численности егерскими командами при пехотных полках. Егерские корпуса Потёмкина представляли собой четырехбатальонные полки усиленного состава. Эта и другие реформы в армии осуществлялись в преддверии новых осложнений на границах империи»⁵⁹. Уже 23 мая 1785 года президент Военной коллегии генерал-фельдмаршал Потёмкин-Таврический подписал ордер о назначении генерал-майора Голенищева-Кутузова командиром Бугского егерского корпуса, «составленного из четырех батальонов команды господина полковника и кавалера Воеводского, а именно: 1-го и 2-го егерских, 2-го мушкетерского Белорусского и 4-го Харьковского. Имеется по тому немедленно отправиться в Наместничество Екатеринославское, и, приняв в Вашу команду помянутые батальоны, составить корпус Бугской. Употребите всемерное старание о скорейшем вооружении вверенного Вам корпуса, так и снабжения всем по штату егерскому»⁶⁰. Бугский егерский корпус предстояло сформировать, отобрав в него солдат «самого лучшего проворного и здорового состояния», к тому же «молодых и росту небольшого». Их обучали сноровистой ходьбе по горам и лесам, на лыжах, по бездорожью, ориентироваться в лесу и в поле; они должны были уметь ловко и быстро преодолевать местные преграды и инженерные препятствия, все перестроения совершать ускоренным шагом или бегом, уметь пользоваться в бою штыком и прикладом. Главной же особенностью егерей являлось то, что они должны были уметь метко стрелять. Впрочем, все, чему следовало обучать егерей — новому виду пехоты в русской армии, подробнейше изложено в документе, созданном в 1786 году самим командиром Бугского егерского корпуса и названном «Примечания о пехотной службе вообще и о егерской особенно». Подобно безосновательному замечанию о производстве «мирного времени» Кутузова в генералы, Н. А. Троицкий делает в его адрес и другое, не менее спорное, замечание: «Единственный военно-теоретический труд Кутузова „Примечание о пехотной службе вообще и о егерской особенно“ (1786) информативен тактически, но для теории малозначим (выделено мной. — Л. И.), уступая в этом не только трудам Суворова и Румянцева, но и таким документам М. Б. Барклая де Толли, как „Воинский устав о пехотной службе“ и „Наставление господам пехотным офицерам в день сражения“». Но, во-первых, еще в начале прошлого столетия К. Симанскому удалось

доказать, что предположение В. И. Харкевича о том, что автором «Наставления» являлся Барклай, — ошибочно. Автором документа, первоначально носившего название «Наставления господам пехотным офицерам Нарвского пехотного полка», являлся граф М. С. Воронцов. Причем в основе этого сочинения — «Правила для французской армии, составленные Императором Наполеоном». По мнению К. Симанского, «Наставления» Воронцова были переработаны князем П. И. Багратионом, распространены во 2-й Западной армии и лишь затем использованы при составлении Устава 1816 года. Во-вторых, почему «Примечания о пехотной службе» Кутузова, на основании личного богатого опыта впервые разработавшего для русской армии правила содержания, обучения, маневрирования, поведения егерей в бою, «малозначимы для теории»? Если сравнить тексты обоих документов, то сразу же становится очевидным, который из них потребовал больше знаний, опыта, труда. Нельзя не согласиться с издателем «Примечаний», что «трактат о пехотной и егерской службе — блестящий образец Кутузова — военного теоретика»⁶¹. Кутузов изложил в документе все, что было проверено им на практике. Согласно документам во вновь сформированных егерских батальонах шли бесконечные учения: выходы в поле, где войска учились тактическим перестроениям, действиям в рассыпном строю, упражнялись в стрельбе на меткость. Как отметил Ю. Н. Гуляев, «многое из того, чему нужно было научить егерей, делалось впервые и егерями, и их командирами»⁶². Причем в это же самое время Кутузову было предписано укомплектовать «рослыми людьми» и сформировать гренадерские батальоны для пяти гренадерских полков 3-й дивизии. Генерал-поручик Х. И. Гейкин, под начальством которого состоял Кутузов, докладывал летом 1786 года Г. А. Потёмкину: «<...> Батальоны Екатеринославского, Таврического, Фанагорийского и Киевского гренадерских полков генерал-майором и кавалером Голенищевым-Кутузовым укомплектованы людьми и готовы совместно с Бугским егерским корпусом выступить в поход в Екатеринославское наместничество»⁶³. Спустя много лет эти гренадерские полки отличились в Бородинском сражении, их названия высечены на памятнике 2-й гренадерской дивизии, но мало кто помнит, что у истоков формирования этих воинских частей стоял главнокомандующий русскими войсками при Бородине М. И. Кутузов. Но уж он-то, объезжая перед битвой свои войска, наверняка вспоминал историю каждого полка, неразрывно связанную с его собственной историей жизни...

С формированием войск в том далеком 1786 году следовало спешить.

В течение всего этого года посол России в Турции Булгаков доносил об усилении в Порте воинственных устремлений, поддерживаемых западными дипломатами. По весне 1787 года Екатерина II отправилась в южные губернии России, где в Херсоне была назначена встреча с новым союзником в войне с Турцией — австрийским императором Иосифом II, путешествовавшим под именем графа Фалькенштейна. Месяц, с 3 апреля по 3 мая, императрица провела в Кременчуге, который до постройки Екатеринослава выполнял функции главного города наместничества. Отсюда начиналась главная часть путешествия — осмотр губерний, вверенных попечению князя Потёмкина. «Шесть легкоконных полков — Сумской, Ахтырский, Изюмский, Харьковский, Павлоградский, Мариупольский (будущие знаменитые гусарские полки русской армии), батальон Екатеринославского гренадерского полка, Бугский егерский корпус, Екатеринославский кирасирский полк — части, сформированные в последние годы Потёмкиным, удостоились высочайшего смотра. Отметим, что среди генералитета, встречавшего Екатерину в Кременчуге, были и генерал-аншеф Суворов, и генерал-майор Голенищев-Кутузов, командовавший Бугскими егерями. И город, и жители, и войска очень понравились Императрице и ее спутникам, среди которых были послы Франции, Великобритании, Священной Римской империи — граф Сенгюр, Фиц-Герберт, граф Кобенцль. Почти ежедневно Императрица пишет в Москву и в Петербург и во всех письмах звучит одна и та же нота: „Легкоконные полки <...> про которых покойный Панин и многие иные старушонки говорили, что они только на бумаге, но вчера я видела своими глазами, что те полки не карточные, но в самом деле прекрасные...“⁶⁴. На обратном пути, 7 июня, царский поезд снова через Кременчуг прибыл в Полтаву. Здесь на следующий день после обозрения места знаменитой Полтавской баталии «под предводительством генерал-аншефа и кавалера князя Юрия Владимировича Долгорукова все конные полки маршировали мимо ставки Ея Величества, а напоследок в присутствии Ея Императорского Величества все войско, имея 40 орудий полевой артиллерии, атаковало неприятеля, пред собою поставленного, причем во всех движениях доказало совершенное устройство и похвальную расторопность». Так записано в камер-фурьерском журнале. Полтавские маневры — финал путешествия, впечатляющий символ преемственности политики Екатерины II, идущей по стопам Петра Великого, — были задуманы Потёмкиным. На кургане, прозванном в народе «Шведской могилой», рядом с императрицей и Потёмкиным стояли генералы, лица свиты, знатные иностранцы. Все они заметили, что «командир Бугского

егерского корпуса скакал по полю на чрезвычайно горячем коне. Подозвав к себе Кутузова, Императрица с улыбкой сказала ему: „Благодарю вас, господин генерал! Отселе вы у меня считаетесь между лучшими людьми и в числе отличнейших генералов. Запрещаю вам ездить на бешеных лошадях и никогда не прощу, если услышу, что вы не исполняете моего приказания. Вы должны беречь себя“»⁶⁵. Как не вяжется в нашем представлении эта сцена с привычным стереотипом восприятия Кутузова — пожилым и осторожным. Мы плохо представляем себе Михаила Илларионовича на бешеной лошади, впрочем, так же как и первым рванувшимся в атаку. Но все это было в его жизни в те годы, которые во все времена принято называть лучшими. Отрешившись от образа Кутузова эпохи 1812 года, представим себе его с обгоревшим на южном солнце лицом, на бешеной лошади, рядом со сформированным и обученным им самим Бугским егерским корпусом, в Таврической губернии, завоеванной и обжитой благодаря усилиям таких как он! Представим себе радость и гордость Кутузова, которому сама императрица в присутствии высокопоставленных гостей приказала беречь себя! А случилось это как раз накануне затяжной Второй русско-турецкой войны 1787–1791 годов...

15 июля русскому посланнику в Константинополе Я. И. Булгакову был вручен ультиматум, согласно которому Россия должна была отозвать своих консулов из Ясс, Бухареста и Александрии, а турецких консулов допустить во все торговые города и гавани Причерноморья. Кроме того, Россия должна была дать согласие на досмотр всех судов, проходивших через проливы Босфор и Дарданеллы. Ответить на предъявленные требования следовало в течение пяти дней. От русского посланника требовалось сообщить в Петербург, что Порта более не признает условия Кючук-Кайнарджийского мира и требует немедленного возвращения Крыма. «Екатерининский орел» Я. И. Булгаков в Турецком Диване (совет при султани) решительно отказался передавать ультиматум, сказав турецким сановникам, что ответ императрицы ему заранее известен. Посланник, по обыкновению, был арестован и заключен в страшный Семибашенный замок. Главнокомандующий Екатеринославской армией Г. А. Потёмкин перебросил войска, принимавшие участие в полтавских маневрах в Екатеринославскую губернию. 13 августа Турция объявила войну России, но днем ранее Бугский егерский корпус, совершив ускоренный марш от Полтавы, переправился через Днепр и явился к сборному пункту армии в Ольвиополь. Кутузову было поручено защищать русские границы с юга, по всему течению реки Буг. В сентябре того же года он поступил в непосредственное подчинение А. В. Суворова, находившегося в Кинбурне.

Современники свидетельствовали: «Отменное уважение Суворова к достоинствам и храбрости генерала Голенищева-Кутузова известны во всем российском войске. Отправляя его куда-либо с частью войска, он оставался спокоен и был уверен, что все будет сделано, что только сделать можно»⁶⁶. Потёмкин предполагал, что первый удар противник попытается нанести в районе Очакова, стремясь уничтожить Херсон — главную базу Черноморского флота. 28 августа он доносил Екатерине II: «Я защитил, чем мог, Бугскую сторону от впадения (нападения. — Л. И.). Кинбурн перетянул в себя почти половину всех сил Херсонских. <...> От храбрости сих войск зависит спасение»⁶⁷. 1 октября турки высадили сильный десант на участке, обороняемом Суворовым, на Кинбурнской косе, но, по словам полководца, «были выбиты из всех укреплений, потерпели крайнее поражение и остатки брошены в воду»⁶⁸. Победа при Кинбурне, над «силой неприятельской, руководимой французами», отвела, казалось, неминуемую угрозу Крыму, которым светлейший князь Потёмкин-Таврический готов был даже пожертвовать, чтобы сохранить позиции под Херсоном, на Буге, на Кубани. Но Екатерина решительно возразила: «На оставление Крыма, воля твоя, согласиться не могу; об нем идет война. <...> Когда кто сидит на коне, тогда сойдет ли с оного, чтоб держаться за хвост?»⁶⁹ По свидетельству очевидца, известие о кинбурнской победе сразу же подняло дух в войсках всей Екатеринославской армии: «Таковая радостная для россиян весть удвоила усердие к принесению всяуправляющему Вышнему Существу теплых молений, и в 10 часов отпели благодарственный молебен при собрании всего генералитетства, в армии находящегося, и прочих штаб-и обер-офицеров. При чтении благодарственной Богу молитвы с коленопреклонением за недостойно нам ниспосылаемые несказанные благодеяния, оставя философские мысли о человечестве страждущем, нам во всем подобном, был я пронзен некоего рода ужасно величественного благоговения и, нисходя от него в первой степени умильного неисповедимому Божеству благодарения, чувствовал сияющиеся изнутри моего сердца наружь вздохи, сопровождаемые исторгнутием из очей моих слез, кои разлили во всех тончайших каналах моего брэнного состава некую приятность»⁷⁰. Прочитав в реляции об успехе русских войск и также отслужив по этому поводу благодарственный молебен, Екатерина II призналась: «Александр Васильевич поставил нас вчера на колени...» Текст реляции, по-видимому, очень волновал Суворова. 11 октября 1787 года он писал секретарю Потёмкина В. С. Попову: «Пришлите, братец, Василий Степанович! какого к нам беллетриста для сочинения журнала.

Это идет к славе России! <...> Про меня в журналах несправедливо писывали, и то давно отбило у меня и вкус к журналам. Лучший здесь Репнинский, да и тому не написать; Кутузову — отлучитца нельзя»⁷¹. Так, из одной только строчки письма Суворова мы узнаем сразу о двух талантах Михаила Илларионовича, которые признавал за ним его великий сослуживец: о его умении «литературно» составить текст донесения и незаменимости в опасных ситуациях. Спустя два года доброе мнение Суворова о его младшем соратнике только укрепилось. «Наш друг Кутузов, — писал он И. М. де Рибасу, — *не знает равных в трудолюбии* (выделено мной. — Л. И.) и неустанно печется о порядке»⁷². Заметим, что это суждение совершенно не согласуется со свидетельствами поздних мемуаристов о лени, нерасторопности, сибаритстве Кутузова и, уж конечно, не вяжется с заявлениями современных исследователей, что его карьера всегда основывалась на угодливости, лести и придворных интригах. Все же думается, что там, где речь шла о том, чтобы отразить врага или потерпеть от него поражение, хорошие манеры Кутузова были не главным его преимуществом.

3 ноября неприятель проявил активность на участке, охраняемом войсками Кутузова: среди ночи турки, переправившись через Буг, попытались захватить Осицкую косу, но после перестрелки были «прогнаны к лодкам и принуждены уехать обратно». Предусмотрительность генерал-майора Голенищева-Кутузова высоко оценил начальник 1-й дивизии Екатеринославской армии генерал-аншеф князь Н. В. Репнин в рапорте Г. А. Потёмкину: «Всё его здесь учреждение нашел я весьма порядочно, как и укрепление здешнего замка весьма хорошо устроено, так что при помощи Божией можно надеяться, что при сем poste и при предводительстве его, господина генерал-майора и кавалера Голенищева-Кутузова, в случае нападения неприятельского все пойдет с желаемым успехом»⁷³. Сам Кутузов счел необходимым в донесении Потёмкину отметить бескорыстие одного из своих подчиненных: «Лес на рогатки и другие малые надобности брал у подполковника Касперова. Он по усердию своему к общему делу сих убытков в цену не ставит. Но я нахожу должностию все сие представить рассмотрению и воле Вашей светлости»⁷⁴. Потёмкин, доверивший Кутузову важный пост, в своем любимце не ошибся. Даже когда с наступлением холодов река Буг покрылась льдом, Кутузов направлял вдоль Буга малые разъезды («партии»), которые днем и ночью усиленно наблюдали за противником, пользуясь темнотой, перебирались на турецкую

сторону, обозревали местность, а надежные люди собирали сведения в приграничных городах. В результате неприятелю так и не удалось вторгнуться на территорию, за безопасность которой отвечал М. И. Кутузов. Более того, русский генерал был абсолютно уверен, что сможет защитить от внезапных нападений мирных жителей, среди которых были в основном переселенцы из центральных русских губерний. Кутузов обо всем происходившем на вверенном ему участке почти ежедневно сообщал самому Потёмкину, заканчивая свои донесения неизменным заверением: «надлежащие осторожности на моей дистанции наблюдаются». Деятельность Михаила Илларионовича в то время не ограничивалась разведкой, наблюдением за неприятелем и предотвращением его нападений. Он постоянно занимается обучением войск. Как писал Суворов, «экзерция во всякое время»⁷⁵. В изданиях, посвященных другому полководцу эпохи 1812 года — М. Б. Барклаю де Толли, неоднократно упоминалось, что, в отличие от других военачальников, Кутузов уделял повышенное внимание меткости стрельбы. Приведем текст из одного из приказов Михаила Илларионовича, датированных 19 февраля 1788 года: «<...> Сия часть (меткость стрельбы) во всех баталионах имеет весьма слабое начало, а об успехе оной сомневаться не можно, ежели приложить старание и откинуть старинное предубеждение, будто бы российского солдата стрелять цельно выучить не можно; за ленивыми и незнающими офицерам присмотреть рачительно...»⁷⁶ Кстати, именно этим разделом начинаются и составленные им «Примечания о пехотной службе». Как жаль, что авторы, пишущие сочинения о Барклае де Толли, не обращают внимания на документы, связанные с деятельностью других военачальников. Через три месяца после изданного им приказа Михаил Илларионович уже имел повод порадоваться успехам Бугских егерей: «В трех баталионах, в коих я отборных стрелков видел, нашел уже хорошее начало; надеюсь, что время, которое еще остается для обучения, приблизит их к совершенству; думаю также, что когда буду осматривать роты (а не отборных) в стрельбе в цель, буду иметь случай порадоваться успеху»⁷⁷. Документы того времени свидетельствуют о неподдельной увлеченности 35-летнего генерала своей профессией: он твердо знал, как и чему учить солдат, сколько нужно пороху для обучения батальонных канониров, сколько нужно аршин армяку и каразеи на шитье картузных мешков, каким образом «приманивать неприятельские партии», чтобы их потом захватить, как должен выглядеть лазарет для нижних чинов, чтобы «служить примером заботливости и человеколюбия». По словам биографа, «он оказал

при сем случае такую расторопность и благоусмотрительность, уничтожая наезды неприятелей, желавших перейти через границы, что обратил тем на себя внимание князя Потёмкина, который приступая к осаде Очакова, призвал генерала Кутузова к своей армии, как чиновника отличной храбрости и испытанного благоразумия»⁷⁸. В начале июля 1788 года, в соответствии с ордером Г. А. Потёмкина, два батальона Бугского корпуса переправились через Буг и двинулись к Очакову. Офицер, служивший при штабе главнокомандующего Екатеринославской армией, 12 июля оставил запись в Дневнике: «После обеда (привезены. — Л. И.) стеноломные пушки, подоспевшие из Херсона же <...> проходили два батальона егерей Бугского корпуса, находящегося теперь в Кинбурне. Оные егеря равным образом вместе с пушками перевезены в одно время. Все сие шло мимо главной квартиры»⁷⁹.

Глава шестая

ОЧАКОВ, ИЗМАИЛ, МАЧИН

Среди них был он: я видел его, цветущего жизнью, юного, рядом с Репниными, Суворовыми, Потёмкиными, мужами века Екатерины...

Н. Полевой. Могила Кутузова

Летом 1788 года войска Потёмкина были стянуты к Очакову. Боевые действия, предшествовавшие взятию крепости, Суворов ядовито называл «осадой Трои». По его мнению, следовало с ходу овладеть турецкой твердыней, а не затягивать пребывание у ее стен до зимних холодов. Но Потёмкин, зная, что в крепости, кроме двадцатитысячного гарнизона, находится примерно столько же жителей, снова и снова обращался к очаковскому паше с увещеваниями «не проливать невинную кровь». Паша давал гордые ответы, из которых явствовало, что осажденные сдаваться не собирались. Однако положение турецкого гарнизона осложнилось из-за того, что в июне, после нескольких столкновений, в лимане был наголову разбит турецкий флот под командованием старого морского волка Гази Хасан-паши. Согласно Дневнику Р. М. Цебрикова, служившего при канцелярии в Главной квартире Г. А. Потёмкина, в тот день, когда под Очаков прибыли батальоны Бугских егерей, была получена тревожная весть о том, что «война между нами и Швецией действительно уже объявлена и что шведы уже разорили несколько наших деревень»¹. Из этого же Дневника, который можно назвать хроникой долгого очаковского «сидения», следует, что обстановка в самом лагере сразу же давала представление обо всех «прелестях» военного быта: «Ходя при захождении солнца по лагерю, видел одних полковых солдат, копавших ямы для умерших своих собратий, других уже хоронивших, а третьих совсем погребавших. В армии весьма многие болеют поносами и гнилыми лихорадками; когда и офицеры переселяются в царство мертвых, за коими во время их болезни всеконечно лучше присматривают, а за деньги их пользуют врачи собственными своими лекарствами, то как ни умирать солдатам, оставленным в болезни на произвол судьбы, и для коих лекарств или недовольно, или и совсем в иных полках не имеется. Болезни

рождаются от того, что армия стоит в каре, четвероугольником, что испражняемый кал, хотя немного ветер подует, распространяет по воздуху весьма дурной запах, а вода лиманская, будучи употребляемая сырою, весьма нездорова, а уксусу не делят солдатам, что по берегу везде видимы трупы мертвые, потонувшие в лимане в трех бывших в нем сражениях. <...> Сверх того, лошади и рогатый скот от недовольного кормадохнут, а из убитого на снадение бросают негодные к тому части или тут же в лагере, или по берегу, от чего смрад также бывает <...> а особливо, когда солнце жарит и сильный дует ветерок»².

В конечном счете в крепостцу Березань, «построенную на островку, на одну версту от берега и на четыре от Очакова», были перевезены из Очакова все сокровища и женщины, и теперь Главная квартира «великолепного князя Тавриды» являла собой подобие придворной жизни. Немало развеселило всех забавное даже в тех условиях приключение, героиней которого оказалась родственница светлейшего князя Г. А. Потёмкина-Таврического: «Между сими коловратностями воинскими и борением со смертию человечества, амур вздумал играть свою роль. П. Серг. Потёмкина (двоюродный брат Г. А. Потёмкина. — Л. И.) супруга в третий раз уже посещает наш лагерь в сию кампанию. При фельдмаршальском штате находится некто майор Обрезков, петиметр не последний. Он влюбился, как сказывают, в сию героиню тогда, когда она была еще свободна брачных уз, но сильная его к ней страсть и по сие время в сердце его деятельна, что обнаружил он письмом, препровожденным к обладательнице его сердца сим способом: госпожа сия, приехавши к фельдмаршалу с визитом, встретила с Обрезковым, прежним ее любовником; сей, провожая ее с кареты, толкнул с тем, что, когда она оглянется, вручить ей свое письмецо, но она сказала ему: „послед-де можешь говорить, что желаешь“; между тем он пришили к карете пукет цветов против того места, где ей сидеть должно, и провожая ее наконец к карете, вручил письмецо сие при глазах служителя ее, которому он для лучшего успеха в своих предприятиях и наложения на него молчаливости дал червонец. Сей слуга по глупости или по корыстолюбию, приехавши домой и проводивши свою госпожу в палатку к ее супругу, начал громко говорить: получил ли он от майора письмо. Муж, сие услыша, спросил о письме, которое она ему и вручила; прочитавши оное, спросил слугу, каким образом сие было, а сей и должен был во всем признаться, и в том, что червонец получил. Муж, рассердясь, велел червонец отослать Обрезкову назад чрез своего дежур-майора, который и вручил ему оный в присутствии многостоявших офицеров и штабов. Письмо оное не поленился сам

доставить господину генерал-фельдмаршалу. Сие происшествие много наделало смеху в целом лагере, потому что оно со всех сторон странное в нынешних обстоятельствах. Ветреность любовника, или более его безрассудность, неосторожность слуги, а может быть злость или верность, и неблагоразумие мужа были три предмета, занимавшие мысли людские»³.

Кого только не повстречал генерал Голенищев-Кутузов под стенами Очакова! При Потёмкине находились «первые военные люди Европы»: родственник Екатерины II принц Ангальт-Бернбургский, знаменитый бельгийский принц Карл де Линь, принц Нассау-Зиген, граф Рожер де Дама — волонтер (доброволец) из Франции и мальтийский рыцарь Джулиано де Ломбард, грек Панайот Алексиано и даже американец («забияка», как называла его Екатерина II) Поль Джонс. Подобно крестоносцам в Средние века, все они (кроме П. Джонса) прибыли воевать с «магометанами», не заметив смертельной опасности, подкравшейся совсем с другой стороны. Утонченные кавалеры, изящные остроусловы, странствующие рыцари, — они привносили в Главную квартиру Потёмкина, который и сам олицетворял собой «золотой век» дворянства, атмосферу аристократических салонов «старой Европы». Это был целый мир, который всего через год будет безжалостно сокрушен революционными потрясениями во Франции, но в то время об этом никто не думал. Вероятно, именно здесь Кутузов познакомился с испанцем Иосифом де Рибасом, дежурным бригадиром главнокомандующего, ганноверцем бароном Левином Августом Теофилом Беннигсеном и встретился со многими своими соратниками по Наполеоновским войнам, которые в то время только делали первые шаги на военном поприще: князем П. И. Багратионом, Н. Н. Раевским, М. Б. Барклаем де Толли.

Сам Кутузов прибыл сюда с солидным запасом опыта и знаний и был хорошо известен как храбрый и талантливый военачальник Потёмкину, Суворову, Репнину. «Почти с самого первого шага на военном поприще Кутузов заслужил <...> титул храброго. Сим прозванием был он удостоен не только начальниками своими, но и подчиненными ему воинами, кои в полной доверенности к любимому им генералу шли бестрепетно на очевидную смерть и преодолевали все препятствия таковою своею неустрашимостью»⁴. Знание иностранных языков, непринужденная общительность, остроумие и светская любезность, усовершенствованные за время пребывания за границей, способствовали тому, что Михаил Илларионович без труда нашел общий язык с аристократической компанией сослуживцев, соединенных обстоятельствами военного

времени. Принц де Линь, прибывший под стены Очакова в качестве представителя союзной австрийской армии, назвал его в числе первых военачальников, подающих большие надежды: «Кроме множества достойных генералов, отличившихся храбростью и талантами, как например князь Репнин, соединяющий в себе все добродетели, князь Юрий Долгорукий, Текелли, графы Салтыков и Пушкин, пылкий Каменский и счастливый Суворов, внушающий во всех доверенность, вы имеете и других, которые могут служить с великою пользою, например: принц Ангальт, Кутузов, Волконский, Горич, Ферзей, ваш племянник, князь Сергей Голицын, Шпренгпортен, человек с великим характером. Я хорошего мнения и о фон дер Палене; надеюсь, что он будет один из самых отличных офицеров»⁵. Так в один список попали будущий спаситель отечества в 1812 году фельдмаршал М. И. Кутузов и будущий генерал-губернатор Петербурга, генерал от кавалерии граф П. А. фон дер Пален, возглавивший заговор против Павла I. Как видно, в молодые годы и тот и другой производили впечатление людей решительных. Со слов современников, помнивших полководца в разную пору его жизни, первым биографам удалось восстановить довольно симпатичный «образ жизни Михаила Ларионовича Голенищева-Кутузова» по годам: «В молодых летах <...> вел жизнь разнообразную; но с капитанского чина, по переходе своем в Крымскую армию, совершенно переменился. Вообще он отличал себя пред прочими особым щедролубием, гостеприимством и хлебосольством, как в доме своем, так и везде, где только он не жил. Во всю свою жизнь он не кушал один: чем больше бывало за столом его людей, тем более это было для него приятно и он был веселее. Таковое гостеприимство было единственною причиною, что он никогда не имел у себя большого богатства, да он и не заботился об этом. Прежде в мирное время он обедал и ужинал, ложился почивать и вставал, смотря по обстоятельствам, но в последствии времени, переменив образ жизни, перестал ужинать, кушал однажды в сутки, ложился почивать не прежде одиннадцати часов и не позже двенадцати часов, а вставал не ранее семи и не позже осьми часов. Несмотря однако же на таковую привычку, во время походов Кутузов поступал совершенно иначе. Случалось, что он несколько ночей сряду проводил без сна, а особливо, когда успех дела состоял на собственной его ответственности. В сих случаях он во всю ночь рассуждал, молча про себя в своей спальне, и только приговаривал иногда: так! не так! Если же совершенно ослабевал, то засыпал сидя, но проведя во сне самое кратчайшее время, просыпался, и пробив себе пальцами тревогу, вставал, будил других и начинал вновь свои размышления. Он имел доверенность

весьма к немногим; но в важных обстоятельствах и на них совершенно не полагался, почему сам осматривал все воинские работы, укрепления, батареи и проч.; равномерно он всегда присутствовал при переходе войск горами, дефилеями и при переправах через реки. Сей-то осторожности обязан был почти всегдашним успехом в своих предприятиях, поставивших его на степень величайших мужей своего века»⁶.

Судя по всему, Кутузову удалось завоевать симпатии принца де Линя. Нам сейчас трудно оценить значение этого факта, но человеку из «блаженного 18-го», как называл позапрошрое столетие М. Ю. Лермонтов, это говорило о многом. Знаменитый принц пользовался «коротким обращением» со всеми монархами, включая Екатерину II, Людовика XV и Людовика XVI, Фридриха Великого, Иосифа II, был аристократом среди аристократов, служил образцом для подражания всего высшего света «старой Европы», уничтоженной революцией. И Кутузов принадлежал к числу людей, не только слышавших этого человека, но и говоривших с ним, что, по словам современников, «заставляет завидовать сему обществу». Однако в нашей историографии этому факту не то что не завидовали — на него не обращали особого внимания. Биографы М. И. Кутузова обходили молчанием его многолетнее тесное сотрудничество с Г. А. Потёмкиным, что подтверждается почти ежедневной служебной перепиской в 1787–1790 годах, но особенно акцентировали внимание на исключительно дружеских отношениях с А. В. Суворовым. Последнего с конца XIX века стали называть учителем М. И. Кутузова. Однако письменные источники, скорее, свидетельствуют в пользу того, что между ними существовало «благородное соперничество». Личность Кутузова будет оставаться для нас закрытой до тех пор, пока мы не оценим по достоинству круг его общения, не осознаем историко-психологической мотивации его поступков. Без этого нам не понять природы его светской учтивости, вкрадчивых манер, присущих элите общества в эпоху рококо, что многим в начале XIX столетия представлялось то чрезмерной угодливостью, то двуличием и неискренностью. Знаменитый нидерландский ученый Й. Хейзинга так охарактеризовал тип культуры, которая составляла стержень характера М. И. Кутузова: «Аристократическая культура не афиширует своих эмоций. В формах выражения она сохраняет трезвость и хладнокровие. Она занимает стоическую позицию. Чтобы стать сильной, она хочет и должна быть строгой и сдержанной — или по крайней мере допускать выражение чувств и эмоций исключительно в стилистически обусловленных формах»⁷.

«Стилистически обусловленная форма» поведения для человека высшего общества той поры — своего рода игра, правилам которой жестко следовали и принц де Линь, и М. И. Кутузов, и даже «бесхитростный» А. В. Суворов. Так, Е. Б. Фукс, последовательно бывший секретарем обоих русских полководцев, сравнивая их, отмечал: «Оба стараются быть непроницаемыми. Суворов прикрывает себя странностями, в которых неподражаем; Кутузов — тонкостию в обращении»⁸. Знаменитая европейская писательница, аристократка госпожа де Сталь, оставившая трогательные воспоминания о встрече с Кутузовым в России в 1812 году, так отзывалась о принце де Лине, который столь много значил для них обоих: «Мы всегда будем сожалеть, что не могли наслаждаться беседою тех людей, которые славились отличною способностью говорить, ибо то, что после о них рассказывают, дает весьма несовершенное о сем предмете понятие. Изречения, острые слова, всё, что может остаться в памяти и потом повторяться, не в состоянии изобразить той ежеминутной приятности, той легкости в выражении, той любезности в обращении, которые составляют прелесть общества. Маршал принц де Линь был признан за любезнейшего человека всеми французами, а они редко отдавали сие преимущество тем, кто не родились между ними»⁹. В екатерининскую эпоху в жизни Кутузова происходили события и встречи, воспоминания о которых, безусловно, скрашивали его жизнь на склоне лет. Встреча с принцем де Линем, «умевшим соединить с достоинством знатного господина всю любезность умного человека», сама по себе была событием. Принц вступил в военную службу во время Семилетней войны. «Он был в походах 1757 и 1758 годов, и служил капитаном в полку принца де Линя, отца своего. И полк сей, и молодой принц покрылись славою на сражении при Коллине, которое фельдмаршал Даун выиграл у короля Прусского. В сшибках, следовавших за сею победою, принц всегда находился в передовых постах, а в сражении при Лейтене, где король Прусский отмстил австрийцам за учиненную ему обиду, наш молодой капитан, пользуясь раздором, происшедшим между старшими офицерами, желавшими себе присвоить начальство над полком, собирал несколько раз рассеянных солдат среди множества неприятельских пуль и отвел их в Богемию по самым непроходимым местам; причем не имел и сам для подкрепления изнуренных сил своих другой пищи, кроме куска черствого хлеба». После очередной победы над пруссаками принц был отправлен в Париж «для донесения Людовику XV о сем щастливом происшествии». При французском дворе все сочли принца де Линя природным французом.

Сам король вступал с ним в беседы: его особенно интересовало, носит ли австрийский фельдмаршал Даун парик. Господин де Бель-Иль сделал принцу де Линю замечание: «Вы очень поздно одерживаете победы; в прошедшем году вы выиграли сражение в октябре; а ныне в ноябре». Принц почтительно отвечал своему оппоненту: «Лучше разбить неприятеля зимою, нежели самому быть разбиту летом». Он не раз бывал при французском королевском дворе, принимал участие «в прелестных трианонских вечеринках» Марии Антуанетты, впоследствии описываемых французскими революционерами «самым черным образом». Впрочем, те же самые революционеры тем же самым образом описывали придворную жизнь во времена Екатерины II. Принц любил путешествовать. Он был в Англии, в Италии; виделся с Вольтером в Фернее, с принцем Генрихом в Рейнсберге и с самим Фридрихом II в Сан-Суси. Когда старший сын принца де Линя «женился на княжне Масальской, которая требовала от Российского двора каких-то принадлежащих ей 400 тысяч рублей, то сей вельможа отправился в Петербург. Это, кажется, случилось в 1781 году. Любви достойные качества сего принца, сделавшие его идолом французского двора, доставили ему хороший прием и у Императрицы Екатерины. Он крайне уважал сию Государыню; даже удивлялся ей и возвратился в свое отечество со многими знаками почестей, но не достигнув истинной цели своего путешествия. <...> Во время славного свидания Императрицы российской с Иосифом II в 1787 году принц де Линь находился как вернейший подданный первого и усерднейший почитатель второй. <...> Он при начале войны с турками находился в качестве австрийского агента при Российской армии и ее начальниках князе Потёмкине и графе Румянцеве»¹⁰.

Этот подробный рассказ о принце Карле де Лине приведен здесь в качестве зарисовки характера, дающего яркое представление о героях того времени, когда в человеке причудливо смешивались деятельность и сибаритство, любовь к удовольствиям жизни и храбрость на поле боя. К этому-то времени и относился генерал Голенищев-Кутузов. Эти люди имели свое представление о величии и с насмешкой встречали все, что носило отпечаток «политической экзальтации» и открыто выраженных эмоций. Эти люди не умели считать деньги: они были для них средством развить способности и удовлетворить потребности (включая тягу к благотворительности и милосердию), но не целью. По словам госпожи де Сталь, «образованность остановилась в них на такой точке, в коей целые нации никак не могут остаться, когда грубость характера смягчается, не отнимая при этом ни мало его силы и сущности». Вероятно, поэтому их

временных идеалы стремительно уходили в прошлое, уступая место людям более практичным, грубым, с менее выраженной индивидуальностью. Но в 1788 году, последнем предреволюционном году Европы, Кутузов наслаждался обществом известного человека, разделяя его взгляды на жизнь: «Преимущество любезности, кажется, состоит в том, чтобы согласоваться со всяким умом, со всякою стороною и со всяким способом рассматривать вещи и идеи. Она не должна быть столь груба, чтобы кого-то огорчить, ни столь важна, чтоб убедить; словом, она не должна возмущать жизни, а только украшать ее»¹¹.

Впрочем, наличие большого количества иностранцев в замкнутом пространстве лагеря вызывало неудовольствие у русских офицеров. Подчас это приводило к спорам и столкновениям. Рассказ об одном таком столкновении внес в свой Дневник Р. М. Цебриков: «Споры о брандскугелях — россияне одни только несправедливы, употребляя их против Очакова; — с моей стороны, что все позволено употреблять против своего неприятеля. Да, ответствованно мне, это одни только россияне способны к тому. Но ведь принц Нассау к нам привез изобретение сие. Да, сказал противник (надобно знать, что это был немец, который хотел и всегда показывал, что он человек просвещенный), везде в России варварство, например, в Курске и около. Ответ: и те люди, по мере своего ощущения имеют блаженство. Так, сказано мне, поди и ляг спать подле кухни. Бранится, яко свинья — спор, поди сам, и немец показал, наконец, что он варвар более, нежели просвещенный человек, — ибо хотел поддержать доказательство кулаками, а не разумом»¹². На переизбыток иностранцев на русской службе в это время обращал внимание Потёмкина и Суворов: «Наши самые порядочные — младшие офицеры не из „вольного дворянства“. Россия велика, не так уж много в ней служит иностранцев, заменяют их, да опять же „вольными“. Надо бы во время войны этот закон природы позабыть»¹³. Полковники «преторианцы» — «плохи». Тем самым Суворов предлагал отменить Указ 1762 года о вольности дворянской, хотя бы на период военных действий, протестуя также против переводов офицеров гвардии в армейские полки с повышением в чине, что вызывало протесты «армейцев», покидавших по этой причине службу опять же в соответствии со своим правом, выраженным в Указе 1762 года. Характерные диалоги в Главной квартире светлейшего князя Потёмкина-Таврического приведены в Дневнике Р. М. Цебрикова: «<...> Спрашивали другие, подписаны ли их аттестаты в отставку; их искусно укоряли шуткою, зачем они, будучи столь молоды, идут из службы прочь. Один

отвечает: за болезнями, имея вид столь красный и полный, что желательно и всякому здоровому таковой иметь; другой: домашние его обстоятельства понуждают его к тому; третий говорит, что отец его уже стар и некому за хозяйством присматривать. Но последнего представления об отставке были сии: „Я выхожу для того из службы прочь, что меня два раза обошли в производстве, единственно за то, что старался с усердием служить, и никогда никому не похлебствовал“»¹⁴. Были и другие причины к неудовольствиям, заставлявшие офицеров выходить в отставку. «В армии никто из штаб-офицеров и обер-офицеров не дерзай наказывать солдата: сей имеет прямой к светлейшему доступ для чинения жалоб; однако многие порядочные офицеры таковым для солдат послаблением службы недовольны, ибо и сих уже не слушают и прекословя говорят, что „пойду к его светлости“. А наиболее избалован Екатеринославский кирасирский полк, где светлейший шефом»¹⁵. «Возобновите, любезный князь, в удивительной вашей армии ту благоразумную строгость, которая от добросердечия вашего несколько ослабела, чему я сам свидетель. Привычка уважать и повиноваться у вас так сильна, что ни генералы, ни офицеры, ни солдаты не могут отстать от ней равнодушно. Вы не любите, чтоб били нижних чинов, но ваши прутья не делают такой боли, как наши палки. Пусть рассказчики говорят, что хотят. Ежели в полках найдутся пьяницы, негодяи и неисправимые шалуны, то не сердитесь на начальников, которые будут их наказывать», — писал де Линь¹⁶.

Замечательная вещь — дневник очевидца. Благодаря все тому же Р. М. Цебрикову мы знаем, что спустя пять дней после прибытия М. И. Кутузова под Очаков на лагерь обрушилась трехдневная песчаная буря, которую он пережил вместе со всеми: «Мы стояли на вспаханных и пшеницею засеянных, но частыми войск переходами в пыль превращенных полях; а по сей причине буря несказанно пыль повсюду разносила. Не можно было в сии дни ничего варить. Все пылью засорено: люди, платья, пища, вода, животные — всякому достался пай пыли скушать. Прежде жаловались на продолжительную дождливую непогоду, но бурная итога докучнее: беспрестанно от пыли рот вымывай и опять принуждаешься бурею ее же в себя вбирать»¹⁷. Из того же источника можно почерпнуть, как провел генерал Голенищев-Кутузов 24 июля 1788 года. «Сей день после обеда палили с батарей из 24-х фунтовых пушек бомбами, кои разрывались перед садами; потом выступили конные егеря, а вскоре за ними и пехотные, и достигши до садов, палили из пушек, дабы выгнать из оных скрывавшихся турков. <...> Князь светлейший и прочие генералитеты сидели на батарее,

построенной на высоком кургане, и смотрели в зрительные трубы на все движения, чинимые около садов нашими егерями, час с четыре. Вечеру все утихло и во время вечерней зари играли азиатские штучки на духовых инструментах вместе с бубнами; князю сия музыка весьма понравилась, так что спустя час после этого приказал опять над Черноморским берегом чрез довольно продолжительное время играть те же самые штучки при мраке тихой ночи»¹⁸. А 26 июля «<...> после обеда ходил пеший светлейший князь к батареям, велел пустить в город несколько бомб и сделал несколько выстрелов, и воротился обратно пеший же, имея на себе рейтузы белые, что придавало ему много величественности». В лагере под Очаковом шла крупная карточная игра, которая заканчивалась иногда трагически. Так, покончил жизнь самоубийством граф А. А. де Лицын, «будучи обманут и обыгран де Рибасом». Ловкий игрок де Рибас, в честь которого названа улица в Одессе, — приятель М. И. Кутузова. Кстати, не менее азартным игроком был и принц де Линь. Одним словом, в подобной компании и сам Михаил Илларионович не остался в стороне от общего увлечения. Следующий день принес в лагерь осаждавших большую радость: они узнали о победе вице-адмирала Грейга над шведским флотом у Красной Горки. Причем выстрелы морского сражения были слышны в самом Петербурге, и даже двор готовился выехать из города. Конечно же Михаила Илларионовича тревожила судьба его близких, находившихся в Северной столице почти на линии фронта: «27-го июля. Был молебен за одержанную над шведским флотом победу и, как говорят, еще за прогнание неприятеля с финляндских границ <...>». Но закончился этот день неожиданно плохо: «Сей день торжествования нашего изменился в несказанную для нас печаль. О, Боже! Колико судьбы твои неисповедимы! После обеда выступает разженный крепкими напитками генерал-аншеф Суворов с храбрым батальоном старых заслуженных и в прошедшую войну неустрашимостию отличившихся гренадеров из лагеря; сам вперед ведет их к стенам очаковским. Турки или от страха, или нам в посмеяние, стоя у ворот градских, выгоняют собак в великом множестве из крепости и встравливают их против сих воинов. Сии приближаются; турки выходят из крепости, устремляются с неописанною яростию на наших гренадеров, держа в зубах кинжал обоюдоизошренный, в руке острый меч и в другой оружие, имея в прибавок на боку пару пистолетов; они проходят ров, становятся в боевой порядок — палят, наши отвечают своею стрельбою. Суворов кричит: „приступи!“ Турки прогоняются в ров; но Суворов получает неопасную в плечо рану от ружейного выстрела и велит преследовать турков в ров; солдаты повинуются, но турки, поспеша

выскочить из онаго, стреляют наших гренадеров, убивают, ранят и малое число оставшихся из них обращают в бегство. Подоспевает с нашей стороны другой батальон для подкрепления, но по близости крепости турков число несказанно усугубляется. Наступают сотни казаков, волонтеров и несколько эскадронов легких войск, но турков высыпается тысяч пять из города. Сражение чинится ужасное, проливается кровь, и пули ружейные, ядра, картечи, бомбы из пушек и мечи разного рода — все устремляется на поражение сих злосчастных жертв — разумных тварей — лютость турков не довольствуется тем, чтобы убивать... наимучительнейшим образом, но чтоб и наругаться над человечеством, отрезывая головы и унося с собою, натыкая на колья по стенам градским, дабы зверское мщение свое простирать и на бесчувственную часть <...> — голову. Не щадятся тут офицеры, коих отцы чрез столь долгое время с рачительностию и великим иждевением воспитывали... все в замешательстве, и немного требовалось уже времени для посещения турецким железом нахрабрейших наших воинов, ежели бы Репнин не подоспел было с третьим батальоном и с конным кирасирским полком и не спас сей злосчастной жертвы от конечной гибели, которой пьяная голова оную подвергала»¹⁹. На следующий день Кутузов увидел «расставленных сорок в два ряда палаток, коих до сего не бывало, и по сторонам по одной. Сии поставлены по повелению милосердного и сердоболящего о человечестве князя Потёмкина для раненых вчера солдат. Он захотел, чтобы несчастные сии в близости его лучше присмотрены были». Этот прискорбный случай, едва не погубивший репутацию Суворова, произошел на глазах генерала Кутузова, а подробности он мог слышать и от своего начальника Н. В. Репнина, который не раз сталкивался с нарушением А. В. Суворовым субординации. Суворов же не раз вел себя вызывающе по отношению к старшему в чине Репнину, оправдывая самовольство презрением к более осторожному и расчетливому сослуживцу. «Другом ему не буду даже в Шведенберговом (Сведенберговом. — Л. И.) раю», — шутил полководец²⁰. В ту войну Кутузов имел возможность наблюдать и сравнивать обоих военачальников, под командованием которых он состоял на протяжении нескольких лет: при всем уважении к Суворову он убедился в том, что талант, дерзание и отвага не всегда приносят на войне ожидаемые плоды.

Успех этой удачной вылазки ободрил турок, а осаждавших заставил усилить меры предосторожности. 18 августа один батальон Бугского егерского корпуса был переведен с правого крыла на левый ближе к

Очакову; «ибо егерям, как всякую ночь на караул ходят к поделанным под (Знаковым батареям, гораздо удобнее здесь стоять вместе с пехотными полками, ради всяких, могущих со стороны неприятельской воспоследовать покушений на наш лагерь». Как выяснилось в тот же самый день, опасения русского командования оправдались. «После обеда в первом часу услышана была вдруг пушечная пальба с великим жаром, — рассказывает Цебриков. — Всяк думал, что лежащий на якоре около Березани турецкий флот пробирается к Очакову и что палят с наших по-на-берегу оставленных пушек и мортир, ибо по ясности погоды и по чистоте воздуха пушечный звук казался весьма близким. <...> Почему пустился всяк к берегу бежать; но ошибку свою заметили, увидя, что огонь производился с наших батарей и с крепости Очаковской. Я пошел к первой нашей батарее, отстоящей от города на полторы версты. Сия батарея тогда молчала, и я на нее взшел, так как и другие, дабы посмотреть на шедших наших егеров против выбежавших из города турков со многими красными и белыми знаменами, и между тем, как рассказывал нам канонир, „что трепалка сия произошла от того, что турки, засевшие в буераках, начали из ружей и пистолетов стрелять по нашим егерям, которые на берегу мыли и сушили свои рубашки, подле набережной нашей батарее...“; турки же непрестанно посылали к нам ядра, а иногда и бомбы. Наконец и они утихли, дав время действовать одним ружьям да пистолетам обеих сторон. С наших же поближе к городу поставленных батарей продолжался огонь, не преставаая, до половины седьмого вечера. <...> От частого с ближних наших батарей бросания бомб зажжено в городе было в четырех местах; усилившийся там огонь заставил молчать все турецкие батареи; но с наших палить не преставали. В семь часов все утихло: ранено с нашей стороны около 100 егеров, да побито с 30. Капитан один совсем срублен, да два офицера ранены»²¹. Свидетелем происшедшего был и принц де Линь, описавший все им увиденное в письме приятелю: «29 числа (де Линь приводит даты по новому стилю. — Л. И.) турки, числом не более 40 человек, разъезжая по морю, приставали к берегам и производили ружейную пальбу по батарее, на которой принц Ангальт сменил генерала Кутузова, того самого, который в последнюю войну был ранен оружейным выстрелом сквозь голову и по особенному щастию остался жив. Этот генерал вчера опять получил рану в голову, и если не нынче, то верно завтра умрет. Я ходил смотреть начало вылазки осажденных из амбразур, и только что он выступил к ним навстречу, то упал от бессилия. Егери хотели отомстить за раненого своего генерала, и, не ожидая повелений принца Ангальта, пришедшего туда, все бросились вдруг, чтоб прогнать сие малочисленное ополчение, на помощь

которому немедленно подоспело более трехсот воинов Гассан-паши. <...> Принц Ангальт, потерявши почти всех офицеров, защищал свою батарею, которую турки начали уже осаждать, и после весьма упорного сопротивления с обеих сторон он заставил их ретироваться. <...> Неприятель удалился: с нашей стороны ранен генерал-майор, полковник, подполковник, майор, три капитана, из которых один, племянник бедного генерала Кутузова, был изрублен в куски»²². «Обстоятельства того ранения, — писал Ю. Н. Гуляев, — рассказал находившийся при русской армии принц де Линь, оказавшийся 18 августа рядом с Кутузовым. Когда турки приблизились к ретрашементу, где находились Кутузов и де Линь, на 700 сажень, де Линь подозвал Кутузова к амбразуре, чтобы лучше обозревать неприятеля. В это момент, как утверждает де Линь, ружейная пуля поразила Кутузова в щеку близ того самого места, в которое он был ранен в 1774 году. Кутузов схватился руками за голову и сказал де Линю: „Что тебя заставило подозвать меня к этому самому месту в сию минуту?“»²³. Сам де Линь об этом не упоминал; следовательно, эти подробности сохранились в семейных преданиях, которые первые биографы полководца узнали от его родственников. Очевидно, произошло следующее: сменившиеся после ночного караула егеря стирали и сушили белье на берегу, когда на них напали турки, незаметно подобравшиеся к берегу на лодках и «засевшие в буераках». Тот, кто сменил егерей, не слишком внимательно следил за происходящим, дав возможность туркам причалить в камышах. Заслышав выстрелы, Кутузов бросился спасать своих подчиненных; конечно же он не мог забыть, чем закончилась недавняя вылазка неприятеля против войск Суворова. Судя по всему, пуля поразила его не в тот момент, когда он обозревал неприятеля из амбразуры, а несколько позже; де Линь пишет, что Кутузов получил рану, выступив навстречу турецким войскам. Действительно, егеря, вознамерившиеся отомстить за своего генерала, должны были видеть его в момент ранения. Либо, сознавая опасность ситуации, он, раненый, действительно вышел из ретраншемента и продолжал некоторое время отдавать распоряжения, пока «не упал от бессилия». Ю. Н. Гуляев, вслед за Ф. Синельниковым, полагал, что и на этот раз пуля прошла «из виска в висок позади обоих глаз»²⁴, а не через щеку и затылок, как утверждали некоторые авторы²⁵. Но в записке хирурга Массо о состоянии здоровья Михаила Илларионовича, приложенной к письму Г. А. Потёмкина Екатерине II, прямо сказано: «Его превосходительство господин генерал-майор Кутузов был ранен мушкетной пулей — от левой щеки до задней части шеи. Часть

внутреннего угла челюсти снесена. Соседство существенно важных для жизни с пораженными частями делало состояние сего генерала весьма сомнительным. Оно стало считаться вне опасности лишь на 7-й день и продолжает улучшаться»²⁶. Как и в случае первого своего ранения, Кутузов должен был находиться близко к неприятелю; видный мужчина с яркой внешностью, в офицерском мундире и с громким голосом, он, бесспорно, привлекал внимание и был, что называется, хорошей мишенью, отдавая распоряжения в первой линии. Но, как говорили в те времена, «смелым Бог владеет». В том, что Кутузов находился поблизости от неприятельского стрелка, пославшего ему смерть, заключалось и его спасение: пуля, пущенная с расстояния менее 300 шагов, обладала значительной скоростью, чтобы пройти навывлет, не застряв в ране. В противном случае песня нашего героя была бы спета уже после первого ранения.

Рассказы Цебрикова и де Линя об очередной вылазке турок в основном совпадают с рапортом Г. А. Потёмкина Екатерине II от 22 августа 1788 года. Сопоставив три документа, мы можем пролить свет на печальное для Кутузова обстоятельство помимо ранения: в этой же схватке он лишился своего племянника. Как мы помним, записи в Дневнике Цебрикова закончились фразой: «Капитан один совсем срублен...» Де Линь позволяет внести уточнения в повествование Цебрикова: «племянник бедного генерала Кутузова был изрублен в куски». Наконец, благодаря рапорту Потёмкина, мы можем окончательно увериться в достоверности этих сведений и установить фамилию погибшего племянника генерала: «С нашей стороны урон состоит в убитых двух капитанах, Ушакове и Зубатове...»²⁷ Старшая сестра Кутузова, Анна Илларионовна, в замужестве Ушакова, — мать погибшего офицера. Так, на 43-м году жизни в чине генерала Михаил Илларионович в первый, но не в последний раз столкнулся с трагедией, когда рядом с ним погиб его ближайший родственник, который наверняка был вверен его попечениям с надеждой, что в воинском ремесле существуют менее опасные места. Всего одна деталь, один штрих биографии, который не привлекал внимания историков, позволяет нам представить душевное состояние Кутузова, страдания которого не исчерпывались полученной им раной. Ему нужно было думать, как сообщить сестре об утрате.

Вопреки мрачным прогнозам врачей, Кутузов и на этот раз остался жив. По словам специалистов, его «ранения представляют двоякий интерес: как историко-хирургический и клинический, как казуистика дважды счастливого ранения»²⁸. Неверно полагать, что эти раны не

беспокоили Михаила Илларионовича на протяжении жизни. Судя по переписке, беспокоили, и даже очень, но он научился жить, преодолевая боль. Так, 4 апреля 1799 года в письме Екатерине Ильиничне из Выборга он признавался: «Я, слава Богу, здоров, только от многого письма болят глаза». 5 марта 1800 года он сообщал ей из Вильны: «Я, слава Богу, здоров, только глазам так много работы, что не знаю, что будет с ними». 26 декабря 1806 года он писал из Киева: «Мы все здоровы, у меня, однако ж, после того, как болели глаза и теперь часто побаливают». 10 ноября 1812 года он заметил в письме дочери: «<...> Глаза мои очень утомлены; не думай, что они у меня болят, нет, они только очень устали от чтения и письма». Вопреки заблуждению, существующему в художественной литературе и кинематографе, Кутузов долгие годы видел обоими глазами, поэтому изображать его с черной повязкой неуместно. Лишь в 1805 году, во время военной кампании, полководец «приметил, что правый глаз начал закрываться». Спустя много лет специалисты Военно-медицинской академии и Военно-медицинского музея, сравнив сведения о ранениях прославленного полководца, поставили окончательный диагноз: «двукратное касательное открытое непроникающее черепно-мозговое ранение, без нарушения целостности твердой мозговой оболочки, коммоционно-кон-тузионный синдром; повышенное внутричерепное давление». В те времена не только Кутузов, но и лечившие его по мере своих сил медики подобных слов не знали. Сведений о том, что они оперировали Кутузова, не сохранилось. Судя по всему, его лечили способом, описанным хирургом Е. О. Мухиным: «Ко всей окружности раны прикладывается „смольный пластырь“. Ежедневное обмывание раны дочиста обыкновенной прохладной водой. Присыпание раневой поверхности тертой канифолью, и поверх повязки непрерывное лежание снега или льда»²⁹. Главный хирург Екатеринославской армии Массо, немедленно присланный Потёмкиным оказать помощь раненому, не сомневался, что дни его пациента сочтены. Императрица была горестно поражена известием о вторичном ранении Кутузова, которому она предрекала славу великого генерала. И рана, казалось, не оставляла надежд на благополучный исход. 31 августа Екатерина II просит Г. А. Потёмкина: «Отпиши, каков Кутузов и как он ранен, и от меня прикажи наведываться». 18 сентября она снова запросила сведения о состоянии раненого: «Пошли, пожалуй, от меня наведываться, каков генерал-майор Кутузов, я весьма жалею о его ранах». Время шло, известий о смерти военачальника не поступало. 7 ноября государыня снова обратилась к Потёмкину: «<...> Отпиши ко мне, каков генерал Кутузов». Наконец Массо, продолжавший

лечить Михаила Илларионовича в госпитале неподалеку от Очакова, высказал свое мнение о необычайном случае из его практики: «Должно полагать, что судьба назначает Кутузова к чему-нибудь великому, ибо он остался жив после двух ран, смертельных по всем правилам науки медицинской»³⁰. Кстати, сам Михаил Илларионович рассказывал впоследствии сослуживцам, что, путешествуя по Европе, в Голландии «он узнал, что один знаменитый профессор хирургии и анатомии должен был защищать диссертацию относительно ран и доказать, что рана, которую будто бы, как говорили, получил Кутузов, есть не что иное, как сказка, потому что с такой раной трудно остаться в живых и уже невозможно сохранить зрение. Кутузов отправился его слушать и после лекции профессора встал и сказал ему перед всей аудиторией: „Господин профессор, вот я здесь и вас вижу“»³¹. Современные медики, конечно, дали научное объяснение этому чуду: в обоих случаях пуля, «промчавшись» сквозь голову, не задела мозг, но разве не являлась чудом сама траектория ее движения? Специалисты утверждают: если бы пуля отклонилась хотя бы на миллиметр, то Кутузов был бы либо мертв, либо слабоумен, либо слеп. Но ничего подобного не произошло.

5 декабря 1788 года, когда выяснилось, что «назавтра в армии нет ни единого полена дров для разведения огня и ни на один день не осталось хлеба», был отдан приказ о взятии крепости штурмом. «Остается взять Очаков или умереть», — было объявлено в лагере. 6 декабря, на рассвете, русские войска, разделенные на шесть колонн, пошли на приступ. Соппротивление турок было бешеным, но противостоять натиску русских воинов, ожесточенных голодом, холодом и длительной осадой, было невозможно. Перебив оборонявшихся на валах и стенах, солдаты ворвались в крепость. Особенно отличились при штурме Бугские егеря. Через час с четвертью после начала штурма Очаков пал. «Богу угодно, — мыслил я сам в себе; конечно, и все наши наипремудрейшие распоряжения без Его соизволения преобразуются в ничто. <...> Пусть и счастье обратило к нам умильное и благосклонное лице — тоже все самое значит без Бога ни до порога. Безумные турки... Было время и для них побеждать европейские войска, истреблять государей, покорять все мечу своему, что ему ни попадется, или что ему за благо ни рассудится, осаждать и самыя Вены, столичные города римских императоров. Но видно на все и всему есть известное и определенное время — падение и возвышение государствам, равно как рождение и смерть человеку», — философски заметил Р. М. Цебриков³². А 21 января 1789 года генерал-майор Голенищев-Кутузов

вернулся в строй!

Военачальник снова принял в командование Бугских егерей; кроме того, в его подчинение поступили Екатеринославские гренадерский и егерский полки, Александрийский и Херсонский легкоконные, Ольвиопольский и Воронежский гусарские полки. Кутузову было предписано «недремлющим оком смотреть на спокойствие на границе, не упуская из виду и польских обстоятельств»³³. Думается, что в этом случае удивляться стоит не только и даже не столько «казуистике дважды счастливого ранения», сколько характеру русского военачальника. «Многие дивились геройским подвигам Кутузова, а особенно полученным им ранам; но он отвечал им с удивительною скромностию: „Раны получать не трудно; в службе главное исполнять свое дело. Какая от того польза Отечеству, если, захотев блеснуть храбростию, вдадимся в бесполезную опасность“»³⁴. По словам Г. Р. Державина, дважды «смерть сквозь главу его промчалась». Для «ординарного» человека этого вполне достаточно, чтобы всю оставшуюся жизнь держаться подальше от военного поприща. Ведь ранение — это не только шрамы на лице, это еще и воспоминания о пережитых боли и страданиях. Но он возвращался в строй, преодолевая чувство собственной уязвимости, не позволив страху перед смертью и болью завладеть его сердцем и разумом. Он снова готов был бросить вызов смерти. Что бы там ни говорили, Кутузов был смелым и решительным человеком. Он не верил в случайности, не предопределенные Провидением. Им руководили крепкая вера в Божий промысел и страстная любовь к своему ремеслу, нежелание остаться в стороне, когда он может принести пользу Отечеству.

Штаб Кутузова располагался в городе Елисаветграде, куда вскоре прибыла и его супруга Екатерина Ильинична с детьми. Конечно же генерал был особенно счастлив лицезреть свою любимицу — третью по счету дочь Лизу, которую в письмах ласково называл «папушенькой», вероятно, потому, что внешне она действительно походила на него. Кроме того, Михаил Илларионович смог, наконец, увидеть и свою четвертую дочь — Катерину, родившуюся 26 июля 1787 года, менее чем за месяц до его ранения под Очаковом. Ввиду того, что пребывание дам в очаковском лагере было запрещено (за исключением немногих, пустившихся на особые ухищрения), Екатерина Ильинична получила известие о ранении супруга, вероятно, в Петербурге и пережила немало тревожных дней, прежде чем увидела «Михайлу Ларивоновича», как она называла его в письмах к третьим лицам, вполне оправившимся от раны.

21 апреля за Очаковскую операцию М. И. Кутузов был награжден орденом Святой Анны 1-й степени. К середине мая его войска оставили зимние квартиры и выступили к Ольвио-полю для охраны границы между Днестром и Бугом. Партии казаков постоянно направлялись военачальником «учинять поиски неприятеля», встречи с которым закончились серией больших и малых столкновений к славе русского оружия. Согласно рапорту Кутузова, в районе крепости Бендеры «неприятель был совершенно разбит и прогнан до самой крепости с великим уроном. Победителям досталось два знамя и до пятидесяти пленных». В сентябре генерал с успехом командовал передовым конным отрядом «летучего корпуса» генерал-поручика П. С. Потёмкина, выдвинувшегося к Каушанам, чтобы «захватить стоящего там пашу с войском». Сказано — сделано: боевые действия при Каушанах завершились пленением трехбунчужного Сингли-паши. В том же году войска, вверенные Кутузову, приняли участие в штурме замка Хаджибей (Одессы), блокировании с последующей сдачей крепости Аккерман, взятии Бендер. После блестящих побед А. В. Суворова под Фокшанами и Рымником в России ожидали, что 1789 год завершится долгожданным миром с Оттоманской Портой. Турки даже выпустили из Семибашенного замка российского посланника Я. И. Булгакова, который провел там более двух лет. Потёмкин уже вступил в переписку с великим визирем об условиях мирного договора. Но тут, по точному определению Екатерины II, на сцене появились новые актеры. Победы российских войск насторожили правительства Великобритании и Пруссии. Пруссия предложила Турции оборонительный и наступательный союз. Казалось, все недруги России сплотились в едином стремлении свести на нет успехи россиян на суше и на море. «Швеции были обещаны Лифляндия с Ригой. Австрия должна была вернуть Польше полученную по первому разделу Галицию, а Турция — вознаградить Австрию из своих земель в Молдавии и Валахии. За это Россия должна была вернуть Турции Крым»³⁵. Причем сама Пруссия в лице короля Фридриха Вильгельма II, вовсе не намереваясь возвращать полякам земли, доставшиеся ей по первому разделу, дополнительно предназначала себе за посредничество Данциг и Торн, города, через которые велась вся торговля Польши на Балтике. Преемник Фридриха Великого, не испытавший на себе поражений от русских войск, по-видимому, ощущал себя во внешней политике гораздо увереннее наученного горьким опытом предшественника. Теперь же король Пруссии обещал полякам вернуть Смоленск и Киев, не говоря уже о вытеснении России с балтийского побережья. В правительстве Польши явно

преобладали сторонники союза с Пруссией. В то же время Великобритания требовала от России и Австрии заключить мир с Портой, отказавшись от территориальных приобретений. Обстановка еще более осложнилась после смерти императора Иосифа II в начале 1790 года, новый император Леопольд пошел на уступки Пруссии и Великобритании. В это время в письме светлейшему князю Г. А. Потёмкину-Тавриче-скому императрица назвала срок нападения Пруссии на Россию: весна 1790 года, а ее секретарь А. В. Храповицкий записал в Дневнике: «<...> Или мир, или тройная война, то есть с Пруссией». Несмотря на угрозы, российское правительство проявило твердость, решительно отклонив посредничество Пруссии в мирных переговорах. Екатерина II высказалась за переговоры с Турцией и Швецией без посредников. Выдающийся государственный деятель той эпохи Г. А. Потёмкин выразил справедливое возмущение в письме императрице: «Завоевания зависят от нас, пока мы не отреклись... И что это, не сметь распоряжаться завоеваниями тогда, когда другие сулят наши владения: Лифляндию, Киев и Крым! <...> Теперь следует действовать смело в политике. Иначе не усядутся враги наши, и мы не выберемся из грязи»³⁶. Для того чтобы подвинуть Турцию к миру и дать русским дипломатам в руки новые козыри на переговорах, нужна была и новая сокрушительная победа. Первый успех был достигнут на море: Черноморский флот под командованием Ф. Ф. Ушакова в двухдневном сражении 28–29 августа у Тендры разбил главные силы турок. В сентябре пришли в движение сухопутные силы, постепенно стягивающиеся к низовьям Дуная, где находилась целая система турецких крепостей, из которых сильнейшей был Измаил. В апреле 1790 года М. И. Кутузов получил распоряжение, оставив Бугский егерский корпус в готовности к выступлению, направиться в Аккерман, принять в свое командование находящиеся там войска и немедленно заняться тем непростым делом, которое тем не менее Михаилу Илларионовичу удавалось смолоду. Он должен был собрать полную информацию о передвижениях турецких войск и флота, о численности гарнизонов крепостей и обо всем, что «будет усмотрено, тотчас рапортовать» самому Потёмкину. «Разведывательные партии» были направлены Кутузовым по всем направлениям: к крепости Килия, Соленым озерам, Измаилу; разъезды «высматривали» противника от устья Днестровского лимана вдоль всего побережья. Согласно документам, сведения поступали к генералу с аналитическим складом ума от разведывательных партий, от «бекетов и пикетов», от местных жителей, от пленных, от перебежчиков. Причем собранные данные отправлялись к Потёмкину разными путями, включая и такой испытанный способ, как

«летучая почта». Наконец Потёмкин отдал приказ генерал-аншефу И. И. Меллеру-Закомельскому овладеть крепостью Килия, в то время как М. И. Голенищев-Кутузов должен был прикрыть своего соратника от вылазок со стороны Измаила. Кутузов с четырьмя батальонами Бугских егерей и двумя батальонами Троицкого пехотного полка надежно перекрыл дорогу из Измаила в Килию, отбив несколько попыток неприятеля прорваться к крепости Килия, павшей 18 октября. Причем сам генерал Меллер под стенами крепости был смертельно ранен. Кутузов же получил приказ двигаться к Измаилу: «Следуя сему приказанию, Кутузов предпринял <...> движение свое к Измаилу, как совершенно неожиданно встретился на пути своем с неприятельским корпусом, оказавшимся вдвое сильнее вверенных ему сил. Подобная нечаянность могла бы быть гибельна для небольшого российского корпуса, но к счастью предводитель одного не принадлежал к числу тех малодушных воинов, коих нередко одна многочисленность приводит в робость. Напротив того, Кутузов не только не устрасился сей встречи, но, руководствуясь свойственной ему решимостью и твердостью духа, предпринял намерение разбить неприятеля, и изобретательный разум представил ему мгновенно несомненные средства восторжествовать над многочисленностью и возможностями турок. Он вознамерился их разделить и таким образом, обессилив на различных пунктах, разбить по частям, что ему и удалось при следующей военной хитрости. Он тотчас же отступил, показывая вид, что боится вступить в сражение, и сим средством заманил турок между двух небольших возвышенностей, за которыми были поставлены два полка Донских казаков. Лишь только неприятель встал в ожидаемом месте, казаки ударили на него стремительно и сбили оттуда с довольно важным для него уроном. Несмотря однако же на сие, турки опять усилились, что самое заставило Кутузова действовать против них всем своим корпусом, тем более, что к ним подоспел еще Ибрагим Осман паша с тремя тысячами отборной конницы, кои делали весьма важный перевес на стороне неприятельской. Видя себя в опасности, Кутузов не потерялся однако же: он приказал тотчас же ударить на саблях и, опрокинув вторично турок, гнал их несколько верст с знатною для них потерей. Третье покушение неприятеля было столь же неудачно, как и два прежние. Кутузов пустил два отряда своей конницы в обход ему с обеих сторон и потом приказал ударить на турок стремительно спереди, чем самым привел их в столь великий страх, что они, бросив пушки, снаряды и некоторых своих чиновников, обратились в бегство и таким образом открыли Кутузову свободный путь к Измаилу»³⁷.

В конце ноября руководить боевыми действиями под Измаилом был

назначен А. В. Суворов. В ордере Г. А. Потёмкина от 25 ноября говорилось: «По моему ордеру к тебе, присутствие там личное твое соединит все части. Много там равночинных генералов, а из того выходит всегда некоторый род Сейма нерешительного. Рибас буде Вам во всем на помощь и по предприимчивости и по усердию; будешь доволен и Кутузовым». «Под Измаилом находились известные в армии генералы, — отмечает блестящий знаток „суворовской“ темы В. С. Лопатин, — в том числе и родственники Потёмкина — генерал-поручики А. Н. Самойлов и П. С. Потёмкин, отличившиеся во многих боях. Но главнокомандующий выделяет двух: предприимчивого Рибаса и Кутузова. „Будешь доволен и Кутузовым!“ Сколько веры в полководческий талант Михаила Илларионовича содержит эта короткая фраза Потёмкина, обращенная к самому Суворову!»³⁸ Думается, в этой фразе заключен смысл, который не исчерпывается радостью встречи старых соратников. Граф Г. И. Чернышев писал из лагеря под Измаилом генерал-майору князю С. Ф. Голицыну 29 ноября 1790 года: «Все того мнения, что, как только Суворов прибудет, город возьмут нечаянным нападением, сразу приступом. <...> Что странно, так это то, что корпус Кутузова заставляет их (турок) дрожать, а мы сами дрожим от страха или, по крайней мере, похожи на испуганных. <...> Несчастье наше в том, что все три генерала, Потёмкин (П. С), Кутузов и Рибас не только не зависят друг от друга, но действуют вовсе не дружно и не хотят даже помогать друг другу»³⁹. Что ж, наш герой достиг уже того чина и возраста, когда равный с равным уживаются с трудом. Ничего необычного или порочащего М. И. Кутузова в этом нет, если рассмотреть этот случай в контексте взаимоотношений между высшими воинскими чинами в ту эпоху. Пожалуй, наиболее яркий пример — «Записка А.В.Суворова о службе» (1790 год), где он перечислил «для памяти» имена всех военачальников, обошедших его по службе, и указал против каждой фамилии свои претензии и неудовольствия к «совместникам». В качестве приложения к этому и без того красноречивому документу можно рассматривать «Записку о Н. В. Репнине» (1792 год), которую сам великий полководец назвал «экстрактом» всех обид и персональных оскорблений, нанесенных ему давним соперником. Репнин в рукописях Суворова предстает сущим злодеем: «Стравил меня со всеми и страшнее»⁴⁰. Благодаря этим отголоскам эпохи мы можем представить себе характер взаимоотношений в среде представителей высшей военной иерархии, не предъявляя к отдельно взятому лицу претензий, не обусловленных историческим контекстом времени. Помимо разрешения извечной во всех

армиях проблемы «спора о старшинстве», с приездом Суворова повысился спрос на разведывательные данные, касающиеся крепости Измаил, которые на протяжении многих дней собирал и анализировал М. И. Кутузов. Целый массив документов за 1789–1790 годы убеждает в том, что этот генерал, в силу свойств ума, был прирожденным разведчиком: он разговаривал с людьми (по-видимому, для большего успеха в эти самые годы он выучил турецкий язык), по конским следам он отличал запорожцев от турок, по спаленным стогам сена определял численность прошедших мимо войск неприятеля, узнавал и запоминал повадки, обычаи разных групп турецкого населения и местных жителей, научился распознавать ветры, способствующие или препятствующие движению морских судов, тем самым прогнозируя вероятность нападения с моря. И конечно же генерал знал тип инженерных укреплений и количество войск в Измаиле. Эти данные он собирал особенно тщательно⁴¹. В одном из сборников материалов научной конференции, посвященной памяти полководца, опубликован доклад, касающийся его разведывательной деятельности под Измаилом. Автор проанализировал информацию, собранную М. И. Кутузовым об этой турецкой твердыне, и пришел к следующему выводу: «Как видим, все документы определяют численность гарнизона в 10–15 тысяч человек. Никаких сведений о крупных перебросках войск из-за Дуная нет, наоборот, отмечается бегство жителей и какой-то военный бунт. <...> Главным результатом разведывательной деятельности М. И. Кутузова было то, что Суворов, принимая решение о штурме, знал, что его войска вдвое превышают силы противника, что в Измаиле не более 15 тысяч бойцов, а не 35 тысяч, как было впоследствии опубликовано в официальной реляции о взятии крепости»⁴². Однако уточнение сведений о численности гарнизона не означает, что крепость была легкой добычей: «один к двум» весьма опасное соотношение для нападающей стороны; в те годы считалось, что оптимальное соотношение сил для успеха штурма должно быть примерно «один к четырем». К тому же как инженер, Кутузов не мог не отметить, что Измаил представлял собой очень сильную крепость. В течение всего 1790 года там велись инженерные работы, которыми руководил французский специалист де Лафит-Клаве. Крепость имела четверо ворот: Царьградские и Хотинские в западной стороне города («старая крепость») и Бендерские и Килийские в северо-восточной части («новая крепость»). Высота главного крепостного вала с семью бастиянами доходила до двенадцати метров, около восьми метров составляла глубина рва перед крепостной стеной, местами на метр заполненного водой. По

приказу Суворова солдаты выстроили подобие измаильского вала со рвом, и военачальники лично учили их засыпать ров фашинами, ставить штурмовые лестницы, взбираться на вал и колоть штыком. Но с преодолением этих оборонительных рубежей перед русскими войсками вставала не менее сложная задача: вести бой на улицах города, в котором было немало каменных зданий. «Дело о взятии Измаила», хранящееся в Российском государственном военно-историческом архиве в фонде Г. А. Потёмкина, служит убедительным подтверждением того, что к штурму русское командование готовилось тщательно, ничего не оставляя на волю случая. На чертеже крепости обозначены все места, где установлены артиллерийские орудия с точным указанием их количества. Не менее точно определена численность обороняющихся на каждом участке этого последнего оплота турецкого могущества в Придунавье. В этом же архивном деле находится документ, который и сейчас, по прошествии столетий, вызывает волнение — знаменитый протокол военного совета от 9 декабря 1790 года, на котором было принято решение «приступить к штурму неотлагательно, дабы не дать неприятелю время еще более укрепиться». По преданию, А. В. Суворов положил перед сослуживцами чистый лист бумаги со словами: «Пусть каждый, не спросясь никого, кроме Бога и совести, выскажет свое мнение». Под протоколом всего тринадцать подписей: в том числе Михаила Илларионовича, у которого в тот день, вероятно, было тяжело на душе. Под стенами Измаила его настигло горестное известие: на первом году своей жизни умер от оспы, очевидно, заразившись от сестер, его единственный сын. Екатерина Ильинична признавалась в письме родственнику: «Не успела я отделить маленького Николашку, который сделался жертвою сей злой болезни. Вы можете представить себе, каково мне было потерять сына моего, коего дожидалась так долго»⁴³. Источников, рассказывающих о том, как отозвалось это событие в сердце Кутузова, до нас не дошло, документы свидетельствуют только о его легендарном мужестве, проявленном при штурме крепости. Он знал, как трудно смягчить удар, находясь на расстоянии, утишая лишь в письмах супругу, которая пребывала в тревожном и подавленном состоянии. «Михайла Ларионовича не видела 8 месяцев, — сообщала она в письме дальнему родственнику Алексею Михайловичу Кутузову. — Теперь стоят под Измаилом, который, думаю, возьмут. <...> Но частые удары, на кого упадут, неизвестно. Боюсь, чтоб не была я избрана перенести оный в потере Михаила Ларионовича. Мысль сия меня уже съедает»⁴⁴.

Штурм Измаила был назначен на 11 декабря. В три часа ночи,

прорезав мглу, над русским лагерем взвилась первая ракета: это был сигнал, по которому штурмовые колонны должны были подвинуться к Измаилу и не позднее чем через два часа занять исходные для атаки места в шестистах метрах от стены крепости. С соблюдением возможной тишины колонна Кутузова двинулась в густом тумане к Килийским воротам. «Российское войско было разделено на шесть колонн, из коих последняя отдана была под начальство генерал-майора Голенищева-Кутузова и должна была действовать одновременно с первою и второю колоннами. Лишь только знак был дан, войска двинулись на приступ в наилучшем устройстве и тишине, приблизились к глубокому рву, набрасывали фашины, связывали и приставляли лестницы к валу, втыкали штыки и таким образом взлезали на вал», — сообщалось в одной из первых биографий полководца. На самом деле все выглядело более драматичным. В колонне Кутузова, как и в остальных двух, находившихся под общим командованием генерал-поручика А. Н. Самойлова, было немало спешенных казаков, вооруженных пиками, которые легко перерубались турецкими ятаганами. Это уже создавало осложнения при штурме. Кроме того, внезапное нападение на крепость сорвалось, так как перебежчик из русского лагеря накануне предупредил турок, которые держали во рву войска, готовые к бою. В жестокой рукопашной схватке во рву на глазах Кутузова был убит командир Бугского егерского корпуса бригадир Иван Степанович Рибопьер, «красавец Пьер», как называли его при дворе. Но смерть не выбирает: это был второй случай, когда рядом с Кутузовым погибал его близкий родственник. И. С. Рибопьер был женат на племяннице сестер Бибиковых: Аграфена вышла за него замуж по сумасшедшей любви, преодолев сопротивление родственников, которых смущало сомнительное происхождение жениха. Отложив размышления о «семейном деле» на более позднее время, генерал Голенищев-Кутузов возглавил атаку Бугских егерей, которых он сам несколько лет учил побеждать. Колонна, предводимая Кутузовым, взошла на вал, «несмотря на жестокий картечный и ружейный огонь, и, овладев бастионом, наносила неприятелю важное поражение. Храбрый генерал личным своим геройством вселял в солдат своих вящее мужество, и, став на сей стороне твердою ногою», он повел войска вправо, по куртине к бастиону. Однако турки, получив подкрепление, сумели сбросить наши войска с вала крепости в ров. Положение войск Кутузова казалось невыносимым: почти все старшие начальники были перебиты, вокруг генерала падали убитые егеря и спешенные казаки, по которым вели огонь турки, возвратившие себе вал. Сверху на солдат летели большие камни, бревна. «Вода во рве с

той стороны, где обе сии колонны должны были пробираться, доставала до пояса и промочила у казаков длинное их платье, — рассказывали участники штурма, — от чего весьма трудно было взлезать на вал; а хотя по лестницам и взошли, но по причине сильного сопротивления не могли на валу удержаться. Обе колонны были вдруг опрокинуты с онаго в ров. Между ними находились Бендерские ворота, из коих турки с ужасным криком учинили вылазку <...> между турками сражалось немалое число и женщин с кинжалами»⁴⁵. «Судя по его расторопности, мужеству и благоразумию, он взошел бы на вал с первыми колоннами, — сообщалось в одной из первых биографий Кутузова, основанной на воспоминаниях очевидцев, — но две другие, четвертая и пятая колонны, находившиеся подле него, нашли весьма сильное сопротивление и были турками отбиты; почему он послал в подкрепление их один егерский баталион, и таким образом ослабив самого себя, должен был замедлить с обождаением резервов, с коими проложил путь себе далее, согласно главному распоряжению. Между тем начинало уже рассветать: все колонны наших войск, преодолев представившиеся им многоразличные затруднения, в 8 часов овладели крепостными строениями, как с сухого пути, так и с набережной стороны, после чего началось сражение в самом городе, по улицам и площадям. В одном каменном здании, называемом Хан, засело около 2000 турок, которые своими пушками причиняли нам большой вред. Кутузов, получа приказание истребить сию засаду, взял баталион Бугского егерского корпуса, поднялся по лестнице на Хан, и несмотря на сильное сопротивление, принудил турок оттуда выйти. После того генерал-майор Голенищев-Кутузов встретился в самой середине города с двумя тысячами большею части янычар, напал на них, разбил и принудил сдаться пленными. В час по полудни султан Каплан-Гирей собрал на рыночной площади более, нежели до 2000 татар, турок, янычар и множество конницы, ударил на русских, перерубил многих своею рукою, отнял две пушки и привел наших в беспорядок; но генералы Лассий и Кутузов, подоспев на помощь, взяли 400 человек в плен, а остальных положили на месте. Жестокий бой продолжался внутри крепости более шести часов и, наконец, решился совершенно во славу Российского оружия. Измаил был взят приступом, и генерал-майор Кутузов сделан комендантом оной крепости»⁴⁶.

Один из рассказов о штурме турецкой твердыни, со слов участника был записан С. Н. Глинкой, старавшимся «охранить память» героев от забвения: «Никита Алексеевич Левшин служил капитаном в Бугском

третьем егерском баталионе, которым начальствовал искусный и храбрый подполковник Николай Семенович Тр-в в продолжении всей второй Турецкой войны. Левшин имел роту в баталионе Тр-ва. Тр-в почитал себя весьма сведущим в военной службе; Левшин также хорошо оную знал. В разговорах нередко оспаривал он Тр-ва; почему и хранилось между ними друг на друга тайное неудовольствие. Однакож оба они чуждались ненависти; а между ними была только по пословице ревность по ремеслу. Оба они были строгие и справедливые начальники; но Тр-в не умел приобрести сердец, в чем Левшин успел совершенно. <...> Декабря 11 числа 1790 года, в роковой день взятия приступом непреодолимой крепости Измаила, баталион Тр-ва, предводимый на штурме генерал-майором Михаилом Ларионовичем Голенищевым-Кутузовым, шел на приступ у Килийских ворот, и первый в колонне генерала Кутузова вступил в город. Когда баталион Тр-ва спустился в ров, предстала ему стена вышиною в семь сажен; лестницы не достали далеко. Рота Тр-ва пришла в замешательство и легла во рве. Сколько он ни ободрял, ни угрожал — солдаты не повиновались. „Боже мой! — вскричал Тр-в, — я оставлен!“ — „Нет! — подхватил Никита Алексеевич Левшин, — я с вами, и рота моя вас не оставит; надеюсь на моих друзей! Оставим изменников; мы одни сделаем должное“. Тр-в и Левшин полезли на стену первые, с ними рота Левшина; они взошли на стену и оною овладели. Между тем прочие солдаты сего баталиона устыдились и в то же почти время устремились на стену. Баталион разломал палисад и собрался на площади за покрытым путем. Тут весь баталион подвергся жесточайшему огню из домов и нападению толпы турецкой из улицы, но не уступил своего места. Тр-в был пробит в грудь пулею, и упавая на руки Левшина, близь него стоявшего, успел сказать: „Прости, храбрый!., я тебя почитал“. Левшин, отдав тело солдатам для отнесения к стороне, продолжал отражать турок, не взирая на то, что был уже ранен пулею, сорвавшею ему кожу на лбу; он только завязал рану платком. С малым остатком людей своих прогнал неприятеля; но вторая пуля, пришедшая в самый висок, повергла сего храброго воина на его лаврах. В сие самое время город взят был со всех сторон. Сему происшествию свидетелем был находившийся при том же баталионе храбрый майор Щербаков. Никита Алексеевич кончил жизнь на 21-м году и погребен в Измаиле, в церкви Св. Екатерины. Солдат его роты, Никифор Тихонов, сделал для него фоб своими руками»⁴⁷.

Среди воинов Российской императорской армии долгие годы ходили легенды о жестоком штурме этой турецкой крепости, когда храбрость русских солдат и искусство русских военачальников поразили не только

турок, но и все европейские державы. «На такой штурм решаются только раз в жизни», — признавался Суворов. Самое знаменитое предание, очевидно, связано с тем эпизодом штурма, когда Кутузов, оценив потери, понесенные его колонной, поставил Суворова в известность, что без подкреплений он не удержится во рву и вынужден будет отступить. В ответ Суворов передал: «Я донес уже в Петербург о покорении Измаила, а Кутузова назначаю измаильским комендантом». Вечером того же дня, «когда уже все было окончено, и по благодарственному молебствию у Суворова начали пить за здоровье Государыни и во славу всего российского воинства, Кутузов спросил: „Почему Ваше Сиятельство изволили поздравить меня комендантом, когда я отступил; и как в то же время отправили к Государыне с известием о взятии Измаила?“ — Суворов отвечал: „Я знаю Кутузова, а Кутузов знает меня. Я знал, что Кутузов будет в Измаиле, а если б не был взят Измаил, — Суворов умер бы под стенами Измаила, и Кутузов также“. Герои отдают справедливость героям. Им приятно иметь соперников; благородное воинское соревнование уравнивает все непроходимые стези к чести и славе...»⁴⁸ В летописях русской военной истории известно не так уж много диалогов между известными военачальниками. Этот, на наш взгляд, один из самых трогательных, потому что ведут его между собой два генерала, не отличавшиеся «сантиментами» в военное время. Зачем Кутузов задал этот вопрос? Он имел на него право. В «тесных» обстоятельствах под Измаилом слишком велика была вероятность того, что они уже не свидятся в этом мире, потому что Суворов не оставил ему выбора: победить или умереть. Подчиненному хотелось знать: правильно ли он понял своего начальника? Суворов разгадал смысл вопроса, дав понять Кутузову, что и он, Суворов, в ту минуту сомневался в успехе штурма и, несмотря на ревность по службе, просил соратника о невозможном: в ту минуту он был таким же «покорителем Измаила», как Кутузов «комендантом». Но если бы Кутузов погиб на валу крепости, то Суворов заступил бы его место, как это случилось с подполковником Тр-вым и Левшиным.

Согласно историографической традиции, сложившейся в советское время, историки по неведомым причинам предпочитали считать Кутузова учеником Суворова, в то время как современники отмечали, что великий Суворов воспринимал Кутузова как соперника. «Воинское соревнование желает первенства. Хотел ли Суворов, чтобы кто-нибудь при жизни его поравнялся с ним в делах славы? Кажется, что нет. А видно из всех слов Суворова, что в Кутузове усматривал он соперника»⁴⁹. Об этом же

впоследствии писал секретарь Суворова Е. Фукс, назвавший одну из своих статей «Суворов и Кутузов»⁵⁰. Однако мужество, проявленное обоими при взятии крепости, не допускало ни низменных чувств, ни мелких расчетов, что видно из рапорта. «Граф Суворов отлично рекомендовал пред высшим начальством как корпусных генералов, так и начальствовавших колоннами; о Кутузове же, сверх того, что приказал поставить его в списке первым из начальников колонн, объяснялся следующими словами: „Достойный и храбрый генерал-майор и кавалер Голенищев-Кутузов мужеством своим был примером подчиненным и сражался с неприятелем, но множество оного остановило на первый миг распространение его по валу, и для сего призвал он Херсонский полк в резерве бывший, оставя двести человек при пушках на контрэскарпе. С прибытием резерва неприятель не только отражен, но знатною частию побит. <...> Генерал-майор и кавалер Голенищев-Кутузов, предводительствуя шестою колонною, оказал новые опыты искусства и храбрости своей, преодолев под сильным огнем неприятеля все трудности, взлез на вал, овладел бастионом, и когда превосходный неприятель принудил его остановиться, он, служа примером мужества, удержал место, превозмог сильного неприятеля, утвердился в крепости и продолжал потом поражать врагов“»⁵¹. Наконец, Суворов на сем представлении прибавил еще своеручно: «Генерал Кутузов шел у меня на левом крыле, но был моею правою рукою». Суворов особо отмечал, что Кутузов, возглавив колонну, «сам сражался», то есть он находился в первой шеренге, где в тот день нечего было делать тем, кто не умел владеть штыком и прикладом. Кутузов понимал, что в той ситуации, в какой оказались его войска, они пойдут вперед и совершат невозможное только в одном случае: если он сам поведет их в бой и вступит в него первым. Именно он дрался «на штыках» с янычарами Каплан-Гирея, который объявил им, что собственноручно умертвит каждого, кто захочет сложить оружие. Рядом с Каплан-Гиреем сражались его сыновья, и все, кроме младшего, пали на глазах отца, также погибшего в этой безжалостной с обеих сторон резне. Ни случайных наград, ни незаслуженного продвижения по службе в карьере Михаила Илларионовича не наблюдалось: он все брал с бою, он за все готов был платить самую высокую цену, не жалея ни крови, ни жизни. Перед нашими глазами документы той поры, раскрывающие самую высокую сторону человеческой личности: готовность положить живот свой за други своя. Перед нами, как говорили в ту эпоху, «неложные свидетельства» чести, доблести, любви к Отечеству, солдатского братства, но... Открыв книгу современного автора,

мы прочитаем его суждения о Кутузове и убедимся в том, что для испорченного человека свидетельства документов и воспоминания современников — не довод, потому что он все видит в красках, отражающих его исковерканный духовный мир: «„...Генерал Кутузов шел у меня на левом крыле, но был правою моею рукой“». Однако Суворов умолчал и еще кое о чем: когда Кутузов отправил Суворову гонца с донесением о невозможности удержаться на крепостном валу и вновь запросил подмоги, то получил ответ от Суворова, опять в издевательски-юмористическом стиле: Суворов велел передать, что уже отправлен в Петербург гонец с известием государыне Екатерине II о взятии Измаила. Хитрющий Суворов знал, как магически действует имя императрицы на дамского угодника и искусного царедворца Голенищева»⁵². В какое же кривое зеркало истории заглядывает автор книги, которую он посчитал нужным издать к 200-летию Отечественной войны 1812 года! Какое же ужасное и уродливое искажение представляется читателю, но не характера и жизни Кутузова, а личности самого автора, который искренне полагает, что там, у стен Измаила, в одном шаге от смерти, Суворов позволял себе шутки в «издевательско-юмористическом стиле», а Кутузов, стоя во рву, наполненном умирающими сослуживцами, думал о карьере искусного царедворца! Читатель уже убедился в том, что Суворов в рапорте ничего не скрывал, прямо сообщив: «...когда превосходный неприятель *принудил его остановиться* (выделено мной. — Л. И.), он, служа примером мужества, удержал место, превозмог сильного неприятеля...» Заметим: искусные царедворцы не отправляются волонтерами на войну, не служат вдали от двора по сорок лет и более, не врываются первыми в ворота и на валы крепостей, не получают в первой шеренге сквозных ранений в голову, и подчиненные не бросаются за ними в атаку, из которой для большинства из них не было возврата. На протяжении нескольких глав мы следим по документам за долгой военной карьерой М. И. Кутузова, и пока ничто нам не указывает на то, что его путь к вершине славы был усыпан розами.

Впрочем, с Измаилом связан еще один исторический анекдот, от которого до более поздних времен дошло лишь высказывание Суворова о своем младшем соратнике: «Умен, умен; хитер, хитер; его и Рибас не обманет». Именно эту поговорку радостно вспоминали в войсках в 1812 году, узнав о назначении М. И. Кутузова главнокомандующим. Повидимому, изречение Суворова обрело такую популярность, что к 1814 году одному из первых биографов победителя Наполеона удалось выяснить историю этого поистине крылатого выражения и опубликовать ее под названием «Примерная прозорливость Михаила Ларионовича Кутузова»:

«<...> Потёмкин предписал Суворову взять приступом город Измаил, причем вице-адмиралу де Рибасу назначено было содействовать в сем предприятии с моря. Сей морской начальник был столько же храбрый и искусный, сколько тонкий и хитрый генерал: зная славу, долженствующую озарить победителя Измаила, вице-адмирал де Рибас вознамерился произвести взятие сего города без посредства генерала Суворова. На сей конец просил он у него известное количество сухопутного войска, объясняясь, что это необходимо для содействия ему при взятии города с сухого пути. В сей просьбе употребил он обороты столь тонкие и представления столь хитрые, что Суворов, занятый тогда начертанием плана для приведения в исполнение столь важного повеления, не обратил на то своего внимания и, не заметив хитрости де Рибаса, отпустил ему требуемое число войск, с получением которых вице-адмирал начал тотчас же облегчать суда выгрузкою тяжелых орудий на острова, дабы посадить войско и подвинуться к Измаилу для штурма оного: в самом непродолжительном времени он исполнил бы свое намерение и таким образом предвосхитил у Суворова предстоящую ему важную победу. Между тем Суворов, начертав план для штурма Измаила с сухого пути, не преминул и на сей раз, подобно многим другим, потребовать одобрения генерала Кутузова, почему и послал к нему план с родственником своим полковником Ширяем. Кутузов тотчас же рассмотрел план и не нашел в нем ничего нужного к поправлению, кроме некоторых терпимых малостей в цепях, исправление коих, по словам его, находилось на обязанности не Главнокомандующего, но местного начальства (как тут не вспомнить советов Морица Саксонского! — Л. И.). Между тем от прозорливости Кутузова не могло сокрыться намерение де Рибаса, и потому, отправляя Ширия обратно к Суворову, он не преминул сделать ему выговор, что он, будучи племянник Суворова, не видит, что дядю его хотят предварить, и не остерегает его в том. Таковое объяснение удивило Ширия: не понимая, что это значит, он просил Кутузова открыть ему истину. Кутузов, взяв от него честное слово, что он не скажет даже и Суворову, от кого то узнал, сказал ему: как вы не видите, что итальянец хочет предвосхитить славу вашего дяди; мне это очень жаль, и после того открыл Ширию все намерение вице-адмирала де Рибаса, с которым однако же он был коротким приятелем. Ширий, возвратясь к Суворову, пересказал ему все слышанное им от Кутузова. „Как, — вскричал Суворов, — кто тебе сказал? Говори!“ Нельзя было не признаться. „Лошадь!“ — немедленно продолжал Суворов, и немедленно поехал все лично осмотреть и удостовериться в истине. Действительно, он увидел, что Кутузов говорит правду, и потому, не медля

ни мало, дал приказание де Рибасу высадить на берег сухопутные войска и поставить снова на суда орудия. С сего времени Суворов возымел к Кутузову вящую доверенность, уважение и искреннюю дружбу»⁵³. Приведя факт, указывающий на то, как высоко ценил Суворов таланты своего подчиненного, собиратель сведений продолжил исторические изыскания: «Рассказанный нами пред сим анекдот остался бы может быть известным только трем лицам, до коих он особенно касался, если бы Суворов, чувствуя в полной мере важность оказанной ему Кутузовым услуги, не подал первый повод к открытию оной следующим своим объяснением: в одной частной беседе героя Рымникского зашел разговор о подначальственных ему генералах, который из них всех умнее и искуснее. Все отдавали сие преимущество генералу Кутузову. Суворов, вступя в сей разговор, подхватил: „Так, он умен! Очень умен!.. (и в полголоса) его и сам Рибас не обманет“. Сии слова вошли даже в последствие времени в поговорку; но никто не знал настоящей причины, побудившей Суворова учинить такой отзыв. По возвращении Суворова из Польши многие знаменитейшие особы просили его убедительнейшим образом объяснить им силу сего выражения. Суворов не хотел им этого сказать, а сослался в том на Кутузова. Они не преминули прибегнуть с таковой же просьбой и к сему последнему. Но Кутузов отвечал им сперва: не упомяну, однако ж, когда ему сказали, что граф ссылается в этом на него, то он, сообразив все обстоятельства, припомнил и рассказал им всю историю, случившуюся во время осады Измаила. Все единогласно утвердились в сем и объявили потом Суворову. „Браво, браво! — вскричал Рымникский: — Кутузов усмотрел, Кутузов завязал, Кутузов и развязал!“»⁵⁴. Итак, теперь мы знаем всю историю о знаменитой поговорке, начало которой восходит к дням, предшествовавшим взятию Измаила. Соперничество генералов завершилось тем, что славы хватило на всех: Суворов руководил штурмом, Кутузов брал крепость с суши, а де Рибас — с реки. Мы знаем, благодаря документам и воспоминаниям, что Кутузов провел весь этот день от рассвета до заката, сражаясь, а вечером, предварительно написав несколько строк жене, что он жив, отправился на молебен и походный ужин к Суворову, где состоялся их памятный разговор. И в ту минуту он был в чрезвычайно приподнятом настроении, как и все победители, собравшиеся в палатке своего начальника. Впрочем, о своих чувствах Михаил Илларионович на следующий же день поведал Екатерине Ильиничне: «Век не увижу такого дела. Волосы дыбом становятся. Вчерашний день до вечера был я очень весел, видя себя живого и такой страшный город в

наших руках, а ввечеру приехал домой, как в пустыню. Иван Ст. (Иван Степанович Рибопьер. — Л. И.) и Глебов, которые у меня жили, убиты, кого в лагере не спрошу, либо умер, либо умирает. Сердце у меня облилось кровью, и залился слезами. Целый вечер был один, к тому же столько хлопот, что за ранеными посмотреть не могу; надобно в порядок привести город, в котором одних турецких тел больше 15 тысяч. Полно говорить о печальном. Как бы с тобою видеться, мой друг; на этих днях увижу что можно, мне к тебе, или тебе ко мне. <...> Скажу тебе, что за все ужаси, которые я видел, накупил дешево лошадей бесподобных, между прочим одну за 160 рублей буланую, как золотую, за которую у меня турок в октябре месяце просил 500 червонных. Этот турок выезжал тогда на переговоры. <...> Корпуса собрать не могу, живых офицеров почти не осталось. Ты и дети не рассердитесь на меня, что гостинцев еще не посылаю, не видишь совсем таких вещей. Как были в Очакове, для того что все было на военную руку. Деткам благословение»⁵⁵. Впрочем, одного из своих близких родственников, племянника Екатерины Ильиничны и ее сестер, подпоручика Александра Толстого, Михаил Илларионович встретил живым и невредимым. Впоследствии этот юноша станет одним из первых вельмож в Петербурге и прославленным военачальником эпохи Наполеоновских войн графом Александром Ивановичем Остерманом-Толстым. Известие о победе доставил императрице непосредственный начальник Кутузова — А. Н. Самойлов, по словам Суворова, «сокрушенный Раевским». Юный полковник Александр Раевский, родственник Потёмкина, племянник генерал-поручика А. Н. Самойлова, погиб при штурме; вероятно, Михаил Илларионович вспоминал о нем всякий раз, встречаясь с его младшим братом Николаем Николаевичем Раевским, который несмотря ни на что продолжил семейную традицию, став в 1812 году одним из самых известных героев Бородинской битвы: его имя — «батарея Раевского» — носит центральная высота русской позиции. За отличие при взятии Измаила М. И. Кутузов был пожалован указом императрицы от 25 марта 1791 года в чин генерал-поручика и награжден орденом Святого Георгия 3-й степени.

Измаил пал, но война, вопреки ожиданиям, продолжалась. Эта победа принесла русскому войску славу, но не доставила России мирного договора. Чтобы ослабить враждебность Турции, подогреваемой западными союзниками, требовались новые усилия и новые подвиги. Если в наши дни спросить любителей истории о самой известной битве Русско-турецкой войны 1787–1791 годов, то каждый в первую очередь назовет Измаил. Однако современники величали Кутузова «славный герой

Мачинский».

После взятия Измаила последовали серьезные изменения в командовании войсками: светлейший князь Г. А. Потёмкин-Таврический отбыл в Петербург, а следом за ним отправился ко двору и граф А. В. Суворов-Рымникский. Старшим на театре военных действий остался князь Н. В. Репнин. В конце мая 1791 года были получены сведения о движении значительных сил неприятеля к Бабадагу с намерением перейти в наступление. Князь Репнин обратился к генерал-поручику и кавалеру Голенищеву-Кутузову с письмом, которое действительно трудно назвать приказом: «<...> Дружески Вас, мой любезный Михаил Ларионович, прошу сказать мне откровенно, истоща все способы, которые на месте у Вас известнее, есть ли какая возможность, чтобы Вы перешли Дунай с 12-ти дневным на Ваши войска провиантом и с повозками к тому нужными. <...> Но сие движение с трудом исполниться может и не будет надлежащей пользы и успеха иметь, ежели Вы своими войсками, по окончании Вашего дела в Бабаде (Бабадаге), назад возвратитесь в Тульчу и Измаил. <...> Я признаюсь, что не могу иначе как единственно в генеральности Вам о всем оном говорить, понеже сам вижу везде и во всем крайние недостатки, но с другой стороны, зная Ваше усердие и рачительность, думаю, что может статься в сих качествах найдете Вы способы к исполнению вышесказанного, почему на то только и надеюсь. Придумайте, что Вам возможно будет...»⁵⁶ Михаил Илларионович «придумал». В ночь на 3 июня он переправился с Приморским, Николаевским и Днепровским полками, Бугским егерским корпусом, Сибирским гренадерским полком и сотней казаков через Дунай у Тульчи и двинулся к Бабадагу. 6 июня он отправил Н. В. Репнину рапорт: «Четвертого сего месяца помощью Всесильного имел я удачу разбить знатной корпус неприятеля под командою Ахмет сераскера трехбунчужного, имевшего при себе трехбунчужного же Журн-оглу, бывшего начальника в Хотине, и двухбунчужных Кюрд Осман-пашу и Дагир арнаут-пашу, им содействовал и хан Бахти-гирей с пятью султанами, имея при себе всех некрасовцев и неверных запорожцев. Весь укрепленный лагерь, где натура и некоторая степень искусства размножили препятствия, достался нам добычею, восемь новых пушек и несколько знамен. Неприятель, получивший 2-го числа подкрепление, считался в пятнадцати тысячах турок и около осми тысяч хану принадлежащих; урон его убитыми простирается до тысячи пятисот человек. В том числе много знатных чиновников; раненых можно было спасти человек до тридцати, ибо казаки, преследовавшие неприятеля, не хотя отягощаться пленными, пощады не давали. В Бабаде (Бабадаге) истреблены большие их магазейны, около

тридцати тысяч четвертей и запас пороха»⁵⁷. Но, одержав блестящую победу, за которую он, по ходатайству Г. А. Потёмкина, удостоился ордена Святого Александра Невского, Кутузов, вопреки просьбе Репнина, возвратился в лагерь при Тульче. Ответ начальника последовал немедленно: «От всего сердца поздравляю Вас с Вашим успехом. Рад я оному весьма для Вас, для себя и для всех нас. <...> Мне хочется Вас обнять и поговорить с Вами о дальнейших наших действиях. Дежур-майора Вашего с рапортом Вашим отправил я к Его Светлости (Г. А. Потёмкину. — Л. И.)»⁵⁸. Однако отношение М. И. Кутузова к князю Н. В. Репнину выглядит довольно сдержанным, хотя нашего героя никак нельзя заподозрить в непочтительности к начальству. Чем мог князь Н. В. Репнин вызвать отчуждение своего подчиненного, с которым он был так предупредителен? Вероятно, Михаила Илларионовича насторожили слова нового начальника о «крайних недостатках везде и во всем», в которых генерал увидел выпад против своего предыдущего начальника Г. А. Потёмкина, с которым его связывали долгие годы службы. Знал Кутузов и о том, что князь Н. В. Репнин принадлежал к партии наследника престола Павла Петровича и вместе с покойным графом Н. И. Паниным был причастен к заговору 1786 года, вовремя раскрытому Екатериной II. Кроме того, князь Репнин был тесно связан с берлинскими масонами, делавшими большую политику при короле Фридрихе Вильгельме. Современные авторы любят делать акцент на том, что Кутузов в молодые годы и сам вступил в масонскую ложу. Однако стоит обратиться всего лишь к двум фактам, чтобы заметить разницу между масоном Н. В. Репниным и масоном М. И. Кутузовым. Именно М. И. Кутузов дважды выезжал следом за князем Н. В. Репниным на международные переговоры, чтобы устранять последствия ошибок, невольно или сознательно допускаемых последним в дипломатии: в Константинополь в 1793 году и в Берлин в 1797 году. Очевидно, что в те последние месяцы войны с турками М. И. Кутузов был явно насторожен по отношению к своему начальнику, что и проявилось в последней решающей битве при Мачине, где князь Репнин решился атаковать турецкие войска под командованием великого визиря.

28 июня «в 7 часов пополудни генерал-поручику Кутузову с 13 тыс., составлявшими левый фланг, выступить и должно было еще обойти цепь гор, простирающихся верст на пять параллельно по Дунаю и примыкающих к неприятельскому лагерю с левой его стороны. В 9 часов всей армии выступить двумя колоннами: правая колонна, под командою кн. С. Ф. Голицына, должна была идти близ Дуная; средняя колонна, под

командою князя Волконского, взять левее и выйти на равнину обеими колоннами между Дунаем и сказанною цепью гор и выстроиться в две линии кареями, но не прежде показаться из камышей, как когда уже корпус Кутузова покажется на горе и фланге турецкого лагеря. Ночь была чрезвычайно темная, что способствовало нашему скрытному маршу; расстояние от переправы до Мачины было около 30 верст. Только лишь начало рассветать, мы приблизились [к месту], где оканчивается цепь гор, при подошве которой протекает болотистая речка, впадающая в Дунай; брошены были по оной портативные мосты, по которым беспрепятственно переправились. Камыши этой речки так часты и высоки, что человек человека едва мог видеть.

Корпус Голицына едва показался из камышей, как был атакован большим числом янычар, с их обыкновенным страшным криком „алла! алла!“. Вовремя открытые картечною пальбою были они отражаемы; тогда они бросились на гору и заняли оную, так что мы от корпуса Кутузова были отделены, а он на горах не показывался. <...> За горою слышна была сильная канонада. Князь Репнин посылал своего адъютанта к Кутузову узнать, что там происходит и для чего он не всходит на гору? <...> Князь Репнин в большом беспокойстве был, тем более, что перешел Дунай вопреки желанию светлейшего князя, взяв на свою собственную ответственность. Многие генералы знали то и желали сделать ему угодное; один говорил князю, что, ежели Кутузов принужден будет отступить и будет разбит, тогда могут отрезать нас от наших мостов. <...> Уже князь и сам о том помышлял, он, который был всегда более нежели осторожен. Наконец возвратился посланный от Кутузова, который приказал сказать, что он имеет пред собою великие силы, препятствующие ему взойти на гору. Князь хотел уже было ретироваться, как князь Волконский, его зять, уговорил его, чтобы нам самим взойти на гору. Счастливая была минута сего совета. <...> Взошед на гору, взяли тут брошенную неприятелями пушку. Неприятели, увидя, что наши войска были уже на горе, взошли все в свое укрепление. <...> Тогда и Кутузов со всем своим корпусом к нам присоединился. М. И. Кутузов мог взойти на гору без труда и показал ложно, что против его большие были силы; даже генерал-квартирмейстер Пистер, бывший в его корпусе, при многих дерзко его в том уличал. Думать надобно, что Кутузов, зная коротко свойство князя Репнина, что он без него, по известной его осторожности, в крепкой неприятельской позиции атаковать не осмелится и что, вероятно, стал бы ретироваться; тогда Кутузов взошел бы на гору, ударил бы неприятеля во фланг и один разбил бы визиря»⁵⁹. Если все было именно так, как рассказал Л. Н. Энгельгардт,

то только ли личным честолюбием можно было объяснить поведение Кутузова? Сам же рассказчик, продолжив повествование, сообщил о том, что вскоре великий визирь сделал предложение Репнину о мире, предварительные условия которого тут же были подписаны. «Светлейший князь (Потёмкин. — Л. И.) приехал после сего через три дня, и очень было ему досадно, что князь Репнин поспешил заключить мир; и выговаривал ему при многих, сказав: „Вам должно было бы узнать, в каком положении наш Черноморский флот и о экспедиции генерала Гудовича; дождавшись донесения их и узнав от оных, что вице-адмирал Ушаков разбил неприятельский флот, и уже выстрелы его были слышны в самом Константинополе, а генерал Гудович взял Анапу, тогда бы вы могли сделать несравненно выгоднейшие условия“, что действительно справедливо»⁶⁰. В этом, вероятно, крылось объяснение поведения Кутузова при Мачине. Он знал, что Потёмкин запретил Репнину переходить через Дунай, но тот сделал это по собственной воле, торопясь заключить мир на «умеренных условиях», на которых настаивал Берлинский двор. Наверное, это был первый случай в карьере, когда политика так явно вмешалась в боевые действия. У Кутузова было три варианта действий, чтобы выиграть время, дав возможность Потёмкину успеть к армии: отступить самому и вынудить тем самым отступить и остальную часть войск Репнина; медлить с наступлением, что могло привести к тому же самому результату; или же, как предполагал Л. Н. Энгельгардт, дожидаться отступления Н. В. Репнина и решить исход битвы в одиночку. Судьба предложила ему четвертый вариант решения: он должен был вступить в сражение, успех которого принес славу победителя его начальнику. Суворов, узнав о победе Репнина под Мачином, ревниво писал о том, что это победа была добыта его, суворовскими войсками, сражавшимися под Фокшанами, при Рымнике, Измаиле. «...Лучше вовсе не было бы Мачина!» В. С. Лопатин пишет: «Трудно поверить, что это пишет Суворов, известный своим горячим патриотизмом. Лучше не было бы Мачинской победы, принесшей долгожданный мир измученной войной России...»⁶¹ Тем не менее победа была, и Кутузов внес в нее, согласно рапорту Н. В. Репнина, немалый вклад: «Расторопность и сообразительность генерала Кутузова превосходят всякую мою похвалу». Однако Михаил Илларионович, по-видимому, сомневался в расположении к себе князя Н. В. Репнина, потому что 12 ноября 1791 года он обратился с просьбой к секретарю неожиданно умершего Потёмкина: «Сожалею весьма, милостивый государь, что при отъезде Вашем в Петербург не мог я иметь чести с Вами видеться, желание

мое было испросить продолжение благосклонности Вашей, которой доказательства я давно имею, уверен будучи покойным князем, что наградят труды мои по окончании войны. Но, потеряв чрез кончину его надежду сию, уповаю, по крайней мере, что Вы, известны будучи о службе моей, не оставите при случае отдать мне справедливость»⁶². Генерал переживал напрасно; по свидетельству современника, «по смерти князя Потёмкина все преданные и облагодетельствованные им люди, обратясь к князю Zubову, были употреблены по их способностям. Хотя он был его неприятелем, так что даже некоторые думают, будто он был причиною преждевременной его смерти, но, к чести века Екатерины, можно сказать, что вельможи, следуя ее духу, не придерживались личностей в своих неудовольствиях. Они смотрели больше на достоинства людей, хотя бы те и служили до того их неприятелям»⁶³. В рескрипте императрицы говорилось: «Усердная Ваша служба, храбрые и мужественные подвиги, коими Вы отличились в сражении при Мачине и разбитии войсками нашими под командою генерала князя Репнина многочисленной турецкой армии, верховным визирем Юсуф-пашою предводимой, где Вы, начальствуя над войсками левого фланга, при стремительных и многочисленных неприятеля нападениях преодолели все трудные переходы, в движениях Ваших соблюли отличное искусство и порядок, а в поражении неприятеля мужество и храбрость, учиняют Вас достойным <...> ордена Святого Георгия второго класса»⁶⁴.

Генерал слишком долго находился вдали от Петербурга, где незаметно подрастали его дети. Он слишком много лет провел в боях и походах, привыкнув к благожелательному вниманию своих начальников, многих из которых считал своими «отцами-благодетелями». Но «отцы» постепенно уходили из его жизни, да и сама жизнь вокруг незаметно менялась. Однажды кто-то из ровесников генерала высказал ему недовольство молодым поколением, на что Михаил Илларионович ответил в свойственной ему манере: «Думается, они не столько плохи, сколько мы стары».

Глава седьмая

«НЕОБЫЧАЙНЫЕ НАЗНАЧЕНИЯ»

Чрезвычайный и полномочный посол в Порте Оттоманской

Мирный договор с Турцией, заключенный 29 декабря 1791 года в Яссах, подтвердил условия Кючук-Кайнарджийского договора; Порта отказывалась от каких-либо претензий на Крым, признав его присоединение к России, так же как Кубани, Тамани, Новороссии с крепостью Очаков. Естественная граница между государствами теперь проходила по Днестру. Россия, в свою очередь, возвратила Турции Бессарабию с крепостями Бендеры, Аккерманом, Килией и Измаилом. Однако боевые действия для россиян на этом не закончились. Другое «сопредельное государство», Польша, «раздираемо было внутренним раздором, мятежами». Часть польских магнатов, объединившись в мае 1792 года в Тарговицкую конфедерацию, выступила против Конституции 3 мая 1791 года, принятой Польским сеймом. Король Станислав Понятовский поддержал конфедерацию, отрекся от престола, навсегда переехав на жительство в Россию. При нарастании революционных настроений во Франции «польский вопрос» приобрел особую актуальность для России, Пруссии и Австрии. Прусский король Фридрих Вильгельм II отказался от данного им Австрии обещания поддерживать Конституцию 1791 года, разорвал союз с поляками, к которому сам же их склонил, и также ввел в Польшу свои войска, прекратив боевые действия против Франции. С целью поддержать Тарговицкую конфедерацию Екатерина II ввела на территорию Польши Украинскую армию генерал-аншефа М. В. Каховского, в составе которой находился до осени и генерал-поручик М. И. Кутузов. Летом, во время столкновений с отрядами сторонников конституции, военачальник получил приятное известие, касающееся материального положения его многочисленного семейства, о чем он вынужден был задумываться все чаще и чаще. Верный сподвижник покойного князя Г. А. Потёмкина, брат непосредственного начальника Кутузова, правитель Екатеринославского наместничества генерал-майор В. В. Каховский извещал старого сослуживца о том, что «по прошению его назначена земля во вновь приобретенной от Порты Оттоманской области <...> числом девять тысяч десятин, удобной всем, до кого сия принадлежать будет; предписываю к поселению на той земле выводимых из заграничных мест людей и к заведению домостроительства и еканомий не чинить ему, господину генерал-поручику и кавалеру, или кто от него будет к тому определен,

никакого препятствия, для чего до формального этой земли отмежевания и сей от меня дан за подписанием и приложением герба моего печати»¹. Земли на вновь приобретенных территориях, отличавшиеся особым плодородием, сразу же привлекли внимание российских дворян, стремившихся именно там обзавестись собственностью. Это пожалование не могло не порадовать Михаила Илларионовича, который по примеру предков связывал свое благополучие с верной службой.

25 октября 1792 года в жизни Кутузова произошло еще более значительное событие, сразу повысившее его общественный статус. Он получил из Петербурга повеление императрицы: «Михайло Ларивонович! Вознамеревая отправить Вас чрезвычайным и полномочным послом к Порте Оттоманской, повелеваем для получения надлежащих наставлений поспешить Вашим сюда приездом»². На этом посту Кутузов должен был сменить своего бывшего сослуживца и начальника генерал-поручика А. Н. Самойлова, приехавшего в Константинополь еще при жизни Г. А. Потёмкина вместо князя Н. В. Репнина. По-видимому, оба назначения не оправдали надежд императрицы, и она остановила свой выбор на том, кому прочила великую будущность. Генерал еще не выехал в Северную столицу, когда в дипломатических кругах стала обсуждаться поразительная новость. «<...> Императрица вчера назначила генерал-поручика Кутузова Михаила Ларионовича послом в Константинополь, — сообщал дипломатический чиновник граф В. П. Кочубей русскому посланнику в Лондоне графу С. Р. Воронцову. — Никто не ожидал подобного выбора, поскольку хотя человек он умный и храбрый генерал, но однако никогда его не видели использованным в делах политических <...>»³. 12 ноября Михаил Илларионович отправился из Варшавы навстречу новым приключениям. Иначе и выразиться нельзя; люди в XVIII столетии были, по словам М. Ю. Лермонтова, «деятелями, а не созерцателями». Его начальник, генерал-аншеф М. В. Каховский, решил, что будет нелишним снабдить сослуживца рапортом монархине: «Всемиловейшая Государыня! Сей генерал, находясь в команде своей в Молдавии и во время счастливо конченной сего лета кампании в Польше, исправлял всегда порученное ему с таким усердием и ревностью, как долг того требовал от доброго и верного Вашего Императорского Величества слуги. Я потому осмеливаюсь повергнуть его *обще с собою* (выделено мной. — Л. И.) к освященным Вашего Императорского Величества стопам»⁴. Казалось бы, генерал-аншефу вовсе не обязательно в этом случае повергаться заодно с Кутузовым к стопам государыни, однако он пользуется случаем, чтобы так

поступить. Наш герой пока не превосходит своих сослуживцев в соблюдении особых правил учтивости, которые станут «резать глаз», когда его сверстники один за другим начнут сходиться со сцены, уступая дорогу новому поколению. Если бы А. В. Суворов дожил до царствования Александра I, воспитанного республиканцем Лагарпом, привившим ему свои взгляды на жизнь, то, пожалуй, и он считался бы при дворе льстецом. Чтобы убедиться в этом, достаточно прочитать его письмо князю Г. А. Потёмкину-Таврическому в пору могущества последнего: «Утверждающая десница Вашей Светлости, величие дел достопамятных открывает Божие предопределение, устроившее особу Вашу на благотворение человечеству. Вашей Светлости дело сооружать людям благоденствие, возводить и восставлять нища и убога и соделовать благополучие ищущему Вашей милости, в чем опыты великих щедрот, сияющих повсеместно к неувядаемой славе, истину сию доказывают. Я взыскан и облагодетельствован Вами, Светлейший князь»⁵. Высокопарные выражения отнюдь не помешали Суворову вскоре после Измаила предать своего благодетеля, которым он в полном смысле этого слова был «возведен» и «восставлен». Великий полководец и незадачливый царедворец вообразил, что положение Потёмкина при дворе пошатнулось и могуществу фаворита пришел конец, поэтому он переметнулся в стан его врагов — графов Н. И. и И. П. Салтыковых и графа П. А. Зубова. Но «случай» Зубова не означал краха Потёмкина, бывшего не только фаворитом, но и выдающимся государственным деятелем, верным сподвижником Екатерины II, которая не простила Суворову черной неблагодарности. По признанию императрицы, убитой горем при известии о смерти князя Григория Александровича, ей «некем его заменить». О Суворове она сказала, что «он хорош только в войсках». Императрицу же волновали другие проблемы: заключение мирных договоров с Турцией и Швецией позволило перебросить войска в Польшу, на которую оказывало влияние революционное брожение во Франции, где сменилось правительство, но осталась жива неприязнь к России. На европейской арене мы по-прежнему оставались в изоляции. Поверженные противники знали об этом и грезил о реванше, рассчитывая на возрождение союза между Турцией, Швецией и Польшей. Не прошло и года после заключения мира в Яссах, доставшегося России с таким трудом, как в Европе снова заговорили о войне между двумя державами.

Итак, поздней осенью 1792 года Кутузов был приглашен к императрице. Перед государыней стоял тот самый человек, который почти тридцать лет назад горячо откликнулся на ее вопрос: не желает ли он

послужить на поле чести? Теперь она видела перед собой 47-летнего генерал-поручика, кавалера орденов Святого Александра Невского, Святого Владимира 2-й степени, Святого Георгия 2-й степени, чудом уцелевшего после двух ранений, одного из верных сподвижников светлейшего князя Потёмкина-Таврического. В назначенное время Михаил Илларионович являлся на аудиенции в Зимний дворец, во время которых императрица обсуждала с ним политические вопросы. «Из тонкости, которую заметила она в уме его, из зрелых рассуждений, которые он делал о предметах дипломатических, и из предосторожности, которую соблюдал он во всех своих разговорах и поступках, тотчас заключила она, что Голенищев-Кутузов есть тот самый человек, в выборе коего она затруднялась, и который выполнит поручения ее во всей точности и в соответствии с ее ожиданиями», — сообщил первый биограф полководца Ф. Синельников, труд которого вышел в свет при Александре I, знавшем, как относилась к М. И. Кутузову его царственная бабка. Екатерину в то время больше всего волновал вопрос: действительно ли Турция готова вновь воевать с Россией? В рескрипте с прилагаемой секретной инструкцией говорилось: «В определении Вас к торжественному в Константинополь посольству, сверх особенного благоволения к заслугам Вашим, имели мы и то уважение, что Вы по искусству Вашему в ремесле военном не упустите сделать все те наблюдения, кои в свое время для нас полезны и нужны быть могут, о положении мест, о дорогах, о населении, укреплениях, расположении войск, запасах военных и о всем к воинской части сухопутной и морской принадлежащем»⁶. Одним словом, Михаилу Илларионовичу предписывалось заниматься тем, что в наши дни называют военной разведкой. Об особой склонности Кутузова к этому роду деятельности государыня могла узнать от Потёмкина, на протяжении многих лет использовавшего интеллектуальный талант своего подчиненного. Но и это было не всё: бесстрашный генерал должен был заниматься и дипломатическим шпионажем: собирать слухи, перехватывать почту, выявлять агентов... При всем том поводом для поездки Кутузова в Константинополь было установление добрых дипломатических отношений: вручение султану послания императрицы, обмен богатыми подарками, устройство приемов и празднеств в посольстве, общение с турецкой знатью. Сама по себе поездка являлась знаком благоволения и средством «поправить экономию», что явствует из письма Михаила Илларионовича графу Платону Александровичу Zubову от 9 августа 1793 года. Будучи уже на пути к Константинополю, Кутузов узнал о втором разделе Польши и окончании там боевых действий и напомнил о себе последнему фавориту

императрицы: «При случае подлежащего мирного торжества в будущем месяце, многие участвующие в последней войне воспользуются, без сомнения, неисчерпаемыми милостями Великой Государыни. Я при сем случае, не исчисляя трудов моих и непрерывного во всю войну управления знатною частию войск с некоторыми успехами, осмелюсь, по единому праву щедрот Всемиловитейшия Монархини, препоручить себя покровительству Вашего Сиятельства. Весьма почтенная комиссия, ныне на меня возложенная, служит, конечно, сильным ободрением для всех тех, которые посвятили себя службе военной, и для меня отличность сия превосходит, кажется, малые мои заслуги, но состояние дома моего, может быть, не поправится. Остаюсь с должным высокопочитанием и неограниченною преданностию, Сиятельнейший граф, Вашего Сиятельства всепокорнейшим слугою»⁷. Деловой тон письма указывает на то, что просьба Кутузова не содержит в себе по тем временам ничего из ряда вон выходящего: «многие участвующие в последней войне воспользуются, без сомнения, неисчерпаемыми милостями Великой Государыни». Генерал признавал, что он уже достиг того рубежа службы, когда подобные просьбы составляют неотъемлемую ее часть. Бесспорно также и то, что Екатерине Ильиничне явно не хватало средств для того, чтобы растить пятерых дочерей и вести в столице открытый образ жизни, подобающий жене генерала. Очевидно, это и являлось причиной супружеских размолвок, намеков на которые прослеживается в письме Кутузова от 12 августа 1793 года: «<...>Получил, мой друг, твое милое письмо. Давно я не имел такого удовольствия. Как ты мила, когда не бранишься. Я думаю, ты уже получила письмо с курьером Ивановым и посылки, детям благодарствую за письма. <...> Ничего в Бухареште не было. Весь товар, которым нас дарили, выписной из Константинополя. В Яссах всего много и дешевле. Пожалуйста, пришли все, что морем прислать надобно для стола, а для моего собственного употребления пришли что-нибудь точно такое, как ты, когда не бранишься. Это бы лучше всякого другого припасу было. <...> Я вчера и сегодня совсем здоров после твоего письма. Прости, мой друг, целую тебя всячески. Детушки — вам благословение»⁸.

Во главе многочисленного посольства, состоявшего из 650 человек — офицеров Инженерного корпуса и Морского департамента, охраны, обслуживающего персонала, — генерал-поручик и кавалер Голенищев-Кутузов со всей пышностью следовал в селение Дубоссары, где на реке Днестре должен был состояться «размен торжественными посольствами» при строжайшем соблюдении этикета, установленного еще в 1775 году при

аналогичной миссии князя Н. В. Репнина. «<...> Не должно Вам соглашаться ни на какое снисхождение, — требовала императрица, — от которого могло бы уменьшено быть достоинство и уважение, подобающее величию нашей империи и званию, на вас наложенному...»⁹ Со стороны Турции посланником в Петербург направлялся беглербей (наместник) Румелии Рассых Мустафа-паша, ярый противник мирных отношений с Россией. Соответственно, цели у обоих полномочных представителей были разные. Кутузов должен был противодействовать влиянию Французской республики, которая стремилась к союзу с Османской Портой, видя в этом альянсе противовес враждебно настроенным к ней европейским державам. В секретной инструкции «по делам политическим» было определенно сказано: «Не станем тут распространяться о Франции. Разврат и гибельное превращение сего королевства в сущее безначалие не только отдалили все почти державы от сообщения с оным, но и довели до войны, которая ныне уже почти общию учинилась. Из Указу нашего от 8 февраля Сенату данного („О прекращении сообщения с Франциею, по случаю происшедшаго в ней возмущения и умерщвления короля Людовика XVI“. — Л. И.). Вы видели, что мы всякое сношение с сими извергами пресекали. Сего самого Вы и все люди, к свите Вашей принадлежащие, в точности держаться должны, не имея ни малейшего знакомства, ни сообщения с французами, зараженными правилами возмутительными против государя их и повинующимися настоящему мнимому правлению, в руках похитителей и сущих злодеев остающемуся. Да если бы Порта приняла посла или министра, от них назначаемого, запрещаем Вам и всей Вашей свите входить с ним в какое бы то ни было знакомство, принимать от него посещения и делать ему оные взаимно, исповедуя явно образ мыслей наших и всех верных подданных наших, да и каждому благомыслящему человеку свойственный»¹⁰. Русский посланник должен был не допустить проникновения французского флота в Черное море и добиться для России благоприятных условий морской торговли не только в Черном, но и в Средиземном море. Последнее обстоятельство со времен Второй русско-турецкой войны особенно настораживало Великобританию, поэтому Кутузов готовился к противостоянию не только с французскими агентами при дворе султана.

7 июня 1793 года Михаил Илларионович доносил государыне, что 4 июня произошел благополучный размен посольствами «после некоторых с стороны турецкой настояний, которые более просьбою именовать должно, чтобы размена воспоследовала не на нашем, а на их пароме, на что мы с

генералом Пассеком и почли за должное согласиться в замену всех снисхождений и дабы дальнейшим оспориванием столь маловажного над нами преимущества не отдалить времени и самой размены»¹¹. В отличие от предыдущих посланников, которые проявляли либо замешательство, либо суровую твердость в соблюдении «достоинства империи», М. И. Кутузов, зная нравы, обычаи, характер, а главное, язык турок, умел отличить важное от маловажного, «видел за деревьями лес», отбрасывая препирательства по малозначительным вопросам. Чтобы как можно скорее выполнить главную миссию своего назначения: попасть на предполагаемый театр военных действий и определить степень готовности Порты к войне, проезжая по территории Молдавии, Кутузов от имени Российского двора поблагодарил господаря Михаила Драко-Суцу за оказанные почести и заботу о христианском населении. Однако в донесении императрице посланник сообщил об установленном факте переписки польской оппозиции с Турцией при посредничестве молдавского господаря. Валахскому господарю Александру Морузи Михаил Илларионович «явил вид холодности», поскольку тот всегда более тяготел к Турции и даже арестовал и отправил в Константинополь митрополита Молдавии и Валахии Гавриила. В то время Турции трудно было смириться с растущим влиянием соседа на Дунае, поэтому она всячески стремилась укрепить свои позиции в дунайских княжествах. Правительство Порты вело переговоры с местными князьями Александром Маврокордато, с характерным прозвищем «Безумный», и Александром Ипсиланти-старшим; первому предлагалось стать господарем Валахии, а второму — Молдавии в обмен на принятие турецких условий, но затем «Порта из уважения просьбы нашего посла сию перемену оставила», сообщил вице-консул дунайских княжеств И. А. Равич. У Кутузова было время разобраться с внутренним положением этих земель: путь до Константинополя, в соответствии с протоколом, согласно которому оба посланника должны были въехать в столицы в одно и то же время, всякий раз согласовывая место своего нахождения, занял около полугода! Дорога была не простой, о чем свидетельствует собственноручная записка нашего героя к российскому поверенному в делах в Константинополе А. С. Хвостову: «Здравствуй, любезный мой Александр Семенович. Я занемог было здесь очень, однако же оправляюсь. Больных у меня премножество лихорадками и горячками. Етова дурака куриера оставь у себя. Будь здоров, прости». Не факт, что Кутузов был близко знаком с А. С. Хвостовым, но характерной особенностью больших начальников того времени являлось то, что ко всем, входившим в их свиты, как к домочадцам, они обращались на «ты». В

начале XIX столетия эта патриархальность вызывала возмущение и неприятие молодых чиновников (вспомним конфликт между графом М. С. Воронцовым и А. С. Пушкиным в Одессе!), но в ту пору, когда Кутузов ехал ко двору турецкого султана, это было вполне естественно. 26 сентября 1793 года наш чрезвычайный и полномочный посол торжественно въехал в Константинополь.

Местожителство Кутузову было отведено в предместье Пера, основанном генуэзскими купцами еще во времена Византийской империи и напоминавшем итальянские города. Российский поверенный в делах в Константинополе А. С. Хвостов не жалел денег на обустройство посольской резиденции, чтобы она «превосходила в пристойности» другие дома иностранных представительств. Кутузов мог не тревожиться по поводу того, что его забудут при распределении наград: 2 сентября 1793 года в день годовщины со дня заключения Ясского мирного договора государыня пожаловала ему из бывших польских земель на Волыни имение Горошки с двумя тысячами душ мужского пола и даровала назначение «правлящего должность губернатора Казанского и Вятского». Вероятно, Екатерина Ильинична была совершенно счастлива. «Сивере и Долгоруков поздравляют меня наместником казанским и вятским. Долгоруков поздравляет и больше, но не верю. Ты, мой друг, уже теперь знаешь, что в праздники было. <...> Курьер из Петербурга еще не бывал, и заставил бы меня сомневаться о пожаловании нам деревни, ежели бы не имел я от всюду поздравлений. <...> Ты, мой друг, по справедливости можешь себе присвоить причину хорошего нашего состояния; но ни тебя, ни детей еще не хочу поздравлять, пока не получу курьера»¹². В письме Екатерине Ильиничне заботливый супруг сообщил прежде всего о том, что волновало его «вторую половину» в особенности: «Турки в церемониале не делали никакого затруднения, и министерство велело сказать мне, что из дружбы к особе моей, более Порты желает сделать учтивости мне, нежели Репнину. Таин (деньги на содержание) определили на прежнем основании 400 пиастров на день, да султан, из особого уважения, из комнатной казны прибавляет 200, итого 600 пиастров на день. <...> Визирь на другой день приезда прислал спросить о здоровьи и табакерку с алмазами, чашку кофейную с алмазами и яхонтами чрезвычайной работы и 9 кусков богатых парчей с таким еще вниманием, что каждого цвета по 30 пик здешней меры, чтоб стало на женское европейское платье. Все это ценят слишком на 10000 пиастров. <...> Говорят, бытто велел султан готовить богатые подарки. Министры все живут за городом, но приезжали смотреть моего въезда. Цесарский, прусский и неаполитанский были у меня за одну

станцию от Константинополя, и все вообще были с визитом на другой день приезда моего. Я ездил в Буюк-Дере, где обедал у цесарского интернунция. Они все живут хорошо». Женщина во все времена оставалась женщиной: конечно, Екатерину Ильиничну весьма интересовали подарки, поднесенные ее мужу, и почести, ему оказанные. Она жила с ним в одну эпоху и так же, как и все дамы высшего света той поры, знала, что почетное назначение проявляется и в необычных ценных подарках, а уважение, оказанное мужу, распространяется и на его жену. Письмо супруга было адресовано не только ей: она намеревалась прочитать его всем многочисленным гостям, собиравшимся в их доме. Но Екатерину Ильиничну, как и ее гостей, интересовало не только материальное доказательство общественного статуса ее мужа, но подробное описание тех мест, где он находился: «Константинополь вот что: видя турецкие города, между прочим, и Андриянополь, подумаешь иметь воображение и о Константинополе; но ошибешься. Здесь строят, особливо в Фанаре и Пере, так мудрено и смешно, что превосходит воображение. Улицы шириною с лосолев кабинет. Дома превысокие, множество окон, и балконы сходятся в верхних этажах вместе. Над моим домом есть бельведер. Взойдешь на него и увидишь все положение Константинополя: сераль, гавань превеликая, покрытая беспрестанно судами и лодками. Которых, конечно, во всякое время глазом увидишь тысячу. Константинополь с прекрасной Софией, Сулимание, Фанари, Галата, Пера, прекрасной пролив Константинопольский, называемый древними Босфор Фракийский; за ним предместье Скутар в Азии; в нем 200000 жителей; море Мрамора, острова Княжие, мыс Калцыдонский, гора Олимп, *la tour de Leandre* (Башня Леандра) и множество других мест, — это все видно вдруг. Сии чудеса увидя, не рассмеешься, а заплачешь от чувства нежности»¹³.

На 1 ноября султан Селим III назначил аудиенцию русскому посланнику. Михаил Илларионович знал по слухам, что со времен Сулеймана Великолепного Селим III превосходил умом и образованностью всех своих предшественников. Он был молод и энергичен, «вступив на престол 7-го апреля 1789 года, во время второй войны Екатерины II с Портой, когда Суворов разрушал укрепления на нижнем течении Дуная. Селим энергично продолжал начатую борьбу и удержал Россию на Востоке в тот момент, когда происходили первые европейские осложнения, вызванные французской революцией. Екатерина II вовсе не была намерена вести крестовый поход против якобинцев во Франции из-за монархической власти. С другой стороны, революционная Франция, ниспровергнув Людовика XVI, привлекла этим на свою голову австрийское оружие и

отвлекла его таким образом от границ Турции. Как и в эпоху Франциска I, Франция и Турция имели общих врагов; между Портой и Францией уже давно существовали живые симпатии; в Константинополе возникали якобинские клубы, где распевали революционные песни и носили красные колпаки»¹⁴. Кутузову немного понадобилось времени, чтобы сообщить русскому посланнику в Вене графу А. К. Разумовскому: «Впрочем, скажу Вашему сиятельству раз и за всегда и уверительно, что французские дела служат и служить будут родом политического термометра для Порты»¹⁵. Боевой генерал отлично дебютировал на дипломатическом поприще, безошибочно определив главную проблему в узле противоречий, завязывающемся между Россией и Францией. Но и в этой ситуации Кутузов не собирался сдавать без боя позиции российской дипломатии на Востоке, как писала ему государыня: «Усердие Ваше к службе нашей и Ваше благоразумие будут Вам наилучшими путеводителями в затруднениях, кои Вы иногда встретите». 5 ноября М. И. Кутузов доносил императрице из своей резиденции в Пере, что встреча с султаном прошла успешно: «Во время аудиенции у султана видно было старание Порты убежать от всего, что могло быть для характера моего унижительно, например: 1) У серальской стены, где должен был князь Репнин дожидаться визиря, едущего в сераль, и его понуждать через посланных, съехался я почти в одно время с визирем. 2) Комната под воротами серальскими, в которой посол дожидаться должен позыву в Диван, переделана вновь и убрана весьма благопристойно. 3) Пред вступлением в Диван, едва успел визирь спросить о моем здоровье, как уже и позвал меня на нишаджинскую лавку. 4) Пред вступлением в аудиенц-залу, когда надевается на посла шуба, от древних времен наблюдался обычай сажать посла на деревянную простую лавку, но ныне в некотором расстоянии от оной поставлен был покрытый парчею табурет. Переводчик же Порты при сем случае внушил мне, что сие по особой воле султанской, не в образец прежних посольств. 5) При вступлении моем в аудиенц-залу султан, сложа обыкновенную холодность оттоманских государей, принял меня с видом ласковым; когда же в речи упоминалось высочайшее Имя Вашего Императорского Величества, султан со вниманием уклонял голову; Высочайшую грамоту принял от визиря в собственные руки и положил на подобающем месте»¹⁶.

В тот же день, задерживая дипломатическую почту, Кутузов спешил удовлетворить любопытство Екатерины Ильиничны: «Как бы тебе наскоро сказать, что султан и что его двор: с султаном я в дружбе, то есть он, при всяком случае, допускает до меня похвалы и комплименты; велел

подружиться своему зятю капитан-паше (капудан-паша Кючук-Хусейн, командующий морскими силами. — Л. И.) со мною; при одном споре об шубе, как ее надевать, [я] заупрямился (то есть прежде церемонии за несколько дней. — Л. И.). Он запретил со мною спорить и велел мне сказать, что полагается на меня, и что человек с моим воспитанием ему не манкирует. Я сделал так, что он был доволен. На аудиенции велел делать мне учтивости, каких ни один посол не видал. Дворец его, двор его, наряд придворных, строение и убранство покоев мудрено, странно, церемонии иногда смешны, но все велико, огромно, пышно и почтенно. Это трагедия Шакеспилова, поэма Мильтона или Одиссея Гомерова. А какое впечатление сделало мне, как вступил в аудиенц-залу: комната немножко темная, трон, при первом взгляде, оценишь миллиона в три; на троне сидит прекрасный человек, лучше всего его двора, одет в сукне, просто, но на чалме огромный солитер с пером и на шубе петлицы бриллиантовые. Обратился ко мне, сделал поклон глазами, глазами показал и, кажется, все, что он мне приказывал (передавал) комплиментов прежде; или я худой физиономист, или он добрый и умный человек. Во время речи моей слушал он со вниманием, часто наклонял голову и, где в конце речи адресуется ему комплимент от меня собственно, наклонился с таким видом, что, кажется, сказал: „мне очень это приятно. Я тебя очень полюбил; мне очень жаль, что не могу с тобою говорить“. Вот в каком виде мне представился султан. Задержал почту»¹⁷. Да, действительно, Кутузову не удалось из-за требований этикета напрямую говорить с султаном, но он возместил эти ограничения непринужденным общением с зятем султана Кючук-Хусейном и управляющим финансами Челеби Мустафой-эфенди. Турки изумлялись дипломатической тонкости посланника императрицы; даже 80-летний Реис-эфен-ди, которого во всю его жизнь никто не помнил улыбающимся, был весел и смеялся в обществе недавнего врага. Особое внимание было проявлено к матери султана, для которой из Петербурга привезли бриллиантовый эгрет — украшение в виде пера на женский головной убор. Екатерине II наш посол сообщил, что «султан внимание сие к его матери принял с чувствительностию». Михаил Илларионович не упустил случая порадовать и супругу: «<...> Ничего примечательного после последней почты не случилось, кроме вещи здесь небывалой, а именно: султан-валиде, то есть мать султанская, прислала в церемонии чиновника своего валиде-кегая-колфлосы, препровождаемого переводчиком Порты, спросить об моем здоровье, объявить внимание ее ко мне и вручить от лица ее подарки, состоящие из шалей, трех платков, которые вечно сохраню, и многих парчей турецких, ост-индийских и ормузских, и чашечку для кофея

с дорогими камнями; всего пиястров на 10000»¹⁸. Вице-консул дунайских княжеств И. А. Равич в эти дни писал А. С. Хвостову в Константинополь, что слухи о необычайных милостях, оказанных М. И. Кутузову при дворе турецкого султана, распространились повсеместно: «<...>Здесь генеральный идет разговор об оказанных Портою отличиях нашему послу, каковое-де и князю Репнину не сделано...»

Из письма от 20 ноября явствует, что Екатерина Ильинична нашла верный способ, как выразить благодарность своему супругу от лица всех его домочадцев, о которых Михаил Илларионович проявлял столько заботы. «Как ты, мой друг, обрадовала меня портретами. Я заплакал; что за работа прекрасная, и какие сходства. Где ты взяла этакого живописца? У меня в тот день была ассамблея, и я всем показывал. Все гречанки, увидя чернобровую Парашу, и с превеликими черными волосами, закричали: „пола оморфи, пола кало“. Лизанька довольно похожа, только менее других. А работа лучше всех в Дашенькином портрете. Немножко некоторые потерты дорогою; особливо твой, но не много испорчены. Сходства в твоём меньше, нежели в других. Я посылаю к вам силуэт мой; сказывают похож. <...> У капитан-паши был я на обеде. Молодой человек, женат на сестре султанской и двоюродный брат султану. Щеголь, мот: три миллиона пиастров должен. С тысячу человек слуг, в золоте залиты и все в новом. В трех комнатах ковры малиновые, бархатные, золотом богато вышиты; суди о других мебелих. Между прочими забавами была игра в жирит, т. е. езда на лошадях: пятьдесят человек в бархате и золоте; лошади из первой конюшни в свете. Две лошади мне чрезвычайно полюбились; он это заметил и прислал мне их на другой день. Я от него имею уже пять лошадей <...>»¹⁹.

Екатерине II отрадно было слышать о теплом приеме, оказанном ее посланнику при турецком дворе, поскольку каждый знак лестного внимания к генералу Кутузову служил доказательством уважения и почтения к правительнице Севера. Но императрицу несравненно более волновал вопрос: насколько справедливы слухи о близкой войне с Турцией? Еще во время следования Кутузова со всем посольством через земли дунайских княжеств советник при посольстве Н. А. Пизани сообщил ему информацию о том, что Оттоманская Порта в самом непродолжительном времени объявит войну России, чему генерал вовсе не склонен был верить: опытный инженер, он сам видел состояние укреплений в турецких крепостях, их вооружение, наличие гарнизонов и продовольствия. «<...> Миновав уже Разград, не примечаю я (имея все на то способы) ни

малейшего в народе беспокойства, напротив, теплое желание к миру». Для убедительности Михаил Илларионович представил информацию, добытую при помощи третьих лиц. В Елизаветграде он повстречал бывшего посла казенного Людовика XVI в Константинополе графа М. Г. Шуазеля-Гофье, который был озабочен семейным вопросом: французский аристократ хотел устроить на русскую службу своего сына. Кутузов немедленно оказал ему содействие в разрешении этой проблемы. В ответ граф Шуазель, убежденный роялист, свел Кутузова со своим соотечественником Коуфером, инженером на турецкой службе. Французский специалист был крайне не доволен размером своего жалованья и ответил согласием на предложение русского генерала вступить в нашу службу. Кутузов писал графу Зубову: «<...> Давно уже Коуфер мною обласкан и, по-видимому, Россию почитает новым себе отечеством». Через некоторое время этот инженер прислал Кутузову чертежи нескольких турецких крепостей, из которых было видно, что их укрепления далеки от завершения работ. В самом Константинополе Кутузов сразу же заметил, что султан Селим III, при всей расположенности к нашему посланнику, стремится к скорейшему проведению реформ в турецкой армии. Михаил Илларионович обратил внимание на уже существующие переводы лучших сочинений по европейской тактике на турецкий язык, да и встречи на улицах с французскими офицерами, специалистами по артиллерии и морскому делу, были не редкостью. Но опытный военачальник заметил, что благие начинания султана разбиваются о противодействие привилегированной части турецкой пехоты — янычар. Кроме того, Турция находилась в тяжелейшем экономическом положении. Правительство ввело монополию на хлебную торговлю, увеличило налоги, разорявшие не только беднейшие слои населения, но и владельцев мелких поместий. По всем владениям султана распространялись мятежи, продолжавшиеся по несколько месяцев и приносившие огромные убытки казне, превышавшие доходы от налогов. «Не возможет Порта пуститься на разрыв, не имея к войне довольных способов», — утверждал в донесении М. И. Кутузов. И все же Екатерина усомнилась в сведениях своего резидента. В конце 1793 года генеральный консул дунайских княжеств И. И. Северин прислал тревожное известие о том, что Турция намерена объявить войну России через три месяца. 14 января 1794 года императрица направила рескрипт генерал-аншефу князю Ю. В. Долгорукову о предотвращении «нечаянного нападения на пределы наши». Почти 70-тысячная армия начала сосредоточиваться в районе Бендер вблизи от турецкой границы. На воду спешно спускались новые линейные корабли, Черноморский флот был приведен в состояние боевой

готовности. Это одностороннее с русской стороны наращивание военной мощи не могло не привлечь внимания турок, создав дополнительные трудности для российского посланника. Член Государственного совета Турции Юсуф-ага, и без того враждебно относившийся к России, потребовал немедленных разъяснений. Турецкое правительство отнеслось с явным недоверием к заверениям М. И. Кутузова, что сосредоточение русских войск в этом районе связано с низкими ценами на продовольствие. Он и сам понимал всю неубедительность своих аргументов. Напряженность, возникшая в отношениях между двумя державами, могла разрешиться военным конфликтом, хотя обе стороны старались избежать этой крайности. Вероятно, именно по этой причине Кутузов отправляет раздраженное письмо Северину: «Мнится мне по всем примечаниям и обстоятельствам, что данное вами известие о предстоящей войне слишком увеличено и решительно. Я здесь в столице мало похожего примечаю. Ограничивайтесь примечаниями о приходящих новых войсках в оба княжества и в Бессарабию...»²⁰ В то же время он в категорической форме сообщает вице-адмиралу Н. С. Мордвинову, что известие о том, что Порта намерена уже через три месяца объявить нам войну, «несколько похоже на басню». В тех же решительных выражениях Кутузов обращается к А. В. Суворову, командовавшему приграничными войсками, к князю П. А. Зубову. Заметим, что биографы, не зная подробностей служебной карьеры Кутузова, в последнее время довольно часто упрекают его в безволии, в недостатке решимости. Но разве это не решимость брать на одного себя ответственность за сообщаемую информацию, когда речь идет о безопасности государства? Разве не проще было Михаилу Илларионовичу отправлять осторожные отписки, допускающие предположение о наличии военной угрозы? А если бы он ошибался? Разве он не представлял себе последствий своей ошибки? И все-таки он упорно настаивает на том, что угрозы войны нет. Сразу же бросается в глаза, что Кутузов чувствует себя как рыба в воде там, где ему предоставлено право принимать самостоятельные решения. Его раздражает вмешательство посторонних людей, не обладающих ни его умом, ни его опытом, ни его компетенцией. Он был из тех, о ком говорят «и один в поле воин». Тогда же, когда на него оказывалось давление или он ощущал недоверие, Кутузов уходил в себя, что случалось с ним впоследствии, когда рядом не было ни его соратников, ни благодетелей, ни Екатерины Великой.

Для того чтобы окончательно опровергнуть своих оппонентов, М. И. Кутузов решился выяснить, откуда поступают слухи о военной угрозе. Источников оказалось два. Первым из них был М. Л. Декорш (маркиз де

Сент-Круа), так и не добившийся от турецкого правительства аккредитации в качестве полномочного посланника Французской республики. Кутузову удалось ознакомиться с текстом ноты Декорша от 8 ноября 1793 года, в которой Франция обещала Турции восстановление ее территории в границах Кючук-Кайнарджийского мира и содействие турецкому флоту со стороны французской эскадры. Кутузов установил факт переписки польских оппозиционеров с Декоршем и неким графом Д'Аксаком, проживавшим в Константинополе. В связи с этим Михаил Илларионович сообщал в Россию: «Среди других нелепостей, он (Декорш) обещает Порте, в случае выступления против нас, диверсию 100000 поляков». Вторым источником, смутившим турецкой угрозой ум неофициального представителя русского посольства полковника И. С. Бароцци, оказался английский посол в Константинополе лорд Энсли. Общение с Энсли привело к тому, что Бароцци стал информировать Коллегию иностранных дел России о скором разрыве отношений с Портой. Цель английского посланника для Кутузова была ясна: его не устраивал торговый тариф, по которому русские купцы платили в пределах Оттоманской империи пошлину всего в три процента. Энсли же старался, по словам Кутузова, «утверждать Порту в ее заблуждении, доказывая, что будто Россия не имеет права требовать преимуществ противу наций наиболее фаворизованных». 20 августа Михаил Илларионович сообщил князю Платону Zubову, что «дело тарифа не так важно для Порты, чтобы для того должна была разорвать непременно мир». Деятельность М. И. Кутузова на посту чрезвычайного и полномочного посла встретила полное одобрение государыни, открывшей в своем подданном еще один незаурядный талант. Сам же Михаил Илларионович сделал для себя вывод, которым поделился с Екатериной Ильиничной: «Дипломатическая карьера сколь ни плутовата, но ей Богу, не так мудрена, как военная, ежели ее делать как надобно»²¹. 21 февраля 1794 года российский полномочный посланник отправил из Перы последнее письмо супруге: «Я, слава Богу, здоров, мой друг. Устал очень после карнавала, и теперь говею. В последнее воскресенье, на масляной, был маскарад у меня великолепен, и богато угощены были до пятого часу. В субботу был маскарад у прусского посланника, где двенадцать маскерованных женщин, одетых в нимфы, приблизились ко мне, и две из них, в том числе и прусская посланница, говорили пролог в честь мою и увенчали меня лавром и оливами»²².

Во главе кадетского корпуса

В сентябре 1794 года Санкт-Петербург был снова потрясен необычайным поворотом судьбы генерал-поручика Голенищева-Кутузова, возвратившегося после исполнения дипломатической миссии в Северную столицу. Указ императрицы от 15 сентября 1794 года повелевал ему быть директором Сухопутного шляхетского кадетского корпуса. Исторически сложилось так, что корпус был предназначен для подготовки дворянских детей не только для военной, но и для гражданской службы. Более того, из стен корпуса выходили даже профессиональные актеры! «В 1750 году в придворном театре кадетами корпуса была поставлена пьеса „Хореев“. На следующий спектакль „Синав и Трувор“ попал пасынок ярославского купца Полушкина Федор Волков, на которого театр произвел неизгладимое впечатление. В 1752 году братья Федор и Григорий Волковы вместе с группой придворных „неравнодушных к театру“ были также определены воспитанниками корпуса. Здесь была создана театральная труппа под руководством П. И. Меллисино, Д. Остервальда и П. С. Свистунова, которая стала первым учебно-театральным заведением в России. А через четыре года в Петербурге был открыт для представления трагедий и комедий театр. Труппа его была укомплектована выпускниками кадетского корпуса. Директором театра был назначен также воспитанник корпуса А. П. Сумароков. В том же году воспитанники корпуса братья Волковы создали первый русский общественный театр в Ярославле»²³. Определенные успехи кадет, бесспорно, были налицо, но Екатерина II была явно недовольна состоянием дел в кадетском корпусе. Разностороннему образованию выпускников корпуса не доставало главного: подготовки к несению воинской службы, то есть именно того, ради чего и создавались кадетские корпуса. Активная внешняя политика России к концу XVIII века предоставляла офицерам русской армии неограниченные возможности для приложения своих сил, но, как выше уже говорилось, Указ 1762 года находился в явном противоречии с потребностью регулярной армии. Офицеров катастрофически не хватало: конец екатерининского царствования ознаменовался войнами с Турцией (1787–1791), Швецией (1788–1790), боевыми действиями в Польше (1794). Наконец, вся монархическая Европа «встала под ружье», сражаясь с революционной Францией, и Российская императорская армия в любую минуту могла выступить в поход. Мир становился иным, и войны становились иными, и к

ним необходимо было готовиться, но корпус формально продолжал жить по уставу, разработанному И. И. Бецким, пытавшимся на практике применить педагогические идеи французских просветителей. В этом отношении система обучения в кадетском корпусе отличалась энциклопедичностью и последовательностью, а сами занятия в то время вели даже профессора Академии наук. «Вместе с тем вопросы военного обучения, дисциплины, порядка — основных атрибутов военно-учебного заведения — были преданы забвению. Кадет учили всему: астрономии, архитектуре, рисованию, танцам, красноречию, даже бухгалтерскому делу, однако они не умели стрелять в цель, не были обучены штыковому бою и совершению маршей. Имели смутное представление о боевых порядках... „Это был светский университет, — писал В. О. Ключевский, — где преподают всё, кроме того, что нужно офицеру“. Широко образованные и склонные к вольнодумству ученики кадетских корпусов оказывались неподготовленными к будущей военной службе»²⁴. О многом говорила библиотека кадетского корпуса: в 1787 году императрица купила и подарила своим подопечным библиотеку бывшего коменданта Данцига генерала Еггерса, состоявшую из семи тысяч томов; затем сюда поступили книги из библиотеки Д. Дидро, также приобретенные государыней у знаменитого просветителя и привезенные в 1785 году. Здесь же находились во множестве сочинения Вольтера, Руссо, Бюффона, наполненные рассуждениями о «народном праве», о справедливости и правомерности «социальных потрясений». Интерес к просветительской литературе среди воспитанников был весьма велик, они обсуждали прочитанные книги, записывая свои впечатления в специальных тетрадях, из которых образовался целый фонд из 247 томов под названием «Тысяча и одна неделя». Вместе с тем газеты и журналы поступали в корпус весьма нерегулярно, а те, что поступали (*Literatur Zeitung*), отнюдь не вводили кадет в круг «современных понятий»: будущие военные и государственные люди России были фактически лишены сведений политического и военного характера, ощущая себя в стенах корпуса как бы в «Аркадии счастливой». Инфантильности кадет в немалой степени способствовал предшественник М. И. Кутузова — граф Ангальт, сын наследного принца Дессаусского, родственник императрицы, относившийся к своим питомцам, как к «птенцам, изъятым из отеческого гнезда». Десятилетнее пребывание графа Ангальта во главе кадетского корпуса многим запомнилось как поистине «золотое время». Самые трепетные, исполненные чувства любви, признательности воспоминания о наставнике кадет оставил С. Н. Глинка.

Так, он с умилением вспоминал: «Граф Ангальт частенько посещал корпус к утренней повестке и, замечая при том некоторых, не выполнивших команду „подъем“, осторожно приближался к спящему, укрывал его одеялом и, так же осторожно удаляясь, подзывал дежурного, умоляя не беспокоить спящего отрока». Безусловно, питомцы графа Ангальта не представляли себе иного образа жизни в кадетском корпусе: «С графом Ангальтом вступил в него и начальник, и отец, и наставник. Он один желал бы заменить всех, если бы можно было; но зато все шли по следам его нежной заботливости о кадетах <...>». При нем и без того роскошные помещения бывшего Меншиковского дворца украсились произведениями искусства: бюстами мудрецов и героев, античных авторов, работами живописцев. При нем появилась в корпусе «говорящая стена», на которую заносились изречения нравоучительного содержания. Кадеты называли графа Ангальта «живой библиотекой». Безусловно, он обладал энциклопедической образованностью и старался передать страсть к знаниям своим питомцам: «Огонь гаснет, если под него что-нибудь не подложат; гаснет душа, если мысль дремлет в праздности. От праздности до порока один шаг. Вы в корпусе учитесь, а выйдя из него, доучивайтесь». При этом он полагал, что детей не следует через силу перегружать науками, чтобы не отпугнуть от них навсегда. Воспитание «называл он нежной матерью, которая, отдаляя тернии, ведет питомца своего по цветам». Екатерина II была до того недовольна положением дел в корпусе, что, в конце концов, перестала замечать своего родственника. Граф Ангальт так тяжело переносил эту немилость, что скончался после скоротечной болезни. Можно себе представить скорбь воспитанников Ангальта, их волнение о своей будущности. Вероятно, их худшие ожидания в полной мере оправдались. «Неизвестность и ожидание всегда волнуют умы. Долго допытывались мы и наконец узнали, что к нам назначен начальником Михаил Илларионович Кутузов. Мы слышали о его чудесных ранах, о его подвигах под Измаилом. О его быстром движении за Дунаем на высотах Мачинских, которое решило победу и было первым шагом к заключению мира с Портой Оттоманской в исходе 1791 года. В половине 1794 года был он чрезвычайным послом в Константинополе, где ловкой политикой возбудил общее внимание послов европейских, а остроумием своим развешивал важный Диван и султана. В блестящих лаврах вступил он к нам в корпус, и тут встретило его новое торжество, как будто нарочно приготовленное для него рукой графа Ангальта. Вошед в нашу залу, Кутузов остановился там, где была высокая статуя Марса, по одну сторону которой <...> начертана была выписка из тактики Фридриха II: „Будь в

стане Фабием, а в поле Ганнибалом“, а по другую сторону стоял бюст Юлия Кесаря. Если бы какая-нибудь волшебная сила вскрыла тогда звезду будущего, то тут представилась бы живая летопись всех военных событий 1812 года. Но тогда в нашей великой России никто об этом не думал; всё в ней пировало и ликовало, только мы были в унынии. Кутузов молча стоял перед Марсом, и я через ряды моих товарищей подошел к нему и сказал: „Ваше высокопревосходительство! В лице графа Ангальта мы лишились нежного отца, но мы надеемся, что и вы с отеческим чувством примите нас к своему сердцу. Душа и мысль графа Ангальта жила для нас, и благодарность запечатлела в душах наших“. <...> Кутузов, окинув нас грозным взглядом, возразил:

— Граф Ангальт обходился с вами, как с детьми, а я буду обходиться с вами, как с солдатами»²⁵.

Можно было себе представить чувства многих кадет, услышавших эти слова! Кутузов отнюдь не показался им добрым «дедушкой», как девочке Малаше из романа Л. Н. Толстого «Война и мир». Однако все было далеко не так печально. Сдержанно и даже враждебно относились к новому директору кадеты «старшего возраста», полностью «сформировавшиеся» при графе Ангальте; младшие же воспитанники не имели подобного предубеждения. Так, И. С. Жиркевич (мать которого была уверена в том, что ее сыну на роду написано стать губернатором), поступивший в «малолетнее» отделение, вспоминал Кутузова с явной теплотой: «Вид грозный, но не пугающий юности, а более привлекательный. С кадетами обходился ласково и такого же обхождения требовал и от офицеров. Часто являлся между нами во время наших игр и в свободные наши часы от занятий, и тогда мы все окружали его толпой и добивались какой-нибудь его ласки, на которые он не был скуп»²⁶.

Программа же обучения будущих офицеров переменилась. Так, на выпускном экзамене по русской словесности им было задано сочинить письмо, «будто бы препровожденное к отцу раненым сыном с поля сражения». С. Н. Глинка, будущий «первый ратник Московского ополчения» в 1812 году, издатель патриотического журнала «Сын Отечества», вспоминал, что во время этого экзамена Кутузов безошибочно определил его истинное призвание. Выше мы уже приводили фрагмент его воспоминаний. Когда он «с жаром и громко» закончил чтение, «у Кутузова блеснули на глазах слезы», он обнял своего воспитанника «и произнес роковой и бедоносный приговор: „Нет, брат! Ты не будешь служить, ты будешь писателем!“». Эта сцена ярко характеризует и Кутузова, и Сергея

Глинку, и время, в которое они жили. Заметим, что среди русских офицеров эпохи 1812 года были и поэты, и писатели (например, брат того же Сергея Глинки — Федор), однако военачальник очень тонко уловил за строками сочинения нечто, что помешает экзаменуемому им юноше нести военную службу. Также безошибочно он «угадал» среди множества кадет тех, у кого было особое призвание к военному ремеслу. Так, Карлу Федоровичу Толю (в 1812 году — полковник, генерал-квартирмейстер Главного штаба при Кутузове) Михаил Илларионович решительно сказал: «„Послушай, брат, чины не уйдут, науки не пропадут. Остайся и поучись еще“. Толь остался, и Кутузов ознакомил его со своими военными правилами и познаниями»²⁷. Заметим, что в 1812 году К. Ф. Толя считали самым образованным офицером в русской армии, в 1815 году французские историки называли его «первым русским тактиком». Среди выпускников Кутузова 1796 года был и Федор Федорович Монахтин, в Отечественной войне 1812 года — начальник артиллерии 6-го пехотного корпуса, смертельно раненный при Бородине. Кстати, С. Н. Глинка позже недоумевал по поводу своих товарищей по корпусу: «Скажу только, что ни Монахтин, ни Толь <...> не занимали ни в одном из корпусных классов первых мест». Думается, в этом и проявились недостатки системы образования графа Ангальта. После экзаменов шестеро кадет были выпущены из корпуса капитанами, остальные — поручиками. Кутузов приказал корпусным офицерам выяснить, кто из кадет «не в состоянии обмундироваться», но сделать это тайно. «Наши юноши пресамолюбивые, они явно ничего от меня не возьмут», — сказал генерал. Мерки с мундиров кадет, чьи родственники не могли предоставить средств, были сняты ночью, а через три дня обмундирование уже пошили и вручили им, «будто бы от имени их отцов и родных». В час расставания, как и в час первой встречи, Кутузов снова стоял в кругу кадет. Именно тогда он и произнес процитированные выше знаменательные слова: «Господа, вы не полюбили меня за то, что я сказал вам, что буду обходиться с вами, как с солдатами. Но знаете ли вы, что такое солдат? Я получил и чины, и ленты, и раны; но лучшею наградой почитаю то, когда обо мне говорят: он настоящий русский солдат»²⁸.

Глава восьмая

НОВОЕ ЦАРСТВОВАНИЕ

Екатерина не могла не думать без страха о том, что великое государство, столь быстро выдвинутое ею на путь благоденствия и славы, останется без всяких гарантий прочного существования...

Н. А. Саблуков. Записки

14 марта 1795 года генерал-поручик и кавалер Михаил Илларионович Кутузов, вопреки запрещению совмещать должность директора Сухопутного шляхетского кадетского корпуса с какой-либо еще, получил назначение одновременно командовать войсками в Финляндии. В указе Военной коллегии, направленном для сведения графу А. В. Суворову-Рымникскому, благополучно ставшему к тому времени тестем графа Н. А. Зубова, брата фаворита, сообщалось, что назначение это состоялось «по указу Ее Императорского Величества и по предложению генерал-аншефа сенатора председательствующего в сей коллегии и кавалера графа Николая Ивановича Салтыкова», которого Суворов страстно не любил. Кутузову вверялось укрепление русских границ «противу северного соседа» — Швеции, отношения с которой как были, так и оставались прохладными. Если бы кадет С. Н. Глинка был знаком с содержанием документов, направляемых Кутузовым генерал-фельдцейхмейстеру генерал-адъютанту князю П. А. Зубову, то он вряд ли в своих Записках рассматривал бы взаимоотношения этих людей так односторонне, как они ему представлялись. Донесения Зубову содержали «планы, профили, карты» с указанием типов укреплений, «гаваней с сараями для канонирских лодок и плавучих батарей, доков и лабораторий», приложением проектов денежных сумм, «потребных для проведения работ», «просьбы на ассигнования на пять лет» и «отчеты об издержанных суммах». Князь П. А. Зубов «имел счастье подносить» эти документы императрице при докладах, о результатах которых он извещал М. И. Кутузова как ближайшего сотрудника, к которому он имел неограниченное доверие и полагался на его знания и авторитетное суждение: «...Мне доставите случай представить труды Ваши монаршему воззрению и ходатайствовать у всемилостивейшей

Государыни, дабы усердие Ваше и ревность благоуважены были»¹. Переписка Кутузова с князем Платоном Zubовым, так же как и ранее с светлейшим князем Г. А. Потёмкиным-Таврическим, свидетельствует об искреннем уважении фаворитов к способностям подчиненного, которого они «заваливали» работой. В этой ситуации у Михаила Илларионовича просто не возникало необходимости привлекать к себе внимание сильных мира сего с помощью изоощренных приемов царедворца, о которых назойливо твердили его недоброжелатели. Последних можно понять: они видели внешние знаки почестей и не знали документов, по сей день хранящихся в архивах. Скорее всего, сама императрица рекомендовала Кутузова в качестве наставника в государственных делах своему молодому фавориту и, кстати, не ему одному. Граф П. В. Завадовский 1 мая 1795 года сообщал в письме графу А. Р. Воронцову, будущему государственному канцлеру: «Великий князь Константин Павлович готовится для прогулки проездиться по Финляндии, проводником имея Кутузова, который тамошними войсками командует»². По-видимому, инициатором совместной поездки и на этот раз стал граф Н. И. Салтыков, которому императрица жаловалась на плоды воспитания недавно удаленного швейцарца Ф. Лагарпа: «Сверх того, он (великий князь Константин Павлович. — Л. И.) со всякою подлостью везде, даже и по улицам, обращается с такой непристойной фамильярностью, что я того и смотрю, что его где ни есть прибьют к стыду и крайней неприятности. Я не понимаю, откуда в нем вселился таковой подлый „sancullottisme“, пред всеми унижающий!»³ Директор кадетского корпуса, в считанные дни «осадивший» распущенных воспитанников графа Ангальта, мог ненавязчиво, но твердо привести к повиновению и внука Екатерины II, отличавшегося экстравагантным поведением. Следует обратить внимание, что к середине 1790-х годов Кутузов незаметным образом «нечувствительно» привыкал к роли всеобщего «наставника», а времена тем временем менялись... Сослуживец М. И. Кутузова, один из братьев Тучковых, прославившихся в Отечественную войну 1812 года, вспоминал: «За несколько дней до кончины Императрицы был я представлен Ее Величеству и благодарил за чин артиллерии майора. Величественный, вместе милостивый ее прием произвел немалое на меня впечатление. Возвратясь от двора к отцу моему, между прочими разговорами сказал я: „О, как, думаю я, была прекрасна Императрица в молодых летах, когда и теперь приметил я, что немногие из молодых имеют такой быстрый взгляд и такой прекрасный цвет лица“. Отец мой, слыша сии слова, тяжело вздохнул и, по некотором молчании,

сказал: „Этот прекрасный цвет лица всех нас заставляет страшиться“. <...> За несколько времени до ее кончины это доктор (Рожерсон) не раз советовал ей отворить кровь; императрица на то не согласилась»⁴. Вероятно, и Михаил Илларионович беспокоился о состоянии здоровья государыни, которое подводило ее все чаще. Он с грустью чувствовал, что царствование, с которым были связаны его лучшие годы, приближается к концу. 4 ноября 1796 года он, в числе лиц, особо приближенных к престолу, провел весь вечер во дворце. О чем говорили между собой Екатерина и ее «орлы»? Об утраченном «европейском равновесии», о «французских делах», в которые Екатерина поначалу не желала вмешиваться? «На счет контрреволюции положитесь на самих французов, они это сделают лучше, чем все союзные государи», — шутила государыня⁵. В конце же ее царствования в Петербурге ходили слухи, что в Европу будет направлен 17-тысячный корпус под командованием М. И. Кутузова. В письме барону Гримму императрица выражала определенные надежды на будущее: «... если революция охватит всю Европу, то явится опять Чингиз или Тамерлан... но этого не будет ни в мое царствование, ни, надеюсь, в царствование Александра»⁶. Эти слова показывают, что Екатерина не предполагала промежутка между своим правлением и правлением внука. По-видимому, ее подданные также не рассчитывали на «промежуток». Иначе час собственной кончины представлялся бы императрице менее оптимистично: «Когда пробьет мой час, я удалю от своего смертного одра всех слабонервных — пусть только закаленные сердца и улыбающиеся лица присутствуют при моем последнем вздохе». Но императрица ошиблась. В четверг, 6 ноября, вечером, она умерла после апоплексического удара, не приходя в сознание. «Между тем крепкое сложение и здоровое тело боролось более суток и лишь спустя 35 часов после поразившего ее удара отлетел этот последний вздох»⁷. Во время этих 35 часов подданные находились между страхом и надеждой, что императрица, придя в себя, разрешит сложную проблему престолонаследия. Но на престол вступил «засидевшийся в наследниках» цесаревич Павел Петрович, о чем сообщалось в манифесте. «Нельзя выразить словами ту скорбь, которую испытывал каждый офицер и солдат конной гвардии, когда в нашем полку был прочтен этот манифест. Весь полк буквально был в слезах, многие рыдали, словно потеряли близкого родственника или лучшего друга. То же самое происходило и в других полках, и таким же образом выразилась и всеобщая печаль народа в приходских церквях. <...> По дороге мне попадались люди разного звания,

которые шли пешком или ехали в санях и каретах и все куда-то спешили. Некоторые из них останавливались на улице своих знакомых и, со слезами на глазах, высказывали свое горе по поводу случившегося. Можно было думать, что у каждого русского умерла нежно любимая мать»⁸. Это воспоминания офицера Конной гвардии Н. А. Саблукова, который был довольно лоялен к Павлу I.

Смерть Екатерины II, безусловно, была для М. И. Кутузова потрясением. Как и все, он, вероятно, явился с утра во дворец. Плакал ли он в то время, когда князь Платон Зубов, в слезах, расцарапал себе в отчаянии лицо, когда в голос рыдал граф А. А. Безбородко? Скорее всего, нет. Во-первых, государыня не хотела видеть своих соратников в слезах; во-вторых, этот человек оставался спокойным, когда у него на глазах погибали близкие люди; в-третьих, за сподвижниками умиравшей Екатерины пристально наблюдали приверженцы нового императора, а зачем им было знать, что творилось у него в сердце? Михаил Илларионович прекрасно понимал, что публичные слезы не всегда выражают преданность и скорбь. Может быть, в тот день он впервые представился многим лишенным искренности и прямоты. Но умение Кутузова принимать события без эмоций — характерная черта аристократа, воспитанного в духе принца де Линя. Разве не такой была сама Екатерина? Современники единодушно отмечали преданность Кутузова памяти покойной императрицы. Мир вокруг «великого генерала» оборвавшегося царствования стремительно менялся. Французы, например, при всех политических изменениях внутри страны вели отсчет времени от взятия Бастилии, неслучайно вплоть до коронации Наполеона они пользовались революционным календарем. Но старшее и даже среднее поколение русских военных жили в иной системе координат. В их сознании традиция служения престолу и Отечеству, заложенная Петром Великим и поддержанная Екатериной II, была неотъемлемой частью бытия. Эпоха «Большой войны» в Европе для русского генералитета была насыщена драматическими грозными событиями, она ломала их представления об окружающем мире, но это не означало отказа от прошлого.

Впрочем, не только внешние события испытывали на прочность «екатерининских орлов». Казалось бы, приверженность к монархическому порядку должна была сблизить Павла и его подданных, но не тут-то было: «В Вене, Неаполе и Париже Павел проникся теми высокоаристократическими идеями и вкусами, которые <...> довели его впоследствии до больших крайностей в его стремлении поддержать нравы и обычаи старого режима в такое время, когда французская революция

сметала все подобное с европейского континента»⁹. Ф. Ф. Вигель об этом аристократическом эгоцентризме отзывался с нескрываемым сарказмом: «Но вопрос еще не разрешен: разве кроме князей в России нет аристократии? Как не быть, да еще бесчисленная; княжеские фамилии суть только самомалейшая часть ее. Да из кого же состоит она? Это трудно было бы объяснить, если не было бы ответа Императора Павла королю шведскому: „У меня нет в России других знатных, кроме тех, с которыми говорю и пока я с ними говорю“»¹⁰. Подданные готовы были закрыть глаза на ортодоксальный аристократизм суверена, когда бы к этой слабости не «подвёрстывалась» другая напасть. «Павел подражал Фридриху в одежде, в походе, в посадке на лошади. Потсдам, Сан-Суси, Берлин преследовали его, подобно кошмару»¹¹, — сообщал современник. Ему вторил второй очевидец: «Желая доказать, что он точно сын Петра III, слепо следовал он его склонностям. Он хотел, по крайней мере, по наружности, иметь все то в Гатчине, что было во время великого прусского государя-философа в Потсдаме. <...> Он носил такой же мундир и шляпу, ездил на английской лошади и немецком седле с длинной косой и старался наружностью хотя несколько быть на него похожим, — вот в чем подражал он великому Фридриху, а во всем прочем не доставало у него ни ума, ни духа, ни просвещения»¹². Сам Фридрих Великий, после недолгого общения с сыном Екатерины II, не сомневался в его грядущей участи: «Мы не можем обойти молчанием суждение, высказанное знатоками относительно характера этого молодого принца. Он показался гордым, высокомерным и резким, что заставило тех, кто знает Россию, опасаться, чтобы ему не было трудно удержаться на престоле <...>»¹³. Павел Петрович был чудовищно недалёковиден, не сумев оценить очевидного факта: царствование его матери — это не просто ее 34-летнее пребывание на троне, это еще и люди, которые сформировались за это время, где Павел I видел лишь недостатки и промахи. Он забывал о качествах монархов, составлявших в свое время предмет беседы его матери с Д. Дидро: «Вы трудитесь над бумагою, которая все терпит — она гладка, покорна и не представляет препятствий ни вашему воображению, ни перу вашему; между тем как я, императрица, работаю на человеческой шкуре, которая, напротив, очень раздражительна и щекотлива»¹⁴. Вспыльчивый по природе, Павел был крайне раздражен отстранением от престола, который он считал принадлежащим ему по праву, и с каждым днем все нетерпеливее и резче порицал правительственную систему своей матери. Наверное, не было в истории чернее роли, чем та, которую сыграл в судьбе «бедного Павла» его

воспитатель граф Н. И. Панин, целенаправленно настраивая сына против матери. Неважно, с какой целью он это делал, насколько чисты были его помыслы: употребление во зло доверия Екатерины, поручившей ему своего сына, не может иметь оправдания. Павел I не стал преемником Екатерины Великой, он оказался ее яростным антагонистом, врагом, ослепленным ненавистью, лишавшей его здравого смысла. Ему удалось бы избежать печального конца, если бы он хоть сколько-нибудь мог управлять своими чувствами, хотя бы выражать их менее открыто. «Бешеное животное! Не долго же ты процарствуешь!» — однажды в негодовании воскликнула Екатерина. «Нелюбимый сын» — вот, пожалуй, главное достижение графа Н. И. Панина и всей «партии наследника». На наш взгляд, было бы наивным списывать враждебное отношение подданных к императору исключительно на преторианскую избалованность гвардейцев, происки масонов, козни английского посольства, продажность участников заговора, в результате которого Павел I в конце концов погиб...

Трудно выразить чувства современников лучше, чем это сделал Н. М. Карамзин в «Записке о новой и древней России», составленной для Александра I: «<...> Сравнивая все известные нам времена России, едва ли не всякий из нас скажет, что время Екатерины было счастливейшее для гражданина российского; едва ли не всякий из нас пожелал жить тогда, а не в иное время. Следствия кончины ее заградили уста строгим судьям сей великой монархини: ибо особенно в последние годы ее жизни, действительно, слабейшие в правилах и исполнении, мы более осуждали, нежели хвалили Екатерину, от привычки к добру уже не чувствуя всей цены оного и тем сильнее чувствуя противное: доброе казалось нам естественным, необходимым следствием порядка вещей, а не личной Екатериной мудрости, худое же — ее собственной виною. Павел восшел на престол в то благоприятное для России время, когда ужасы Французской революции излечили Европу от мечтаний гражданской вольности и равенства... Но что сделали якобинцы в отношении к республикам, то Павел сделал в отношении к самодержавию: заставил ненавидеть злоупотребления оного. По жалкому заблуждению ума и вследствие многих личных претерпенных им неудовольствий, он хотел быть Иоанном IV (Иваном Грозным. — Л. И.); но россияне уже имели Екатерину II, знали, что Государь не менее подданных должен исполнять свои святыя обязанности, коих нарушение уничтожает древний завет власти с повиновением и свергает народ со степени гражданственности в хаос частного естественного права. Сын Екатерины мог быть строгим и заслужить благодарность Отечества; к неизъяснимому изумлению россиян,

он начал господствовать всеобщим ужасом <...> считал нас не подданными, а рабами; казнил без вины, награждал без заслуг; отнял стыд у казни, у награды — прелесть; унизил чины и ленты расточительностью в оных; легкомысленно истреблял долговременные плоды государственной мудрости. Ненавидя в них дело своей матери; умертвил в полках наших благородный дух воинский, воспитанный Екатериною, и заменил его духом капральства. Героев, приученных к победам, учил маршировать <...> презирая душу, уважал шляпы и воротники <...> ежедневно вымышлял способы устрашать людей — и сам страшился; думал соорудить себе неприступный дворец — и соорудил гробницу!.. Заметим черту, любопытную для наблюдателя: в сие царствование ужаса, по мнению иностранцев, россияне боялись даже и мыслить — нет! говорили, и смело!.. Умолкали единственно от скуки частого повторения, верили друг другу — и не обманывались! <...> Вот действие Екатеринина человеколюбивого царствования: оно не могло быть истреблено в четыре года Павлова...»¹⁵

Но как ни откровенен был Н. М. Карамзин в своей «Записке о новой и древней России», думается, даже он не рискнул задеть самую чувствительную струну в сердце представителя дома Романовых: «Кто был отцом императора Павла I? Это очень деликатная проблема. Каждый, кто изучал историю России второй половины XVIII века, в той или иной форме решал ее, хотя не все историки считали важной. Берем на себя смелость утверждать, что эта проблема в течение полувека определяла внутриворцовые интриги и психологию их непосредственных участников»¹⁶. Некоторые исследователи недоумевают: почему сын не покарал убийц своего отца? Александр I взшел на престол в России в ту эпоху, когда в Европе трон сделался довольно шатким местом для Бурбонов и Габсбургов, на фоне которых Романовы были молодой династией. Для сына Павла I ситуация, в свою очередь, осложнялась вопросом: «Кто был отцом его отца?» Вопрос далеко не праздный: к тому времени в Париже уже появились «Секретные записки» Ш. Массона (бывшего с 1795 по 1796 год секретарем великого князя Александра Павловича), заявившего, что Петр III не признавал Павла I своим сыном, что для Александра I означало, что Петр III ему не дед. Ф. Г. Головкин, церемониймейстер при дворе Павла I, привел в своих записках диалог между графом Никитой Ивановичем Паниным и его воспитанником: «Кто вы, по вашему мнению — наследник престола?» — «Конечно же, как же нет?» — отвечал Павел. И тогда в довольно жесткой форме граф Панин и открыл ему тайну его происхождения: «Вот вы и не знаете, и я хочу вам это выяснить. Вы,

правда, наследник, но только по милости Ее Величества благополучно царствующей императрицы. Если вас до сих пор оставляли в уверенности, что вы законный сын Ее Величества и покойного императора Петра III, то я вас выведу из этого заблуждения: вы не более как побочный сын императрицы, и свидетели этого факта все налицо. Взойдя на престол, императрице угодно было поставить вас рядом с собою, но в тот день, когда вы перестанете быть достойным ее милости и престола, вы лишитесь как последнего, так и вашей матери. В тот день, когда бы ваша неосторожность могла бы компрометировать спокойствие государства, императрица не будет колебаться в выборе между неблагодарным сыном и верными подданными. Она чувствует себя достаточно могущественной, чтобы удивить свет признанием, которое в одно и то же время известит его о ее слабости, как матери и о ее верности, как государыни»¹⁷. По мнению рассказчика, граф Н. И. Панин не останавливался ни перед чем, чтобы настроить сына против матери. Не только по России, но и по Европе гуляли слухи о том, что Александр I, по словам Наполеона, «всего лишь гражданин Салтыков». И это был еще не худший вариант «родословной»: в Петербурге бытовала версия о том, что настоящий сын Екатерины умер во время родов и был заменен «чухонским младенцем». По словам того же Ф. Г. Головкина, императрица Мария Федоровна в раздражении на своего супруга, увлекшегося фрейлиной Е. И. Нелидовой, однажды гневно бросила ему в лицо, что «она, как Виртембергская принцесса, сделала ему слишком большую честь, прибыв с конца света, чтобы выйти за него замуж, тогда как его происхождение не дало бы ему даже права на прием в любой дворянский институт»¹⁸.

Есть ли у нас основания полагать, что об этой же семейной сцене (очевидно, не единственной), как и о версиях сомнительного происхождения Павла I, не знали при дворе? И не это ли обстоятельство явилось основным в глазах людей, устранивших его с престола? Почему, например, и С. А. Тучков в Записках обронил многозначительную фразу: «Желая доказать, что он точно сын Петра III, слепо следовал он его склонностям»? Если таким образом, невзначай, проговорился один из русских офицеров, не поддерживавших близких отношений с первыми вельможами екатерининского царствования Г. А. Потёмкиным, П. А. и В. А. Зубовыми, А. А. Безбородко, Д. П. Троицким и другими, то Михаил Илларионович находился в эпицентре слухов; взаимоотношения между сыном и матерью не могли не занимать к тому времени уже довольно заметного сподвижника самых известных из екатерининских фаворитов. В

самом деле, кому готовился присягать в случае смерти императрицы генерал-поручик и кавалер Голенищев-Кутузов? Биографы Михаила Илларионовича этим вопросом не задавались, но для него это не было формальностью. В глазах высокопоставленных сановников, к которым принадлежал и М. И. Кутузов, вопрос о законности вступления Павла I, безусловно, представлялся весьма значимым. Генерал Н. А. Саблуков в своих Записках отмечал, что «говорили с уверенностью, что 1 января 1797 года будет объявлен весьма важный манифест, которым назначался наследником престола великий князь Александр Павлович». Генералу Саблукову в своих Записках вторил генерал Л. Н. Энгельгардт: «Говорят, что императрица сделала духовную, чтобы наследник был отчужден от престола, а по ней бы принял скипетр внук ее Александр, и что она хранилась у графа Безбородки. По приезде Государя (Павла I. — Л. И.) в Санкт-Петербург он отдал ему оную лично. Правда ли то, неизвестно. Многие, бывшие тогда при дворе, меня в том уверяли». Наконец, известный поэт и сенатор Г. Р. Державин сообщал в объяснениях на свои сочинения: «Сколько известно, было завещание, сделанное императрицею Екатериною, чтобы после нее царствовать внуку ее Александру Павловичу»¹⁹. В «Оде на восшествие Александра» поэт, вспомнив Екатерину, «определительно выражается»:

Стоит в порфире и вещала,
Сквозь дверь небесну долу зря:
«Давно я зло предупреждала,
Назначив внука вам в царя».

В конце XVIII столетия в обществе появилось рукописное сочинение под названием «Екатерина в полях Елисейских». По этому поводу биограф канцлера графа А. А. Безбородко заметил: «Разговоры разных великих людей в Елисейских полях были обыкновенною литературною формой XVIII века, но эта форма служила средством для выражения накопившихся в обществе понятий, стремлений и убеждений. <...> Неизвестный автор изображает царство мертвых <...> где Екатерина требует в свои чертоги <...> графа Безбородку, напоминает этому „недостойному рабу своему, что он почтен был от нее степенью первого в империи достоинства, осыпан благодеяниями, отличаем уважением и богатством, что ему была поручена тайна кабинета, что чрез него по смерти Екатерины должен был осуществиться важный план, которым определено было, при случае скорой

ее кончины, возвести на императорский российский престол ее внука Александра“. <...> „Ты изменил моей доверенности, не обнародовал его после моей смерти. <...>“ Упав на колена, Безбородко признает себя виноватым в необнародовании повеления Екатерины, но оправдывается неожиданностью ее кончины, изменою подписавшихся под завещанием особ, *неизвестностью завещания народу* (выделено мной. — Л. И.) и страхом пред неумолимою строгостью Павла. „Еще до приезда в Петербург из Гатчины наследника, я, — говорит Безбородко Екатерине, — собрал совет, прочел акт о возведении внука твоего. Те, которые о сем знали, стояли в молчании; а кто в первый раз о сем услышал, отозвались невозможностью исполнения оногo. <...> Вы еще не знаете, Государыня, что значит воля Павла выключить из службы, лишить достоинства, имения, заключить в крепость: это — малейшее его наказание за малую вину, которая в твоём милосердном правлении не заслуживает выговора“»²⁰. Автор довольно реалистично обрисовал ситуацию вокруг документа, судьба которого по сей день точно неизвестна: существовал ли он и был ли в действительности сожжен в камине? Кем были те вельможи, кто «стояли в молчании» или «отозвались невозможностью исполнения»? Был ли среди них М. И. Кутузов? А. Т. Болотов в Записках рассказывал: «К числу наиболее о кончине покойной императрицы плакавших и искренно сокрушавшихся принадлежал первейший ее министр, известный граф Безбородко. <...> Он и изъявил непритворные чувствования свои такими слезами, таким сокрушением и горестью и таким надрыванием даже себя печалию и рыданиями, что сам Государь об нем наконец соболезновал и сам несколько раз утешать и уговаривать его предпринимал. Но все сие утешения и уговаривания, но и самые милости, оказанные ему уже новым монархом, и оставление его не только при прежней должности, но и самое повышение его на степень высочайшую по Государе и в чин генерал-фельдмаршала, не могли и не в состоянии были никак утолить горести и печали его. Он только твердил непрестанно, что он лишился матери, благодетельницы, зиждительницы всего его счастья и блаженства и такой монархини, которую он никак позабыть не может...»²¹ Граф Безбородко не мог объявить Павлу, что он не только лишился своей благодетельницы, но и не выполнил данного ей обещания. Не важно, по какой причине: не выполнил, значит, предал. Один ли так страдал в те дни граф Безбородко? Или точно так же переживали свой проступок перед памятью государыни и другие приближенные Екатерины, растерявшиеся в необычной ситуации? Судя по своему положению в обществе, М. И. Кутузов вполне мог

оказаться в числе людей, которые должны были засвидетельствовать подлинность завещания государыни и поддержать вступление на трон ее внука. Думается, что опасались они не ссылки в Сибирь, не лишения имения, даже не лишения самой жизни — не так далеки от них были те времена, когда Меншиков и Бирон, Миних и Остерман стойко выдерживали монаршую немилость. Препятствием, выбившим их из седла, была, скорее всего, воля любимого внука Екатерины, вернее, отсутствие воли в том, кто должен был занять с их помощью престол. При создавшихся обстоятельствах «екатерининские орлы» были бессильны; они напрасно переживали и сокрушались по поводу невыполненного обязательства, потому что это не они были предателями. Да и внук Екатерины Великой также никого не предавал: его царственная бабка не заметила, что ее любовь к великому князю Александру безответна. Императрица скончалась, не узнав жестокой правды, с которой столкнулись ее сподвижники. Историки не подвергали анализу душевное состояние их, оставшихся без опоры в тот час, когда они готовы были жертвовать всем, чтобы возвести на трон Александра. Они готовы были подставить ему плечо, сопутствовать в первые годы его правления, оберегая от всех бед и напастей, но оказалось, что они были ему не нужны! Вернее, внук Екатерины, огражденный лесом гатчинских штыков, пока не понимал, что его спасение от отца в тех самых людях, о которых он привык думать с презрением и недоброжелательством, как о «лакеях» своей царственной бабки.

Что кадровый военный М. И. Голенищев-Кутузов наблюдал в первый же день павловского царствования? «Появились новые лица, новые сановники. Но как они были одеты! Не взирая на всю нашу печаль по императрице, мы едва могли удержаться от смеха, настолько все нами виденное напоминало нам шутовской маскарад. Великие князья Александр и Константин Павловичи появились в своих гатчинских мундирах, напоминая собою старинные портреты прусских офицеров, выскочившие из своих рамок. Ровно в 11 часов вышел сам Император в Преображенском мундире нового покроя. Он кланялся, отдувался и пыхтел, пока проходила мимо него гвардия, пожимая плечами и головою в знак неудовольствия. <... > В то же время ему доложили, что гатчинская „армия“ приближается к заставе, и Его Величество тотчас поскакал ей навстречу. Приблизительно через час Император вернулся во главе этих войск. Сам он ехал перед тем гатчинским отрядом, который ему угодно было называть „Преображенцами“; великие князья Александр и Константин также ехали во главе так называемых „Семеновского“ и „Измайловского“ полков.

Император был в восторге от этих войск и выставлял их перед нами, как образцы совершенства, которым мы должны подражать слепо. Их знаменам была отдана честь обычным образом, после чего их отнесли во дворец, сами же гатчинские войска в качестве представителей существующих гвардейских полков были включены в них и размещены по их казармам. Так закончилось утро первого дня нового царствования Павла Первого. Мы все вернулись домой, получив строгое приказание не оставлять своих казарм, и вскоре затем новые пришлецы из гатчинского гарнизона были представлены нам. Но что это были за офицеры! Что за странные лица! Какие манеры! И как странно они говорили. Это были по большей части малороссы. Легко представить себе впечатление, которое произвели эти грубые бурбоны на общество, состоявшее из ста тридцати двух офицеров, принадлежавших к лучшим семьям русского дворянства. Все новые порядки и новые мундиры подверглись строгой критике и почти всеобщему осуждению. Вскоре мы, однако, убедились, что о каждом слове, произнесенном нами, доносилось, куда следует. Какая грустная перемена для полка, который издавна славился своею порядочностью, товариществом и единодушием!»²² Можно задаться вопросом, почему Михаил Илларионович не подал в отставку, не отправился на покой в свои имения: за ним числились не только родовые вотчины, но и земли с крепостными душами, которыми он был щедро вознагражден за службу, что делало его довольно состоятельным человеком. Но, во-первых, Кутузов «хотел жить и умереть на службе», и другой жизни он себе, по-видимому, не представлял. Во-вторых, у него была большая семья и целых пять дочерей на выданье. Он принадлежал к тем мужчинам, кто был твердо уверен в том, что самым наивысшим проявлением любви мужчины к женщине является его женитьба на ней с последующим обеспечением жены и детей. Судя по переписке, генерал был уверен в том, что женщина может быть счастлива только состоя в браке, поэтому он считал своей первой отцовской обязанностью обеспечить семейное счастье дочерей. В отличие от многих представителей своего сословия он не желал видеть своих дочерей старыми девами, доживавшими свой век приживалками в чужих, пусть и богатых домах: у каждой из них должна была быть своя собственная семья, и ради счастья своих детей он готов был «терпеть и работать». Достойных женихов и приличное приданое он мог обеспечить, находясь на службе, пользуясь почетом и зарабатывая деньги. Но служба для таких, как он, могла прерваться в любой день: генерал Кутузов знал «фрунтовую науку» и в совершенстве разбирался в любых эволюциях и перестроениях, но его прошлые связи могли вызвать гнев того, кто вступил

на престол, как в завоеванную крепость. Этот человек действительно мог из прихоти «выключить из службы, лишить достоинства». Будучи человеком разумным, Михаил Илларионович решил для себя важный вопрос: ему следует продолжать службу подальше от столицы, как можно реже попадаясь на глаза рыцарственному монарху «с повадками бенгальского тигра». Конечно, ему хотелось бы провести отпущенное ему время в кругу семьи, наслаждаясь почетом и уважением, которые он заслужил многими годами опасной и непорочной службы, но судьба распорядилась иначе. По случаю вступления на королевский трон в Пруссии Фридриха Вильгельма III Павел I передал в Коллегию иностранных дел указ от 14 декабря 1797 года направить в Берлин с дипломатической миссией «с приветствием от Нас нашего генерал-лейтенанта Голенищева-Кутузова, выдав ему четыре тысячи рублей серебром...»²³. Канцлер князь А. А. Безбородко в специальной инструкции подробно изложил обязанности генерала при соседнем королевском дворе, которые и без того вряд ли пугали генерала трудностью в исполнении. По прибытии в Берлин Михаилу Илларионовичу надлежало явиться к «здешнему чрезвычайному посланнику и полномочному министру <...> графу Панину и поступать по его совету как в представлении себя прусскому министерству и в испрошении себе аудиенции, так и в рассуждении Ваших поступков сходственно с достоинством российского императорского двора и держась тамошнего этикета»²⁴.

29 декабря 1797 года вице-канцлер А. Б. Куракин ставит в известность чрезвычайного посланника в Пруссии тайного советника графа Н. П. Панина: «...Очень вероятно, что молодой королевский принц получит орден Св. Андрея, лишь только будут возвращены знаки ордена, кавалером которого был покойный король, его дед. Доставка ордена препоручена будет доверенному лицу, которое Вы так желаете иметь для сотрудничества и для успешного хода дела. <...> Покуда я думаю, генералу Кутузову дан будет приказ со своей стороны начать дело и предварительные к нему подступы. При его уме и способностях, Вам известных, должно надеяться, что он будет действовать с умеренностью и прилежанием и с искусством воспользуется хорошим расположением короля в нашу пользу...»²⁵ Думается, что, направляясь в Пруссию, Михаил Илларионович предполагал, что станет как раз той самой особой, на которую будут возложены последующие переговоры о привлечении молодого прусского короля Фридриха Вильгельма III к союзу европейских держав против Франции. Однако указ 24 декабря 1797 года, который Кутузов получил по

прибытии в Берлин, безжалостно разрушил его надежды, так как в нем определенно говорилось: «Господин генерал-лейтенант Голенищев-Кутузов. На место уволенного от службы генерал-фельдмаршала графа Каменского назначаю Вас инспектором Финляндской дивизии и шефом Рязанского мушкетерского полку и до прибытия Вашего исправление должности Вашей препоручаю генерал-майору и Выборгскому коменданту Врангелю. Пребываю Вам благосклонный. Павел»²⁶. 9 января 1798 года Михаил Илларионович отвечал императору: «Всемиловитейший государь! <...> Сего числа сделаны от меня министерству по обряду визиты, а завтрашнего числа надеюсь получить ответ о времени аудиенции. По мнению графа Панина, нет сомнения в том, что я буду принят со всем уважением, принадлежащим посланному от Вашего Императорского Величества. Пребывание мое здесь будет столько, сколько потребует благопристойность. Высочайшую волю Вашего Императорского Величества о назначении меня к инспекции Финляндской дивизии я получить счастье имел через естафету вчерашнего числа. И сие понудит меня еще более не продолжать моей отлучки»²⁷. Но и на этом монаршие милости не закончились: 4 января 1798 года в Российскую миссию в Берлине был направлен приказ, отданный «при пароле» его императорским величеством его высочеству наследнику всероссийскому: «По высочайшему повелению всемиловитейше жалуются: генерал-лейтенанты граф Ферзен и Голенищев-Кутузов в генералы от инфантерии...»²⁸ Судя по донесению от 13 января 1798 года графа Н. П. Панина Павлу I, Михаила Илларионовича не покидала мысль о том, что удачно выполненное поручение склонит государя к решению оставить его в Пруссии на дипломатическом поприще. «Господин генерал-лейтенант Кутузов сам имеет честь сообщить Вашему Императорскому Величеству о внимательном приеме, оказанном ему при дворе, — сообщал императору граф Панин, не жалея похвалы. — Его доклад прекрасно выражает чувства короля, и я не буду ослаблять их, повторяя о том же. Мне остается добавить только то, что скромность генерала не позволила ему включить в этот отчет. Это знаки внимания и личного уважения, которыми почтил его король. Он соблаговолил сказать ему, что его известность опередила его и что Ваше Императорское Величество не могли дать ему лучшего доказательства своей дружбы, чем избрав своим представителем господина Кутузова. Все заслуги, его военные таланты, его раны — ничто не было забыто и выражено самыми приятными словами. У королевы также не было недостатка в благожелательности и любезности во время приема у

нее, и в продолжении приема у королевы король очень долго беседовал с генералом Кутузовым. Наконец, с этого вечера он имел честь ужинать с королевской фамилией. Хотя господин граф Штернберг, посланный от императора (австрийского. — Л. И.) для той же цели, и был принят с почтением, однако далеко не с теми выражениями внимания»²⁹. Замыслы и надежды Кутузова, которые горячо поддерживает граф Н. П. Панин, еще более проявляются в его письме, направленном в тот же день князю А. Б. Куракину с целью убедить вице-канцлера оставить Кутузова в Пруссии: «<...> Так как предварительный наказ хотят дать генералу Кутузову, нет ли возможности остановиться на нем и оставить его здесь на несколько времени? Признаюсь, я предпочитаю его весьма многим. Он умен, со способностями, и я нахожу, что у нас с ним есть сходство во взглядах. Если пришлют кого иного, мы потеряем драгоценное время на изучение друг друга и, так сказать, на сочетание наших мнений. Еще одна из главных причин заключается в том, что [Кутузов] имел успех при дворе и в обществе. Старому воину они здесь доступнее, чем кому иному. И с этой выгодой он соединяет еще другую: знает в совершенстве немецкий язык, что необходимо»³⁰. Но 19 января 1798 года граф Панин, узнав, что М. И. Кутузов непременно должен вернуться в Россию, не скрывает своей досады в письме Куракину: «Кутузов в Берлине имел удивительный успех и, конечно, господину, пользующемуся вашим покровительством, долго придется ожидать того приема, который был оказан здесь Кутузову». Князь Куракин направил 24 января 1798 года графу Панину письмо с разъяснениями: «Оставление на дальнейшее пребывание в Берлине М. Л. Кутузова, который столь отлично принят там при дворе и возложенные на него поручения отправляет с особливим успехом, не может быть прилично и удобно по большому его чину, ибо он, вскоре по отъезде своем отсюда, пожалован генералом от инфантерии и получил Финляндскую дивизию, где присутствие его нужно»³¹.

Что ж, хлопоты Кутузова продлить пребывание в Пруссии оказались пустыми, но и в короткий срок ему удалось добиться дипломатического успеха. «Господин генерал-лейтенант Кутузов адресовал мне на сих днях письмо, — сообщал граф Панин императору, — коего содержание поставляю долгом внести в сию реляцию: <...> „Разговор, который я имел с королевским адъютантом Кекерицем, в бытность мою на сей неделе у ландграфини Гессен-Кассельской, заслуживает столько внимания, что я не могу его оставить в молчании, но напротив нахожу себя в обязанности сообщить оный Вашему сиятельству. Вы, по известности Вам дел, по весу,

который господин Кекериц имеет у короля, по связи его с людьми, управляющими делами, может быть воспользуетесь сим сведением или найдете за нужное уведомить о сем и высочайший двор. Со времени моего прибытия имел я довольно много случаев познакомиться с сим человеком, разговаривая о делах посторонних, политике и более о ремесле военном; но прошедший раз, быв у ландграфини <...> вступил в рассуждение о страшных успехах Республики Французской, о коварности их поступков, о завладении прусскими землями, за Рейном находящимися, вопреки самых положительных уверений, не более, как шесть недель тому назад сделанных; о нынешних поступках французских в Швейцарии, о последней революции в Голландии, на сих днях происшедшей и прочее. Сообщая сему разговору весь жар доброго человека, исполненного ужаса против сего неистовства и ощущающего опасное положение Европы, от того происходящее, заключил тем, что спасение Европы ныне зависит от самодержца Российского, который сильным влиянием один в состоянии соединить два императорские и Прусский двор, дабы противопоставить преграду сему наводнению. Участие мое в сем разговоре было согласное моему положению. Я разделял с ним омерзение к худой верности, французами наблюдаемой, не подался ответить на его предложение, оставаясь при выражениях общих доброй дружбы, согласных возложенной на меня комиссии“»³². Помимо встречи с генералом Кекерицем Кутузов имел несколько неофициальных встреч с фельдмаршалом И. Г. Меллендорфом, оказывавшим большое влияние на Фридриха Вильгельма III. В качестве предупредительного и любезного собеседника Михаил Илларионович сумел расположить к себе сердца прусских придворных и существенно ослабить позиции профранцузски настроенного графа Гаугвица. 20 февраля граф Н. П. Панин, признав незаменимость Кутузова на посту инспектора войск в Финляндии, огорченно заметил: «Я признаю справедливость примечаний Ваших о Мих. Лар. Кутузове. Тем не менее, однако же, сожалею я, что обстоятельства не позволяют мне иметь подобного ему сотрудника». Итак, 2 марта 1798 года наш герой доносил Павлу I: «Вчерашнего утра имел я у их величеств короля и королевы отпускные аудиенции. При сем вручено мне своеручное от короля письмо к Вашему Императорскому Величеству. После аудиенции получил я от министра Финкенштейна от имени короля табакерку с его портретом и столовый фарфоровый сервиз берлинской фабрики. Теперь остается мне, согласно здешнему этикету, откланяться у вдовствующей королевы и у малых двора, что не продолжится более двух дней. После чего и

отправляюсь в обратный путь с поспешностью»³³.

7 марта он выехал из Берлина в Россию и уже 14 апреля отрапортовал императору о вступлении в командование Финляндской инспекцией. Обязанности, возложенные на генерала, не представляли собой ничего нового: ему предстояло подготовить вверенные ему войска на случай войны со Швецией. Сбор сведений, изучение местности, обучение войск и обеспечение их всем необходимым поглощали всё его время. Наконец император прислал М. И. Кутузову для ознакомления план предполагаемых военных действий с требованием сделать свои замечания в отношении того, что предписывалось его корпусу. По словам сослуживца, Кутузову «ничего не стоило отличить хороший план от дурного, выполнимый от невыполнимого», поэтому генерал сразу же заметил все просчеты в документе и внес в него изменения. Михаил Илларионович работал над планом с увлечением: он наметил места дислокации войск, разработал маршруты их передвижения, произвел расчеты расстояний и необходимое количество продовольствия и фуража. Он занимался привычным делом, не замечая, что вышел за пределы данных ему распоряжений: он смело исправлял ошибки, высказывал свои суждения, доказывал несостоятельность расчетов, отмечал несообразности в плане, одним словом, поступал так, как он привык поступать при государыне императрице. План он отослал Павлу I, который не замедлил поставить генерала на место словами: «исполнять то, что прежде предписано». Генералу оставалось только подчиниться. Это была не первая, не единственная и не самая страшная обида, которую он снес от нового правителя России. 29 ноября 1798 года самодержец торжественно возложил на себя корону магистра Мальтийского ордена, «который вел свое родословие от „Иерусалимского Ордена Святого Иоанна“, основанного рыцарями-монахами в XI веке, во время начала Крестовых походов. К концу XVIII века, лишённые своих владений в разных частях Европы, мальтийские рыцари были изгнаны из своего главного бастиона в Средиземном море — острова Мальта. При Павле I резиденция Ордена была перенесена в Петербург»³⁴. С учреждением православного приорства ордена в России император перестал жаловать своих подданных орденом Святого Георгия, учрежденным его матерью так, как будто этой награды и не существовало, как будто три степени этого ордена Кутузов заслужил не на поле чести, а «на паркете», как говорил Суворов. Но и это было не всё. Император планомерно, строка за строкой, как будто вычеркивал строки из его биографии военачальника, как будто силился стереть его прошлое,

упраздняя полки, в которых служил Кутузов, уничтожая плоды его долгих и упорных трудов. «Романтическая любовь императора к рыцарству привела и к переоценке тактических приемов, то есть к перемене процентного соотношения легких и тяжелых частей. Павел I уменьшил количество пикинерных частей ради увеличения числа кирасирских полков. Та же участь постигла егерей. Их количество уменьшилось, за счет чего удалось увеличить численность гренадер. Кроме того, егеря получили мундиры, мало чем отличавшиеся от пехотных, то есть не были учтены особенности тактического использования егерей»³⁵. По распоряжению Павла I российским полкам присваивались имена их шефов, менявшихся чуть ли не ежемесячно, в том числе и полкам, созданным Кутузовым. Как тут многоопытному генералу было не вспомнить строки из «Мечтаний» Морица Саксонского: «Репутация легиона становится чем-то личным, и принадлежать к нему становится честью. Это чувство чести гораздо легче возбудить в легионе, имеющем свой номер, чем в части, носящей чье-то имя, то есть командира, возможно, нелюбимого»³⁶.

Кутузов внимательно следил за событиями в Европе, особенно с того времени, как в Италию в помощь австрийцам были направлены русские войска. И кто бы мог подумать, что Павел I, осудив свою мать за многолетние войны, вмешается в военный конфликт, не пережив потери Мальты, захваченной французами по пути в Египет? Союзные армии под командованием А. В. Суворова в апреле одержали победу над французами в битве на реке Адде, вступив победителями в Милан. Вероятно, Михаилу Илларионовичу было досадно, что он находился так далеко от театра военных действий, где решалась судьба континента. Он следил по карте за передвижениями войск, внимательно читал газетные и журнальные публикации, стараясь постигнуть новые веяния в «науке Морицев»: он любил свое ремесло и конечно же мечтал помериться силами с противником, который, по образному выражению современника, «расщелкал» все европейские армии. Кутузов мысленно «бросал» линии коммуникаций воюющих армий, передвигал войска на местности, снова и снова «проигрывал» в уме обстоятельства выигранных и «потерянных» битв. Он был очень умным и осмотрительным человеком, он сознавал, что у каждого полководца, будь он трижды великим, есть свой почерк, свой заданный природой алгоритм, который он старался распознать в плеяде французских генералов, вознесшихся на гребне революционных войн. Перед ним возникали не просто сражения, а стечения исторических обстоятельств, результатом которых являлись военные столкновения.

Французы воевали колоннами. Могло ли быть иначе в армиях, набранных на скорую руку и так же наспех обученных для защиты своего Отечества? Но являлись ли колонны отныне универсальным средством, гарантировавшим успех во всех войнах? «Робость составляет колонны, а храбрость развертывает их, — рассуждал в те годы принц де Линь. — <...> В сих случаях, конечно, первые ряды считают себя сильнейшими, будучи подкрепляемы; а последние думают, что они гораздо больше обеспечены, имея перед собою гораздо более шеренг. <...> Я спрашивал у сих расчетистых людей, во сколько времени могут они пробежать до неприятеля? Какое бы усилие употреблено не было. Но нельзя сделать в одну минуту более ста шагов; в две минуты никогда не можно перейти двухсот, а еще менее в четыре минуты трехсот. Положим, что это сделается. В четыре минуты мы сделаем шестнадцать выстрелов, считая в половину меньше, нежели как у нас бывает на учении; следовательно, два батальона, свернутые в колонны, получают от двух батальонов, стреляющих по ним, как будто в цель, 32 тысячи пуль. Если неприятельский генерал, не желая угождать колонистам, выберет положение несколько возвышенное, например, на скате, которого огонь столь убийственен, то для сих последних будет еще хуже. Они пойдут еще медленнее, нежели батальоны, фронтом расположенные; тогда вместо четырех пройдет десять минут и ни один выстрел не будет потерян. Последние колонны, назначенные для подкрепления первым, скоро потеряют к тому охоту, увидя гору мертвых тел»³⁷. Выпускник инженерно-артиллерийской школы, организатор егерских частей в русской армии, он мечтал проверить свои знания и расчеты на поле боя, но вместо всего этого он оставался в «скучном Выборге», откуда направлял невеселые письма жене: «15 июня 1799 года. Сегодня перед светом приехал я из Фридрихсгама и не выспался, и устал, и должен писать очень много к государю по комиссиям, которые он мне давать изволил; а потому по сей почте и не успел тебе денег, мой друг, отправить, для того, что их еще надобно сыскать; а на будущей почте, конечно, пришлю, а может и из Польши подоспеют; а ежели нет, то сыщу. Благодарю о известиях о Суворове, и в гамбургских газетах есть, только не все... Детям благословение»³⁸. Впрочем, и в Выборге выдавались нескучные дни. «<...> Вчерась я был в превеликих хлопотах, — рассказывал Кутузов жене. — Знаешь, что Иван Юрьевич наделал? Третьего дня напился пьян, нанял тихонько у фурмана лошадей, уехал за город и оттоля увез дочь говенову (sic!!!); но к счастью, тотчас узнали и сыскали его на выбурхском форштате с нею. Его я отдал под караул, а ее к

отцу. Отец просил меня, чтобы все это оставить, а только бы его как-нибудь на ней женить. Но я отправил вчера рапорт к Государю и написал все. Воля императорская — женить его или нет, чтобы как-нибудь только бы его здесь не оставили. Я надеюсь, чтобы Государь на меня за сие не прогневался <...>»³⁹. 12 июля 1799 года Кутузов отправил Павлу I рапорт, из которого следовало, что в вверенных ему полках Финляндской инспекции дела в целом обстояли благополучно. Рапорт начинался словами, относившимися к мушкетерскому полку «имени моего: касательно обучения оного употреблены все старания как с моей стороны, так и в частые мои отсутствия со стороны полкового командира, исполненного столько же ревностью в службе Вашего Императорского Величества, а до какой степени полк достиг, я определить не отваживаюсь». Ничего страшного: государь определил на расстоянии, что с полком все обстоит замечательно, и выразил Кутузову благоволение в именном рескрипте, по поводу которого М. И. сообщил жене: «Я получил от государя благоволение в рескрипте очень милостивое, за мой полк, хотя я его никогда не хвалил...»⁴⁰

Но вот в жизни старого воина наступили, казалось, долгожданные перемены, оттеснившие серые будни. Весной 1799 года, помимо корпуса Суворова в Италии, Россия и Великобритания решились отправить экспедицию в Голландию с целью освободить ее от французов, а также, по словам правительства, «чтоб принудить Францию, если возможно, возвратиться в границы, которые она имела до революции»⁴¹. Предполагалось, что в этом же предприятии деятельное участие должна принять и Пруссия, но после отъезда Кутузова из Берлина надежда оказалась тщетной: пока еще не существовало в Европе такой цели, которая объединила бы в одном порыве пруссаков и англичан. К тому же и Россия вместо обещанных 45 тысяч пехоты и кавалерии могла выставить на этом театре военных действий около 17 тысяч человек. Боевые действия открылись лишь по осени и почти сразу же обернулись для союзников фатальной неудачей: 8 сентября в сражении при Бергене союзники потерпели поражение, а командир русского экспедиционного корпуса генерал-лейтенант И. И. Герман был взят в плен. С этими печальными обстоятельствами и был связан рескрипт Павла I от 23 октября 1799 года: «Господин генерал от инфантерии Голенищев-Кутузов. Закключаю из всех полученных мною из Голландии известий, что экспедиция в той земле приняла совсем неудачный оборот, предписываю Вам, если по получении сего войска мои находятся в Голландии, то Вы, приняв нужные меры с графом Воронцовым и вице-адмиралом Макаровым, *перевезитесь в Англию*

(выделено мной. — Л. И.), где, располагась на зиму, приготовьтесь весною исполнить Вам приказанное мною при отправлении, т. е. возвратитесь обратно в Россию со всеми войсками»⁴². Вероятно, тогда же Кутузов мог быть неофициально извещен о подробностях, не вошедших в текст императорского рескрипта. «Назначение командира войск, составлявших вспомогательный корпус английских войск в Голландии, также не посчастливилось. Генерал Берг (автор мемуаров спутал фамилию; речь идет о генерале И. И. Германе. — Л. И.) был человек знающий свое дело, да, к сожалению, любил в стакане дно видеть; такой молодец и по сердцу был главному начальнику англо-русской армии, брату короля, если не ошибаюсь, герцогу Кумберланду (герцогу Йоркскому. — Л. И.); но кампания кончилась одним сражением: Кумберланда, пьяного, англичане увезли с поля сражения, а Берга, пьяного, по кровопролитной битве, французы взяли в плен и весь вверенный ему корпус остался также у них в плену»⁴³. Добавим, что это был тот самый генерал Герман, о котором в армии уже ходил забавный анекдот. Однажды на маневрах Суворов посоветовал офицеру действовать более решительно, на что тот с сожалением ответил, что он не может распоряжаться в присутствии своего начальника. Посмотрев в указанном направлении и увидев генерала Германа, разъезжавшего неподалеку на лошади, Суворов сказал: «Так ведь он давно убит».

Автор мемуаров, А. М. Тургенев, основательно сгустил краски, не все было так фатально для русских войск в Голландии, поэтому, невзирая на осеннюю распутицу на суше и «противный ветер» на море, Кутузов бросился исполнять волю императора по спасению остатков корпуса Германа, но дорогой узнал, что главнокомандующий всеми союзными войсками герцог Йоркский заключил конвенцию с неприятелем, согласно которой экспедиционные силы союзников должны были очистить Голландию. Русский корпус, вверенный Кутузову, британцы увезли с собой в неизвестном направлении, о чем свидетельствует письмо генерала супруге Екатерине Ильиничне от 19 октября 1799 года: «Я, мой друг, доехал насилу в Кенигсберх, вчерась поздно, и уехал бы уже давно, ежели бы карета не испортилась; дорога была такая, что вообразить нельзя. <...> По газетам ты, я думаю, догадаешься, что мне в Голландию не ехать, а поеду в Англию, разве что узнаю в Гомбурхе, что русские еще не успели в Ермут переехать, то заеду и в Мемель. Писем твоих ближе Гамбурга нигде не увижу. <...> Здравствуйте, любезные дети, что вы делаете? <...> Я теперь в Кенигсберхе сию у окошка на большой улице и вижу, как немки

пешком на бал идут, навеся платочки, на голове наколот, и головы превеликие. Из Англии вам навезу мод аглицких»⁴⁴. Не отвыкнув еще от мысли быть инспектором инфантерии Финляндской инспекции, отбросив новую мысль, что в качестве командира корпуса он направляется в Голландию, приготовившись до весны жить в Англии, по пути туда, в вольном городе Гамбурге, Кутузов вдруг узнал из очередного рескрипта от 26 октября о своем назначении инспектором инфантерии Литовской и Смоленской инспекций! Не выезжая из Гатчины, Павел I (поклонники которого в наши дни утверждают, что император был совершенно вменяем) поставил перед измотанным дорогой русским генералом очередную «простейшую» задачу: «Господин генерал от инфантерии Голенищев-Кутузов. При перевозе всех войск, под командою Вашею находящихся, в Англию, где они должны оставаться до весны, отдайте в команду их находящемуся при лондонском дворе генералу от инфантерии графу Воронцову (то есть нашему посланнику. — Л. И.), а сами отправьтесь немедленно в Россию, где вы назначены во все должности и на место генерала от инфантерии Лассия (Б. П. Ласси. — Л. И.)...»⁴⁵ Это известие он получил как раз в то время, когда сообщал в письме своей супруге 12 ноября о предстоящих ему в Лондоне заботах: «Я, мой друг, вчера съехал в Гамбург с превеликим трудом. Везде остановка была в лошадях и дорога препакостная. Здесь услышал, что российские войска перевезены на остров Жерзей, самое дорогое и самое голодное место. <...> Ежели ночью ветер переменится, то завтра поеду и должен буду заехать из Ермута в Лондон хлопотать. Я, слава Богу, здоров, но очень скучно, всякую ночь Вас во сне вижу... Окончив письмо, получил от Государя повеление с нарочным, по которому мои обстоятельства совсем переменились. Он изволил приказывать возвратиться в Россию. <...> Я думаю завтра, ежели карета, которая в починке, поспеет, выехать, и ехать прямо в Гродну. <...> Впрочем, боюсь, не мыслил ли Государь, чтобы мне приехать в Петербурх. <...> Очень не хочется жить в Гродне, где, думаю, так же скучно, как в Выбурхе. А хорошо бы в Вильне»⁴⁶. Сведения, циркулирующие в Гамбурге, о том, что русские войска уже находятся в Англии, и новое назначение делали миссию Кутузова бессмысленной. Однако он опасался взыскания со стороны скорого на расправу императора за то, что он так и не добрался до Британских островов. На этот случай он доложил в письме Х. А. Ливену о причинах, задержавших его в пути: «Повеление его императорского величества о возвращении моем в Россию получил я еще в Гамбурге, где три дня задержан был противным ветром; завтрашнего числа выезжаю я

непременно прямою дорогою в Гродно. Отправясь прямо к своему месту, думаю я, что исполню точнее его императорского величества волю... Генерал-майор Мамаев, поручики Стахиев, Залевский и подпоручик Горяинов отправились в Англию на том судне, которое приготовлено было для меня...»⁴⁷ Голландская экспедиция, как характерный эпизод, связанный с царствованием Павла I, оставила по себе не один забавный исторический анекдот. Самый яркий из них, на наш взгляд, связан как раз с персонажем, упомянутым в письме Михаила Илларионовича, генерал-майором Мамаевым. Вот что поведал современник: «При назначении Берга (Германа. — Л. И.) командиром войск, назначенных для высадки в Голландии, был вызван ген. — лейт. Мамаев, изучивший военное искусство в тактике и на практике в Гатчине. Мамаев был на славу экзерцицмейстер-дока, вот что называется у русских людей — „собаку съел“! Мамаев в целом баталионе видел: ровно ли у солдат поставлены букли, у всех ли косы указанной, 9-ти вершковой длины; никто лучше его не мог пригнать на солдате (т. е. мундир скроить), вычистить медь. Чего же хотеть еще от смертного человека? Разве мало вышепоименованных доблестей его превосходительства!.. Благоугодно было Мамаева назначить помощником Бергу, тоже что нынче начальник штаба. Мамаев был призван в кабинет е[го] величества; географическая карта лежала развернутою на столе, государь, подозревая Мамаева, сказал:

— Я вас, сударь, посылаю под командованием графа Берга в Голландию, — и, указывая на карте Гамбург, изволил досказать повеление. — Здесь, сударь, в Гамбурге, сядешь с войском на корабли, пойдешь морем в Голландию.

Мамаев поступил на службу с бритым лбом из однодворцев Курской губернии, Рыльского уезда. Посмотрев по указанию государя на карту, осмелился всеподданнейше доложить е[го] в[еличеству], что он с полком квартировал в городе Ямбурге, да в то время там моря не видал, а протекает в городе, так вот, незазорная речулка [небольшая река], — где же корабли по речулке, с полным грузом — и струг не пройдет!

Государь на сей доклад всемилостивейше изволил отвечать:

— Не Ямбург....., а портовый город Гамбург!

— Виноват, в[аше] в[еличество], в Гамбурге на квартирах с полком не стоял.

На это государь изволил всемилостивейше прокомандовать:

— Вон!

Но Мамаев сел с войском на корабли в Гамбурге, его не

переменили»⁴⁸. Заметим, что автор несколько сместил хронологию событий: из письма М. И. Кутузова Х. А. Ливену явствует, что Мамаев был назначен не к Герману, а именно к нему. Можно себе представить, какого приятного общества лишился Кутузов, избежав миссии в Англии! Очевидно, именно с ним Михаил Илларионович и отправил 14 ноября (в тот день, когда он уже предавался мечтам о пребывании в Вильне) чрезвычайному и полномочному посланнику графу Семену Романовичу Воронцову свой рапорт, к которому приложил высочайший рескрипт о назначении его (посланника!) командиром экспедиционного корпуса. Вероятно, уже в Гродно Кутузов получил любезный ответ «графа Семена», как называли в обществе одного из братьев-дипломатов: «Я весьма сожалею, что обстоятельства лишили меня удовольствия видеть здесь ваше превосходительство и как начальника войск, коего испытанные таланты, знания, опытность и ревность к службе могли бы привести в надлежащий порядок сей от бестолкового Эссена расстроенный и совсем испорченный корпус, и как старого моего армейского товарища, которого я весьма почитаю и уважаю и с которым возобновить прежнее знакомство и провести несколько времени было бы для меня весьма приятно»⁴⁹.

19 декабря 1799 года Кутузов прибыл в Гродно, убедившись, что в России не он один обречен на бесконечные скитания: «Прибыв в Гродну, я был в крайнем затруднении о принятии команды и не вступил бы в оную без дальнейшего высочайшего повеления, но генерал-лейтенант Линденер объявил мне, что он имеет поручение командовать только до моего прибытия, и далее никак не может и отправиться должен к своему полку. Сие обстоятельство решило меня принять команду без всякого отлагательства, ежели я в сем ошибся, то прошу принести рабскую мою повинную милостивейшему государю нашему». Непредсказуемость царя, не понимавшего, что он разоряет офицеров, вгоняя их в долги, заставляя по несколько раз в год переезжать с места на место, в письме Кутузова уже отзывается отчаянием. Итак, генерал-лейтенант Ф. И. Линденер умчался «соблюдать пограничные кордоны с Пруссией», в то время как Кутузову предстояла непростая задача: восстанавливать равновесие в Европе, которого отказывались придерживаться как французские революционеры, так и австрийские Габсбурги, что явствовало из рескрипта Павла I на имя Суворова от 20 ноября 1799 года: «...Назначение как ваше, так и всей линии, позади вас по границе расположенной и составленной из армий генералов: маркиза Дотишана, Голенище ва-Кутузова и графа Гудовича, состоит в том, чтобы положить на время, есть ли бы до сего дошло

преграды успехам французского оружия и сохранить Германскую империю и Италию от неизбежной гибели, с другой стороны, удержать и Венский двор в намерениях его присвоить себе половину Италии и, наконец, есть ли бы обстоятельства были таковы, что французы, шед на Вену, угрожали низвержением римского императора, тогда идти нам помогать и спасать его»⁵⁰. От миссии «спасать Германскую империю» Кутузов был избавлен в декабре приказом императора следовать на зимние квартиры. Предваряя беспорядки на пути следования к «непременным квартирам», 3 января 1800 года Кутузов дал предписание старшему унтер-офицеру рекрутской команды: «Предписывается тебе ко исполнению следующее: коль скоро офицер твой распушать будет в отпуск по деревням рекрут, в сем случае воспрещать ему с вежливостию, ссылаясь на сие тебе данное предписание, а при том стараться, чтобы переходы были законные, не изнурая людей и имея присмотр к удерживанию от побегов. В противном случае за неисполнение офицер твой будет сужден по закону, а ты гоненьем шпицрутеном»⁵¹. Тем не менее 10 января сбежало семь рекрутов от поручика Дымова, которому, однако, удалось избежать суда: «По исследовании, что таковая дезерция произошла по молодости и оплошности сего офицера, я, усомнившись в нем, приказал поручить его с командою и рекрутами в ведомство <...> штабс-капитана Ветрова, признанного за расторопного офицера, следующего в Кавказскую инспекцию, чтоб шли туда вместе...»⁵² В конце декабря полковник князь Вяземский вдруг сообщил о распространении в местных селениях эпидемии «гнилой горячки», но 10 января сверхбдительный полковник уже получил от Кутузова выговор: «<...> Гродненского уезда селениев жители совершенно здоровы и совсем нету не только таковой опасной болезни, каковую Вы в рапорте своем лейб-гренадерского полку господину генерал-майору Лобанову написали. Поставляю сие нанесенное донесением Вашим беспокойствие на счет Вашей нерассмотрительности...»⁵³ Тогда же в январе М. И. Кутузов жаловался в письме своему приятелю П. Г. Дивову: «Я подобно Улису задержан в Гродне, как на острове Сирцее... Все однако же после 15-го числа думаю уехать в Вильну, где поселюсь...» Накануне выезда из Гродно он сетовал в письме Екатерине Ильиничне: «Бумаг очень много, несравненно больше финляндского».

Но покоя не было и в долгожданной Вильне. 23 января Михаил Илларионович сообщал супруге: «Я дни три как приехал в Вильну, где нашел почти весь город в grippe, и сам тотчас почувствовал, но по сей день еще не лежал...»⁵⁴ Да и как было лежать, когда по приезде

выяснилось, что он не представил еще на утверждение императору образцы сукон, каразеи и холсту, принятых от виленского комиссариатского комиссионера Высоцкого на обмундирование полка «имени моего», которому надлежало быть в темно-зеленых кафтанах с «вердепомовыми воротниками, обшлагами и лацканами» (*Vert de pomme* — цвет зеленого яблока. — Л. И.). 5 марта 1800 года Кутузов снова сообщил Екатерине Ильиничне об огромном количестве бумаг: «Я, слава Богу, здоров, только глазам работы так много, что не знаю, что будет с ими. Никогда до обеда нельзя отделаться и часто вечера должно сидеть. Только остается время на спектакль (так в тексте. — Л. И.)». Впрочем, в «нескушной» и многолюдной Вильне, куда так стремился Кутузов, его подстерегали испытания другого рода: «Любезные и милые детки, здравствуйте. Благодарю за письма. Я не очень к здешней жизни еще привык; для меня очень шумно, и я должен женироваться (от фр. *se gener* — стесняться. — Л. И.) для публики, чтобы им не мешать веселиться, и всегда более устану, нежели повеселюсь. Например, вчера должен был быть в спектакле, после на маленьком бале в партикулярном доме; однако же здесь и маленький бал — 100 человек, где танцевали мазурку, казачка, алемонд, *la perigordaine, valse etrusque*, пока у меня голова заболела; после в редут, где 700 человек, и, ей-Богу, рад, рад, как домой уехал. Мне было весело в маленькой компании, в 6 часов выдти и в 10 спать лечь, а здесь должен сидеть за ужином, без того обижаются, а ежели я куда не поеду, то никто не поедет. Мне это не здорово и не весело. Впрочем, есть люди очень приятные и много. Вот моя жизнь. Боже вас благослови»⁵⁵. Кутузов все чаще и чаще грустил о семейных радостях: «Любезные детки, здравствуйте. Как приятны мне были сегодня ваши письма, как милостиво Государь с вами говорил. Я видел сегодня из Питербурха Горчакова и расспрашивал, каковы вы и как одеваетесь. <...> Какую, Аннушка, ты виленскую даму видела? Скажи, пожалуйста, кто такая? Вам показалась она ридикюльна (смешна. — Л. И.), от того, что у вас нету в нарядах столько вкуса, как здесь. Для чего Лизинька сестер обижает? Всегда пишет „мои маленькие сестры“, как будто оне двухлетние. <...> Все много писали, только Дашенька об орехах ничего не говорит. Ежели бы мне этакой орех подарили, я бы с ума сошел от радости»⁵⁶. Орехи, о которых упомянул в письме Михаил Илларионович, его родственник Логин Иванович Голенищев-Кутузов получил из Праги и отправил в подарок детям Кутузова. По-видимому, все дочери в восторге сообщили ему об этом, кроме младшей — Дарьи, которой отец, шутя, напомнил о необходимом

чувстве благодарности.

Порой беззаботное веселье в Вильне перемежалось, как сейчас выразились бы, оперативно-следственной работой по выявлению преступников. 23 февраля 1800 года М. И. Кутузов сообщал о своих успехах в этой области: «<...> По истощении всех средств к отысканию виновников разграблению казны, везенной из-за Вилейского повета под Вильною, не было найдено, кроме подозрения на самого уездного казначея Чековича в похищении оной, который по строгом изыскании источников подозрения, открывавших явно его преступление, признался, наконец, мне лично, что, запутавшись в счетах своих через употребление казенных денег на собственные надобности <...> предпринял преступление свое сокрыть видом разграбления на дороге казны, что все сам с помощью двух солдат штабной команды, данных для охранения оной, по наклонению его произвел в действие, поранив себя собственной рукою. <...> О чем Вашему Императорскому Величеству имею счастье всеподданнейше донести <...>»⁵⁷. Едва успев разоблачить уездного казначея Чековича, Кутузов столкнулся с новой неприятностью: император сурово настаивал на немедленном выяснении причин нарушения устава мушкетерским полком Бороздина 1-го. Рапорт виленского губернатора не нуждается в комментариях; зная характер Михаила Илларионовича, отметим только, что иного от него и ждать было нельзя. «Высочайшее Вашего Императорского Величества имянное повеление от 6-го апреля, касательно того, что полк Бороздина 1-го во всех частях, составляющих службу, даже и в рассуждении обыкновенного шага, не сходствует с высочайше изданным пехотным уставом и что угодно Вашему Императорскому Величеству ведать, кто настоящий виновник такового неисполнения повелений, я имел счастье получить и на оное всеподданнейше донести дерзаю, — вкрадчиво сообщал генерал от инфантерии М. И. Кутузов Павлу I. — Полк сей, как Вашему Императорскому Величеству известно, находился в корпусе генерал-лейтенанта графа Ланжерона, которым после командовал генерал от кавалерии граф Девиомениль, и я, дабы точно сведать о причине упущения сего в полку Бороздина, старался иметь сведение от генерал-лейтенанта Ланжерона, который мне ничего иного на сие не отвечивал, как то, что он во время своего командования полк инспектировал и находил тогда в довольной исправности, после же его инспекции, в какое состояние тот полк пришел и в каком состоянии находил его граф Девиомениль, ему неизвестно. Кроме же графа Ланжерона, не находится тут поблизости никого, который бы хотя малое сведение имел о бытии того полку в

прошедшее лето <...>»⁵⁸. Документ со всей очевидностью свидетельствовал, что М. И. Кутузов в душе так и не растратил склонности к шутовству, либо это свойство возродилось в нем в нынешнем царствовании. По признанию современника, «никогда в обществе не веселились так, как при Павле Петровиче», чему государь способствовал в немалой степени.

Подлинной напастью в приграничных районах были эпидемии «заразительных болезней», которые особенно свирепствовали в местах скопления войск. Так, 9 мая 1800 года Кутузов доносил в столицу об открывшемся бедствии в войсках Виленской инспекции: «Шеф мушкетерского полка генерал-майор барон Дрексель от 1 мая доносит мне, что в полку ему вверенном (Тульском мушкетерском. — Л. И.) умножается число умерших нижних чинов так, что, прилагая все возможное попечение со стороны продовольствия их в болезнях и во всем, что принадлежит к лазарету, не мог узнать причины. <...> Предписываю при том Литовской врачебной управе сделать со стороны своей надлежащее рассмотрение и что нужно к вспоможению и прекращению такой свирепствующей болезни дать полковому лекарю свои способы, и что по сему случаю предпринято будет, как о роде болезни, а равно и о способах к прекращению донести мне»⁵⁹. Тут же он дает предписание и шефу Екатеринославского (генерал-майора Палицына) гренадерского полка, в формировании которого сам Кутузов некогда принимал деятельное участие, об усилении медицинской помощи солдатам: «По поводу дошедшего ко мне донесения от господина генерал-майора Дрекселя <...> предписал я Литовской врачебной управе, дабы она поспешила подать свои способы, ныне получил от нее донесение, каковое у сего в копии Вашему превосходительству препровождаю с тем, чтобы благоволили по прописанным ею по сим предметам наставлениям не оставить в полку Вам вверенном больным подать Ваше пособие, хотя бы с некоторыми излишними издержками, коих, надеюсь, Вы не пощадите для подкрепления подчиненных Вам людей в здоровья и тем сохранения их при жизни»⁶⁰. Казалось бы, борьба с эпидемией неизвестного заболевания сама по себе непростая задача, но к ней прибавились слухи о победах французов над армией римского кесаря, которые распространялись тем же способом, как и инфекция, охватывая все большее и большее число людей. 21 мая 1800 года М. И. Кутузов направил рапорт Павлу I: «Высочайший Вашего Императорского Величества указ, от 15 сего месяца мне данный, о строгом наблюдении за действием, какое произведут и впредь производить будут поражения неприятелей над

цесарскою армиєю в жителях всемилостивейше вверенной управлению моему Литовской губернии и о прочем, я имел счастье получить, по содержанию которого как наибдительнейшее исполнение чинено мною будет, о чем донося Вашему Императорскому Величеству, осмеливаюсь всеподданнейше при том представить, что сочинитель мерзостного пасквиля, о коем <...> мною уже донесено, при наидеятельнейшем изыскании, не ослабевающим и до сего времени, еще не открыт, но токмо достоверно узнано, что оной никому не есть и не был известен, кроме одного мальчика студента, видевшего оный у солдатки, нашедшей его <...>». Кутузов с подчеркнутой любезностью привычно заверял императора в усердии и рвении, которое имело ничтожный результат: «мерзостный пасквиль» никому «не есть и не был известен, кроме одного мальчика студента», видевшего этот пасквиль конечно же у безграмотной солдатки, которая, естественно, где-то нашла его... «Фигуранты» дела подобраны Кутузовым с таким расчетом, что подозревать их в злонамеренности нелепо. При сравнении официальной переписки Кутузова периода двух царствований становится заметно, что с переменой в стиле письма изменился и тот, кто их писал: Кутузов екатерининской поры не думал о красотах стиля — он торопился сообщить важную информацию, в которой были спрессованы ценные сведения и большие дела; теперь же он думал о том, как красиво подать текст, не содержащий ничего важного. Как доложить государю о пустяках, возведенных в ранг государственных дел? Отправив велеречивый рапорт о «наидеятельнейшем» и «не ослабевающим до сего времени» поиске, генерал получил соответствующий его ожиданиям ответ императора через графа Х. А. Ливена: «Если что случится, то он за все отвечать будет»⁶¹. 28 июня 1800 года, как видно из рапорта Павлу I, обнаружилась новая напасть: «Литовский гражданский губернатор Фризель рапортует мне, что во время отсутствия моего для инспекции полков получил он уведомление, что по некоторым поветам разгласились предсказания, что будет голод и мор и что в некоторых деревнях найдены на стеклах с наружной стороны окошек черты кремнем или другим чем сделанные, никаких фигур не означающие, которые простолюдины толкуют подтверждением сего предсказания». Кутузов и тут пообещал государю по окончании инспектирования полков непременно найти «источник сего коварства»⁶². Но если что-то действительно интересовало Михаила Илларионовича посреди «веселой» жизни в Вильне, то это были, бесспорно, известия о его старом сослуживце А. В. Суворове. 11 июня 1799 года он писал жене из Фридрихсгама: «Благодарю тебя, мой

друг, за письмо от 8 числа и за вести добрые о Суворове, которому дай Бог...»; 26 августа 1799 года, имея, по-видимому, в виду победу Суворова под Нови 4 августа 1799 года, Кутузов писал жене: «Благодарю за известие о разбитии Моро», а 2 сентября 1799 года писал ей снова о А. В. Суворове: «Реляций в русских газетах также нету о последнем Суворова деле (речь снова шла про Нови. — Л. И.), что мне также обидно»⁶³. Обстановка на театре военных действий была непростой: в то самое время, когда успех, казалось, увенчал действия союзников, Австрийский кабинет принял решение удалить Суворова из Италии в Швейцарию, чтобы взять в свои руки полный контроль над Италией. В силу нового распоряжения Суворов должен был перейти через Альпы в Швейцарию и здесь во главе армии, состоявшей в основном из русских, вести боевые действия против генерала А. Массены. Этот поход, «лебединая песня» Суворова, длился всего 16 дней, однако он навсегда остался в летописях русской военной истории как одна из самых героических страниц. «Побеждая повсюду и во всю жизнь Вашу врагов Отечества, — писал император Павел I генералиссимусу Суворову в именном рескрипте, — не доставало Вам одного рода славы — преодолеть и самую природу. Но Вы и над нею одержали ныне верх: поразив еще злодеев Веры, попрали вместе с ними козни сообщников их, злобою и завистью против Вас вооруженных». Император верно охарактеризовал бедствия своих войск и своего полководца на чужбине. На этот раз они не приобретали новых земель: рыцарские чувства Павла I заставили его слепо доверять союзникам. Во времена грозного противостояния Павел I не допускал в своих союзниках расчетов алчности, корыстолюбия, стремления использовать победы русского оружия исключительно в своих мелких интересах, чтобы затем побыстрее избавиться от «воинов Севера». Именно по этой причине войска Суворова после краткой, но победоносной кампании в Италии оказались в середине сентября «налегке» в Швейцарских Альпах. После трудного перехода и жестоких стычек с неприятелем Суворов достиг своего первого сборного пункта у Муттенской долины, где узнал, что корпус А. М. Римского-Корсакова, на соединение с которым он спешил, был двое суток назад разбит под Цюрихом. Старый фельдмаршал с большим трудом пробился тогда через горы в Иланц и тут, наконец, собрал свои измученные и рассеянные силы...

Судя по рапорту Кутузова к Суворову, в начале 1800 года около Бреста скапливались войска, которые были назначены на укомплектование полков в армии Суворова. Но границу они так и не перешли. Более того, начиная с февраля через границу следовали полки, возвращавшиеся после

суворовских походов. Организация их маршей целиком легла на плечи Кутузова, и, судя по документам, опытный генерал отлично справился с этой непростой задачей: «Буде те полки <...> не имеют до сего на следование из Бреста до неперменных квартир маршрутов, я для каждого полку препровождаю при сем маршрут от себя <...> и как выходит некоторым из них итить в нескольких местах одним трактом, то, чтобы от общего движения не было в пути в квартирах недостатка или по малости домов обывателю совсем вытеснению, полагаю я выступить из Бреста в один день полкам мушкатерским Белецкого, графа Каменского и Повало-Швейковского 2-го, егерским Миллера 3-го и Титова 2-го <...> а на пятой день егерскому [полку] князя Багратиона. Поставляю сим ночлеги и растахи (дневки на походе. — Л. И.) не ближе одному до другого как чрез переход. Сообразно сему и о продовольствии оных полков на марше дал я литовским провиантским комиссионерам предписание...»⁶⁴ Виленский губернатор должен был не только впускать войска, но и преграждать им дорогу, когда речь зашла об эмигрантском корпусе Конде. 23 февраля 1800 года Павел I прислал предупреждение: «Господин генерал от инфантерии Голенищев-Кутузов. Так как корпус принца Конде не находится уже на нашей сольде, то и повелеваю Вам взять все Ваши меры, чтобы не впускать его в пределы империи нашей». Ввиду того, что Павел I замыслил выход из состава коалиции, корпус эмигрантов стал лишним в России, но в Митаве по-прежнему проживал Людовик XVIII, признанный Екатериной II в свое время королем Франции. Этого было достаточно, чтобы М. И. Кутузов испытывал почтение к падшему величию. 19 марта 1800 года он донес императору: «Следующий из Триеста в Митаву тамошний уроженец Попалек <...> остановлен по сомнению найденных при нем многих писем. <...> Я, предписав пропустить его сюда в Вильну, между тем воспользовался временем, отдав для перлюстрации те письма в секретную экспедицию почтамта литовского, от коих с достойных замечания снятые списки отправлены к действительному тайному советнику графу Ростопчину. Сии письма следовали частию к его величеству королю французскому, а частию к чинам свиту его составляющим. По прибытии же Попалека из Гродны в Вильну возвращены ему взятые у него письма и он отправился в Митаву, о чем имею Вашему Императорскому Величеству всеподданнейше донести»⁶⁵. Выговор не заставил себя ждать: во-первых, Павел I именовал обитателя замка в Митаве не Его Величеством, а графом Прованским, а во-вторых, сделал Кутузову взыскание за то, что он пропустил к нему почту. С точки зрения Михаила Илларионовича, это была

мелкая неприятность. Ему следовало принять меры, чтобы офицеры, вернувшиеся из чужих земель, не сделали непростительных промахов. В апреле он счел необходимым предостеречь генерал-майора Быкова от опрометчивости в выборе слов (на основании указа Павла I): «Для предосторожности, чтобы Ваше превосходительство в случающихся донесениях Ваших Его Императорскому Величеству не помещали некоторых слов, прилагаю Вам об оных <...> слова для замечания

не писать обозреть *а писать* осмотреть

выполнить — исполнить

степень — класс

пособие — вспоможение

стража — деташмент, команда

общество — собрание

гражданин — купец, мещанин

именитый гражданин — именитый купец или мещанин

25 апреля 1800 года».

Через три дня (28 апреля) наш герой получил очередной приказ императора: «Господин генерал от инфантерии Голенищев-Кутузов. Имев намерение сделать нынешний год в Гатчине осенний маневр с 1-го сентября, назначил я Вас командовать частью войск и извещаю Вас о сем, чтобы Вы заблаговременно могли прислать сюда Ваш экипаж. Адъютантов же Ваших всех можете взять с собою». Ответ Кутузова от 13 мая 1800 года состоял в следующем: «Назначение меня к осенним маневрам сего года в Гатчине быть имеющим, почитаю я, Всемиловейший Государь, выше всех военных наградений, мною в течение службы моей полученных. Употребление меня при войсках под оком Вашего Императорского Величества будет столько же полезно познаниям моим, сколько лестно моей репутации». Первый же вопрос, возникающий при прочтении этого документа: не розыгрыш ли это? Поверит ли император в то, что боевые награды, полученные из рук Екатерины II за Шумы, Очаков, Измаил, Мачин, менее ценны для генерала, чем гатчинские маневры? Что это: искренние чувства, издевательство над адресатом или низкопоклонство? Искренность чувств вызывает сомнение. Большинство современных историков видят в тексте письма лишнее подтверждение тому, что Кутузов был беспринципным, льстивым царедворцем, а может быть, он просто тосковал по своим детям и, зная, что у семьи нет средств приехать к нему, любой ценой хотел увидеть их: «Дай Бог, чтобы вы все были к моему приезду здоровы и обрадовались бы так, как я вам обрадуюсь... Как вы, я думаю, переменились, только не переменились ли вы против меня (ко мне.

— Л. И.), так ли вы меня целуете, как прежде...»

Кроме того, у нас есть возможность соединить текст письма с рассказом о том, что произошло на пресловутых гатчинских маневрах: «Одною частью войск командовал известный генерал Пален, а другою — М. И. Кутузов. К отряду первого подъехал император Павел. „Ваше превосходительство, — сказал он Палену, — позвольте мне находиться при вас не как Императору, а как принадлежащему к вашему отряду“. Обозревая в зрительную трубу войска противной стороны, император заметил, что Кутузов стоит вдалеке от войск своих, окруженный только адъютантами и самым малым числом конвоя. „Я возьму его в плен, я возьму его в плен, — повторял с усмешкой Павел, утешаясь будущим торжеством своим, — дайте мне, ваше превосходительство, только эскадрон кавалерии“. — „Из какого полка и какой именно эскадрон повелите, Ваше Величество?“ — спросил Пален. — „Какой будет вам угодно, ваше превосходительство, — отвечал Павел, — только один эскадрон, только один, и я возьму неприятельского главнокомандующего“. Пален назначил эскадрон гусар, и император, осторожно отделившись от общей массы, старался ехать с гусарами так, чтобы Кутузов не заметил этого движения. Избрав дальнюю дорогу вокруг лесов, он на пути твердил гусарам, чтобы они, огибая последний, бывший в виду у них лес, ехали как можно тише, остановились бы, где он прикажет, потом вдруг, по его знаку, скакали бы за ним и исполнили то, что он повелит. Так и было сделано. Объезжая последний лес, Павел удивлялся оплошности Кутузова, который нигде не поместил войск для своей личной безопасности. Достигнув конца леса, император остановил гусар и сам, из-за деревьев, высматривал положение главнокомандующего. В то время Кутузов оставался еще с меньшею защитою. Почти все адъютанты его и многие конвойные были разосланы. Показывая рукою в противную сторону, он последнему из адъютантов отдавал приказание ехать к войскам. Павел считал Кутузова в своих руках и крикнул: „За мной!“ — понесся, а вслед его бросились и гусары. Но только что они сделали это первое движение, вдруг, с одной стороны леса, с другой — из лощин между пригорками высыпали егеря и открыли такой страшный огонь, что гусары были сбиты, расстроены, и сам император увидел себя в необходимости сдаться со всем своим отрядом. Павлу, который за минуту [до того] ожидал торжества, было это неприятно. Он, уже как государь, повелел остановить стрельбу и один поехал к Кутузову. Вероятно, хитрый полководец заметил в трубу движение Павла или известился об этом через лазутчиков, и заранее приготовил засаду. „Хорошо, батюшка, хорошо, — говорил император, подъехав к Кутузову, —

я думал вас взять в плен, а вышло, что я у вас в плену!“ Несмотря на одобрение и ласку, Павел не мог вполне скрыть своей досады и, мрачный, возвратился к войскам Палена. После маневров генералы приглашены были в Павловск. Государь уже успокоился и был милостив. Весело встретив гостей в саду, в любимом своем павильоне, государь при всех рассказал о неудавшемся своем подвиге, подошел к Кутузову, обнял его и произнес: „Обнимаю одного из величайших полководцев нашего времени!“»⁶⁶. Вот таким он и был, Михаил Илларионович; «и один в поле воин». Прислал императору льстивое письмо, в котором благодарил за возможность приобрести полезные познания, а на маневрах показал, что учиться екатерининскому генералу у «гатчинского отшельника» было нечему. Характер государя был непредсказуем, и Кутузов, очевидно, готов был к наказанию. Но той осенью 1800 года что-то, по-видимому, подсказывало ему, что наказание будет недолгим. Слишком много военных съехалось в то время в Санкт-Петербург. «Англии была объявлена война, на имущество англичан наложено эмбарго и уже делались большие приготовления, дабы, в союзе с Францией, начать морскую войну с этой державой с открытием весенней навигации. Все эти обстоятельства произвели на общество удручающее впечатление»⁶⁷. В те самые дни граф Ф. В. Ростопчин сообщал графу С. Р. Воронцову в Лондон: «Я только убиваюсь, глядя на то, что делается и чему воспрепятствовать не могу. <... > Государь ни с кем не говорит ни о себе, ни о делах. Он не терпит, чтоб ему заикались о них; он отдает приказания и требует безусловного исполнения. Он хорошо знает, что его не любят. Ближайшие люди боятся его. Он обманут в своих сердечных привязанностях...»⁶⁸ Одной из «обманчивых» привязанностей был, безусловно, граф Иван Павлович Кутайсов, в екатерининские времена — пленный турок-брадобрей, подаренный цесаревичу Павлу Петровичу, сделал головокружительную карьеру высшего сановника и кавалера высших орденов. Расположения новоявленного вельможи искали многие, кто хотел упрочить свое положение при непредсказуемом императоре или просто избежать гнева последнего. Екатерина Ильинична, опасаясь за карьеру своего мужа, попала в весьма неприятную историю, когда решила задобрить метрессу графа Кутайсова актрису Шевалье. «Генеральша Кутузова, муж которой был некоторое время послом при турецком дворе, получила в Константинополе в подарок четыре нитки дорогих жемчугов. Но, так как ее муж нуждался в постоянном влиянии, чтобы поддержать себя, она подарила два ряда этих жемчугов госпоже Шевалье, а остальные два в

присутствии этой женщины отдала обеим своим дочерям. Несколько дней спустя должны были давать в Гатчине оперу „Панург“. Шевалье послала к генеральше Кутузовой с просьбою одолжить на этот вечер остальные жемчуга. Отказать ей не было возможности; но оперная принцесса забыла возвратить эти украшения, а генеральша не осмелилась ни разу ей о них напомнить»⁶⁹, — рассказывал немецкий писатель Август Коцебу, которому «посчастливилось» в царствование Павла Петровича провести несколько месяцев в ссылке в Тобольске. По-видимому, старания Екатерины Ильиничны все же не пропали даром. В конце 1800 года М. И. Кутузов сообщал жене: «Я вчера, друг мой, был у Государя и переговорил о делах, слава Богу. Он приказал мне остаться ужинать и впредь ходить обедать и ужинать; об тебе много раз говорил. А прощаясь со мною в кабинете, изволил сказать: „кланяйся Катерине Ильинишне и скажи, что я помню, сколь она мне всегда была предана, и ежели не могу ее непосредственно возблагодарить, то хотя тем, которые ей принадлежат“»⁷⁰. Михаилу Илларионовичу по-прежнему хотелось служить подальше от Петербурга, в тех местах, которые напоминали ему о лучшей поре его жизни. «Инспекции же Украинской, Брестской и Днестровской быть под начальством генерала от инфантерии Голенищева-Кутузова, которым и быть готовым к выступлению в поход по первому повелению...» — было сказано в высочайшем приказе. Очевидно, предполагалось, что войскам Кутузова придется сражаться с австрийцами. По иронии судьбы Россия снова была накануне войны, но уже не в союзе с Австрией и Великобританией против Франции, напротив — в союзе с Францией против Австрии и Великобритании.

«Генерал Бонапарт, став первым консулом, обратился к прусскому королю со словами: „мы просим его оказать лишь одну услугу — примирить нас с Россией“». Перед Павлом I, по словам академика А. З. Манфреда, «открылись два возможных пути решения французской проблемы: соглашение с существующим французским правительством, с первым консулом Бонапартом, что означало сговор против Англии и Австрии, или же к традиционной и, с точки зрения Романовых, Габсбургов, Гогенцоллернов, принципиальной политике восстановления на французском троне „законной“ династии Бурбонов. <...> Павел I пришел к заключению, что государственные, стратегические интересы России должны быть поставлены выше отвлеченных принципов легитимизма»⁷¹. Заметим, замечательный исследователь несколько преувеличил приверженность коронованных особ Европы принципам легитимизма:

самый консервативный представитель в монархической семье — Фридрих Вильгельм III еще в 1795 году заключил сепаратный Базельский мир с Францией. На «границах веков» войны «во имя принципов» (Наполеон) давно уже сменились соперничеством государств, а не доктринами. По мнению современного исследователя Э. Крейе, «скорее ситуация складывалась так, как если бы эгалитарная Франция, либеральная Англия, автократическая Россия, бюрократическая Пруссия и династическая Австрия, которые глубоко различались своим внутренним устройством, вовлеклись в бескомпромиссную борьбу за контроль над более слабыми государственными образованиями старой Европы и ее колониальными придатками»⁷². По мнению австрийских дипломатов, ответственной за разрушение баланса сил в Европе была не только революционная Франция. «Разумеется, территориальные захваты нужно было у Франции изъять, но и Англия сделала так много завоеваний, что мир может быть обеспечен только в том случае, если эта держава откажется от них...»⁷³. Против Англии Бонапарт должен был воздвигнуть такой союз, который уничтожил бы и ее торговлю, и ее военный флот. Именно поэтому он и обратился к «рыцарю XVIII столетия» Павлу I. Объектом удара должна была стать, как выразился Наполеон, «жемчужина Британской империи» — Индия. «Неистовый корсиканец предложил и конкретный план совместных действий. Два контингента, французский и русский, общей численностью в семьдесят тысяч, начинают наступление с двух сторон. Россия движется на юг, чтобы атаковать англичан с Севера, а французы следуют на судах по Дунаю, Черному морю и высаживаются в районе Таганрога, откуда далее следуют через Царицын и Астрахань на судах по Каспию до Астрабада...» — пишет А. Н. Боханов⁷⁴. Далее автор рассуждает: «Осуществление данного грандиозного международного проекта способно было в корне изменить расстановку международных сил, сведя роль Британии на уровень заурядной державы»⁷⁵. 26 февраля 1801 года дано было неопровержимое доказательство, что Россия готовится нанести Англии удар. В газете «Санкт-Петербургские ведомости» появилась статья, где об этом говорилось почти открыто. С нашей точки зрения, Павел I, как всегда, поторопился, но Бонапарта это устраивало. Первый консул в указанное время был озабочен тем, как эвакуировать из Египта остатки своей армии, блокированной британцами. Перспектива англо-русских столкновений на берегах Инда устраивала его не только как отвлекающий маневр. Французский историк начала XX столетия так характеризовал восточную политику Наполеона: «...он не хотел допустить Россию к Средиземному

морю и не был расположен делить с нею древний римский мир. Это составляло главную суть его восточной политики как до Тильзита, так и после него. <...> Всем известна знаменитая записка Талейрана из Страсбурга к Наполеону в октябре 1805 года: предугадывая положение Австрии, министр советовал императору заключить с нею прочный мир, представив ей условия, которые могли бы ею быть приняты. Австрию, изгнанную из Италии и Германии, достаточно было бы вознаградить на востоке, у нижнего Дуная; там она нашла бы для себя новое поприще и сделала бы грозною соперницею России, двинув последнюю к Азии. Россия, в свою очередь, отодвинутая от Дуная и Босфора, была бы принуждена войти в глубь Азии и стала бы там страшной соперницей Англии на границах Индии»⁷⁶. Таким образом, Павел I готов был добровольно сделать то, к чему Россию можно было принудить только силой: отказавшись от военного и политического наследия Петра и Екатерины Великих, уйти в Азию сражаться с англичанами на радость первому консулу! А. Н. Боханов, в отличие от современников, тем не менее восхищен военной предусмотрительностью Павла Петровича: «Не забыл Самодержец и о возможных английских атаках на территории России. Так как Балтика для англичан была закрыта — Дания и Швеция никогда бы не пропустили английские корабли, то самым уязвимым представлялось *северное направление* (выделено мной. — Л. И.). Потому Император отдал распоряжение об укреплении форпоста России на Белом море — Соловецкого монастыря»⁷⁷. «Предусмотрительность» нашего государя закончилась плачевно для датчан: по весне в акваторию Балтики вошла британская эскадра, в состав которой входил отряд линейных кораблей под командованием знаменитого лорда Нельсона. Будущий победитель при Трафальгаре, в отличие от «предусмотрительного» Павла I, так оценил ситуацию с балтийскими флотами: «Я смотрю на Северную лигу, как на дерево, в котором Павел составляет ствол, а шведы и датчане — ветви. Если мне удастся добраться до ствола и срубить его, то ветви отпадут сами собою...» Однако Нельсон получил приказ сначала «срубить ветви»: Дания вышла из состава Северной лиги после того, как датский флот был разбит у Копенгагена, а в апреле корабли Нельсона уже стояли на рейде у Ревеля. После убийства Павла I его сын, по мнению А. Н. Боханова, вел себя неадекватно. «Однако рыдания прекратились очень быстро, и без всяких околичностей Александр I спросил: „Где казаки?“ Кто ему суфлировал? Кто наставлял спешно заняться этим делом?» — возмущенно вопрошает А. Н. Боханов. Думается, что это были взволнованные жители Северной

столицы, которым не хотелось подвергнуться печальной участи датчан в то время, как предусмотрительность теперь уже бывшего императора учла все неожиданности в районе Соловецкого монастыря.

В то время как отношения с Англией балансировали на грани войны, произошло странное событие, в центре которого неожиданно оказался Михаил Илларионович, почти ежедневно бывавший при дворе. 18 декабря 1800 года в «Санкт-Петербургских ведомостях» (в немецкоязычном варианте) был напечатан дуэльный вызов в редакции самого Павла I и в переводе А. Коцебу. 4 января 1801 года (как говорится, с Новым годом!) этот текст был переиздан в «Гамбургском корреспонденте»: «Из Петербурга сообщают, что Император России, видя, что державы Европы не могут прийти к согласию, и желая прекратить войну, которая бушует уже 11 лет, намеревается предложить место, куда пригласить всех других властителей, чтобы сразиться с ними на турнире, имея при себе в качестве оруженосцев, судей и герольдов самых просвещенных министров и самых искусных генералов, таких как господа Тугут, Питт, Бернстроф; сам Он намеревается взять с собой генералов гр. Палена и Кутузова». Сам Август Коцебу вспоминал: «Дочитав, Павел залился хохотом, сотрясая занавески и чуть приседая». «Вскоре за российским Императором захохотала и Европа. <...> В придворных кругах это событие было расценено как очередной признак душевного слабоумия и опасный симптом болезни, грозящей, если уже не поразившей самодержца. Сумасшедший монарх бесконтролен и опасен. Иностранные послы слали депеши в свои столицы: „...император поврежден...“, „сумасшедший“, „маньяк“, „безумец“. Можно сказать, что общественное мнение было уже подготовлено к смене российского правителя»⁷⁸. «После публикации в Гамбурге дуэльный демарш российского монарха немедленно переключался в зарубежные издания. „The Morning Chronicle“ 26 января отмечала: „Она (статья) очень явно намекает на безумие императора. <...> Создается впечатление, что министры Павла желают объявить о его безумии, чтобы подготовить общественное мнение к его смещению, которое, если статья является подлинной, полагаем, и должно скоро случиться, если это уже не произошло. <...> Интересы нации нельзя доверять тем, кто не способен контролировать собственное поведение. <...> На трон, вероятно, будет возведен его старший сын <...>»⁷⁹. После разъяснилось, по инициативе того же Павла I, что знаменитый картель был «всего лишь пьяной выходкой»! «Какой счастливой должна быть страна, где правит столь остроумный монарх!» — злословили в иностранной печати. Полная картина событий, свидетелем и участником

которых был и Михаил Илларионович, предстает перед нами из письма графа П. А. Палена от 2 января 1801 года. 14 декабря при дворе состоялось торжество, «рождественское застолье». В Петербурге находился с визитом шведский король Густав IV Адольф, с которым велись переговоры как раз о создании Северной морской лиги, которая оказалась весьма недолговечной. Но в тот зимний день об этом и не думали. 14 декабря в эрмитажном театре состоялся спектакль «Гастон и Баярд» французского драматурга П. Л. де Беллуа. После спектакля Густаву Адольфу был дан прощальный ужин на 28 персон. Среди гостей находилась почти вся свита шведского короля; с российской стороны за столом присутствовали великие князья, граф Пален с супругой и М. И. Кутузов. Под впечатлением от спектакля, разгоряченный вином, император предложил разрешить европейскую войну серией поединков и указал на Кутузова и Палена, которые сидели за столом друг против друга, как на секундантов: «Вот мои секунданты!» Коцебу, как и Беллуа, был автором пьесы «Баярд», которую он издал через год после гибели Павла, а посвятил ее не кому иному, как М. И. Кутузову. «Текст посвящения гласил: „Славному полководцу и другу немецкой музыки, Русскому императорскому генерал-аншефу, Столичному генерал-губернатору, Кавалеру Ордена Св. Андрея Первозванного и прочих, Господину графу Кутузову посвящается это историко-драматическое описание славного полководца давних времен, благодарным и глубоко уважающим автором“»⁸⁰. Авторы исследования о необычной выходке «русского Гамлета» пришли к убедительному выводу: «Когда вся Европа смеялась над предложением Павла решить международные споры путем гамбургского поединка глав государств, Российский император говорил придворным: „Зачем гибнуть целым народам, когда может погибнуть всего один человек“. Придворные поняли совет буквально, и, сочтя правление Павла гибельным для страны, убили венценосца»⁸¹.

М. И. Кутузов, как накануне смерти Екатерины Великой, провел во дворце вечер и накануне убийства Павла I. Генерал А. Ф. Ланжерон даже записал его рассказ: «Мы ужинали вместе с Императором. Нас было 20 человек за столом. Государь был очень весел и много шутил с моей старшей дочерью (Прасковьей. — Л. И.), которая в качестве фрейлины присутствовала за ужином и сидела против Императора. После ужина он говорил со мною, и пока я отвечал ему несколько слов, он взглянул на себя в зеркало, имевшее недостаток и делавшее лица кривыми. Он посмеялся над этим и сказал мне: „Посмотрите, какое смешное зеркало; я вижу себя в нем с шеей на сторону. Это было за полтора часа до его кончины“». Знал ли

генерал о заговоре против императора? «Кутузов не был посвящен в заговор», — записал А. Ф. Ланжерон. Однако если вспомнить, что Михаил Илларионович был очень наблюдательным человеком, чутко улавливавшим настроение тех, с кем общался, можно в этом и усомниться. Как он воспринял результат заговора? С кем он мог без опасений обсуждать все происшествия? Пожалуй, лишь с верным другом Екатериной Ильиничной, которая в 1802 году вела путевой дневник. После посещения Оружейной палаты она внесла туда следующие строки: «С удивлением рассматриваем все с благоговением — подходим к платьям, в которых добрые Цари короновались. С необыкновенным восторгом подхожу к платью Екатерины Второй, и некая невидимая сила заставляет облобызать его. Свидетельница блага общего! И творец особенно моего и детей моих! Прими жертву сердца моего, тебе всегда посвященного! Бессмертная душа твоя, да увидит, что при малейшем напоминании имени твоего слезы благодарности не престанут течь из глаз моих! Кажется, что прикасалось великой Монархини сей, все имеет отменное, нечто величественное! Вот действия сильного впечатления, коея действия оставили на современников Ея впечатления должного переселиться и в потомство наше, которое что-то божественное будет видеть во всем, что прикасалось Великой Монархини Сей! Спокойся, Душа Великая! Россия счастлива, Ангел мира, внук твой ею правит и слава Ею царствовать по Закону и что больше, по сердцу твоему, есть услаждением нашим»⁸². Следовательно, Михаил Илларионович был уверен в том, что Александр и есть законный наследник Екатерины II.

Глава девятая

ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОР СЕВЕРНОЙ СТОЛИЦЫ

Итак, мы знаем, что наш герой не шел сырой мартовской ночью под крик воронья к Михайловскому замку, не врвался в спальню к несчастному императору, погибшему от рук своих подданных, среди которых было немало знакомых Кутузову людей. Это был генерал от кавалерии граф П. А. фон дер Пален, в одно время с Кутузовым некогда обративший на себя благожелательное внимание принца де Линя, тем временем потерявшего в вихре революции всё: сына, родовое имущество, отечество. Дела же графа Палена шли в гору: он был первым по значимости лицом в Северной столице после императора, вознесшего эстляндского барона на высшую степень могущества, откуда тот успешно руководил заговором против своего государя. В числе заговорщиков оказался приятель Михаила Илларионовича, барон Леонтий Леонтьевич Беннигсен, «последний кондотьер на русской службе». Подданный английского короля, так и не принявший российского гражданства, он настолько прикипел к своему новому Отечеству, что, оказавшись в немилости у императора Павла, не захотел возвращаться в родовое имение Бантельн в Ганновере, коротая дни в отставке в имении Закрете под Вильной, купленном там в память об удачно произведенной атаке русской конницы на польскую кавалерию в 1793 году. С генералом Беннигсеном Кутузова связывали долгие годы дружбы, пока в 1812 году «честолюбивые виды» не превратили обоих военачальников в злейших врагов: как говорил впоследствии герцог Веллингтон, «на вершине нет друзей». По Петербургу ходили слухи, что Беннигсен сыграл не последнюю роль в устранении Павла I с престола, хотя он оказался втянутым в цареубийственный заговор против воли. Ганноверца, по его же словам, подвела профессиональная привычка делать все на совесть; «привыкнув быть всегда впереди своего полка, я и здесь оказался впереди маленького отряда», — рассказывал впоследствии «длинный Кассиус», как назвал его немецкий поэт В. Гёте за причастность к «истории 11 марта». Активное участие в заговоре приняли братья Зубовы, приехавшие в столицу по приглашению все того же графа Палена, под предлогом примирения с императором. «Я разрешил тебе вернуться в Петербург, а ты пришел меня убивать?!» — крикнул император

графу Валериану Зубову. Михаил Илларионович не мог не удивляться, узнав о том, что смертельный удар — массивной золотой табакеркой в висок — нанес Павлу I граф Н. А. Зубов, зять его почтенного соратника А. В. Суворова, скончавшегося в 1800 году. Участники дворцового переворота были так ожесточены против своей жертвы, что едва не упустили из виду, что, по официальной версии, император не был свергнут с престола, как некогда его отец, а скончался «апоплексическим ударом». «Заставили Козицкого написать Манифест о восшествии на трон Александра, — рассказывал А. М. Тургенев. — Козицкий написал Манифест, который остался бы на вечные времена укором и посрамлением императору Александру. Козицкий, объявляя о кончине императора Павла, последовавшей от апоплексического удара, высчитывал действия покойного. <...> Троцкий остановил тиснение сего Манифеста, написал другой и одним словом: „Буду царствовать по стопам любезной бабки нашей, в Бозе почившей Императрицы Екатерины“, — сими словами Троцкий приковал пламенную любовь сердца к младому их императору <...>»¹.

С первых же дней нового царствования Кутузов, по-видимому, пользовался доверием молодого государя. Но 16 апреля 1801 года, посреди всеобщего ликования, связанного со вступлением на трон молодого, великодушного царя, «екатерининский орел» осмелился высказать неудовольствие монарху, отступившему от обещания царствовать «по духу Екатерины». В письме генерал-прокурору Сената А. А. Беклешову «угодливый» и «льстивый придворный» предстал совсем в ином виде, гневно, хотя и в рамках приличий, опротестовав милостивое разрешение государя о возвращении в Россию участников Польского восстания 1794 года: «Литовский гражданский губернатор представляет ко мне, что по получении там всемилостивейшего Его Императорского Величества манифеста, в 15-й день марта состоявшегося, о прощении всех из России бежавших и в Молдавии, и в прочих заграничных местах скрывающихся, и о дозволении возвратиться восвояси, некоторые из тамошних первостепенных дворян отнесли к нему с вопросом, могут ли сею высокомонаршею милостию воспользоваться также те из литовских дворян, кои по участию в делах последнего в Польше мятежа скрылись за границу и коих после высочайше запрещено было впускать в пределы России. <...> Я <...> равномерно нахожусь в затруднении сделать разрешение на возврат их в отечество, тем паче, что о невпуске их в пределы России были особенные запрещения от Ее Императорского Величества блаженные памяти покойной Государыни Императрицы

Екатерины Алексеевны, и что имения некоторых из них, яко бывших уже подданных российских по губерниям Минской, Волынской и Подольской и присоединившихся потом к мятежникам, за нарушение верности присяги конфискованы и всемилостивейше пожалованы разным особам *в венное и потомственное владение* (выделено мной. — Л. И.)»². Манифест государя касался и его, генерала от инфантерии Голенищева-Кутузова, потомственных владений. Кутузов с явным пренебрежением относился к тому факту, что покойный Павел I, вступив на престол, сразу же объявил амнистию вождю восставших Т. Костюшко, заключенному в крепость. Трогательная сцена, происходившая в присутствии цесаревича Александра Павловича, по-видимому, не произвела ни малейшего впечатления на М. И. Кутузова. Между государем и подданным еще не возникло конфликта, но первая ласточка непонимания уже пролетела. Пока же Кутузов по-прежнему находился в Петербурге, продолжая руководить Виленской губернией и Украинской инспекцией из Северной столицы, где он выполнял и другие не менее важные обязанности. Прежде всего, следовало разрядить тревожную обстановку в городе, сложившуюся в результате разрыва дипломатических отношений с Англией. Эскадра адмирала Нельсона появилась на Балтике через неделю после смерти Павла I. Военные действия были предотвращены мирными переговорами, закончившимися 5 июня 1801 года подписанием англо-русской конвенции. 11 июня 1801 года Кутузов доносил Александру I: «Во исполнение высочайшего Вашего Императорского Величества повеления, объявленного мне генералом от кавалерии графом Паленом в 11-й день сего июня, чтоб войски, содержащие кордон по берегам Финского залива, были сняты и возвращены на прежние квартиры, вследствие чего предписал я сего ж числа финляндскому инспектору генерал-лейтенанту князю Волконскому 3-му, чтоб занимаемые кордон по берегам Финского залива войски возвратились в прежние свои квартиры <...>»³.

Как только внешняя угроза миновала, император принял решение «скорректировать» свои отношения с подданными, которые, не ограничившись деятельным участием в дворцовом перевороте, намеревались и дальше диктовать ему свои условия. В этом непростом деле Александр Павлович также обратился к помощи генерал-прокурора Беклешова, одного из близких М. И. Кутузову людей, «простого псковского дворянина». 9 июня 1799 года Михаил Илларионович писал жене из Фридрихсгама: «Я живу здесь у Сергея Андреевича Беклешева, и он предорогой человек и редкий нрав»⁴. Не Кутузов ли, на время

обосновавшись в Петербурге, посоветовал государюверить высокий пост в государстве его брату, не менее достойному человеку? Князь Адам Чарторыйский, один из «молодых друзей» Александра I, вспоминал о той поре: «Между тем одна из важнейших должностей государства — генерал-прокурора Сената, которому подчинены были внутренние дела, юстиция, финансы и полиция, — была вакантна после удаления одного из павловских фаворитов, который ее занимал. Император Александр сделал удачный выбор, назначив на эту должность генерала Беклешова, который в это время находился в Петербурге, будучи вызван сюда Императором Павлом. <...> Это был русский старого закала, по внешним приемам человек грубый и резкий, не говоривший по-французски или, по крайней мере, не понимавший этого языка, но который под этой суровой внешностью обнаруживал твердость и прямоту и обладал чутким отзывчивым сердцем. Общественное мнение создало ему репутацию благородного человека, которую он сохранил даже во время своего управления (в качестве генерал-губернатора) польскими юго-западными губерниями. <...> Беклешов умело пользовался своей властью, проводя начала справедливости в применении правосудия. Он был совершенно чужд политических партий и не принимал никакого участия в заговоре, что являлось особенною заслугою в глазах императора Александра, который относился к нему с полным доверием и однажды откровенно высказал ему, насколько он тяготится ролью Палена. Беклешов отвечал Государю со свойственной ему резкостью, выражая совершенное недоумение при мысли, что самодержец на что-то жалуется и не решается высказать своей воли. „Когда мне досаждают мухи, — сказал он Государю, — я просто их прогоняю“. Вскоре после этого Александр подписал указ, в котором Палену повелевалось немедленно оставить Петербург и выехать в свои поместья. Беклешов, бывший с ним, как в прежние времена, так и теперь в дружественных отношениях, в качестве генерал-прокурора, взялся вручить ему указ вместе с повелением выехать из столицы в 24 часа. На следующий день рано утром Беклешов явился к Палену, разбудил его и передал волю Императора»⁵.

Тем самым Александр I разделил «екатерининских орлов» на тех, кто физически устранил его отца, и тех, кто хотя бы формально не был причастен к заговору. Для императора это было важно, а для «екатерининских орлов» важной была не судьба Павла I, а их преданность Екатерине, память которой оскорбил ее сын. Многим из них поступок внука их благодетельницы казался вероломством. «Не так действовала Императрица Екатерина, — говорил граф Валериан Зубов. — Она открыто

поддерживала тех, кто ради ее спасения рисковал своими головами. Она не задумалась искать в них опору и благодаря этой политике, столь же мудрой, сколь предусмотрительной, она всегда могла рассчитывать на их безграничную преданность. Обещая с первых дней вступления на престол не забывать оказанных ей услуг, она этим приобрела преданность и любовь всей России. Вот почему, — продолжал Зубов, — царствование Екатерины было столь могущественным и славным, потому что никто не поколебался принести величайшую жертву для Государыни, зная, что он будет достойно вознагражден. Но император Александр своим двусмысленным, нерешительным образом действий рискует самыми плачевными последствиями; он колеблется и охлаждает рвение своих истинных друзей, тех, которые только желают доказать ему свою преданность. Граф Зубов затем прибавил, что „императрица Екатерина категорически заявила ему и его брату, князю Платону, что на Александра им следует смотреть, как на единственного законного их Государя, и служить ему и никому другому верой и правдой“, — вспоминал князь А. Чарторыйский, добавляя при этом, — но они, очевидно, не знали, что Александр и даже великий князь Константин вовсе не были проникнуты по отношению к своей бабке тем чувством, которое они в них предполагали»⁶. Михаилу Илларионовичу еще предстояло совершить для себя неприятное открытие: вовсе не грозное самодурство отца препятствовало Александру Павловичу следовать во всем примеру царственной бабки.

18 июня последовало высочайшее повеление: «Генерал от инфантерии Голенищев-Кутузов назначается С.-Петербургским военным губернатором»⁷. Для Кутузова настало время расставаться со старыми приятелями: отрешенный от поста военного губернатора, глава «цареубийственного заговора» граф П. А. фон дер Пален был отправлен в отставку, а барон Л. Л. Беннигсен отбыл в Вильну, с назначением на пост, который до него занимал М. И. Кутузов. На последнего, помимо военного губернаторства, обрушился целый поток обязанностей. Указ Сената от 30 июня, по выражению, употребленному в документе, «изображал» следующее: «Санкт-Петербургскому военному губернатору генералу от инфантерии Голенищеву-Кутузову всемилостивейше повелеваем управлять в здешней губернии гражданской частью»⁸. 10 июля 1801 года последовало высочайшее повеление о назначении генерала от инфантерии Голенищева-Кутузова инспектором Финляндской инспекции⁹. Это означало, что его командованию вверялись все войска, дислоцированные на Карельском перешейке. 22 июля того же года последовал новый указ Сената, в котором

было сказано: «Всемиловитейше повелеваем управлять гражданской частью в Выборгской губернии вместе с Санкт-Петербургскою генералу от инфантерии, здешнему губернатору Голенищеву-Кутузову»¹⁰. Михаил Илларионович должен был ежедневно являться к государю с докладами об обстановке в Северной столице. Обязанности генерала были весьма обширны: «контроль за состоянием гарнизона города, проведение парадов, смотров и инспекций, караульная и патрульная служба, надзор за работой полиции, хозяйственная и культурная жизнь столицы и многие другие заботы»¹¹. Он разбирал жалобы населения, следил за положением дел в госпиталях, больницах, военно-сиротских домах, разрабатывал положение и штат городской думы в столице, о чем докладывал в Сенате; «содействовал работе петербургского Вольного экономического общества по вопросам земледелия и сельского хозяйства. <...> Оказывал практическую помощь в строительстве Казанского собора, провиантских магазинов на Фонтанке <...>», а также вел учет урожая в Выборгской губернии, содействовал шведскому послу в пропуске через границу невывезенного прошлогоднего хлеба, расследовал происшествия, связанные с нарушением торговли в приграничной зоне...

11 июля 1801 года император поставил на вид Кутузову: «С крайним неудовольствием доходит до сведения Моего, что карточная азартная игра, многими законами запрещенная и никаким благоустроенным правительством не терпимая, к сожалению, производится в здешней столице без зазору и без страха. Признавая зло сие вреднейшим в своих последствиях, нежели самое открытое грабительство, коего она есть благовидная отрасль, и зная, сколь глубоко при малейшем попусчении может оно пустить свои корни в сих скопищах разврата, где толпа бесчестных хищников с хладнокровием, обдумав разорение целых фамилий, из рук неопытного юношества или нерасчетливой алчности одним ударом исторгают достояние предков, веками службы и трудов уготованное, и, ниспровергая все законы чести и человечества, без угрызения совести и с челом бесстыдным нередко поглащают даже до последнего пропитания семейств невинных, я признаю справедливым обратить всю строгость закона на сие преступление <...>»¹². Кутузов, естественно, немедленно отдал приказ «<...> господам инспекторам во всех домах обывателям учинить с таким в подписках подтверждением, чтоб не только обыватели, а в домах ныне живущие, запрещенных азартных игр не производили <...>». Но рассчитывать на немедленное исполнение приказа не приходилось: азартные игры в царствование Александра I

процветали повсеместно, особенно в военной среде, где привычке рисковать жизнью неразрывно сопутствовала привычка рисковать деньгами. В соответствии с этими же нормами жизни в Александровскую эпоху участились случаи дуэлей, с которыми сделалось вдвойне труднее бороться после недавнего «картеля» покойного императора, адресованного монархам Европы; особые сложности в этом деликатном «вопросе чести» должны были возникнуть перед генерал-губернатором Голенищевым-Кутузовым, которому покойным императором отводилась роль секунданта. Однако Михаил Илларионович пытался и здесь принять неотложные меры, производя тщательные расследования по каждому случаю поединков: «<... > В недавнем времени имели дуэли лейб-гвардии Конного полку офицер Влодек с каким-то Растворовским, которого состояния по краткости времени еще не успел узнать, а вчерашнего числа на Каменном острове лейб-гвардии Семеновского полку поручик князь Голицын и Двора Вашего Императорского Величества камергер Давыдов, из коих сказывают последние оба легко ранены, а из первых Растворовский по лицу нелегко изрублен. О сих дуэлях, по произведении их скрытнейшим образом, ни от полиции и ниоткуда из другого места формального рапорта не имею. Об истине и подробности сих происшествий изыщу я обстоятельно и тогда буду иметь счастье Вашему Императорскому Величеству вновь всеподданнейше донести»¹³. Но как было полностью предотвратить явление, которое через несколько лет превратилось в «визитную карточку» той поры, о чем свидетельствовал князь С. Г. Волконский: «В царствование Александра Павловича дуэли, когда при оных соблюдаемы были полные правила общепринятых условий, не были преследуемы Государем, а только тогда обращали на себя взыскание, когда сие не было соблюдено, или вызов был придижкой так называемых *bretteurs*; и то не преследовали таковых законом, а отсылали на Кавказ. Дуэль почиталась Государем, как горькая необходимость в условиях общественных. Преследование, как за убийство, не признавалось им, в его благородных понятиях, правильным»¹⁴. В то время когда М. И. Кутузов был первым генерал-губернатором Санкт-Петербурга при Александре I, молодой монарх еще не сознавал устойчивости многих привычек в военной среде и требовал невыполнимого. Кутузов был старше, мудрее и полагался на время, которое на занимаемом им посту оказалось недолгим...

В августе 1802 года последовало повеление императора об отстранении М. И. Кутузова от обязанностей генерал-губернатора. Император назначил на этот пост генерал-фельдмаршала графа М. Ф.

Каменского, которого, в свое время, «служба была негодна Екатерине» и к которому «неуважение имел» Потёмкин¹⁵. Его помощником и начальником петербургской полиции был назначен генерал-адъютант Е. Ф. Комаровский. «Обращает на себя внимание то, — справедливо пишет историк, — что эти поспешные перемещения в петербургской администрации были сделаны императором с демонстрацией открытой немилости в отношении Михаила Илларионовича: свое повеление монарх не направил ему лично, а передал через вновь назначенного губернатора»¹⁶. Действительно, гнев государя был, что называется, налицо. Тема неприязни между императором Александром I и великим полководцем издавна стала «общим местом» в биографии Михаила Илларионовича Кутузова. Причем в отличие от многих тем, возникших в связи с идеологическими запросами общества, история этого личностного противостояния имеет чрезвычайно долгую традицию. Можно сказать, что всякий раз, когда мы упоминаем рядом имена государя и подданного, мы подразумеваем разделявший их глубокий антагонизм, отраженный даже в фамильных преданиях. Так, известный исследователь-нумизмат В. Бартошевич, ссылаясь на рукопись Записок правнука фельдмаршала Д. И. Толстого, сообщал по поводу последнего: «Придворный высокого ранга (второй церемониймейстер императорского двора), человек убежденно преданный монархической идее и чуждый какой бы то ни было фронде, он в своих автобиографических записках заметил: „...в нашей семье было признано, что цари *преемственно* (выделено в тексте. — Л. И.) старались всегда ослабить популярность Кутузова и по возможности затемнить его заслуги перед родиной“»¹⁷. От себя добавим, что, в отличие от многих семейных легенд, эта восходит к многочисленным свидетельствам современников. Нет ничего удивительного, что и современники, и историки пытались исследовать причины этой устойчивой неприязни. Некоторые современники первопричиной считали поражение русской армии при Аустерлице в 1805 году, когда Кутузов не смог отговорить Александра I от преждевременного вступления в битву с Наполеоном. Сам государь немало способствовал версии об угодливом, льстивом и безвольном старике: «Я был молод и неопытен; Кутузов говорил мне, что нам надо было действовать иначе, но ему надо было быть в своих мнениях настойчивее». С течением времени в историографии, помимо Аустерлица, стала превалировать другая точка зрения, что государь и Кутузов не сошлись во взглядах на военное искусство: Кутузов был учеником Суворова, во всяком случае, исповедовал передовые взгляды на военную стратегию и тактику, в то время как Александр I, как и его отец,

был приверженцем «пруссачества» и увлекался «парадной войной». «Сей злокозненный прусский дух погубил двух императоров, но жив до сих пор. Русский одевался в свои национальные одежды и в них прославился. Он носил короткие волосы, движения его были исполнены достоинства. Вместо сего теперь затягивают его во фрак, а вернее сказать, запирают в футляр, который не дает пошевелиться. Над нынешними русскими панталонами смеется вся Европа. <...> Все русские офицеры, с которыми я разговаривал, в один голос говорят, что с военным делом покончено», — сообщал в письме от 9 августа 1807 года Ж. де Местр. Естественно, что версия противостояния двух военных школ становилась все более актуальной по мере нарастания противоречий между Россией и Германией (канун Первой мировой войны, а о Второй мировой войне и говорить не приходится). Эта версия только укреплялась с годами, в советское время приобрела статус основной, к ней прибавились классовый подход и вульгарная социология. Факты упорно показывают, что неприязнь родилась раньше и восходит к пребыванию Кутузова на посту генерал-губернатора Петербурга. Само за себя говорит письмо Михаила Илларионовича от 24 августа 1802 года: «Сколь и тяжко мне видеть над собой гнев кроткого Государя, и сколь ни чувствительно, имев пред сим непосредственный доступ, относиться чрез другого, но, будучи удостоверен, что бытие мое и силы принадлежат не мне, но Государю, повинуюсь без роптания в ожидании его священной воли. Но ежели бы Вашему Императорскому Величеству неугодна была вовсе служба моя, в таком случае всеподданнейше прошу при милостивом увольнении воззреть оком, человеколюбивому Александру свойственным, на службу мою, больше как сорокалетнюю в должностях военных и других, долго с честью отправляемых; на понесенные мною раны; на многочисленное мое семейство; на приближающуюся мою старость и на довольно расстроенное мое состояние от прехождения по службе от одного в другое место; и на беспредельную приверженность к особе Вашей, Государь, которую, может быть, застенчивость моя или образ моего обращения перед Вашим Императорским Величеством затмевает»¹⁸. Кутузов не скрывает негодования на отца Александра I — почившего в бозе Павла Петровича, который действительно «гонял» с места на место вздорными указами генерала, растратившего в этих поездках без пользы для Отечества все, что нажил годами трудов при Екатерине. Из опасения лишиться всего, чем он дорожил, Михаил Илларионович не смел указать эгоцентричному монарху, что люди, служившие опорой трона, пробивали себе дорогу, рискуя жизнью, в то время как Павел I, подобно азартным картежникам, против

которых ополчился Александр I, бездумно «исторгал» у них «достояние». Екатерина же II поддерживала их материально, обеспечивая соответствующий общественному статусу образ жизни, к которому привыкли и Кутузов, и его супруга, и их дети.

«Действительную причину отставки Кутузова документально установить трудно. Единственным письменным свидетельством по этому вопросу являются записки генерал-адъютанта Е. Ф. Комаровского, который сообщает, что Александр I был недоволен М. И. Кутузовым за неудовлетворительное состояние столичной полиции, допустившей, якобы, несколько случаев грабежа в городе, причем эти случаи остались нераскрытыми, грабителей не удалось обнаружить. Однако это сообщение нельзя признать достаточным для разъяснения причины отставки: подобные случаи нередко имели место и до назначения Кутузова столичным губернатором»¹⁹. К тому же Комаровский, не имея колоссальной загруженности Кутузова другими заботами, проявив рвение, вскоре обнаружил злоумышленников. Что стоило Александру I сразу снять с Кутузова часть его полномочий и переложить их на того же Комаровского вместо того, чтобы увеличивать их объем до невозможности исполнения? Здесь возникает извечный вопрос: почему сам Кутузов не отказывался от непосильного бремени возложенных на него забот? Скорее всего, из опасения прослыть старым и неспособным в глазах государя и его «молодых друзей», которые весьма иронически воспринимали «обломки» екатерининского царствования. Александр Павлович на примере «великого генерала» Екатерины с максимализмом, свойственным молодости, самонадеянно решился доказать всю старомодность и несостоятельность этого поколения. Отставка Кутузова совпала с оптимистической порой надежд государя и его «молодых друзей» (графа П. А. Строганова, Н.Н. Новосильцева, князя А. П. Чарторыйского, графа В. П. Кочубея) на конституционное будущее России. В эти дни из Швейцарии, по приглашению государя, возвратился его наставник Ф. Лагарп. Как справедливо заметил Н. Полевой, «Кутузову было около шестидесяти лет. Он чувствовал изнурение сил после сорока лет службы и тяжких ран. Окрест него кипело юной жизнью новое поколение. Товарищи его, мужи века Екатерины, прешли, или оканчивали дни свои в тишине уединения»²⁰. Впрочем, на службе оставались Трощинский, Завадовский, Безбородко, А. Г. и С. Г. Воронцовы, даже граф Валериан Зубов... «Поскольку же Кутузов не устроил Александра I как хозяин столицы, царь дал волю и чувству „нерасположения“ к нему, которое имеет свои причины, — уверенно

рассуждает Н. А. Троицкий, придерживаясь своей излюбленной версии. — Чрезвычайно осведомленный в закулисных делах петербургского двора граф Ж. де Местр считал: „Император по той или иной причине недолгоблудит его, возможно, из-за слишком уж большой угодливости. Государь этого не переносит; я, например, знаю, как однажды он сказал с презрительной гримасой про некоего министра: 'Этот человек ни разу не возразил мне'“. Александр I, продолжает де Местр, „ставил ему в вину, по крайней мере в собственных глазах, двуличие, себялюбие, развратную жизнь и пр.“. Сказано резко, не без преувеличений, но в принципе верно. Александр Павлович, конечно, знал и о „кофейнике Кутузова“, и о других фактах его угодливости, о двуличии и волокитстве „одноглазого сатира“. Гиперболичная (как ни у кого, кроме А. А. Аракчеева) почтительность Михаила Илларионовича к самому Александру I могла вызвать у царя при всем том, что он знал о Кутузове, только „нерасположение“ к нему»²¹. Трудно принять ссылку на графа Ж. де Местра как на человека, «чрезвычайно осведомленного в закулисных делах петербургского двора» 1802 года, ввиду того что де Местр прибыл в качестве посланника Сардинии в Петербург только 13 мая 1803 года, то есть почти через год после отставки Кутузова! Что касается «двуличия, себялюбия, развратной жизни и пр.», то здесь возникают следующие соображения: пассаж Ж. де Местра о «развратной жизни» Кутузова (как и все остальное) взят из письма от 2–3 сентября 1812 года; следовательно, также не имеет никакого отношения к событиям 1802 года. Ж. де Местр имеет в виду увлечение Кутузова юной госпожой Гулиани в период Молдавской кампании 1811–1812 годов. Но в 1802 году по Петербургу ходили слухи о том, что Александр Павлович вдруг увлекся женой одного из своих «молодых друзей» — графиней Софией Владимировной Строгановой, которой в тактичной форме удалось отклонить настойчивые ухаживания монарха. В то же время Александр Павлович, заметив нежные чувства князя Адама Чарторыйского к своей супруге Елизавете Алексеевне, галантно предложил ей ответить на его любовь взаимностью, последствием чего явилось рождение дочери. Государь облегченно вздохнул, узнав, что родился не мальчик, потому что в этом случае возникли бы проблемы с наследованием престола. Государь мог конечно же упрекать Кутузова в «себялюбии», но в ответ на аргумент Н. А. Троицкого, что это являлось причиной «нерасположения», можно процитировать замечательные строки из стихотворения князя П. А. Вяземского, посвященного Александру I:

Сфинкс, не разгаданный до гроба, —

О нем и ныне спорят вновь.
В любви его роптала злоба,
А в злобе теплилась любовь.
Дитя осьмнадцатого века,
Его страстей он жертвой был:
И презирал он человека,
И человечество любил.

Действительно, Кутузову трудно было понять и объяснить себе жестокость «человеколюбивого Александра», проявленную к старому воину. Кутузов принадлежал совсем к иному поколению, которое на склоне лет поминали добрым словом те, кто пережил «дней Александровых прекрасное начало» в годы юности: «Много слышал я и читал впоследствии о гуманности. <...> Теперь мне кажется, что без патриархальности не может быть гуманности, иначе как на словах»²². Причем «человеколюбивого Александра» не остановило даже семейное горе Михаила Илларионовича: в 1802 году умер И. Л. Голенищев-Кутузов, один из самых дорогих и близких нашему герою людей. Сколько бы ни было лет адмиралу, но эта смерть повергла Кутузова в сильнейшую скорбь. Кстати, «известный своими причудами и жестокостью, фельдмаршал граф Михаил Федотович Каменский заменил Кутузова. Фельдмаршал начал свои подвиги на новом поприще тем, что, когда явился к нему правитель канцелярии Кутузова, он обругал этого чиновника и толкал его кулаками под бока так, что несчастная жертва начальнического внушения „козлиным голосом вопияла до небес“ и, по возвращении домой, занемогла. К счастью, фельдмаршал Каменский недолго чудодействовал в столице. Государь вскоре заметил, что граф Каменский был слишком тороплив, чрезмерно вспыльчив и даже переиначивал иногда получаемые им высочайшие повеления. Наконец, Александр доведен был до того, что сказал генерал-адъютанту Комаровскому: „Не хочет ли граф Каменский проситься прочь? Если бы сие случилось, я поставил бы свечу Казанской Божией Матери“»²³.

Конечно же нельзя обойти молчанием историю «о „кофейнике Кутузова“ и о других фактах его угодливости», которым авторы придают в последнее время огромное значение. Тот же Жозеф де Местр, на авторитетное мнение которого ссылается Н. А. Троицкий, утверждал в одном из писем королю Сардинии Виктору Эммануилу I: «<...> Екатерина <...> прекрасно понимала разницу между человеком приятным и даже

пользующимся всеобщей любовью и государственным мужем»²⁴. В самобытной личности Кутузова, последнего «екатерининского орла», воплотился дух эпохи, всегда критически воспринимаемой Пушкиным. Достаточно вспомнить его статью «О русской истории XVIII века», где действительно есть фрагмент, имеющий прямое отношение к Кутузову. «Мы видели, каким образом Екатерина унизила дух дворянства, — писал Пушкин. — В этом деле ревностно помогали ей любимцы. Стоит напомнить о пощечинах, щедро ими раздаваемых нашим князьям и боярам, о славной расписке Потёмкина <...> об обезьяне графа Зубова, о кофейнике князя Кутузова и проч., и проч.». Пушкин с негодованием относился к тому, что Михаил Илларионович по утрам готовил кофе для фаворита Екатерины князя П. А. Зубова, с гордостью демонстрируя свое искусство, которым он овладел в Турции. Думается, что про этот случай с наименьшей гордостью ему могла поведать дочь Кутузова, Елизавета Михайловна, продемонстрировав сам кофейник, ставший с той поры семейной реликвией. Что ж тут такого? Известно, что Екатерина II очень любила кофе и, вставая по утрам раньше прислуги, сама заваривала себе этот напиток. Не исключено, что, отправляя Михаила Илларионовича посланником в Константинополь, она поручила ему узнать рецепт «кофе по-турецки». Принимая во внимание положение генерала при дворе, его служебные и личные взаимоотношения с «князем Платоном», видимость могла совершенно не соответствовать тому, что представлялось «прегордым молодым людям», как называл их Кутузов. Те же, кто был постарше, вообще могли завидовать человеку, которому сама императрица сказала, что он у нее «между лучшими людьми»; в ту эпоху, как, впрочем, и при Александре I, люди, равные в чинах, были крайне ревнивы к успехам друг друга. Причем едва ли не самым ожесточенным против своих «совместников» был граф А. В. Суворов-Рымникский, князь Италийский. Во время путешествия императрицы по Таврической губернии немолодой Суворов долго шел пешком с каретой, в которой ехала государыня, держа ее за руку. На наш взгляд, в этом способе выражения монархических чувств нет ничего зазорного: всё это вписывалось в канву эпохи, которая изживала себя в царствование Павла I, а затем и его сына. Без преувеличения можно сказать, что Кутузова трудно понять, а еще труднее принять тому, кто без симпатии воспринимает личность Екатерины II и акцентирует внимание исключительно на темных сторонах ее царствования²⁵. Система фаворитизма — неотъемлемая часть общественной жизни XVIII столетия, характерная не только для России. Проявляя почтение к фавориту, тем

самым демонстрировалось уважение к монаршей особе, что становилось едва ли не делом принципа в эпоху социальных потрясений. Но «Павел привел к власти „людей новой категории“, а Александр опирался на них в своем „кротком правлении“»²⁶. В отношении же к Кутузову проявилась общность мнений Пушкина и Александра I, показывающая, что «поэт и царь» принадлежали уже к другому поколению людей, живущих идеалами другой эпохи. Приведем в качестве яркого примера отрывок из Записок С. Н. Глинки, отправившегося в приемную князя П. А. Зубова с подношением — сочиненной им «Песнью Екатерине Великой»: «Я много уже читал о передних временщиков и думал: чего от них добиваются? Сегодня они всё, а завтра вместе с их случайностью всё исчезнет, и те самые раболепные поклонники, которые с такой жадностью ловили каждый его взгляд, первые забудут их. Кроме этого, кружились в голове моей и Рим, и Спарта, и Афины, где не знали передних. <...> Тут, нечаянно оглянувшись, я увидел М. И. Кутузова, который стоял недалеко от дверей. В то время от князя вышел камердинер с подносом и с пустой шоколадной чашкой в руках, Кутузов поспешно подошел к нему и спросил по-французски: „Скоро ли выйдет князь?“ — „Часа через два“, — отвечал с важностью камердинер. И Кутузов, не отступавший ни от стен Очакова, ни от стен Измаила, смиренно стал на прежнее место. Досада закипела в моем юном сердце; я подошел к Петрову и сказал: „Я не стану более ждать! <...> Кутузов, герой Мачинский и Измаильский, здесь ждет и не дождется, а я что такое?“ И я ушел. Часу в шестом вечера пришел я к Нарышкину. Он сидел на софе с каким-то незнакомым человеком: то был Державин. Увидев меня, Лев Александрович захохотал и сказал: „Гаврило Романович! Посмотрите, вот этот Вольтеров Гурон, который убежал из приемной князя, он затеял там высчитывать послужной список Кутузова. Понатрется в свете — перестанет балагурить“»²⁷. Поступок С. Н. Глинки вызвал у обоих вельмож насмешку, а не похвалу. Да, они стояли в приемных фаворитов, но, по мнению другого современника, это были сильные личности, отличавшиеся от поколения, пришедшего им на смену: «Я имел случай наблюдать каждый день, как голубые ленты умеют сгибаться и в случае надобности стушевываться. Но я замечал, что, делая эти раболепные поклоны, люди не утрачивали хорошего тона и манер настоящих вельмож, при дворе еще существовали манеры и тон века Людовика XIV; в обращении с вельможами и в преклонении перед лицами, стоявшими в то время у власти, не было ничего резкого, даже люди гордые и низкопоклонные были вежливы и соблюдали известные приличия. Князь Зубов причесывался при

них, и их одежда была покрыта пудрою, но они, не счищая ее и проходя по другим залам, гордились тем, что могли сказать и даже доказать с полной очевидностью, что они были у него. И однако тот же гордый и высокомерный князь Зубов ни перед кем не возвышал голоса; этого никто бы не потерпел! Присутствовать при туалете — не противоречило тогдашним нравам, но относительно всего другого все требования вежливости и все то, что требовала честь, соблюдалось строго»²⁸.

В отличие от С. Н. Глинки Кутузов не мог перенестись мысленно в Рим, Спарту и Афины, а в том времени, которое его окружало, Михаилу Илларионовичу становилось все холоднее и неудобнее. «До революции аристократию составляли все те, коим хорошо было у двора; а при дворе Екатерины хорошо было всем тем, кои с весьма известным именем, с большим состоянием умели приятно объясняться и более или менее быть любезными. После революции число аристократов умножилось прибытием из Парижа бежавших их собратий, которые потеряли прежнюю веселость духа и везде видели плебеев-заговорщиков; тогда высшее общество совсем офранцузилось, сделалось гордее, недоступнее, стало отталкивать тех, кои не имели предписанных им форм и, по наущению эмигрантов, начало сражаться с фантомами, которым, наконец, дало существование. При Александре оно было просто котерия^[1], которое взяло себе девизом: никто не умен, не знатен, кроме нас и наших. Странно вспомнить: ни высокий чин, ни княжеское старинное имя, ни придворное звание камергеров и камер-юнкеров, ни большой ум и познания преимущественно тут никак не давали прав, в этот храм не отпирали дверей, а одни только прихоти заключавшихся в нем», — ехидно сообщал Ф. Ф. Вигель²⁹. Похоже, М. И. Кутузов еще не знал, как себя вести в этом времени и в этом обществе. Посмотрим опять внимательно на содержание письма: обращение старого солдата к царю заканчивается словами, которые почему-то никогда не цитируют исследователи, но именно эти слова не позволяют объяснить обрушившуюся на Кутузова немилость «чрезмерной угодливостью», как о том постоянно пишет Н. А. Троицкий (что ж, «повторение — самая сильная фигура в риторике», — говорил Наполеон). Кутузов сокрушается, что он своим «образом обращения», может быть, затмил в глазах императора «приверженность к его особе». Какая уж тут угодливость! Совершенно очевидно, что произошло что-то из ряда вон выходящее, не имеющее отношения даже к участившимся случаям краж и неудовлетворительной деятельности полиции. Мало ли кто при снисходительном государе допускал оплошности? Заслуг у генерала, о чем он с обидой пишет в

письме, вполне хватало, чтобы ему дали другое назначение, а не «выбрасывали» его со службы («ежели бы Вашему Императорскому Величеству неужно была вовсе служба моя»). Опала же была вдвойне горькой для генерала, потому что причиной его отставки был не взбалмошный сын Екатерины Великой, а ее внук, тот самый «обожаемый ангел», которого она завещала своим сподвижникам поддерживать, защищать и наставлять советами. А кто был сильнее по этой части, чем не М. И. Кутузов, совмещавший в себе таланты военачальника, дипломата, администратора, педагога?

По отзывам современников, молодой государь довольно быстро настроил против себя не только старшее поколение подданных, которых «более всего обрадовало <...> что в манифесте о восшествии своем он возвестил, что будет царствовать по сердцу бабки своей», но и офицеров гвардии, не ожидавших встретить в Александре Павловиче ту же «парадоманию», которой славился его отец. Пресловутая страсть государя к маневрам и «военным эволюциям» довольно скоро превратилась в повод для острот. Военные не упускали случая противопоставить настоящую войну «науке складывания плаща». Одна из таких острот попала в письмо посланника Ж. де Местра: «Как-то один человек сказал мне: „Разве возможно, чтобы Российский Император хотел быть капралом?“ Я же с небрежностью ответил ему: „У всякого свой вкус, у него именно такой, он с ним и умрет“; на сие мне было сказано: „Скажите лучше, сударь, он от него умрет“»³⁰. Собеседник бесцеремонно намекнул де Местру на насильственную смерть отца — императора Павла. Деятельность же Негласного комитета, по слухам, обсуждавшего проекты отмены крепостного права, насторожила тех, кто «друг друга поздравляли и обнимали», узнав о смерти Павла I. Причем сцены эти происходили не только в Петербурге, но и в Костроме, Ярославле и Нижнем Новгороде³¹. Это неудивительно: при покойном императоре лихорадило всю Россию, а отставленные от службы дворяне проживали в имениях по всей империи. Теперь же эти люди снова ощутили беспокойство, заслышав о переменах, от которых, казалось, они были ограждены манифестом Александра I. Недавно прибывший в Россию Жозеф де Местр 17 июля 1803 года отправил письмо в Пьемонт: «Ежели Россия захотела бы занять более угрожающее положение и одновременно возвысить свой голос, она с легкостью восстановила бы некоторое равновесие в Европе. Но попробуйте хоть отчасти вложить подобные мысли в голову, сформированную Лагарпом! У российского Императора всего лишь две идеи: мир и

бережливость. Я понимаю, что доведенные до крайности добродетели превращаются в изъязыны. Но уверяю вас, г-н Граф, что не могу преклоняться перед мудростью молодого монарха, окруженного всевозможными соблазнами. <...> Он не носит никаких драгоценностей, даже кольца или часов. Он ходит без свиты. Когда ему встречается кто-нибудь на набережной, он не хочет, чтобы выходили из экипажа, достаточно простого поклона. К несчастью, подобная простота, приятная, быть может, южному глазу, который умеет видеть в ней величие, по-видимому, совсем иначе воспринимается русскими. Личного почитания стало много меньше»³². Приезжему иностранцу спустя годы вторил Ф. Ф. Вигель: «Воспитание Александра было одной из великих ошибок Екатерины. Образование его ума она поручила женевцу Лагарпу, который, оставляя Россию, столь же мало знал ее, как в день своего прибытия, и который карманную республику свою поставил образцом будущему самодержцу величайшей империи в мире. Идеями, которые едва могут развиваться и созреть в голове двадцатилетнего юноши, начинили мозг ребенка, которого женили ранее 16 лет. Но, не разжевав их, можно сказать, не переваривши их, призвал он их себе на память в тот день, в который начал царствовать. Иногда у себя спрашиваешь, что было бы с красотой его души, если бы любовь к Отечеству сохранила ее, если бы ее не исказило безотчетное пристрастие к иноземному?» Тогда же в обществе в рукописях появилась знаменитая басня И. А. Крылова «Воспитание льва»:

А Лев-старик поздненько спохватился,
Что Львенок пустякам учился
И не добро он говорит;
Что пользы нет большой тому знать птичий быт,
Кого зверьми владеть поставила природа,
И что важнейшая наука для царей
Знать свойство своего народа
И выгоды земли своей.

Не захотел ли Кутузов предостеречь внука Екатерины? В нашем распоряжении есть документ, который историки обходят молчанием. 15 января 1806 года, после аустерлицкой катастрофы, М. И. Кутузов напишет в письме Екатерине Ильиничне из города Броды, за семь верст от русской границы: «Я третьего дня пришел в Броды. Некоторые мои полки уже

вступили в границу, а другие еще за сто верст. Я день за день откладываю переехать границу, как бытто боюсь уничтожиться. Государь приказал до получения расписания расположиться близко границы. Не знаю, надолго ли? Несколько дней подожду, а после напишу письмо и буду проситься в Петербург. Мне бы хотелось, чтоб ето было без просьбы, а то скажут или подумают, что *напрашиваюсь на советы* (выделено мной. — Л. И.) или хочу быть во дворце»³³. Иными словами, Михаил Илларионович не потакал и не льстил государю, а надоедал ему советами, которые Александр Павлович, в силу предубеждения против екатерининского вельможи, игнорировал!!! Приведем еще доказательства, что Кутузов сам «напрашивался на советы», вопреки нормам этикета, как это делает человек, уверенный в том, что имеет на это право. «Кутузов был здесь и трактован как всякий офицер, несмотря на прошлую кампанию и на мир с турками, о коих даже и слова не сказано ему по приезде Государя, пока, наконец, он сам не стал требовать объяснений, дурно ли, хорошо ли он сделал, и что он желает знать мнение Государя», — возмущался Н. М. Лонгинов в письме графу С. Р. Воронцову, написанном в 1812 году, в период двух войн — с Турцией и Наполеоном, выигранных Кутузовым³⁴. Далее Лонгинов, секретарь императрицы Елизаветы Алексеевны, продолжал: «Если бы с самого начала дали команду Кутузову (в 1812 году. — Л. И.) или посоветовались с ним, и Москва была бы цела, и дела шли иначе. Но предубеждения противу него с австрийской кампании, где он, впрочем, ни мало не виновен, доселе остались непреклонными. Даже когда Отечество стало на краю гибели, Государь даже и не начинал говорить с ним про войну. Кутузов (сам) почел обязанностию говорить о том, и доказал, что план был самый необдуманый и войска были расположены не по военным правилам, а более похоже на кордон против чумы. Хотя и поздно принялись за него, но, по крайней мере, надежда остается, что Отечество не погибнет <...>»³⁵. Близкий ко двору человек констатирует факт, что Кутузов не боялся высказывать свое суждение императору, в то время как тот постоянно стремился избежать советов «екатерининского орла».

Говорят, что «противоположности сходятся», но эти два человека — государь и подданный, судя по характеристикам, которые давали им современники, были удивительно схожи характерами. Те, кто был не расположен к Кутузову в 1812 году, ставили ему в вину неискренность, двуличие, колкую язвительность в речах, слабость к женскому полу, лень и т. д. Обратим внимание и на свидетельство А. Я. Протасова в адрес юного

великого князя: «Замечается в Александре Павловиче много остроумия и способностей, но совершенная лень. <...> От некоторого времени замечаются в Александре Павловиче сильные физические желания <...> которые умножаются по мере частых бесед с хорошенькими женщинами. В течение того же времени лучшее упражнение в праздные часы состоит в критике людей и передразнивании. <...> Отовсюду слышу похвалы об учтивости, приветливости и снисхождении»³⁶. О лицемерии Кутузова в обществе знали все, об Александре I Наполеон говорил, что «он фальшив как морская пена». Один — любимый внук Екатерины, другой — его преданный слуга. Они настолько похожи, что должны были видеть друг друга насквозь, читать мысли друг друга, они могли бы быть союзниками во всем. Что же их разделяло? По-видимому, Александр Павлович, что бы он ни делал, в сознании окружающих его людей принадлежал к эпохе своей бабки! В начале царствования Александр Павлович любил, чтобы ему говорили правду, но, по-видимому, не всякую! Что же должен был сделать или сказать Кутузов, чтобы вызвать негодование «кроткого» царя? По словам С. И. Маевского, генерал «восходил до высокого красноречия», «когда попадал на мысль или когда потрясаясь был страстью»³⁷, в такие мгновения он был несдержан. Страстью Кутузова была преданность Екатерине. Он мог напомнить (и не раз!) государю, что, вступая на трон, тот обещал, что при нем «все будет как при покойной бабушке». Некоторые исследователи полагают, что император, «удалив из столицы непосредственных участников заговора против своего отца, в дальнейшем стремился освободить свое ближайшее окружение от людей, прекрасно знавших об истинной причине смерти предыдущего Монарха»³⁸. Но кто при дворе не знал об истинной причине смерти «бедного Павла»? Кутузов вполне мог намекнуть молодому государю, что если бы он не отступил от воли бабки, сразу же вступив на престол, то отец был бы жив и поныне. Вопреки мнению А. Н. Боханова, можно предположить, что в том, что Екатерина, стараясь оградить престол от своего сына, возможно, руководствовалась любовью, а не «низостью»: зная его характер, она пыталась сохранить ему жизнь. Парадокс истории действительно заключается в том, что Павла погубило не «жестокое» завещание матери, а то, что Александр «по справедливости» уступил престол неуравновешенному отцу. Иначе взглянуть на эту проблему Кутузов был не в состоянии: для него Екатерина образец государственной мудрости. «Уважение к власти, например, есть везде, ибо оно необходимо и составляет ту основу, без коей не мог бы вращаться политический

механизм; но повсюду чувство сие имеет свое особое выражение. Здесь это немота, хранящаяся со времен древности. <...> В крайнем случае, Монарха могут убить (сие, как известно, не есть признак неуважения), но возражать ему никак не принято», — характеризовал российские нравы в 1812 году Ж. де Местр³⁹. Между Кутузовым и Александром как будто бы постоянно шел заочный спор об отношении к правлению Екатерины. Н. А. Троицкий, сам того не замечая, установил поразительное совпадение: «Гиперболичная (как ни у кого, кроме А. А. Аракчеева) почтительность Михаила Илларионовича к самому Александру I могла вызвать у царя при всем том, что он знал о Кутузове, только „нерасположение“ к нему». Совершенно верно: оба человека были связаны с Александром особыми отношениями, они берегли и спасали его по воле своих благодетелей: Аракчеев — по воле Павла, Кутузов — по воле Екатерины. Когда наступил грозный 1812 год, среди всех кандидатур на пост главнокомандующего граф А. А. Аракчеев сказал решающее слово в пользу Кутузова: он знал, что этот человек будет спасать не только отечество, но и государя, в связи с чем приведем здесь сразу же три источника, потому что взятые в отдельности (а их именно так и цитируют авторы) они не представляют целого явления. Вот отрывок из Записок графа Е. Ф. Комаровского о событиях 1812 года: «Когда Шишков и Балашов представили графу Аракчееву, что необходимо Государю ехать в Москву и что это единственное средство спасти Отечество, граф Аракчеев возразил: „Что мне до Отечества! Скажите мне, не в опасности ли Государь, оставаясь долее при армии?“»⁴⁰. Далее процитируем фрагмент письма Ж. де Местра: «Недавно появился указ, в котором Его Императорское Величество благодарит сынов отечества за понесенные труды, откровенно поясняя, что благодарность Государя зависит от услуг отечеству. Слово это „отечество“ повторяется раз пять-шесть в пяти или шести строках. Конечно, отечество кое-что значит, но если имел бы я честь разговаривать с сим достойным Монархом, то, льщу себя надеждою, вполне объяснил бы ему, не восхваляя при этом столь отвратительный для него деспотизм, что в монархии не служат государю, через служение отечеству, а, напротив, служат отечеству через служение монарху»⁴¹. 22 марта 1812 года Александр I направил М. И. Кутузову рескрипт со словами: «<...> Величайшую услугу Вы окажете России поспешным заключением мира с Портою. Убедительнейше Вас вызываю любовью к своему Отечеству обратить все внимание и усилия Ваши к достижению сей цели»⁴². На что получил ответ полководца, который в наши дни истолковывается как пример низкопоклонства и

угодничества: «Там, где имя Ваше, Государь, там не надобно мне гласа Отечества <...>». Михаил Илларионович прекрасно знал точку зрения Государя, изложенную в указе, по поводу которого рассуждал Ж. де Местр. Казалось бы, что стоило «угодливому» Кутузову промолчать, не навлекая на себя в очередной раз гнев Александра Павловича? Нет, он снова поучает государя! Сардинский посланник в 1812 году передал в своем письме слухи по поводу назначения М. И. Кутузова главнокомандующим российскими армиями: «Некоторые утверждают, будто князь Кутузов принял командование лишь при условии невозвращения Его Императорского Величества к армии и отъезде Великого князя (Константина Павловича), сказав относительно сего последнего, будто он (Кутузов) не сможет ни наградить его заслуги, ни взыскать за упущения. Сказано хорошо, но я сильно сомневаюсь в разговорах наедине, которые потом становятся известны публике. Кто рассказал о них? Сам князь? Нет. Тем не менее, Великий князь здесь, и из его же речей следует, что он не поедет больше к армии»⁴³. Заметим также, что и государь до окончания кампании 1812 года не возвращался к войскам. А когда он, наконец, прибыл в Вильну к своей победоносной армии и обнял старого полководца, тот, будто в продолжение заочного спора, повел себя соответственно. «Как счастлива моя старость! — обратился он к приближенным. — Я встретил Государя в областях, присоединенных к России Екатериной Великой и теперь очищенных от неприятеля»⁴⁴.

Глава десятая

1805 ГОД

Поход в Австрию

Оказавшись вне привычного образа жизни в своем имении Горошки на Волыни, пожалованном ему «незабвенной памяти Государыней Екатериной Алексеевной», генерал от инфантерии Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов пытался бороться с безденежьем и скукой, занимаясь домоводством. 19 апреля 1803 года он сообщал жене: «Об деньгах очень забочусь и, право, об вас думаю; слышал я, что продается какая-то книга в Петербурге об водяных коммуникациях. Сделай милость, пришли, мне здесь очень нужно, для того, что думаю весьма об коммерции»¹. «<...> Новым экономом я поныне очень доволен: он профессор, но дай Бог, чтобы у него было наполовину честности противу его ума, — делился он мыслями в письме супруге от 4 августа 1803 года. — А [с другой стороны] дурак и половины не сделает, что бы можно было сделать. Я три недели и больше никуда из своих границ не выезжал и завтра еду в один фольварк за 25 верст, где еще не бывал. Хлеб сняли, то есть рожь и пшеницу. Урожай хорош, пшеница в десять раз родилась, а рожь поменьше — обманули в посеве — меньше было засеяно, нежели показали, не то раскрали мужики у эконома. Как хлеб весь снимут, то приняться надобно за строения; нету не винницы порядочной, ни одной пивоварни — что здесь важный пункт, особливо в Райгородке. Винокурня будет порядочная <...>»². По-видимому, «человеколюбивого Александра» тронули финансовые претензии Кутузова, и он предоставил ему отпуск на год. Михаил Илларионович, чувствуя себя глубоко обиженным, сделал вид, что более не дорожит службой и намерен пробыть в отпуске столько, сколько потребуют его семейные дела: «<...> С Государем, кажется, нет недоразумения об моем отпуске для того, что я Ему при прощаньи доложил, что не знаю, как скоро нужды исправлю»³. Он гордо отбыл, по выражению Ж. де Местра, «пасться на травку», изображая из себя «рачительного хозяина», которому доставляло радость заводить винокурни, селитряный и пивоваренные заводы, продавать хлеб, пеньку и лес («Сейчас еду в Горошки и беру с собой одного торговца лесного. Может быть, решусь готовить корабельный лес»). Одним словом, он занимался тем, за что современные авторы, сторонники союза России с Наполеоном, упрекают все русское дворянство, настроенное в те годы на торговлю с жителями Туманного Альбиона. Но кому же еще можно было продавать сырье, необходимое при строительстве флота, как не первой морской державе, господствовавшей на морях, не только вопреки, но даже

благодаря своему злейшему недругу — Франции? В торговых связях России и Великобритании напрямую были заинтересованы и французские промышленники, что академик Е. В. Тарле доказал в знаменитой монографии «Континентальная блокада», из которой приведем здесь лишь один факт: «Лионская торговая палата, побуждаемая не только фабрикантами шелковых материй, но и „всеми гражданами“ Лиона, докладывает (Наполеону, который, как всегда, был на войне. — Л. И.) в декабре 1806 г., что вследствие прекращения сношений с Россией положение города „становится все более и более критическим“. <...> Они извиняются, что нарушают общую радость, вызванную „невероятными успехами Его Величества“ в прусской войне, но оправдываются грозящими городу бедствиями. Потребление, как колониальных продуктов, так и вообще, сведено до минимума. Сбыт мануфактурных товаров крайне уменьшился вследствие прекращения заказов из России и из Германии»⁴. Лионские шелкопряды, как и виноделы, и многие другие французские промышленники, рассчитывали, как в дореволюционные времена, вернуться на рынок — в Россию. До заключения Тильзитского мира в 1807 году это было невозможно. «<...> Английское владычество на морях делало надежды на установление непосредственного торгового обмена между Францией и Россией весьма проблематичным. В Петербург (и Кронштадт) за 1802 год прибыло всего 986 торговых судов, и из них английских 477, а французских всего пять, по французским же данным»⁵. Когда же в 1807 году Россия и Франция, помирившись, объявили «континентальную блокаду» Англии, выяснилось: русские помещики должны были сначала продать свой товар англичанам, чтобы потом купить шелка лионских ткачей. В противном случае, у них просто не было на это денег. Обмен товарами, как это происходило с британцами, с французами был невозможен: российские «провенансы» не находили спроса в наполеоновской Франции. Нельзя без улыбки читать наивные утверждения некоторых наших авторов о том, что торговля с Англией была выгодна только русским помещикам, а о простом народе, как всегда, никто не думал. Не народ же покупал во Франции дорогие вина и наряжался в лионские шелка!

«Домашняя коммерция» недолго согревала сердце М. И. Кутузова: его эконом-профессор оказался вороватым говоруном, да и сам хозяин имения быстро разочаровался в сельских удовольствиях: «Много очень споров с управителем и много уже было ссоры, но, надеюсь, что в таком порядке все оставлю, что далее не обманет. <...> Болезнь моя, думаю, от досады, видя

как меня безбожно обкрадывали. Экономов почти всех надобно переменить и, ей Богу, не станет время мне всего сделать, что надобно. За новым экономом надобно хотя несколько времени самому присмотреть. <...> Сделалось у меня маленькое несчастье: Райгородок, который, как ты помнишь, третьего года горел и только что нынешнею весною выстроился, сгорел опять на прошлой неделе. <...> Вместо того чтобы его увеличить, как я думал, должно заботиться только, чтоб обстроить погорелых. <...> Ветер был такой сильный, что не успели бедные вытащить ничего»⁶. В ноябре 1804 года он отправил Екатерине Ильиничне откровенное письмо: «Посылаю, мой друг, 100 рублей и еще, сколько могу, присылать буду до отъезда своего. Скучно работать и поправлять экономию, когда вижу, что состояние так расстроено; иногда, ей Богу, хочется из отчаяния все бросить и отдаться на волю Божию. Видя себя уже в таких летах и здоровье, что другого имения не наживу, боюсь проводить дни старости в бедности и нужде, а все труды и опасности молодых лет и раны видеть потерянными, и эта скучная мысль отвлекает меня от всего и *делает неспособным* (выделено мной. — Л. И.). Как-нибудь надобно, хотя за время, себе помочь <...>». Если что и вызывало в эти годы пристальный интерес нашего героя, так это хитросплетения внешней политики в Европе. Внутренний голос, вероятно, подсказывал ему, что мир на континенте будет недолгим.

В инструкции от 4 июля 1801 года русским министрам при иностранных дворах Александр I высказал основы своей внешней политики: «<...> Если я подниму оружие, то это единственно для обороны от нападения, для защиты моих народов или жертв честолюбия, опасного для спокойствия Европы. Я никогда не приму участия во внутренних раздорах, которые будут волновать другие государства, и каковы бы ни были правительственные формы, принятые народами по общему желанию. <...> Большая часть германских владений просит моей помощи. Независимость и безопасность Германии так важны для будущего мира, что я не могу пренебречь этим случаем для сохранения за Россией первенствующего влияния в делах империи (Священной Римской империи Габсбургов. — Л. И.). Решившись продолжить переговоры, начатые с Францией, я руководствовался двойным побуждением: упрочить для моей империи мир, необходимый для восстановления порядка в разных частях управления, и, в то же время, по возможности содействовать ускорению окончательного мира, который бы дал Европе восстановить поколебленное здание социальной системы. <...> Верно то, что в царствование покойного Императора консул имел особенно в виду приобрести помощь моего августейшего родителя против Великобритании, а теперь, быть может, он

старается только выиграть время для выведения моей системы. <...> От его дальнейшего поведения будет зависеть мое решение <...>»⁷. Восхождение Наполеона Бонапарта, провозгласившего себя императором, к вершине власти происходило в полном соответствии с мрачными ожиданиями Александра I. Венценосцы Европы с грустью констатировали прибавление в монархическом семействе: основатель новой династии протиснулся в их семейный круг, постоянно ссылаясь на волю французского народа. В словах его тронной речи 2 декабря 1804 года уже содержались намеки на судьбу Европы в будущем: «Я восхожу на трон, на который призван единодушным желанием сената, народа и воинов, с сердцем, исполненным предчувствия о великих судьбах французской нации, которую я первый назвал великою <...>»⁸. По словам Ж. Тюлара, «наивный эгоцентризм античной риторики» сквозил здесь в каждом слове. «Я — нов, как нова империя; таким образом, между мною и империей — полное слияние», — утверждал Наполеон. С остальной же частью Европы дела обстояли хуже: с ней он мог слиться, пустив в ход оружие. Для монархов «старого света» он был действительно очень нов. Заключая с ним мирные договоры, они отправляли в Париж лучших посланников, а Наполеон был недоволен их бестактностью. Думается, вина старорежимных дипломатов, среди которых наблюдалось немало знакомых М. И. Кутузова, была не столь уж велика: Наполеон среди своих приближенных мог найти уцелевших представителей аристократических фамилий, но отыскать при старых дворах людей, воспитанных в соответствии с нравами «новой империи», оказалось проблематично. Им было неуютно при наполеоновском дворе: он виделся им ненастоящим, как мир, созданный в театральных декорациях, которые должны вот-вот обрушиться. Они находили двор Наполеона вовсе не таким величественным, каким он представлялся императору и его соратникам, прошедшим через горнило революции. Императорский титул, мечта об империи Карла Великого в сочетании с античным антуражем настораживала тех, кому был чужд революционный пафос. Когда при открытии Законодательного собрания Наполеон заявил: «„...в ближайшее время я уезжаю к своей армии, дабы с Божьей помощью короновать в Мадриде короля Испании и водрузить мои орлы на фортах Лиссабона“, старый аристократ Жозеф де Местр с иронией отозвался на это выступление: „Вы, конечно, читали знаменитую речь 25 октября. Я отнюдь не намерен обсуждать ее политически <...>, но не могу не сказать лишь хотя бы о ее слоге. Какая напыщенность! Кажется, что слушаешь актера в роли Императора: никогда еще не приходилось читать ничего менее

похожего на слова Монарха. Я постоянно имею честь повторять вам: при всем его могуществе человек сей ничего не смыслит в монархизме. Если вы читаете *Moniteur*, то видели, конечно, достаточно тому примеров“»⁹. Ж. де Местру вторил австрийский дипломат К. Н. Меттерних: «Усилия, которые он делал, чтобы исправить свои природные недостатки и недостатки воспитания, в результате лишь резче подчеркивали то, чего ему не хватало. Я убежден, что он многое принес бы в жертву, лишь бы сделать выше свой рост и придать благородство фигуре, которая становилась все вульгарнее по мере того, как увеличивалась его полнота. Он ходил, обыкновенно приподнимаясь на носках...»¹⁰

В советские годы перед исследователем не возникало сомнений, на чьей стороне безоговорочно должны быть симпатии — на стороне старой Европы или революционной Франции. Сегодня трудно признать, что ответственность за развязывание «Большой войны» в Европе лежит только на монархических державах. Россия и Великобритания были нейтральны до появления знаменитого декрета Конвента от 19 ноября 1792 года, в котором была обещана братская поддержка всем народам, которые «пожелают вернуть себе свободу». Революция во Франции, подобно пугачевщине в России, расколола мир, где так привычно существовало поколение Кутузова. По словам Ж. Тюлара, «зло, неосмотрительно выпущенное из ящика Пандоры, расправилось с потомственным дворянством, упразднило титулы, уничтожило феодальные привилегии, конфисковало поместья»¹¹. Особенностью режима, установившегося во Франции, была его воинствующая агрессивность, усиливающаяся по мере осознания правительством экономического упадка и хаоса, в котором находилась страна после десяти лет «борьбы с тиранами». Директория первой заметила разверзшуюся бездну: коммерческий флот Франции более не существовал, его место заняли торговые суда Великобритании, США, Голландии. «Меркантильное могущество» Англии кололо глаза «свободным гражданам Франции», во главе которых встал человек, решившийся возглавить их борьбу с экономически более сильным государством, что и привело Европу к «десятилетию большой крови». Следовало ли России подключаться к «кошмару коалиций»? Были ли у нее причины для вступления в войну против французов 1805 года? Достаточно ли современному читателю объяснения, содержащегося в Записках А. П. Ермолова: «Спокойное России состояние было прервано участием в войне Австрии против французов. С 1799 года, знаменитого блистательными победами Суворова в Италии, уклонялась она от этих войн, бурным

правительством Франции порожденных. Двинулись армии наши против нарушителей общего спокойствия»¹². В последние 20 лет появились работы, где авторы называют в качестве главной причины борьбы между Россией и Францией личную обиду, нанесенную императором Наполеоном I императору Александру I... На рассвете 21 марта (7 марта по русскому стилю) 1804 года в Париже во рву Венсеннского замка был расстрелян Луи Антуан Анри де Бурбон-Конде, герцог Энгиенский, родственник казненного короля Людовика XVI, внук принца Конде, начальствовавшего над эмигрантским корпусом. Первый консул получил известия о подготовке роялистами покушения на его жизнь. К этому добавились сведения о том, что к заговору причастен некий принц королевской крови, который должен был со дня на день прибыть во Францию. В трех верстах от французской границы проживал герцог Энгиенский, которого решено было арестовать. Перед первым консулом и его сообщниками возникло, по словам Е. В. Тарле, «два затруднения: во-первых, герцог жил не во Франции, а в Бадене; во-вторых, он решительно никак не был связан с открывавшимся заговором. Но первое препятствие для Наполеона существенным не было: он распоряжался уже тогда в западной и южной Германии, как у себя дома, а второе препятствие тоже значения не имело, так как он уже наперед решил судить герцога военным судом, который за доказательствами гнаться особенно не будет. <...> В ночь с 14 на 15 марта 1804 года отряд французской конной жандармерии вторгся на территорию Бадена, вошел в город Эттенгейм, окружил дом, арестовал герцога Энгиенского и увез его немедленно во Францию». Далее Е. В. Тарле иронизировал по поводу немцев: «Баденские министры были довольны, по-видимому, уже тем, что и их самих не увезли вместе с герцогом, и никто из баденских властей не подавал признаков жизни, пока происходила вся эта операция»¹³. Казнь королей, царей, принцев в советское время преступлением не считалась, поэтому академик Е. В. Тарле иронизировал и на эту тему: «Другие монархи <...> ограничивались негодованием вполголоса, в узком семейном кругу. Вообще храбрость их выступлений по этому поводу неминуемо должна была оказаться прямо пропорциональной расстоянию, отделявшему границы их государств от Наполеона. Вот почему наибольшую решительность должен был проявить именно русский император. Александр протестовал формально, особой нотой, против нарушения неприкосновенности баденской территории с точки зрения международного права (выделено мной. — Л. И.)»¹⁴. Ответ первого консула повергает в непонятный восторг уже не одно поколение

отечественных авторов. Тема «Дом Романовых» была крайне непопулярна в советской историографии, поэтому неудивительно, что Е. В. Тарле в то время интересовала «классовая» подоплека этого инцидента. Времена изменились: теперь авторов волнует драматическое противостояние личностей — Александра и Наполеона. Так, известный петербургский историк О. В. Соколов пишет: «Но самый жесткий ответ, самые страшные слова для Александра раздались из Парижа. В ответ на ноту, представленную 12 мая поверенным в делах Петром Убри, Бонапарт взорвался. Своему министру иностранных дел он написал: „Объясните им хорошенько, что я не хочу войны, но я никого не боюсь. И если рождение империи должно стать таким же славным, как колыбель революции, его отметит новая победа над врагами Франции“». Но Александр ни в коей мере не посягал на «колыбель революции»! Официально России было заявлено: «Жалоба, которую она (Россия) предъявляет сегодня, заставляет спросить, если бы когда Англия замышляла убийство Павла I, удалось бы узнать, что заговорщики находятся в одном лье от границы, неужели не поспешили бы их арестовать?» Историк А. И. Михайловский-Данилевский констатировал: «...в ответ мы получили дерзости». Александр протестовал против нарушения границы государства, а Наполеон почему-то намекал на обстоятельства, при которых лишился жизни Павел I. Как ни прискорбны были эти обстоятельства, — они имели место в пределах России, ни в коей мере не задевая целостность границ других государств. Наполеону, при желании избежать войны с Россией, следовало хотя бы избрать для себя другую жертву, коль скоро она ему потребовалась, но он приказал арестовать именно герцога Энгиенского, проживавшего на территории маркграфства Баденского, то есть во владениях деда императрицы Елизаветы Алексеевны. Наполеон Бонапарт был великий провокатор, щеголявший вседозволенностью, оскорбление было умышленным: он направил в лицо Александру острие шпаги, чтобы посмотреть, как поведет себя соперник (а монархи «старого света» все были его соперниками). Примет ли царь перед лицом Европы столь очевидный вызов или же, обмякнув от «дерзостей», побредет в свой угол? Это был «вопрос чести», и Александр не мог сослаться ни на отдаленность пространства, ни на занятость делами внутри своей империи, потому что еще 10 октября 1801 года граф А. И. Морков от России и князь Ш. М. Талейран от Франции подписали совместную конвенцию, согласно которой Россия и Франция признали, что Бавария, Вюртемберг и Баден находятся под особым покровительством российского монарха. Наполеону же важно было вытеснить Россию с континента, получив право единолично распоряжаться

германскими землями. Мог ли Александр I захлопнуть «окно в Европу», которое с таким трудом прорубали его предшественники на троне? Была ли самоизоляция спасением от бед, когда рушился «священный принцип европейского равновесия» и все государства постепенно втягивались в процесс перераспределения земель, затеянный первым консулом? «Не удивили меня ни странный тон Первого консула в разговорах с Вами, ни замашки министра Талейрана, — написал государь в рескрипте графу А. И. Моркову. — Первое есть следствие степени, на которую Бонапарт возведен будучи счастьем, не знает приличных форм, что же касается до министра внешних сношений, он следовал с Вами той черте поведения, которую страшные успехи оружия французского или добровольные, или принужденные угождения разных дворов ввели в обыкновение в кабинете Тюильрийском»¹⁵. Одним словом, ничего нового в ответе на свой протест наш император не обнаружил: «учтив как господин, дерзок как слуга».

С 1800 года, после побед в Италии и Германии над австрийскими войсками, две французские армии уже располагались за пределами Франции, с одной стороны, утверждая ее могущество на континенте, с другой — избавляя страну, все более привыкшую жить за чужой счет, от расходов на их содержание. Наполеон действовал в Европе так, «как если бы кроме него в Европе никого не было. Захотел присоединить Пьемонт — и присоединил; захотел объявить себя королем Италии и короноваться в Милане — и короновался (весной 1805 года); захотел отдать целый ряд мелких германских земель своим „союзникам“, то есть вассалам (вроде Баварии), — и отдал. Германские князья, владельцы западнонемецких земель, после Люневильского мира 1801 года и полного отстранения Австрии видели свое спасение только в Наполеоне. Они гурьбой теснились в Париже во всех дворцах и министерских передних, уверяя в своей преданности, выпрашивая кусочки соседних территорий <...>». Академик Е. В. Тарле писал эти строки накануне Великой Отечественной войны 1941–1945 годов, поэтому и вложил в них столько сарказма: тогда поведение Наполеона в отношении немцев вызывало у советских читателей одобрение. Мы не замечали очевидного факта: Германия, превратившись в империалистического хищника на рубеже XIX–XX веков, была обязана своим объединением Наполеону. Если бы его политика в германских землях была бы менее циничной, а унижение местных владетельных фамилий не столь жестоким, то Первая и Вторая мировые войны, в ходе которых немцы стремились утвердить превосходство своей нации, оказались бы, вероятно, менее бесчеловечными. В 1805 году, ошибочно полагая, что в скором времени Англия не найдет союзников на континенте,

Наполеон преждевременно торжествовал победу: «Мой флот будет решать судьбы мира»¹⁶. Он велел своему посланнику в Лондоне объявить, что политика Франции по отношению к Англии была «всецело Амьенским трактатом, и ничем более, как Амьенским трактатом» (Амьенский мир был подписан между Францией и Англией в 1802 году. — Л. И.). На что британский министр иностранных дел в тон ему ответил, что «то положение дел на континенте, какое было при подписании Амьенского трактата, ничего более как то положение». Англия могла позволить себе «адекватный» ответ: в начале войны она имела «135 линейных кораблей и 133 фрегата; по окончании же войны у нее было 202 линейных корабля и 277 фрегатов. Франция начала войну с 80 линейными кораблями и 66 фрегатами, а окончила ее с 39 и 35 судами названных классов соответственно». Как бы ни напрягал силы первый консул, британцы, — как заметил лорд Гауксбери, — «могли смело позволить ему еще много лет работать и все еще желать морской войны»¹⁷. Когда же снова разразилась война между Францией и Англией, Наполеон занял Ганновер и свободные ганзейские города, чтобы препятствовать торговле с англичанами немецких курфюршеств, расположенных между Эльбой и Вислой, то есть у самых наших границ. Россия, которую вытесняли из Европы, естественно, была заинтересована в том, чтобы привлечь к войне Австрию и Пруссию, сформировав Третью коалицию, финансировать которую готова была Великобритания. Первый консул поначалу планировал высадить в Англии десант. Предполагалось, что, переправившись через Ла-Манш, его войска захватят Лондон без боя. Западный исследователь А. Мэхэн называл французский проект «необоснованным оптимизмом»: «Предполагалось, что флотилия будет состоять из трех тысяч кораблей. На поверку к 28 июля 1805 года их набралось две тысячи сто сорок. <...> „Разнообразие возможностей“ также оставляло желать лучшего: многого ли стоили копьевидные шаланды и канонерки? В ту пору открытых военных действий никакой другой флаг не был столь же безопасен от обид, как британский, так как ни один не был охраняем сильным военным флотом»¹⁸. 26 мая 1805 года в главном кафедральном соборе Милана состоялось второе коронование Наполеона. Через несколько дней, под нажимом Франции, сенат Генуэзской республики проголосовал за воссоединение с империей. Узнав об этом, русский царь воскликнул: «Это ненасытный человек, его амбициям нет предела; он — бич для всего человечества. Он хочет войны, и он ее получит. И чем скорее, тем лучше!»¹⁹ Далее, французский автор А. Кастело рассуждал: «Наполеон, коронованный король Италии, теперь

вполне мог вызывать опасения у австрийского императора Франца, давнишнего хозяина внушительной части итальянского полуострова. Ведь теперь у Франции с его страной общая граница! Вена, если она не хотела, чтобы ее сожрали, должна была укреплять свою армию. Англия 11 апреля 1805 года подписала договор с Россией. Речь шла о возведении плотины, если не сказать прочного бастиона, чтобы сдерживать разлив французских притязаний».

4 (16) июля 1805 года в Вене представители русского и австрийского правительств подписали протокол Конференции о совместных военных действиях против Франции. По замыслам союзного командования военные действия должны были вестись на обширном театре от Северного до Средиземного моря. С целью принудить к альянсу колеблющуюся Пруссию к ее границам была придвинута 90-тысячная армия И. И. Михельсона, состоявшая из 40-тысячного корпуса графа Л. Л. Беннигсена и 50-тысячного корпуса графа Ф. Ф. Буксгевдена. В Шведскую Померанию отбывал 16-тысячный корпус графа П. А. Толстого и, наконец, в Баварию на соединение с австрийской Дунайской армией — 50-тысячная Подольская армия под командованием М. И. Кутузова. «Этот обширный план операций был полон непродуманных решений и явных ошибок. <...> Венский гофкригсрат, наученный горьким опытом 1796 и 1800 годов, построил весь свой стратегический замысел на том предположении, что Наполеон неизбежно развернет главные действия снова на итальянском театре, хотя теперешнее размещение французской армии на побережье Ла-Манша должно было сразу исключить такую идею», — рассуждал британский историк Д. Чандлер²⁰. 20 августа русская армия должна была перейти австрийскую границу. «Вторая ошибка австрийцев была уже совсем непростительной: их Генеральный штаб не учел двенадцатидневную разницу между европейским календарем и принятым в России, где все еще придерживались старого юлианского календаря. В результате этого Кутузов едва ли мог прибыть на реку Инн согласно намеченной австрийцами дате»²¹. Следующий пункт протокола был чреват проблемами для М. И. Кутузова. Австрийцы не забыли трений с Суворовым в 1799 году и не желали их повторения. В протокол была внесена следующая оговорка: «Его Величество Российский Император подчинит для общей пользы сию первую армию императорско-королевскому главнокомандующему в такой степени, сколько единство и купность всех операций могут сделать сие важным и необходимым. <...> Действующая в Германии императорско-королевская армия находится

будет под личным начальством его высочества эрцгерцога Карла или его императорско-королевского величества»²². Однако формально главнокомандующим Дунайской армией был назначен 24-летний эрцгерцог Фердинанд, при котором состоял генерал К. Макк, снабженный бланками императора Франца, обеспечивавшими австрийскому генералу превосходство над русскими. Вообще же тень Суворовских походов 1799 года постоянно витала в умах австрийского командования, опасавшегося повторения конфликтных ситуаций на театре военных действий. «Обоюдное прикомандирование генерала от одной союзной армии к другой найдено нужным. <...> Они со всевозможным рачением избегать будут всего того, что может поселить недоверчивость и удаление, а напротив того, при малейшем обстоятельстве сего рода употребят себя для немедленного восстановления с обеих сторон чистосердечной и неограниченной доверенности»²³. Кутузов сознавал, что при существующем недоверии союзников друг к другу конечную цель военных действий, прописанную в протоколе, осуществить можно будет лишь с Божьей помощью: «<...> Должно будет употребить всю соединенную силу обеих российско-императорских армий и императорско-королевской армии для завоевания Швейцарии, дабы открылась напоследок возможность вступить через Швейцарию во французские владения <...>»²⁴.

Во время аудиенции во дворце на Каменном острове государь снабдил главнокомандующего рескриптом с не менее подробной инструкцией: «<...> Успокойте священным нашим словом всех, как то: французов, итальянцев, швейцарцев и иных, что мы не позволим лишить кого-либо собственности, приобретенных во время замешательств, а наипаче купивших национальные имения, ниже принуждать к выбору такого или иного правления, напротив того, не престанем покровительствовать всякую нацию, терпящую теперь под игом управляющего Франциею. <...> Если бы, однако, паче всякого чаяния, при соединенном действии армии нашей с австрийскою получили вы предписание, вследствие коего подлежать будет одним нашим войскам занять и охранять какой-либо пост, остановиться где-либо или итить в такое место, где крайняя предстоит опасность и где большой урон в людях случиться может, тогда не оставите дружественными пояснениями стараться, чтоб таковая опасность была разделена с австрийскими войсками»²⁵. Особое внимание, пожалуй, обращает на себя предостережение государя: «Коварная политика настоящего французского правительства, коей следуют и генералы французские, довольно уже соделалась известною. Они, часто находясь

сами в крайности и искусно скрывая таковое свое положение, предлагают перемирие под разными благовидными предложениями и по наружности кажущимися для обеих армий полезными, а в существе или для того, чтобы дать время поспеть идущему к ним подкреплению или чтоб в продолжении самого перемирия занять какое-либо выгодное место и даже напасть на своего неприятеля, а потому всячески должно удалиться от подобных соглашений, разве собственная польза для армии нашей того требовать будет, да и тогда, не полагаясь ни мало на существующее перемирие, будьте всегда в готовности и крайне остерегайтесь внезапного нападения»²⁶. Государь, наслышанный о вероломстве французов, ставивших тем самым в тупик «старорежимные армии», как в воду глядел: но, предварив своего военачальника о возможных хитростях противника, он сам на них позже и попался. Чего только не предусматривалось в рескрипте! «Горизонт ожиданий» союзников в то время был велик. Историк же, читая документ, на короткое время становится «моложе» участников тех событий, знает, чем все это закончится, и часто ему не по себе от этого знания. Он как бы поворачивает время вспять. Вот, например, письмо самого Михаила Илларионовича супруге от 31 августа: «Насилу, мой друг, доехал сегодня только до границы. Прескверная дорога была от самого Петербурга. <...> Сегодня в ночь пускаюсь в дорогу за границу и скоро надеюсь войски догнать. Я довольно здоров. Детей уведомя, что я здоров и их помню и благословляю <...>»²⁷. Вместе с ним отправился в поход и его зять — флигель-адъютант Фердинанд Тизенгаузен, муж любимой дочери Лизаветы Михайловны. Незадолго до начала военной страды Кутузов написал ей: «Папушинька! Вот и ты сделалась матерью, дорогая моя Лизанька. Люби своих детей, как я моих, и этого будет достаточно. Да благословит Бог тебя и твою малютку. Брюнетка ли она, или блондинка? Умна ли она? А главное, послушна ли она? <...> Ежели бы быть у меня сыну, то не хотел бы иметь другого как Фердинанта. Боже вас благослови»²⁸.

Кутузова настораживало необъяснимое обстоятельство: «Он выехал за границу на любимой своей лошади, той самой, которая находилась с ним в прежних его походах и была столь умна, что при каждом выстреле во время сражения оглядывалась, есть ли на ней седок? Хорошее хождение за сею лошадию отдаляло от нее те многочисленные болезни, каковым бывают они подвержены при небрежении, и потому она была всегда здорова; но лишь только Кутузов выехал за границу, она начала ежедневно, а особливо пред сражением, хромать столь сильно, что Михаил Ларионович принужден был ее оставлять. Но всякой раз, как он с нее сходил и ее отводили в обоз, она

переставала хромать. Сия странность побудила к изысканию причины от чего она хромала, но тщетно искали в ноге какого-нибудь повреждения; лошадь не чувствовала в ней ничего, но при всем том всякий раз, как Кутузов хотел ее употреблять, она делалась снова хромою. Весьма многие относили сие происшествие к неблагоприятствующим предзнаменованиям...»

В местечке Броды Кутузова встретил австрийский генерал Штраух, который должен был сопровождать его в австрийских владениях, заботясь о снабжении русских войск всем необходимым. Войска наши шли пятью колоннами, причем первую возглавлял любимый ученик Суворова генерал-майор князь П. И. Багратион. Поначалу, как и было условлено, шли не торопясь, но вскоре стали поступать сведения о стремительном передвижении Наполеона из Булонского лагеря к среднему Рейну. «Австрия, в надежде на дружественное расположение курфюрста баварского и обольщенная им, заложила знатные магазины в его владениях, предпринимая вывести войну сколь можно далее от областей своих»²⁹. По словам С. М. Соловьева, «в то время как в Вене думали, что „театральный император“ находится в бездействии, Наполеон с необыкновенной скрытностью и быстротой двигал свои войска на восток. Нет сомнения, что он был очень рад этой континентальной войне, ибо сосредоточение сил на берегах Атлантического океана для преднамеренной будто бы высадки в Англию не достигало цели; Англию нельзя было этой угрозой принудить к миру, а высадку Наполеон не мог не признавать предприятием отчаянным. Теперь континентальная война давала ему отличный предлог покончить с приготовлениями к высадке, которые скоро грозили стать смешными, и нанести Англии удар поражением коалиции, о которой она так хлопотала»³⁰. Венский двор немедленно обратился к Кутузову с просьбой ускорить марш, выделив дополнительное количество подвод. От Тешена пехота делала от 45 до 60 верст в день. По воспоминаниям А. П. Ермолова, «войска наши проходили австрийскую Галицию в полном избытке, в порядке совершеннейшем, и уже не в дальнем были расстоянии от Браунау. По распоряжению Главнокомандующего отпущено было в войска большое число подвод и учреждены станции для перемены оных другими. Войска в каждый день делали удвоенный переход, ибо половина пехоты попеременно садилась на подводы, артиллерия половину пути делала на обывательских лошадях. Армия следовала пятью колоннами, в одном марше расстояния между собой»³¹. 11 сентября М. И. Кутузов обратился к нашему посланнику в Вене графу А. К. Разумовскому: «Форсированный

марш, которого добивается от нас Венский двор, может быть только вреден для нашей армии, несмотря на подводы, предложенные нам для перевозки пехоты по четыре мили в день. Наши солдаты после уже перенесенного утомления сильно пострадают, и Министерство Его Императорского и Королевского Величества может легко убедиться в том, что солдат, сделав четыре мили пешком, вовсе не отдыхает, если в тот же день должен еще сделать четыре мили на подводе. Однако, поскольку интересы австрийского кабинета, тесно связанные с интересами нашего Двора, требуют этих мер, я ни на минуту не колебался удовлетворить их требование и соответствующий приказ был отдан тотчас же. Что же касается до артиллерии, то при всем моем желании удовлетворить желание австрийского двора, ее невозможно заставить двигаться с той же быстротой, как и пехоту, учитывая, что лошади уже измучены дорогой, что двойной рацион фуража не может придать им необходимых сил для двойного перехода в день <...>³². Но требования австрийцев возрастали. Венский двор вновь обратился с просьбой к главнокомандующему русской армией ускорить марш, что вызвало его протест, который он изложил в письме генералу Штрауху: «Я считал, что пошел далеко, согласившись сначала, чтобы солдаты имели дневку только на 4-й день, так как в Протоколе совещаний <...> прямо сказано, как известно Вашему Превосходительству, что русские императорские войска не должны совершать более форсированные переходы, чем установлено в означенных совещаниях. Я уже в известной мере вызвал неудовольствие Императора, моего Повелителя, когда давал согласие на первое изменение, и потому тем меньше могу согласиться на то, чтобы солдаты имели дневку лишь после четырех дней усиленных переходов при теперешней погоде. Ваше Превосходительство сами увидите невозможность этого, если Вы любезно обратите внимание на большое количество больных; число их за эти два дня удвоилось, и даже здоровые так обессилели, что почти не могут больше передвигаться. Сюда добавляется еще то, что у большинства при теперешней сырости порвана обувь; они были вынуждены идти босиком, и ноги их так пострадали от острых камней шоссейной дороги, что они не могут нести службу <...> Поэтому я приказал, чтобы армия продолжала свой поход, как она делала это раньше, то есть, чтобы она имела дневку через каждые три дня. <...> Уже теперь я вынужден оставлять позади больных, число которых быстро возрастает и потому прошу Ваше Превосходительство любезно указать мне, в каких городах на походе я найду госпитали»³³.

О чем еще настойчиво просил полководец? «Чтобы дать некоторое облегчение солдатам, которые разорвали в походе свою обувь, я подумал, не было ли бы возможно во всех тех местах, где мы будем иметь дневку, собрать сапожников чтобы помочь солдату при починке его обуви? Я не знаю насколько это достижимо, но был бы очень благодарен Вашему Превосходительству за это. Я также прошу, поскольку это возможно, побудить купцов в разных городах предложить к продаже имеющуюся у них на складах подошвенную кожу и установить на нее цену, чтобы никакой купец не мог требовать за нее дороже и солдаты не переплачивали. <...> Мне остается еще только указать Вашему Превосходительству, что обещанная солдатам порция водки не выдавалась второй колонне; я приписываю это невозможности приготовить ее в таком количестве и потому, не распространяясь по этому поводу, лишь очень прошу любезно позаботиться о том, чтобы мясо согласно обещанию, варилось с овощами, а не только в воде, как это делалось до сих пор»³⁴. В трудах современных авторов в 1990-х годах появилась версия о том, что Кутузов был настолько жестокосерден и циничен, что беззаботно бросил на произвол судьбы воинов, раненных при Бородине; кого на поле битвы кого в Москве... Приведя строки из официальной переписки Кутузова 1805 года, позволим задать вопрос: производит ли полководец впечатление человека бессердечного, равнодушного к чужой боли, даже если речь идет о нижних чинах которых он называл «товарищами по оружию»? Документы эпохи указывают на то, что перед нами человек иного нравственного склада: религиозный Кутузов — против давно уже ни во что не верящих авторов, которым интересен не характер Кутузова но для чего-то нужен миф, его порочащий. В наши дни любой положительный экраный герой легче разбрасывается человеческими жизнями, чем это делал «предводивший армиями» военачальник.

24 сентября М. И. Кутузов прибыл для переговоров в Вену где его торжественно встретили двор и представители всех сословий. Император Франц от души благодарил русского генерала за скорость марша. В тот же день Кутузов сообщил Александру: «Австрийский генерал-майор Страух (Штраух) сего числа вручил мне шестьдесят тысяч гульденов именем Государя своего, пожалованные офицерам армии, высочайше мне вверенной, в виде столовых денег, на время формированного марша»³⁵. Военный историк А. И. Михайловский-Данилевский отметил в своем труде: «В первенствующем Министре, графе Кобенцеле, бывшем некогда послом в Петербурге, нашел Кутузов своего старинного, короткого

приятеля, собеседника Эрмитажных вечеров Императрицы Екатерины. Граф Кобенцель представил ему Членов Военного Совета, имевшего тогда сильное влияние на дела военные. Сначала Члены Совета опасались, что найдут Кутузова столь же твердым и настойчивым, как Суворова, когда он въехал в Италию, но с первой встречи увидели в Кутузове готовность во всем с ними соглашаться, даже руководствоваться их мнениями. Обладая редкою способностью господствовать над умами и привязывать к себе сердца, Кутузов в несколько дней устроил дела, требовавшие присутствия его в Вене <...>³⁶. Михаил Илларионович не стал удивлять австрийцев непреклонностью характера, стремлением повелевать, подчинять всех своей воле, эксцентричностью выходок, — всем, чем славился А. В. Суворов. Кутузов был отличным психологом, твердо знавшим: для того чтобы добиться успеха, ни в коем случае не следует демонстрировать свое превосходство или оказывать на людей давление. Напротив, следует признать их достоинство, попросить не оставлять советами, незаметно убедив в том, что его намерения совпадают с их пожеланиями. Он находился на чужой территории, где положение его армии целиком зависело от доброй воли союзников, поэтому и не пошел по пути Суворова, сразу настроившего их против себя. Этот путь был вообще не для Кутузова. 26 сентября Михаил Илларионович отправил письмо товарищу министра иностранных дел графу А. П. Чарторыйскому: «24 сентября <...> я прибыл в Хетцндорф, охотничий замок в небольшом расстоянии от Вены, где после представления нас графом Разумовским Его Величеству, Императору и Королю, мы были оставлены обедать. Этот Монарх оказал мне бесконечно любезный прием и в различных выражениях высказал мне, что он полностью разделяет те чувства, которые неизменно высказывает наш августейший повелитель, и что нет ничего приятнее, как иметь дело с Императором Российским, который ничего не делает наполовину, что он прекрасно понимает, что без его помощи меры, принятые, чтобы приостановить последние успехи французского правительства, не были бы столь внушительны <...>». Однако следующие строки выдавали подлинную озабоченность старого дипломата и воина: «Вчера вечером граф Кобенцель сообщил господину послу графу Разумовскому, что французская армия, разделенная на пять колонн, вступила на прусскую территорию, несмотря на протесты их представителей, которым генерал Бернадот заявил, что ничто не может его остановить и все, что он может сделать, это соблюдать наистрожайшую дисциплину и платить наличными деньгами за все, что ему будет доставляемо во владениях Прусского

Короля»³⁷. Прусский король категорично отказал Александру I пропустить через свою территорию русские войска, и корпусу Ф. Ф. Буксгевдена из уважения к воле Фридриха Вильгельма III пришлось обходить его владения. Для Наполеона всех этих дипломатических «мелочей» не существовало, коль скоро они шли вразрез с его стратегическими замыслами. Как часто сталкивались два мира: «старая Европа» и мир, созданный революцией. «В наше время энергичны только разбойники», — сокрушался Ж. де Местр. Это проявлялось не только в воззваниях Наполеона, но и в поведении его маршалов.

27 сентября Кутузов нагнал свои войска в Браунау в твердой уверенности в скором их соединении с австрийцами, находившимися в крепости Ульм на границе с Баварией. Здесь его впервые увидел И. Бутовский, получивший назначение состоять при Кутузове ординарцем: «Скоро зала наполнилась генералами и штаб-офицерами. Сзади нашего фронта была маленькая дверь, вроде потаенной, и оттуда через полчаса вышел Кутузов в теплом вигоневом сюртуке зеленоватого цвета. Скромно пробравшись вдоль стены к правому флангу, сперва прошел он офицеров, разговаривая с некоторыми, а потом начал смотреть наш фронт. Я стоял по старшинству полка первый. <...> Михайло Ларионович подошел ко мне, спросил мое имя и которой губернии. На мой ответ он вскричал: „Ба, малороссиянин!“ — и, обратясь к Милорадовичу, промолвил: „Благословенный край, я провел там с корпусом *мои лучшие годы* (выделено мной. — Л. И.), люблю этот храбрый народ!“ Случившемуся тут же моему шефу генералу Дохтурову он приказал оставить меня при Главной квартире бессменным [ординарцем]. Потом я узнал, что Кутузов часто посещал дом моего деда и нередко проживал у него дня по три и более. Переступив во вторую шеренгу и проходя по ней, он проговорил с каждым вестовым несколько слов: все из них были уроженцы великороссийских губерний, и он о каждом русском племени отозвался в различных выражениях с искусной похвалой <...>»³⁸. В Браунау русский посланник в Баварии барон Бюлер, покинувший Мюнхен в связи со вступлением туда французов, подтвердил точность сведений, полученных в Вене. Баварский курфюрст не пленился программой «положительных намерений» и «твердопринятых правил» союзников, переметнувшись к неприятелю, обещавшему ему щедрое вознаграждение за счет земель, входивших в империю Франца II. Для Кутузова это означало, что войска Наполеона уже стояли на дороге, ведущей к Ульму. Более подробных сведений о противнике не было. В отличие от простодушного Павла I,

сообщившего всей Европе о походе казаков в Индию, Наполеон запретил помещать в газетах какую-либо информацию о движении своих войск. Князю П. И. Багратиону было приказано составить авангард армии, и по всем направлениям отправились конные разъезды и лазутчики. Пока же главнокомандующий остановил свои войска в ожидании известий. Через три дня пришло письмо от эрцгерцога Фердинанда, на первый взгляд содержащее сведения об успехах австрийцев, но сильно насторожившее Кутузова: «Неприятель не хочет атаковать нас с фронта, но обходит нашу позицию, стараясь помешать мне соединиться с вами. <...> В самом деле, наше соединение с вами становится на минуту невозможным, или, по крайней мере, опасным, потому что неприятель овладел Донаувертом. <...> Находясь в Ульме, я не могу терять выгоды действовать на обоих берегах Дуная»³⁹. В письме сообщалось, что эрцгерцог намерен зачем-то дважды переправиться через Дунай: сначала на левый, а потом на правый берег, но «ниже», без уточнения, где именно. Русским же войскам предлагалось присоединиться к союзникам, чтобы «приготовить неприятелю участь, какую он заслуживает». Кутузову, несмотря на бодрые заверения эрцгерцога, стало очевидно, что австрийцам нужно уносить ноги с «превосходной позиции», но чтобы не обидеть союзников, он отдал приказ по армии: «Сего числа получил я известие о победе, одержанной императорско-королевскими союзными войсками при городе Ульме сего месяца 11-го числа нового штиля над французскою обсервационною армией под командованием фельдмаршала Нея. <...> Для принесения Всевышнему благодарения о благословении союза нашего и даровании победы и утверждения в мужестве имеет быть в моей квартире завтрашнего числа молебствие в 10 часов пополудни, при коем быть генералитету и наличным штаб-офицерам, в Браунау находящимся»⁴⁰. Но тут же он отдал приказ генерал-лейтенанту Д. С. Дохтурову: «Нужно мне отделить один баталион от вашей колонны к Шердингу для занятия там прохода: для чего и отделить из колонны вашей с баталионом, который немалолюден (!!!), исправного штаб-офицера, и ежели сей не знает немецкого языка, то иметь ему одного или двух офицеров, сей язык знающих. <...> Мне кажется, можно бы отрядить майора Узмера с баталионом, которым он командует»⁴¹. Из приказа видно, что в батальонах не хватало отставших на марше людей и исправных офицеров с боевым опытом. При всем старании невозможно было избежать конфликтов; неприятные воспоминания об измене австрийцев в Суворовском походе 1799 года подогревались неопределенностью обстановки. 3 октября Кутузов отдал приказ по

Подольской армии: «Рекомендую господам шефам подтвердить офицерам полков, им вверенных, оказывать должную в обхождении благопристойность с австрийскими офицерами, наипаче же всякое уважение и почтение к их генералитету»⁴². Русские войска, которые уверенно чувствовали себя на учебном плацу, вероятно, внушали Кутузову опасения в походе, поэтому 5 октября опытный генерал отдает подчиненным приказ о том, как вести себя в сражении, чтобы ему сразу не лишиться всей армии: «Часто будет случаться надобность формировать баталионные колонны, как для проходу сквозь линии, так и для лутчего наступления в трудных местах. <...> Свойственное храбрости российское действие вперед в штыки употребляться будет часто, причем примечать и наблюдать весьма строго: 1-е. Чтобы никто сам собою не отважился кричать победоносное ура! пока сие не сказано будет, по крайней мере, от бригадных генералов. 2-е. Чтобы при натиске неприятеля в штыки люди не разбегивались, а держались во фрунте, сколько можно. 3-е. Сколь скоро сказано будет: стой! равняйся! тотчас остановились; тут видна будет доброта каждого баталиона особенно и достоинство его командира, который предписанные сии осторожности выполнит»⁴³.

Потом из-под Ульма стали поступать малоутешительные известия о судьбе разрозненных австрийских отрядов, пытавшихся в одиночку прорываться из окружения, о чем Кутузов доложил государю: «Сообщения с армиею ерц-герцога Фердинанда совершенно отрезаны, я, однако, употребил все средства, не жалея ни мало и денег, дабы получить что-либо положительного о его высочестве; несколько людей, разнообразно переодетых, посланы уже для разведывания»⁴⁴. 7 октября Кутузов узнал о поражении генерала Макка под Ульмом, но пока еще не ведал о его полной капитуляции. В самый тот день, когда Кутузов составлял рапорт государю о неудаче, постигшей эрцгерцога Фердинанда, а Наполеон торжествовал победу над незадачливым Макком, обе стороны еще не знали, что адмирал Нельсон наголову разбил франко-испанский флот при Трафальгаре. Европа была вынуждена еще десять лет сражаться со своим злейшим противником, который был уже обречен. В Браунау прибыли войска австрийского корпуса М. Кинмайера, который вывел из окружения 18 тысяч человек, а затем пробились остатки отряда генерал-майора графа Р. Ностица. Австрийские генералы, находившиеся в Браунау, требовали от Кутузова, чтобы он, вопреки всему, двинул армию вперед, овладел Мюнхеном и соединился с эрцгерцогом Фердинандом, но Кутузов не тронулся с места. 9 октября он написал графу Разумовскому: «При таком состоянии дел, признаюсь вам

откровенно, господин посол, что я затрудняюсь принять решение, согласно с желаниями венского двора. <...> Слишком продвинуться вперед, в Баварию, значило бы облегчить сильнейшему противнику возможность ударить мне в тыл и вторгнуться в австрийские владения. Остаться же здесь долее значит подвергнуться атакам французов с их троекратно превосходящими силами и быть отброшенным к столице»⁴⁵. Размер катастрофы сделался очевидным 11 октября. Этот день накрепко запечатлелся в памяти А. П. Ермолова: «Генералу Кутузову представляют немолодого человека, имеющего сообщить ему важное известие. Мог ли ожидать г[енерал] Кутузов, что то был сам генерал Макк с известием о совершеннейшем уничтожении армии, бывшей под его начальством? <...> Не избежал плена и сам генерал Макк; но давши реверс не служить против французов, он получил увольнение и за паспортом их отправился в свои поместья. Перевязанная белым платком голова его давала подозрение, что главного подвига сохраняет он, по крайней мере, некоторую память. Но он успокоил насчет опасности, объяснив, что от неловкости почталиона он более потерпел, нежели от неприятеля. В дороге опрокинута была его карета, и он ударился головою так, однако же, счастливо, что она сохранена на услуги любезному отечеству. <...> Узнавши все подробности происшествия, генерал Кутузов, поблагодаря г[енерала] Макка за известия, с ним расстался. Кажется, никому лучше нельзя было поверить в сем случае. Генерал Макк и то заслужил удивление, что скоростию путешествия своего предупредил и самую молву. Австрийская армия не имела на сей раз расторопнейшего беглеца»⁴⁶. Не дожидаясь одобрения обоих императоров, Кутузов принял единственно верное решение; «неприятель шел с большою скоростию и уже не в дальнем находился расстоянии. Быстрое отступление было единственным средством, но с нами была вся тяжелая артиллерия, госпитали и обозы. Дабы сколь возможно облегчить войска при отступлении, приказано все тягости отправить обратно; но г[енерал] Кутузов с войсками оставался в Браунау, ожидая присоединения австрийских войск, спасшихся от поражения при Ульме»⁴⁷. Он не стал выказывать Макку негодование, выразив ему искреннее соболезнование приглашением на обед. В теплой атмосфере за столом, в дружеской беседе с «несчастливым Макком», Кутузов получил сведения, которые немедленно отправил графу А. К. Разумовскому: «Господин посол. Ваше превосходительство уже осведомлены письмом, которое я имел честь написать вам вчера, что я видел генерала Макка при его проезде через Браунау. Он обедал у меня с графом Мерфельдом, и в то

время, как мы были за столом, наша беседа велась о несчастном поражении эрцгерцога Фердинанда, а также, что касается французской армии в Баварии. Не распространяясь здесь перед вашим превосходительством о подробностях, которые вы, может быть, знаете от самого господина Макка, за долг, однако, почитаю, господин посол, поговорить с вами о некоторых пунктах нашей беседы. Будучи убежден, что ваше превосходительство будете не прочь о них узнать, я делаю это предметом настоящего послания. <...>

В тот же день, как господин Макк попал в руки французов, Бонапарт призвал его к себе. С двух часов пополудни до того времени, как зажгли свечи, так сказал он мне, он пробыл в кабинете главы французского правительства, который в течение этого времени несколько раз заговаривал с ним о своем желании видеть прекращение враждебных действий. Господин Макк ему ответил, что его Император также не отказался бы от соглашения, покоящегося на прочных основаниях, и что он никогда не был против этого, но, несмотря на неудачи эрцгерцога Фердинанда, он ничего не может ускорить без согласия своего ближайшего союзника, императора России. Бонапарт ответил, что он готов также договориться с нашим августейшим монархом, чувства которого ему прекрасно известны, и точно выразился следующими словами: „Александр честный человек, добрый и лояльный, но я не люблю его правительство, преданное интересам Англии и целиком ею руководимое“. Потом он добавил, все так же обращаясь к Макку: „Вы можете сказать вашему императору, что я решился на жертвы и даже на большие жертвы, чтоб вернуть мир Европе, к тому же я уверен в Пруссии“. Потом, говоря о других предметах, глава французского правительства снова вернулся к вопросу о мире, и господин Макк согласился в некотором роде принять поручение Бонапарта сделать мирные предложения его императорскому и королевскому величеству, но большего он передо мной не открывал, и, видя его сдержанность, я решил больше его не расспрашивать. Присутствовавший граф Мерфельд очень нас стеснял, *проявляя неудовольствие от откровенности генерала Макка* (выделено мной. — Л. И.). Эта беседа родила во мне мысль, что глава французского правительства, видя, с одной стороны, что коалиция с каждым днем становится все могущественнее, благодаря присоединению к ней некоторых дворов, быть может, сделал австрийскому двору довольно выгодные предложения, чтоб отделить его от коалиции <...>⁴⁸.

Кутузов нарочито подробно передал прямую речь касательно императора Александра I. С другой стороны, мы видим, что полководец засомневался в союзниках. До известной степени он понимал их, принимая

во внимание тяжелое экономическое положение страны после предыдущих войн, а теперь и вовсе ставшей театром военных действий. Полководец, вероятно, обдумывал положение и самого Бонапарта. Ситуация для него изменилась: в 1800 году он продиктовал Австрии Люневильский договор, опираясь на поддержку Павла I и Северный союз, но теперь не было ни Павла I, ни союза, а у Франции после Трафальгара не было флота. Наполеон снова был отброшен в начало пути... Кутузов, как опытный дипломат, видел, что баланс сил в Европе снова нарушен — «европейский эквилибр» качнулся в пользу правящей на морях державы. Это означало, что Великобритания вне опасности, а Австрия, если она желает защитить свою столицу, должна прикрывать ее в первую очередь своими войсками, отозвав их из Италии и Тироля. Австрийцы, находившиеся у него под рукой, были деморализованы случившимся, и его армия стояла посреди Европы в самом невыгодном положении. Ситуация, в которой оказался Суворов в 1799 году, казалось, повторялась, поэтому Кутузов принял решение немедленно уходить. Австрийских генералов, собранных на обед, незаметным образом удалось подвести к тому убеждению, о чем Кутузов в тот же день доложил императору Францу I: «Генерал Макк, прибывший в Браунау <...> сообщил мне сведения о французах. Одновременно он сказал, что весьма спешил с приездом сюда, чтобы отговорить меня продвигаться вперед, ввиду того, что Бонапарт сосредотачивает все свои силы в Мюнхене, чтоб обратить их на меня, и что я рискую быть окруженным со всех сторон несколькими корпусами противника, значительно превосходящего меня численностью. Мы, генерал Макк, генерал Мерфельд и я, сочли необходимым, чтоб я отступил с армией к Ламбаху, где буду ждать приказаний вашего императорского и королевского величества, постепенно отходя, смотря по обстоятельствам, до Эннса и Линца, на случай, если враг будет мне сильно угрожать»⁴⁹. В первую очередь полководец приказал вывозить из Браунау артиллерию, больных и раненых, ломать мосты. Он старался оживить «упавший дух в жителях и австрийских военных и гражданских властях, ошеломленных успехом Наполеона». А. И. Михайловский-Данилевский впоследствии сообщил сведения, полученные им от очевидцев тех дней: «Неизменный в неудачах и успехах, Кутузов хранил хладнокровие. При общем унынии наших союзников, главная квартира его в Браунау была средоточием веселостей, напоминая торжественный, великолепный Екатерининский век. Кутузов являлся последним представителем его»⁵⁰.

Старый полководец не сомневался, что после разгрома австрийцев

главной целью французского полководца теперь стал он сам. У Кутузова под рукой было около 35 тысяч; по словам генерала К. Макка, неприятель имел не менее 140 тысяч. Предполагая скорое присоединение к коалиции Пруссии, появление на театре военных действий 90-тысячной армии эрцгерцога Карла и 23-тысячной армии эрцгерцога Иоанна, отставших русских войск под командованием Ф. Ф. Буксгевдена и Л. Л. Беннигсена, Наполеон должен был спешить. Итак, гонки начались... 15 октября Наполеон выступил из Мюнхена на Браунау, разделив свою армию на две части. Первая, под его личным командованием, включала корпуса маршалов Ланна, Даву, Сульта и гвардию и висела на хвосте у русских. Вторая — состояла из корпусов Барнадотта, Мармона и баварцев, стараясь обойти Кутузова слева. 17 октября, получив известия о появлении неприятеля на берегах реки Инн, полководец приказал отступать, поручив арьергард князю П. И. Багратиону. 19 октября Кутузов пришел в Ламбах, заняв позицию за рекой Траун. Сюда же в Вельс прибыл император Франц. Еще 14 октября 1805 года М. И. Кутузов получил от него лестное письмо: «Любезный мой генерал-аншеф граф Кутузов! (По-видимому, Франц не допускал и мысли о том, что Кутузов не обладает титулом „имперского графа“. — Л. И.) Вам известно несчастье, постигшее армию, находящуюся под предводительством двоюродного брата моего эрцгерцога Фердинанда. Важность, которую имеет для меня в настоящую минуту позиция вашей армии, уверенность моя в ваших способностях и в вашей доброй воле побуждают меня прибыть к вам и лично обсудить, что следует предпринять в общем, с государем вашим, для меня деле. Завтра утром выезжаю, нигде не остановлюсь и весьма желал бы застать вас еще на позиции у Инна. В таких критических минутах, как настоящая, нужна в особенности твердость, и я рассчитываю на вашу и на ваши добрые чувства. Благосклонный к вам Франц». На военном совете Кутузов твердо заявил союзникам, «что почитает необходимым предложить меру тяжкую, но могущую восстановить дела: не упорствовать в удержании Вены, отдать ее французам, только действуя неторопливо, надлежало, по мнению Кутузова, сперва сильно защищать переправы на Эннс; потом перейти на левый берег Дуная, не перепускать за собою неприятеля, останавливая его на правом берегу, а между тем соединяя на левом все разрозненные части союзных армий, и собравшись с силами, так сказать, начать новый поход»⁵¹. План русского генерала соответствовал обстановке и был принят императором Францем, что подтверждалось письмом от 17 октября: «Господин генерал-аншеф граф Кутузов! При сем посылаю вам операционный план, совокупно нами вчера составленный. <...> Доверие, которое вы внушили мне вашим

усердием, вашей доброй волей, вашим разумом и мужеством, а также и упование мое на всю армию вашу не допускает ни малейшего сомнения, что вы в чем-либо отступите от точного исполнения этого плана, разве только тогда, когда принудит вас к тому крайняя необходимость»⁵².

До встречи с неприятелем русские войска сражались с непогодой: «Глубокое осеннее время и непрерывные дожди до такой степени разрушили дороги, что войска на третьем переходе от Браунау догнали отправленные вперед тягости, и по необходимости умедлилась скорость движения. <...> В городе Ламбахе армия остановилась один день, дабы тягостям дать время удалиться. Здесь достиг нас авангард неприятельский, и мы в царствование Александра I в первый раз сразились с французами. Мы занимали выгодное местоположение, войска нашего арриергарда противостояли с наилучшим духом, потеря была незначительна; отличился 8-й егерский полк, коего начальник граф Головкин умер от полученной раны. Потеряно одно орудие конноартиллерийской роты полковника Игнатьева, под которым лопнула ось от излишней экономии коломази. Начальство точной причины не узнало, а полковник Игнатьев в донесении своем рассудил за благо подбить его неприятельским выстрелом»⁵³. Император Франц, время от времени, считал нужным давать советы: «Избегать поражений, сохранять войска целыми, невредимыми, не вступать в сражение с Наполеоном, но удерживать его на каждом шагу, давая время явиться на театр войны эрцгерцогам Карлу и Иоанну и шедшим из России корпусам». Кутузов немедленно отвечал в своем неподражаемом стиле: «<...> Ободренный доверием, коего Ваше Величество удостоиваете меня, и привыкнув с той минуты, когда я имел щастие представиться вам в Вене, говорить с Вашим Величеством откровенно, осмеливаюсь доложить, что я убежден в необходимости следовать присланному мне операционному плану, но при всей моей доброй воле, предвижу великие затруднения. Если мне оспаривать у неприятеля каждый шаг, я должен буду выдерживать его нападения, а когда часть войск вступает в дело, случается надобность подкреплять их, отчего может завязаться большое сражение и последовать неудача. Я нарушил бы мои обязанности, если бы не представил вам, Государь, сего мнения, внушенного усердием верного слуги и пользам искреннего союзника Монарха моего»⁵⁴.

День 21 октября, судя по переписке, был насыщен событиями. Александр I и король Пруссии Фридрих Вильгельм III ратифицировали Потсдамский договор: король принимал на себя вооруженное посредничество между воюющими державами, результатом которого

должно было стать восстановление мира на континенте либо продолжение военных действий, но уже с участием Пруссии, оскорбленной нарушением ее нейтралитета. За французами оставалось все, что причиталось Франции по Люневильскому договору; уничтожались только те распоряжения Наполеона, которые, собственно, и привели к созданию Третьей коалиции. Император Франции должен был возвратить наследственные земли сардинскому королю, вернуть независимость Голландии, Швейцарии, Неаполю, Германской империи, обеспечить независимость Итальянского королевства и неприкосновенность Турции. Однако, как рассуждал С. М. Соловьев, «это значило бы признаться, что испугался коалиции, уничтожить обаяние, которое он производил над французами, — обаяние силы, не знающей препятствий, и это после того, как народ, находившийся под таким обаянием, провозгласил его императором». Конвенция убедила Наполеона лишь в одном — он должен поскорее уничтожить армию Кутузова, трудности которой возрастали. 21 октября Кутузов дал предписание Д. С. Дохтурову представить сведения о требующей замены амуниции: «в случае худого состояния вещей, хотя бы оные не выслужили положенных сроков, снабжать новыми на перемену старых», «медицинских чинов принимать из вольнопрактикующих с назначением приличного им жалования», «Его Величеству угодно, чтобы во всех полках находилось всегда комплектное число унтер-офицеров, почему при убыли таковых, дабы вакансии без промедления замещены были, Его Величество предоставляет производить в сие звание достойных из рядовых самим шефам» (заметим, в числе произведенных могли быть и бывшие крепостные), «снабдить кавалерийские полки торбами по примеру употребляемых в Цесарии, в коих помещается овса на несколько дней», «торбы требовал я из австрийских магазейнов и оные в кавалерийские полки отпущены будут по полному комплекту»⁵⁵. В тот же день Дохтурову сделано предписание: «<...> Его Императорское Величество <...> высочайше повелеть изволил, дабы я наистрожайше предписал, чтобы шефы, невзирая на то, что в нижних чинах есть такие, кои по маловременной службе не так тверды в строю против протчих, выводили бы без исключения в строй всех тех, кои состоят в наличности при полку <...>». Последнее означало, что государь осознал, что, как бы ни портили красоту строя новобранцы, война — это не парад. Гнев Кутузова обрушился в тот же день на его родственника: «К стыду господ начальников, у кого сие случилось, должно отнесть, что полки вчерашнего числа пустым слухом до того были встревожены, что в Вятском мушкетерском полку без приказа сами собою зарядили ружья и потом,

дабы разрядить оные, начали стрелять. Совсем должно быть несведущу в военном деле, сколь таковые выстрелы могут быть вредны и опасны в военное время для соблюдаемого в войсках порядка, дабы в подобном случае не взять надлежащих мер, которые бы до выполнения сего не допустили. За таковую оплошность и нерасторопность Вятского мушкетерского полка полкового командира полковника Бибикова арестовать»⁵⁶. Правда, в тот же день порадовал своего ровесника Д. С. Дохтурова известием о том, что государь «всемилоостивейше пожаловать изволил войскам моей команды, шедшим форсированным маршем, по 50-ти копеек на каждого человека»⁵⁷. Несмотря на принимаемые меры, обмундирование солдат не удалось привести в удовлетворительное состояние. И. Бутовский писал в воспоминаниях о пребывании армии в Ольмюцком лагере: «Прибыл император Александр, нам велено было покатаь шинели, чтобы представиться государю в мундирах, но как увидели, что у нас вместо штанов висели одне обгорелые тряпки, то снова приказали раскатать и надеть шинели. Опустивши полы шинелей, мы тронулись в поход». В начале кампании австрийское правительство выполняло свое обязательство по снабжению русских войск. Однако после капитуляции генерала Макка под Ульмом положение, естественно, изменилось. Русские войска стали ощущать недостаток в продовольствии, увеличивающийся изо дня в день: «От самого Браунау мы никогда досыта не наедались, а, соединяясь с имперцами, близки были к совершенному голоду <...> достать что-либо съестное нельзя было ни за какие деньги. <...> В Ольмюцком лагере иногда бывало на весь батальон полбочки муки, и с какою радостию мы получали в полу шинели отпускаемую дачу: подбежав к огню в той же поле растворяли ее водою, месили и пекли в золе без соли лепешки, которые ели с неизъяснимым наслаждением. Изредка отпускались печеные хлебы, на роту доставалось десятка по два, по три; фельдфебель и каптенармус, стараясь выгадать для себя получше кусок, чертили мелом эти продолговатые небольшие хлебы по числу людей с особым искусством и, поставив в ранжир роту, начинали выдачу перекличкой, отделяя каждому ломтик по черте; каждый, приняв его, целовал, перекрестясь, и прятал за пазуху в шинель: в такой редкости был насущный хлеб!»⁵⁸ Чем это грозило армии? «Лишенные качественного питания солдаты добавляли в пищу растительные вещества, некоторые из которых — ягоды белладонны, корни и листья болиголова (омег), корни и листья вороньего глаза, семена и листья белены, листья послена — представляли серьезную угрозу солдатскому здоровью, а также психике,

вызывая у людей припадки „бешенства“. <...> Чисто армейским явлением было отравление медью котлов; о необходимости покрывать котлы полудой Кутузов не уставал упоминать в своих приказах по армии»⁵⁹. 23 октября 1805 года Кутузов доносил государю: «Не могу утаить от Вашего Императорского Величества, что войска весьма изнурены. От самого Браунау стоят в лагере без палаток, пропитание только от одного дня к другому, и в том часто бывает недостаток более суток, потому что иногда нет времени и принять оной. Артиллерийские лошади в крайнем изнурении, и я писал к князю Долгорукову в Вену, чтобы на первый случай достал, по крайней мере, 500 лошадей. Все тяжелые орудия держу я позади себя в двух и трех маршах. Подводы ни одной в этой земле достать уже не можно и отвозить больных крайняя трудность, на что уже употребил часть понтонных фур, истребя находящееся на них дерево»⁶⁰. Мы приводим документы, показывающие, что Кутузов отнюдь не производил впечатление человека робкого десятка, боявшегося сказать лишнее слово перед государем. Кутузов, как главнокомандующий, много на себя берет, требуя предоставить ему не только военную, но и дипломатическую информацию, сообразно которой он самостоятельно принимает решения на театре военных действий. В его письмах прорывалось недовольство тем, что его считали возможным держать в неведении, полагая, что у него под рукой есть все, чтобы реализовать ожидания союзных держав, в то время как у Кутузова не хватало всего: информации, продовольствия, подвод для перемещения полковых обозов, которые, вопреки строгим указаниям, стали забирать у населения. Наконец, в приказах и письмах Кутузова звучат ноты неудовольствия кадровым составом: «комиссариатская часть малолюдна», «провиантских чиновников недостаточно», те, что есть, «по молодости и неопытности не в силах обнять лежащую должность» и т. д. Кутузов сам постоянно отдает приказы, где достать сено на корм лошадям, «солому для шалашей и подстилки солдатам» и как их распределить в войсках. Кутузов обращает внимание: «Распутность, в которую чрез слабость начальников пришли пехотные солдаты, ибо на кавалерию никакой жалобы до меня не доходило, сие распутство время прекратить; на сие по службе способы обыкновенные: цепь около лагеря каждого полку, перекличка, никогда поодиночке рядового не отпускать без офицера». «Всех офицеров, которые сказываются больными, свидетельствовать и показывать в рапортах, чем они больны, ибо мне известно, что многие себя показывают от лени»⁶¹. Кроме того, полководец взял на себя труд самому отдавать лозунги «такого рода, чтобы австрийскими войсками и нашими с равною удобностию могли

быть выговариваемы». 23 октября последовал довольно жесткий приказ: «Всем колонным начальникам на марше их колонн посылать команды для очищения дороги от обозов, дабы на марше отнюдь никакой остановки не было и буде встретится, что повозки в два ряда съедутся и движение марша сделают чрез то затруднительным, то оные сбрасывать на сторону, несмотря, чьи б то ни были, равным образом поступать и с цесарскими фурами»⁶².

Кутузов, по его словам, «знал войну», скорость движения революционной армии и новые правила поведения на марше его не обескураживали, хотя тучи сгущались над его головой все более и более. В тот же день пришло письмо от императора Франца: «Мой дорогой генерал-аншеф граф Кутузов! <...> Крайне необходимо, чтоб вы защищали, как можно долее, правый берег Эннса; но если важные обстоятельства заставят вас оставить его, то ваше отступление должно проводиться как можно медленнее и направляться к Кремсу, где я приказал построить тет-де-пон, который если даже не будет еще готов к вашему приходу, однако его должно защищать любой ценой. <...> В случае же, если вы будете вынуждены оставить позицию при Эннсе и отступить к Кремсу, генералу графу Мерфельду приказано состоять при вашей особе в качестве генерал-квартирмейстера». Однако граф Мерфельд недолго состоял при особе Кутузова. Эннса войска обеих армий достигли без происшествий. На берегу они разделились: Кутузов остался с армией при впадении этой реки в Дунай, направив графа Мерфельда к Штейеру с приказом возводить береговые укрепления. Мерфельд подвергся нападению французов, овладевших переправой, что вынудило Кутузова оставить свой участок обороны. Затем граф Мерфельд получил приказ своего двора следовать к Вене, по словам историка, «оставив Кутузова на произвол собственных сил». Кутузов принял решение оставить Эннс и немедленно уходить к Амштеттену. Наполеон шел за ним следом, стараясь прижать Кутузова к берегу Дуная. Он приказал маршалу Мортье починить мост у Линца, разобранный русскими войсками, перейти на другой берег, не допустив переправы русских. 24 октября авангард маршала Мюрата нагнал при Амштеттене арьергард под командованием князя Багратиона, куда кроме девяти батальонов нашей пехоты (6-го егерского, Азовского мушкетерского и Киевского гренадерского полков) и Павлоградского гусарского полка входили батальон кроатов и несколько эскадронов гессенгомбургцев. Нападение было настолько сильным, что прискакавший в арьергард Кутузов понял, что Багратиону устоять не удалось⁶³. По-видимому, его

войска были атакованы на марше, не успев занять место в строю. Положение выправил генерал-майор М. А. Милорадович, соперник князя Багратиона на пути к славе со времен Итальянского и Швейцарского походов Суворова. Совсем как в апреле 1799 года в бою при Лекко, Милорадович явился на поле битвы, когда, по словам А. И. Михайловского-Данилевского, «князь Багратион отступал». Милорадович лихо повел вперед батальоны Апшеронского и Смоленского полков, запретив им заряжать ружья и напомнив, как Суворов учил их в Италии действовать штыками. С тех пор Милорадович остался начальником арьергарда. Либо Кутузов решил дать отряду Багратиона время оправиться, либо Кутузов, «правая рука» Суворова под Измаилом, поначалу остался недоволен князем Багратионом, «правой рукой» Суворова в Итальянском и Швейцарском походах! По рассказу А. И. Михайловского-Данилевского, «Амштеттенское дело ознаменовалось особым ожесточением. Раненые, после перевязки, спешили возвращаться в бой. Французы говорят, что взятые в плен русские кидались яростно на конвойных»⁶⁴. Рапорт Кутузова Александру I от 25 октября о сражении при Амштеттене заканчивался словами: «И сей день отпор, сделанный неприятелю, честь делает российским войскам. <...> Точный урон с нашей стороны мне еще не известен. Убиты подполковники: Киевского гренадерского полка Щербинин и Мариупольского гусарского Ребиндер, ранен генерал-майор Берх (Берг) и многие другие. Есть некоторые отменно отличившиеся, о которых Вашему Императорскому Величеству со всеми обстоятельствами и представлено будет. Сегодня получил от императора римского повеление, не ходя по Венской дороге, повернуть от Сен-Пельтена на Кремс и там занять твердый пост при переходе через реку. Неприятель восстановил сожженный чрез Дунай мост при Линце, так что будет пользоваться обоими берегами Дуная»⁶⁵. Последнее предложение как будто между прочим оказалось приписанным к победному рапорту, но в нем скрываются главные заботы главнокомандующего русской армией на чужбине. И, конечно, сам за себя говорит приказ от того же числа, из которого становится ясно, почему Кутузов не сразу сообщил государю об «отменно отличившихся». «Во всех подаваемых рапортах о действии против неприятеля, — поучает Кутузов своих молодых сослуживцев, — ежели отделен будет от полку баталион, рота или эскадрон или, неотделенно будучи, в линии отличится каким-либо подвигом, то именовать его всегда так: такого-то полка, такого-то баталиона, или такого-то рота или эскадрон, то и то сделал, в нем такие-то отличились именно, дабы ясно видно было Императорскому Величеству,

чьи батальоны, роты, эскадроны и которых полков»⁶⁶.

Еще гремели выстрелы под Амштеттенем, а Кутузову доставили повеление императора Франца следовать к Кремсу: «Любезный генерал-аншеф граф Кутузов! <...> Если же, как мною вчера было вам упомянуто, непреодолимые силы заставят вас ретироваться, то отступление ваше к Кремсу — что было бы для меня чрезвычайно важно — должно совершиться лишь шаг за шагом, дабы вы могли выждать там подкрепления и прикрыть во что бы то ни стало сооружаемое перед Кремсом по моему приказу предмостное укрепление. <...> Преданный вам Франц»⁶⁷. В тот же день он получил ответ Александра I на свое донесение о тяжелом состоянии армии: «После бедствия австрийской армии вы должны находиться в самом затруднительном положении. Остается для вас лучшим руководством всегда сохранять в памяти, что вы предводительствуете армиею Русскою. Всю доверенность мою возлагаю на вас и на храбрость моих войск. Надеюсь также на ваше убеждение в том, что вы сами должны избирать меры для сохранения чести моего оружия и спасения общего дела. Знаю, теперь ничего не должно представлять случаю, и надобно выигрывать время, доколе корпус Буксгевдена не подойдет на театр войны и пруссаки не начнут военных действий. Однако ж, если вы не можете избежать сражения, то полагаю, что согласно первоначальному нашему мнению, вы пойдете атаковать неприятеля и не будете ожидать его в позиции. Вам непременно должно сохранять доброе согласие с австрийскими генералами, но, удостоверясь из опыта в неспособности генерала Макка, вам не должно полагаться на его советы. Я тогда только останусь спокойным, когда узнаю, что вы решились принять на самого себя высокую ответственность защищать Вену. Вы имеете к себе доверенность мою, армии и союзников. Докажите неприятелю, сколь справедливо возлагается на вас общая доверенность»⁶⁸. Из этого документа уже видны разногласия Кутузова с государем. Они снова будто бы ведут заочный диалог, где один не слышит другого. Кутузов писал Александру I о лишениях, об опасностях, которым армия подвергается в чужой земле, что ничто нельзя оставлять на волю случая, что надо дожидаться Буксгевдена и вступления в войну Пруссии, встретив противника в крепкой позиции. Государь с раздражением пишет о том, что он все это знает, но требует, чтобы Кутузов шел навстречу неприятелю, то есть атаковал его, оборонял Вену, невзирая на изменение ситуации на театре военных действий, где одной из союзных армий фактически более не существует. Император, как видно из текста документа, не осведомлен о том, что даже Франц I выказал

высокую готовность пожертвовать столицей ради конечного успеха. Не знает государь и о том, что Кутузов даже при желании не мог более полагаться на советы генерала Макка, которого разжаловали и отправили в ссылку. День 24 октября представляется бесконечным: после боя под Амштеттенем и чтения неприятных писем высочайших особ Михаил Илларионович, по прибытии в монастырь в Мельке, решил отобедать с австрийскими братьями по оружию, но не тут-то было. В тот же день он сообщил князю А. П. Чарторыйскому: «Сегодня <...> около трех часов во время обеда, в монастырь Мельк прибыл французский трубач с пакетом. Со мною за столом был только генерал-майор Винценгероде и австрийские генералы Кинмейер, Штраух и Шмидт. Пакет был адресован графу Мерфельду, который за несколько дней до того отделился от меня. <...> Я некоторое время колебался, вскрывать ли пакет или нет, но так как австрийские генералы все были того мнения, что при существующих обстоятельствах совершенно необходимо, чтобы я его прочел, и я распечатал пакет. Это было письмо от генерала Бертье примерно в следующих словах: „Я аккуратно получил письмо, отправленное вами с трубачом, доставившим письмо его Императорского и Королевского Величества к Императору, моему повелителю, который поручил мне сообщить вам прилагаемый ответ для передачи его по назначению“. И в самом деле, в том же конверте было письмо Бонапарта к Императору и Королю. Я находился в большом затруднении, желая сохранить его для перлюстрации и имея рядом с собой трех австрийских генералов. Генерал Кинмейер предложил мне взять его, так как тотчас отправлял курьера в Вену, которому и можно его поручить передать; я не мог отказаться вручить ему пакет, не подавая повода к подозрениям. Правда, что граф Мерфельд говорил мне ранее, что посылал трубача, но заверил, что дело идет о доставке нескольких писем пленным, только чтоб узнать по дате их ответа, где находится штаб французской армии. Теперь я имею все основания считать, что существуют переговоры между Австрией и Францией. <...> В настоящий момент весьма важно нашему августейшему двору быть осведомленному о его содержании, спешу сообщить о том вашему превосходительству»⁶⁹.

Пока же государь размышлял о полученной информации, которой австрийцы в конце концов придали самый невинный и благовидный предлог, Кутузов стремительно двигался через Мельке к Санкт-Пёльтену. Здесь Мюрат снова настиг Милорадовича, и опять произошло жаркое арьергардное дело. «Обе стороны приписали себе успех: наши, потому что, давая отпор, отступили в порядке, французы, потому что подались вперед»,

— констатировал историк. Наполеон получил от лазутчиков ошибочное известие: они приняли шестую колонну Эссена 2-го, которая, наконец-то, догнала армию Кутузова, за армию графа Буксгевдена. Наполеон пришел к выводу, что Кутузов даст ему сражение на плато Санкт-Пёльтен, а упорные дела при Ламбахе, Амштеттене и Мельке убедили его в том, что русский генерал старался выиграть время до прибытия другой русской армии. Исходя из этих предположений, Наполеон решил прижать армию Кутузова к Дунаю на правом берегу, а чтобы русский генерал не ускользнул на левый берег, в тыл ему был направлен корпус маршала Мортье. Кутузов, получив известие о появлении французов на левом берегу, немедленно повел свою армию из Санкт-Пёльтена к Кремсу. Перешел там через Дунай, приказав Милорадовичу немедленно истребить за собой мост. Конечно же русский полководец своевольничал: он поступил вопреки последнему повелению императора Франца, о чем он сообщал впоследствии: «Неотступное в последние дни преследование за мною неприятелей подавало мне повод думать, что они хотят напасть на нас или имеют особые замыслы с левого берега Дуная. В самом деле, я не ошибся. Перейдя на левую сторону реки, увидели мы в виноградниках французских стрелков и взяли их до сорока. Все они показали, что принадлежат к корпусу, который перешел за Дунай в Линце и спешил к Кремсу, в намерении поставить меня между двумя огнями. Одно сие обстоятельство, Государь, кажется, оправдывает мое отступление. Что касается до мостового укрепления, то мы его не нашли; было только положено начало батареи, но и на той никого не находилось. Вообще по здешнему местоположению мостовые укрепления делать неудобно. Смею уверить Ваше Величество, что, в полном смысле слова, я оспаривал у неприятеля каждый шаг»⁷⁰. Интонация писем Кутузова, когда он находился вдали от императоров, свидетельствует о том, что старый воин получал удовольствие от состязания с Наполеоном, как от азартной игры. Сначала ему было свойственно опасение: никогда прежде он не имел дел с французами, сокрушившими европейские армии. Особый интерес вызывал у него их предводитель, к нему надо было подстроиться, уловить его неповторимый полководческий почерк, образ мышления. Наконец, Михаил Илларионович стал сознавать, что он инстинктивно чувствует своего противника, поэтому с каждым разом русский полководец действовал все увереннее, хотя и понимал, что обольщаться на свой счет рано: опыта столкновений с французами ему пока не доставало. И он набатывал его, даже если не всегда встречал понимание у своих сослуживцев. Так, однажды вечером он услышал разговор между офицерами, расположившимися у костра. «Кутузов подходит к ним и с

непритворною ласкою и любезною простотою спрашивает их: „О чем, братцы, поговариваете?“ — „Мы разговариваем, — отвечали офицеры, — как бы поскорее подраться с французами“. — „Так должны отвечать все русские офицеры, — сказал Кутузов, — и мы подеремся, только не теперь. Если неприятель опередит нас хотя часом, мы будем отрезаны, если же прежде его поспеем к Кремсу; мы его побьем. И потому — в поход!“⁷¹. Ускользнув от Наполеона, он заставил французского полководца тревожиться за судьбу корпуса Мортье на левом берегу Дуная. И тревога была не беспочвенной. 28 октября Кутузов собрал сведения о количестве войск и направлении движения корпуса Мортье, не подозревавшего, что он уже находится по соседству со всей русской армией. Маршал двигался вдоль берега Дуная по узкому проходу между рекой и склонами гор, поросшими лесом. Кутузов незамедлительно распустил слухи о том, что, покинув Креме, он торопится навстречу подкреплениям в Моравию. 30 октября, днем морозным и пасмурным, Милорадовичу было приказано отходить через узкое дефиле, не задерживая неприятеля. Мортье, поспешив к Кремсу, втянулся в дефиле. Кутузов направил через горы отряд генерала Д. С. Дохтурова, проводником которого вызвался быть местный уроженец генерал Шмидт. Однако Дохтуров со Шмидтом сбились с пути, попав в гористую труднопроходимую местность. Милорадович сам атаковал Мортье, несмотря на то, что Дохтуров, ориентируясь на шум боя, смог спуститься с гор лишь с наступлением сумерек. Судьба же сложилась так, что первый же выстрел, попавший в колонну Дохтурова, насмерть поразил генерала Шмидта. Подкрепление подошло сразу же к обеим сторонам: следом за Дохтуровым подоспела дивизия генерала Дюпона, пытавшегося выручить своего начальника. В результате Дохтуров и Дюпон одновременно ворвались в Дюренштейн, куда прорвался и Мортье, на хвосте которого находились войска Милорадовича. «Когда Мортье ворвался в Дюренштейн, резались на улицах штыками, дрались прикладами». Войска Мортье (дивизия Газана), зажатые между Милорадовичем и Дохтуровым, оказывали бешеное сопротивление. Сослуживцы предложили маршалу переправиться в лодке на другой берег, «представляя позор, если увеличатся трофеи русских маршалом Французской Империи». Мортье отверг это предложение, предпочитая разделить участь своих войск. Вероятно, он поступил правильно, потому что «генерал Грендорж и два полковника для спасения своего кинулись в лодку и были занесены на мель близ берега», после чего их взял в плен поручик Апшеронского полка Шкляревич. Самым невыгодным, по-видимому, было положение войск Дохтурова: он оказался между

прорывающимися навстречу друг другу дивизиями Газана и Дюпона, поэтому Кутузов приказал Дохтурову «отклониться в сторону» в труднопроходимых «дефилях», чтобы пропустить Мортье. Можно, конечно, сетовать на то, что бою при Кремсе не хватало организованности, что была возможность разбить или пленить весь корпус Мортье⁷². Можно, если бы у Кутузова были под рукой карты местности либо от полного истребления корпуса Мортье зависели его дальнейшие планы, но его вполне устраивал достигнутый результат: «Впрочем, если понесенный французами урон был велик, важность битвы заключалась однако не в убыли неприятеля и взятых нами трофеях, но в следствиях битвы. Принудив Наполеона возвратить маршала Мортье на правый берег Дуная, Кутузов приобрел полную свободу действий, и соображаясь с движениями Наполеона, мог оставаться в Кремсе и ожидать графа Буксгевдена, или идти ему навстречу, не опасаясь скорого преследования, или обратиться к Вене. Во всяком случае, он достиг средств, в ожидании свежих войск, оборонять переправы через Дунай и располагать действиями согласно мнению, изложенному им в военном совете, собранном в Вельсе. Кроме того, Кремское сражение имело великое нравственное влияние в Европе. Все бывшие от Браунау до Кремса арьергардные дела доказывали, что прошла наконец Наполеону пора побед дешевых <...>»⁷³. Одним из самых убедительных доказательств победы русских, пожалуй, была мстительная расправа с ранеными: «на следующий день были обнаружены трупы многих раненых русских, в бессмысленной жестокости утопленных в бочках с вином»⁷⁴. 31 октября Франц I, пока еще ничего не зная об успехе союзных войск, поставил перед Кутузовым новую задачу: «Любезный генерал-аншеф Кутузов! В настоящем положении нахожу одно только средство, чрез которое можно надеяться одержать верх над неприятелем, а именно: соединить на дороге от Вены к Ольмюцу все боевые силы, расположенные в Моравии и по этой стороне Дуная; для чего и приказал я генералу графу Буксгевдену прибыть сюда форсированным маршем, а моему фельдмаршал-лейтенанту князю Ауэрспергу я дал подробное же приказание на случай, если бы ему пришлось отступить перед неприятелем. Вам придется немедленно предпринять этот поход, дабы неприятель скорым переходом через Дунай не мог препятствовать вам при исполнении этого вашего назначения»⁷⁵.

«Яркими красками описывают французы гнев Наполеона при известии о Кремском бое — первой неудаче, постигшей его оружие среди самого блистательного похода, накануне дня, когда надеялся он окружить и

разбить Кутузова»⁷⁶. Кутузов до утра слышал радостные крики своих воинов-победителей, тех самых, которых он убеждал накануне: «Вы говорите, господа, вам хочется подраться; пора подраться... А для чего? Об этом вы не думаете. При том же, неужели сомневаетесь, будто бы начальник не знает и не размыслил прежде, что когда делать? В наше время начальникам слепо повиновались. Мы не рассуждали, для чего нам приказывается, а старались только исполнить повеленное. Беспрекословное повиновение начальникам есть душа воинской службы. Не тот истинно храбр, кто по произволу своему мечется в опасность, а тот, кто повинуется»⁷⁷. Теперь же они заслужили короткий отдых, по его же словам, «положив Дунай между собой и неприятелем». По словам Франца I, единственный мост через Дунай (Таборский) сохранился у Вены, но он находится под бдительной охраной князя Ауэрсперга, которому уже «дано подробное приказание» уничтожить его в случае появления французов. Именно от этого моста шла дорога к Цнайму, через который должен был пройти Кутузов со своей армией на соединение с войсками Буксгевдена. Казалось, «великий генерал» Екатерины уже сделал все от него зависящее, чтобы обе армии, наконец, встретились. Но, как говорится, человек предполагает, а Бог располагает. Наполеон решил нанести удар противнику на левом берегу Дуная, одновременно заняв Вену. «Но 13 ноября удача улыбнулась французам. Благодаря *невиданной дерзости и хитрости* (выделено мной. — Л. И.), маршалам Мюрату и Ланну удалось завладеть подготовленными к взрыву мостами через Дунай в Вене»⁷⁸. Дерзость и хитрость заключались в том, что маршалы уверили австрийцев, что между французами и австрийцами заключено перемирие. Генерал князь Ауэрсперг, на которого так полагался император Франц, до того растерялся от этой новости, что не успел опомниться, как французы захватили мосты, подготовленные к взрыву. Опамятовавшись, он воззвал к Мюрату: «Но вы же нас просто провели!»⁷⁹ Наполеон был в восторге, а маршал Мюрат ликовал, не подозревая пока, что «гасконская буффонада» некоторым образом развязала руки менее доверчивому противнику — русским, оказавшимся вследствие обмана и простодушия союзников в пренеприятной ситуации. 2 ноября, сообщая государю о победе при Кремсе, Кутузов поставил его в известность, что русская армия находится в еще более тяжелых обстоятельствах, чем во все дни с начала похода: «Прибыв сюда, в Эбершбрюнн, получил я от Императора австрийского извещение, что вчерашнего числа в полдень неприятель перешел при цесарских войсках Дунай близ Вены безо всякого сопротивления и, не

касаясь отнюдь цесарских войск, объявил им, что он идет искать меня. Сии неожиданные для меня силы по сю сторону Дуная приводят армию Вашего Императорского Величества в большую опасность. Люди наши весьма утомлены; я должен перейти 5 миль в Етцельсдорф, чтобы хотя несколько перейти те дороги, которые ведут мне в тыл. 6-ю колонну, в Голлабрунн прибывшую, подкрепил я конницею и козаками и 12-ю — орудиями конной артиллерии, приказав ей, ежели она там будет атакована, поддержатся (так в тексте. — Л. И.) столько, чтобы я мог по другой дороге ее миновать и не быть отрезану. Я от себя не скрываю, что могу на сем марше (так в тексте. — Л. И.) потерять усталых может быть до тысячи человек, но спасти должно целое, буди возможно будет. Многие генералы и офицеры Вашего Императорского Величества отличились 30-го октября, но свидетель Бог, что не имею свободной минуты войти в подробное донесение»⁸⁰. Лексика — великое дело: в этом письме полководец не выбирает выражений: «Его Императорское и Королевское Величество» Франц II, превратившись незаметно в «римского императора», теперь уже поименован просто австрийским императором. Кутузову было некогда выбирать выражения: поэтому в рапорте государю в негодовании он употребил резкое «идет искать меня». Наконец, рапорт заканчивается замечанием, что у него нет «свободной минуты» для переписки с императором, его дело спасать армию, от лица которой он как будто заочно попрощался этим письмом с государем, сообщив о многих отличившихся под Кремсом офицерах, которым, вероятно, не суждено будет получить свои награды.

Вот тут и настал звездный час князя Багратиона! Кутузов издал приказ: «Авангарду князя Багратиона выступить по получении сего из занимаемого им лагеря и стать в главном лагере при Гогенворте и потом следовать за армией. Выступление же из лагеря от Гогенворта отдается ему на рассуждение, дабы люди тревогою и ожиданием безвременно не были обеспокоены»⁸¹. Прощаясь с князем, Кутузов перекрестил его как идущего на смерть. Не успев отдохнуть и сварить каши, отряды Багратиона отправились среди ночи по узким тропинкам, через виноградники и овраги к Голлабруну, где и остановились 3 ноября, ожидая своей судьбы. В тот же день пришло письмо от Франца I с поздравлением за кремскую победу, в котором император выражал крайнюю обеспокоенность положением армии Кутузова: «Любезный генерал-аншеф граф Кутузов! <...> Не умею лучше выразить армии мою искреннюю благодарность и удовольствие, как жалую вам, как ее начальнику, военный орден Терезии большого креста в знак всегдашней памяти обо мне и счастливой этой победы. Прося вас объявить

об этом по армии, я надеюсь, что Государь Император разрешит вам возложить оный на себя. <...> Кажется, что теперь наступили решительные минуты. Намерение неприятеля очевидно: помешать соединению русских армий, как того и ожидать можно было. Действия Наполеона сложны, и он разделил армию на несколько частей, из коих одна переправилась через Дунай в Вене, идет на вас. Самое лучшее было бы разбить его корпуса поодиночке, подобно тому, как вашим искусством и храбростью войск разбит Мортье <...>»⁸². Кутузов, вероятно, не удержался от тяжелого вздоха, прочитав эти благонамеренные строки искренне обеспокоенного Франца I.

Князь Багратион передвинул свои войска к деревне Шенграбен, куда вскоре приблизился Мюрат. Французы вошли в деревню и установили перед фронтом батареи. «Так обоюдные войска, исполненные геройским духом, стояли одни в виду других, на самом близком расстоянии. Со стороны французов были генералы, громкие славою, Мюрат, Ланн, Сульт, Сюше, Вандамм, Удино; со стороны русских был Багратион. За спиной Багратиона, среди дождя и бури, утопая в грязи, шла по Цнаймскому шоссе на Энцельсдорф изнуренная армия Кутузова. Когда же все казалось потерянным, внезапно забрезжила надежда на спасение, о чем Кутузов сообщил Александру I: „Сего дня бывший в моем арьергарде цесарский генерал граф Ностиц с конницею при начале перестрелки с неприятелем получил письменно от французского авангардного командира уверение, что император австрийский заключил с Франциею особенный мир, во время самого сражения перестал с войсками своими действовать и сие объявил князю Багратиону. Князь Гогенлое, находящийся с кирасирскими полками при корде-баталии, объявил, однако же, мне, что он к сему условию, генералом Ностицем сделанному, не приступает, а действовать со мною будет как союзник, доколь не получит от своего Государя ясного повеления. Неприятель, кажется, весьма силен и сие плоды того, что перепущен через Дунайский мост при Вене. Неоднократно князю Багратиону во время перестрелки присылали предложение к перемирию. Я послал Винценгероде и князя Долгорукова, генерал-адъютантов, с ним переговаривать, чтоб через несколько дней перемирия хотя мало выиграть время, поручив им и кондиции, ежели возможные и нас ни к чему не привязывающие, постановить, полагаясь во всем на них, ибо нельзя потерять ни минуты. Теперь наступила ночь, и я с корпусом поднимаюсь и иду двумя дорогами в Лейхвиц“»⁸³. Узнав, что главные силы русских совсем рядом, Мюрат не решился атаковать отряд князя Багратиона. Он вознамерился хитростью остановить армию Кутузова, пока подоспеет его

пехота. Фирменный знак французов, о котором предупреждал Кутузова в инструкции государь, — ложные переговоры. Но сын трактирщика Мюрат, о котором сам Наполеон говорил, что «у него так мало в голове», явно злоупотреблял этим средством: это выглядело вдвойне неосторожным, когда он попытался обвести вокруг пальца Кутузова. Конечно, бывшему солдату революции было безразлично, что там говорилось в старые времена о хитрости Кутузова, которого «и Рибас не обманет». Тем временем «Старый лис Севера», как позже назвал Кутузова Наполеон, решил для себя непростую задачу: он мог бы увести свои войска в Богемию. Но тогда он поставил бы под удар другую русскую армию, генерала Буксгевдена, двигавшуюся к нему навстречу. Кутузов остановился на другом решении — идти на соединение с Буксгевденом наперерез противнику. Если принять во внимание, что противником Кутузова был сам Наполеон, то замысел следует признать дерзким. Но нельзя забывать, что Кутузов был не только полководцем, но и дипломатом, кроме того, он тонко чувствовал психологию своего противника. Ему было ясно: неприятель пребывает в состоянии эйфории от собственных неслыханных удач и, следовательно, уже верит в то, что для него нет ничего невозможного. С точки зрения екатерининского вельможи, восторженный подъем духа, царивший в неприятельском стане, как всякое чрезмерное чувство, не только вдохновлял на подвиги, но, ослепляя, делал уязвимым, даже смешным. Человек «старого мира» смотрел на все происходившее глазами умного и насмешливого философа, решив противопоставить французской драме в духе Античности в тех же декорациях русский водевиль. С самого начала военной кампании «русский барин» и «простой псковский дворянин» решил для себя проблему взаимоотношений с союзниками: интересы австрийцев становились не так важны, как скоро речь шла о спасении русских воинов. В памяти последних были свежи воспоминания об Итальянском и Швейцарском походах Суворова, когда австрийцы, воспользовавшись плодами побед Суворова в Италии, спешно отправили его в Швейцарские Альпы, где суворовские «чудо-богатыри» едва не стали жертвами коварной политики союзников. Князь Чарторыйский вообще считал, что главной причиной неудачи кампании 1805 года явилось именно то, что Александр I пренебрег не угасшей еще неприязнью русских войск к австрийцам. Совершенно очевидно, что капитуляция Макка под Ульмом, а потом еще и сдача мостов в тылу армии Кутузова добавили дров в этот и без того жарко полыхавший костер вражды. Олицетворением общего недоверия к союзникам был князь Петр Иванович Багратион, в петербургском салоне которого любимой темой разговоров была измена

«цесарцев» по отношению к Суворову. Роль, отведенная Кутузовым князю в надвигавшихся событиях, была невероятно сложной: по отношению к русской армии, которую надлежало спасти, — это была высокая трагедия. По отношению к неприятелю и союзникам, подыгравшим неприятелю в сцене у мостов, всё должны были решить обстоятельства. Князь Багратион возглавил арьергард, который, сражаясь до последнего солдата, должен был дать возможность главным силам уйти от преследования. Но, похоже, это было не единственное наставление Кутузова князю. Все, что произошло затем у Шенграбена, где Багратион бестрепетно ожидал приближения многочисленного неприятеля, указывает на то, что он был во всеоружии на случай любых происшествий, в том числе и розыгрыша, к которому французы прибегли в Вене. Чрезвычайные происшествия ждать себя не заставили. О них подробно доложено в рапорте М. И. Кутузова Александру I от 7 ноября: «Я уже имел щастие донести вашему императорскому величеству, что австрийский генерал-майор Ностиц, обманутый уверениями французского генерала, командовавшего в Шенграбене, якобы заключен мир между австрийским двором и французским правительством, отказался вступить в дело противу неприятеля и тем подал ему средство напасть на генерал-майора князя Багратиона внезапным почти образом и окружить его так, что истребление корпуса, командуемого сим генералом, было неминуемо, как равно и разбитие самой армии, потому что близость расстояния, где она была расположена от аванпостов, отымала средство к скорой ретире, а изнурение, в коем находятся солдаты от форсированных маршей, и стоя беспрерывно уже на биваке, соделывало их неспособными устоять долее в сражении. Щастие, всегда сопутствующее оружию вашего величества, представило и тут средства, через которые можно теперь сказать, что спасена армия, которая была мне высочайше вверена.

Во время перестрелки генерал Мурат (Мюрат. — Л. И.) прислал трубача предложить перемирие; князь Багратион немедленно о том мне донес, а я поспешил отправить к генералу Мурату генерал-адъютанта барона Винценгероде с тем, чтоб вступил в переговоры и, буде выгодно предложат условие, то и заключить перемирие; намерение же мое было паче всего, чтоб выиграть время к снисканию средства для спасения армии и успеть отойти от неприятеля. Генерал-адъютант барон Винценгероде подписал действительно акт перемирия, при сем в копии всеподданнейше подносимый, который генерал Мурат признал необходимым послать к Бонопарте для ратификации, вследствие чего и ко мне был прислан таковой же для того же самого предмета. Я удержался ответом более 20 часов, не думая ни мало оный принять, а между тем продолжал ретирату армии и

успел отойти от французской два марша»⁸⁴. Когда до Наполеона дошел текст «перемирия», охотно подписанного генералом Винценгероде, он сразу все понял, а сопроводительные разъяснения Мюрата лишь усугубили досаду «нового Цезаря». Что мог почувствовать император Франции, пробежав взглядом эти высокопарные строки: «Сир, я считал, что должен был подписать эту капитуляцию, ибо рассматриваю ее как предварительное соглашение, открывающее дорогу к миру, который, как я знаю, является предметом ваших самых сокровенных чаяний»? Наполеон «в сильных выражениях» потребовал, чтобы Мюрат немедленно атаковал стоявшего перед ним неприятеля. Почти сутки сражался арьергард, отвергая предложения о капитуляции. Лишь получив известие о том, что русская армия в безопасности, отряд Багратиона, от которого осталась лишь третья часть, прорвался «на штыках» из окружения. Сам Кутузов выехал навстречу герою и, обняв Багратиона, произнес: «О потере не спрашиваю: ты жив, для меня довольно!» В русской армии бой под Шенграбенем называли «русскими Фермопилами», вспоминая легендарный подвиг царя Леонида и трехсот спартанцев. Отовсюду сыпались поздравления князю Багратиону; благоговейно смотрели на опаленные боем войска его. Имя Багратиона, уже народное в России со времени Итальянского похода, славилось во всех концах империи. Император Франц пожаловал князю Багратиону командорственный крест Марии Терезии, коего никто из русских тогда не имел. Жизнь на месте не стояла. Похоже, у Кутузова появился соперник, из тех самых молодых людей, которых Кутузов некогда встречал при штабе Потёмкина. Но Михаил Илларионович отдал своему сослуживцу полную справедливость: «Хотя и видел неминуемую гибель, которой подвергался корпус князя Багратиона, не менее того я должен был считать себя щастливым спасти пожертвованием оного армию, но ко всеобщей радости вчерась поутру князь Багратион прислал мне сказать, что неприятель, не получа от меня никакого отзыва относительно перемирия, объявил, что на оное уже не соглашается, и даже в четырехчасном сроке, который был постановлен к ретираде князю Багратиону, если перемирие не будет ратификовано, отказал, начав немедленно атаку и открыв огонь из батарей, до того устроенных. Храбрый генерал-майор князь Багратион, ни мало не теряясь, произвел со своей стороны канонаду и, бросив несколько бомб в неприятеля, успел зажечь деревню, в которой был расположен корпус, назначенный для атаки князя Багратиона с флангу. Увеличившийся пожар понудил неприятеля выйти из сей деревни и спасти свои пороховые ящики, проходя вдали позади оной, что и дало время князю Багратиону выиграть часа два к ретираде. Со всем тем неприятель достигал

его и теснил крепко, отрезывая часто часть его корпуса, но всегда надежда его оставалась тщетною, ибо солдаты пробивались повсюду на штыках, коими опрокинули неоднократно и самую кавалерию неприятельскую. Таковым образом князь Багратион с корпусом, из 6 т[ысяч] состоящим, совершил свою ретираду, сражаясь с неприятелем, состоявшим из 30 т[ысяч] человек под командою разных генерал-фельдмаршалов, и сего числа присоединился к армии, приведя с собою пленных: одного подполковника, двух офицеров, пятьдесят рядовых и одно знамя французское. Потеря неприятеля чрезвычайно велика, что подтверждают даже самые пленные; между прочими убит генерал, но поныне имя его неизвестно.

Донеся о сем происшествии, увенчавшем славой российских воинов, я осмелюсь непромедлительно ходатайствовать о, всемилостивейшем награждении генерал-майора князя Багратиона, отличавшегося на каждом шагу при ретираде на 50 миль и заслужившего не один раз монаршую милость вашего величества. <...> Получив и теперь рапорт, с каким усилием стремится неприятель на наши аванпосты и как удачно удерживает его генерал-майор князь Багратион, я не могу откладывать далее всеподданнейшее мое представление о сем отличном помощнике моем; генерал-майор князь Багратион, по моему мнению, заслуживает за разные дела, в коих он действовал, чин генерал-лейтенанта, а за последнее при деревне Шенграбен неоспоримое, кажется, имеет право на военный орден Св. Георгия 2-го класса»⁸⁵.

Князь Багратион еще не присоединился к армии, а император Франц 6 ноября почему-то вдруг направил Кутузову требование немедленно дать бой неприятелю, на что полководец решительно возразил: «Одной преданности моей к Вашему Величеству было бы достаточно для точного исполнения повеления Вашего, если бы даже не понуждал меня к тому священный долг повиноваться воле Вашей. Не смею, однакож, скрыть от Вас, Государь, сколь много предоставил бы я случаю, доверяя участь войны одному сражению. Тем труднее отваживаться мне на битву, что войска хотя исполнены усердием и пламенным желанием отличиться, но лишены сил. Утомленные усиленными маршами и беспрестанными биваками, они едва влекутся, проводя иногда по суткам без пищи, потому что, когда начинают варить ее, бывают настигаемы неприятелем и выбрасывают пищу из котлов. Полагаю необходимым отступить, доколе не соединюсь с графом Буксгевденом и разными австрийскими отрядами. Подкрепясь сими войсками, мы удержим неприятеля в почтении к нам и заставим дать нам несколько дней отдыха, после чего нам можно будет действовать

наступательно. Надеюсь, что знак к бою будет предвестником успехов союзной армии»⁸⁶. Ответ Францу — один из многих документов, приведенных в этой главе, которые могут убедить каждого, что полководец вовсе не был льстивым и угодливым царедворцем: самые учтивые фразы, самые изысканные обороты речи, входящие в понятие дворцового этикета, естественно, непривычны для современного человека. Но, прикрываясь этими фразами, Кутузов прошел со своей армией от границы империи до Браунау и от Браунау снова до нашей границы, не изменяя себе и поступая так, как он считал необходимым в интересах России. В тот же день Михаил Илларионович получил письмо от своего старого соратника, которое впервые за много дней согрело его душу. Приближаясь со своей армией, генерал от инфантерии Ф. Ф. Буксгевден счел необходимым поздравить своего сослуживца со «славной ретирадой»: «Милостивый государь Михайло Ларионович! Принося вашему высокопревосходительству мою чувствительнейшую благодарность за хорошие известия, которыми вы меня чрезвычайно обрадовали, от всего сердца вас с одержанными победами поздравляю. Такая славная ретирада навсегда останется достопамятна и можно утвердительно сказать, что другой генерал, находящийся на вашем месте и не имеющий опытности вашей и храбрости, не устоял бы против таких усиленных нападений. Но наилучший успех венчал ваши подвиги!»⁸⁷

«...Я себя не обвиняю ни в чем»

6 ноября император Александр прибыл в Ольмюц; он встретил здесь обстановку далеко не радостную. «Свидетель и участник печальных событий 1805 года, граф А. Ф. Ланжерон, пишет по этому поводу: „Я был поражен, подобно всем прочим генералам, холодностью и глубоким молчанием, с которым войска встретили Императора“. Разгадка этого отсутствия радостного воодушевления была весьма проста. Войска голодали, не имели сапог; появился упадок духа, и стала заметна некоторая распушенность»⁸⁸. 10 ноября в Ольмюц прибыла армия М. И. Кутузова, положение которого с приездом государя сразу же изменилось далеко не в лучшую сторону. Положение главнокомандующего достаточно подробно описал А. И. Михайловский-Данилевский, которому было неловко осуждать как Кутузова, так и государя, поскольку он благоговел перед памятью обоих: «Описывая действия Кутузова, мы видели, что Венский двор посылал ему, как некогда Суворову в Италию, неоднократно повеления касательно действий его. Суворов сильно возражал на распоряжения Военного совета, спорил с ним, и самое имя Гофкригсрата обратил в насмешку. Возникшее от частых противоречий между Суворовым и Военным советом раздражение повело к неудачному окончанию славно начатой великим полководцем войны 1799 года. Кутузов поступал иначе. На словах и письме соглашаясь с Советом, одобряя предположения австрийских генералов, он не стеснялся мнениями посторонними, действовал по-своему и, отличительная черта всех войн его, — принимал ответственность на себя. Недоверие австрийцев к Суворову и Кутузову происходило не от неуважения их к нашим полководцам и русской армии. Более других иностранцев всегда ценили они мужество нашего войска и доньше отдают ему должную справедливость, но они имеют особенное воззрение на войну. У них есть свои понятия и правила, почитаемые непреложными. Русских полагали они недовольно созрелыми для высших воинских соображений. <...> Хваля действия Кутузова от Браунау до Брюнна, они считали однако ж нужным, при соединении с ним в Ольмюце, непосредственно руководствовать его дальнейшими движениями. Император Александр, еще не знакомый с войною, не доверял самому себе — недоверие продолжалось до 1812 года — и полагал, что австрийцы в многолетних походах против французов изучили основательно образ войны с ними. Являясь только союзником Императора Франца,

пришедшим на помощь ему, он предоставил генералам его главные распоряжения. Душою их был генерал-квартирмейстер Вейротер, облеченный высоким уважением Монархов, а поборниками мнений его были генерал-адъютанты князь Долгоруков и Винцингероде, оба пользуясь особым расположением Императора Александра. О совокупности сих причин в последнем периоде сего похода, заключающем в себе наступательное движение союзников и Аустерлицкое сражение, Кутузов перестал быть действователем»⁸⁹. Н. К. Шильдер по поводу этой необычной для главнокомандующего ситуации высказался также определенно: «В действительности Кутузов являлся Главнокомандующим только по имени; у него отнято было самостоятельное начальство над армией. Положение его становилось крайне двусмысленным. Он не имел власти и не пользовался уважением. При таких обстоятельствах австрийский генерал-квартирмейстер Вейротер сделался главным советником Александра. Обладая [талантом] вообще подделываться к влиятельным лицам, он вошел также в доверие к той молодежи, которая руководила главной квартирой союзной армии, и в особенности к князю Долгорукову. Вспоминая много лет спустя о несчастном дне Аустерлицкого сражения, Александр сказал: „Я был молод и неопытен; Кутузов говорил мне, что нам надо было действовать иначе, но ему надо было быть в своих мнениях настойчивее“. Едва ли проявление большей настойчивости со стороны Кутузова могло бы привести к благоприятному результату и спасти союзников от неминуемого поражения; голос безвластного Главнокомандующего остался бы голосом вопиющего в пустыне. Для уяснения полной безотрадности его печального положения достаточно привести следующий пример: однажды Кутузов, испрашивая приказания Государя относительно движения армии, получил ответ: „вас это не касается!“ Упрекают Кутузова еще и в том, что он, осужденный начальствовать при такой невозможной обстановке, не сложил с себя звания Главнокомандующего. На это обвинение можно возразить, что сомнительно, чтобы ему дозволили отказаться от занимаемого им места; колеблясь между желанием пожать лавры полководца и опасением неудачи, Александр не пожелал бы уступить Кутузову славы в случае успеха или же принять на себя ответственность в случае поражения»⁹⁰.

Еще более развернутое суждение по поводу необычной ситуации, сложившейся под Аустерлицем, представил С. М. Соловьев: «По мнению Чарторыйского, если бы „Кутузов был предоставлен самому себе, не стеснялся присутствием Государя, то, отличаясь прозорливостью, он стал

бы избегать сражения до вступления Пруссии в коалицию. Таково было именно мнение Кутузова. В интересах Бонапарта было не терять времени, в наших интересах — длить время; он имел все причины желать решительного сражения, союзники — все причины избегать его. Надобно было утомлять неприятеля частыми битвами, не вводя в бой главные силы, идти в Венгрию и войти в сношение с нетронутыми австрийскими корпусами“. Итак, Чарторыйский указывает нам человека, по мнению которого, не должно было давать сражения под Аустерлицем: этот человек был главнокомандующий Кутузов, и мнение главнокомандующего не было принято! Зачем же он после того оставался главнокомандующим? Сам император Александр оставил нам свидетельство, почему мнение главнокомандующего не было принято: „Я был молод и неопытен; Кутузов говорил мне, что нам надо было действовать иначе. Но ему следовало быть настойчивее“. Вина, следовательно, на Кутузове, который ненастойчиво проводил свое мнение и тем обнаружил недостаток гражданского мужества. <...> Этой неискренности под Аустерлицем приписывали последующее нерасположение императора к Кутузову. Но имеем ли мы право предположить у Кутузова в такой степени недостаток гражданского мужества? Действительно ли он не настаивал на своем мнении из нежелания, из страха противоречить Государю, желавшему сражения?

Подобно эрцгерцогу Карлу, Кутузов не рассчитывал на успех при встрече с Наполеоном; но как не встретиться? Трудность решения этого вопроса понимал лучше других Кутузов, знавший, что в интересах Наполеона именно дать сражение, и знавший, как трудно заставить Наполеона отказаться от своего желания в пользу врагов. Отклониться от решительной битвы, когда такой полководец, как Наполеон, ее хочет, трудно, невозможно; надобно отступить, но для этого надобно иметь план отступления, надобно знать, куда отступать, с какими средствами и какие средства можно найти в стране, куда будет направлено отступление. Отступать в Венгрию: но что такое Венгрия? Не надобно забывать, что русский главнокомандующий был в чужой стране, ходил ощупью, впотьмах; начальником штаба был у него австрийский полковник Вейротер, потому что хорошо знал местность; австрийцы своими искусными соображениями уже заморили голодом русское войско в Моравии; лучше ли будет в Венгрии? И главное: хотели ли австрийцы отступления, продления войны? Они этого не хотели; они были утомлены войной во всех отношениях и так или иначе желали ее окончания. <...> Австрийцы желали решительного сражения и надеялись на его успех: действия русских войск при Дюрренштейне и Шенграбене служили основанием этой надежде. Но

теперь легко представить положение императора Александра, русского главнокомандующего и всех русских: австрийцы желают сражения; русские, пришедшие к ним на помощь, русские, знаменитые своей храбростью, вдруг станут уклоняться от битвы, требовать отступления, обнаружат трусость перед Наполеоном! Всякий должен чувствовать, что в таком положении ничего подобного нельзя было требовать от Александра и окружавших его; нельзя было требовать от них ни малейшего сомнения, колебания; и здесь, в этом положении перед австрийцами, желающими сражения, основание того воинственного задора, за который так щедро теперь упрекают императора Александра и его приближенных. Всякий должен чувствовать, что Кутузов также не мог настаивать на уклонении от сражения, на отступлении, ибо видел, что на устах каждого русского готовый ответ: „Да ведь это позор для нас; и войско упадет духом, если заставить его отступить“. Наконец, надобно прибавить и сильную физическую причину, заставлявшую спешить со сражением: голод. Есть известие, что солдаты по два дня не ели <...>»⁹¹.

Следует отметить, что далеко не все современники полагали, что Кутузову не хватило твердости настаивать на своем мнении. И. Бутовский в воспоминаниях о М. И. Кутузове пишет о совете в Ольмюце: «В Военном совете почти все изъявили желание обратиться на неприятеля. Кутузов был противного мнения: он объявил, что затрагивать Наполеона еще рано, и предложил отступать. Его спросили, где же предполагает он дать ему отпор? Кутузов отвечал: „Где соединюсь с Беннигсеном и пруссаками; чем далее завлечем Наполеона, тем будет он слабее, отдалится от своих резервов и там, в глубине Галиции, я погребу кости французов“»⁹². Другой современник Кутузова, как и он, преданный сторонник Екатерины II, Л. Н. Энгельгардт довольно подробно описывает обстоятельства, в которых оказался Кутузов накануне Аустерлицкой битвы: «Кутузов представлял Государю, что как Наполеонова армия еще не вся собралась и гораздо слабее австро-российской, то и должно воспользоваться и атаковать немедленно, но Государь сказал, что он дал слово гвардии без нее не сражаться; когда же гвардия присоединилась, то уже армия Наполеона была в превосходных силах; почему Кутузов представлял, чтобы ретироваться к подходящим корпусам Эссена и Беннигсена и, соединившись с ними, тогда дать баталию. Государь сказал ему: „Видно, это не бегущих турок и поляков поражать, а здесь ваше мужество притупляется“. — „Государь, — сказал Кутузов, — извольте сами располагать атакою, а что я не трус, вы сами изволите усмотреть, что я буду сражаться как солдат, а как генерал

отказываюсь“»⁹³. Далее Л. Н. Энгельгардт сообщает: «На другой день прибытия Государя Наполеон прислал поздравить его с прибытием к армии и просил личного свидания, но Государь послал вместо себя своего генерал-адъютанта князя Долгорукого; Наполеон предлагал сделать мир с Австрией) на выгодных для нее условиях; но князь Долгорукий, как молодой человек, отверг оный и в запальчивости много наговорил неприятного Наполеону, который сказал: „Скажите Его Величеству, что с соболезнаванием принужден продолжать войну“. 20 ноября была несчастная и постыдная Аустерлицкая баталия, где наши войска претерпели столь сильное поражение, что надолго потеряли тот дух, который их делал непобедимыми. <...> Государь требовал от Кутузова рапорта о баталии Аустерлицкой, но тот отвечал: „Вы сами распоряжались войсками, я не имел ни малейшего в том участия; я завишу от воли Вашего Величества, но честь моя дороже жизни“»⁹⁴. Так, С. Н. Глинка, собиравший сведения о событиях, современником которых являлся, рассказывал в Записках следующее: «В первых параграфах второй части военных записок Монтекукули сказано, что если ожидать переговорщика, то на передовой цепи отдавать приказ, чтобы все часовые кричали, что они изнурены голодом, усталостью и готовы бежать. Наполеон помнил и привел в действие это правило. Молодой князь-переговорщик (князь Петр Петрович Долгоруков. — Л. И.) забыл его. Едва показался он, вдруг раздались громкие восклицания часовых французских: „Куда нас ведет этот император! Он хочет нас переморить с голода и холода! Мы сдадимся, мы разбежимся!“ Князь был умен, но тут не спохватлив. Приняв за чистые деньги ложные возгласы, наш переговорщик представился Наполеону в виде властительного диктатора. Тогда судьба не давала еще Наполеону тех грозных уроков, которые свели его на скалу Елены; тогда чело счастливец обвилось блестящими лучами славы. <...> Как будто забыв и это, князь кичливо укорял его в нарушении договора и занятии Неаполя. Закипел досадой Наполеон, гневной рукой накиннул на голову шляпу и гордо сказал: „Так будем же сражаться!“ На обратном пути встретил и провожал князя тот же ложный крик на передовой цепи, и он передал его за подлинный отголосок негодования. Собран был военный совет. Кутузов представлял, что должно пообождать, что мы стоим под стенами Ольмюца, что к нам подходят наши войска. „Правда, — прибавил он, — мы терпим недостаток в продовольствии, но его терпят также и французы“. По этим и другим соображениям Кутузов не соглашался на бой. Возвратившийся князь улыбнулся. Кутузов сказал: „Что ты улыбаешься, молодой человек! Не

думаешь ли, что трусость удерживает меня от сражения? Мои лета и мои раны за меня говорят“. С этими словами он вышел из совета. Часа в четыре Государь посетил Кутузова. Сражение было отменено. Михаил Илларионович бросился к ногам императора и сказал: „Государь! Вы спасаете славу России“. К несчастью, произошло недоумение между союзниками. Ночь, сменившая день, переменяла и обстоятельства. На другой день Кутузову доставлен был план битвы. „Не соглашаюсь! — воскликнул он. — Это план Наполеона“. <...> Неудачу Аустерлицкую, эту первую попытку русских против Наполеона, целые столетия отмежевывали от нашего времени. Как искры, мимолетные победы сверкали и угасали на полях ратных. Но потомство не забудет, что Александр не возбранил Кутузову напечатать во всеобщее сведение, что „по причине личного присутствия Государя не отдает он отчета в Аустерлицком сражении“»⁹⁵.

Из всего того, что мы уже знаем, следует, что Кутузов не производит впечатление человека, не смевшего подать голос в ответственную минуту. Почему бы он вдруг стал молчать накануне битвы при Аустерлице? Здесь мы имеем слово Александра против слова Кутузова. Александр был слишком заинтересован в том, чтобы сложить часть своей вины на полководца. Кутузов действительно оказался в ситуации, когда он вышел в поле сражаться не как главнокомандующий, а как солдат. Мы можем представить себе его душевное состояние в эти тяжелые для него дни. Совершенно очевидно, что генерал после труднейшего марша от Браунау к Ольмюцу подвергался насмешкам и оскорбительным замечаниям со стороны государя и его свиты, состоявшей из молодых несведущих, но весьма самоуверенных людей. На наш взгляд, трех перечисленных примеров вполне достаточно, чтобы понять, что полководец был потрясен и подавлен предвзятым и неуважительным отношением к себе: «Кутузов, испрашивая приказания Государя относительно движения армии, получил ответ: „вас это не касается!“»; «Кутузов не соглашался на бой. Возвратившийся князь улыбнулся. Кутузов сказал: „Что ты улыбаешься, молодой человек! Не думаешь ли, что трусость удерживает меня от сражения? Мои лета и мои раны за меня говорят“. С этими словами он вышел из совета»; Кутузов представлял, чтобы ретироваться к подходящим корпусам Эссена и Беннигсена и, соединившись с ними, тогда дать баталию. Государь сказал ему: «Видно, это не бегущих турок и поляков поражать, а здесь ваше мужество притупляется». Может ли выполнять свои обязанности человек, когда его оскорбляют? Один из наших авторов высказал суждение, что Кутузову следовало отказаться от командования. Тогда, по мнению автора, он хотя бы сохранил доброе имя. Как,

оказывается, легко сохранить свое доброе имя! Отказаться от командования армией и ждать результатов битвы где-нибудь неподалеку, чтобы потом вернуться и заявить: «Вот видите, я же вас предупреждал». И это в истории называлось бы добрым именем? Пытался ли кто представить себе, что мог сделать Кутузов в той ситуации? Сложить с себя командование и уехать? Почему? Потому что он был уверен, что завтра армию ждет поражение? Разве для Кутузова это могло быть основанием для того, чтобы удалиться с поля битвы, оставив там войска, своего зятя Фердинанда Тизенгаузена, молодого государя, внука Екатерины Великой? Он должен был разделить судьбу армии, какой бы горькой она ни оказалась. Он должен был сохранять остатки своей власти для того, чтобы, если получится, хоть что-то исправить на месте. Он выбрал для себя единственно возможную линию поведения, действительно очень невыгодную в глазах потомков: если не побеждать, то, по крайней мере, спасать.

С самого начала Кутузов прекрасно понимал, что, невзирая на то, что у Наполеона сейчас меньше сил, чем у союзников, он соберет свои корпуса раньше, чем подоспеет армия эрцгерцога Карла из Италии. Без главных сил австрийцев он вообще не намерен был принимать генеральное сражение, где австрийцев было в пять раз меньше, чем русских солдат. Полководец был уверен в необходимости выждать, пока в войну вступит Пруссия, в чем в то время он сильно сомневался. Кутузов все больше и больше убеждался, что для его противника губительной была война «на измор». Отступая в Венгрию, он принудил бы Наполеона еще больше растянуть свои коммуникации. Армия французов, существовавшая реквизициями, голодала в большей степени, чем союзники. Со своей стороны, французский император стремился разбить союзную армию до подхода подкреплений. С этой целью он прибег к знаменитому «коварству», которого так опасался Александр I накануне похода. Прежде всего, он стал отводить свои войска навстречу корпусам, которые двигались к нему на соединение. Он предполагал, что сражение должно произойти на Аустерлицком поле, причем союзники попытаются обойти правый фланг его армии, чтобы отрезать ее от Вены. В этом его убедили лазутчики. Кутузов понимал, что противнику нужна полная победа над союзниками, которые, по его убеждениям и взглядам, «слишком много вверяли случаю, решая судьбу в одном сражении». План Наполеона был прост: прорвать фронт обороны союзников в районе Праценских высот. «Если русские покинут Праценские высоты для обхода справа, они погибнут безвозвратно», — объяснял он. В русском лагере заботы были иные. Генерал-адъютант князь П. П. Долгоруков приехал на передовые посты, чтобы увидеть, по какой дороге

отступают французы. В Главной квартире союзников царил оптимизм: там были уверены, что неприятель настроен на отступление. «Боялись, что Наполеон не примет сражения, и торопились составлять диспозицию», — писал А. И. Михайловский-Данилевский. Атаковать неприятеля намеревались пятью колоннами. Диспозиция была полностью закончена поздним вечером накануне сражения. В полночь начальники колонн собрались у Кутузова, который объявил: «Завтра в семь часов атакуем неприятеля в нынешней его позиции». Потом говорил лишь один генерал Вейротер, «успокоивший» присутствующих, что как раз в прошлом году он маневрировал между Брюнном и Аустерлицем, поэтому он прекрасно знает эту местность. Правда, его помощник, полковник граф Бубна, несколько снизил впечатление об осведомленности Вейротера замечанием: «Не наделайте только опять таких ошибок, как на прошлогодних маневрах». Кутузов сохранял молчание, генералы вскоре разошлись, оставив адъютантов для получения русского перевода диспозиции, которую перевел ученик Кутузова майор К. Ф. Толь. «Когда австрийский генерал Вейротер принес Кутузову для подписания диспозицию к бою, то сей сказал князю Волконскому: „Ты знаешь, что я баталии не хочу давать, потому что она не может быть нам выгодна, но они сего требуют, так я подписываю“»⁹⁶.

Итак, 20 ноября в восьмом часу утра первые три колонны союзников отправились в обход правого крыла французов. Там, в районе Тельница, вскоре загремели первые выстрелы: войска Буксгевдена вступили в упорную схватку с войсками маршала Даву, притягивая к себе колонны Дохтурова, Ланжерона, Пржибышевского. Четвертая колонна генерала Коловрата состояла из отряда Милорадовича, куда входили полки Малороссийский гренадерский, Смоленский, Апшеронский, Новгородский мушкетерские и 15 австрийских батальонов, состоявших из новобранцев. Кутузов с самого рассвета находился при четвертой колонне, которая должна была двигаться следом за третьей. По диспозиции давно уже следовало идти вперед, но Кутузов продолжал стоять с войсками неподвижно, чувствуя, что в его руках находится ключ позиции. В девятом часу подъехали Александр I и Франц I в сопровождении многолюдной свиты. Государь, как всегда, был в сопровождении молодых друзей: графа П. А. Строганова, князя А. П. Чарторыйского, Н. Н. Новосильцева. Здесь же был и генерал А. А. Аракчеев. Увидев, что русские ружья по-прежнему составлены в козлах, император подъехал к Кутузову и спросил его: «Михайло Ларионович! Почему не идете вы вперед?» — «Я поджидаю, — отвечал Кутузов, — чтобы все войска колонны пособрались». Тогда император сказал ему снова с насмешкой: «Ведь мы не на Царицыном лугу,

где не начинают парада, пока не придут все полки». Кутузов ответил резко: «Государь, потому-то я и не начинаю, что мы не на Царицыном лугу. Впрочем, если прикажете!» Этот диалог в присутствии многих людей говорит сам за себя. Что еще должен был сказать государю М. И. Кутузов, чтобы тот, наконец, его понял? Очевидно, что ни один полководец не смог бы в те далекие дни отклонить Александра I от намерения вступить в сражение. Если Кутузова современники называли «упрямым стариком», то о царе Наполеон как-то сказал собеседнику: «Ваш Александр — упрям, как мул». В этой сцене, ставшей почти хрестоматийной, присутствуют два человека, которые, судя по всему, безуспешно препираются не в первый раз. По другой версии, еще до солнечного восхода император Александр, сопровождаемый Кутузовым, успел подъехать к бивуаку бригады генерала Берга (четвертой колонны). Они сошли с лошадей и грелись у огня. «Что, твои ружья заряжены?» — спросил государь у Берга. Когда генерал Берг ответил, что нет, государь приказал заряжать ружья. Из этих слов генерал Берг впервые узнал, что в тот день предстояло дело⁹⁷. Наконец войско встало в ружье и вперед отправили авангард. Только что Милорадович успел крикнуть своим апшеронцам: «Ребята! Вам не первую деревню брать!» — как битва приняла неожиданный для государя оборот. Милорадович миновал с авангардом селение Працен, как увидел надвигавшиеся на Праценские высоты колонны французов. Два батальона Новгородского полка кинулись назад, сломав строй батальона Апшеронского полка, и пронеслись мимо императора Александра, не слыша его слов. В это же время четвертая колонна была атакована французами с фронта и с флангов. Для Кутузова было совершенно очевидно, что неприятель стремится рассеять русскую армию на две части, разорвав фронт в центре. Меры надо было принимать немедленно. Кутузов понесся на лошади вперед вместе с полками авангарда, чтобы устроить оборону, и получил в это время пулевую рану в щеку. Государь послал к нему лейб-медика Виллие, но полководец, зажав рану платком, крикнул врачу, как будто в продолжение разговора о «Царицыном лугу»: «Поблаговари Государя и доложи, что моя рана не опасна, но смертельная рана вот где!» При этих словах он указал на французов, атаковавших со всех сторон. «Неприятели были так близко, что Кутузов мог видеть лица их. Облитый кровью, под пулями отдавал он приказания, слабо вникаемые в суматохе»⁹⁸. Кутузову удалось кое-как остановить отрезанные от второй колонны Фанагорийский и Ряжский полки и приказать генерал-майору С. М. Каменскому 1-му попытаться вытеснить французов с Праценских высот.

Рядом с Кутузовым австрийский генерал Юрчек был сражен пулей наповал, были ранены шеф Малороссийского гренадерского полка Берг и шеф Новгородского гренадерского полка Репнинский. В это же самое время получил смертельное ранение в грудь любимый зять Кутузова Ф. И. Тизенгаузен. Ф. Н. Глинка писал, что граф Тизенгаузен стремился в самые опасные места (как когда-то в его возрасте и Михаил Илларионович). Раненый «Фердинант», как называл его Кутузов, упал с лошади. Милорадович послал к нему своего адъютанта с несколькими рядовыми. Но как только его подняли на ружья, пытаясь вынести с места боя, началась атака французов, которые опрокинули два Новгородских и один Апшеронский батальоны. Сильнейший огонь заставил их оставить графа. Французы захватили раненого, сорвали с него аксельбанты, орден и стали бить прикладами. С воинами Фанагорийского и Рязского полков Михаил Илларионович оттеснил французов и сам вынес из боя полумертвого «Фердинанта», который «умер после трехдневных страданий». «Такова участь смелых! — рассуждал адъютант Милорадовича Ф. Н. Глинка, на глазах которого произошла эта семейная трагедия. — Что значит знатность рода? Что пышность и величие? Пустой звук слов — смерть не страшится их. Зять Главнокомандующего во цвете юных лет, обласканный счастьем, пал от пули так же, как простой воин»⁹⁹. Кутузов пытался остановить наступление колонны Буксгевдена, чтобы закрыть брешь, образовавшуюся во фронте союзников, но тот не выполнил приказ Кутузова, сославшись на диспозицию, что, естественно, усугубило катастрофу. «До конечного поражения четвертой колонны Император находился при ней. Подле него ранило картечью лошадь Виллие; находившуюся саженьях в тридцати позади Государя заводную лошадь убило гранатой; в двух шагах перед ним упало ядро и осыпало его землей. Смятение во время боя было так велико, что находившиеся при Императоре Александре лица потеряли его из виду, рассеялись в различные стороны и присоединились к нему уже ночью, а некоторые через день, даже через два. Поэтому в продолжение большей части сражения при Государе находились только лейб-медик Виллие, берейтор Ене, конюший и два казака. Майор Толь следовал верхом с бегущими войсками четвертой колонны и немало удивился, увидев в некотором расстоянии Императора, который ехал по полю в сопровождении Виллие и берейтора Ене. Толь не посмел приблизиться к Государю, но ему казалось опасным оставлять его почти одного, и он не терял из виду всадников, провожая их издали. Уже в течение четырех дней, со времени дела при Вишау, Александру нездоровилось; теперь же он почувствовал такое расстройство физическое и нравственное, что не мог ехать дальше.

Он слез с лошади, сел под деревом на землю, закрыл лицо платком и залился слезами; резкий и внезапный переход от недавних победоносных надежд к последовавшим затем потрясающим событиям был, конечно, весьма горек. Спутники Государя в смущении стояли подле. Тогда Толь подъехал, слез с лошади и присоединился к ним. Видя продолжавшуюся горесть Государя, Толь, после некоторого колебания, подошел и старался утешить и ободрить своего монарха. Александр выслушал Толя, отер слезы, встал, молча обнял его, сел на лошадь и поехал далее к Годьежицу. Здесь Государь случайно встретился с Кутузовым <...>¹⁰⁰. Михаил Илларионович обладал поразительной выдержкой: он обсудил с императором возможные последствия проигранного сражения, будущие действия русской армии, после чего государь в сопровождении свиты отправился отдыхать в местечко Чейч. В то же утро в избе австрийского крестьянина безутешно рыдал Кутузов. Он оплакивал все сразу: и своего зятя, и проигранное сражение, явившееся следствием того обидного пренебрежения, с которым он столкнулся после приезда к армии любимого внука Екатерины. В тот же день «Кутузов на привале подъехал к разложенным огням; ездовой, как обыкновенно, приготовил ему скамейку; разных полков офицеры столпились вокруг него с любопытством. Он посмотрел на часы и, помедля немного, сказал: „Господа, вы молоды, еще успеете отплатить французам, но я стар и Бог весть доведется ли мне ратовать против них, а поношение за Аустерлиц падет на меня невинно... Вмешательство цесарцев превратило все дело в гущу“. Лицо его было мрачно, он замолчал, грея руки и потирая их над огнем. Скоро доложили, что неприятель сближается, и он приказал подать лошадь»¹⁰¹. Ни Кутузов, ни собравшиеся вокруг офицеры не представляли себе будущего. Они не думали о том, что через семь лет вот так же поздней осенью, в ноябре, но уже в 1812 году победоносный главнокомандующий светлейший князь Голенищев-Кутузов-Смоленский, «обратив Наполеонову армию в нестройные, безоружные толпы одурелых людей», подойдет к костру, чтобы выпить чаю с генералом Н. И. Лавровым. «Тут же кирасиры сошли с лошадей, стали в кружок и составили из знамен (трофейных. — Л. И.) навес в виде шатра. Кто-то из офицеров, подойдя к знаменам, стал читать надписи на одном из них, вслух все те сражения, в которых отличился полк, которому принадлежало знамя, и в числе прочих побед прочел: „Аустерлиц!“ — „Что там? — спросил Кутузов. — Аустерлиц? Да, правда! Жарко было под Аустерлицем! Но омываю руки мои пред всем войском: неповинны они в крови аустерлицкой!“»¹⁰². По словам генерала М. Е.

Храповицкого, переданным А. И. Михайловским-Данилевским, старый фельдмаршал сказал офицерам лейб-гвардии Измайловского полка: «Господа! Вы молоды; переживете меня и будете слышать рассказы о наших войнах. После всего, что совершается теперь, одной выигранной мною победой, или одной понесенной мною неудачей больше или меньше, все равно для моей славы, но вспомните: я не виноват в Аустерлицком сражении»¹⁰³.

«Цесарцы» конечно же были излюбленным в русской армии поводом для упреков со времен Суворова; Кутузов же в первую очередь спасал репутацию государя, царствование которого начиналось с поражения, да еще с какого. «Мне уже случалось видеть проигранные сражения, — рассказывал А. Ф. Ланжерон, — но о таком поражении я не имел понятия»¹⁰⁴. Впрочем, император Александр, награжденный по приговору Георгиевской думы орденом Святого Георгия 4-й степени за личное мужество при Аустерлице, не всегда вспоминал об этой битве с тяжелым сердцем. «1820-го года, 20-го ноября, Император Александр, встретя во дворце Милорадовича, сказал ему: „Помнишь, Михайло Андреевич! Сегодня, за пятнадцать лет, несчастливый день для нашей армии?“ — „Позвольте мне не согласиться с Вашим Величеством, — отвечал Милорадович. — Не могу назвать несчастным для армии день, где офицеры и солдаты дрались, как львы“. Император улыбнулся и пожал руку храбрейшему из храбрых»¹⁰⁵. «Неизвестно, что намеревались делать в австрийском лагере в случае удачи сражения; но очевидно, что в случае неудачи было решено покончить войну на каких бы то ни было условиях. На другой день после Аустерлицкой битвы император Франц послал уже с мирными предложениями к Наполеону, императора он просил позволить ему заключить мир»¹⁰⁶. На самом деле все было несколько иначе: 4 декабря М. И. Кутузов заключил на сутки перемирие с французами, чтобы дать возможность австрийцам вступить в мирные переговоры. Австрийцы дали обещание Наполеону, что в месячный срок русские войска покинут территорию Австрии. 6 декабря государь отправился в Россию. 2 декабря 1805 года «молодой вертопрах», как назвал его Наполеон, генерал-адъютант П. П. Долгоруков направил письмо великому князю Константину Павловичу, в котором он сообщал обо всех каверзных выходках Австрии в кампании 1805 года. Судя по первой же строчке письма, Александр I намерен был отправить своего «молодого друга» с дипломатической миссией к прусскому королю, после того как он показал свою полную несостоятельность по этой части в переговорах с Наполеоном. Стоит

привести письмо князя Долгорукова, чтобы, сравнив его с перепиской М. И. Кутузова, проследить, насколько изменился язык дипломатии на рубеже XVIII–XIX столетий: «После обратного перехода через Дунай, в момент, когда мы считали себя в безопасности, получив явное преимущество над французами у Кремса, наша армия оказалась в чрезвычайной опасности из-за оплошности князя Ауэрсперга, сдавшего мост у Вены по предложению Мюрата, заверившего, что он не будет атаковать австрийцев, но двинет свои войска только против русских. Несмотря на критическое положение нашей армии, удалось улучшить его, но новый уход австрийского корпуса под командованием графа Ностица поставил русскую армию у Шенграбена в самое опасное положение, какое можно только себе представить и из которого удалось выйти только благодаря беспримерной доблести русских войск. С момента, когда произошло соединение с корпусом войск под командованием генерала Буксгевдена, армия испытывала самые невероятные лишения, чаще всего были без продовольствия и фуража. В этом состоянии армия оставалась очень долго парализованной, не двигаясь с места под предлогом, что нет никаких способов ее снабжения, тогда как французская армия в той же стране существовала великолепно, без всяких лишений, не имея никаких магазинов. Это время, которое провели в бездействии, помогло Бонапарту собрать свои силы, чтобы снова превзойти нас численностью, как это было в день сражения. Полное неведение всего, что касалось противника, из-за отсутствия шпионов, вынудило армию к бездействию, хотя нахождение армии в центре австрийской монархии и не исключало возможности ведения операций. Столь непонятное поведение, казавшееся целиком противоречащим интересам монархии, было вызвано горячим желанием министров и генералов побудить своего монарха, императора Франца, заключить мир с Бонапартом, и хотя он, проникнутый более ясным пониманием своих интересов, на то и не соглашался, но его хотели к тому принудить, уничтожив нашу армию или поставив ее в невозможность действовать. Наконец, увидели себя перед альтернативой: или умереть от голода из-за отсутствия продовольствия, или маршировать, чтобы атаковать французов, что и привело к сражению 20-го [ноября], о котором ваше Императорское высочество осведомлены вполне, так как сами сыграли блестящую роль, а также наблюдали за поведением австрийцев.

Этот день, хотя и весьма кровопролитный, мог, однако, остаться малозначащим, если б не безнадежное положение, в которое вовлекли австрийского Императора, который, едва закончилось сражение, послал просить свидание у Бонапарта и, получив его, отправился выполнять

продиктованные ему предписания, не получив никаких гарантий, не обусловив никаких основ безопасности. Первое, что потребовал Бонапарт, было, чтобы Император австрийский предложил русскому Государю вывести свою армию из австрийских владений, и несмотря на советы русского Императора не подписывать ничего недостойного и заверявшего, что он будет поддерживать его всеми возможными средствами, ничто не могло заставить [австрийского императора] подумать о собственных интересах. Видя это, Император решился вернуть свою армию в Россию, не желая вмешиваться ни в какие соглашения между Венским двором и Бонапартом. Теперь Австрия предоставлена самой себе и отдана на милость Бонапарта»¹⁰⁷. Все бедствия, в которых обвинял князь Долгоруков австрийцев, были очевидны для Кутузова с той самой минуты, как он в одиночку выбирался от Браунау до Ольмюца; он сообщал о трудностях коалиции в рапортах Александру I, получая в ответ требования жестко следовать инструкции и прежним договоренностям. Взгляд на события Кутузова изначально был более взвешенным, чем взгляд молодого императора, которого уже всецело захватила идея союза с Пруссией. Но император Франц сложил оружие отнюдь не сразу! На пятом переходе из Сенниц Кутузова нагнал генерал Штраух с вопросом от австрийского императора: «Уполномочен ли он возобновить действия против французов, если обстоятельства побудят Венский двор прервать перемирие?» Действительно, положение Габсбургов становилось отчаянным: Священная Римская империя доживала свои последние дни, часть ее земель шла на вознаграждение союзников Наполеона — баварцев, вестфальцев, гессенцев. Кутузов все это понимал, поэтому с грустью ответил своему собрату по оружию, что «он не властен возвратиться и должен продолжать марш, имея приказание вести войска в Россию». Почему с грустью? Очевидно, он не мог не сознавать всех перемен, которые должны были произойти в Европе после ухода с театра военных действий Российской императорской армии. Об этом рассуждал в своем письме Жозеф де Местр: «После Аустерлица все потеряно. Я не могу думать о сей битве, не вспоминая знаменитые слова Тацита: „Никогда еще не было столь очевидно, что богов нисколько не заботит счастье наше, а лишь то, как бы наказать нас“. Это какое-то чудо, какое-то колдовство... Этому нет даже названия, и чем больше думаешь, тем менее понимаешь что-либо. Как мог мудрейший и человеколюбивейший Государь, столь утрированно не доверяющий собственным суждениям <...> как такой Государь решился дать сражение противу мнения всех своих генералов и последовал советам кучки молодых царедворцев? Но ведь именно это мы только что и видели.

В нескольких шагах позади шла на соединение с ним целая армия при полном запасе провианта. Промедление давало лишь выгоду; но нет, надобно было скорее драться»¹⁰⁸. Кутузов понимал, что у обеих сторон есть серьезные основания к неудовольствию друг другом. По словам Э. Крейе, поспешный уход с театра военных действий русских войск обескуражил австрийский генералитет. Нельзя забывать, что так же внезапно русская армия рассталась со своими союзниками в 1799 году после Швейцарского похода Суворова, что неизменно производило впечатление ненадежности российского правительства. На наш взгляд, американский исследователь совершенно справедливо назвал в числе главных причин недоразумений между союзниками несовершенство средств коммуникаций. В те времена действительно требовалось немало времени для того, чтобы действовать согласованно: как убедительно свидетельствуют документы, совместные решения постоянно оказывались «вчерашним днем» по отношению к событиям. В выигрышном положении, безусловно, находился Наполеон, как всегда совмещавший в себе функции главы государства и главнокомандующего: ему не с кем было согласовывать свои планы, то есть это был, по Фридриху Великому, самый идеальный вариант управления армией в военное время. Пока Наполеон побеждал, современники обращали внимание на положительную сторону ситуации, бедственная грань которой открылась лишь со временем, и для всех сделалось очевидным, что бесконтрольное распоряжение человеческими ресурсами завело в тупик не только Францию, но и ее союзников. Пока же российские войска возвращались домой. На пути М. И. Кутузова настигло письмо императора Франца от 29 ноября: «Господин генерал-аншеф! Я из письма вашего <...> с удовольствием усматриваю, что вами предприняты, согласно условиям, установленным во время перемирия, все меры к передвижению армии Его Величества Императора российского. Если колонны пойдут беспрепятственно по весьма мудро составленному вами, господин генерал-аншеф, плану, то французская армия о том и подозревать не будет»¹⁰⁹.

Тогда же Кутузову привезли именной указ Александра, в котором говорилось о том, что прусский король выразил готовность пропустить корпус Эссена (находившийся в армии Кутузова) в Силезию на соединение с другим русским корпусом генерала Беннигсена. Кутузов отказался исполнить этот указ с резким комментарием: «Таковое движение не может не встревожить французское правительство и не навести, быть может, заботы австрийскому двору; сохранить оное в тайне есть вещь невозможная, ибо должно отправить кого-либо предварительно для

заготовления продовольствия нужного сему корпусу, что немедленно учинится известным в главной квартире французской; тогда кто отвечает, что Бонапарте, *позволяющий себе все на свете* (выделено мной. — Л. И.), не пошлет корпус прямою дорогою для пресечения дороги и нападения на сей [корпус] под командою генерал-лейтенанта Эссена. Сверх сего, соображая, что, может быть, ваше императорское величество, войдя уже во все сии подробности, повелели отправить к армии генерала Беннигсена часть войск из расположенных на границе, что удобнее и скорее исполнено быть может, я решился вести всю армию со мною и не приступать к отделению от себя корпуса генерал-лейтенанта Эссена до получения высочайшего вашего величества повеления. Тем паче еще, что девять баталионов, состоящих в оном корпусе, не могут учинить значущую диверсию против неприятеля, естли бы сей учинил нападение на пределы Пруссии, в коей считается теперь более двухсот тысяч собственного войска их в движении»¹¹⁰. Заметим, что Кутузов довольно в резкой форме отказался выполнять именное повеление, да еще и высказал соображения о том, что государь, «уже войдя в подробности» (классическая форма вежливости — указать человеку, до чего он должен был сам додуматься, однако недодумался), пошлет к границе другие войска, причем Кутузов не преминул указать, какие именно и почему именно их, что вообще не входило в его компетенцию как главнокомандующего Подольской армией, впрочем, как и язвительные замечания о «девяти баталионах», и намеки на то, что Пруссия могла бы сама о себе позаботиться. Отметим, что тон письма побудил Михайловского-Данилевского не процитировать, а пересказать документ, почти целиком изменив в нем все фразы, хотя он заключил их в кавычки как оригинал письма самого Кутузова. Чем чаще мы обращаемся к документам той поры, тем сомнительнее представляется версия, будто сложные отношения между государем и подданным объяснялись угодливостью и нерешительностью полководца, которому якобы не хватило мужества возразить императору под Аустерлицем.

Очевидное негодование по поводу действий Александра I прорывалось в письмах Кутузова, поглощенного в эти дни, пожалуй, самой главной заботой: его дочь Лизавета Михайловна отправилась в поход вместе с армией. С началом боевых действий ее отвезли в места, не затронутые войной, но тем не менее она находилась за границей, стремилась приехать к своему супругу, не зная о его смерти. Михаил Илларионович не нашел в себе сил объявить дочери о постигшем ее несчастье, возложив эту печальную миссию на Екатерину Ильиничну. Но прежде всего ему нужно было убедить дочь вернуться в Россию: «Лизинька, мой друг сердечный, у

тебя детки маленькие, я лучший твой друг и матушка; побереги себя для нас. Жаль очень, что я не могу с тобою сейчас видаться. Я пойду с армией по другой дороге, через Венгрию, куда тебе никак в теперешнее время доехать нельзя. Поезжай поскорее к своим деткам и к матушке, и я скоро к вам приеду. Боже тебя благослови и подкрепи»¹¹¹. В землях венгерского палатина Иосифа, некогда женатого на сестре императора Александра и овдовевшего, по словам А. И. Михайловского-Данилевского, «неограниченным усердием венгерцев, оказываемо было нашим войскам возможное пособие. Кутузова чествовали великолепно. Во многих местах угощали весь корпус офицеров безденежно. За больными имели родственное попечение <...>»¹¹². Желая предупредить растрату денег за границей, Кутузов предусмотрительно не выдавал войскам жалованья до вступления их в Россию. Из Венгрии Михаил Илларионович отправил письмо супруге: «Пользуясь отъездом князя Волконского, скажу тебе, мой друг, что я, слава Богу, здоров. К Лизаньке принужден был послать Апочинина, чтоб отвезти ее в Россию. Письмо здесь прилагаемое к графу Ивану Андреевичу Тизенгаузену, вели ему доставить с осторожностью. Ты слышала, конечно, об наших нещастиях. Могу тебе сказать в утешение, что я себя не обвиняю ни в чем, хотя я к себе очень строг. Бог даст увидимся; *этот меня никогда не оставлял* (выделено мной. — Л. И.). Детям благословение»¹¹³. 3 декабря стали сказываться переживания и несчастья: «Я, слава Богу, здоров довольно, но с тех пор, как стал ночью раздеваться, почувствовал припадки, которых в жестоких трудах не чувствовал и все кости болят». На исходе года, оказавшегося таким «урожайным» на горести, 25 декабря Кутузов снова обращается к жене: «Князь Багратион отправляется в Петербург и просил письма. Завтра поедет фельдъегерь, который его, конечно, объедет, и с тем буду писать. Не знаю, мой друг, как ты сладишь с бедной Лизинькой. Ей здесь не сказали об кончине Фердинанта. Дай Бог ей и тебе силу. Около 15 генваря буду я с армией на границе в Радзивиллове. Детям благословение»¹¹⁴. В тот день, 15 января 1806 года, он отправил письмо безутешной дочери: «Милый друг мой, Лизанька, я еду по твоим следам. В Львове нашел твое письмо у Потоцкой. <...> Слава Богу, что ты жива. Всех за тебя благодарю. Карета твоя здесь, я ее доставлю в Петербург. Слышу, что ты поехала в Ревель. Жаль, душенька, что ты там будешь много плакать. Сделаем лучше так: без меня не плакать никогда, а со мною вместе. Очень хочется твоих детей видеть. Как, думаю, Катенька умна? Боже тебя благослови и деток твоих. Верный друг Михаила Г. Кутузов»¹¹⁵.

А. И. Михайловский-Данилевский, с благоговением вспоминавший об обоих действующих лицах той эпохи, которые были ему одинаково дороги, позже написал о них: «Здесь опускается завеса. Исследования не могут простирается за пределы могил великого Монарха и первого полководца Его, и навеки останется покрыто неизвестностью: в какой мере, с одной стороны, были делаемы Кутузовым, а с другой допускаемы Государем представления»¹¹⁶. Действительно, всё, чем располагает историк, — слово Александра I против слова Кутузова, и оба они, как нарочно, не принадлежали к числу людей, говоривших то, что думали. Вероятно, чтобы усомниться в словах государя о том, что Кутузов был не убедителен в своих доводах против сражения, следует привести письмо третьего действующего лица этой исторической драмы, также свидетеля всего происходившего, о котором всегда забывают: «Мой дорогой генерал-аншеф Кутузов! Сцепление несчастных происшествий ранее привело то время, наступления коего я, вы и все благомыслящие желали позднее и при обстоятельствах счастливейших, — время нашей разлуки. Пользуюсь последними минутами вашего здесь пребывания, желая сказать вам, что вы уносите с собою в одинаковой степени мое уважение и мою благодарность. Признаю ваше старание и усердие ко мне, к вашему Монарху и к нашим общим выгодам. Постигаю ваше прискорбие при мысли, что чистосердечные усилия ваши не имели следствий, каких они заслуживали. Желая только, чтоб мои уверения в том могли быть для вас хоть малым успокоением. Опасаюсь, что воспоминание обо мне возбудит в вас мысли о грустных часах, проведенных нами вместе, но мне останется всегда радостно, если вы не забудете меня. Прошу вас о том и заключаю уверением моего об вас памятования, моего к вам уважения и моей благосклонности. Передайте слова мои подчиненным вам генералам и армии. Франц».

Глава одиннадцатая

ПОСЛЕ АУСТЕРЛИЦА

15 января 1806 года, находясь в семи верстах от российской границы, Кутузов отправил письмо Екатерине Ильиничне: «Я третьего дня пришел в Броды. Некоторые мои полки уже вступили в границу, а другие еще за сто верст. Я день за день откладываю переехать границу, как будто боюсь уничтожиться. Государь приказал до получения расписания расположиться близко границы. Не знаю, надолго ли? Несколько дней подожду, а после напишу письмо и буду проситься в Петербург. Мне бы хотелось, чтоб это было без просьбы, а то скажут или подумают, что напрашиваюсь на советы или хочу быть во дворце»¹. Михаил Илларионович поразительно точно подобрал слова для выражения своего душевного состояния: почти мистический страх перед пересечением границы указывал на то, что граница уже прошла по его сердцу. Больше не было прежнего веселого, уверенного в себе человека, который с достоинством возвращался в «круг сограждан» как во времена Екатерины. «Обломок минувшего царствования», кому он объяснит, что в иных обстоятельствах он никогда не проиграл бы этого сражения? Когда его отстранили от поста петербургского генерал-губернатора, его гордость, конечно, пострадала, но теперь, казалось, было растоптано самое главное в его жизни — военная репутация. Кто теперь вспомнит, что он — герой Очакова, Измаила, Мачина? Все будут вспоминать о нем как о генерале, разбитом при Аустерлице, и повторять те самые обидные слова, которые ему сказал государь: «Видно, это не бегущих турок и поляков поражать, а здесь ваше мужество притупляется». После пережитого им потрясения в нем что-то сломалось, он стал иным человеком, как будто даже ниже ростом, и постоянно ждал удара в спину. Он был уверен, что государь не пригласит его в столицу, однако эти опасения были напрасными. Александр I прислал ему милостивое письмо, вызвав в Петербург. Таким образом, мнение о том, что «все просьбы Кутузова к Императору о переводе его в Санкт-Петербург <...> остались без ответа», не соответствует действительности. По прибытии же Кутузов был награжден орденом Святого Владимира 1-й степени, а его младшая дочь Дарья была пожалована во фрейлины. Государь частично оплатил долги Михаила Илларионовича и не отказал ему в назначении, которого тот добивался перед войной, размышляя в

письме жене: «<...> Ты пишешь об отставке Державина и об тех слухах, что Розенберга переводят в Крым бытто. Я думал, что очень бы не худо было, ежели бы случилось, чтобы меня определили на место Розенберга, это место или в Киеве было бы очень ловко для моего хозяйства. Будучи так близко от деревни, можно было всякий год умножать доходы конечно, а за глазами Бог знает, как будет, когда и теперь в глазах, где можно обманут. Но обо всем можно услышать и все предохранить будучи близко»². Всё указывает на то, что обида царя на генерала за Аустерлиц была сильно преувеличена общественным мнением. Самого же Михаила Илларионовича печалило другое обстоятельство. 24 июня он писал в Ревель своей дочери, не оправившейся от потери мужа: «Лизанька, Дашенька и маленькая Катенька, мои друзья, здравствуйте... Всего мне тяжелее, что так грустишь. Лизанька, неужели я ей ничего? Истинная правда, что любовь детей ничто в сравнении с родительской любовью. Я всегда хотел бы жить для вас, тогда как вы не хотите беречься для меня»³.

28 сентября 1806 года Кутузов получил высочайший рескрипт, где было сказано: «При настоящем положении обстоятельств, имея в виду требующий внимания пост киевского военного губернатора, остающийся доньше без начальства, я возлагаю должность сию на вас». 13 ноября генерал занял этот пост. Наперекор всему, жители города устроили ему торжественную встречу: «Перед въездом в Киев он был встречен со всеми великолепными церемониями. <...> На другой день после приезда его дан ему от города был чрезвычайно пышный бал»⁴. Кутузов же занялся привычным делом: рекрутскими наборами, обеспечением провиантом и фуражом Молдавской армии. В его подчинении находилась не только Киевская, но и Волынская и Подольская губернии. На генерала было возложено командование четырьмя дивизиями, и он был поглощен комплектованием, вооружением, обмундированием и обучением этих войск. 12 декабря 1806 года он сообщал жене: «Сегодня у меня бал в первый раз в новой зале, которая прошлую осень кончена, и это мне делает много хлопот»⁵. 16 декабря военачальника расстроило событие, свершившееся не без его участия, и он снова взялся за перо: «Я несколько опечален: Лошаков, генерал, что был под судом, разжалован в солдаты; это было по моему представлению еще из Австрии»⁶. Собственно, жалеть было не о чем: генерал-майор Лошаков, оставив войска, сам собою уехал «без спроса и позволения после сражения под Аустерлицем в вагенбург», но Кутузов переживал за судьбу соратника, который прежде служил без замечаний. 26 декабря он снова написал письмо Екатерине Ильиничне:

«Отправляю сегодня курьера к Государю и с ним к тебе 2000 рублей; курьер этот едет от меня по провиантским делам, в которые я принужден был вступить и многим, может быть, досадил. Мы все здоровы, у меня, однако ж после того, как болели глаза, и теперь часто побаливают. Сейчас был у меня митрополит и тебе посылает благословение. Чем закончилась дуэль Хрептовича?»⁷ И опять по ходу чтения письма возникает иллюзия, что автор знает больше, чем М. И. Кутузов в тот день, и может сразу ответить на вопрос об упомянутой дуэли, наделавшей много шума в Петербурге. «<...> И вот причина этого вызова, — рассказывает князь С. Г. Волконский. — Арсеньев (офицер лейб-гвардии Преображенского полка. — Л. И.) был уже давно влюблен и искал руки фрейлины <...> девицы Ренни; его желания были увенчаны успехом, и он был объявлен ее женихом, и Государь Император, отлично к нему расположенный, как к человеку, вполне это заслуживающему, благоволил при объявлении Арсеньевым о предстоящем ему счастье, как человеку, весьма ограниченному в средствах жизни, дать ему аренду, или денежные средства. Эта помолвка получила полную гласность. Спустя несколько дней по оной, граф Хребтович, богатый помещик польский, влюбленный также в девицу Ренни, не принимая в уважение бывшую помолвку, решился себя предложить в соискатели руки этой молодой девушки. Мать ее, прельщенная богатством графа Хребтовича, уговорила свою дочь отказать в уже данном с ее согласия обещании Арсеньеву и принять предложение Хребтовича. Арсеньев, обманутый в своих ожиданиях, не вынес этой обиды и вызвал на поединок Хребтовича; вызов был принят этим последним. Дуэль была на пистолетах, секундантом у Арсеньева был граф М. С. Воронцов, а у Хребтовича — граф Моден. Арсеньев был убит на месте. Весь Петербург, за исключением весьма малого числа лиц, вполне оправдывал Арсеньева и принимал в постигшей его смерти радужное участие. Его похороны почтила молодежь петербургская своим присутствием, полным участия, и явно осуждала Хребтовича и тех лиц, которые своими советами участвовали в склонении матери и девицы Ренни к неблагородному отказу Арсеньеву. Хребтович, как осужденный общим мнением, выехал из Петербурга; но семейство Ренни поехало вслед за ним в его поместье, и там совершилось бракосочетание»⁸.

Конечно же старого воина волновали события в Европе: в 1806 году возобновились боевые действия между Францией и Россией, которая на этот раз вела войну в союзе с Пруссией. Пруссак, жившие воспоминаниями о победах Фридриха Великого, были самонадеянны и

повторили все ошибки, допущенные год назад австрийцами. Они двинулись в Тюрингию навстречу главным силам Наполеона, не дожидаясь прихода русских войск, и обе их армии были разбиты в один и тот же день в сражениях при Йене и Ауэрштедте. И снова на театре военных действий русские сражались почти в одиночку за дело всей Европы. 3 января 1807 года Кутузов сетовал в письме жене: «Мы так мало известия имеем, что в армиях делается, что из Петербурга получили известие о победе; только еще не знаем хорошенько, что такое. Есть у тебя в библиотеке сочинение митрополита Сестренцевича об Риме и здешних местах, пришли, пожалуйста, поскорее»⁹. До Михаила Илларионовича дошли известия об успехе русских войск под Пултуском, когда в командование ими при непростых обстоятельствах вступил его старинный приятель — генерал Л. Л. Беннигсен. 10 января Кутузов вновь отправил жене письмо: «<...> Я, слава Богу, здоров и не могу не надивиться чудесам Каменского. Ежели все правда, что ко мне из армии пишут, надобно быть совсем сумасшедшему». Военачальник, сменивший Кутузова в 1802 году на посту генерал-губернатора Петербурга, и тогда отличался крайней эксцентричностью: «Известный своими причудами и жестокостью, фельдмаршал граф Михаил Федотович Каменский заменил Кутузова. Фельдмаршал начал свои подвиги на новом поприще тем, что, когда явился к нему правитель канцелярии Кутузова, он обругал этого чиновника и толкал его кулаками под бока так, что несчастная жертва начальнического внушения „козлиным голосом вопияла до небес“ и, по возвращении домой, занемогла. К счастью, фельдмаршал Каменский недолго чудодействовал в столице. Государь вскоре заметил, что граф Каменский был слишком тороплив, чрезмерно вспыльчив и даже переиначивал иногда получаемые им высочайшие повеления. Наконец, Александр доведен был до того, что сказал генерал-адъютанту Комаровскому: „Не хочет ли граф Каменский проситься прочь? Если бы сие случилось, я поставил бы свечу Казанской Божией Матери“. Увольнение фельдмаршала не заставило себя ждать»¹⁰. Но в 1806 году Александр Павлович вдруг счел, что тому впору командовать армией, по прибытии к которой граф Каменский-старший быстро убедился, что попал в затруднительное положение: он никогда не командовал войсками на столь обширном пространстве, где события сменялись ежечасно. Он вскоре изнемог от усталости, пал духом и появился перед войсками с головой, обвязанной полотенцем, предложив им общее отступление в Россию. Его выходка имела бы самое пагубное последствие, если бы командование не принял на себя Л. Л. Беннигсен, который стал первым российским

полководцем, почти вырвавшим победу у войск Наполеона в генеральной битве 27 января при Прейсиш-Эйлау. «Если я назвал себя победителем под Эйлау, — сказал впоследствии Наполеон полковнику А. И. Чернышеву, — то только потому, что вам угодно было отступить». Русские войска добились успеха без Кутузова, но он искренне радовался этому событию, когда 5 февраля написал супруге: «Мы получили известие об победе над Бонапартием. Дай Бог. Я нынеча себя узнал, что независтлив». 11 февраля Кутузов возвращается к этой теме, тем более что в сражении особенно отличился зять Михаила Илларионовича — Николай Захарович Хитрово: «Сегодня пришла из Петербурга реляция об баталии при Прейсиш-Эйлау. Это хорошо, но жаль, что Беннигсен стоит после баталии в Кенигсберге и без сообщения с Эссеном; но думаю, что скоро это поправится. Без сомнения, после 27-го числа дело было. Бонапарте не может с бешенства чего-нибудь не предпринять. Из Эссенова корпуса все генералы мне пишут, что Николай Захарьевич во всех делах, которые только были, чрезвычайно отличается, и вот рапорт от генерала Гижицкого об одном маленьком деле, где был Николай. Покажи это Аннушке; пусть не сердится за слово отчаянная храбрость. Это от того, что писать не умеет. Пришли, пожалуйста, несколько скляночек того спирту, что курят глаза. <...> Пока только и не болит глаз, пока курю <...>»¹¹. Этот зять Кутузова, муж дочери Аннушки, происходил из старинного дворянского рода, в 1786 году был записан сержантом в лейб-гвардии Измайловский полк, а действительную службу начал корнетом лейб-гвардии Конного полка при Павле I, причем карьера его складывалась весьма удачно. За два месяца до смерти императора Н. З. Хитрово стал его флигель-адъютантом, и в числе четырнадцати флигель-адъютантов после смерти Павла I он вошел и в свиту «молодого Государя». 9 февраля 1804 года он был уже полковником Псковского драгунского полка. На дочери М. И. Кутузова, фрейлине Анне Михайловне, он женился 11 января 1803 года, спустя несколько месяцев после отставки тестя с губернаторского поста. Несмотря на неудовольствие Кутузовым, на свадьбе его дочери присутствовали Александр I с супругой, вдовствующая императрица Мария Федоровна с дочерьми — великими княжнами Марией и Екатериной Павловнами. За отличия в боях с французами в 1807 году Н. З. Хитрово был награжден орденом Святого Владимира 4-й степени и прусским орденом «За достоинство».

В тот же день Кутузов отправил письмо своему петербургскому корреспонденту адмиралу И. И. Траверсе, содержание которого указывает на то, что с годами Михаил Илларионович не утратил ценного качества «читать карту» и предвидеть события: «Сначала вот Вам копия письма г.

Беннигсена, написанного в Гродно. В ней Вы прочтете о генеральном сражении, имевшем место 29-го числа. Как видите, Бонапарт был отброшен; мне только не нравится, что он обошел наше правое крыло; как видите, он хочет проскользнуть между Кенигсбергом и нашей армией; но я думаю, что Беннигсен от этого побережится. Я несколько опасаясь за прусский корпус в Гейлигенбейле; вероятно, он отрезан, но ему остается Кенигсберг»¹². Пожалуй, в этом документе уже видна разница между военачальниками, отношения которых переросли во вражду в 1812 году. Генерал Беннигсен был полностью удовлетворен тактическим успехом, в то время как генерал Кутузов видит ближайшие последствия: Бонапарт всего одним движением может перехватить коммуникацию, загнав его приятеля в капкан. В 1812 году генерал Беннигсен в частых спорах с Кутузовым любил поминать о своих успехах в сражениях при Пултуске и Прейсиш-Эйлау, но никогда не говорил о том, чем закончилась и для него, и для всей русской армии кампания 1807 года. Наполеон вынудил Беннигсена принять сражение под Фридландом, развернувшись на позиции спиной к глубоководной реке Алле, имевшей к тому же крутые берега. Убедительная победа французов решила судьбу всей кампании: последствием явилось заключение мира в Тильзите между Россией и Францией. По едва уловимым для других признакам Кутузов угадывал ход политических событий. «Ты пишешь, что надеемся сладить со шведами, — рассуждает он в письме жене, — это мне вероятно <...>, да только как защитим их другие гавани, кроме финляндских, от англичан <...>; притом думаю, что, ежели Шпринг-Портен поехал в Финляндию, то не о том уже идет дело, чтобы признать Бонапарта, а ежели об Финляндии, то труднее кончить без войны <...>»¹³. Так, за три месяца до заключения мира в Тильзите М. И. Кутузов предвидел вероятность признания за Бонапартом титула императора и всех его завоеваний в Европе в обмен на присоединение к России Финляндии. 25 марта Кутузов узнал, что скончалась старшая сестра Екатерины Ильиничны — Авдотья Ильинична, вдова И. Л. Голенищева-Кутузова. На этот счет у Михаила Илларионовича была своя версия: «Хотя и говорят, что смерть причину найдет, но она, бедная, очевидно, умерла от грибов». В том же письме он сообщает жене подробности, касающиеся его самого: «Правда, что я очень толстею. Вероятно, что те кафтаны, которые сшиты в Петербурге в последний раз, все не сходятся пальца на три. Что-то будет, как установится время. Сад здесь в доме превеликолепный, буду себя принуждать ходить и верхом ездить, а теперь еще редко хорошее время, холодно; хотя в саду и совсем сухо. Сегодня Благовещение. Здесь нельзя

обедни прогулять; был в братском монастыре и приехал домой в два часа ночи. Пора идти...» 1 апреля он позволяет себе шутку на крайне болезненную для Екатерины Ильиничны тему — нехватку денежных средств: «Денег, мой друг, на будущей почте к тебе пришлю, на этой не успел. Однако же это не первое апреля»¹⁴.

Ранее Михаил Илларионович сообщил своим близким, что «не был еще у Браницкой, к которой сегодня поеду; не знаю, как мы с нею будем, а я до нее не охотник». Однако он поторопился в своих суждениях. Графиня А. В. Браницкая, урожденная Энгельгардт, любимая из пяти племянниц Потёмкина, на руках которой князь Григорий Александрович скончался в степи под Херсоном, была женой польского магната графа Ксаверия Браницкого. Одна из богатейших помещиц в России, оказалась в быту вовсе не заносчивой и общительной: «Александра Васильевна Браницкая все здесь живет. Мы с ней в дружбе и всякий вечер я у ней, чаю напьюсь, дома и не ужинаю, стало неубыточен и можно меня хорошо принимать; только мне с нею очень весело. Балет превеликий, а танцуют все так, как танцевала Сантина, — на тот манер. <...> Прости, мой друг, спешу в церковь. Кольцы с мощей Варвары мученицы посылаю». 29 апреля установились теплые дни, и генерал приступил к «оздоровительным процедурам»: «Я хожу всякий день поутру по целому часу пешком по саду, этим хочу лечиться от толщины. В саду столько соловьев, что я и в Горошках больше не слыхивал; для них нарочно держат муравьев с яйцами. Погода теперь прекрасная и все фруктовые деревья цветут. Хлебы везде хороши, только беда, что подвод много надобно посылать с провиантом к армии в рабочую пору». По-прежнему его волновало душевное состояние дочери Елизаветы Михайловны, гостившей у родственников погибшего супруга. 6 мая Кутузов отправил ей письмо: «Друзья мои дерптские, Лизанька и Дашенька. Меня утешает то, что вы не скучаете, а находите Дерпт по крайней мере спокойным местопребыванием. Вы не получаете моих писем, тогда как я пишу вам каждую неделю. <...> Ты хорошо делаешь, Лизанька, что рассказываешь мне о своих делах: никто на свете не любит тебя больше моего!.. Я еще живу на свете. Ты мне говоришь в предпоследнем письме, что маленькая Даша на меня походит? Я готов этому верить, потому что, когда я ее в последний раз видел, она была вылитая ты в ее годы; и я в этом нахожу счастье для себя. В Киеве также спокойно живет, как и в Дерпте. То-то бы я порадовался, если б имел вас при себе»¹⁵. 13 мая Кутузов отправил дочери письмо, где всего в нескольких строках ему удалось выразить сущность родительской любви:

«Рассказом про бедную О... вы растерзали мое сердце. Кто из родителей может впасть в такое заблуждение, чтобы проклясть детей своих. Сам Господь Бог, как олицетворенное милосердие, отверг бы столь преступное желание. Не на несчастное дитя падет проклятие, а на неестественную мать. Природа не назначила родителей быть палачами своих детей, а Бог принимает лишь благословение их, до которого только простирается их право над ними. Родители отвечают воспитанием детей за пороки их. Если дитя совершает преступление, родитель последует за ним как ангел-хранитель, будет его благословлять даже и тогда, когда оно его отвергает, будет проливать слезы у дверей, для него запертых, и молиться о благоденствии того, кого он произвел на этот развращенный свет. Вот какая проповедь. Это от того, Лизанька, что твое письмо меня растрогало»¹⁶. Находясь вдали от дочери, в письмах он ищет слова, чтобы вернуть ей утраченную радость бытия: «Лизанька, решаюсь наконец порядком тебя пожурить: ты мне рассказываешь о разговоре с маленькой Катенькой, где ты ей объявляешь о дальнем путешествии, которое ты намереваешься предпринять и которое мы все предпримем, но желать не смеем, тем более, когда имеем существа, привязывающие нас к жизни. Разве ты не дорожишь своими детьми? И какое бы несчастье постигло меня в старости! Позволь мне, по крайней мере, тебя опередить, чтобы там рассказать о твоей душе и приготовить тебе жилище. Не думаю, чтоб тебе было приятно видеть маленькую Катеньку плачущую, — я никогда не мог видеть своих детей в слезах. Кажется, Филис намеревается провести здесь некоторое время. Можешь себе вообразить, как я ею буду занят»¹⁷. В этом стремительном переходе от печальных семейных дел к полноте жизни — весь Кутузов. Страсть к французскому театру у супругов была, по-видимому, общей: знаменитая французская актриса Филис Андрие часто бывала в их петербургском доме и даже была дружна с Екатериной Ильиничной. Приверженность «второй половины» Михаила Илларионовича к богемной жизни была не совсем обычной для людей ее круга и подчас вызывала осуждение: «<...> Вся обстановка дома была блестящая, но даже от моих неопытных взоров не могло укрыться, что его посещали только личности нетвердой репутации. Девушка Жорж, г. Дюран играли значительную роль, и вообще французский театр имел там много представителей, чего в то время в хороших домах не допускалось»¹⁸. Впрочем, автор этих воспоминаний Е. Ф. фон Бракке, сын вятского губернатора, впервые оказался в столице в 1811 году, поэтому он в первую очередь сравнивал дом семейства театралов Кутузовых с домом своих родителей в Вятке. В Петербурге в те годы могли

быть иные понятия о хорошем обществе. Так, Ф. Ф. Вигель вспоминал о реакции столичной аристократии на внезапное назначение М. Б. Барклая де Толли военным министром и включение его в орбиту светского общества: «<...> Г-жа Козодавлева сказала мне: „Я вчера провела вечер на бале у Барклаевой (то есть у жены М. Б. Барклая де Толли. — Л. И.); мужа наши министры и я принуждена была туда ехать; я встретила там вашу сестру и чрезвычайно ей обрадовалась, как единственной своей знакомке. Что за фигуры! Вы понимаете, что это совершенно не мое общество“¹⁹. По-видимому, Филис Андрие так и не приехала в Киев, либо ее приезд не оправдал надежд Кутузова. „Лизанька, Дашенька и маленькая Катенька, друзья мои, — писал он 1 июля. — <...> Как возможно нам жить все розно, нашим сердцам не под силу переносить это тяжелое положение. Катенька будет расти, а мне не придется каждый день видеть ее и целовать“²⁰. Переписка М. И. Кутузова убеждает, что его бесспорной любимицей среди внуков была Катенька Тизенгаузен. Он признавался, что вообще всегда отдавал предпочтение внучкам перед внуками. Разлука с близкими людьми становилась постоянным рефреном всех его писем.

А потом произошло событие, которое еще больше огорчило старого воина. 30 ноября 1806 года Александр I подписал манифест о формировании земского ополчения, так называемой милиции. Кутузов довольно быстро сформировал требуемые четыре бригады, на содержание которых местное население великодушно пожертвовало 277 тысяч рублей. Пока шло формирование и перемещение ополченцев к границам, война с Францией завершилась подписанием Тильзитского мира. Очередное поражение России в войне с Наполеоном уже само по себе вызвало у „екатерининского орла“ тягостное чувство, которое вскоре усугубилось трагическим происшествием. Естественно, что ополченцы, узнав об окончании военных действий, радостно надеялись, что их, как и было обещано, распустят по домам. Однако 27 сентября 1807 года последовал другой манифест, в котором сообщалось о переводе ополченцев в рекруты. В Киев прибыло в это время около двух тысяч ратников из российских губерний; узнав о своей участи, они взбунтовались и 5 ноября собрались возле дома генерал-губернатора. Рапорт генерала, действовавшего в этой ситуации довольно жестко, не содержал комментариев, однако он изложил государю все случившееся так, чтобы перед Александром I возникла картина человеческих бедствий, которую видел он, Кутузов. В его рассказе — беспросветное отчаяние людей, которые сначала „со всею необузданностью“ требовали отпустить их домой. „Ни кроткое внушение,

ни сделанное некоторым, наиболее настаивавшим в своих требованиях, наказание палками не только не возымело желаемого действия, но даже в присутствии моем все они единогласно кричали, что они не хотят служить, хотя бы их повесили“. Для подавления бунта Кутузов вызвал воинскую команду: „При сем случае, когда они от солдат прикладами понуждаемы были к следованию в их квартиры, то один из них, будучи стеснен их толпою, задавлен. Главные зачинщики девять человек взяты под стражу и преданы военному суду“. Кутузов, конечно, сделал все, что ему было положено, как высшей военной власти в городе, но в 1812 году, избранный предводительствовать Петербургским ополчением, он предварил Александра I тем, что обещал ополченцам от лица императора, что они являются „людьми, временно на защиту Отечества призванными“.

По-прежнему генерала угнетало состояние здоровья любимой дочери, вернувшейся в Петербург: „Любезная Лизанька, здравствуй и с детками. Я получил недобрые вести, друг мой: Катерина Ильинична пишет мне, что ты сама захворала, ухаживая за нею, но я надеюсь, что последствий дальнейших не будет. Как тронула меня малютка Катенька своим русским письмецом. Как бы мне хотелось ее видеть, но, разумеется, в то же время и Дашеньку. Поцелуй всех моих детей, как больших, так и малых. Боже вас благослови“²¹. Ему казалось, что, окажись она рядом, он бы смог развеять ее горе. 6 февраля 1808 года он писал ей: „Лизанька, мой друг, я все еще мечтаю, что ты будешь-таки в Киев. Приятно было мне узнать это из твоего последнего письма. Общество наше все тоже, кроме разве что приехавшей сюда из-за границы г-жи Зубковой, которая пробудет тут несколько времени. Это миленькая, ветреная женщина. Поцелуй всех моих детей — больших и малых“²². Через две недели он снова обращается к дочери: „Лизанька, мой друг и с маленькими, здравствуй. Маленькой Катеньки письмо меня очень обрадовало, и я ей отвечаю по-немецки. С Кудашевым посылаю 1000 рублей тебе; чтобы не вдруг, то тысячу пришлю после. Зубкова возбуждает внимание в Киеве. Ее находят хорошенькою, да и я тоже. Болтунья, немного сумасбродная, с сильным желанием нравиться — с этими склонностями можно далеко пойти“.

Пока Кутузов отправлял дочери письма, полные заботы о домочадцах и интереса к госпоже Зубковой, переполошившей весь Киев, он не догадывался, что фельдмаршал князь А.А.Прозоровский еще 21 декабря направил императору письмо: „<...> Страшусь я, Всемилостивейший Государь, только престарелых моих лет, хотя сил душевных, надеясь на милость Божию, и достать может. Итак, опасаясь я, чтобы иногда телесные

силы мои не отказали мне самолично все увидеть, хотя в самых важных случаях я, конечно, все положение земли сам осмотрю; но на всякий таковой случай для пользы Вашей, Всеавгустейший Монарх, нужно, чтобы первый подо мною генерал имел не только достаточные сведения, но и опытность в военном искусстве, дабы я, когда с силами не соберусь что-либо сам осмотреть, мог употребить его вместо себя. К сему признаю я способнейшим генерала от инфантерии Голенищева-Кутузова, который почти мой ученик и методу мою знает, а решительны, Всемиловейший Государь, в предприятиях мы будем...“²³ Трудно сказать, насколько хороша была мысль назначить более деятельного помощника к престарелому князю Прозоровскому, которому, к сожалению, отказывали уже не только „телесные“, но и умственные силы. Были и другие неудобства в общении с ним, о которых Кутузов сообщал жене после встречи с фельдмаршалом еще в Киеве: „Прозоровский здесь живет очень смиренно и со мною ему не за что поссориться, и часто выдаемся, пишем с утра до вечера и много напрасно. Говорит много и слава Богу, что не заставляет говорить других, для того, что очень глух“. По словам сослуживцев, главнокомандующий временами терял память, обращаясь к ним с просьбой напомнить, где он находится: „в Петербурге или уж в Москве генерал-губернатором?“ Те же сослуживцы иронизировали по поводу того, что в глазах князя Кутузов, будучи сам в немолодых летах, выглядел „молодым человеком“, в соответствии с чем строились их отношения. Само за себя говорит письмо Михаила Илларионовича 18 марта 1808 года дочери из Киева: „Я теперь в хлопотах; снаряжаю дивизии в поход и много трудностей. <...> Мне надо самому скоро ехать, но заботы здешние задерживают; а ты в Петербурге, ежели кто спросит, то сказывай, что думаешь, что я уже уехал; там не рассчитывают время, не почтут, что на много надо дожидаться разрешения от Прозоровского, а это не руку подать“²⁴. Одним словом, Кутузов не мог явиться к своему „вельможному“ начальнику без приглашения, даже получив рескрипт императора. Князь Прозоровский, как истинный барин прежних времен, естественно, выдерживал паузу перед младшим сослуживцем, в связи с чем 29 марта Кутузов все еще находился в Киеве: „Я не мог никак по сю пору выехать отсюда, должно было получить ответ на все от князя Прозоровского; в письмах весьма ласков“²⁵. Наконец в начале апреля ему было повелено прибыть к месту назначения, о чем он известил своих близких: „Милая Лизанька, здравствуй и с Катенькой, и с Дашенькой. Я думаю, завтра еду из Киева. Ты не поверишь, какой тиран — привычка. Мне тяжело отсюда уезжать. Вспоминаю, что провел здесь

несколько месяцев безмятежно: ложился и вставал без боязни и с чистой совестью. Посылаю тебе 200 червонных. Поговори обо мне с Катенькой“²⁶. 4 апреля Михаил Илларионович известил о том же и жену: „Я, мой друг, отъезжаю из Киева <...>, так засучен, что голова не на месте и дорога такая, что не знаю, как доехать; снега превеликие и с вчерашнего дня зачалась оттепель. Еду через Белую Церковь, где у Браницкого остановлюсь на сутки. <...> Сегодня страстная суббота; отслужу с вечера заутреню, а завтра, как свет, поеду. Посылаю левантского кофейю, прекрасного, да ноты Катеньке“²⁷. 20 апреля он благополучно добрался до места: „Я, мой друг, как три дня приехал в Яссы и нашел, что здесь продолжено перемирие бессрочно, до заключения мира. Я, слава Богу, здоров и очень хочу беречься от лихорадки, которая уже здесь начинается. Князь Александр Александрович [Прозоровский] принял меня очень дружески; ты бы, мой друг, могла поблагодарить за это княгиню“²⁸. Итак, Екатерина Ильинична, выполняя поручение мужа, вероятно, сразу же отправилась к супруге князя Прозоровского со словами благодарности за то, что главнокомандующий приветливо встретил ее немолодого супруга, который прибыл к нему не по собственной воле.

Однако в каком бы качестве ни мыслил князь Прозоровский использовать нового подчиненного, но донесение М. И. Кутузова графу Н. П. Румянцеву от 27 апреля о его „частной“ беседе с французским послом генералом О. Себастиани свидетельствует о том, что правительство имело и другие виды на его приезд к армии. Мы приводим выдержки из документа, отражающего интеллект, уровень познаний нашего героя в области географии, политики, права, раскрывающий его артистизм, сообразительность, быстроту реакции, знание психологии собеседника, которого ему необходимо втянуть в продолжительный разговор, чтобы получить нужную информацию: „Тон добродушия и откровенности, который я принял с начала разговора с послом, постепенно заставил и его сменить свои министерские ужимки на видимость военной прямоты; этот тон ободрил меня и позволил мне в полушутливом в полусерьезном разговоре закинуть несколько вопросов, кои были бы неуместны и неделикатны при встрече важной и преднамеренной, тем более, что я убеждал его всячески, что ничего не значу в делах политических, в которых полномочным лицом является сам фельдмаршал. Он не заставил тянуть себя за язык и начал с изложения необходимости существования Оттоманской империи для спокойствия Европы, подкрепляя это утверждение всеми доказательствами, применявшимися политиками, когда

в Европе царило равновесие. Но эти неоспоримые аргументы сделались софизмами, лишенными смысла с тех пор, как мы увидели судьбу Германии, Италии, Испании, Португалии и др.

Отправляясь от этого первого положения, он хотел доказать мне, что наши собственные интересы не позволяют нам нарушить целостность этой империи с подгнившим телом, которое несомненно само развалится, но своим падением вызовет смятение и войны, быть может, на сто лет. Потому что, если вы, русские, — [говорил мне Себастиани], добьетесь позорного для Турции мира, вы низложите султана, все перевернете вверх дном, и как рассчитать, что тогда может получиться. Не делая прямых возражений на все эти вопросы, я ему совершенно просто заметил, что, как полагаю, Франция постарается предохранить себя от [этих] событий, округлившись за счет Семи островов, Долмации и пр. <...> Поговорив об Австрии, он распространился о статистическом состоянии России. По этому поводу он говорил о принципе — не вести бесполезных войн, как война в Персии, которую он называл „войной из тщеславия“. На это я возразил ему, что я вполне убежден, что эта война с ее возникновения есть „война для безопасности“ не только для наших земель, прилегающих к Персии, но для всей нашей границы с народами Кавказа, которые могут быть двинуты против нас персами как хозяевами Грузии. Может быть, потом война и переменила свою цель, о чем мне неизвестно, — добавил я, — во всяком случае, она может доставить нам некоторые торговые преимущества на Каспии. При этом он вдруг спросил меня, что я думаю о слухах о войне на юго-востоке. Я простодушно признался, что кое-что читал в газетах, в которых подобные статьи помещаются только для того, чтобы прощупать общественное мнение и подготовить умы. „Ну, вот, — воскликнул он с восторгом, — вот вопрос, стоящий более, чем ваша торговлишка на Каспии, вот вопрос, который в первую очередь надо обсуждать обоим императорам совместно“. Покидая меня, сказал: „Мы не дипломаты, а генералы, и все, о чем мы говорили, не должно иметь последствий“²⁹. Итак, с видом доброжелательного простодушия Кутузов выяснил позицию Франции как посредника на переговорах между Россией и Турцией, интересы Наполеона в этом регионе, наконец, его намерение вернуться к „юго-восточному проекту“, то есть к идее совместного похода в Индию для сокрушения британского могущества. Для российского правительства было совершенно очевидно, что рассчитывать на дипломатическую поддержку Франции в русско-турецком конфликте не приходится, поэтому почти весь 1808 год и прошел для „официальных сторон“ в бесплодных переговорах.

В письме от 2 мая 1808 года из города Яссы впервые проступили

откровенное недовольство Кутузова своим зятем Н. З. Хитрово и осложнения с некоторыми сослуживцами: „Я к тебе, мой друг, пишу по почте, которая, кажется, очень верна. Вчерась приехал Хитров и я ему читал при начале большую проповедь, и он обещал быть благоразумен. Аннушка и Катенька у меня с ума нейдут. У нас перемирие, и я с князем очень ладен, он со мной очень откровенен. Многим однако же это не очень приятно“. В письмах августа он сообщал и о местной „светской“ жизни: „Я живу в маленькой изобке, а в другой, через двор, обедаю. Вчерась ввечеру, сказывают, принца Мекленбургского напоили и выиграли 60000 рублей. <...> А мне вчерась ввечеру давали здешние бояре бал, который им, сказывают, стал в 1500 червонных. Я бы мог вечер просидеть и гораздо дешевле...“³⁰ Письмо от 7 марта 1809 года получилось совсем грустное: „Я тебе, мой друг, даю печальную комиссию. Молодой Шпренгпортен, который прошедшего лета приехал с твоим письмом, на этих днях умер. Прилагаю к отцу письмо, которое, кажется, надобно доставить к старику через жену. Молодой человек был пренесчастливый, всегда в задумчивости и казался нести какое-то несчастье, о котором никому не говорил. Теперь скажу свои вести неприятные, но, слава Богу, что так прошло. Ты знаешь, что Хитров был послан в Константинополь, и вот, что сделалось, отсюда в 300 верстах опрокинулся с телегою и переломил себе руку, левую, но, слава Богу, рука хорошо срастается и через две недели совсем выйдет“³¹. В это время, обеспокоенная травмой супруга, в Яссы прибыла дочь Кутузова, однако с семейством Хитрово, по-видимому, у него душевной близости не возникло. Михаил Илларионович предпочел бы увидеть на их месте другую дочь: „Ежели бы возможно было, мой милый друг Лизанька, чтобы я летом остался на месте, то бы я тотчас послал за тобою, понимая, что для твоего здоровья путешествие полезно; между тем начинается война. Однако если увижу, что Аннушке можно здесь остаться, я постараюсь перевезти вас в здешний край; по крайней мере, я бы увидел вас осенью. Всего хорошего моей малютке Катеньке. Я купил для нее голубую шаль, как раз на ее рост, но не решаюсь отсылать ее с фельдъегерем“³². В конце марта 1809 года он уже точно знает, что „милого друга Лизаньку“ ему не скоро доведется увидеть: „У нас начинается война. С Божией помощью я завтра еду в Фокшаны, где собрались войски...“ Фельдмаршал князь Прозоровский предполагал овладеть турецкими крепостями Журжа, Браилов, Тульча и Измаил, чтобы затем двинуться за Дунай. Главный корпус Кутузова был направлен к Браилову, и генералу беглого взгляда было достаточно, что ему не хватит сил для штурма довольно сильной

турецкой твердыни. Князю Прозоровскому не понравилась осторожность Кутузова, и он решил лично взять на себя командование войсками под Браилом; диспозицию к штурму он приказал составить инженер-генерал-майору Гартингу. И в этих условиях Кутузов попытался сделать все возможное для успеха предприятия. По его приказу к крепости были стянуты осадные и батарейные орудия полевой артиллерии, которые в течение трех дней обстреливали Браил. Тем временем пионерные (инженерные) роты прорыли несколько траншей, ведущих к крепостному валу. Князь Прозоровский полагал, что принятых мер достаточно для овладения крепостью, однако Кутузов решительно возражал против штурма, будучи уверен, что артиллерию крепости подавить не удалось, а восьми тысяч русских воинов явно мало для подобного предприятия. Фельдмаршал назначил штурм на 20 апреля. Кутузов, для исправления положения, решился применить военную хитрость, чтобы дезорганизовать турок: штурму обычно всегда предшествовала „ложная атака“, после которой уже следовала основная. Прием этот был настолько известен туркам, что рассчитывать на его эффективность при малочисленности русских войск не приходилось. Кутузов предполагал поменять атаки местами: сразу же начать основную атаку, а ложную произвести вслед за ней, чтобы отвлечь главные силы турок от направления главного удара. Генерал предполагал штурмовать крепость на рассвете, чтобы русские войска различали маршрут движения. Но князь Прозоровский перенес атаку на ночное время. Сигнальная ракета взвилась в 23 часа, когда главные войска еще не успели подтянуться к ретраншементам, зато генерал Эссен, которому была поручена „ложная атака“, уже повел наступление и тем самым окончательно „разбудил и остерег неприятеля“. 21 апреля, сразу же после отбитого неприятелем штурма, Кутузов спешил успокоить Екатерину Ильиничну: „Чтобы ты, мой друг, не испугалась слухов в публике, не хочу упустить курьера. У нас было дело под Браилом. Делали малою частью армии пробу на штурм города, который не удался, и мы потеряли несколько людей. Больше писать некогда <...>“. Князь Прозоровский полагал, что „к стыду командовавшими колоннами <...>, они обнаружили личину ложной храбрости“. Кутузов же по-прежнему был уверен, что дело заключалось в упрямстве старого фельдмаршала, но молчал. Однако вскоре он обнаружил, что князь Прозоровский находится в состоянии перманентного раздражения против него. 16 мая Михаил Илларионович писал жене из Галаца: „Состояние мое становится здесь мне тяжело, при всем моем терпении. Фельдмаршал делает все по советам других; однако ж за всякую неудачу сердится тут же и на меня так, как бы точно делал по моему совету.

Мое положение тем тяжелее, что я должен скрывать все неудовольствие мое, не показать никому виду, чтобы не испортить службы; да и тебя прошу никому об этом не говорить и ко мне об этом не писать. Буду терпеть. Пока смогу <...>»³³. Впоследствии современники полагали, что Кутузов, желая заступить место главнокомандующего, интриговал против князя Прозоровского, сообщая о нем в Петербург нелестные суждения. Из письма же со всей очевидностью следует, что он не был жалобщиком. Для него в создавшихся условиях оставался лишь один выход: просить об отозвании из армии, когда иссякнет его терпение. Наконец, Михаил Илларионович начал осознавать, что фельдмаршал придирался к нему неспроста: «Меня, кажется, поссорили с князем из Петербурга; именно думаю, княгиня будто что-то говорила и до ней дошло. Я не интригант; Бог с ними! как хотят. Буду терпеть, пока мочь будет <...>». Но генерал напрасно подозревал в ложных на себя наветах старую княгиню Прозоровскую, проживавшую в столице; причина всех его бед находилась гораздо ближе. «Генерал А. Ф. Ланжерон вспоминал: „Кутузов привез с собой своего зятя Николая Хитрово, полковника и флигель-адъютанта Государя, и сделал его своим дежурным полковником. Это было в высшей степени неблагоприятное существо, без средств, глупый, сплетник, непостоянный, малодушный, способный на всякие преступления. Он иногда бывал в нервном волнении, которое некоторые принимали за деятельность. Прозоровский также ошибался в нем сначала и, наскучившись ленью и небрежностью своего дежурного генерала <...>, он заменил его Хитрово, но вскоре оценил по достоинству и удалил. Тогда Хитрово стал распространять про него самые оскорбительные клеветы и вести интриги, достойные осуждения. Князь Прозоровский усмотрел в этом вмешательство Кутузова и тогда же наметил сместить его“. По свидетельству Ланжерона, Николай Захарович написал письмо начальнику канцелярии Военного министра, в котором „дурно говорилось о князе Прозоровском“. Последний, получив копию с этого письма, посчитал истинным его автором Кутузова, который не имел к его созданию никакого отношения. „Два года спустя, — пишет Ланжерон, — когда он принял командование армией, я ему говорил об этом факте, и он ответил мне с редким прямотоном: 'Да старик был прав, в этом случае я был единственным виновником, терпя около себя моего чудного зятя Хитрово'“»³⁴. Тогда проблема разрешилась удалением Кутузова с дунайского театра: «Скажу тебе новость: сейчас получаю от Государя рескрипт, чтобы ехать в Вильну и принять губернию и должность Корсакова. Отсюда я рад, но не хочется мне в Вильну и рад бы

отделаться...» По-видимому, супруга генерала была раздражена этим переездом, который требовал немалых издержек при скудости денежных средств, и потребовала, чтобы он отказался от губернаторства в Вильне. Но супруг ее был человеком долга, начавшим служить еще до Указа о вольности дворянской 1762 года, поэтому он терпеливо объяснил жене: «Касательно моего перемещения, вот что надобно сказать: первое, надобно послушаться тотчас и ехать к своему месту, а потом надуматься, можно ли служить. Правда, что расстройство моему состоянию перевозиться совсем в Вильну из Киева, и ежели оставят при обыкновенном содержании военного губернатора, то, ей Богу, жить в Вильне невозможно, — это не Киев. Прозоровский что-то писал на меня, то есть налгал, а я имею свидетелей всю армию, которая вся, кроме подлых интригантов, обо мне жалеет. Я этому вижу от всех доказательства <...>»³⁵.

Тем не менее назначение в Вильну нельзя однозначно воспринимать как знак немилости. Александр I уделял особое внимание общественным настроениям в губернии, граничившей с герцогством Варшавским, которое и после Тильзитского мира рассматривалось в России не иначе как «пистолет, направленный в грудь России» Бонапартом. Губернатор Виленской губернии должен был привлечь к себе сердца местных жителей, одновременно наблюдая за их благонадежностью. В этом случае немаловажно было то, что Михаил Илларионович с блеском состоял в этой должности при Павле I, пользуясь уважением в свете. 3 августа Кутузов сообщал дочери: «Третий день, как приехал в Вильну; нашел здесь мало людей, для того, что разъехались по деревням; однако ж театр полон. Здесь нашел французский театр из Москвы. <...> Едучи через Минск, нашел там губернатора Радинга с женою, который был в Ревеле вице-губернатором, и целый день говорил с ими только об Дашеньке Тизенгаузенowej; так ее хвалили, что я растрогался: „Она так умна, что уже могла бы хозяйничать в доме“; так немцы ее почитают. Катенька и Дашенька, что делает Костенька? Умен ли он так, как Дашенька?»³⁶ Пожалуй, это письмо знаменательно тем, что Кутузов отвел в нем больше места Дашеньке, чем ее сестре Катеньке, и заинтересовался, наконец, Костенькой, сыном Дарьи, которая первой, «по старшинству», упоминается в следующем письме: «Любезная Аннушка. <...> Я в Вильне нашел много старых знакомых и удивился, что у всех лица переменились и все стали старше десятью годами. Зато есть дети знакомые, которым стало по 17, по 18 и по 20-ти лет. Любезная Лизанька, скажи мне правду, лучше ли тебе? Успокой меня, потому что я очень страдаю из-за тебя. Здесь знаменитая певица М-те

Франк. Она не хороша собой и имеет все манеры итальянской актрисы. Она меня потешает тем, что вообразила себе, что я питаю к ней сильную страсть. Поет она, как ангел. Катенька ее слышала у Чернышевых; скажи ей, чтобы она мне сообщила, какое впечатление произвел на нее талант г-жи Франк?»³⁷ Михаил Илларионович спешит разуверить семейство в том, что он испытывает сильную страсть к знаменитой г-же Франк, но неподдельный интерес к ней скрыть ему не удастся: его даже интересует мнение внучки по этому поводу. Читатель, вероятно, уже заметил, как легко и с удовольствием в письмах к жене и дочери генерал обсуждает женщин, которые постоянно находились в его окружении: то сумасбродная г-жа Зубкова, то Филис, то г-жа Франк... Н. А. Троицкий поставил под сомнение счастье семейной жизни Михаила Илларионовича и Екатерины Ильиничны, добавив к этому, казалось, несомненные факты измен супружеским узам. По замечанию Н. А. Троицкого, у М. И. Кутузова было «патологическое влечение» к женскому полу, да еще он и не считал нужным скрывать от посторонних глаз своих разновозрастных «повелительниц». Действительно, граф А. Ф. Ланжерон сообщил в своих Записках о неприглядных, с точки зрения морали и нравственности, поступках нашего героя: «Первым делом Кутузова, по приезде в Бухарест, было отыскать себе *владычицу* (выделено мной. — Л. И.); сделать это было совсем не трудно, но его выбор поразил нас. Он пал на 14-летнюю девочку, племянницу Ворлама и бывшую уже замужем за одним молодым боярином Гунианом. Она очень понравилась Кутузову, и он, хорошо зная валахские нравы, приказал ее мужу привести ее к нему, что он и исполнил. На следующий день Кутузов представил нам свою возлюбленную и ввел ее в общество, но, к несчастью, этот ребенок скоро начал иметь на нас большое влияние и пользоваться им исключительно для себя и своих родных. Когда 64-летний старик, одноглазый, толстый, уродливый, как Кутузов, не может существовать без того, чтобы иметь около себя трех-четыре женщины, *хвастаясь этим богатством* (выделено мной. — Л. И.) — это достойно или отвращения или сожаления <...>»³⁸. Прежде всего, следует отметить, что лишь один Ланжерон был так категоричен в оценке внешности Кутузова. Его земляк граф П. Л. де Боволье не отмечал, что русский генерал был отталкивающе безобразен: «В разных сражениях получил он много ран, причем потерял <...> глаз; тем не менее, выражение его лица было поразительно умное»³⁹. Генерал М. И. Маевский отмечал: «Я должен правду сказать, что обворожительный тон, дар и обращение Кутузова составили ему друзей в армии и даже во всей России»⁴⁰. Л. Л. Беннигсен,

четвертая (!) жена которого, будучи моложе его дочери от первого брака, входила в число почитательниц М. И. Кутузова, отмечал: «Одаренный от природы живым умом, он любезен в обществе, в особенности с прекрасным полом, у которого он всегда имел успех <...>»⁴¹. Однако нужно обратить внимание на выделенные в тексте фрагменты, из которых следует, что Кутузов не предавался тайным порокам, а окружал себя женщинами с целью продемонстрировать их обществу. И какому обществу! Приглашая любимую дочь Елизавету Михайловну в Бухарест, чтобы отвлечься от невзгод и получить облегчение от болезней, любящий отец сообщает ей: «Ты увидишь новые лица, между прочим, замужнюю женщину 13–14 лет, такую простушку и забавную»⁴². И здесь поневоле возникает чувство, что мы имеем дело с мистификацией, спектаклем, который можно разыгрывать даже в присутствии домочадцев. «Выхватив» из контекста времени только один исторический персонаж, мы мало что поймем. И снова цитата: «Я слышал, что, когда князь Куракин собирался в Париж послом, для него были приготовлены богатые покои, роскошные экипажи и метресса, которую он, кажется, *никогда не видал, хотя карета посла обязывалась стоять у ее крыльца по два часа в день* (выделено мной. — Л. И.)»⁴³. Кто сможет объяснить, для чего князю А. Б. Куракину, принадлежавшему к тому же возрасту и общественному кругу, что и М. И. Кутузов, нужна была «метресса», которую он «никогда не видал», но афишировал свои отношения посредством «дежурства» кареты с его гербом у ее двери? Приведем еще один показательный пример, касающийся уже самой Екатерины Ильиничны, о которой поведал в Записках В. И. Левенштерн: «Кутузова была женщина чрезвычайно умная; она прекрасно говорила по-французски, но с весьма оригинальным акцентом. В молодости у нее было много поклонников; было заметно, что она с трудом мирилась с тем, что время брало свое. Весьма снисходительная к ошибкам других и любезная с теми, кто ухаживал за ее дочерьми, она нападала на мужей, которые их ревновали. Не знаю, почему ей пришла в голову фантазия показать в ее интимном кругу, что я был ее любовником. Так как мне это вовсе не нравилось и могло повредить мне в глазах молодых женщин, то я решил изобличить ее выдумку, но сделал это довольно грубо. Г-жа Кутузова пригласила к обеду, запросто, двух своих приятельниц, княгиню К., графиню З. и меня. Эти две дамы славились своими легкими нравами; у каждой из них заведомо был любовник, из молодых гвардейских офицеров, которых она щедро наделяла деньгами. Поэтому я был крайне удивлен, очутившись один в обществе этих трех дам. Мне тотчас пришло

на ум, что г-жа Кутузова хотела этим показать, что я для нее то же, что означенные гвардейские офицеры для этих дам. Я был недурен собою и пользовался успехом у женщин, так, что это могло быть приятно ей, но не мне. Я покраснел от досады от одной этой мысли, однако, не потерявшись, подошел к хозяйке дома, рассыпался перед нею в извинениях, по поводу того, что не могу отобедать у нее, и в присутствии дам сказал ей, что это день ангела девицы St.-Claire, танцовщицы, у которой я обещал быть непременно и, зная снисходительность присутствующих дам в сердечных делах, я уверен, они извинят меня за то, что я решился столь откровенно высказать им причину, лишаящую меня возможности провести время в их обществе. Затем, не ожидая ответа, я уехал. Очень довольный моей дерзостью, я пообедал в ресторане, не подумав даже ехать к St.-Claire...»⁴⁴ Спрашивается: зачем Екатерине Ильиничне этот спектакль, совершенно непонятный и возмутительный для молодого человека? В 1812 году в письме государю Л. Л. Беннигсен жаловался на то, что Кутузов возит за собой женщину, переодетую казаком. А. А. Щербинин впоследствии поправил приятеля-недруга Кутузова: «Беннигсен не знал, что женщин было две». Когда письмо огласили на заседании Чрезвычайного комитета в Петербурге, то старый фельдмаршал Кнорринг отозвался: «Подумаешь, беда; Румянцев возил их четыре». Последнее замечание очень серьезно для понимания психологии поведения Кутузова: если высокочтимый полководец возил при себе четырех женщин, переодетых казаками, значит, и он, Кутузов, должен следовать этому стереотипу поведения «большого барина» и главнокомандующего, несмотря на денежные затруднения и недуги. Неважно, зачем он возил этих женщин, но они обязательно должны были находиться в его свите! Как говорили о его бывшем наставнике и благодетеле графе П. И. Шувалове: «в любом возрасте он считал своим долгом обожать красоту душой и взглядом». Для Кутузова это было, по-видимому, делом принципа, так же как и считать, что государь и Отечество — неразделимы. В 1814 году в обществе удивлялись, когда старый соратник М. И. Кутузова донской казачий атаман граф М. И. Платов зачем-то привез из Лондона «английскую девку»; ответ атамана снова наводит на мысль о некоем стереотипе поведения: «Я сделал это не для физики, а для морали».

Впрочем, Вильна никогда не была скучным городом, а встреча с прежними знакомыми и их подростшими детьми вселила в Кутузова дух оптимизма, которым он попытался поделиться с хворавшей дочерью в письме от 3 октября: «Любезная Лизанька и с детьми, здравствуй! Катерина Ильинишна писала мне последний раз, что ты очень страдаешь нервами?

Мне больно это, но любя, или лучше сказать, обожая тебя, я нашел, чем обмануть себя. Я читаю теперь роман Коцебу „Leontine“, исполненный огня и ума, в котором героиня, подобно тебе небесное существо, тоже овдовев, страдала твоим недугом, но после вторичного брака выздоровела. Я и подумал, по своей привычке всегда надеяться на все хорошее, как скоро это относится к тебе: Лиза моя, пожалуй, встретит счастливого смертного, соединится, после чего нервы замолчат. Мне кажется, я раззнакомился с моей малюткой Катей: ты, верно, перестала ей говорить обо мне. Милая Катя, божественное дитя, помни обо мне, люби меня. Да благословит Бог тебя, сестрицу и мамашу. Скажи маме, что у нее есть старый отец, который искренно ее любит. Эта любовь составляет его счастье...»⁴⁵ 19 декабря Михаил Илларионович снова поделился с Екатериной Ильиничной своим мнением о таланте г-жи Франк: «Вчера был в концерте, где слышал прекрасный дуэт, пела Франк и Тарквини, сопрано. Редкие два голоса». 29 декабря, накануне Нового года, он, вероятно, получил от супруги упрек в беззаботном времяпрепровождении и вынужден был оправдываться: «Не подумайте, чтобы меня здесь держали веселости, или привязанность к чему-либо; хотя, конечно, людный город и много приятных людей, но мне ничто не в диковинку; а ежели кто из своих был, то мне бы и в Горошках было весело. Слышу, Кудашев отпущен в отпуск, ежели бы хотя их Бог принес ко мне». Князь Николай Данилович Кудашев — муж четвертой дочери, Екатерины. Судя по скептической приписке, «ежели бы хотя их Бог принес», Михаил Илларионович, разочаровавшись в «чудном зяте» Н. З. Хитрово, пока не жаловал симпатией и зятя Н. Д. Кудашева, который позже прошел с ним через всю войну 1812 года. Почти постоянная разлука с родственниками с годами воспринималась иначе, чем в былые годы. 6 января 1810 года он признался в письме Лизаньке: «Я начинаю скучать от жизни, которую веду, несмотря на врожденную веселость мою. Вдали от всего, что дорого для меня, я чувствую, что в старости необходимо окружать себя близкими»⁴⁶.

Было и еще одно неприятное обстоятельство, которое не могло не сказаться на состоянии духа Михаила Илларионовича. После заключения Тильзитского мира для России настали трудные времена: континентальная блокада Англии, которую ученые образно называют «экономической удавкой», больно ударила по всем, кто был связан торговыми отношениями с Туманным Альбионом. Материальные проблемы, возникшие перед семейством Голенищевых-Кутузовых, — это яркий пример того, в каком положении оказались многие дворянские семьи в России. В 1810 году

падение курса рубля, резкое снижение покупательной способности при отсутствии спроса на традиционные товары российского экспорта не обошли стороной самых близких Кутузову людей. 9 января Кутузов отправил своей дочери грустное письмо: «Милая Лизанька и с детьми, здравствуй. <...> Напрасно думаешь, моя милая, что я не люблю, когда мне говорят о деньгах; дело только в том, что я не знаю как быть, когда их нет у меня; впрочем, скоро доставлю тебе денег». Очевидно, что в эти же дни он получил письмо от Екатерины Ильиничны, из которого ему открылось бедственное положение тех, кого он любил и за кого был, по его словам, «готов умереть». Генерал узнал, что жена намерена продавать имение и заложить их петербургский дом, в который он столько лет надеялся вернуться, чтобы жить в нем в окружении внуков. Пожалуй, его ответ раскрывает перед нами характер генерала, как ни один другой документ. «Один из лучших генералов Государя Императора», как называл его князь А. А. Прозоровский даже в пору «охлаждения» между ними, изощренный дипломат, бывший в числе «лучших людей» в «золотой век» Екатерины, ловкий придворный, поклонник женской красоты, интеллектуал, «помешанный» на книгах и театре, — выступил перед нами в этом письме в ином качестве. Он не сдался перед угрозой разорения, которому подверглись в эти годы даже самые зажиточные аристократические семьи, свалив все на отсутствие опыта в хозяйственных делах и силу неумолимых обстоятельств. Он нашел работу для изощренного ума, о котором в один голос вспоминали современники, превратившись в эконома, управляющего, дельца, лишь бы спасти тех, кому он обещал быть опорой в жизни. 16 января он отправил «верному другу Екатерине Ильиничне», не умевшей считать деньги, письмо, в котором признался, что пережил довольно тяжелые дни, прежде чем сумел найти выход из положения, и расписал по пунктам все, что ей необходимо было сделать, чтобы сохранить имение и дом: «Буду отвечать на твое прежнее письмо об деревне. Мне всегда не хотелось продавать деревни, для того, что, продавши деревню, издержутся деньги, и не будет ни денег, ни деревни. <...> Контракты были прескверные; я был иногда в отчаянии, думая о твоем положении; даже с горестью всегда принимал твои письма; а иногда не мог собраться и писать к тебе, и беспокоюсь день и ночь. Наконец, вот что мог сделать для тебя: посылаю за поташ жемчугу тысяч на тридцать ассигнациями. На каждой связке написана цена, сверх того, два векселя Комаровскому, из которых он один тотчас заплатит, а другой, погода, как получит деньги. Обоих векселей будет на двадцать две тысячи, а потому нечего жемчуга бросать за бесценок и торопиться продавать. По здешнему считают жемчуг этот не дорог и цена

сходная, для того, что я уступил по полтора серебряных рубля с берковца. Всего у тебя сберется пятьдесят и несколько тысяч, и когда изворотишься, то отдай из них Парашиньке, Катиньке и Дашиньке по три тысячи. Аннушке и Лизаньке уже я отправлю. Ты видишь, мой друг, что это <...> гораздо больше моего полугодового дохода. Уведомь, все ли в банк внесены проценты. Ежели мало, чего не достает, то доплатишь. Я взял еще три тысячи за поташ, но должен был на контрактах заплатить долгу князю Долгорукову две тысячи червонных за долг, который сделал едучи в армию, тысячу червонных за хлеб, что в деревне куплен на фабрики, да плутовской процесс проиграли без меня на полторы тысячи червонных; да на перевод банкира Виленского тоже заплатил. Да Лизанька что-нибудь стоит. Этого не жаль, только бы было ей в пользу. А за всеми этими расходами, Бог знает, как буду жить целый год. Может быть, мой друг, тебе не будет нужды, как мне кажется, закладывать дому. Обо всем меня уведомь <...>»⁴⁷. Обратим внимание на особенность его характера: он ни с кем не делился своим «отчаянием», не отвечал на письма, пока не разрубил гордиев узел проблем и не нашел выход из сложившейся ситуации, а также и на деловой, энергичный тон письма, в котором он предписывает жене быстрые действия. Проблема нехватки денег возникла и в переписке отца и дочери, которой он сообщил 12 февраля: «Лизанька, мой друг и с детьми, здравствуй! Завтра еду в Горошки, где пробуду два дня. <...> Покуда нет у меня денег. Я думаю, ты уже получила те пять тысяч рублей, которые я отправил в два приема, а из Горошек я тебе напишу. Относительно матушки ты можешь быть спокойна: несмотря на мои стесненные обстоятельства в течение этих дурных контрактов, я переслал ей более, чем на пятьдесят тысяч рублей жемчугу, которые я выручил из продажи партии моего поташа и других средств, с тем, чтобы она могла заплатить важнейшие долги. Наконец, я соскучился здесь, потому что мне только там хорошо, где я живу оседло. Вчера в честь мою Милорадович давал бал». В следующем письме дочери от 23 февраля он уже предстал совсем другим человеком: «Лизанька, мой друг, буди Богом хранима и с детьми. Наконец-то я в Вильне, устал. Дня четыре, как я приехал; все, что знаю до сих пор, ограничивается новостью, что хорошенькая вице-губернаторша принимает усердное ухаживание генерала Эссена, который заступает мое место: это в польском вкусе. Очень не дурен новый маленький театр. Содержательница его, Моравская, делает чудеса. Между прочим, давали вчера „Жанлис“, да ведь так удачно, что я удивлялся. <...> Хотела было сюда приехать *mademoiselle Tousainie* с прочими актерами на время поста, но этому не

бывать»⁴⁸. Он снова писал о театре и хорошенькой вице-губернаторше...

Генерала не переставало волновать здоровье дочери, которое, казалось, ухудшалось все больше: «Милая Лизанька и с детьми, здравствуй. Я уже несколько времени не писал к тебе непосредственно. Милый друг; я боялся встревожить тебя в минуту болезненного припадка; за то я сообщался с тобою через Аннушку. Последнее твое письмо несколько ободрило меня; надеюсь, что хорошая погода поправит твое здоровье. Впрочем, когда-то она будет! Сегодня у нас мороз. Или сама, или через кого-нибудь дай мне весточку о Катеньке. Я твердо решился ехать в Петербург: так мне хочется тебя расцеловать»⁴⁹. Однако поездка требовала значительных расходов, и Кутузову пришлось отменить свое решение. 27 апреля он поздравил дочь с Пасхой, отправив ей письмо, из которого следовало, что из внуков именно Катенька занимала главное место в его сердце: «Друг мой Лизанька, и с детками, здравствуй. Посылаю маленькой Катеньке пасхальное яйцо и сережки при немецком письме. Я крепко надеюсь на твое выздоровление с наступлением ясных дней; ревматизм уступит»⁵⁰. В конце года Михаил Илларионович снова отправился в имение, для решения хозяйственных проблем. По-видимому, одной из причин нервного расстройства дочери Елизаветы Михайловны было опасение столкнуться с нищетой и жить в непривычной для нее нужде. Кутузов прилагал все усилия, чтобы развеять ее опасения: «Вот я и в Горошках, где нашел много дела, но ничего особенно дурного. Посылаю тебе 2500 руб. ассигнациями, а через несколько дней пришлю еще столько; потом мы перепишемся и сделаем так, чтобы не было у тебя ни в чем недостатка. <...> Госпожа Беннигсен рассталась со мной только по выходе на улицу, несмотря на холод, и облила меня слезами. Вице-губернаторша выехала за несколько дней до меня; а госпожа Фишер проскакала 80 верст, чтобы догнать меня. Генерал Эссен, приехавший в Вильну из Ревеля, много говорил мне о Дашеньке, уверяя, что она удивительно похожа на меня, так что я прослезился... Милая Катя, как ты поживаешь?»⁵¹ Как видим, Михаил Илларионович по-прежнему был «в великом фаворе» у женщин. По установившейся после осенней распутицы дороге он отправился на знаменитые «контракты» — торговую ярмарку в Киев, откуда 23 января 1811 года снова отправил дочери утешительное письмо: «Лизанька, мой друг, здравствуй и с детьми. <...> Дела у меня по горло. В теперешнее время доходы плохи, — это неприятно, но все тому же подвержены; только до тебя это не касается, потому что я не *допущу тебя до нужды* (выделено мной. — Л. И.). Здесь во время контрактов очень шумно. А я не люблю этого рода удовольствия»⁵².

Но 6 марта на семью Кутузовых обрушилась очередная напасть, виновником которой снова был Николай Захарович Хитрово. Михаил Илларионович не скрывал своего отношения к зятю в письме Лизаньке: «Поговорим об Аннушке. Я тебе скажу, что я совсем не огорчаюсь тем, что случилось с Х. и к счастью, что Аннушка не из строгих. Х. недостойный человек: туда ему и дорога. Если я теперь ничего не в состоянии для него сделать, то, может быть, удастся впоследствии. Предоставим все Провидению»⁵³. Случилось же и вовсе не предвиденное. «Лето 1811 г. началось грустно. Все предчувствовали войну. Появилась комета; солдаты, стоя в карауле и смотря на нее, предсказывали великие бедствия. Возникла история Сперанского и Н. З. Хитрово, у которых нашли переписку с Коленкуром»⁵⁴, — сообщал современник. Генерал А. де Коленкур был французским посланником в Петербурге. Другой современник заметил по этому поводу: «Носились слухи, что им (Н. З. Хитрово. — Л. И.) передана была французскому послу Коленкуру не даром — а я думаю скорее из болтливости, к чему он был склонен — важная тайна, до приготовления войны 1812 года касавшаяся»⁵⁵. В 1811 году зятя Кутузова выслали в Вятку, куда за ним последовала и дочь полководца. «К счастью, что Аннушка не из строгих», — мудро заметил полководец, опасавшийся осложнений в семейной жизни дочери. Члены семьи Хитрово хлопотали о переводе беспокойного и эксцентричного Николая Захаровича в Калужскую губернию, где в Тарусском уезде у него была деревня — Истомино, куда в конечном счете и перебралось все семейство с «толпой иностранных гувернеров и гувернанток и проч.». За опальным генерал-майором велено было иметь строгий надзор, что «чудного зятя» нисколько не смущало. Забегая вперед скажем, что его склонность к опасным чудачествам особенно проявилась в 1812 году. «Непонятно, — пишет современник, — как могли оставить Хитрово в этой деревне. Он не унывал, радостно слушал об успехах Наполеона, выкинул флаг с его именем. Отец мой, видевший, что все это происходило скорее от легкомыслия, нежели от злонамерения, умолял его не губить себя. <...> Ясно, что в тогдашнее время то вело к бунту или к расстрелянию по военному положению»⁵⁶. Будучи главнокомандующим армией в 1812 году, Кутузов смог добиться, чтобы Н. З. Хитрово перевели «от греха подальше» в Нижегородскую губернию. Сам по себе зять не вызывал у Кутузова ни малейшего сочувствия, но за судьбу Аннушки и своих троих внуков (Михаила, Александра и Федора, девяти, восьми и пяти лет) он, естественно, не мог не волноваться. Хотя в то памятное лето 1811 года, когда на небе появилась

огромная комета с огненным хвостом, одновременно предвещавшая хороший урожай и большую войну, «звездные часы человечества» принялись отсчитывать время, отпущенное нашему герою на «главные подвиги жизни».

Глава двенадцатая

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ ДУНАЙСКОЙ АРМИЕЙ

Война между Россией и Турцией с переменным успехом продолжалась уже пять лет. Знаменитый историк А. И. Михайловский-Данилевский красноречиво изложил затяжную хронику событий на Дунае: «Михельсон занял княжества и, по малочисленности предводимых им войск, должен был ограничиться действиями оборонительными. Князь Прозоровский, с армией многолюдною, не только не приобрел поверхности над неприятелем, но был отбит под Браиловом, Журжею и Кладово, с трудом решился перейти Дунай и, совершив переправу, умер. После маститых летами полководцев <...> явились Главнокомандующими князь Багратион и граф Каменский, оба в цвете лет, озаренные славою прежних подвигов своих. Князь Багратион взял Мачин, Гирсов, Кистенджи, разбил турков при Рассевате, обложил Силистрию, безуспешно сразился под Татарицею, покорил Измаил и Браилов, но был принужден снять блокаду Силистрии и возвратился за Дунай. Граф Каменский, имея под ружьем более 80000 человек, грозою явился на правом берегу Дуная, овладел Силистриею и Базарджиком, истощился в бесплодных усилиях под Шумлою, претерпел кровавое поражение на Руцукском приступе, отмстил туркам под Батином, покорил Руцук, Журжу, Систов, Турну и Никополь, сделал удачный поиск на Ловчу и отступил в Валахию»¹.

В самом начале 1811 года самый молодой из перечисленных главнокомандующих, 34-летний граф Н. М. Каменский, серьезно заболел. В войсках даже ходили упорные слухи о его отравлении, хотя все признаки заболевания сильно напоминали лихорадку, которой страдала почти вся армия. Так, Я. О. Отрощенко вспоминал: «Офицеры были расположены в молдаванских хатах, а нижние чины в сараях. Людей умирало так много, что трупы вывозили на возах для погребения»². Причину массовых эпидемий подробно разъяснил М. М. Петров: «<...> Чрез прелесть эту, особливо разнородных виноградов и абрикосов, при употреблении на них масляного плода зерен грецких орехов, в свежести их лакомых на вкус, а при холодности тамошних долгих ночей, по обычному всех вечернему купанью, решительно смертельных последствиями мучительных лихорадок

и кровавого поноса. <...> В той стране с закатом солнца вдруг, почти без зари, обнимает ночь холодная, поглощающая всю знойность дня, оставляя в воздухе тепла не более 3°. Казалось бы, нетрудно понять, что при таком изменении теплоты на холод не следует пред вечером задолго ни фруктов есть, ни купаться, поевши их, а только вкушать что-нибудь зажаренное, натертое солью, перцем, или сухарей с кашницею. Но праматерь наша Ева передала нам вполне невоздержность свою в обольщении благовидностию плодов вопреки рассудка и наказов, и мы, вернопослушные ее праправнучата, всех чинов без изъятия, страдаем при уповании на авось. <...> А какую там лихорадку вытерпел, то <...> и теперь вспомнить страшно, а все от вечерней еды фруктов и ночного купания и авось»³. Однако дело было не только в «ночном купании». «<...> Во всех колодезях вода была испорчена турками и имела несносный смрад. Жар был нестерпим, и мы, изнемогая от жажды, пили эту воду, но и той недостаточно было. Ко мне явилась лихорадка с большим ожесточением и поносом», — сообщал Я. О. Отрощенко⁴.

Подобная же «возвратная лихорадка» настигла, по-видимому, и генерала Н. М. Каменского. Но Александр I об этом еще ничего не знал, и когда болезнь на некоторое время отпустила генерала, решил подбодрить его «утешительными сведениями» о новом поприще, которое ему предназначалось. Дунайский театр военных действий казался государю слишком незначительным для военачальника, в таланты которого он верил вопреки вопиющим неудачам, постигшим Каменского в войне с Турцией. Александр I предполагал, что он достойно возглавит самую многочисленную русскую армию в предстоящей войне с Наполеоном, сказав новое слово в военном искусстве. Свои надежды государь выразил в рескрипте: «Перемена в образе войны против турков и убавление Молдавской армии в Моих предположениях соделывают необходимым употребить блистательные способности ваши к важнейшему начальству. Болезнь ваша доставила мне случай исполнить оное без обращения лишнего внимания на сие перемещение. Я дал повеление генералу Кутузову поспешить приездом в Букарест и принять командование Молдавской армии. Вам же предписываю, сдав оную преемнику вашему, под видом слабости здоровья вашего, после столь тяжкой болезни, и известя его подробно о всех Моих намерениях, отправиться, коль скоро вам возможно будет, в Житомир, где получите вы от Меня повеление принять главное начальство над 2-ю армиею, составленною из восьми пехотных и четырех конных дивизий. Между тем надеюсь, что переезд ваш в

благорастворенный климат Волыни послужит к совершенному укреплению здоровья вашего. При сем случае приятно Мне изъявить вам, сколь Моя доверенность и любовь к вам приумножились после знаменитых заслуг, оказанных вами в командование Молдавскою армиею»⁵. Государь доверительно обсуждал с графом Каменским планы на будущее, предполагая в дальнейшем такое же единомыслие и сотрудничество с человеком «новой формации», близким ему по духу. В ожидании вторжения армии Наполеона в Россию Александр I рассчитывал вести против Порты оборонительную войну и счел возможным наполовину сократить численность Молдавской армии. Дунайский театр военных действий уже представлялся ввиду надвигавшихся масштабных событий чем-то второстепенным. В это «захолустье» вполне можно было отправить М. И. Кутузова, любившего вспоминать о победах Екатерининского века. Пусть воюет в местах своей молодости, живет там воспоминаниями, не докучая советами молодым и сильным, постигшим новые правила военной науки, которые они противопоставят первому полководцу Европы. Особенность дунайского театра военных действий составляло то, что с наступлением октября — ноября театр военных действий превращался в голую степь. Турки прятались в крепости, где было заготовлено продовольствие, а русские войска оставались в степи, где не было жилья, продовольствия, обогрева, подножного корма для лошадей и волов, от последних зависели и люди, так как именно на волах по бездорожью через переправы на Дунае везли к армии продовольствие. С исчезновением подножного корма волы падали, не доходя до войск, которым в этом случае грозила голодная смерть. С осени начинала разливаться река, сметая переправы, в результате чего русские на «вожделенном правом берегу» могли остаться отрезанными и во власти турок. Таким образом, в октябре Кутузов должен был доложить государю о достигнутых им успехах, либо их следовало отложить до следующего года, что в условиях усиливавшегося противостояния России и Наполеона представляло немалую опасность.

Но «без Бога — не до порога». Александру Павловичу, направившему Каменскому рескрипт, и в голову не приходило, что тот получит его уже на смертном одре в качестве «последнего утешения в жизни», а дряхлеющий, тяжеловесный старик, которого он представлял где-то на задворках истории, прославит себя на обоих театрах военных действий. Впрочем, сам Кутузов до получения рескрипта сомневался в целесообразности своего назначения: пережитые им невзгоды, безусловно, подорвали его силы. 27 февраля он сообщал своей дочери Е. М. Тизенгаузен: «Лизинька, мой друг и с детьми, здравствуй! Я получил из Петербурга известие, благодаря

которому могу оказаться по соседству с тобой. Это значит, что я, вероятно, буду назначен командующим армией в Турции. Уверяю тебя, что это меня вовсе не радует, наоборот, сильно огорчает, клянусь тебе. Министр (М. Б. Барклай де Толли. — Л. И.) подготавливает меня к этому. Я держу это сообщение в большом секрете ото всех и тебе сообщаю под таким же. Ты будешь молчать до тех пор, пока оно не будет опубликовано. Если же, к счастью, все отменится, ты вообще не станешь об этом говорить. Тем не менее, этот отъезд, о котором мне объявили, меня сильно беспокоит. В мои годы расстаться с своими знакомыми, привычками и покоем!»⁶ Об этом же он написал и военному министру: «В летах менее престарелых был бы я более полезным, случаи дали мне познания той земли и неприятеля; желаю, чтоб мои силы телесные, при исполнении обязанностей моих, достаточно соответствовали моему чувствованию <...>»⁷. Получив высочайший указ о своем назначении «заступить место графа Каменского», М. И. Кутузов в марте покинул Вильну и 1 апреля прибыл в Бухарест, «на поприще известное ему в течение сорока лет». 6 апреля он сообщал жене: «Николай Михайлович [Каменский] очень худ, было легче, но сделалась жестокая грудная болезнь; сегодня опять немного лучше. Бог знает, надолго ли? Я ему не велел сказывать, что я приехал, и он думает, что командует армией»⁸. В этой деликатности весь Михаил Илларионович. Впрочем, эта неопределенность продолжалась недолго: «Сейчас пришли мне сказать, что Николаю Михайловичу сказали, что я скоро буду на его месте; чему он очень обрадовался, говоря, что он никак не выедет, прежде моего приезда и потом уедет в Одессу». Кутузов был, естественно, далек от того, чтобы торжествовать свое назначение, и, более того, почти неделю собирался с душевными силами, чтобы посетить умиравшего генерала. 13 апреля он написал Екатерине Ильиничне: «Вчера первый раз был у Каменского, так как будто только приехал. Обрадовался очень, и оба мы заплакали. От слабости так худа у него память, что через минуту все забудет, о чем говорил, и спрашивает то же, но обо мне очень часто вспоминает и заботится очень об квартире моей и обо всем, что мне надобно. Пока у него был — беспрестанно: „дядюшка“ и руки целует. Только припадки его все худы; нынче показалось новое. Доктора называют эпилептические обмороки и это очень опасно...»⁹ 16 апреля Михаил Илларионович признался жене, что и сам чувствовал недуг: «Я с приезде долго прихварывал; что-то было на желудке! Теперь, кажется, здоров. Беда та, что мое здоровье поддерживало, того нету, то есть веселость по вечерам, а этого теперь, по беспрестанной заботе, иметь нельзя. Лучшего доктора, что

был в армии, Малахова, отпустил с Каменским. <...> Здесь главное должно беречься, чтобы не простудиться»¹⁰. Ни один из прежних главнокомандующих, вероятно, не знал так хорошо местные условия и своего противника, как Кутузов. В свою очередь, «паши знали Кутузова со страшных для них екатерининских времен, а Царьград помнил в нем посла великолепного, политика глубокого и красноречивого»¹¹. Конечно, за годы войны между двумя империями многое изменилось: султан Селим, производивший приятное впечатление на Кутузова, погиб во время бунта янычар, у власти теперь находился последний в роде Османов — султан Махмуд. Россияне же были настолько уверены в успехе старого полководца, что, по словам современников, отмечали его назначение, как праздник. Не менее радостно его встретили и на Дунае: «Молдовалашский Митрополит Игнатий в проповеди, произнесенной в Бухарестском соборе 6-го апреля, после рассказа о подвигах Кутузова, как начальника и дипломата, сообщил: „Лишь только он приехал и едва успел бросить взгляд на страну, он немедленно приказал не брать подвод у крестьян. Таким образом, покровительствуя землевладельцу, он дает ему время сеять и предотвращает голод, от которого уже так ужасно страдала страна“»¹². Правда, сам Михаил Илларионович отнесся к почитанию своей особы не без иронии. «Для курьезности посылаю проповедь здешнего митрополита, ученого грека, — писал он супруге, — говоренную по-гречески в прошедшее воскресенье в бытность мою у него в соборе. Сказывают, по-гречески, прекрасно; в переводе, сказывают, многие красоты потеряны <...>»¹³. К тому времени, как Кутузов появился на Дунае, несомненным достижением его предшественников было покорение крепостей на обоих берегах Дуная: важный оборонительный рубеж турок был теперь полностью в наших руках. Однако неприкосновенной оставалась главная опора военного могущества Турции — армия великого визиря. В свое время в письме канцлеру графу Н. П. Румянцеву князь П. И. Багратион признавал: «К миру Порты не может быть принуждена иначе, как разбитием армии Верховного Визиря». Пока же она существовала, у османов, по их закону, не было права вести с Россией мирные переговоры. Султан Махмуд готов был мириться с русскими, не иначе как сохранив целостность своей империи, признав границей реку Днестр. Претензии султана обрели под собой значительную прочность после уменьшения численности русской армии; к тому же от мира с соседями его отговаривал французский посланник в Константинополе, заверяя в неизбежности скорой войны между Россией и Францией. Александр I требовал от главнокомандующего,

чтобы он вступал в переговоры с турками не иначе как по признанию Портой границы по Дунаю, независимости сербов и выплаты контрибуции. И это притом что Молдавская армия теперь насчитывала всего лишь 46 тысяч человек. «Император принял уже некоторым образом обязательства перед своими подданными и в глазах целой Европы присоединить к России Молдавию и Валахию и потому не может отменить сего условия, — сообщал вице-канцлер граф Н. П. Румянцев в письме графу Н. М. Каменскому, которым должен был руководствоваться и вновь назначенный главнокомандующий. — Положение дел в Европе чрезвычайно благоприятно к достижению нашей цели. Наполеон крайне озабочен поражениями своих войск в Испании и при каждом случае уверяет Россию в дружбе. Австрия, невзирая на женитьбу Наполеона на эрцгерцогине Марии Луизе, тайно изъявила желание пребывать с Императором Александром в прежних, самых искренних отношениях»¹⁴. Положим, «дружба» Наполеона и «искренние отношения» Австрии для Кутузова в «восточном вопросе» гарантиями не являлись. И он был абсолютно прав. Наполеон в эти самые дни признавался полковнику А. И. Чернышеву: «Я смотрю на это с точки зрения выгод Франции; если, с одной стороны, говорил я сам себе, такая обширная держава, как Россия, увеличится еще приобретением двух прекрасных областей, которые умножат ее средства, то, с другой — я выигрываю то, что Австрия сделается таким ее врагом, каким никогда не бывала»¹⁵. Известный исследователь той эпохи А. Н. Попов задавался отнюдь не праздными вопросами: «Но возможно ли было надеяться, располагая незначительными средствами, при оборонительной войне нанести такое сильное поражение неприятелю, чтобы принудить его искать мира и согласиться на тяжелые условия? <...> Едва ли какое-нибудь совещание ученых теоретиков, знатоков стратегии и тактики, отвечало бы на эти вопросы иначе, как отрицательно. Но, конечно, они разрешались иначе в соображениях опытного вождя и дипломата времен Екатерины, беспрекословно принявшего новое назначение на закате своей жизни, исполненной доблестных подвигов и увенчанной славой. <...> Он, конечно, так же, как и все ее сподвижники, проникнут был чувством безусловного повиновения верховной власти, олицетворявшейся для них в виде женщины, озаренной гением»¹⁶.

Главнокомандующий начал с того, что собрал все войска на левом берегу Дуная, приказал уничтожить укрепления Силистрии и Никополя на правом берегу, где нетронутым остался лишь Руцук и при нем переправа через Дунай на случай наступательных действий. Он не стал растягивать

наличные силы на тысячу километров вдоль берега: прямой обороне он явно предпочитал косвенную, что уже доказывает, что в его глазах «кордонная стратегия» отжила свой век. «Раздробление войск, без подвижных корпусов, отворит путь в Валахию первому неприятельскому корпусу несколько значительному», — объяснял Кутузов свои действия в донесении императору. Удивительно, но ошибка в расположении войск, которой старый полководец избежал на Дунае, в его отсутствие была допущена в размещении соединений, ожидавших вторжения Наполеона на западной границе! Кутузов же распределил свои войска так, чтобы они могли при необходимости за три дня сосредоточиться у Рущука. Свой левый фланг, куда, по слухам, турки направляли значительную морскую силу, Кутузов прикрыл большей частью своей флотилии. На правом же фланге ситуация разрешалась иным способом, в котором Михаил Илларионович был также смолоду силен. В Виддине находилось около 400 судов, которыми легко могли воспользоваться турки при переправе через Дунай, чтобы вторгнуться в малую Валахию. С точки зрения Кутузова, это был наиболее вероятный «шахматный ход» великого визиря. Последствия показали, что и в этом он не ошибся. В этих условиях Михаил Илларионович приказал генералу Зассу завязать самые тесные отношения с комендантом Виддина Муллоу-пашой, который уже давно тяготился зависимостью от султана. Муллу-пашу можно было понять: он уже много лет использовал суда, находившиеся в Виддине, для морской торговли, получая доходы как от самой торговли, так и от пошлинных сборов. Больше всего он опасался, что русские помешают его коммерции, поэтому сразу же дал клятвенное обещание генералу Зассу не пускать в Виддин направляющийся туда корпус Исмаил-бея. Для того чтобы утвердить Муллу-пашу в этом намерении, Кутузов приказал сообщить ему, что, по слухам, Исмаил-бей получил повеление султана отрубить Мулле-паше голову. Почувствовав, что виддинский комендант готов к дальнейшему сотрудничеству с русским командованием, Михаил Илларионович через генерала Засса предложил ему, в обмен на «охранительную грамоту», передать русским все 400 судов. «Предложите паше, — писал Кутузов генералу Зассу, — чтобы он отправил суда в Радоговец, обыкновенное место их разгрузки, где наши войска могли бы их взять, после чего паша будет иметь предлог сказать своим, что русские полонили суда вооруженной рукой. Все убытки обещайте с нашей стороны вознаградить»¹⁷. Тут выяснилось, что большая часть этих судов принадлежала местным жителям, без ведома которых Мулла-паша не мог распродать чужую собственность, опасаясь бунта. Михаил Илларионович

предложил выкупить морской транспорт. Мулла-паша первоначально оценил суда в 50 тысяч червонцев, а затем согласился вдвое сбавить цену. Кутузов отправил Зассу 25 тысяч червонцев...

Перспектива военной кампании виделась полководцу весьма определено. «Идти к Шумле атаковать Верховного визиря невозможно и бесполезно, — объяснял он в донесении государю, — завоевание Шумлы по принятому плану оборонительной войны совсем не нужно. Но может быть скромным поведением моим ободрю самого Визиря выйти из Шумлы или, по крайней мере, выслать значительное число войска к Разграду и далее к Рущуку. Тогда, соединив корпуса графа Ланжерона и Эссена и оставя небольшой гарнизон в Рущук, поведу их на неприятеля; конечно, с помощью Божиею, разобью его <...>»¹⁸. Александру I, тяжело пережившему смерть графа Каменского, эти заверения его преемника, вероятно, представлялись не чем иным, как самонадеянным бахвальством старого вояки, который бестактно намекал на безрезультатные действия своих предшественников: «<...> Брать приступом крепости с большою потерей людей и с тем, чтобы вследствие оборонительной войны опять оставлять их, стоило бы весьма дорого и было бы весьма неблагоприятно. Сожалею очень, что не могу представить повествования о блистательных моих действиях и быстрых победах, но доношу только о весьма умеренных, единственно оборонительной войне свойственных предположениях»¹⁹. Посвятив императора в свои стратегические соображения, Михаил Илларионович счел нужным разъяснить ему свои тактические приоритеты, с помощью которых полководец рассчитывал «за один поход достигнуть мира на желаемых условиях». Он писал о своем грядущем успехе буднично и без тени сомнений так, что впоследствии у А. И. Михайловского-Данилевского вырвалась восторженная фраза: «И все предположения сбылись точно так, как Кутузов предвидел!»

Весной 1811 года он был совершенно уверен в том, что Наполеон еще не успел приготовить войска для похода в Россию, поэтому рассчитывал при необходимости использовать пять дивизий, уже выведенных из состава Молдавской армии, но продолжавших оставаться на Днестре. Молдавскую армию Кутузов предлагал разделить «на три корпуса, которые не должны озабочиваться тем, чтоб иметь сношение между собою, но каждый корпус по себе должен действиями своими располагать по обстоятельствам. <...> Действуя против турок с такими довольно сильными корпусами, безопасно можно вдаваться в самые отважные предприятия, даже не имея между собою никакого сообщения. Турки, по природе своей, не в состоянии быть

столько деятельными, чтоб быстротою движений совокупных сил подавлять порознь такие отдельные части. Всякое неожиданное и новое действие приводит их в такое смятение, что даже не можно предположить, в какие впадутся они ошибки и сколь велик будет наш успех. По сей причине против турков не должно действовать громадою сил совокупно, как против войск европейских. Против них успех зависит не от многолюдства, но от расторопности и бдительности командующего генерала. Фельдмаршал граф Румянцев, столь хорошо знавший турков, говорил при мне: если бы удалось им разбить наш корпус, состоявший из 25000 человек, то и 50-ти тысячный имел бы ту же участь»²⁰. Михаил Илларионович так хорошо знал предмет, о котором он рассуждал в своем донесении, он высказывал свои суждения с такой увлеченностью, что возникает невольная досада: почему государь изначально не привлек его к составлению плана войны против Турции? Почему упорно избегал использовать опыт и знания «великого генерала» царствования Екатерины? Александр Павлович готов был пять лет «испытывать способности своих избранников» вместо того, чтобы сразу вверить армию, бесспорно, едва ли не лучшему из европейских военачальников. В отличие от многих русских и зарубежных генералов Михаилу Илларионовичу даже не предложено было высказать свои соображения по поводу кампании 1812 года против Наполеона. Но в отличие от многих генералов, которым Александр I доверял, назначая на высшие должности, только одному из них — Кутузову — удалось в течение одного года завершить две войны «за полным истреблением неприятеля»! Более «результативного» полководца в отечественной истории припомнить трудно.

В июне в Петербурге случайно побывал высокопоставленный пленный турок румелийский беглербей Исмаил-паша, который определенно заявил, что султан никогда не уступит России Молдавию и Валахию, даже не вследствие внушений Франции и Австрии, а в силу своего собственного упрямства. Александр I впервые решил запросить мнение по этому вопросу у старого дипломата времен своей августейшей бабки: «<...> Воздавая полную цену и справедливость превосходным талантам вашим и усердию, Его Величество не только дозволяет вам, но и вызывает вас сказать ему мнение ваше, полагаете ли вы, по зрелом соображении всех обстоятельств, таковое султаново упорство в самом деле непреодолимым? <...> Но приобретение обоих княжеств оставляло бы в наших руках способ сделать какой-нибудь выгодный промен с Австрией, уступкою ей Валахии за другую область»²¹. Еще раз обратим внимание на формулировку: «не

только позволяет вам, но и вызывает вас сказать ему мнение ваше», снова свидетельствующую о том, что конфликт государя и подданного был вызван отнюдь не кротостью и низкопоклонством екатерининского вельможи, неоднократно, по-видимому, порывавшегося высказать свое суждение, которым пренебрегали. Теперь же Кутузов был совершенно счастлив тем, что Александр I наконец проявил к нему доверие. Настроение Михаила Илларионовича ощущается в тексте его ответа графу Румянцеву, в котором он торопится передать свои знания, свой опыт, как будто чувствует, что жизнь его подходит к концу. «Мы требуем четырех провинций от Порты: Малой Валахии, Большой Валахии, Молдавии и Бессарабии. Но не столько входит в расчет пространство и качество сих земель, сколько корысть частных людей, кои управляют делами Порты <...>, а наиболее фанарских греков, тех, кои льстятся достигнуть до княжества, и множества тех, кои под покровительством господарии надеются обогатиться при местах в сих княжествах. От сих греков переходят ежегодно подарками превеликие суммы ко всем чиновникам Порты, и влияние сих людей на умы министерства турецкого известно <...>». Далее Кутузов рассуждал о том, что перенесение наших военных действий на правый берег Дуная, возможно, давало нашим главнокомандующим случай добиться успехов, но устранить влияние греков-фанариотов и греков из Перы он считал невозможным, по крайней мере, в ближайшем будущем. Даже уступку Австрии обеих Валахии Кутузов не считал таким условием, которое могло бы облегчить нам заключение мира с Турцией. «Если бы даже Австрия решилась принять их и заняла бы их своими войсками, то и тогда война продолжалась бы столько же долго». Различие состояло бы в том, писал полководец, «что война не была бы для нас таким бременем, как ныне. Короткая операционная линия и соединение почти с губерниями Подольскою и Киевскою облегчило бы в разных отношениях наше военное положение. <...> Почитаю при нынешних обстоятельствах и с хорошими способами, едва возможным приобретение в год или в два Валахии; но считаю не весьма трудным достигнуть уступки Молдавии». Кутузов сообщал, что Молдавией греки-фанариоты не особенно дорожили и драгоман Порты князь Мурузи в разговорах называл это княжество бесполезным для Порты. Ссылаясь на полученные им сведения, Михаил Илларионович утверждал, «что между людьми, которые трутся около министров, носится мнение, что необходимо отдать землю до Пруту, что уже составляет половину того, что при уступке всей Молдавии они потерять могли». На денежную контрибуцию Порты не согласится никогда, уверял графа Румянцева полководец. «Скорее думаю, — писал он, — она

согласится на уступку Молдавии, нежели на пожертвование 20 миллионов пиастров, что хотя и делает только два миллиона червонных, но никак не согласно с глупостью турок»²². Действительно, у турок существовало убеждение в том, что любая денежная контрибуция приравнивается к наложению дани, что не совместимо с их национальным достоинством.

В то время когда Кутузов готовил свои войска к оборонительным действиям, турецкий султан, после пяти лет оборонительной войны, решился перейти в наступление и, переправившись через Дунай, возвратить себе Бессарабию, Молдавию и Валахию. К концу мая армия великого визиря Ахмет-бея насчитывала около 70 тысяч человек. Узнав о концентрации сил неприятеля, Кутузов предпринял ответные меры. 23 мая он сообщал Екатерине Ильиничне: «Я еще, слава Богу, здоров, мой друг, — для того, что и месяцы такие еще, что болезней мало. Я всей моей жизни проводил в здешнем краю до десяти лет и не был еще здешними болезнями болен. Я не считаю грудной болезни, которую я имел прошлый раз в Яссах. Не могу я быть лето в Бухаресте. Теперь, на первый случай, переносу себя к Рущуку, и конечно до ноября месяца покоен не буду... Я не могу теперь в Руцук с Лизенькой съездить: несколько дней займусь одним полномочным турецким, который завтра будет для миру. Но это еще все не конгресс». Дочь Елизавета Михайловна, опасаясь за здоровье отца, действительно приезжала к нему в Бухарест. Но теперь, когда началась военная страда, ей было за ним не угнаться.

Кутузов приказал передвинуться от Бухареста к Журже своему главному корпусу под командованием генерала А. Ф. Ланжерона, одновременно приказав генералу Зассу ускорить покупку судов у Муллы-паши. Виддинский комендант понемногу сбывал их русским, как вдруг узнал о приближении к Виддину Исмаил-бея, который повелел отправить сотню судов вниз по Дунаю к устью реки Ольты, где готовилась к переправе армия великого визиря. Ахмет-бей поступил неосторожно, сообщив о своих планах нашему осведомителю. Мулла-паша, не успевший продать русским все суда, но уже получивший задаток, счел необходимым его «отработать». Кутузов получил сведения, что Исмаил-бей должен вторгнуться в Малую Валахию, отвлекая внимание от армии великого визиря, который намеревался выступить из Шумлы к Разграду, а потом к Рущуку, якобы с намерением перейти Дунай, в то время как его главные силы переправятся через реку у Никополя. Кутузов много раз в своей жизни собирал военные сведения, поэтому счел нужным проявить осторожность и перепроверить все сказанное Муллой-пашой. Надежные лазутчики подтвердили сведения виддинского коменданта. Тогда Кутузов

также двинул свои главные силы к реке Ольте.

В Бухаресте тем временем находился турецкий военный министр Гамид-эфенди. Приехав в Бухарест, М. И. Кутузов нашел там Ахмеда-агу, посланного визирем с письмом, в котором он просил доставить деньги сераскиру Пехлевану-паше, попавшему в плен при Базарджике. Кутузов сообщил великому визирю, что сделает все от него зависящее, а заодно и известил о своем прибытии в Бухарест. Михаил Илларионович вспомнил о том, как 19 лет назад они свели знакомство в Константинополе, поздравлял его с должностью первого сановника Оттоманской Порты, «говорил о нечаянном стечении обстоятельств, что оба они, старинные приятели, вступили одновременно в Главнокомандующие, и изъявлял радость быть в сношениях с давнишним другом своим и столь отличным полководцем, каков Ахмет-бей»²³. Однако в письме Михаил Илларионович ни словом не обмолвился о мирных переговорах, будучи совершенно уверен в том, что первым о них заговорит великий визирь. Извещая о своей переписке с неприятельским главнокомандующим канцлера графа Н. П. Румянцева, М. И. Кутузов изложил ему свое «кредо»: «Я лучше хотел прослыть в мнении Порты человеком властолюбивым, жертвующим собственной пользе благом человечества для продолжения могущества, с местом моим связанного, нежели дать туркам думать, что я бегаю за миром»²⁴. Кутузов правильно выбрал роль. Действительно, великий визирь заговорил с ним в письме о надежде на скорое перемирие и направил в Рушук для переговоров военного министра Турции Гамида-эфенди. Кутузов опять не сплеховал: он сам неоднократно ездил для переговоров по местам, занятым войсками, и догадывался, что одной из целей подобных поездок является наблюдение за передвижением войск. Он быстро убедил «посланника мира» для его же спокойствия переехать в Бухарест, где в переговоры с ним вступил тайный советник Итальянский, присланный государем еще при Каменском. Этот дипломат сразу продемонстрировал то, что так умело скрывал Кутузов: нашу заинтересованность в скорейшем мире с турками. «<...> Визирь понял то, что так тщательно желал скрыть Кутузов, — что сам русский кабинет делает шаг в этом случае»²⁵. Первое же совещание дипломатов едва не стало последним: Гамид-эфенди был намерен прервать переговоры. Однако в планы Кутузова, знавшего, что Наполеон в 1806 году потребовал от султана пресечь всякое личное общение турецких сановников с российскими дипломатами, входило поддерживать постоянные переговоры с Ахмет-беем через его посланника. Это был дипломатический ход, которого не мог предвидеть ни Наполеон, ни его

посланник в Константинополе. Кутузов убедил Гамида-эфенди остаться в Бухаресте еще на месяц под предлогом ожидания ответа императора на выдвинутые им условия мирного договора. «Зная корыстолюбие и сладострастие турков, — рассказывал А. И. Михайловский-Данилевский, — он ничего не щадил при угощении Гамида-эфенди, угадывал и предупреждал всякие желания гостя. Роскошная жизнь и доставляемые ему Кутузовым утонченные наслаждения так понравились турецкому Военному министру, что наконец он и сам не хотел ехать от нас, и просил Кутузова оправдать перед Верховным визирем промедление его в Бухаресте»²⁶.

Получив донесение обо всем происходившем в Бухаресте, государь направил Кутузову наставительное письмо, в котором он приказал своему своевольному генералу не удерживать турецкого военного министра, если он отвергает условия мира, предложенные Россией. Александр Павлович закончил свое повеление словами, в которых проявилось раздражение: «Турецкие министры говорят о непоколебимой твердости Султана не уступать нашим требованиям. Отвечайте им: почему они думают, что Император Александр будет менее тверд в своих намерениях, и неужели в угодность Султану пожертвует... и т. д.». Даже боготворивший императора Александра историк Михайловский-Данилевский не удержался в этом случае от иронического замечания: «Повеление сие было привезено к Кутузову в исходе июня и застало его посреди военных действий». Михаил Илларионович отлично понимал: для того чтобы турки прислушивались к претензиям внука Екатерины, надо обладать весомым аргументом, которого у русских пока не было: разбить армию великого визиря. Вот как раз этому он и отдавал свои силы, оставив Гамида-эфенди в Бухаресте «посреди утонченных наслаждений». В начале июня турки закончили военные приготовления и двинулись вперед. Грозный Исмаил-бей пошел на Виддин, где его появления с трепетом ожидал продажный Мулла-паша. Сам великий визирь с 25 тысячами выступил, наконец, из Шумлы к Разграду. Кутузову доносили, что люди Ахмет-бея, конные и пешие, показались в Никополе, Туртукае, Силистрии, отовсюду забирая суда и лодки для переправы. Наш главнокомандующий сам выехал из Бухареста в Журжу, придвинув туда часть отрядов из Турны и Слободзеи, и поручил свой авангард генералу Воинову. Он приказал бесстрашному военачальнику перейти на правый берег Дуная и завязать «дело» с турецким авангардом, обещая подкреплять русских воинов по мере увеличения турецких сил. «Может быть завлеку я тем неприятеля в сражение на равнинах», — доносил Кутузов о своих планах в Петербург, пока еще не веря в удачу. Но вот, по прошествии двух дней, великий визирь перешел от Разграда к селению Кадикиой: теперь он

находился в 14 верстах от Руцука. Кутузов узнал, что к Ахмет-бею подошли подкрепления, и теперь его армия насчитывала около 60 тысяч человек при 78 орудиях. 19 июня Кутузов передвинул свои войска из Журжи к Руцуку, соединив на правом берегу Дуная корпуса Ланжерона и Эссена. 20 июня перед самой зарей турки сильно напали на казачью цепь, а когда утренний туман рассеялся, то яркое солнце осветило многочисленную турецкую конницу, готовую атаковать наш авангард. Генерал Воинов немедленно известил Кутузова обо всем происходившем, и главнокомандующий со всей армией двинулся навстречу Ахмет-бею, заняв позицию в четырех верстах впереди Руцука. Кутузов построил пехоту в каре: шесть в первой линии и три — во второй. Кавалерия стояла в третьей линии позади пехоты. Всего же в строю находилось 18 тысяч человек при 114 орудиях. Левым крылом командовал граф Ланжерон, правым — генерал Эссен, кавалерией — генерал Воинов. Кроме того, Кутузов оставил в самом Руцуке сильный отряд под командованием генерал-майора Д. П. Резвого с приказом не допустить турок прорваться в крепость. Главнокомандующий был уверен в том, что именно в этом и заключается главная цель турецкого военачальника. Действительно, Ахмет-бей предполагал атаковать армию Кутузова 22 июня на рассвете по всей линии и, обойдя наше левое крыло, отрезать русских от Дуная. Наступление турок «являло вид картинный, блеском дорогого оружия, разноцветными одеждами, пестрыми чалмами, бесчисленным количеством знамен и значков, осенявших войско. Наездники гарцевали перед строем на борзых лошадях. За ними ехал Верховный визирь, окруженный государственными сановниками и многочисленною свитою»²⁷.

Очевидцы вспоминали, что Кутузов был с самого утра в приподнятом настроении, «веселее и приветливее обыкновенного, приказал войску встать в ружье». Может быть, обзревая поле битвы, он вспомнил свою молодость, всех тех, с кем он провел в этих местах лучшие годы жизни. Тем временем все 78 турецких орудий открыли огонь, прикрывая атаку пехоты. Русская артиллерия не замедлила дать встречные залпы, и неприятельские пехотинцы приостановились. Турецкая конница совершала смелые наезды сразу на оба наши фланга. Они бросались в атаку на левое крыло пять раз, но всякий раз были отбиты картечью. К окончности правого фланга турки пытались подобраться через рвы и виноградники, но русские каре стояли насмерть. И вот, наконец, грянула главная атака, замышляемая великим визирем. Ему казалось, что он приготовил для армии Кутузова страшный удар: 10 тысяч анатолийских всадников под предводительством Бошняка-аги, отбившего в прошлом году все атаки

Каменского на Руцук, во всю прыть своих лошадей обрушились на строй русских. Им удалось прорваться между крайними каре нашего левого фланга, Белостокского и Олонецкого полков. Прорвав фронт, они попытались смять наше левое крыло и кинулись в тыл нашей коннице, стоявшей в третьей линии. Здесь анатолийцам удалось смять два казачьих и Кинбурнский драгунский и Белорусский гусарский полки. Стоявшие при этих полках орудия успели быстро откатить в соседние пехотные каре. «Я сам видел, — вспоминал в Записках граф Ланжерон, — как храбрые артиллеристы, раненые, отбивались и тащили орудия в мои каре». Турки настигли несколько пушек, но не смогли отбить их: вторая линия каре открыла по ним жестокий картечный и ружейный огонь. Генерал Эссен лично повел в атаку 7-й егерский полк. Среди пыли, дыма, оглушительных криков первым ударил во фланг неприятеля флигель-адъютант А. Х. Бенкендорф с Чугуевскими уланами, его атаку поддержал генерал Воинов с Санкт-Петербургскими драгунами и Ольвиопольскими гусарами. Наконец среди турок наступило замешательство, их беспорядочные толпы разорвались, часть отступила назад, в то время как самые храбрые и организованные прорвались до Руцукских укреплений, но были встречены здесь батальонами генерала Резвого.

Почувствовав перелом в ходе сражения, Кутузов направил в бой все три линии русских войск. «Барабанный бой и победное Ура! слились в воздухе!» — писал А. И. Михайловский-Данилевский. И тогда Ахмет-бей, не дожидаясь ответного удара, приказал спешно отступать. Кутузов же приказал войскам преследовать неприятеля только до лагеря великого визиря, в котором тот накануне окопался. В лагере полководец неожиданно приказал войскам остановиться. Вокруг Михаила Илларионовича собрались генералы, которые поздравляли его со знаменитой победой. Они настаивали на том, что отступавших турок надо немедленно преследовать. Ответ Кутузова их ошеломил: «Если пойдем за турками, вероятно, достигнем Шумлы, но потом что станем делать? Надобно будет возвращаться, и тогда, как в прошлом году, Визирь объявит себя победителем. Гораздо лучше ободрить моего друга Ахмет-бея и он опять придет к нам». Сказанное Кутузовым не укладывалось в голове у его подчиненных! 23 июня Михаил Илларионович сообщил домой, в Петербург: «<...> Вчерась Бог всемогущий даровал мне победу: я выиграл баталию над визирем <...>; это не моими, а конечно вашими молитвами. Слава Богу, здоров, но усталость такая, что едва могу держать перо. Я весьма доволен генералами и любовью солдат; дрались на всех пунктах пять часов и везде хорошо... Приметен анекдот, что визирь получил от

меня накануне баталии шесть фунтов чаю, он до него охотник, и приказывал мне, прислав лимонов и апельсинов. Мы с ним весьма учтивы и часто наведываемся о здоровье. Обнимаю тебя, мой друг, и детей с внучатами. Боже их благослови». Кутузов простоял три дня на поле выигранной им битвы, а 26 июня возвратился в Журжу. В Рущук остался только корпус Эссена. Ахмет-бей тем временем окапывал свой лагерь в селении Кадикиой, ожидая со дня на день атаки русских. Мысль о том, что Кутузов возвратился на левый берег Дуная, была для него потрясением. Кутузов же сознавал, что у него недостаточно сил, чтобы окончательно разгромить армию великого визиря на правом берегу Дуная: полководцу следовало найти способ заманить его на равнины Валахии. Генерал Эссен был крайне удивлен, получив приказ главнокомандующего эвакуировать жителей Рущук на левый берег, зажечь Руцук и взорвать укрепления. Эссен приехал в Журжу, чтобы убедить Михаила Илларионовича, что он ручается в том, что сможет защитить Руцук со своим корпусом. «Не в Рущук важность, — ответил Кутузов генералу, в глазах которого он так и остался нерешительным и слабым. — Главное дело состоит в том, чтобы заманить визиря на левый берег Дуная. Увидя наше отступление, он наверняка пойдет за нами».

В донесении М. Б. Барклаю де Толли Кутузов написал: «С начала кампании я видел, сколь много положение наше затрудняется руцукским ретраншементом, и как связывает руки сей пост, которого не только без сильного гарнизона оставить не можно и такого, который отнимает большую половину всей пехоты, могущей двигаться к подкреплению разных пунктов на великом пространстве, нами занимаемом <...>. К сохранению сего поста иных мер и иного положения по нынешней силе неприятеля избрать не можно, как то, в котором я находился перед визирскою баталией и несколько дней после, то есть стоять перед Руцуком и закрывать его всеми кое-как собранными силами. Единственная позиция, которую для сего избрать можно, не теряя связи с Руцуком, есть та, на которой я дал баталию. <...> Все сии причины столь важны, что я по совершенному убеждению принял мысль, тотчас после одержанной над визирем победы, оставить Руцук. Сие только и можно было произвести после выигранной баталии, в противном же случае казалось бы то действием принужденным, и если бы вместо выигранного сражения была хотя малая неудача, тогда бы должно было переносить все неудобства и для чести оружия не оставлять Руцук. <...> Итак, несмотря на частный вред, который оставление Руцук может сделать лично мне, и предпочитая малому сему уважению пользу Государя моего, упразднив Руцук, как были

упразднены Силистрия и Никополь, выведя жителей, артиллерию, снаряды, словом все, и подорвав некоторые места цитадели, 27-го перешел я совсем на левый берег Дуная»²⁸. Сложно сопоставить текст этого донесения М. И. Кутузова с бытующей в историографии версией, что главными чертами этого человека были придворная лесть и низкая угодливость. Приведенный случай с оставлением Рущук показывает, что личной ответственности и царской немилости он не страшился. До конца своих дней полководец не боялся брать на себя ответственность в самых рискованных ситуациях, поэтому-то так странно выглядят предположения некоторых отечественных авторов, будто ему не хватало силы воли и характера в принятии смелых решений. Конечно, если бы Кутузов приказал удерживать Руцук, как спартанцы ущелье в Фермопилах, то он выглядел бы человеком волевых решений. Однако полководец мысленно выстроил логическую цепь, где были безошибочно определены все приоритеты: заключение мира с Турцией, для чего следовало разбить армию великого визиря; чтобы разбить ее, следует навязать ей сражение; чтобы навязать сражение, следует пожертвовать Руцуком, сделав шаг на пути к сражению с армией великого визиря. «Походы великих полководцев всегда имеют в основании светлую мысль, постепенно приводимую ими в действие. Но различными способами, судя по нравственным свойствам полководцев, — рассуждал А. И. Михайловский-Данилевский. — Одни, как Наполеон и Суворов, устремляются вперед, разрушая всяческие преграды, доверяя своей звезде; другие, в том числе Кутузов, подвергая каждый шаг расчету, устраняя сколько можно влияние случайностей на свои действия, ожидая для разгрома неприятелей времени, когда изготоятся все к тому средства»²⁹. Действительно, для Кутузова в его ремесле не существовало раз и навсегда установленных правил; знания, которые он накапливал всю жизнь, безотказно служили ему в самых разных ситуациях, он умел, по словам поэта, «мыслить, мысли не обожествив», предвидеть конечный результат, сплести воедино полководческое искусство, политические новости с другого конца Европы, местные особенности и знание человеческой природы. Скажем, психологические портреты Наполеона или Ахмет-бея были для Кутузова едва ли не важнее, чем воинские правила, которыми они руководствовались. Воинские правила Фридриха Великого, Румянцева, Суворова или Наполеона переставали быть для него правилами, как только их исполнял кто-либо другой. Он легко отличал важное от второстепенного, перестраивался на ходу, но он терпеть не мог, когда в его распоряжения вмешивались посторонние люди, которым не хватало ни

ответственности, ни дальновидности.

Предположения Кутузова оправдались, хотя действительно ценой ущерба его собственной славе. «Не только в Константинополе сражение при Рущуке праздновали как победу над русскими, но отступление на левый берег Дуная наших войск, как в Петербурге, так и в Париже, произвело впечатление и заставило усомниться в одержанной Кутузовым победе. Сражение при Рущуке, несмотря на благодарственный молебен, есть поражение, потому что пришлось отступать и прервать все сообщения с Сербией», — говорили в Петербурге, особенно те, которые считали нужным порицать Кутузова, зная, что император не расположен к нему со времени Аустерлицкого сражения, а остальные повторяли их слова. Особенно радовался наш союзник! «У вас была резня с турками под Рущуком», — сказал Наполеон, подойдя к Чернышеву на одном из представлений ему дипломатического корпуса в Тюильри. «Это было сражение по всем правилам, а не резня, — отвечал Чернышев, — дело весьма значительное и славное для нашего оружия». — «Ваш Главнокомандующий сделал ошибку, поставив войска слишком далеко от города, к которому в случае нужды пришлось бы ему отступать». — «Наш Главнокомандующий избрал позицию не настолько удаленную от города, чтобы не мог воспользоваться сильным гарнизоном, который в нем был оставлен, и составлял в то же время его резерв», — возразил Чернышев. «Уверяют, — продолжал Наполеон, — что турецкая конница нападала на ваши каре с изумительной силой и окружила их». — «Да, Государь, — отвечал Чернышев, — их многочисленная конница в этой атаке пронеслась между нашими каре, но встреченная нашею, стоявшею за ними, хотя и меньшею по числу, была опрокинута и прогнана»³⁰. Разница между Наполеоном и Кутузовым сразу же бросается в глаза: один видел события такими, какими он хотел их видеть, второй же придерживался известного афоризма Фридриха II касательно сражений: «последствия бывают хуже самого дела». Первый любил учить и выставлять оценки, второй любил учиться, предпочитая делать это на чужих ошибках. Предвидя возможность столкновения этих полководцев в будущем, можно было сразу заподозрить, у кого из них возникнет больше затруднений.

Отступление Кутузова, в конце концов, ободрило и самого Ахмет-бея. Он направил русскому главнокомандующему письмо с требованием подписать мир на условиях, предложенных султаном. Михаил Илларионович отказался, предлагая отозвать из Бухареста загостившегося там Гамида-эфенди. Ответ Кутузова повез в стан великого визиря переводчик А. Фонтон, который был лично известен Ахмет-бею. При

встрече со старым знакомым визирь не сдержал эмоций и заговорил: «Вы помните, когда я в Браилове, как частный человек, говорил с вами об этой войне, я не скрывал моего мнения, что обе империи, теперь воюющие между собою, должны бы находиться в мире, чтобы противодействовать замыслам их общего врага. <...> Все выгоды России и Порты заключаются в том, чтобы прийти к соглашению как можно скорее, чтобы иметь возможность защищать себя, потому что я верно знаю, что французы такие же ваши враги, как и наши». Ахмет-бей пересказал Фонтону содержание последней ноты французского посла Латур-Мобура, в которой тот старался отклонить Турцию от заключения мира с Россией ввиду предстоящей войны. «Теперь же передайте Кутузову, что я перейду Дунай, опустошу всю Валахию, хотя мне и очень жаль ее несчастных жителей; я не буду останавливаться у крепостей, но длинными переходами и недостатком продовольствия доведу вас до утомления и погублю всю вашу армию. Не правда ли, что уж лучше заключить мир. Удовлетворитесь малым, и тогда мы можем быть союзниками. Это единственное средство спастись нам обоим. Все равно Дунай никогда не будет вашим, лучше мы будем воевать 10 лет, чем уступим его. Все, что я вам говорил, передайте моему другу генералу Кутузову; это наибольшее доказательство моей к нему дружбы, какое я могу представить»³¹. Генерал А. Ф. Ланжерон свидетельствовал: «Кутузов, выслушав рассказ Фонтана, который передавал его при мне, воскликнул: „Где, черт возьми, этот лазский пират, не умеющий писать, научился всему этому?“ <...> Кутузов, человек умный и умеющий предвидеть все события, очень желал мира: он прекрасно понимал, что граница Дуная, которую Румянцев непременно желал сделать нашей, являлась для нас непреодолимым препятствием, и в тех же обстоятельствах, в каких мы находились тогда, это желание было положительной химерой. Кутузов не мог противиться желаниям Румянцева, так как был уверен, что последний действует в силу приказаний Государя. Для такого человека, как Кутузов, куртизана и боявшегося сделать что-либо, что не понравится двору, эта уверенность имела сильное влияние на все его поведение». Начнем с того, что, во-первых, после оставления Рушчука рассуждения о том, как Кутузов боялся не понравиться двору, уже выглядят странными. Чего уж больше сделать для того, чтобы добиться там немилости! А во-вторых, самонадеянный мемуарист не знал того, что знал Кутузов: государь император подчас вступал в личную переписку с Кутузовым, не посвящая в ее содержание Румянцева. Так, когда война на Дунае закончилась, Михаил Илларионович сообщил императору: «О содержании тайного своеручного рескрипта Вашего Императорского

Величества никто не владеет, да и государственному канцлеру я с сим курьером никаких уведомлений не делаю»³². А 29 июля, например, он предупреждал Екатерину Ильиничну из Журжи: «Письмо к Марье Антоновне (фаворитке и близкому другу Александра I. — Л. И.) вели верно отдать, — это ответ на ее...»³³ В те дни он радовался не только тому, что на склоне лет приносил пользу государю и Отечеству. 13 августа из Бухареста он отвечал на письмо дочери: «Лизанька, мой друг, и с детьми, здравствуй! С каких пор, милый друг, считаешь ты меня за тирана своих детей? Как могла ты думать, что я скажу: „нет, не делай этого, оставайся несчастной“, и разве я имею что сказать против брака с господином Хитровым? Разве не первое мое желание — видеть тебя здоровою и спокойною? Теперь тем более надеюсь видеть тебя свободною от болезни и печали... Я долго напрягал свою память, чтобы представить себе моего зятя, наконец, я вспомнил, каков он: это ловкий молодой человек, несколько худощавый, умница и честная душа, разве немного насмешлив. Я очень хорошо знаю г. Хитрова, и если когда-нибудь возвращусь к вам, то не расстанусь с ним. Если у тебя это в обычае, то поцелуй его от меня. А отчего он не пишет ко мне?»³⁴ Итак, как он и рассчитывал, Елизавета Михайловна вновь вышла замуж: ее избранником стал генерал-майор Николай Федорович Хитрово (однофамилец зятя Николая Захаровича).

Опыт сражения при Рущуке убедил Кутузова в том, что для полевого сражения на равнинах Валахии, в неотвратимости которого он теперь не сомневался, ему нужны дополнительные силы. «Движение распоряжений Верховного визиря было так мудро, что могло бы служить славою самому искусному генералу; войска дрались храбро, а конница действовала с такой наглостью, что я в долговременную мою против турецких войск службу, таковой не памятую»³⁵, — писал полководец из Журжи 16 июня 1811 года М. Б. Барклаю де Толли, обосновывая просьбу придвинуть на всякий случай к армии 9-ю и 15-ю дивизии, стоявшие на Днестре. На письме же Кутузова сохранилась резолюция Барклая де Толли: «Июля 2-го Высочайше велено отписать, что Государь согласен на то, что подвинул бы к себе 9-ю дивизию, а 15-й приказал бы быть готовою к походу к соединению к нему; но без особой важной причины, о которой он должен заблаговременно уведомить, не трогал бы сию последнюю дивизию к себе. Напоследок сказать, что желательно было бы, чтобы сие повело к цели, которую он от сего ожидает, и приблизило бы нас к миру, к чему, однако же, судя по его отношениям, еще никакой надежды нет. Что же касается до обстоятельств нынешних, то, кажется, они те же самые, что были весною»³⁶. Заметим, что

М. Б. Барклай де Толли, недавно ставший генералом от инфантерии и военным министром и не имевший за плечами ни возраста, ни долгого боевого поприща Кутузова, уже усвоил пренебрежительный тон своего покровителя — императора Александра I. Притом что Барклай де Толли еще не командовал армиями, не вел дипломатических переговоров. Неспроста генерал Л. Л. Беннигсен рассказал А. И. Михайловскому-Данилевскому по окончании Наполеоновских войн в Европе анекдот об известном острословие генерале А. П. Ермолове: «Некто удивился в его присутствии, что Барклай достиг до чина генерал-фельдмаршала, не одержав ни одной победы. — „Прибавьте, — сказал Ермолов, — что он и не проиграл ни одного сражения, то есть он нигде не командовал“»³⁷. Когда же генерал Барклай отправлял наставления М. И. Кутузову, ему и в голову не приходило, что через год, лишенный поста военного министра и перспективы занять пост главнокомандующего, он поступит под командование этого самого генерала, на которого он обрушит всю горечь и злость своих «Оправдательных писем» императору, где он утверждал, что Кутузов «уничтожил его». Удивительна разность поколений: у вельможного и сановитого Кутузова никогда не возникало подобных амбиций!

...В ночь на 28 августа на левом берегу Дуная показались турецкие отряды. Поначалу их приняли за шайки грабителей и русские передовые войска вступили с ними в дело. Но к берегу причаливало все больше и больше судов, с которых выгружались турки. Кутузов прибыл к месту переправы, немедленно сообразив, что войско великого визиря «пожаловало к нам». Вероятно, он вспомнил высадку турецкого десанта при Кинбурнской косе в 1787 году, потому что дословно повторил слова А. В. Суворова: «Пусть их переправляются, только бы перешло их поболее на наш берег». Переправив на левый берег Дуная около 36 тысяч своего войска, Ахмет-бей направил к Виддину отряд Исмаил-бея, который должен был вторгнуться в Малую Валахию и нанести удар на правом фланге Кутузова. В ожидании известий об одержанных успехах сам великий визирь находился в виду армии Кутузова, приказавшего окружить его войска системой из десяти редутов, сквозь которые туркам в случае необходимости было довольно тяжело прорваться. Тем временем Исмаил-бей потерпел поражение у Виддина, после чего туркам, расположившимся на берегу Дуная, стало очевидно, что они зря потеряли время. 10 тысяч человек, вдруг наскучив службой, сами собой покинули визиря, разбежавшись кто куда. Тем временем М. И. Кутузов приказал корпусу генерала Маркова скрытно переправиться через Дунай и захватить на том

берегу у Рущука лагерь великого визиря и таким образом окружить его, отрезав от всех сообщений. 2 октября войска Маркова перешли через Дунай, не замеченные турками, и стремительно двинулись к лагерю. «Привыкнув к появлению донцов на правом берегу Дуная, турки не догадывались о настоящем положении дела и приняли казаков за разъезды. <...> Они ударили на казаков и потеснили их до пехоты, построенной кареями. Донесясь до кареев, турки остановились, ошеломленные ужасом, увидев пехоту. По прошествии двух или трех минут остолбенелого созерцания, опрометью кинулись они назад, торопясь известить находившихся в лагере о предстоявшей им беде. Казаки и Ольвиопольские гусары преследовали неприятеля. Пехота удвоила шаг и вскоре показалась на возвышениях у самого лагеря. Здесь происходила невыразимая тревога. Войско, канцелярия Верховного визиря, чиновники гражданские и армейского управления, купцы, маркитанты, муллы, перемешавшись, обратились в бегство. Тысяч двадцать вдруг людей рассыпалось по всем дорогам к Рущуку и Разграду; бежали во все стороны, на лошадях и пешие; шли и без дорог, по рвам и виноградникам, спасая жизнь. Храбрейшие, но в малом числе и беспорядочными толпами, обратились навстречу нашим, надеясь удержать нападение. Усилия были напрасны. Русские конница и пехота стояли уже среди лагеря, где турки сделали еще несколько бесполезных выстрелов. Испуг, внезапность, быстрота натиска, атаки гусаров и казаков, стройное наступление кареев с барабанным боем уничтожили последнее слабое сопротивление. Весь изобильный и роскошный лагерь Верховного визиря <...> достались победителям. <...> Кутузов хранил важное молчание, доколе Марков не водрузил наших знамен в Визирском лагере, но когда подвиг был совершен, старец улыбнулся и, махая фуражкой, провозгласил Ура! тысячекратно повторенное войском. И простому солдату были видны неминуемая гибель врагов и мудрость соображений полководца»³⁸. В тот день Кутузов сообщал жене: «Я, слава Богу, здоров, мой друг. Визирь больше нежели когда раскаивается, что перешел Дунай. Вчерась было происшествие, которое не часто бывает: от меня корпус на той стороне Дуная атаковал визирский лагерь, который со всем богатством взят. Визирь убежал, с своим войском по сю сторону, к своему главному корпусу и окружен отовсюду. <...> Теперь надобно только Богу молиться». На свои военные успехи полководец смотрел как на средство к достижению мира. Когда в русском лагере разнеслась весть, что ночью визирь бежал, переправившись в маленькой лодке на другой берег, Кутузов вышел к генералам веселый и поздравил их с радостным событием: «Визирь ушел, его побег приближает

нас к миру. По обычаю турок, Верховный визирь, окруженный неприятелями, лишается полномочия договариваться о мире. Если бы визирь не ушел, то некому было бы известить султана о настоящем положении, в какое мы поставили его армию»³⁹.

Действительно, в тот же день визирь прислал ему письмо, выразив мирные намерения. 13 октября турецкие уполномоченные прибыли к Дунаю, а 19 октября начались предварительные переговоры. 10 октября Кутузов сообщал жене о положении визирской армии, запертой в Слободзее: «Турки, которые заперты восемь дней, уже едят лошадиное мясо без хлеба и без соли и не сдаются». 26 ноября он писал: «Сегодня армия турецкая, что на этой стороне, вышла без оружия и ее поведут по деревням. Оставили 56 пушек в ретраншементе. <...> Забыл тебя поздравить с графиней, но указу еще нет здесь. <...> Любезные, милые и единственные мои детки, простите, что не пишу, в Букаресте награжу все, много буду писать. Боже вас и детей ваших благослови». 13 декабря Михаил Илларионович отправил жене письмо из Бухареста: «Наконец, приехал отдыхать в Букарест после такой трудной кампании. Не мудрено, что я при довольном здоровье состарелся, это сам вижу по лицу. Только, кажется, Букарест очень был рад меня увидеть; встреча была превеликолепная, и два дня город был иллюминирован и везде были транспоранты с греческими надписями и иные очень, сказывают, хороши, везде что-то много Фемистокла». Конечно же не забыл он и про свою дочь, написав ей в тот же день: «Лизанька, я в Бухаресте, где для меня несколько удобнее и спокойнее, чем в лагере под Журжею. <...> Не знаю, что скажут о кампании. По ее окончании, я ею остался очень доволен. Может пристрастие ко мне охладело». Как только отгремели орудия, к полководцу вернулись прежние мысли, которые одолевали его в Киеве, в Вильне, в Горошках: «Ты не поверишь, мой друг, как я начинаю скучать вдали от вас, которые одни привязывают меня к жизни. Чем долее я живу, тем более я убеждаюсь, что слава ничто, как дым. Я всегда был философом, а теперь сделался им в высшей степени. Говорят, что каждый возраст имеет свои страсти; моя же теперь заключается в пламенной любви к моим близким; общество женщин, которым я себя окружаю, ничто иное, как каприз. Мне самому смешно, когда я подумаю, каким взглядом я смотрю на свое положение, на почести, которые мне воздаются, и на власть, мне предоставленную. Я все думаю о Катеньке, которая сравнивает меня с Агамемноном. Но был ли Агамемнон счастлив? Как ты видишь, мой разговор с тобой нельзя назвать веселым. Что ж делать! Я так настроен,

потому что вот уже восьмой месяц никого из вас не вижу»⁴⁰.

Переговоры продолжались долго: до весны 1812 года. Несколько раз договаривающиеся стороны готовы были прерваться из-за несогласия, вновь вступив в военные действия. Александр I, впрочем, как и граф Н. П. Румянцев, рассчитывал, что турки согласятся уступить Молдавию и Валахию и признать границу по Дунаю. В противном случае император настаивал на том, чтобы Кутузов проявил твердость. Михаил Илларионович, используя старые связи, состоял в переписке с русскими посланниками в Париже и Вене. В начале января 1812 года он получил информацию от графа Лудольфа, сицилийского посланника в Константинополе, сообщавшего: «России нельзя терять ни минуты, ей готовят страшный удар. <...> Наполеон имеет веские причины желать, чтобы война затягивалась. <...> Он формально предложил [Турции] не заключать мира с Россией, если между ним и этой державой возникнет война <...> и попытаться добиться возвращения всех уступленных провинций, если Порта возьмет на себя обязательство не вести переговоров [с Россией] без его ведома»⁴¹. Как ни странно, но настойчивость Наполеона производила на турок обратное действие, особенно с тех пор, как он стал зятем австрийского императора. Кутузов вовремя довел до сведения уполномоченного султана Галиба-эфенди обещание Наполеона вознаградить Австрию за союз с ним за счет владений Оттоманской Порты. Совершенно неожиданно дипломатическую поддержку России оказал шведский посланник, представлявший в Константинополе интересы страны, традиционно считавшейся недружественной России. Бывший маршал Наполеона Бернадот, ставший наследным принцем шведским, специально направил ко двору султана своего представителя барона Гиммеля. В этой и без того напряженной ситуации Наполеон сделал дипломатический шаг, который должен был, по его расчетам, притупить бдительность России и отвлечь ее внимание от угрозы, приближавшейся к нашим границам. Он направил Александру I письмо, в котором предлагал вернуться к «духу Тильзита», прекратив холодность дворов, и обратить войска «на выполнение прочих своих обширных планов». Михаил Илларионович сразу же довел содержание этого послания до сведения Галиба-эфенди. Тем временем Александр I, приписав медленность переговоров исключительно лени Кутузова, решил заменить его своим ставленником — адмиралом П. В. Чичаговым. Новый главнокомандующий отправился на Дунай, имея при себе два рескрипта, согласно которым М. И. Кутузов должен был в любом случае оставить свой пост и явиться в

Петербург. В тексте первого рескрипта от 5 апреля старому полководцу предлагалось сдать армию Чичагову и приступить к деятельности в Государственном совете; в тексте второго рескрипта от 9 апреля государь поздравлял его с заключением мира и приглашал в столицу для «награждения за все знаменитые заслуги». Согласно преданию, Екатерина Ильинична через верных людей узнала о намерениях государя и вовремя известила обо всем своего супруга, который успел подписать предварительные условия мира с Портой за день до приезда адмирала. Граф Румянцев настаивал на том, чтобы Кутузов не шел на уступки, требуя установления границы по Дунаю. Александр, втайне от канцлера, разрешил Михаилу Илларионовичу уступить и согласиться с границей по реке Прут, если Турция вступит в союз с Россией. Старый дипломат понимал, что в тех условиях это было недостижимо: султан отказался заключить союз с Наполеоном и с Австрией, которая, в свою очередь, уже заключила союз с Францией. В этом случае союз с Россией означал бы для Турции объявление войны Наполеону и «цесарцам», претендовавшим на ее территорию. Но мир был необходим России, и Кутузов принял на себя ответственность за его условия: «Что касается до союза, то об оном не упоминается в трактате, по неимению у полномочных турецких достаточной власти на помещение таковой статьи. Настаивая в сем требовании, не только повредили бы мы скорейшему успеху начатого дела, но и вовсе бы ход одного и самое событие могли приостановить»⁴². Граница между двумя государствами отныне проходила по реке Прут до ее впадения в Дунай, а далее по его левому берегу до впадения Дуная в море. Граница Азии оставалась такой же, как и до войны. Сербам обеспечивалась безопасность и предоставлялись те же права, что и всем жителям Архипелага, включая местное самоуправление. Когда Чичагов вручил Кутузову второй рескрипт, то Михаил Илларионович, взглянув на дату (император не мог узнать о заключении мира), сразу все понял. Государь оставался верен себе: он готов был предпочесть Кутузову кого угодно. Для Наполеона мир, заключенный М. И. Кутузовым в Бухаресте, явился полной неожиданностью, так как еще в начале мая перед походом в Россию он рассуждал так: «<...> Они (турки. — Л. И.), быть может, и не произведут мощной диверсии, но наверное не подпишут мира, турки вполне в курсе того, что готовится, и как бы ни были они неискусны в политике, они отнюдь не слепы, когда речь идет о вопросах такого огромного значения для них; кроме того, не было недостатка в соответствующих внушениях»⁴³. Однако 16 мая 1812 года Бухарестский мирный договор был подписан.

Наполеон получил это известие под Смоленском...

Глава тринадцатая

1812 ГОД

Назначение главнокомандующего

*...Мне предстоит великое и весьма трудное
поприще...*

М. И. Кутузов

20 февраля 1812 года граф М. И. Голенищев-Кутузов отправил из Бухареста супруге письмо, из которого ясно, что его чувства уже доведены до отчаяния: «Не знаю, мой друг, как бы с тобою видеться. <...> Мне тошно, как я об вас и об внучатах вздумаю, многих и в лицо не знаю. Старость более всего требует домашнего утешения, а что я стар, то, право, чувствую. Детям благословение». Ту же самую мысль с уверенностью, что ратное поприще с честью завершено, он выразил в письме Екатерине Ильиничне от 11 марта 1812 года: «Ты, мой друг, пишешь об моем здоровье, то есть, что хвораю. Признаюсь, что в мои лета служба в поле тяжела, и не знаю, что делать. Впрочем, мне не удастся сделать и в десять лет такой кампании, как прошлая»¹. И снова, при чтении этих строк, возникает чувство, что мы-то знаем о будущем больше, чем старый генерал: но Михаил Илларионович пока не подозревает, как он сам позже выразился, «по каким дорогам его судьба водить будет». Вопреки историографической традиции, видевшей в нем прежде всего ловкого царедворца, мы должны на основании документов констатировать факт, что генерал пока не то что до императорского двора, но до своего дома доехать не может. Он либо служит вдали от столицы, либо поправляет дела в своем имении, чтобы не пустить по миру семью, которую он разоряет своей же службой, сопряженной с бесконечными переездами. Поскольку адмирал П. В. Чичагов вручил ему рескрипт государя, загодя помеченный 9 апреля (как говорил Наполеон, «на известный случай»), то Кутузов понял, что его не ждали в Петербурге с обещанными «награждениями за знаменитые заслуги», потому что ему было известно, что Александр I уже выехал к армии на западную границу. В Северной столице тем временем «о графе Кутузове говорили различно: одни приписывали его смену внушениям графа Ланжерона, а другие жалобам какой-то тамошней знатной барыни». «Боюсь, допустят ли меня до Петербурга. Впрочем, кажется, что мне при армии делать нечего», — смиренно написал он жене, отправляясь в имение Горошки привычно пережидать немилость и опалу, «оттерпливаться», как

написал их общий с Суворовым секретарь Е. Б. Фукс, до следующей надобности, масштаба которой он не представлял. Там, в Горошках, он и узнал о вторжении наполеоновских войск в Россию и об отступлении русской армии.

Как опытный музыкант ловит на слух фальшивую ноту, так и он по молчанию газет и доходящим до него известиям догадался, что наши дела, как говорили военные, «не розовые». Забыв о болезнях и забросив хозяйство, он отправился в Петербург, чтобы предложить свои услуги «по дипломатической части». По-другому человек его воспитания, да и по всему тому, что мы о нем уже знаем, поступить и не мог: государь и Отечество были в опасности. Граф А. А. Аракчеев, отбывший в армию с Александром Павловичем, в середине июня получил письмо от своего приятеля: «Вчера приехал сюда граф М. И. Кутузов. Родные его на руках носят, а посторонние, уважая заслуженных людей, рады, что он будет жить здесь»². Заметим, что это благожелательное по отношению к генералу письмо направлено самому близкому к императору человеку, который, очевидно, с самого начала не одобрял назначений на посты главнокомандующих людей из «котерии» государя: М. Б. Барклай де Толли и П. В. Чичагова. Приезд генерала действительно обрадовал жителей Северной столицы, взволнованных приближением неприятеля к Пскову. В отсутствие Александра, 12 июля, Комитет министров поручил полководцу возглавить Нарвский корпус для защиты Петербурга со стороны Пскова и Нарвы. Государь, находившийся в это время в Москве, одобрил это назначение, вновь возвращавшее Кутузова на военную стезю: «Михайло Ларивонович! Настоящие обстоятельства делают нужным составление корпуса для защиты Петербурга. Я веряю оный вам. Воинские Ваши достоинства и долговременная опытность Ваша дают мне полную надежду, что Вы совершенно оправдаете сей новый опыт Моей доверенности к Вам»³. Вскоре Александр I узнал, что Дворянское собрание Московской губернии избрало Кутузова предводителем Московского ополчения. Михаил Илларионович не знал этой новости, пока 18 июля ему не сообщил ее генерал-адъютант граф Е. Ф. Комаровский, возвратившийся с государем из древней столицы. В тот день Кутузова призвали ко двору, чтобы сообщить об утверждении его в другой должности: Петербургское дворянское собрание также избрало полководца своим начальником. «Это было в Таврическом дворце, — вспоминал Комаровский, — я, увидевши сего славного генерала, подхожу к нему и говорю: „Стало быть, дворянство обеих столиц нарекло ваше высокопревосходительство своим защитником

и отечества!“ <...> Когда он узнал о сем назначении, с полными слез глазами сказал: „Вот лучшая для меня награда в моей жизни!“ — и благодарил меня за сие известие»⁴. Принимая на себя защиту Петербурга, старый генерал искренно благодарил москвичей: «Господа, вы украсили мои седины!» В эти самые дни в доме Логина Ивановича Голенищева-Кутузова генералу представили молодого человека, выпускника Геттингенского университета, недавно вернувшегося из-за границы. Это был знаменитый впоследствии историк, составивший описание всех войн эпохи Александра I, — Александр Иванович Михайловский-Данилевский: со времени формирования Петербургского ополчения до самой смерти М. И. Кутузова он состоял при нем. «Глядя на него, когда он с важностью заседал в Казенной палате и комитетах ополчения и входил во все подробности формирования бородатых воинов, — вспоминал А. И. Михайловский-Данилевский, — можно было подумать, что он никогда не стоял на высоких ступенях почестей и славы, не бывал послом Екатерины и Павла, не предводительствовал армиями <...>»⁵. Однако в обществе судили об этом несколько иначе: «Чувствую токмо и про себя разумею, что граф Гол.[енищев]-Кутузов здесь. Опять повторяю мольбу: продли токмо Бог жизнь его и здравие! <...> Если не последует по высочайшей воле полезнейшего для него, а, следовательно, и для России назначения, то накажет праведный и всемогущий судия тех, кто отъемлют у нас избавителя». 29 июля последовал указ Александра Правительствующему сенату о возведении Кутузова «с потомством Его в княжеское Всероссийской Империи достоинство, присвоая к оному титул Светлости»⁶. «Кутузова сделали светлейшим; да могли ли его сделать лучезарнее его деяний? Публика лучше бы желала видеть его с титулом генералиссимуса. Все уверены, когда он примет главное начальство над армиями, так всякая позиция очутится для русского солдата превосходною. Продлят долее козни: так и Бог от нас отступится»⁷, — рассуждал петербургский почтовый чиновник И. П. Оденталь в письме своему приятелю. «Кутузов вообще в большом фаворе у здешнего общества и в Москве», — с некоторым неудовольствием отмечал император. Ему тогда было очень нелегко, что явствует из письма сестре великой княгине Екатерине Павловне: «<...>Я пожертвовал для пользы моим самолюбием, оставив армию, где полагали, что я приношу вред, снимая с генералов ответственность, что я не внушаю войскам никакого доверия и поставленными мне в вину поражениями делаю их еще более прискорбными, чем те, которые приписали бы генералам»⁸. Государя

действительно довольно безапелляционно выставили из армии, которая продолжала отступать вглубь России. Он уединился во дворце на Каменном острове в ожидании новостей. Пусть Александр и не был великим стратегом, но он чувствовал, что, вопреки всем его трудам и надеждам, ни военный министр М. Б. Барклай де Толли, ни военный советник прусский генерал К. Ю. Фуль с его планом «эксцентричного» движения армий не соответствовали его ожиданиям.

Накануне войны бывший маршал Наполеона, ставший в 1811 году наследным принцем Швеции, Ж. Б. Бернадот настойчиво советовал Александру «не давать большого генерального сражения, но маневрировать, отступать, затягивать войну надолго; таков должен быть способ действий против французов. Если война продолжится два года, то я обещаю, что они будут побеждены. <...> Наполеон находится уже в крайне затруднительном положении; все средства его истощены; он не может вести войну в продолжении двух лет; у него не будет ни денег, ни людей, ни лошадей, и в это время, чем далее он углубится в Россию, тем будет для него хуже»⁹. Действительно, между Наполеоном и его маршалами были непростые отношения, если один из них предлагал царю: «Пусть главной целью казаков будет проникнуть в неприятельскую главную квартиру и даже захватить самого Наполеона. Вообще пусть они стараются разрушить все в тылу неприятельской армии. Французский солдат дерется хорошо, но если он узнает, что у него отнимают солому и лекарство, он падает духом; *не берите пленных, кроме офицеров* (выделено мной. — Л. И.). Но мы должны действовать политикою еще более, нежели войсками, и когда войска сделают один шаг, политика должна сделать три»¹⁰. Советы Бернадота, последовательного сторонника «стратегии измора», были основательны (правда, французский историк А. Вандаль заметил, что ему «становится холодно при мысли, что это написал француз»). Государю импонировало мнение нового союзника. Переписка Александра с Бернадотом свидетельствовала, по словам А. Н. Попова, что «он не смотрел на него как на орудие, очень полезное в данное время, но которое впоследствии можно бросить по ненадобности: он выражал чувство искренней дружбы»¹¹. Этому не следует удивляться: письма союзников убеждают в том, что эти два человека нашли друг друга: их взгляды на события совершенно совпадали, так же как и лексика, с помощью которой они их выражали. «Надо образовать большую силу в защиту блага человечества», — предложил наследный принц Швеции нашему государю. Александр явно решил следовать его советам, однако возникала большая

проблема: в течение этих двух лет ему надо было продержаться на троне и найти военачальника, который взял бы на себя тяжкий крест. Прежде всего, он должен был обладать значительным авторитетом. Александр I обратился с предложением возглавить русскую армию к генералу сэру Артуру Уэлсли, герцогу Веллингтону, который в то время был чрезвычайно занят кампанией на Пиренеях и также добился грандиозного успеха над французами посредством «стратегии измора». «<...> Я не вынес большого удовлетворения и от того немногого, что выказал в моем присутствии Барклай», — признавался император. «Умственно убогий» — так неутешительно отзывался К. Клаузевиц о способностях М. Б. Барклая де Толли, принявшего на себя после отъезда Александра I обязанности главнокомандующего. В конце 1812 года, когда война в России шла к победоносному завершению, М. Б. Барклай де Толли создал и выпустил в публику в рукописном виде целый цикл «Оправдательных писем» на имя императора Александра, утверждая, что отступление русских армий от западных границ производилось в соответствии с тщательно продуманным планом. Но синхронные источники упрямо опровергают поздние «Оправдания» Барклая, справедливо отнесенные А. Г. Тартаковским к жанру мемуаров.

В конце июля армия гневным голосом князя П. И. Багратиона требовала назначения общего главнокомандующего, в соответствии с «порядком, приличествующим благоустроенному войску». Ученик Суворова, чья звезда ярко вспыхнула на европейском небосклоне со времен Итальянского и Швейцарского походов 1799 года, обладал «почти баснословной популярностью» (А. И. Михайловский-Данилевский) и говорил от лица своих соратников, которые к тому времени фактически вышли из подчинения Барклая. Отношение императора Александра к князю Багратиону некоторым образом напоминало его отношение к Кутузову: с легкой руки государя с именем князя Багратиона был соединен эпитет «невежественный», подобно тому как в адрес Кутузова он постоянно употреблял эпитет «лживый». Обоих император хотел удалить от командования армиями в 1812 году: он упрямо выдвигал на посты главнокомандующих близких ему по духу людей (графа Н. М. Каменского, М. Б. Барклая де Толли, П. В. Чичагова), которые неизменно терпели крах. Первым среди них оказался граф Н. М. Каменский, потерпевший жестокий разгром под Рущуком; лишь его преждевременная кончина привела к тому, что в командование Подольской, а после 2-й Западной армией вступил князь П. И. Багратион, который немедленно стал протестовать против опасного размещения трех русских армий вплотную к западной границе.

Он указывал на несомненное обстоятельство: неприятелю в значительных силах достаточно просто пересечь границу, чтобы отрезать его армию от 1-й Западной армии М. Б. Барклая де Толли. Мнение «невежественного» генерала, естественно, игнорировалось в Главном штабе 1-й Западной армии, при которой находился император. События же развернулись именно так, как и предсказывал князь Багратион: нашим войскам пришлось достигать соединения ценой огромных усилий. Именно эту задачу они и выполняли на протяжении первого месяца войны, а отнюдь не заманивали за собой неприятеля согласно глубоко продуманному плану, как утверждал потом М. Б. Барклай де Толли. Барклаю можно было бы поверить, если бы после перехода неприятеля через Неман князь Багратион получил приказ об отступлении, как это сделала 1-я армия. Напротив, «Второй Главнокомандующий», как подметили военные историки конца XIX — начала XX века Н. А. Окунев, А. П. Скугаревский, Омелянович, М. А. Иностранцев, был полностью дезориентирован, получив приказ, по его же образному выражению, «бить неприятельский тыл и фланг какой-то», то есть вести наступательные действия. Только благодаря выдающимся военным способностям, которые отмечал в нем Суворов, гражданскому мужеству и, наконец, здравому смыслу этот «неуч» спас свою армию. Если бы князь Багратион не совершил этого подвига, Барклаю де Толли лучше было бы не вспоминать о «скифском» плане, утешаясь своей прозорливостью. Этой легенде не было бы места в историографии. Не случайно фельдмаршал И. Ф. Паскевич, командовавший в 1812 году дивизией, с благоговением вспоминал о своем бывшем начальнике: «Кн. Багратион только необыкновенными переходами, возможными с одними русскими войсками, спас армию и даже не был расстроен. Но на подобные необыкновенные случаи не должно рассчитывать, ни принимать их за правило»¹². А. И. Михайловский-Данилевский рассуждал в том же ключе: «Успех прикрыл все наши ошибки и столько искупительных подвигов, столько самопожертвования, столько жертв было нами учинено, что ошибки простит нам потомство»¹³. Удивительно то, что в «синхронной» переписке с императором Барклай далеко не сразу стал оправдывать свои действия численным превосходством неприятеля. Биографы Барклая почему-то традиционно избегают давать откровенную оценку его беспомощным маневрам под Смоленском, где он, по словам Александра I, «как нарочно делал одну глупость за другой», едва не уничтожив плоды соединения армий, достигнутого, по его словам, «с большим искусством», а на наш взгляд, с большим трудом. Положение, кстати, снова спас князь

Багратион, фактически вышедший из повиновения Барклаю, которому добровольно подчинился после соединения армий. Необходимость соединения, ошибки князя Багратиона, пассивность графа Тормасова — вот причины, предопределившие отступление, которые называл Барклай в переписке с императором в начальный период войны. И всё... Упреки в адрес сослуживцев — главное содержание писем Барклая государю. В ряде документов он вообще выглядит убежденным сторонником генерального сражения, объяснив в рапорте М. И. Кутузову причину отступления от Витебска опять же промахами князя Багратиона: «Трехсуточное сражение под Витебском, конечно, уже известно Вашей Светлости: оно окончилось бы генеральным сражением, когда в самое то время не получил бы я известие от кн. Багратиона о неудачном предприятии на Могилев...»¹⁴ Заметим, что Барклай почему-то не поделился своим замечательным планом с М. И. Кутузовым, и среди исследователей бытует мнение, что это произошло из-за психологической подавленности, что, на наш взгляд, свидетельствовало бы о полной безответственности. По-видимому, Александр I надеялся, что «неприятельские силы разобьются о позиции на Двине»¹⁵, да и Бернадот полагал, что «главное поприще войны будет между Вислой и Неманом», а Барклай де Толли, судя по всему, во всем полагался на Александра I. По поводу отъезда царя из армии Н. М. Лонгинов сообщал графу С. Р. Воронцову: «Государь потерял голову и узнал, что война не есть его ремесло, но все не переставал во все входить и всему мешать. Граф Аракчеев уговорил его ехать в Багратионову армию с собою. Лишь коляски тронулись с места, он велел ехать в Смоленск, а не в Витебск и объявил ему, что ему должно ехать в Смоленск и Москву учредить новые силы, а что в армии присутствие его не только вредно, но даже опасно. Говорят, что Аракчеев взялся быть исполнителем общего желания всех генералов. <...> Ненависть в войске до того возросла, что если бы Государь не уехал, неизвестно, чем все сие кончилось бы»¹⁶. В этих невыгодных условиях Барклай лишился поддержки своего единственного покровителя и оказался предоставлен самому себе; «им более руководил естественный страх перед бесповоротным решением и тяжкая ответственность, чем ясные убеждения»¹⁷. Это мнение Клаузевица, находившегося в период отступления в 1-й Западной армии, нам представляется основательным. Не следует забывать, что Барклай был уверен, что Александр I скоро вернется к армии. Сам император полагал, что так оно и будет. Это подтверждает его письмо великой княгине Екатерине Павловне¹⁸. Назначение М. И. Кутузова, состоявшееся против воли государя, явилось полной

неожиданностью и для императора, и для Барклая, и еще неизвестно, кто из них двоих был больше оскорблен и обескуражен. «Цари не ошибаются, по крайней мере, не могут сознаться в своих ошибках так, чтобы другие заметили их ошибку»¹⁹. На наш взгляд, прав был Н. М. Логинов, представивший ситуацию, предшествовавшую избранию главнокомандующего, в следующих словах: «Когда дело идет о спасении государства, тут уже не до испробования дарований генералов. Барклаю немислимо быть Главнокомандующим <...>»²⁰.

5 августа в Санкт-Петербурге собрался Чрезвычайный комитет, «составленный по Высочайшему повелению», под председательством генерал-фельдмаршала графа Н. И. Салтыкова, чтобы положить конец «испробованию дарований». Высшие сановники Российской империи ознакомились как с официальными бумагами, так и с «партикулярными» (личными. — Л. И.) письмами, поступавшими из армии на имя государя. Вся переписка была представлена комитету доверенным лицом императора всесильным графом А. А. Аракчеевым. «Положение нынешних обстоятельств» опытные государственные деятели объясняли отсутствием «положительной единоначальной власти», вследствие чего они приступили к обсуждению кандидатур, подходящих на пост главнокомандующего всеми российскими армиями. На вопрос государя, «может ли выгодно далее продолжать команду генерал Барклай над армиею?», ответ был отрицательный. Любимец армии князь Петр Иванович Багратион, начавший службу при штабе светлейшего князя Г. А. Потёмкина-Таврического, затем вступивший в брак с родственницей царской фамилии фрейлиной графиней Е. П. Скавронской, с 1803 года являясь бессменным комендантом Павловска, резиденции вдовствующей императрицы Марии Федоровны, был в Петербурге человеком известным. Как отмечал Ермолов, он вовремя «сделал сильные связи у Двора» и «укрепил их обязательным обхождением», но над ним, с тех пор как генералом увлеклась любимая сестра царя великая княгиня Екатерина Павловна, также витала тень глубокой неприязни государя. К тому же члены комитета, судя по переписке того времени, сознательно избегали рассматривать кандидатуры военачальников, уже показавших себя в начальный период войны, который обществу представлялся довольно сомнительным. Генерал от инфантерии Дмитрий Сергеевич Дохтуров был, бесспорно, опытным военачальником, но не имел случая командовать армией и, по словам Ермолова, «не в тех войнах водил войска к победам». Кандидатура генерала от кавалерии графа Александра Петровича Тормасова, главнокомандующего 3-й

Обсервационной армией, ровесника Дохтурова, была отвергнута из-за неприятных воспоминаний, связанных с его военными неудачами во время Польской кампании 1794 года. Затем, как ни странно, «всплыла» кандидатура бывшего генерал-губернатора Петербурга графа П. А. Палена, на счету которого был удачно произведенный дворцовый переворот 11 марта 1801 года, закончившийся гибелью Павла I и вступлением на престол Александра Павловича. Для командования армиями этого было явно недостаточно. К тому же сам граф Пален находился в ссылке, и вряд ли государю следовало о нем напоминать.

Серьезным претендентом на пост главнокомандующего оказался барон Леонтий Леонтьевич Беннигсен, «длинный Кассиус», как назвал его немецкий поэт В. Гёте также за причастность к «истории 11 марта». Приятель М. И. Кутузова оставался в строю, не только избежав опалы, но и достигнув новых высот на служебном поприще. Как мы помним, в 1806 году, самовольно приняв на себя функции главнокомандующего, он сыграл «вничью» с французами в сражении под Пултуском и был утвержден Александром I в высокой должности. В начале 1807 года в битве под Прейсиш-Эйлау Беннигсен вновь не дал себя разбить, заставив Наполеона «задуматься о непрочности людских деяний». Во время этого ожесточенного кровопролития французский император уже готов был признать себя побежденным, если бы Беннигсен внезапно сам не оставил поле боя (заметим, что в 1812 году для Кутузова подобного варианта при победоносном исходе битвы Беннигсен почему-то не допускал). Александр I оказывал генералу исключительные почести, постоянно вызывая недоумение у сардинского посла Жозефа де Местра: «Но все-таки мне непереносимо видеть человека, поднявшего руку на своего повелителя и пользующегося в обществе всеми правами. Император крестил у него сына, и я не встречал ни одного человека, которому пришло бы в голову подивиться сему; вот и попробуйте что-нибудь понять у них! Нет никогда, никогда!»²¹ С самого начала Отечественной войны Беннигсен находился при Главной квартире императора в качестве военного советника, в этой роли он остался и после отъезда государя. Барклай, уставший от его критики и интриг, настоял на отъезде генерала из армии. Поразительно, однако, что войска, выказывавшие недоверие «немцу» Барклаю, при отступлении из Дорогобужа «почти взбунтовались и громогласно требовали Бениксена (так в тексте. — Л. И.)»²², даже не имевшего русского подданства и почти не знавшего русского языка. Кстати, и князь Багратион тоже носил отнюдь не русскую фамилию, что не отражалось на его

популярности в войсках. Аргумент, что в 1812 году иностранная фамилия будто бы помешала Барклаю де Толли возглавить армию («в русской войне с нерусской фамилией»), следует признать надуманным. Всё объяснялось тем, на что указывал Д. В. Давыдов: «Беннигсен <...> был также весьма замечателен по своему ласковому без кротости обращению, благородству речей и степенности, свойственной лишь вождю вождей могущественной армии». В войсках явно предпочитали «старосветский дух Беннигсена» холодной сдержанности Барклая, из чего явствовало, что власть над армией следовало вверить человеку из блистательной когорты военных деятелей XVIII века — самого «оптимистического века русской истории». Уступая войска нелюбимому им Кутузову, император вынужден был признать силу уходящего поколения, которое он неудачно и преждевременно попытался заменить «новыми людьми». Генерал-адъютант Александра I граф Е. Ф. Комаровский вспоминал: «Однажды я был дежурным при Государе на Каменном острове. Князь Горчаков <...> приезжает с докладом к Императору и говорит мне: — Ах, любезный друг, какую я имею ужасную комиссию к Государю! Я избран ходатаем от всего комитета г. г. министров просить Его Величество переменить Главнокомандующего армиею и, вместо Барклая, назначить Кутузова. Ты знаешь, как Государь жалует Барклая, и что сие — собственный выбор Его величества»²³. «Публика желала этого назначения, я умываю руки», — сказал император. По мнению князя П. А. Вяземского, «как подобный отзыв не может показаться сух, странен и предосудителен, но не должно останавливаться на внешности его. Проникнув в смысл его внимательнее и глубже, отыщешь в этих словах чувство глубокой скорби и горечи. Когда был поставлен событиями вопрос „Быть или не быть России“, когда дело шло о государственной судьбе ее и, следовательно, о судьбе самого Александра, нельзя же предполагать в Государе и человеке бессознательное равнодушие и полное отсутствие чувства, врожденного в каждом, чувства сохранения. <...> Он превозмог в себе предубеждение и вверил ему судьбу России и свою судьбу, вверил единственно потому, что Россия веровала в Кутузова»²⁴. На следующий день состоялась его встреча с Кутузовым. К сожалению, мы не знаем, как долго продолжалась прощальная аудиенция и о чем говорил тогда государь со своим подданным, но не могли же они расстаться молча? Со стороны императора это было бы совершенно безответственно. Начнем с того, что, согласно письму Н. М. Лонгинова, это была уже не первая их встреча: «Вся публика кричала Кутузова послать. Кутузов был здесь и трактован как всякий офицер, несмотря на прошлую

кампанию и мир с турками, коих даже и слова не сказано ему по приезде Государя, пока, наконец, он сам не стал требовать объяснения, дурно, хорошо ли он сделал, и что он желает знать мнение Государя. Тут и сторговались с ним выбрать княжеский титул или жене портрет! <...> Даже когда Отечество стало на краю гибели, Государь даже и не начинал говорить с ним про войну. Кутузов сам почел обязанностью говорить о том и доказал, что план (Фуля) был самый необдуманный и войска были расположены не по военным правилам, а более похожи на кордоны против чумы»²⁵. Таким образом, Кутузов уже знал об оборонительной системе ведения войны, которая по плану (ни о каких других планах государь ему не говорил!!!) должна была завершиться на Двине. В этом убеждает и Записка Барклая де Толли об обороне западных границ от апреля 1810 года, где Западная Двина названа «навсегда конечным рубежом» отступления. Однако неприятель находился уже в Смоленской губернии. Здесь уместно обратить внимание на ошибку, которую допускали современники, а вслед за ними и историки. «Наконец, когда дело зашло и за Смоленск — нечего делать, надобно послать Кутузова, поправить то, что уже близко к разрушению», — возмущенно писал в письме графу С. Р. Воронцову Н. М. Лонгинов. Вот что сообщал великой княгине Екатерине Павловне государь: «Когда Барклай, как нарочно, делал глупость за глупостью под Смоленском, мне не оставалось ничего иного, как уступить общему мнению — и я назначил Кутузова». Но, как правильно заметил А. Г. Тартаковский, Смоленск был сдан 6 августа, а рескрипт Кутузову датирован 8 августа, следовательно, государь принял решение о назначении Кутузова, еще не зная об исходе Смоленского сражения. В этой ситуации вопрос о защите Москвы, по-видимому, еще не приобрел актуальности, потому что ни государь, ни Кутузов не располагали сведениями о том, что после оставления города обе армии двинулись по прямой дороге к древней столице. Вероятно, Кутузов произнес фразу, которую повторил в тот вечер в гостях у своих родственников, «если застанет наши войска еще в Смоленске, то не впустит Наполеона в пределы России» (то есть далее Смоленска. — Л. И.), иными словами тема защиты Москвы в разговоре если и возникала, то весьма не конкретно. Впоследствии император, отвечая на одно из писем Барклая, апеллировал к его памяти, призывая вспомнить, сколько раз в разговорах допускалась вероятность сдачи Москвы и даже Петербурга. Возможность сдачи Петербурга (перед войной да и в начале боевых действий предполагалось, что ему угрожает большая опасность, чем Москве) обсуждалась в синхронной переписке с Ж. Б. Бернадотом. В этом же ключе эта тема могла возникнуть в разговоре с

Кутузовым, который, вопреки всему, был очень конкретным человеком; он жил по пословице «давши слово — держись, не давши — крепись». Он был конкретен в 1805 году, когда обещал «я погребу кости в Венгрии», но именно в Венгрии после соединения сил. Он обещал разбить армию великого визира в 1811 году, и он ее не только разбил, но уничтожил. После оставления Москвы он пообещал поселянам, с ужасом смотревшим на пламя московского пожара, «проломать» Наполеону голову (не победить в сражении, а именно «проломать голову», то есть, как говорится, «нанести увечье, не совместимое с жизнью»), что и выполнил. Теперь он обещал, что «неприятель не иначе вступит в Москву как по его мертвому трупу», но при условии, что он «застанет наши войска еще в Смоленске», а это условие было очень важным, и, судя по всему, император принял его к сведению, в противном случае он мог просто сместить Кутузова. Из разговора с государем полководец вынес определенное решение, что ставка сделана на затяжной характер войны и «сбережение армии».

Мы знаем, чем закончилась эта аудиенция. «Дело решено, — сказал Кутузов графу Е. Ф. Комаровскому, покидая резиденцию императора, — я назначен главнокомандующим, но, затворяя уже дверь кабинета <...> я воротился и сказал: „Mon maitre, je nai pas un son d'argent“^[2]. Государь пожаловал мне 10000 рублей». Скульптор-медальер Ф. П. Толстой вспоминал о последней встрече со Светлейшим в доме адмирала Л. И. Голенищева-Кутузова: «Говоря о своем отъезде на другой день в армию, он сказал, что если застанет наши войска еще в Смоленске, то не впустит Наполеона в пределы России. В последний вечер он сидел у Логина Ивановича недолго, но был очень весел, и когда пошли провожать его в переднюю, последние слова, сказанные им смеючись <...> были: „Я бы ничего так не желал, как обмануть Наполеона“»²⁶. Смех старого полководца указывает на то, что он уже определился в своих намерениях: никаких генеральных сражений — все решит маневрирование.

Знаменитая французская писательница Ж. де Сталь стала свидетельницей последних приготовлений Кутузова к отъезду: «Это был старец весьма любезный в обращении; в его лице было много жизни, хотя он лишился одного глаза и получил много ран в продолжении пятидесяти лет военной службы. Глядя на него, я боялась, что он не в силе будет бороться с людьми суровыми и молодыми, устремившимися на Россию со всех концов Европы. Но русские, изнеженные царедворцы в Петербурге, в войсках становятся татарами, и мы видели на Суворове, что ни возраст, ни почести не могут ослабить их телесную и нравственную энергию.

Растроганная, покинула я знаменитого полководца. Не знаю, обняла ли я победителя или мученика, но я видела, что он понимал величие подвига, возложенного на него. Перед ним стояла задача восстановить добродетели, насажденные христианством, защитить человеческое достоинство и его независимость; ему предстояло выхватить эти блага из когтей одного человека, *ибо французы, немцы и итальянцы, следовавшие за ним, не повинны в преступлении его полчищ*. Перед отъездом Кутузов отправился помолиться в церковь Казанской Божией Матери (Казанский собор в Санкт-Петербурге. — Л. И.), и весь народ, следовавший за ним, громко называл его спасителем России. Какие мгновения для простого смертного! Его годы не позволяли ему надеяться пережить труды похода; однако в жизни человека бывают минуты, когда он готов пожертвовать жизнью во имя духовных благ»²⁷. Обратим внимание на выделенные в тексте слова, которые могут служить ключом к пониманию поведения полководца в тот период, когда Великая армия Наполеона уже превратилась в отступающие толпы беглецов. Русские генералы постоянно требовали от Кутузова сражений и сокрушения неприятеля, в рядах которого, однако, находились потенциальные союзники России, включая контингента из земель, бывших под скипетром родственников царской фамилии: вюртембержцы, баденцы, саксен-веймарцы. Более того, там были испанцы, которые согласно договору, подписанному в Великих Луках в июне 1812 года, не считались военнопленными: оказавшись в руках у русских, по окончании военных действий они удостоились аудиенции Александра I в Царском Селе и за счет России были отправлены на родину. Эти войска невозможно было вычленил из состава армии Наполеона в период наступления, но при отступлении уже приходилось принимать в расчет политику. Как говорится, «и когда войска сделают один шаг, политика должна сделать три».

13 августа тот же автор письма извещал московского адресата: «Светлейшего Кутузова, наконец, назначили Главнокомандующим всеми армиями, о чем вы уже должны быть известны. Третьего дня поутру около 11 часов отправился он чрез Новгород в Смоленск. Он взял с собою для письменных дел историка Суворова — Егор. Бор. Фукса. Государь изволил прислать ему дорожную карету и коляску»²⁸. В письме от 16 августа И. П. Оденталь поведал о событии, предшествовавшем отъезду Михаила Илларионовича к войскам: «Вчера же обедал я вместе с бойким казанским (то есть Казанского собора. — Л. И.) протопопом. Он до слез тронул меня и всех присутствующих рассказом об отъезде Михаила Ларионовича! Будущий избавитель наш в дорожном экипаже в воскресенье пред самую

обеднею при великом стечении народа приехал служить молебн в Казанский собор. Во все продолжение онаго стоял он на коленях; вся церковь с ним. Он заливался слезами, воздевая руки к Распорядителю судеб; вся церковь рыдала. По окончании молитвы всяк хотел подхватить русскую надежду под руки. Два протопопа собора воспользовались сим счастьем. Народ теснился вокруг почтенного старца, прикасался платья, умоляя его: „Отец наш! Останови лютого врага, низложи змия“. Несчастливым считаю себя, что не зрел сего величественного и умилительного зрелища»²⁹. Может быть, в эти дни среди тех, кто провожал полководца к войскам, находились и те, кто вспомнил предположение медика Массо, лечившего генерала в 1788 году: «Должно полагать, что судьба назначает Кутузова к чему-нибудь великому, ибо он остался жив после двух ран, смертельных по всем правилам медицинской науки». 11 августа генерал от инфантерии светлейший князь Михайло Ларионович Голенищев-Кутузов выехал из Санкт-Петербурга к армии. Он покидал свой дом на Гагаринской набережной, не подозревая, что никогда более ему не суждено будет сюда вернуться.

11 августа главнокомандующий сообщил с дороги генералу М. А. Милорадовичу: «Высочайшим Его Императорского Величества повелением всемилостивейше назначен я Главнокомандующим действующих армий, о чем извещая Ваше Высокопревосходительство, предлагаю впредь о всем у Вас произойти имеющем, *относиться мне в Смоленск* (выделено мной. — Л. И.), куда я сейчас отправляюсь»³⁰. Но, приняв из рук встречного курьера пакет на имя государя и распечатав его с особого разрешения, Кутузов узнал о падении Смоленска. Произнесенная им фраза: «Ключ от Москвы взят» заключала в себе вполне конкретный смысл: для защиты Москвы требовались чрезвычайные меры. Неудивительно, что в донесении Александру I от 4 сентября, объясняя причины оставления Москвы неприятелю, Светлейший заметил: «Впрочем, Ваше Императорское Величество Всемилоостивейше согласиться изволите, что последствия сии нераздельно связаны с потерей Смоленска и с тем расстроенным совершенно состоянием войск, в котором я оные застал». Слова задели самолюбие Барклая де Толли, и он горячо протестовал в письмах Александру I, увидев их напечатанными в «Северной почте», воспринимая как «помрачение чести целой армии». Некоторые склонны были видеть в этом неделикатную выходку в адрес Барклая, продиктованную стремлением Кутузова снять с себя ответственность за судьбу древней столицы. Но в основном современники воспринимали эту фразу иначе,

нежели Барклай. В частности, Клаузевиц указывал на то, что под Смоленском у русского командования оставалась последняя возможность прибегнуть не к прямой, а к косвенной обороне Москвы. Он писал: «Если бы можно было предвидеть, с какой быстротой будет таять французская армия, то можно было бы наметить другой план, а именно: от Смоленска уже не держаться направления на Москву, а избрать какую-нибудь другую дорогу внутрь страны, например, на Калугу и Тулу»³¹. Но русские армии отступали к Москве. Вопреки возмущению Барклая, не желавшего признавать связь между оставлением Смоленска и потерей Москвы, военные советники императора придерживались иного мнения, о чем сообщил в письме от 13 сентября 1812 года секретарь императрицы Н. М. Лонгинов: «Что до Москвы, знающие положение мест и войск, доказали, что, отдавши Смоленск, ее удерживать было бы безрассудно». И это было ясно не только высшему генералитету. «В Харькове, под конец ярмарки, получено печальное известие о взятии неприятелем Смоленска, — свидетельствовал современник. — Бывшие в то время в Харькове военные именно утверждали, что Москва не устоит, что, выключая Смоленска, нет до самой Москвы такой позиции, где бы можно было с выгодой противустоять неприятелю».

17 августа, прибыв к армии под проливным дождем, что само по себе уже являлось хорошей приметой, Кутузов приказал остановить карету перед первым же полком. Светлейший вылез из кареты и весело окликнул солдат сильным и властным голосом («громогласным», по свидетельству сослуживцев, он оставался до конца своих дней): «Боже! Кто бы мог меня уверить, что когда-либо враг наш мог сражаться на штыках с такими молодцами, как вы, братцы!» «Братцы» не долго вглядывались в седого, грузного генерала с иссеченным шрамами лицом и «кривого на один глаз». Громкое «ура!» грянуло навстречу главнокомандующему, сразу подарившему нижним чинам в честь радостного свидания 150 рублей из тех 10 тысяч, что были пожалованы ему государем. Солдаты живо сложили поговорку: «Приехал Кутузов бить французов!», которая передавалась от полка к полку. «Минута радости была неизъяснима: имя этого полководца произвело всеобщее воскресение духа в войсках, — вспоминал участник Бородинской битвы офицер-артиллерист И. Т. Родожицкий. — <...> Одним словом, с приездом в армию князя Кутузова, во время самого критического положения России, когда Провидение наводило на нее мрачный покров гибели, обнаружилось явно, сколь сильно было присутствие любимого полководца воскресить упавший дух русских как в войске, так и в народе. Что любовь войска к известному полководцу есть не мечта, а

существенность, производящая чудеса, то показал всему свету незабвенный для славы России Суворов...» Впоследствии для многих сделалось очевидным, что судьба предоставила Кутузову «одну из самых блестящих ролей, какие можно встретить в истории», но кажется, что ко времени приезда в армию полководец не думал о «блеске» своей должности, а размышлял о тяжелой ответственности, которую на старости лет он взвалил на свои плечи.

Прежде всего, старый генерал прибыл из Петербурга в своего рода «генеральскую вольницу»: генералитет русской армии «указал на дверь» самому императору и «поставил на место» военного министра М. Б. Барклая де Толли, что уже указывало на необычность обстоятельств, при которых М. И. Кутузов вступал в должность. Неспроста государь осведомился у английского генерала, который прибыл к русской армии в качестве наблюдателя: «Полагает ли сэр Роберт Вильсон фельдмаршала Кутузова <...> способным восстановить субординацию?»³² На что генерал ответил, что главнокомандующий, «которого он встретил на пути к армии, в полной мере понимает настроение сей последней; что он счел своим долгом сообщить фельдмаршалу (в то время Кутузов еще не был фельдмаршалом. — Л. И.) ставшие известными ему сведения и что фельдмаршал заклинал его ничего не скрывать от Его Величества...»³³. Как встретила Кутузова армия? К. Клаузевиц, мало расположенный к Кутузову, признавал: «...В целом, Кутузов представлял гораздо большую ценность, чем Барклай. Хитрость и рассудительность обычно не покидают человека даже в глубокой старости; и князь Кутузов сохранил эти качества, с помощью которых он значительно лучше охватывал ту обстановку, в которой сам находился, так и положение своего противника, чем то мог сделать Барклай с его ограниченным умственным кругозором. Он знал русских и умел с ними обращаться. С неслыханной смелостью смотрел он на себя как на победителя, возвещая повсюду близкую гибель неприятельской армии»³⁴. Кто из современных авторов может упрекнуть полководца в том, что он нарушил слово? П. С. Пущин, служивший в лейб-гвардии Семеновском полку, оставил в Дневнике запись от 19 августа: «Князь Кутузов посетил наш лагерь. Нам доставило большое удовольствие это посещение. Призванный командовать действующей армией волей народа, почти против желания Государя, он пользовался всеобщим доверием»³⁵. Офицер квартирмейстерской части Н. Н. Муравьев отозвался об этом назначении менее восторженно: «Сам я не могу об нем судить, но пишу о способностях его понаслышке от тех, которые его знали. Говорили,

что он был упрямого нрава, неприятного и даже грубого; впрочем, что он умел в случае надобности обласкать, вселить к себе доверие и привязанность. Солдаты его действительно любили, ибо он умел обходиться с ними»³⁶. Вот что писал в Дневнике Александр Чичерин, стремившийся к объективности, с максимализмом, свойственным юности: «Итак, прибыв к армии, Светлейший был встречен как спаситель. Дух армии сразу поднялся, и там, где Барклай не мог рассчитывать на свои войска, Кутузов с уверенностью полагался на храбрость солдат»³⁷.

Однако в высшей военной иерархии назначение главнокомандующего было воспринято холодно. Сотрудники Кутузова в большей степени являлись его соперниками или, как выражался Ермолов, «совместниками». По понятиям того времени у каждого из них была веская причина и «значущий» шанс самому возглавить соединенные армии. Обстоятельства «конкурса главнокомандующих», где одержал победу Кутузов, став достоянием слухов, сделались известны и его сослуживцам. Багратион, в частности, ознаменовал приезд нового главнокомандующего откровенным письмом Ростопчину: «Хорош и сей гусь, который назван и князем и вождем!»³⁸ «Неразгаданный Барклай», по мнению историков, снес отстранение от командования армиями с «молчаливым достоинством». Это заблуждение опровергается письмом самого Барклая Александру I от 24 августа 1812 года, в котором он не преминул поделиться своими суждениями о «государевых» рескриптах: «В первом из этих рескриптов я настолько несчастлив, что причислен к продажным и презренным людям...»³⁹ Именно эти слухи распускал о Кутузове в Молдавской армии генерал А. Ф. Ланжерон, исполнявший до его прибытия на Дунай обязанности главнокомандующего и надевавшийся быть утвержденным в этой должности. До прибытия Светлейшего М. Б. Барклай де Толли, зная об отношении к Кутузову императора и об этих слухах, уже наносит запрещенный удар, позволявший заранее сделать вывод о том, что эти два военачальника вместе не уживутся. М. Б. Барклай де Толли, как человек с довольно ограниченными представлениями, никак не мог взять в толк, почему государь подчинил его, Барклая, человеку, прежде не входившему в их «котерию». Барклаю было о чем задуматься: при дворе он не был оригинален, и его отношение к Кутузову определялось отношением государя. Согласно их переписке, он допускал пренебрежение к старому генералу, карьеру которого считал завершенной. По этой причине Барклая страшно взволновало еще одно обстоятельство. Рескрипт о смещении Барклая с поста военного министра Александр I подписал лишь 24 августа.

Но Чрезвычайный комитет, приняв 5 августа решение о назначении Кутузова, в тот же день заключил, «что в обоих случаях, если бы Военный министр Барклай де Толли согласился остаться в действующей армии или возвратился бы в С.-Петербург, то все же следует уволить его от звания Военного министра»⁴⁰. Кутузов, уезжая из Петербурга, знал о последнем абзаце постановления Чрезвычайного комитета и, очевидно, полагал, что в рескрипте на имя Барклая Александр I сообщил своему протеже не только о назначении Кутузова, но и об отставке с поста военного министра. Однако этого не произошло. В результате ко дню прибытия главнокомандующего Барклай продолжал считать себя военным министром, что явствует из его письма государю от 16 августа: «В качестве Главнокомандующего, подчиненного князю Кутузову, я знаю мои обязанности и в точности их исполняю. Однако же, мне еще неизвестно, в каких я буду находиться с ним отношениях в качестве военного министра»⁴¹. Эта ситуация дополнительно травмировала и без того находившегося в раздражении Барклая. Правда, у него осталось другое преимущество — доверительные отношения с императором, которому он писал о своих «совместниках» все, что заблагорассудится, не выбирая выражений, будь то Кутузов, Багратион или Беннигсен, который, по мнению Барклая, руководил войсками, «гордясь похищенной славой»⁴². Именно так «вождь несчастливый» оценил успехи Беннигсена в предыдущих войнах с Наполеоном. Кутузов, по словам Ермолова, «неодолимый ратоборец» на поприще интриг, решил тоже «взять свои меры». Учитывая близкие отношения Барклая с государем, Кутузов решил нейтрализовать влиятельного подчиненного, всячески подчеркивая свою показную радость по поводу возвращения в армию Беннигсена, высланного Барклаем накануне назначения Кутузова. Клаузевиц по этому поводу оставил интересное свидетельство: «Одновременно с князем Кутузовым в армию прибыл генерал от кавалерии Беннигсен, с тем чтобы занять место начальника штаба обеих армий. Надо полагать, что Беннигсен выхлопотал себе это назначение в Петербурге, так как понимал, что ни одной из двух армий ему в командование не дадут; а он хотел получить возможность при случае протиснуться на первое место, если бы здоровье старика Кутузова не выдержало. Мало-помалу он приобрел некоторое влияние; впрочем, старый князь не особенно поощрял Беннигсена, которому, по-видимому, не доверял. В армии это удивительное назначение произвело почти комическое впечатление»⁴³. Сам Л. Л. Беннигсен в письме генералу А. Б. Фоку так изложил представление о собственной значимости: «Из

честолюбия и отчасти из самолюбия, которое всегда должно быть присуще военному, мне было неприятно служить под начальством другого генерала, после того, как я командовал войсками против Наполеона и самых искусных его маршалов»⁴⁴.

Противостояние Кутузов — Беннигсен осложнялось тем, что к последнему примыкал по давним служебным связям начальник Главного штаба 1-й армии А. П. Ермолов, поведение которого в сложившихся условиях справедливо охарактеризовал А. Н. Попов: «Такое положение Барклая и Беннигсена, естественно, не оставляло их одинокими соперниками и недоброжелателями князя Кутузова; но около них приютились еще многие и тем содействовали их влиянию только на войска <...> самым видным лицом из числа последних был начальник штаба 1-й армии генерал Ермолов». Барклай де Толли относился к своему подчиненному враждебно, сообщив императору: «...Начальник Главного моего штаба А. П. Ермолов, человек с достоинствами, но лживый и интригант, единственно из лести к некоторым вышеназванным особам и к Его Императорскому Высочеству и князю Багратиону совершенно согласовался с общим поведением»⁴⁵. Приняв пост главнокомандующего, М. И. Кутузов оказался в довольно враждебной среде, среди людей прекрасно осведомленных о неприязни к нему государя. Последнее обстоятельство особенно осложняло его положение, поскольку означало, что каждый из его ближайших соратников надеялся на легкость его отстранения.

Кутузов должен был найти для себя опору в этой среде. Е. Ф. Комаровский рассказывал: «„Скажите мне, — продолжал он (Кутузов), — кто находится в Главной квартире Барклая из чиновников, занимающих место по штабу? Я никого не знаю“. — Я назвал ему всех, и когда он услышал, что обер-квартирмейстерскую должность отправляет барон Толь, он мне сказал: „Я этому очень рад, он мой воспитанник, он выпущен из первых кадетского корпуса, когда я им командовал“»⁴⁶. Генерал-квартирмейстер 1-й армии полковник Карл Федорович Толь, который по воле главнокомандующего стал фактически выполнять ту же должность в Главном штабе соединенных армий, был офицером без сомнения способным, но не по чину властным. Последняя черта в его характере обострилась с назначением Кутузова, что, естественно, вызывало нарекания со стороны Беннигсена и Ермолова. Первый охарактеризовал свойства Толя в письме императору от 9 ноября 1812 года: «Несогласия и неприятности всякого рода, которые я испытываю, происходят от

поведения полковника Толя, который считает себя оскорбленным, когда ему приходится действовать по моим указаниям»⁴⁷. Беннигсену вторил Ермолов, мнения которого без преувеличения можно считать «сколком» мнений Беннигсена: «Полковник Толь, офицер отличных дарований, способный со временем оказать большие заслуги; но смирять надобно чрезмерное его самолюбие, и начальник его не должен быть слабым, дабы он не сделался излишне сильным. Он, при полезных способностях, по роду служебных его занятий, соображение имеет быстрое, трудолюбив и деятелен; но столько привязан к своему мнению, что, иногда, вопреки здравому смыслу, не признает самых здравых возражений, отвергая возможность иметь не только превосходные способности, ниже допускает равные»⁴⁸. Клаузевиц же отмечал, что до приезда Кутузова, при Барклае, «Толь пользовался репутацией самого образованного офицера», а прапорщик квартирмейстерской части при Бородине А. А. Щербинин, не опасаясь преувеличений, с восторгом впоследствии сообщал: «<...> Карл Федорович, как талант собственно военный, совершенно равнялся самому Наполеону. Это был маятник в часах правильного хода»⁴⁹.

Зачем мы так подробно остановились на истории взаимоотношений М. И. Кутузова с остальными главными начальниками русской армии? Для того, чтобы читатель мог представить себе обстановку, в которой оказался Михаил Илларионович в 1812 году. Мог ли он доверять людям, которые его окружали? В сущности, о каждом из них можно было сказать словами Ермолова, относящимися к Толю: «...столько привязан к своему мнению, что, иногда, вопреки здравому смыслу, не признает самых здравых возражений». «Борьба за начальство есть неискоренимая причина раздора», — писал английский эмиссар в России генерал сэр Р. Т. Вильсон лорду Кэткарту вскоре после Бородина⁵⁰. Реальная ситуация, на наш взгляд, была верно охарактеризована одним из самых серьезных исследователей рубежа XIX–XX столетий Б. М. Коллюбакиным: «Сравнение власти и положения во главе своих армий Наполеона и Кутузова является более чем не в пользу последнего». Но делать было нечего. М. И. Кутузов принял соратников такими, как Бог дал. Он очень тепло отозвался о них в письме Екатерине Ильиничне: «Я, слава Богу, здоров, мой друг, и питаю много надежды. Дух в армии чрезвычайный, хороших генералов весьма много». По словам Р. Вильсона, эти же люди готовы были «доказать свою верность такими делами и пожертвованиями, каковые при любых превратностях возвеличат корону и упрочат трон». И это тоже было правдой.

Накануне Бородина

В начале войны в обществе обеих столиц ходил анекдот о том, как некто обратился к Светлейшему с вопросом, какие, по его мнению, меры надлежит принять к защите Петербурга. На это будущий «спаситель Отечества» живо отозвался: «Как? вы требуете моего мнения для защиты Петрополя в самом Петрополе? За 500 верст должно готовить ее; но вы, верно, ошиблись; верно, вы не то хотели у меня спросить!» Теперь же он находился в 100 верстах от Москвы во главе армии, жаждавшей сражения. Причем едва ли не больше всех жаждал битвы главнокомандующий 1-й армией М. Б. Барклай де Толли, избравший позицию при Цареве Займище. Его начальник штаба А. П. Ермолов по этому поводу рассуждал: «Сомнительно, чтобы Главнокомандующий не имел известия о назначении князя Кутузова. Ускорение работ на занимаемой позиции обнаруживает намерение его дать сражение до его приезда. Как Военный министр он знал, что армия никаких подкреплений иметь не будет, что Кутузов равными, как он, распоряжаясь способами, не большую может допускать надежду на успех; решился предупредить его в том...»⁵¹ Государя Барклай впоследствии заверил: «Я избегал генерального сражения до известного времени, по началам, зрело рассчитанным, и строго держался этих начал, смеясь над всем, что говорилось против моих соображений, и, наконец, я дал бы сражение, но перед Гжатском — при Цареве Займище. Я убежден, что побил бы неприятеля, потому что сражение было бы дано в порядке и командовал бы только один. Мои резервы оставались бы нетронутыми до последней минуты и если бы даже испытал неудачу, то никогда бы неприятель не занял Москвы, потому что я направил бы мое отступление не на Москву, а на Калугу, сосредоточив все ополчения в Москве». Наполеон, в отличие от Барклая, сказал о действиях Кутузова, «направившего наступление на Москву», следующее: «<...>он (Кутузов) продолжил свой марш и прошел через Москву, попавшую в руки победителя. Если бы вместо того он отступил к Киеву, то увлек бы за собой французскую армию, но в таком случае ему пришлось бы отрядить особый корпус для прикрытия Москвы; ничто не помешало бы французам послать против этого корпуса другой, сильнейший, что заставило бы его эвакуировать эту столицу. Подобные вопросы весьма смутили бы Тюренна, Виллара, Евгения Савойского. Рассуждать догматически о том, что не проверено на опыте, — есть удел невежества»⁵². Как видим, Наполеон был

более снисходителен к Кутузову, чем Барклай де Толли. Жаль, что у ссыльного императора не поинтересовались, как бы он оценил шансы Барклая разбить его в генеральной битве при Цареве Займище. Впрочем, Наполеон сказал однажды: «Я не говорю о Барклае: он и не стоит того, чтоб об нем говорить»⁵³. Ермолов отмечал: «Если бы Багратион имел хотя ту же степень образованности, как Барклай де Толли, то едва ли бы сей последний имел место в сравнении с ним»⁵⁴. Зато некоторые современные авторы, приняв на веру «Оправдательные письма», видят в нем даровитого соперника Кутузова. После прочтения письма, содержащего нескромные заверения в победе в битве при Цареве Займище, если бы она состоялась, невольно задаешься вопросом: откуда Барклай вдруг почерпнул оптимизм?

Из «Отношения» Кутузова к графу Ф. В. Ростопчину от 27 августа из Гжатска уже становятся заметными его сомнения в возможности отстоять Москву: «Письмо Ваше прибыло со мною в Гжатск сейчас в одно время, и не выдавшись еще с командовавшим доселе армиями господином Военным министром и не будучи еще достаточно известен о всех средствах, в них имеющихся, не могу еще ничего сказать положительного о будущих предположениях насчет действия армии. Не решен еще вопрос, что важнее — потерять ли армию или потерять Москву. По моему мнению, *с потерей Москвы соединена потеря России* (выделено мной. — Л. И.)»⁵⁵. Итак, в одном абзаце и «не решен еще вопрос», и «по моему мнению». Это и есть знаменитый «кутузовский стиль», к которому он всегда прибегал, чтобы обдумать ситуацию и принять решение. Естественно, Кутузов пытался переломить ход событий, но отнюдь не вверяя судьбу войны одному генеральному сражению. Кутузов полагал, что, согласно «Учреждению о большой действующей армии», он вправе распоряжаться всеми военными силами России. Поэтому 20 августа он приказал главнокомандующему 3-й армией генералу от инфантерии Тормасову: «Ваше превосходительство согласиться со мной изволите, что в настоящие для России критические минуты, тогда как неприятель находится в сердце России, в предмет действий ваших не может более входить защищение и сохранение отдаленных наших польских провинций, но совокупные силы 3-й армии и Дунайской должны обратиться на отвлечение сил неприятельских, устремленных против 1-й и 2-й армий». Тот же приказ получил главнокомандующий Дунайской армией адмирал П. В. Чичагов. Итак, полководец рассчитывал на сильное содействие с флангов, что было бы главным условием решительного отпора неприятелю с последующим переходом в контрнаступление. Как без них мог решиться на генеральное

сражение Барклай де Толли, остается на совести самого военачальника, которого проблема резервов, похоже, тоже не волновала. Кутузов же обратился к начальникам «депо второй линии». 19 августа он писал князю Д. И. Лобанову-Ростовскому: «... покорно прошу Вас, милостивый государь мой, из Костромы, Владимира, Рязани, Тамбова, Ярославля и Воронежа, из каждого места по два полка направить к Москве с получения сего». В подобном же «Отношении» на имя А. А. Клейнмихеля содержится предписание направить к Москве 9, 10, 12, 13 и 14-й полки. Из «Отношения» от 11 августа к М. А. Милорадовичу видно, какие надежды Кутузов возлагал на обещанную «вторую стену», которую в Гжатске он увидел воочию: всего «пехоты 14 587, конницы 1002». Главнокомандующий приказал раскассировать нижние чины по полкам для возмещения потерь. Сознавая, что быстрее всех успевают подойти к Можайску ратники из самой Первопрестольной (при наличии этих сил), М. И. Кутузов полагался на обещания Ф. В. Ростопчина выставить до 80 тысяч «московской силы». Прибывшие 16 батальонов пехоты Московского ополчения под командованием генерал-лейтенанта графа И. И. Моркова невозможно было использовать как регулярные войска, поэтому корпусным начальникам было приказано «их не раздроблять и держать вместе». Первая мысль главнокомандующего была та, что это далеко не все обещанные силы. Еще 17 августа, в день прибытия к армии, Кутузов писал Ростопчину из Гжатска: «Вызов восьмидесяти тысяч сверх ополчения, вооружающихся добровольно сынов Отечества, есть черта, доказывающая дух россиянина и доверенность жителей Московских к их начальнику». Он трижды в один день намекал на это московскому главнокомандующему накануне Бородинской битвы 21 августа 1812 года: «Средства, какие вы можете мне выслать из Москвы, не могут быть излишними, и для того прошу ваше сиятельство о сем...» В тот же день 21 августа 1812 года: «Все то, что ваше сиятельство сюда доставить можете, и вас самих примем мы с восхищением и благодарностию». И вновь 21 августа: «Как скоро я изберу самую лучшую (позицию. — Л. И.), то при пособии войск, от вашего сиятельства доставляемых, и при личном вашем присутствии употреблю их, хотя еще и не довольно выученных, ко славе Отечества нашего»⁵⁶. С почтительностью вельможи XVIII столетия, но все настойчивее и настойчивее, Светлейший намекал графу Ростопчину на необходимость прибытия подкреплений, без которых позиция «слишком велика для нашей армии». Ко времени написания этих писем полководец располагал сведениями о численности неприятеля. 18 августа к армии возвратился поручик М. Ф. Орлов, которого за неделю до прибытия Кутузова Барклай

направил парламентаром в войска Наполеона «для узнания о взятом в плен генерал-майоре Тучкове». Это был хороший предлог для сбора сведений о противнике, тем более Орлов находился в его расположении девять дней и, по его наблюдению, силы, противостоящие 1-й и 2-й армиям, исчислялись 165 тысячами. В рапорте государю от 19 августа Кутузов отнесся к этим сведениям несколько скептически: «Но по расспросам, делаемым нашими офицерами по квартирмейстерской части от пленных, полагаю я донесение Орлова несколько преувеличенным». Если бы Кутузов знал, как дальше развернутся события с резервами, может быть, он и не стал бы делать этой приписки, потому что именно на ее основании Александр I отказал ему в присоединении армии Тормасова, равно как и полков Лобанова-Ростовского и Клейнмихеля. Кутузов получил ответ императора от 30 августа, но ко дню сражения он уже сознавал, что единственная реальная военная сила, которая успеет к «большому сражению», — это так называемая 80-тысячная Московская милиция. К ней навстречу он и двигался, оттягивая день битвы.

Здесь следует сказать несколько слов о сложных взаимоотношениях между Кутузовым и московским главнокомандующим графом Ф. В. Ростопчиным, деятельность которого на посту генерал-губернатора города некоторым представляется в сильно идеализированном виде. Так, М. В. Горностаев полагает, что «в краткие сроки собрав максимальное по России количество ополченцев (около 25 тысяч)»⁵⁷, Ростопчин фактически выполнил свои обязательства перед армией. Светлейший же, будто бы безосновательно, считал, что земское войско должно быть многочисленнее, и требовал невозможного. Полководца якобы ввел в заблуждение Александр I, назвав Кутузову завышенную цифру в 80 тысяч человек. Но граф Ростопчин ранее сообщал князю Багратиону вообще о «100 тысячах молодцов». Конечно же Кутузов понимал, что необученные, не привыкшие к выстрелам ополченцы вряд ли спасут положение: более того, он отказался смешивать их с регулярными войсками, как предлагал князь Багратион, со стороны которого это была тоже вынужденная мера: ясно было, что ополченцы не смогут действовать самостоятельно, «толку не будет». Не исключено, что наделенный от природы богатым воображением, склонный к преувеличениям и театральному действу, граф Ростопчин ввел в заблуждение государя. По-видимому, он не предполагал, что боевые действия могут, в конце концов, докатиться до Москвы. Получив высокий и ответственный пост накануне Отечественной войны, граф Федор Васильевич был в восторге от собственной распорядительности, о чем свидетельствуют его письма, патриотические афишки и Записки о 1812

годе. Он добился от Александра I переименования из действительных тайных советников в генералы от инфантерии, но со старшинством с 1798 года (со дня пожалования его штатским чином действительного тайного советника, соответствующего по Табели о рангах чину полного генерала). Он сам «выговорил» себе звание главнокомандующего и эполеты с шифром (вензелем. — Л. И.) государя «для вящего уважения»⁵⁸. Эти знаки монаршего благоволения, доставшиеся по первому требованию, вскружили голову Ростопчину, отличавшемуся и до этого крайней взбалмошностью и эксцентричностью. Неспроста Екатерина II назвала его «сумасшедшим Федькой». И вдруг посреди этого упоения безграничной властью, когда он судил, рядил, казнил и миловал по своему усмотрению, от него потребовали не каких-нибудь аллегорических русских ратников из его патриотических листков, а вполне реальных людей, «временно вооруженных на защиту Отечества», число которых измерялось бы в конкретных цифрах. Более того, Кутузов настаивал на его личном присутствии в предстоящем сражении, что тоже не могло его не беспокоить. Граф Ростопчин в последний раз «видел войну» в чине поручика при взятии Очакова. Легко доставшийся ему чин генерала, естественно, не прибавил ему боевого опыта. Может быть, впервые он задумался о том, как легкомысленно поступил, «определившись» в военную службу: согласно «Учреждению о большой действующей армии» он теперь подчинялся главнокомандующему Кутузову, коль скоро тот оказался с войсками на территории вверенной Ростопчину Московской губернии. «Враждебная сущность» разрушила романтический патриотизм генерал-губернатора Москвы.

Светлейший сознавал также, что и ожидаемые новобранцы Лобанова-Ростовского и Клейнмихеля явятся действенным подспорьем армии только в совокупности с обстрелянными войсками. Кутузову важно было, чтобы новые формирования успели прибыть к нему до генеральной битвы, в которой основную массу сражавшихся составляли бы уже имеющие боевой опыт войска. Волнения по поводу времени прибытия резервов и ополчения обнаруживал и князь Багратион, прямолинейно вопрошая Ростопчина в одном из писем после оставления Смоленска: «Я не ведаю, на какой конец Лобанов собирает войска и Милорадович; пора их иметь близко к нам...» Принимая во внимание крайность ситуации и ограниченность сил обеих Западных армий, он предлагал в том же письме: «Мне кажется, иного способа уж нет, как не доходя два марша до Москвы, всем народом собраться и что войско успеет, с холодным оружием, пиками, саблями, что попало соединиться с нами и навалиться на них...» Ко времени

размещения войск на бородинской позиции главнокомандующему стало ясно, что спасти Москву может только чудо. Об одном из них Кутузов вспомнил в той непростой ситуации. Его послание к Ростопчину от 22 августа написано собственноручно; сознавая необычность и секретность темы, Кутузов, по-видимому, не решился его продиктовать кому-либо другому. В письме говорилось: «Милостивый государь мой граф Федор Васильевич! Государь Император говорил мне об еростате (аэростате), который тайно готовится близ Москвы. Можно ли им будет воспользоваться, прошу мне сказать, и как его употребить удобнее»⁵⁹. Как мы видим, Светлейший сменил грустную тему резервов на более экзотическую. Результата, правда, он добился не большего.

Историки до сих пор задаются вопросом, что побудило Кутузова решиться на генеральное сражение, и высказывают предположение, что полезнее было бы его избежать в целях сохранения армии. Так, известный военный историк граф Д. П. Бутурлин рассуждал: «Ему (Кутузову) можно поставить в упрек только две ошибки, но первая из них, заключающаяся в том, что он дал Бородинское сражение, была вынуждена политическими соображениями...»⁶⁰ Кутузов не мог пренебречь настроениями в армии и обществе, о которых писал генерал-квартирмейстер Толь: «...Почему Российская армия дала сражение при Бородине и для чего, отразив неприятеля и удержав за собою 26-го числа место сражения, предприняла потом отступательное движение, с самого начала войны Российскими армиями производимое, последствием коего было занятие неприятелем Москвы? Дабы разрешить сей вопрос, надлежит поставить на вид: хотя отступательное движение, с самого начала войны Российскими армиями производимое, предписано было уважительными обстоятельствами, однако не менее того войска наши приметным образом начали терять воинский дух, россиянам свойственный, который необходимо нужно было поддержать и возвысить...» Говоря о потере воинского духа, Толь имел в виду факты общего падения дисциплины в армии, о которых речь идет в рапорте Кутузова Александру I от 19 августа: «Не могу я также скрыть от Вас, Всемилоостивейший Государь, что число мародеров весьма умножилось, так что вчера полковник и адъютант Его Императорского Высочества Шульгин собрал их до 2000 человек...» «Лишается человек воинского духу и субординации», — с тревогой отмечал Багратион. Кутузов уловил критическую точку настроений солдатской массы на подступах к Москве, которую деморализовало затянувшееся отступление. Зло могло предотвратить только сражение. Да и что говорить о поведении нижних

чинов, если сам атаман Донского казачьего войска генерал от кавалерии М. И. Платов явился после оставления Смоленска к Барклаю де Толли, надев шинель на голое тело с заявлением, что ему стало стыдно носить мундир. Чувства всей армии запечатлены в Воспоминаниях кирасирского офицера И. Р. Дрейлинга, бывшего при Бородине ординарцем Кутузова: «В наших общих молитвах, в том „Отче наш“, с которым я обращался к Творцу, слышалась из глубины души одна мольба — чтоб завтра же нам дали возможность сразиться с врагом, хотя бы пришлось умереть — только бы дальше не отступали! Наша гордость, гордость еще не побежденного солдата, была оскорблена и глубоко возмущена. Как! Мы отступали перед надменным врагом, а они все глубже и глубже проникали в родные поля каждого из нас, все ближе и ближе и никем не сдерживаемые подступали к самому сердцу нашего общего Отечества»⁶¹. В числе важных причин, вынуждавших Кутузова принять сражение, следует назвать и неотступное преследование со стороны неприятеля, которое, безусловно, усилилось после оставления Смоленска и по мере приближения к Москве. Этот факт констатировал Багратион, еще не зная о назначении Кутузова: «Неприятель наш неотвязчив: он идет по следам нашим». Кутузов в донесении Александру I от 19 августа сообщал: «...Токмо вчерашний день один прошел без военных действий». Кутузов, встретивший русские войска с неприятелем «на хвосте», прекрасно понимал, что Наполеон, для которого невыгодно вести затяжную кампанию, слишком далеко зашел. Это могло произойти только по одной причине: он рвался к Москве. Именно с этим событием, по аналогии с другими войнами, Наполеон связывал окончание кампании, что и сделало его, с точки зрения Кутузова, уязвимым. Адъютант Кутузова А. Б. Голицын вспоминал: «После выбора позиции рассуждаемо было в случае отступления, куда идти. Были голоса, которые тогда еще говорили, что нужно идти по направлению на Калугу, дабы перенести туда театр войны <...> но Кутузов отвечал: пусть идет на Москву»⁶². В этих словах уже проглядывает конкретный замысел, которым Кутузов пока ни с кем не стал делиться, в связи с чем ошеломляющее известие, которое он получил посреди множества забот, еще более усилило природную скрытность Кутузова. Светлейший вдруг узнал, что граф Ростопчин «вознамерился поступать как Римлянин», а именно: в случае невозможности отстоять Москву сжечь древнюю столицу. Об этом он как раз и написал в своем письме князю Багратиону от 12 августа: «Народ здешний, по верности к Государю и любви к отечеству, решительно умрет у стен московских, а если Бог не поможет в его благом предприятии, то,

следуя русскому обычаю: не доставайся злодею, обратит город в пепел...»⁶³ Можно себе представить, как воспринял эту новую напасть Кутузов, любивший крепкие выражения! Как заметил историк, «<...> замысел Ростопчина — предать Москву пламени перед вступлением в нее французов (равно как и любые меры по ее сожжению) — вопиющим образом противоречил планам Кутузова, путая все его стратегические карты. Это бы не только ставило в тяжелейшее положение русские войска, воспрепятствовав их отступлению через Москву, но могло бы подтолкнуть Наполеона на совершенно непредсказуемые действия...»⁶⁴.

В те дни старый полководец был один на один со своими сомнениями. Он отдавал себе отчет, что в предстоящем сражении у него под рукой, несмотря на новые данные последних исследований, оптимистично увеличившие число ополченцев до 30 тысяч, не оказывалось даже простого численного превосходства в регулярных обстрелянных войсках. Противником был полководец, о котором сам Светлейший говорил: «Мы имеем дело с Наполеоном. А таких воинов, как он, нельзя остановить без ужасной потери». Напомним, что шансы одолеть французов у стен Москвы очень скептически оценивал князь П. И. Багратион, писавший накануне приезда Кутузова все тому же графу Ростопчину: «И, Боже сохрани, если теперь мне дадут команду, способу нет. <...> Ежели бы неприятель был подальше, тогда бы мог я распорядиться, а теперь нету времени, как идти на него»⁶⁵. Князь Багратион не отвергал вероятности потери Москвы, давая советы: «Постарайтесь ризницы богатые выносить ради Бога и образа богатые, чтобы им не достались»⁶⁶. Ему же в преддверии вечности князь направил последнее письмо перед сражением: «Я так крепко уповаю на милость Бога. А ежели Ему угодно, чтобы мы погибли, стало мы грешны и сожалеть уже не должно, а надо повиноваться, ибо власть Его святая». И опять получается, что «невежественный» князь Багратион, «слепой противник ретирад», глубже всех оценил ситуацию. В этом случае нельзя не задаться вопросом: на что же рассчитывала армия, жаждавшая сражения? И тут мы сталкиваемся с тем, что, в отличие от Баркляя де Толли с его поздними высказываниями, многие генералы и офицеры довольно скептически оценивали возможный результат битвы. 6 августа Ермолов писал Багратиону: «<...> Надобно противостоять до последней минуты существования каждого из нас. Одно продолжение войны есть способ вернейший восторжествовать над злодеями Отечества нашего. Боюсь, что опасность, грозя древнейшей столице, заставит прибегнуть нас к миру, но сии меры слабых и робких. Все надобно принести в жертву и радостно,

когда под развалинами можно погresti врагов, ищущих гибели Отечества нашего. Благослови Бог! Умереть Россиянин должен со славою»⁶⁷. «26 августа незабвенное дело Бородинское, — делился воспоминаниями с А. И. Михайловским-Данилевским кавалерийский генерал К. А. Крейц. — Считая оное последним в своей жизни, всякий дрался, чтобы увековечить свое имя»⁶⁸. Офицер 1-го егерского полка М. М. Петров признавался: «<... > Все воины наши были храбры до озлобления, ибо не умереть, а остаться живыми в завоеванном французами Отечестве боялись»⁶⁹. В этих словах запечатлелись подлинные чувства большинства военачальников: объективная невозможность защитить Москву в их сознании была связана с гибелью России, а следовательно, с позором их дальнейшего существования. Настроение воинов русской армии, готовых вступить в последнее в своей жизни сражение у стен Москвы, и обязанности главнокомандующего перед государем и Отечеством явно не совпадали. Светлейший, как мог, оттягивал время, но сведений о фланговых армиях Чичагова и Тормасова к нему не поступало. Понеся в битве «ужасные потери», даже при благополучном результате, ему требовались подкрепления, чтобы развить успех. А подкреплений как раз и не было. Следовательно, под Бородином Кутузов знал, что при любом исходе битвы ее последствием явится отступление.

Опыт и знания полководца убеждали его в том, что «классическая» стратегия XVIII века хотя и претерпела изменения и обогатилась примерами из Наполеоновских войн, но не обесценилась революционной эпохой. Более того, взгляды на сражение Фридриха Великого теперь были актуальны, как никогда: «Никогда не давайте сражения с единственной целью победить неприятеля, а давайте их лишь для проведения определенного плана, который без такой развязки не мог бы быть осуществлен»⁷⁰. Кутузов наверняка вспоминал полководца, которого почитали и его кумир граф П. А. Румянцев-Задунайский, и бывший начальник светлейший князь Г. А. Потёмкин-Таврический. Это был Мориц Саксонский, с которым под старость у Кутузова было так много общего. Конечно, Михаил Илларионович чувствовал, что сил у него осталось немного, но теперь и для него «речь шла не о жизни, а о действии». В последних битвах Морица де Сакса вообще носили на носилках. Его «Слово против генерального сражения» не могло не приходиться на ум Светлейшему перед Бородином: «Я не сторонник генеральных сражений, особенно в начале войны, и убежден, что умелый полководец может воевать без них всю жизнь. Ничто так не уменьшает нелепые притязания

врага, как подобный метод ведения войны; ничто не продвигает дела лучше. Частые малые бои рассеивают силы противника, и, в конце концов, он будет вынужден отступить. Я не говорю, что, когда появляется благоприятная возможность сокрушить противника, его не надо атаковать или что не надо извлекать выгоду из его ошибок. Но я хочу сказать, что можно воевать, не оставляя ничего на волю случая. И это высшая точка совершенства полководческого искусства»⁷¹. Вспомним здесь и о советах Бернадота любой ценой избегать больших сражений. Бесконечно жаль, что Александр I не задействовал аналитический ум Кутузова при планировании военных действий в 1812 году; с возрастом у полководца остались в прошлом времена, когда он объезжал «бешеных лошадей», но память и интеллект ему не отказывали. Он бы сразу увидел погрешности и в «Записке об обороне западных границ» М. Б. Барклая де Толли и неосуществимость безграмотных затей генерала К. Ю. Фуля; в этом случае Светлейшему, может быть, и не пришлось бы отправляться на театр военных действий. «Кутузов участвовал во многих сражениях и получил уже тогда настолько опыта, что свободно мог судить о плане кампании, так и об отдаваемых ему приказаниях. <...> Ему легко было решить дело в затруднительном положении»⁷², — писал о Светлейшем довольно враждебно настроенный к нему А. Ф. Ланжерон. Конечная цель всех военных операций почему-то «всплыла» в голове у Барклая де Толли в виде победы в сражении при Цареве Займище, а в случае неудачи он почему-то уверенно рассчитывал на то, что Наполеон позволит ему беспрепятственно уйти к Калуге в обход Москвы. Так вести войну Кутузов не мог себе позволить. Он во всем искал логику: пока для него было очевидно, что генеральное сражение не даст ему «настоящей безошибочной центральной операционной линии»⁷³, откуда потом он сможет с выгодой действовать против неприятеля, идущего следом и «не отпускавшего» от себя русские войска ни на шаг. Одним словом, Кутузову на практике предстояло решить задачу из области «высшей математики» там, где его соратники, включая государя, предполагали решать «уравнения второй степени». Поразительно, что там, где основным оппонентам Кутузова — Л. Л. Беннигсену и М. Б. Барклаю де Толли — все представлялось в простейшем виде, Наполеон увидел массу сложностей: «Вообще, действия, имеющие целью прикрыть столицу или другой пункт фланговыми маневрами, требуют выделения особого корпуса и влекут за собой все невзгоды, сопряженные с раздроблением сил, при действиях против сильнейшего неприятеля. Когда после боя при Смоленске, в 1812 году, французская армия направилась

прямо к Москве, генерал Кутузов прикрывал этот город последовательными маневрами, пока, прибыв в укрепленный лагерь под Можайском, не остановился и не принял сражения; проиграв его, он продолжил свой марш и прошел через Москву, попавшую в руки победителя. Если бы вместо того он отступил к Киеву, то увлек бы за собой французскую армию, но в таком случае ему пришлось бы отрядить особый корпус для прикрытия Москвы; ничто не помешало бы французам послать против этого корпуса другой, сильнейший, что заставило бы его эвакуировать эту столицу. Подобные вопросы весьма смутили бы Тюренна, Виллара, Евгения Савойского. Рассуждать догматически о том, что не проверено на опыте, — есть удел невежества. Это все равно что решать с помощью уравнений второй степени задачу из высшей математики, которая заставила бы побледнеть Лагранжа и Лапласа. Все такие вопросы из области высшей тактики суть неопределенные физико-математические задачи, которые допускают несколько решений, но только не посредством формул элементарной геометрии»⁷⁴. Наполеону, естественно, приятнее думать о том, что Кутузов дал сражение при Бородине для защиты Москвы, чем «для проведения определенного плана, который без такой развязки не мог бы быть осуществлен». Однако весь последующий ход событий указывает на то, что перед Кутузовым, по образному выражению М. Н. Покровского, стояла задача «убить двух зайцев»: дать сражение «по проблемам нематериального характера» и вовремя отступить с поля битвы, сохранив армию.

Бородино

Достоинства и недостатки Бородинской позиции, расположение войск на ней, замыслы русского командования, по-видимому, так и останутся предметом жарких дискуссий среди специалистов ввиду явной недостаточности источниковой базы. М. И. Кутузов, как известно, не вел дневник, не оставил мемуаров, в переписке с театра военных действий в 1812 году был предельно лаконичен, в общении с окружающими — скрытен и даже лукав. Принимая во внимание сухой лапидарный слог «Оправданий» М. Б. Баркляя де Толли или «Писем» Л. Л. Беннигсена, вряд ли можно сомневаться, чей рассказ о событиях на Бородинском поле получил бы в глазах потомков статус источника № 1. Автор не сомневается в том, что если бы Кутузову было отпущено еще несколько лет жизни, он нашел бы убедительное объяснение всем тем обстоятельствам, над которыми почти два столетия ломают головы специалисты, к числу которых принадлежит и выбор позиции при Бородине. Приведем здесь требования к позиции, сформулированные в работе А. Жомини: «Иметь направление беспрепятственного отхода. <...> Места, предусматривающие менее замысловатую оборону на поле боя, лучше, чем *непреодолимые препятствия* (выделено мной. — Л. И.)»⁷⁵. Наполеон полагал, что Кутузов должен расположить свои войска между двумя дорогами, ведущими к Москве, — Новой Смоленской и Старой Смоленской, расстояние между которыми составляло около четырех-пяти верст, которые проходили через Бородинское поле почти параллельно друг другу и сходились за Можайском в тылу у русской армии. Но протяженность боевых порядков русских войск по фронту составляла около восьми верст! При этом на правом фланге было сосредоточено две третьих наших сил: здесь находилась 1-я Западная армия М. Б. Баркляя де Толли, числом около 70 тысяч человек. Этот участок позиции выглядел был неприступным ввиду того, что войска располагались на высоком и обрывистом берегу реки Колочи. На левом же фланге, где местность была пологой, встали войска 2-й Западной армии князя П. И. Багратиона — всего около 30 тысяч. Диспропорцию сил можно объяснить лишь особой значимостью в планах Светлейшего Новой Смоленской дороги. После сражения осуществить движение к Москве Кутузов мог только этим путем, что подтверждал и Беннигсен, критиковавший многие распоряжения главнокомандующего: «Когда же мы узнали <...>, какие силы мы могли противопоставить

неприятелю, и что у нас уже не было достаточно пехоты <...>, то было принято благоразумное решение отступить в ночь по Можайской дороге, — единственной, которой мы могли воспользоваться в этих критических обстоятельствах»⁷⁶.

24 августа армия неприятеля появилась на Бородинском поле; в тот день произошло «адское дело при Шевардине», продолжавшееся до наступления ночной темноты. Наполеон, продвигаясь с главными силами по Новой Смоленской дороге, приказал с марша взять укрепление, препятствовавшее ему развернуть войска для «большого сражения». Армия Багратиона упорно сдерживала натиск неприятеля, по-видимому, из-за того, что была атакована во время перемены фронта: из-за явных недостатков позиции левое крыло по приказу Кутузова сдвинулось на юго-восток от деревни Шеварино к деревне Семеновское. За ходом упорного столкновения следил сам главнокомандующий, а за главнокомандующим с любопытством наблюдали молодые офицеры. Он остановился в расположении 6-го пехотного корпуса, сев на свою скамеечку между 7-й и 24-й пехотными дивизиями. Артиллерист Н. Е. Митаревский вспоминал: «До этого времени я не видел Кутузова, а тут все мы насмотрелись на него вволю, хотя слишком близко и не смели подойти к нему. Склонивши голову, сидел он в сюртуке без эполет, в фуражке и с казачьей нагайкой через плечо. <...> Какие думы должны были занимать фельдмаршала?.. Сразиться вблизи Москвы с великим полководцем, не зная последствий решительного боя!.. Говорят, когда усилилась пальба, Кутузов отрывисто сказал: „Не горячись, приятель!“»⁷⁷. Здесь же Кутузов продемонстрировал свои способности кавалериста, что в последние годы делал довольно редко. Сведения, полученные от Толя, по-видимому, взволновали Кутузова. Ф. Н. Глинка в «Очерках Бородинского сражения» поведал, как «Михайло Ларионович, вспрыгнув с места с легкостью молодого человека, закричал: „Лошадь!“, сел, почти не опираясь о скамеечку, а пока подбирал поводья, уже мчался вдоль линии на левое крыло. <...> Солдаты-зрители, стоявшие группами на скате вершин, говорили: „...вот сам Кутузов поехал на левое крыло!“»⁷⁸. «Вчера на моем левом фланге было дело адское <...>», — признавался в письме своей супруге Екатерине Ильиничне Кутузов. Потери были примерно равны: около шести тысяч с каждой стороны.

В ходе боевых действий, «форсируя по Старой Смоленской дороге» в Утицком лесу, наш противник обнаружил, что русские войска там отсутствуют, что не могло не удивить Наполеона. Было ли это оплошностью со стороны Кутузова или же он, сознавая неравенство сил,

искал благовидного предлога избежать сражения? 23 августа Кутузов сообщал Александру I: «Но ежели он (неприятель), находя мою позицию крепкою, маневрировать станет по другим дорогам, ведущим к Москве, тогда не ручаюсь, что может быть должен идти и стать позади Можайска, где все сии дороги сходятся, и как бы то ни было Москву защищать должно». Отсутствие героического пафоса и словосочетаний «не ручаюсь», «может быть» и «как бы то ни было» наводит на мысль, что Кутузов продолжил бы отступление в случае флангового обхода, тем более что он все еще рассчитывал на прибытие резервов. Наполеон, два месяца безуспешно преследовавший русские войска, мог интуитивно уловить настроения «старого лиса», как он называл Кутузова, и не пошел далее по Старой Смоленской дороге. Кутузов сознавал, что реализовать идею флангового обхода неприятель может в день генеральной битвы, сочетая этот маневр с ударом по фронту, однако остался на позиции. «Безмолвный диалог» обоих полководцев продолжался 25 августа. Наполеон, обнаружив в селе Бородине на правом фланге передовой пост русских егерей, отделенный от главных сил рекой Колочей, не стал атаковать этот пункт, так объяснив свои действия генералу д'Антуару: «Позиция у Бородино придает уверенность противнику и побуждает его дать сражение. Если я захвачу ее этим вечером, неприятель не устоит и ночью ретируется; я больше не знаю, где я смогу его нагнать; возьмем ее завтра на рассвете»⁷⁹. Кутузов соглашался на генеральное сражение, которого желал Наполеон; император Франции, в свою очередь, не мешал русским воинам «устраиваться к кровопролитию следующего дня». Штабной генерал Ж. Пеле-Клозо, участник «битвы гигантов» и автор самой серьезной и обстоятельной французской работы о Бородинском сражении, рассуждал: «Наши силы представлялись этому генералу (Кутузову) в двух колоннах, направленных на центр его линии. Подобное расположение достаточно указывало, что Наполеон переведет французскую армию на тот или другой берег Колочи» (во французской историографии центром позиции, в отличие от русской, часто называли участок фронта, занимаемый армией Багратиона). Правый фланг, занимаемый 1-й Западной армией М. Б. Баркляя де Толли, тянулся от деревни Маслово через деревню Горки к центру русской позиции, перед которым было возведено укрепление (люнет), впоследствии называемое батареей Раевского. Здесь смыкался фронт обеих армий, и далее, через деревню Семеновское до Утицкого леса, располагались войска 2-й Западной армии князя П. И. Багратиона. Накануне битвы начальник Главного штаба Л. Л. Беннигсен и М. Б. Барклай де Толли предлагали М. И. Кутузову вдвое сократить фронт,

расположив 1-ю армию от Горок до Семеновского (то есть построиться именно так, как ожидал Наполеон), а 2-ю армию передвинуть на Старую Смоленскую дорогу, но Кутузов отказался от этого рискованного предложения. Заняв эту позицию, вверенным ему войскам пришлось бы отстаивать ее до последнего солдата, потому что в случае прорыва фронта армия Багратиона не выбралась бы из лесу, весьма частого и заболоченного, не лишившись «материальной части армии» — артиллерии. Однако по приказу Кутузова на Старую Смоленскую был выдвинут 3-й пехотный корпус генерал-лейтенанта Н. А. Тучкова 1-го. В то же время император Наполеон отказался от глубокого обхода левого фланга русской позиции, предложенного маршалом Л. Н. Даву, предпочитая атаковать ее с фронта, что предвещало кровопролитный «проклятый ближний бой» на участке между батареей Раевского и Утицким лесом. Анализируя ход битвы, Д. Чандлер писал: «<...> План сражения Наполеона основывался на идее прямой фронтальной атаки с тактическими диверсиями против флангов противника. <...> В этом плане не было никаких особых тонкостей; он состоял из серии мощных ударов против русской линии, которая при благоприятном исходе будет прорвана в одном или нескольких местах. Если бы Наполеон уделил больше внимания тактическому обходу русского левого фланга, исход сражения мог бы быть гораздо более удовлетворительным для него. Однако у него было так мало времени, что он отбросил все тонкие решения. Бородино должно было быть сражением на измор, где победа достанется грубой силе»⁸⁰. Заметим, что, выбирая позицию, русское командование действовало отнюдь не спонтанно. Можно смело предположить, что место для битвы избиралось в расчете на известную приверженность противника к наступательной тактике, которую английский исследователь Д. Чандлер справедливо характеризовал как «стратегически примитивные и расточительные фронтальные атаки»⁸¹. Трудно предположить, чтобы М. И. Кутузов был не в курсе тех суждений, которые ходили в Европе среди военных и дипломатов. Со времен войны на Пиренеях, «Ваграмской кампании» 1809 года сведущие в военном ремесле люди стали все более отчетливо замечать, с каким трудом доставались императору Наполеону его победы. Современный исследователь констатирует следующее: «После описываемой битвы (Ауэрштедт, 1806 год), где французские войска продемонстрировали вершины тактического мастерства, Великая армия более уже не показывала себя таким виртуозом. Причины для столь необратимых изменений — в размывании частей высшей пробы <...> и в потерях среди ветеранов, павших или вышедших

из строя на протяжении многочисленных кампаний и заменявшихся неопытными конскриптами. Данные факторы способствовали ослаблению тактических и оперативно-тактических возможностей французских войск. С течением времени для прорыва неприятельских порядков командирам частей и соединений армии Наполеона вынужденно приходилось все больше и больше полагаться на „большие батареи“ артиллерии и состоящие из множества батальонов, а то и полков густые колонны. Такой спад тактической компетентности у французов происходил как раз тогда, когда оппоненты Наполеона стали понемногу нарабатывать мастерство и технику»⁸².

«Знаменитое в летописях народов» Бородинское сражение началось в понедельник 26 августа около шести часов утра, или, как тогда говорили, «в 6 часов пополуночи». Впрочем, А. И. Михайловский-Данилевский вспоминал: «26-го августа, в четвертом часу поутру меня разбудило ядро неприятельское, раздробившее близ меня конюшню. Любопытно, и не знаю, произошло ли сие случайно или сделано было с намерением, что первое ядро, пущенное с неприятельских батарей, направлено было на дом, занимаемый князем Кутузовым». Перед сражением Кутузов ночевал в деревне Горки «позади центра русских войск», а не в Татаринове, где размещалась его Главная квартира, как полагает Н. А. Троицкий. Кутузов прибыл на командный пункт в Горки значительно позднее, чем Наполеон. Торопиться ему было некуда. Он не ждал ничего решительного прежде рассвета: нападать впотьмах было рискованно даже для Наполеона. «Екатерининский орел» сознавал, что вверенная ему армия ожесточена затянувшимся отступлением, воспринимающимся как позор, который искупается только кровью. Итак, главнокомандующий и его армия шли навстречу грядущему дню с разными намерениями. Глядя на восходящее солнце, Светлейший, вероятно, думал о том, что если бы это было в его власти, он продлил бы сумерки и задержал бы рассвет; русской армии предстоял долгий и тяжелый день, потому что только ночь давала возможность прекратить сражение и оставить позицию, избежав преследования. Тем временем прибыл родственник императора герцог Александр Вюртембергский со свитой, где так же, как и в свите Светлейшего, было много молодых офицеров, для которых Бородино было по-настоящему боевым крещением, и они не преминули надеть парадные мундиры. Как истинный вельможа, Кутузов не представлял своего назначения без сопутствующих ему пышности и почестей, заимствованных от екатерининского времени. Еще бы — он «вел 120 тысяч русских против

130 тысяч французов, полководцем которых являлся Наполеон»⁸³. Достигнув служебных высот, полководец мог себе позволить выглядеть в день битвы весьма скромно. Его и так можно было узнать: он был в сюртуке без эполет, но с «декорацией» — андреевской лентой через правое плечо; в белой фуражке с красным околышем. Иного головного убора старый воин давно уже не носил: его часто мучили сильные боли из-за двух сквозных ранений в голову. Офицерский шарф Светлейший надел «постаринному», через левое плечо, и так же перекинул нагайку. Перед началом битвы Кутузов оставался пешим, затем он то находился в седле своего белого широкогрудого коня («мерина-мекленбургж-ца»), то, уставая, слезал с него, наступая сперва на скамеечку, которую возил за ним «проворный донец». На эту же скамеечку полководец усаживался, брал в правую руку нагайку и то помахивал ею, то чертил что-то на земле. У него была привычка: когда дела шли хорошо, он потирал руки.

Войска Наполеона пытались совершить гигантское захождение правым плечом вперед: по Старой Смоленской дороге двигался в обход нашего левого фланга 5-й корпус генерала Ю. Понятовского; одновременно 1-й корпус маршала Л. Н. Даву должен был овладеть Семеновскими (Багратионовыми) флешами — укреплениями впереди деревни Семеновское, «служившими для связи с войсками на Ст. Смоленской дороге»; 3-й корпус маршала М. Нея, «центр сражения», при поддержке 8-го корпуса генерала Ж. А. Жюно и кавалерии маршала И. Мюрата, должен был нанести главный удар между батареей Раевского и деревней Семеновское; 4-й корпус Евг. Богарне, являясь «осью сражения», должен был удерживать село Бородино, содействуя «центру сражения». Обрушив страшный удар на левый фланг и центр русской позиции, Наполеон рассчитывал прорвать фронт и разбить главные силы Кутузова, загнав их в угол слияния реки Колочи с Москвой-рекой. С этой целью французский полководец в ночь с 25 на 26 августа сосредоточил в районе деревни Шевардино, где находился его командный пункт, около 96 тысяч войск из 135 тысяч. На рассвете эту «несметную силу» увидел перед собой князь Багратион: «окрестности Шевардина являлись униженные штыками и загроможденными пушками». Он потребовал у Кутузова подкреплений; его просьбу поддержали Л. Л. Беннигсен и К. Ф. Толь, по распоряжению Кутузова побывавшие у Семеновского. Оценив опасность, нависшую над левым флангом, Кутузов около 5.30 начал перегруппировывать войска, направив к Семеновскому части гвардейского корпуса. Князь Багратион выдвинул в первую линию всю имевшуюся у него под рукой артиллерию, включая резерв: 110–120 орудий было расположено за Семеновским

оврагом на высотах, представлявших собой амфитеатр по отношению к местности, где находились флеши, на которых было размещено 52 орудия. Сражение на левом фланге развернулось «не по сценарию». Две пехотные дивизии из корпуса маршала Л. Н. Даву, избегая потерь от артиллерии, двинулись в атаку на флеши через Утицкий лес, где столкнулись с нашими егерями, которых оказалось больше, чем ожидалось. Войска увязли в длительной перестрелке, оторвавшись от артиллерийского прикрытия. Картечные выстрелы пока не достигали русской позиции, а следовавшая вдоль опушки 30-орудийная батарея генерала Ж. Пернети, отстав, не успела поддержать атаку. «Пехота двигалась не стреляя, она торопилась настигнуть врага и прекратить огонь <...>, — рассказывал генерал Ф. Сегюр. — Наши дивизии с самого начала сражения терпят страшные потери. В четверть часа поражены Даву, Компан, Тест, Дессе, Дюпеллен, Рапп...»⁸⁴ Когда неприятель «грозно выказался из лесу» у южной флеши, «действие с наших батарей было ужасно». Между 7.00 и 8.00 Багратион вновь затребовал подкреплений у Кутузова, но в это время «неприятель учинил первое стремление на село Бородино» на правом фланге, «вероятно с тем, дабы обратить главное внимание наше на сей пункт», — рассказывал впоследствии К. Ф. Толь⁸⁵. Когда французы ворвались в село, оттеснив лейб-гвардии Егерский полк, генерал Беннигсен потребовал 1-й егерский полк, «виданный им в славных битвах войны 1806 и 1807 годов», и отдал приказ его командиру полковнику М. И. Карпенко вывести из-под огня лейб-егерей, отбросить зарвавшегося неприятеля и уничтожить мосты через Колочу. Бой на правом фланге продолжался около часа, но его последствием, видимо, явилась задержка в передвижении 2-го и 4-го пехотных корпусов, остававшихся на правом фланге в то время, как Багратион уже, по образному выражению очевидца, «стоял в крови» в яростном противоборстве у деревни Семеновское. Войска 2-й армии, обороняя «боковые реданты», сдерживали напор неприятельских колонн, «хвосты которых были скрыты лесами». Более 400 орудий, сосредоточенных с обеих сторон на пространстве более версты, «простреливали насквозь» ряды сражающихся, продолжавших «с бешенством отчаяния» оспаривать друг у друга разбитые ядрами укрепления. Находившаяся в первой линии 2-я сводно-гренадерская дивизия генерал-майора графа М. С. Воронцова была почти полностью уничтожена при защите Семеновских флешей, «во время первой и жестокой атаки пяти-шести французских дивизий, которые одновременно были брошены против этого пункта»⁸⁶. Участь 2-й сводно-гренадерской

дивизии разделила 27-я пехотная дивизия генерал-майора Д. П. Неверовского, бросившаяся на помощь своим товарищам по оружию и «исполнившая долг чести и храбрости, уничтожая несколько раз неприятельские намерения овладеть укреплениями»⁸⁷. Между 8.00 и 9.00 пехота Даву и Нея захватила флеши, готовясь атаковать русскую позицию за Семеновским оврагом и ворваться за деревню Семеновское. Тогда Багратион ввел в бой «частный резерв левого фланга» — 2-ю гренадерскую дивизию и приказал нанести фланговый удар силами тяжелой кавалерии корпуса генерал-лейтенанта князя Д. В. Голицына 5-го. Сам «Второй Главнокомандующий» находился посреди сражающихся войск, когда осколок гранаты раздробил ему берцовую кость левой ноги. Опасаясь смутить подчиненных, князь Багратион некоторое время пытался скрыть свою рану и, преодолевая боль, удерживался в седле, пока не потерял сознание. «В мгновение ока пронесся слух о его смерти, и войск невозможно удержать от замешательства. <...> Одно общее чувство — отчаяние!» — вспоминал Ермолов⁸⁸. Рядом с Багратионом почти в ту же минуту был ранен его начальник штаба генерал-лейтенант граф Э. Ф. де Сен-При. Неприятель вновь захватил «реданты» и пытался прорваться в деревню, но был атакован 3-й пехотной дивизией Коновницына, сбившей французов с Семеновских флешей. Усилия русских воинов, «которые клали головы, не думая положить ружье», были не напрасны. Маршал Ней известил Наполеона, что Багратион вновь перешел в наступление, выбил его из деревни и отнял флеши. Ней требовал немедленно подкрепить его, «если Император не хочет, чтобы маршал был разбит». Упорство русских вынудило Нея перебросить к лесу 8-й (вестфальский) корпус Жюно; вестфалы должны были обойти русские укрепления со стороны Утицкого леса, чтобы, по приказу Нея, восстановить линию с войсками Понятовского, замешкавшегося на Старой Смоленской дороге. Офицер 23-й пехотной дивизии корпуса Жюно вспоминал: «Едва мы оказались в редком кустарнике на опушке леса и вышли оттуда на простор, как были встречены ужасным огнем, и наступление мгновенно остановилось»⁸⁹. Успех артиллерии был поддержан в очередной раз кавалерией князя Голицына, которая, по словам генерала Ф. Сегюра, «мужественно использовала свою удачу». В рапорте Александру I от 27 августа князь Багратион образно назвал равнину перед Семеновским оврагом «гробом французской пехоты». Между 8.00 и 9.00 Наполеон вынужден был изменить свой первоначальный план. Евг. Богарне перестал быть «осью сражения» и получил приказ атаковать Большой редут или батарею

Раевского. Генерал Сегюр позже недоумевал: «Эта атака не должна была носить такого стремительного характера. Имелось в виду только удерживать и занимать Баркляя на этой стороне, так как битва должна была начаться с правого крыла и развернуться вокруг левого. Таков был план императора, и никому не известно, почему он вдруг нарушил его в самый момент исполнения». Впрочем, французский автор сам ответил на свой вопрос: «Багратион, со всеми своими подкреплениями, перестроил свою боевую линию. <...> Его огонь расстраивал наши ряды. Его атака носила бурный, стремительный характер. <...> Ней и Мюрат напрягли все свои силы, чтобы выдержать эту бурю. Дело шло уже не о дальнейшей победе, а о сохранении того, что было достигнуто»⁹⁰. Наполеону стало очевидно, что его войска, напиравшие всей массой «в лоб» на Семеновское, истощили себя в бесплодных усилиях, в то время как Понятовский по-прежнему не мог завладеть «Старомосковской дорогой». Около 8.30 бригада генерала Ш. Бонами двинулась к Большому редуту. На острие атаки оказался 30-й линейный полк, где служил капитан Ш. Франсуа, подробно описавший это происшествие: «Мы достигаем гребня оврага и уже находимся на расстоянии половины ружейного выстрела от русской батареи. Она осыпает нас картечью, ей помогают несколько прикрывающих ее батарей. <...> Мы бросаемся к редуту, взбираемся туда через амбразуры. <...> Русские артиллеристы бьют нас банниками, рычагами. Мы вступаем с ними в рукопашную и наталкиваемся на страшных противников. Много французов попеременно с русскими падают в волчьи ямы. <...> Полк наш разгромлен. <...> Мы отступаем, имея 11 офицеров и 257 солдат — остальные убиты или ранены. Храбрый генерал Бонами, все время сражавшийся во главе полка, остался в редуте, он получил 15 ран и взят русскими в плен»⁹¹. Угроза центру русской позиции была предотвращена «совокупными действиями» 7-го пехотного корпуса генерал-лейтенанта Н. Н. Раевского и 6-го пехотного корпуса генерала от инфантерии Д. С. Дохтурова. Особенно отличились в этом «яростном и ужасном» бою начальник штаба 1-й армии генерал-майор А. П. Ермолов и начальник артиллерии генерал-майор граф А. И. Кутайсов, погибший при взятии батареи.

Отметим, что события на южном фланге являлись для Наполеона такой же неожиданностью, как и для Кутузова. Что же произошло? Около 6.30, получив ошибочное известие о гибели маршала Даву, Наполеон передал командование войсками маршалу М. Нею, рассчитывая, что «храбрейший из храбрых» по диспозиции примкнет правым флангом к

войскам Даву для решительной атаки Семеновского. Но Ней внезапно повернул свою колонну направо, пытаясь в азарте поразить одним ударом двойную цель: взять и флешу, и деревню Семеновское. Соединив все войска, бывшие у него под рукой, маршал «непомерно усилил свой правый фланг». Инициатива Ней, следствием которой явилось смещение более 13 тысяч человек на край левого фланга русской армии, существенно повлияла на ход битвы, предопределив ее «нерешенный исход». Это «самоуправство» создало обоюдоострую ситуацию, и, с точки зрения неприятельской стороны, поступок Ней мог быть оправдан, увенчаться он успехом. Кутузов не успевал стремительно отреагировать на молниеносный рывок противника. Он в полной мере осознал опасность, нависшую над армией Багратиона, не столько у самого Семеновского, сколько севернее деревни, где между 8.00 и 9.00 русских войск не хватало, но их не хватило и неприятелю: по иронии судьбы в этом пункте фронт обеих армий «разорвался» одновременно! Сами французы были уверены в том, что в 9.00 победа почти была у них в руках. Однако защитникам Семеновского удалось отразить эту сокрушительную атаку неприятеля, переломив кризисный момент сражения. Кутузов пытался найти объяснение «разжижению» (Ф. Н. Глинка) неприятельского фронта именно там, где он ожидал сильного натиска: французы, сбившись в колонну, ломились на самый край левого фланга, почему-то пренебрегая пустым пространством между батареей Раевского и деревней Семеновское. Наполеон же был удивлен открывшимся ему при солнечных лучах зрелищем. Его армия, по образному выражению очевидца, «наваливала» всей массой на левый фланг противника, правый фланг которого он увидел на том же самом месте, где и накануне, протянувшимся на север до линии горизонта. Созерцание величавой мощи правого крыла русских обескураживало Наполеона. Сомнения французского полководца изложены штабным генералом Ж. Пеле: «<...> Русские офицеры пренебрегли занять разветвление оврага, узел обороны. <...> Мы не могли воспользоваться этой небрежностью, потому что леса скрывали от нас расположение местности. Иначе с нашей стороны было бы важной ошибкой не связать массой пехоты атаки центра и левого крыла». Но именно это и случилось: неприятельские атаки центра и левого крыла русской позиции оказались не связаны между собой, в чем сам неприятель видел причину нерешительного исхода сражения.

Отечественная историография содержит немало упреков в адрес Кутузова, не торопившегося передвигать войска 2-го и 4-го пехотных корпусов. Принято считать, что эти соединения подоспели к месту боя лишь около 12.00, но последние исследования боевых действий на Старой

Смоленской дороге позволяют усомниться в этой «полуденной версии»⁹². Около 7.00 в Утицком лесу польские войска 5-го пехотного корпуса генерала Ю. Понятовского достигли расположения 3-го пехотного корпуса генерал-лейтенанта Н. А. Тучкова 1-го. Перед противниками стояли сходные задачи: «скрытое войско» Тучкова, по замыслу Кутузова, должно было неожиданно нанести удар по флангу неприятеля, атакующего войска Багратиона, а корпусу князя Понятовского предписывалось также внезапно обрушиться с фланга на Багратиона, содействуя фронтальным атакам Даву, Нея и Мюрата. Тучкову удалось остановить продвижение польского корпуса по Старой Смоленской дороге, предотвратив угрозу левому флангу русской позиции. После 9.00 маршал Ней узнал, что Понятовский не может поддержать фронтальный натиск наполеоновских войск на позицию русских у Семеновского. Более того, между войсками Нея и Даву, атакующими Семеновское, и корпусом Понятовского образовалось пространство, занятое русскими егерями, вступившими в оживленную перестрелку с поляками. Ней, чтобы обезопасить свой фланг, направил в лес части 8-го корпуса Жюно. Около 10.00 вестфальцы натолкнулись в лесу на части... 2-го пехотного корпуса генерал-лейтенанта К. Ф. Багговута! Это означает, что Рязанский и Брестский пехотные полки из корпуса Багговута прибыли с крайней правой точки русской позиции в крайнюю левую точку задолго до полудня! Что же тогда говорить о 4-м пехотном корпусе генерал-лейтенанта графа А. И. Остермана-Толстого, располагавшегося перед битвой на Новой Смоленской дороге, которому надлежало преодолеть менее двух верст для того, чтобы «залатать» фронт между батареей Раевского и Семеновским? Следовательно, если войска 2-го и 4-го корпусов и запаздывали, то отнюдь не на три часа, а их пребывание на правом фланге имело положительное влияние на ход битвы: во-первых, Наполеон посчитал нужным усилить корпус Богарне двумя пехотными дивизиями из корпуса Даву, который поэтому не смог взять с ходу флешу; во-вторых, французский полководец также не стал «отрывать» свой фланг от Новой Смоленской дороги.

Итак, в 9.00 французы не смогли реализовать возможность добиться победы; для русских воинов кризис сражения благополучно миновал, хотя им еще многое предстояло вынести в битве, которая развернулась по всему фронту от батареи Раевского до Старой Смоленской дороги. Пока наши войска в центре отражали атаку французов на батарею Раевского, а корпус Тучкова 1-го сдерживал натиск поляков и вестфальцев в Утицком лесу, Коновницын «устроил к бою» на высотах за Семеновским оврагом левый фланг, командование которым он передал генералу Дохтурову,

назначенному Кутузовым вместо князя Багратиона. В первой линии находились «в баталионных каре» полки лейб-гвардии Литовский и Измайловский, располагавшиеся южнее Семеновского, которое французы часто называли «сожженной деревней». К гвардейцам примкнула 3-я пехотная дивизия Коновницына и все, что осталось от многострадаальной пехоты 2-й армии князя Багратиона, более трех часов отстаивавшей «боковые реданты». Один из участников битвы вспоминал, как в это время к защитникам Семеновского прибыл с командного пункта Кутузова полковник К. Ф. Толь и обратился к малочисленной группе солдат, заступивших место у орудий вместо выбывших из строя артиллеристов: «Какого полку, ребята?» И получил ответ: «Вторая сводная гренадерская дивизия графа Воронцова». Позади пехоты, во второй линии находились кирасирские полки из корпуса князя Голицына 5-го и 4-й кавалерийский корпус генерал-майора К. К. Сиверса 1-го. Русские войска, покинув флешы, успешно преодолели Семеновский овраг, что свидетельствовало о том, что силы атакующего противника постепенно слабели. В особенности это касалось знаменитой неприятельской пехоты, той самой пехоты, которая, по словам М. С. Воронцова, «с первых годов революции насчитывала десять успехов на одно поражение и во всех отношениях изменила политическое положение Европы». После 10.00 на главные роли в битве заступила кавалерия Великой армии, до того времени находившаяся «в страдательном бездействии» под выстрелами русской артиллерии, «менявшейся смертью» с неприятелем. Более 200 орудий громили русскую позицию за оврагом, огонь русской артиллерии был не менее сокрушителен: генерал Коновницын «с необыкновенною быстротою устроил сильные батареи, которые неслись и стреляли; строились и стреляли; остановились и громили разрушительными очередными залпами». По словам иностранных историков, эта знаменитая «артиллерийская дуэль стала „фирменным знаком Бородинского сражения“». Между 10.00 и 11.00 неприятель вновь атаковал Семеновское. Обеспечить успех пехоты должен был 4-й кавалерийский корпус генерала Латур-Мобура, некогда бывшего послом в Константинополе, но атаки неприятельской кавалерии оказались недостаточно мощными. По словам неприятельских офицеров, «поле сражения было слишком тесно для огромного количества стиснутых на нем войск». Начальник штаба 2-й армии генерал Э. Ф. Сен-При, наблюдавший за происходящим, записал в Дневнике: «Тем не менее цель французов была достигнута, пехота их воспользовалась этой минутой беспорядка, чтобы овладеть деревней. <...> Все наше левое крыло построилось позади деревни...»⁹³ Укрепившись «на

плато у сожженной деревни», французы подвинули орудия через овраг, подвергая всю линию сокрушительному обстрелу. Гвардейские офицеры, выстоявшие «со сжатым сердцем» несколько часов на позиции у Семеновского, сознавались, «что уже не искали способа отражать наскоков французской кавалерии, прерывавших на время действия французских батарей. И кто поверит, что минуты этих разорительных наскоков были минутами отрады и отдыха!»⁹⁴. Захватив деревню, войска Даву и Нея, поддерживаемые кавалерией, «потянулись» к центральной высоте. Войска 4-го корпуса вновь собирались атаковать батарею Раевского, как вдруг Евг. Богарне получил известие об атаке русской конницы. Около 9.00 Кутузов принял предложение полковника Толя произвести «диверсию» силами кавалерийских корпусов генерал-лейтенанта Ф. П. Уварова и генерала от кавалерии М. И. Платова против правого крыла неприятеля. Между 12.00 и 13.00 кавалеристы Уварова и казаки Платова, переправившись через Колочу, показали севернее Бородина. Богарне приостановил атаку Большого редута, вернув часть своих войск на левый берег реки Колочи. Конечно, отряд силой в 2500 сабель вряд ли мог существенно повлиять на ход сражения, однако «развлек неприятеля», «несколько оттянув его силы, которые столь сильно стремились атаковать 2-ю нашу армию». Воины, сражавшиеся на нашем левом фланге, заметили, что на какое-то время им «сделалось легче дышать». Главным же следствием кавалерийского рейда явилось то, что неприятель на два часа приостановил атаку центра, позволив русскому командованию перегруппировать войска. Около 15.00 пехота Богарне двинулась в атаку на Большой редут, однако решающая роль в предстоящей схватке выпала на долю кавалерии. Неприятелю удалось сосредоточить здесь около 10 тысяч сабель. Русское командование спешно пыталось создать новый оборонительный рубеж с наличными силами: «ключ позиции» защищала 24-я пехотная дивизия генерал-майора П. Г. Лихачева, северо-восточнее редута в направлении деревни Горки располагались полки 7-й пехотной дивизии генерал-майора П. М. Капцевича, от редута до Семеновского, изогнувшись дугой, выстроился 4-й пехотный корпус Остермана-Толстого. «Бесподобная пехота» два часа находилась на равнине под перекрестным огнем и несла страшные потери, но «избежать этого важного неудобства», по словам Барклая, «было нельзя». Адьютант генерала Ермолова П. Х. Граббе предлагал русским воинам лечь на землю, чтобы уменьшить потери от артиллерийского огня, но они отказались, предпочитая встретить смерть стоя. Курганная высота осталась в руках французов. В жестоком штыковом бою почти полностью погибла дивизия П. Г. Лихачева, но неприятелю казалось, «что она и

мертвая продолжала защищать свой редут». Израненный штыками генерал Лихачев был взят в плен; со стороны неприятеля «остался в редуте» генерал О. Коленкур, пообещавший Наполеону, что будет там, живым или мертвым. После взятия редута на местности, прилежащей к укреплению, происходили ожесточенные кавалерийские бои, продолжавшиеся более двух часов. Адъютант Барклай де Толли В. И. Левенштерн вспоминал о грандиозной кавалерийской «сшибке» (20 тысяч сабель) в центре позиции: «Сражение перешло в рукопашную схватку: сражающиеся смешались, не было более правильных рядов, не было сомкнутых колонн, были только более или менее многочисленные группы, которые сталкивались одна с другой...»⁹⁵ Неприятельская кавалерия не раз бросалась в атаки на русскую пехоту 4-го и 6-го корпусов, которая, построившись в каре, отбивалась от нападений штыками и «стреляла одновременно со всех фасов».

В 17.00 артиллерийские залпы постепенно стали затихать. Русские войска, уступив неприятелю на левом фланге около 1,5 версты, до наступления темноты продолжали стойко удерживать оборону по линии Горки — Псареве — Утицкий лес и, главное, — не были разбиты. Ситуация в конце сражения, на наш взгляд, справедливо отражена в «Замечаниях на Бородинское сражение» начальника штаба 2-й армии Э. Ф. Сен-При: «Более пострадавшая 2-я армия была действительно ослаблена наполовину и во время сражения потеряла деревню, составлявшую ее левый фланг, и прикрывавшие его флеши, но линия армии не была прорвана, и ее левый фланг был только осажден назад: кроме того, вялость неприятельской атаки к вечеру, несмотря на выгоду его позиции, достаточно доказывала, что его потеря должна была быть очень значительной». Диспозиция Наполеона, если и была выполнена в смысле захвата перечисленных объектов русской обороны, не повлекла за собой главного следствия — разгрома и уничтожения русских войск. Артиллерийское прикрытие с русской стороны было не менее плотным и смертоносным, что вызвало у противника сомнения в целесообразности использования последнего резерва — гвардии. Ж. Пеле скептически оценивал шанс изменить ситуацию даже в случае использования этой элитной части войск: «Следовало ли вечером двинуть под страшным огнем императорскую гвардию, единственный резерв, не введенный в дело? Она могла быть истреблена прежде, чем дошла бы до неприятеля со своим грозным штыком. Она назначалась не для такого боя». Потери с обеих сторон были велики: русская армия потеряла 24–26 августа от 45 до 50 тысяч человек, а Великая армия — около 35 тысяч. Главную причину значительных потерь генерал К. Клаузевиц видел в плотности боевых

порядков русской армии, объясняемых необходимостью противостоять «лобовым» атакам наполеоновских войск: «Русская армия дралась в тот день в беспрецедентном по тесноте и глубине построении. Столь же тесно, а следовательно, примерно так же глубоко, построилась и французская армия. Этим объясняется сильное и упорное сопротивление русских. <...> Этим же объясняются и огромные потери людьми». Вопрос о потерях сторон на сегодняшний день является дискуссионным, так же как и ответ на другой вопрос, неизменно возникающий в связи с итогами Бородинской битвы: чья победа? Ни одна из противоборствующих сторон, как известно, не признала своего поражения, напротив, в обеих армиях было немало энтузиастов, уверенных в победе именно той армии, в составе которой им выпала честь сражаться.

На наш взгляд, неправомерно делать однозначные выводы о победе Великой армии, подсчитывая «очки», как в спортивном состязании, как то: захват села Бородина, захват флешей, захват Семеновского, захват батареи Раевского, отступление с поля боя, вступление в Москву и т. д. В этом случае абсолютно не учитываются причины, побудившие обе стороны вступить в сражение, и цели, которые в нем преследовались, сопоставление планов с достигнутыми результатами. Выше уже отмечалось, что Кутузов решился на генеральную битву по причинам «нематериального характера»: прежде всего он должен был поддержать моральный дух русских воинов, требовавших сражения. Вспомним также, что ко дню Бородина Кутузов не располагал сведениями ни о «депо второй линии», ни о фланговых армиях Тормасова и Чичагова, на содействие которых он должен был особенно рассчитывать. При любом исходе битвы он не мог развить успех без подкреплений. Как бы сложно ни было для Кутузова решиться на генеральное сражение, каких бы усилий и жертв ни потребовалось от него и от начальствуемой им армии, чтобы выстоять при Бородине, однако самое тяжелое предстояло ему потом, на следующий день после битвы. Это был день, когда после невероятного подъема патриотического духа, всех подвигов самопожертвования он вынужден был отдать приказ об отступлении. День без иллюзий, когда становился понятен смысл фразы, оброненной полководцем накануне: «Французы переломают над нами свои зубы, но жаль, что, разбивши их, нам нечем будет доколачивать»⁹⁶. Что бы ни происходило вокруг него 26 августа, он не позволял себе думать об этом завтрашнем дне, от которого зависела его репутация. Он в гневе отверг и прогнал от себя генерала Л. Вольцогена, который от имени Барклая при всех заговорил с ним об отступлении, когда неприятель сбивал с позиции наше левое крыло и прорывал центр. Старый воин понимал, что в эту

минуту отступать нельзя, можно только сражаться. Стоять насмерть, чтобы сохранить дух в войсках, не допустить разгрома, способного превратить его армию в толпу. Он вводил в бой все новые и новые резервы, будучи уверен, что русские должны выстоять прежде, чем он уведет их с позиции, ставшей «войскам неместною». Дальше удерживать ее за собой было невозможно, а главное, бессмысленно, так как не существовало ни одного условия, позволявшего развить успех. Он скрыл от своих соратников все расчеты и сомнения, чтобы они в бою не усомнились и чтобы «...чувство гордости быть Отечества защитником не имели славнейших примеров»⁹⁷. В отечественной историографии давно сложилась традиция: предъявлять М. И. Кутузову завышенные требования. Иностранные историки, оценивая способности русского полководца по результатам всей военной кампании 1812 года, почему-то к нему более снисходительны: «В действительности он был отличным стратегом, умелым тактиком, человеком проницательным, хитрым, настойчивым, обладал несокрушимым хладнокровием. Он блестяще проявил себя на службе Родине»⁹⁸.

Н. А. Троицкий полагает, что у Кутузова было определенное намерение защитить древнюю столицу. Исследователь пишет: «На деле Кутузов, как мы это видели (выделено мной. — Л. И.), считал при Бородине своей главной задачей „спасение Москвы“»⁹⁹. Вот этого-то мы как раз и не видели! Документы не представляют возможности однозначно судить о планах главнокомандующего русской армией при Бородине. Рапорт Кутузова от 23 августа, где фраза о намерении защищать Москву сопровождается вводными словами «не ручаюсь», «может быть», «как бы то ни было», на наш взгляд, позволяет сделать вывод, что Кутузов, решившись на генеральную битву, всегда считал своей «главной задачей» сохранить боеспособную армию. Едва лишь стихли залпы орудий, Кутузов обратился с одинаковым распоряжением к Барклаю и Дохтурову: «...Решился я сегодняшнюю ночь устроить все войско в порядок, снабдить артиллерию новыми зарядами и завтра возобновить сражение с неприятелем. Ибо всякое отступление при теперешнем беспорядке повлечет за собою потерю всей артиллерии». Главнокомандующий невольно проговорился о своих замыслах, когда счел нужным объяснить соратникам не причины отступления, а, напротив, намерение атаковать! Из этого документа явствует, что русские войска в сражении выстояли, коль скоро Кутузов, по необходимости, но вопреки своей воле, готов был вновь принять сражение. 27 августа Светлейший прямо писал государю: «<...> Когда дело идет не о славе выигранных только баталлий, но вся цель будучи

устремлена на истребление французской армии, ночевав на месте сражения, я взял намерение отступить 6 верст, что будет за Можайском, и собрав расстроенные баталиею войска, освежа мою артиллерию и укрепив себя *ополчением Московским*, в теплом уповании на помощь Всевышнего и на оказанную неимоверную храбрость наших войск увижу я, *что могу предпринять против неприятеля* (выделено мной. — Л. И.)»¹⁰⁰. Обратим внимание на выделенные фрагменты текста: речь идет о Московском ополчении, которого, как известно, не было, а конец фразы можно истолковать как угодно. 29 августа Кутузов, произведенный в фельдмаршалы, вновь обращается к государю: «<...> Должен отступить еще и потому, что ни одно из тех войск, которые ко мне для подкрепления следуют, ко мне еще не сблизились, а именно: три полка, в Москве сформированные под ордером генерал-лейтенанта Клейнмихеля, и полки сформированные князя Лобанова...»¹⁰¹ Как мы видели из документов, Кутузов очень конкретен в своих требованиях, касавшихся его дальнейших действий. Но 30 августа, то есть на следующий день, он получил ответ императора, который публикуется в сборниках не по дате получения, а по дате отправления 24 августа, что создает иллюзию того, что при Бородине полководец был уже в курсе того, о чем говорилось в документе: «<...> Нахожу необходимым, дабы вы формируемых полков под ведением генерал-лейтенанта Лобанова и генерал-лейтенанта Клейнмихеля в армию не требовали на первый случай. <...> Московская сила с приписанными к ней губерниями составляет до 80000 человек, кои, не переменив ни своего предназначения, ни одежды, могут весьма служить в армиях, даже быв размещены при регулярных полках»¹⁰². Трудно себе представить, что должен был пережить старый полководец, прочитав ответ императора, за день до которого он отправил письмо Екатерине Ильиничне: «Я, слава Богу, здоров, и не побит, а выиграл баталию над Бонапартием. Детям благословение».

От Москвы до Красного

Знаменитый военный теоретик Карл фон Клаузевиц утверждал, что победоносная битва должна завершаться стремительным преследованием неприятеля. «Арьергард дал время всем войскам сняться с лагеря и уже после полдня последовал за ними к Можайску, не выдав ни души неприятельской. Справедливо донес Кутузов в момент окончания сражения, что оно выиграно нами»¹⁰³, — вспоминал служивший при штабе А. А. Щербинин. Фридрих Великий утверждал, что после битвы армия, потерпевшая поражение, мало чем отличается от армии победившей. Битве при Бородине, результат которой был неопределенным, это высказывание соответствовало в полной мере. «Бесконечный ряд повозок, заваленных ранеными, огромная нить артиллерии, вышедшей из соразмерности с остатками армии, отдельные люди разных воротников, отыскивавшие свои полки, какое-то общее уныние после обманутых надежд, оглушенные после громового дня, отупление после таких потрясающих и торжественных ощущений; все это вместе навело на меня какое-то онемение всех чувств, почти бессмысленность. Незавидна в подобные дни судьба главнокомандующего, к тому же обязанного скрывать под личиною бесстрастия все в душе его происходящее! Кутузов должен был между Бородиным и Москвою выстрадать века целые!» — рассуждал впоследствии адъютант Ермолова П. Х. Граббе¹⁰⁴. Беннигсен и Барклай де Толли в один голос свидетельствовали: под прикрытием арьергарда армия брела в беспорядке, что если бы неприятель атаковал, то... У истории нет сослагательного наклонения. Неприятель не атаковал, и Кутузов, по-видимому, был уверен, что этого не произойдет: «Я из всех движений неприятельских вижу, что он не менее нашего утомлен». «Война вообще есть дело такта», — говорил один из участников той битвы. Михаил Илларионович тонко чувствовал, что повышать голос и строить в стройные ряды людей, которые за пятнадцать часов битвы оглохли от грохота орудий, на глазах которых «целые полки переселялись в вечность», было бы верхом бестактности. Он не переставал благодарить за службу солдат, проходивших мимо него, отирал платком слезы при виде раненых. Он вообще часто начинал свои обращения к войскам словом «товарищи», объединявшим всех, кто служил в русской армии — и солдат, и офицеров.

А. И. Михайловский-Данилевский вспоминал: «Первого сентября рано поутру Светлейший прибыл на Поклонную гору, откуда столица

представлялась со всеми своими прелестными окрестностями и бесчисленными колокольнями. Он сел, по своему обыкновению, на небольшую скамью; пехота, конница, артиллерия и ополчения медленно и в безмолвии тянулись по дороге, покрывали поля и выходили из лесов. Почетнейшие из генералов окружили главнокомандующего. Это была торжественная минута. Мы увидели здесь графа Ростопчина, который в первый раз приехал в армию. Многие из офицеров разыскивали позиции для сражения, потому что были еще в уверениях в скором времени встретиться с неприятелем, и на некоторых возвышениях возле Поклонной горы начали рыть укрепления. Но по обозрении местного положения оказалось, что оно пересекаемо глубокими и крутыми рвами, которые во время дела препятствовали бы переводить войска с одного места на другое, подкрепляя резервами ослабевшие отряды, и употреблять конницу. Позиция простиралась на четыре версты, пространство сие было слишком велико для армии, обессиленной Бородинским днем; позади оной находилась столица и Москва-река, имеющая крутые берега. Таким образом, в случае неудачи, армия была бы уничтожена и в невыгодном месте своего расположения, и во время переправы чрез Москву-реку, и при отступлении по пространнейшему городу Европы. Однако мысль пережить отдачу Москвы еще более была ужасна <...>»¹⁰⁵. Принц Евгений Вюртембергский, начальник 4-й пехотной дивизии, также поведал, каким ему запомнился главнокомандующий накануне оставления Москвы: «Кутузов молча слушал суждения генералов, его окружавших; нельзя было не заметить в нем душевного волнения. В самом деле, много требовалось решимости, чтобы, принимая на одного себя всю ответственность уступить неприятелю древнюю столицу империи, уступить вопреки мнению и народа, уступить после успешного, как полагали, боя, после отступления, совершенно добровольного, уступить, наконец, располагая еще войском. <...> Что касается до местности, которую занимало в это время войско, то она предсказывала поражение. Еще в 1810 году, находясь по обязанностям службы в Вильно, я пользовался расположением Кутузова, который был тогда в этом краю губернатором. Очень помню слова его, которыми он высказал свое решительное намерение — отступить. „В настоящем случае я должен положиться только на самого себя, каков бы я ни был, умен или прост“, — сказал мне Кутузов, вскакивая со скамейки, в ответ на взгляд, который устремил я на него, слыша общее разногласие»¹⁰⁶. Совершенно иным предстает Кутузов в Записках Ермолова: «В присутствии окружающих его генералов спросил он меня, какова мне кажется позиция?

Почтительно отвечал я, что по одному взгляду невозможно судить положительно о месте, назначенном для шестидесяти или более тысяч человек, но что весьма заметные в нем недостатки допускают мысль о невозможности на нем удержаться. Князь Кутузов взял меня за руку, ощупал пульс и сказал: „Здоров ли ты?“ Подобный вопрос оправдывает сделанное с некоторой живостью возражение. Я сказал, что драться на нем он не будет или будет разбит непременно»¹⁰⁷.

Наиболее неллицеприятное суждение в адрес Кутузова высказал московский генерал-губернатор граф Ростопчин: «Я нашел князя Кутузова сидящим и греющимся около костра; он был окружен генералами, офицерами Генерального штаба и адъютантами, прибывшими со всех сторон и испрашивающими приказаний. Он отсылал тех и других то к генералу Барклаю, то к Беннигсену, а иногда и к квартирмейстеру полковнику Толю, бывшему его фаворитом и достойному его покровительства. Кутузов встретил меня чрезвычайно вежливо и отвел в сторону, так что мы оставались наедине, по крайней мере, с полчаса. Тут-то мне впервые случилось беседовать с этим человеком. Беседа оказалась весьма любопытна в отношении низости, нерешительности и трусливости начальника наших армий, который должен был быть спасителем отечества. <...> Он объявил мне, что решился на этом самом месте дать сражение Наполеону. Я заметил ему, что местность позади позиции представляет довольно крутой спуск к городу, — что если несколько потеснят линию наших войск, то они вперемежку с неприятелем уйдут в улицы Москвы, — что вывести оттуда нашу армию не будет никаких средств и что он рискует потерять ее всю целиком. Он все продолжал уверять меня, что его не заставят сойти с этой позиции, но что, если бы по какому-либо случаю, должен был отступить, то направится на Тверь. На замечание мое, что там не хватит продовольствия <...> у Кутузова вырвались слова: „Но ведь надо прежде всего позаботиться о севере и прикрыть его“. Он имел в виду резиденцию Императора. <...> Я спросил, не думает ли он стать на Калужской дороге, по которой направляются все подвозы из внутренних губерний? Он отвечал мне уклончиво. <...> Он стал разговаривать о битве, которую готовится дать, прося, чтобы я через день приехал к нему с архиереем и обеими чудотворными иконами Богоматери, которые он хотел пронести перед строем. <...> Затем он просил меня прислать ему несколько дюжин бутылок вина и предупредил, что завтра еще ничего не будет»¹⁰⁸. Даже не будучи современником тех событий, можно догадаться о чувствах Светлейшего к Ростопчину, которые он при всей вежливости почти и не

скрывал. После неуместного «розыгрыша» со «100 тысячами молодцов» Михаил Илларионович поддерживал с ним разговор в соответствующем духе, не сказав ни слова правды о своих намерениях. Свидетельства генералов из «клана» недоброжелателей Кутузова основаны на догадках, домыслах и противоречат друг другу настолько, что становится очевидным, как мало он доверял своим «совместникам». Так, А. П. Ермолов сообщил: «Он (Кутузов) не остановился бы оставить Москву, если бы не ему могла быть присвоена первая мысль о том. Данная им клятва его не удерживала, не у преддверия Москвы можно было помышлять о бое, не доставало времени сделать необходимые укрепления; едва ли достаточно было, чтобы расположить армию. <...> 29-го числа августа им подписано повеление о направлении транспорта с продовольствием из Калуги на Рязанскую дорогу. Князь Кутузов рассказал мне разговор его с графом Ростопчиным и со всею простотою души своей и невинностью уверял меня, что до сего времени он не знал, что неприятель приобретением Москвы не снищет никаких существенных выгод и что нет, конечно, причин удерживать ее с чувствительною потерей и спросил, как я думаю о том? Избегая вторичного испытания моего пульса, я молчал. Но когда приказал он мне говорить, подозревая готовность обойтись без драки, я отвечал, что прилично было бы арьергарду нашему в честь древней столицы оказать некоторое сопротивление»¹⁰⁹. Москвич, отставной генерал екатерининского времени, князь Д. М. Волконский 31 августа записал в Дневнике: «Вечеру приехал я в армию на Фили, узнал, что князь Кутузов приглашал некоторых генералов на совещание, что делать, ибо на Поклонной горе драться нельзя, а неприятель послал в обход на Москву. Барклай предложил первой, чтобы отступить всей армии по Рязанской дороге через Москву. Остерман неожиданно был того же мнения противу Беннигсена и многих. Я о сем решении оставить Москву узнал у Беннигсена, где находился принц Вюртембергской и Олденбургской. Все они были поражены сею поспешностью оставить Москву, не предупредя никого»¹¹⁰. Как видим, принц Вюртембергский в отличие от того, что он рассказывал в Записках, не сразу оценил, что «местность предсказывала поражение». Предупреждать Ростопчина об оставлении Москвы было опасно, принимая во внимание его желание предать «город пеплу».

1 сентября состоялся памятный совет в Филях. «Генерал барон Беннигсен, известный знанием военного искусства, более всех современников испытанный в войне против Наполеона, дал мнение атаковать, подтверждающее изложенное мною. Уверенный, что он основал

его на вернейших расчетах правдоподобия в успехе, или, по крайней мере, на возможности не быть подавленным в сопротивлении, много я был ободрен им <...>», — вспоминал А. П. Ермолов, попавший в затруднительное положение во время создания своих Записок. Зная последующий ход событий, ему хотелось выглядеть одновременно и сторонником «битвы у стен Москвы», и тем, кто был причастен к ее оставлению неприятелю: «Военный министр призвал меня к себе, с отличным благоразумием, основательностью истолковал мне причины, по коим полагает он отступление необходимым, пошел к князю Кутузову и мне приказал идти за собою. <...> Князь Кутузов, внимательно выслушав, не мог скрыть восхищения своего, что не ему будет присвоена мысль об отступлении, и желая сколько возможно отклонить от себя упреки, приказал к восьми часам вечера собрать генералов на совет»¹¹¹. Поразительно то, что за давностью лет Алексей Петрович уже позабыл, что главная полемика разыгралась не между Кутузовым и Беннигсеном, а между Беннигсеном и Барклайе де Толли! Более того, генерал Беннигсен в разговоре с А. И. Михайловским-Данилевским впоследствии полностью опроверг «отличное благоразумие» своего оппонента: «Что касается до Барклая, то я вывел его в люди, я был полковником и командовал Изюмским полком, в котором он был поручиком. Он тогда уже отличал себя хорошим поведением: я рекомендовал его принцу Ангальту, который взял его к себе в адъютанты, а после смерти его Барклай почти во всех походах находился под моим начальством. Он хороший исполнитель, но не имел ни малейших военных способностей („il n'avait pas le mondre genie militaire“). В начале войны 1812-го года Государь приказал мне находиться при Главной квартире. Я был свидетелем всех военных советов, но никогда не слышал, чтобы Барклай имел собственное мнение. Надобно от природы получить дар начальствовать армиею; учением способности сей приобрести нельзя»¹¹². Беннигсен же опроверг мнение Ермолова о том, что Кутузов, чтобы оправдаться перед государем, был занят поиском того, на кого он смог бы свалить ответственность за оставление Москвы без боя. «Князь Кутузов решил, наконец, вопрос своей властью, высказав свое твердое желание отступать. Когда я увидел, что решение сдать Москву без боя было принято до Военного совета, что мнение, высказанное генералами, не заносилось даже в протокол и что на совет не был приглашен московский генерал-губернатор граф Ростопчин, тогда как его уверяли еще в тот день утром, что столицу будут защищать до последней крайности, то я решил уехать из совета»¹¹³. Генерал Н. Н. Раевский,

поддержавший мнение главнокомандующего, не сомневался, что Кутузов принял на себя бремя тяжкой ответственности: «<...> Войска наши не довольно привычны к наступательным движениям, и потому мы можем на малое только время замедлить вторжение неприятеля в Москву; что отступление после битвы чрез столь обширный город довершит расстройство нашей армии; что не от Москвы зависит спасение России; что, следовательно, более всего следует сберечь войска и что мое мнение: оставить Москву без сражения; что я говорю как солдат, но что, впрочем, князю предоставлено судить о влиянии на умы, которое произведет известие о взятии Москвы и о важности сего события в политическом отношении. Князь уже, конечно, принял свое намерение, не мое мнение решило его выбор. Он отвечал мне по-французски следующее: „Знаю, что ответственность падет на меня. Но жертвую собою для блага Отечества. Повелеваю отступить“». Князь А. Б. Голицын также сообщил подробности, касающиеся того, о чем говорил Светлейший на военном совете: «Но когда Толь подал мысль стать на Воробьевых горах параллельно дороге Калужской, чтобы избегнуть отступления городом, предполагая в том более трудностей, нежели их могло быть, Кутузов, опровергая его, сказал: „Вы боитесь отступления через Москву, а я смотрю на это как на Провидение, ибо оно спасает армию. Наполеон подобен быстрому потоку, который мы сейчас не можем остановить. Москва — это губка, которая его всосет в себя“». А. Б. Голицын засвидетельствовал досаду Кутузова на своего любимого ученика, показав, что мнения их далеко не всегда совпадали, и судить «по Толю» о замыслах и расчетах Кутузова было бы недальновидно. Свидетельства всех участников событий, пересекавшихся с фельдмаршалом в эти тягостные для него дни, рисуют перед нами сразу несколько психологических портретов Михаила Илларионовича. Совершенно очевидно, что кто-то из соратников Кутузова вызывал у него большую симпатию (Н.Н. Раевский, Евг. Вюртембергский), кто-то меньшую (А. П. Ермолов, М. Б. Барклай де Толли), были и такие, кто откровенно раздражал его (Ф. В. Ростопчин, Л. Л. Беннигсен), но обстоятельства складывались так, что рассчитывать на его откровенность не мог никто. Он разыграл перед ними несколько ролей, потрясая собеседников «чрезвычайным природным умом», «наивным простодушием» и даже «низостью». Окружавшие его сослуживцы были людьми страстными и пристрастными. Военный историк А. И. Михайловский-Данилевский впоследствии засвидетельствовал показательный пример «аберрации сознания» у людей, близких к Кутузову: «Думать надобно по причинам, которые здесь не у места излагать, что

Кутузов решился сдать Москву прежде, нежели о том было рассуждаемо в Военном совете в Филях, и что он совет сей собирал для того, чтобы на предбудущее время, в случае неудачного окончания войны, иметь менее ответственности. Как бы то ни было, но Беннигсен, Толь, Мишо и Кроссар уверяли меня каждый порознь, что по их совету отступили от Москвы, и дали мне честное слово, что именно по их настоянию пошел Кутузов по Рязанской дороге и оттуда на Калужскую. Бывший генерал-квартирмейстер Второй армии Вистицкий в Записках своих о сем походе, которые я имел случай читать, утверждает, что он подал о сем мысль». А ведь еще, как мы помним, были Барклай де Толли с его «Оправдательными письмами», А. П. Ермолов со своими Записками... В тот нескончаемый день 1 сентября Кутузов, вероятно, с нетерпением ожидал окончания военного совета, чтобы остаться, наконец, в одиночестве и обдумать основательно все, что ему предстояло.

Оставление Москвы, безусловно, явилось самой горестной и трагической страницей «русского похода». В числе первых, кто узнал о драматическом исходе военного совета в Филях, постановившего «уступлением» древней столицы неприятелю спасти армию, оказался адъютант М. И. Кутузова — А. И. Михайловский-Данилевский: «По окончании совещания, определение коего мне еще было неизвестно, Светлейший призвал меня к себе в избу. Я застал его, сидевшего одного подле маленького столика. „Напиши, — сказал он мне, — к графу Ростопчину, что я завтра оставляю Москву, — и когда я посмотрел на него с выражением величайшего удивления, то он с жаром сказал: — что ты на меня смотришь, разве ты не слышишь, что я тебе приказываю написать Ростопчину?“ Я не могу изъяснить чувств, мною овладевших тогда; я старался их выразить в истории моей сего похода, а здесь скажу только, что мы весь вечер ходили взад и вперед по деревне Филям, плакали, как дети, и только что не предавались отчаянию»¹¹⁴. Нравственные же терзания русских офицеров — людей чести, которые не смогли остановить французов у самых стен Москвы, казалось, будут продолжаться бесконечно. За день до вступления армии Наполеона в Москву А. В. Чичерин поместил в Дневнике крик души: «Прочь печальные и мрачные мысли, прочь позорное уныние, парализующее возвышенные чувства воина! Не хочу верить злым предвещаниям, не хочу слушать досужих говорунов, которые ищут повсюду только дурное и, кажется, совершенно не способны видеть ничего прекрасного. Пусть нас предали, я еще буду сражаться у врат Москвы и пойду на верную гибель, хотя бы и для того, чтобы спасти Государя. Я не усташусь никаких опасностей, я брошусь

вперед под ядра, ибо буду биться за свое Отечество, ибо хочу исполнить свою присягу и буду счастлив умереть, защищая свою Родину, Веру и правое дело...»¹¹⁵

Проникновенно описал внутреннее состояние полководца П. Х. Граббе: «2 сентября наступил для Москвы в продолжение веков и для Кутузова на пределах жизни самый страшный их день. Кутузов оставлял Москву на жертву ослепленному завоевателю, на его гибель, и сам в слепоте человечества, в глубокой горести не видел парящего над собою гения России с венком бессмертия за подвиг великой решимости. Конечно, легче было, уступая общему порыву, дать под Москвой сражение и погибнуть с нею вместе. И тут была слава!»¹¹⁶ Как-то так повелось в отечественной историографии не особенно размышлять над тем, что должен был пережить полководец, решившийся на склоне дней на этот шаг. Его оппоненты в лице Беннигсена, Барклая, Ростопчина, Ермолова видели в его должности только сопряженные с ней почести и, конечно, с трудом переносили триумф Светлейшего в конце военной кампании. В их повествованиях Кутузов неизменно предстает бесчувственным и лживым стариком, которому ничего не стоило отдать приказ о сдаче Москвы. Без сомнения, Кутузов отдавал себе отчет в последствиях принятого им более чем непопулярного решения. Армия, с восторгом и надеждой встретившая его прибытие, вполне могла отказать ему в доверии после потери Москвы, а государь, назначив его против собственной воли, сместить с высокого поста, после чего у него уже не будет шанса оправдаться ни перед ним, ни перед Отечеством, ни перед потомством. Адъютант фельдмаршала И. Н. Скобелев вспоминал, как получил гневный и полный язвительного сарказма выговор от полководца, в присутствии которого он позволил себе бестактную выходку — тяжело вздохнуть по поводу оставления Москвы: «Вы, верно, думаете, что я без вас не знаю, что положение мое именно то, которому не позавидует и прапорщик? У меня более всех причин вздыхать и плакать, но ты не смог придумать ничего хуже, как грустить перед лицом человека, с именем которого настоящий случай пройдет ряд многих веков и которому, ежели бесполезны утешения, еще менее нужны вздохи!» Светлейший мог отправить пространное письмо своим близким, где он пожаловался бы на судьбу и излил бы душу, поведав все, что он думал о начальном плане войны, о Барклае де Толли в роли главнокомандующего, о потере Смоленска, об армии, вышедшей из-под контроля военного министра, и т. д. Одним словом, поступить так, как это беззастенчиво делали его недоброжелатели в Главной квартире. Он же отправил жене 3

сентября краткую записку, из которой следует, что он не изменил себе и в этом испытании: «Я, мой друг, слава Богу, здоров и, как ни тяжело, надеюсь, что Бог все исправит»¹¹⁷. Любимый адъютант Кутузова К. А. Дзичканец, принимая во внимание возраст и здоровье обоих супругов, от себя решил успокоить жену своего начальника: «Князь Михаила Ларионович, слава Богу, здоров. Новости, которые Ваша Светлость получите, не должны вас огорчать. Давно к сему надо было приучить, Москва не наша. По нещастию нельзя было еще раз подраться. Но унывать не надо — Бог даст, будет праздник и на нашей улице. Имел бы много, что сказать Вашей Светлости. Но было бы начать, в 24 томах инфолио не кончил бы — время столько нет. Пользы никакой и потом трудно. Как добрые христиане надеемся, что Бог нам поможет и все дела пойдут хорошо»¹¹⁸.

Труднее, конечно, было объясняться с государем, в рапорте которому от 4 сентября Светлейший сообщал: «Хотя не отвергаю того, чтобы занятие столицы не было раною чувствительнейшею, но, не колеблясь между сим происшествием и теми событиями, могущими последовать в пользу нашу с сохранением армии, я принимаю теперь в операцию со всеми линиями, посредством которой, начиная с дорог Тульской и Калужской, партиями моими буду пересекать всю линию неприятельскую, растянутую от Смоленска до Москвы, и тем самым отвращая всякое пособие, которое неприятельская армия с тыла своего иметь могла, и обратив на себя внимание неприятеля, надеюсь принудить его оставить Москву и переменить свою операционную линию»¹¹⁹. Покидая Москву, Кутузов старался лишний раз не встречаться ни с населением, ни с войсками. «<...> въехав в город, обратясь к свите своей сказал: „кто из вас знает Москву?“ Я один явился. „Проводи меня так, чтоб сколько можно, ни с кем не встретились“, — рассказывал князь А. Б. Голицын, служивший при штабе главнокомандующего. Михаил Илларионович ехал верхом от Арбатских ворот по бульварам Яузского моста. Прапорщик квартирмейстерской части А. А. Щербинин рассказывал: «Я нашел Кутузова у перевоза через Москву-реку по Рязанской дороге. Я вошел в избу его по той стороне реки. Он сидел одинокий, с поникшею головою, и казался удручен»¹²⁰. Главнокомандующий недолго пребывал в уединении и вскоре показался «на людях». Князь А. Б. Голицын вспоминал: «Первый раз зарево Москвы было нам так видно; Кутузов сидел и пил чай, окруженный мужиками, с которыми говорил. Он давал им наставления, и когда с ужасом говорили они о пылающей Москве, он, ударив себя по шапке, сказал: „Жалко, это правда, но подождите, я ему голову проломаю“»¹²¹. Государь император

пока не получил от него ни строчки, на несколько дней потеряв свою армию из виду. Более того, 31 августа император направил Кутузову разработанный в Петербурге план наступательных действий, предусматривавший полное окружение и разгром неприятельских сил. Этот документ Светлейший получил раньше, чем письмо, где Александр I деликатно потребовал отчет о «причинах к столь несчастной решимости». На марше между Рязанской и Тульской дорогами главнокомандующий прочел письмо государя: «Князь Михаил Ларионович! С 29 августа не имею я никаких донесений от вас. Между тем от 1 сентября получил я через Ярославль от Московского главнокомандующего печальное извещение, что вы решились с армиею оставить Москву. Вы сами можете вообразить действие, какое произвело сие известие, а молчание ваше усугубляет мое удивление»¹²². Зато государь получил письмо от графа Ф. В. Ростопчина от 8 сентября, текст которого многое сказал Александру о московском генерал-губернаторе: «Всюду каверзы. Беннигсен добивается главного начальства. Он только и делает, что отыскивает позиции в то время, когда армия в походе. Он хвастает тем, что один говорил против оставления Москвы, и хочет выпустить о том печатную реляцию. <...> Барклай подал голос за оставление Москвы неприятелю и тем, может быть, хотел заставить забыть, что, благодаря его поспешности, погиб Смоленск. Князя Кутузова больше нет — никто его не видит; он все лежит и много спит. Солдат презирает его и ненавидит. Он ни на что не решается: молоденькая девочка, одетая казаком, много занимает его. Покинув Москву, он отправился на Коломенскую дорогу, чтобы прервать сообщения неприятеля с Смоленском и воспользоваться запасами, накопленными в Калуге и Орле. Он даже думает дать сражение, но никак не решится на него. Довод у него тот, что надо сберегать армию; но если она должна все отступать, то он ее вскоре лишится. <...> Было бы необходимо для предотвращения мятежа отозвать и наказать этого старого болвана и царедворца. Иначе произойдут неисчислимы бедствия. <...> Вот другой раз общественное мнение обманулось в своем выборе. Каменский рехнулся, а Кутузов, старая баба-сплетница, потерял голову и думает что-нибудь сделать, ничего не делая»¹²³. Граф Ростопчин был взбешен тем, что Светлейший категорически отказывался встречаться с ним и посвящать в свои планы. Михаил Илларионович всегда считал, что «даже подушка не должна знать мыслей полководца», а уж болтливый и неуравновешенный «сумасшедший Федька», как называла Ростопчина Екатерина II, тем более не годился ему в советчики. Ростопчину казалось, что он вправе писать

государю подобные письма. Более того, зная о неприязни императора к Кутузову, он считал, что этим письмом он предопределил падение Светлейшего, неожиданно просчитавшись в своих расчетах. Во-первых, Александр терпеть не мог вольностей по отношению к себе, и развязный тон письма его покоробил. Во-вторых, несмотря на продолжавшиеся многочисленные споры с Кутузовым, государь стал меняться по отношению к нему: он по-прежнему не доверял Михаилу Илларионовичу, но он научился слушать старого полководца, что явствует из письма графу П. А. Толстому: «Причина сей непонятной решимости остается Мне совершенно сокровенна, и Я не знаю, стыд ли России она принесет или имеет предметом уловить врага в сети».

Сам ли полководец наметил сделать переход на Калужскую дорогу или принял хороший совет — не имеет значения, потому что выбор и ответственность все равно лежали на нем, а не на советчиках. Кутузов мог с самого начала выбрать это направление, но делать вид, что рассматривает и другие варианты. Успешно осуществленное фланговое движение армии с Рязанской на Старую Калужскую дорогу было бы слишком большой удачей, и полководец, что называется, опасался «сглаза». Фельдмаршал стремился скрыть от неприятеля свои передвижения и более всего опасался быть атакованным на марше. А. А. Щербинин рассказывал о бесчисленных предосторожностях, предпринимаемых офицерами квартирмейстерской части в период отступления по Рязанской дороге: «От одного лагерного пункта до другого совершали мы путь ночью, ожидая на каждом шагу, особенно в деревнях, через кои пролегал путь, попасться неприятельской партии. Не доезжая до деревень, мы посылали казака подползти к крайней избе и выманить крестьянина, чтобы удостовериться, нет ли французов. Нигде о них и слуху не было»¹²⁴. А дальше произошло вот что: «Переправившись через реку Москву у Боровского перевоза, своротили мы с большой дороги и потянулись направо. Опять произошло недоумение: куда нас ведут? Впрочем, вскоре все начало объясняться; а когда пришли в город Подольск, где фельдмаршал сделал смотр армии, то стали уже говорить с уверенностью, что идем на Калужскую и даже Смоленскую дорогу отрезывать путь французам. Все обрадовались: „так вот зачем отдали французам Москву!.. Это их нарочно заманили в западню!“ Начали расхваливать фельдмаршала на все лады; солдаты даже не слишком деликатничали: „Ай-да старик Кутузов! Поддел Бонапарта, как тот ни хитрил!.. Кутузов — тертый калач, Кутузов — старый воробей!..“ и тому подобное»¹²⁵. Французский генерал Ф. де Сегюр, автор знаменитого

«Похода в Россию», признавал: «Кутузов, покидая Москву, увлек за собой Мюрата в Коломну, к тому месту, где Москва-река пересекает дорогу. Под покровом ночной темноты он внезапно повернул к югу, чтобы, пройдя через Подольск, остановиться между Москвой и Калугой. <...> В эту торжественную минуту Кутузов объявил твердым и благородным голосом своему Государю о потере столицы. Он сказал ему, что для сохранения южных провинций, житниц России, и поддержания сообщения с Тормасовым и Чичаговым он вынужден был покинуть Москву, оставленную своими жителями, которые составляли ее жизнь. Однако народ везде составляет душу Империи, и там, где находится русский народ, там и будет Москва и вся русская Империя! <...> Мы не можем судить о наших врагах иначе как на основании фактов. Таковы были их слова, и действия соответствовали им. Товарищи, отдадим им справедливость!»¹²⁶ Не полагаясь, однако, на «твердый и благородный тон» рапорта Светлейшего от 4 сентября, Александр I передал его 10 сентября на рассмотрение «Комитета гг. Министров». Первые сановники империи пришли к выводу, что донесения главнокомандующего «не представляют той определительности и полного изображения причин, кои в делах столь величайшей важности необходимы и что сие поставляет правительство в невозможность основать свои заключения». Комитет министров высказал пожелание ознакомиться с «протоколом того совета, в коем положено было оставить Москву неприятелю без всякой защиты». Императору же предлагалось, «чтобы предписание Главнокомандующему было сделано не в виде какого-либо неприятного замечания, но единственно в помянутых сведениях от него надобности». Александр I, невзирая на советы воздержаться от «неприятных замечаний», счел нужным указать Кутузову: «...Вспомните, что вы еще обязаны ответом оскорбленному Отечеству в потере Москвы». Однако правительство менее всего склонно было винить в бедствиях, обрушившихся на Россию, главнокомандующего и армию. Настроения в Северной столице переданы в раздраженном письме Н. М. Лонгинова, секретаря императрицы Елизаветы Алексеевны, графу С. Р. Воронцову: «Если бы с [самого] начала дали команду Кутузову или посоветовались с ним, [то] и Москва была бы цела и дела шли иначе. <...> С часу на час ожидаем теперь о случившемся в армии с 4-го числа известий. Они должны быть важны и решительны. Одно к утешению нам остается, что Государь и не думает о мире...»

Итак, русские войска неожиданно для противника свернули с Рязанской дороги, двинулись вдоль берега реки Пахры, затем пересекли Каширскую и Тульскую дороги и в конце сентября заняли прочную

фланговую позицию при селе Тарутине на Калужской дороге. Знаменитый фланговый марш на Калужскую дорогу удался нам настолько, что даже неприятель не мог не оценить этого успеха, «решившего участь кампании». Дорогой происходили препирательства между Кутузовым и генералом Беннигсеном, постоянно настаивавшим на том, чтобы Светлейший дал сражение неприятелю между Красной Пахрой и Подольском. Военный историк Д. П. Бутурлин, в 1812 году служивший при штабе, отмечал: «<...> Фельдмаршал был прав, не желая сражаться между Красной Пахрой и Подольском. Если бы счастье повернулось против нас, то неприятель мог бы отрезать нас от Калуги и отбросить на Верею и Можайск! С этой минуты кампания была бы для нас потеряна»¹²⁷. А. Б. Голицын вспоминал: «Кутузов часто обвинялся за то, что он избегал дать сражение для разбития авангарда французской армии и в такое время, когда это было плодом самых глубоких размышлений и соображений его. Когда армия ретировалась от Красной Пахры по Старой Калужской дороге, то существовала еще во всех движениях обеих армий большая неопределительность. Наполеоново движение ничего решительно не обнаруживало; русская же армия, имея целью защищать южные провинции и получать продовольствие и подкрепления свои, также держала Кутузова в неведении о будущих действиях ее; все соображения такой небывалой кампании развивались с каждым днем. Достигнута была одна цель: настоящая безошибочная центральная операционная линия, которая преимуществом своим ободряла всех и давала Кутузову вернейшие надежды о будущих успехах. В таком положении сие заставило решиться последовать совету Беннигсена, чтобы атаковать авангард французской армии, как вдруг донес Толю подполковник Гартинг, что под Тарутином есть позиция, на которой можно будет дать сражение и твердо ожидать неприятеля. Простое извещение сие заставило Кутузова велеть продолжать ретироваться, чем огорчил чрезвычайно Беннигсена. Понимать надобно (из слов Беннигсена), что он некоторым образом вынудил Кутузова дать слово на наступательное действие. Выиграть время и усыпить, елико можно долее, Наполеона, не тревожа его из Москвы, вот чего добивался Кутузов. Все, что содействовало к цели сей, было им предпочтительно пустой славе иметь некоторую поверхность над авангардом. В день осмотра позиции, которая вполне удовлетворила плану кампании Кутузова, старик был очень весел и в первый раз расчел важность предстоящей зимней кампании: он позвал Толя и Коновницына и тут же отдал приказ, чтобы губернаторам велеть снабдить полушубками всю армию. Он сидел на скамейке, пил чай и диктовал подробности сего распоряжения и много говорил о будущей

зимней кампании, каким образом надобно беречь людей»¹²⁸.

«Между тем армия расположилась в Тарутине, сем оплоте России, а главная квартира перешла в деревню Леташевку. Мы провели там последние десять дней сентября и начало октября. Здесь составлялись предположения, потрясшие цепи, коими была вселенная скована, и я всегда буду помышлять с особенным чувством гордости, что в сие время я был доверенною особою Кутузова, Коновницына и Толя, что часто я имел счастье находиться при совещаниях их и что они мне поручали писать о тех мероположениях, которые они признавали за нужные, — вспоминал А. И. Михайловский-Данилевский. — Сколько я научался делам и познанию людей и какую приобрел опытность в несколько недель! Я думаю, что в то время, которое я проводил у фельдмаршала, читая ему сочиненные мною бумаги, которые он исправлял и давал мне между тем свои советы и наставления, я почерпнул столько всякого рода сведений, сколько в обыкновенное время приобретается годами»¹²⁹. Сознавая, что затишье будет недолгим, все готовились к зимнему походу. И. Р. Роджицкий вспоминал: «Почти целые две недели мы жили спокойно в Тарутинском лагере. Нас укомплектовали рекрутами, лошадьми, зарядами, снабдили тулупами, сапогами; удовлетворяли сухарями, а лошадей — овсом и сеном вволю; тут выдали нам жалование, а сверх того нижние чины за Бородинское сражение награждены были по 5 рублей ассигнациями. Откуда что явилось! Из южной России к Тарутинскому лагерю везли по всем дорогам всякие припасы». Вероятно, «золотые дни» при Тарутине особенно запомнились русским офицерам и тем, что командование во главе с Кутузовым не настаивало на строгом соблюдении всех формальностей службы, предоставив войскам возможность восстановить силы после бородинского кровопролития: «Киверов мы тогда не надевали. Тогда пехотным и артиллерийским офицерам не полагалось носить усы, но многие по своей фантазии их запустили. Начальство смотрело на все это снисходительно. Оно заботилось больше о том, чтобы все были довольны и веселы. <...> Эти, по-видимому, вольности нисколько не нарушали порядка и дисциплины, которая строго наблюдалась»¹³⁰. По рассказу М. М. Петрова, «высланные тогда в свое время в тыл французов залетные наши партизаны — ген. — майор Дорохов, полковник князь Кудашев, подполковник Д. Давыдов, капитаны Фигнер, Сеславин и многие другие из регулярных кавалеристов и из донских удалых налетов, врываясь во все удобные места займища нечистой вражьей силы, душили и арканили незваных гостей московского царства, так что каждый день приводили их в

д. Леташевку из разных мест Подмоскovie от 100 до 300 и более человек пленными...»¹³¹. «Малая война с большими преимуществами», как назвал Кутузов действия «армейских партий», которые по его приказу отправлялись в тыл, действуя на коммуникацию Наполеона, перехватывая почту и продовольствие, уничтожая партии мародеров.

21 сентября Светлейший получил письмо из Москвы: «Князь Кутузов! Посылаю к Вам одного из моих генерал-адъютантов для переговоров о многих важных делах. Хочу, чтоб Ваша Светлость поверили тому, что он Вам скажет, особенно, когда он выразит Вам чувства уважения и особого внимания, которые я с давних пор питаю к Вам. Не имея сказать ничего другого этим письмом, молю Всевышнего, чтоб он хранил Вас, князь Кутузов, под своим священным и благим покровом. Наполеон»¹³². Можно себе представить, что испытал Кутузов, пробежав глазами текст письма. Нет, он не ошибся в своих расчетах: неприятель в Москве, но он уже у него в руках. Как полководцу, ему еще предстоит много работы, но как дипломат, Светлейший уже выиграл эту войну! Теперь главным было то, чтобы кто-нибудь не помешал ему своими неумелыми действиями, а таких при Главной квартире хватало.

23 сентября весь тарутинский лагерь всколыхнула новость: «Лористон приехал к фельдмаршалу в Тарутино, куда выдвинуты были войска, в походном параде устроенные; весело было в лагере: музыка играла, песенники пели». К прибытию гостя Светлейший приказал разжечь как можно больше костров, варить кашу с мясом для того, чтобы неприятельскому генералу было о чем поведать императору Наполеону. По воспоминаниям А. И. Михайловского-Данилевского, «фельдмаршал, который обыкновенно ходил в сюртуке, нося через плечо португепю и нагайку, надел при сем случае мундир, вышел на улицу, и когда нас собралось вокруг него довольно много, то он сказал нам: „Господа, я вас прошу с французскими офицерами, которые приедут с Лористонем, не говорить ни о чем другом, кроме о дожде и о хорошей погоде...“»¹³³. Кутузов позаботился о том, чтобы обстоятельства этой встречи, переданные им в письме государю, стали известны всем русским офицерам: «Лористон <...> предлагал размену пленных, в которой ему от меня отказано. А более всего распространился об образе варварской войны, которую мы с ним ведем; сие относительно не к армии, а к жителям нашим, которые нападают на французов, поодиночке или в малом числе ходящих, поджигают сами дома свои и хлеб, с полей собранный, с предложением неслыханные такие поступки унять. Я уверял его, что, ежели бы я и желал переменить образ

мыслей сей в народе, то не мог бы успеть для того, что они войну сию почитают, равно как бы нашествие татар, и я не в состоянии переменить их воспитание. Наконец, дошед до истинного предмета его послания, то есть говорить стал о мире, что дружба, существовавшая между Вашим Императорским Величеством и императором Наполеоном, разорвалась несчастливым образом по обстоятельствам совсем посторонним и что теперь мог бы еще быть удобный случай оную восстановить. Неужели эта необычная, эта неслыханная война должна длиться вечно? <...> Я отвечал ему, что никакого наставления на сие не имею, что при отправлении меня к армии и название мира ни разу не упомянуто»¹³⁴. При встрече с посланцем Наполеона, по мнению соратников, «Кутузов проявил весь свой ум (у него было его много) и лукавство, которым он в высшей степени отличался»¹³⁵. Ермолов также с явным удовольствием вспоминал об этом первом случае торжества «во стане русских воинов»: «В самое это время между прочими и я находился в квартире Кутузова, но всем нам приказано выйти. После носилась молва, будто князь обещал довести о том до сведения Государя положить конец войне, долженствующей возгореться с большим против прежнего ожесточением. Хитрый военачальник уловил доверчивость посланного, и он отправился в ожидании благоприятного отзыва. Таким образом дано время для отдохновения утомленным войскам, прибыли новонабранные и обучались ежедневно, кавалерия поправилась и усилена, артиллерия в полном комплекте». Впоследствии Кутузов сообщил некоторые забавные обстоятельства беседы с Лористоном графу де Боволье, попавшему в плен: «„Он (Наполеон) хотел начать переговоры и прислал ко мне одного из своих адъютантов, генерала Лористона, которому была уже как-то поручена подобная миссия. Ну, пока Наполеон будет присылать таких дипломатов, мне не трудно будет противодействовать его намерениям“. При этом Кутузов рассказал, что в первое свое свидание с Лористоном французский генерал сказал ему: „Не думайте, однако, что Наполеон желает мира с русским Императором вследствие несчастных событий в Испании или вследствие заявленного англичанами проекта о высадке на западных берегах Франции — вовсе нет: мы войдем в Мадрид, когда только захотим, и англичане никогда не посмеют высадиться на французскую землю! В этом случае все французы встанут как один человек, и океан будет могилою англичан“. Вскоре затем Кутузов навел разговор на дела в Испании и на угрозы англичан. Лористон крайне удивился: „Откуда вы знаете эти подробности?“ — „Да от вас же, генерал; прежде я их не знал“, — отвечал Кутузов»¹³⁶.

Дни безмятежного пребывания в тарутинском лагере были сочтены, приближалась военная страда. «После того, как армия наша совершенно отдохнула и пополнена была в Тарутинском лагере, стали помышлять о начатии военных действий. В непродолжительном времени открыли, что неприятельский авангард, находившийся против нас при речке Чернишне, стоял в великой оплошности, почему были делаемы различные предложения фельдмаршалу напасть на оный», — рассказывал А. И. Михайловский-Данилевский. Светлейший согласился открыть боевые действия внезапной атакой, сам сделал распоряжения. По словам А. А. Щербинина, «на другое утро Главнокомандующий въехал в лагерь, полагая найти войско под ружьем. Но сколь велико было удивление и негодование его, видя, что люди раздетые лежат на биваках. Иные варят кашу, другие поют. Кутузов был чрезвычайно вспыльчив. Толь, узнав наперед, что диспозиция не дошла до войск, предвидел бурю и остался в Леташевке»¹³⁷. Из рассказа А. А. Щербинина явствует, что «3 октября был призван в Главную квартиру Ермолов, начальник штаба главной армии. Ему открыл Коновницын, что на другой день назначена атака и что он вскоре получит диспозицию фельдмаршала для рассылки приказаний корпусным командирам. Коновницын просил Ермолова подождать полчаса, что ему самому вручится диспозиция по рассмотрении фельдмаршалом, к которому спешил Коновницын. Но Ермолов не захотел ждать, извиняясь приглашением, полученным им в тот день к обеду от Кикина, дежурного генерала своего. По отъезде Ермолова диспозиция была к нему послана с ординарцем Екатеринославского кирасирского полка поручиком Павловым. Но не Ермолова, ни Кикина Павлов отыскать не мог...». Заметим, и не мудрено! В это время многие русские военачальники собрались на «большой обед, все присутствовавшие были очень веселы, и Николай Иванович Депрерадович пустился даже плясать трепака. Возвращаясь в девятом часу вечера в свою деревишку, Ермолов получил чрез ординарца князя Кутузова, офицера Кавалергардского полка, письменное приказание собрать к следующему утру всю армию для наступления против неприятеля. Ермолов спросил ординарца, почему это приказание доставлено ему так поздно, на что тот отозвался незнанием, где находился начальник Главного штаба. Ермолов, прибыв тотчас в Леташевку, доложил князю, что по случаю позднего доставления приказа его светлости армию невозможно собрать в столь короткое время. Князь очень рассердился...»¹³⁸. Кстати, относясь без снисхождения к Кутузову. Ермолов почему-то опустил эти подробности в своих Записках.

Кутузов приказал перенести атаку на 6 октября, и «день закончился славной победой», о чем много лет спустя вспоминал Д. В. Душенкевич: «Возвращаясь в славный лагерь наш, у дороги находилась избушка, оставшаяся от бывшего постоялого двора; пред нею, по обе стороны крылечка стояла линия неприятельских знамен и орудий. Главнокомандующий, стоя на крылечке, окруженный генералами, благодарил колонны сими словами: „Вот ваша услуга — (указывал на трофей) — оказанная сего дня Государю и Отечеству! Благодарю вас именем Царя и Отечества!“ Бесперывное, громогласное „Ура!“, перемешанное с веселыми песнями и подсвистами, долетало эхом радости к отдаленному еще лагерю нашему и в оной даже внесено. Ночь напролет от радостного шума, казалось, хохотал весь лагерь, покой не шел на мысль, как бы праздновалось воскресение умолкнувшей на время славы русской, и войско, в полной доверенности к опытному, превознесенному вождю своему, готово было сейчас опять сражаться»¹³⁹.

Сражение при Тарутине «разбудило беспечно спавшего на пепле Москвы Наполеона. И на другой же день 7 октября неприятельская армия начала выступать из Москвы». Поздним вечером 9 октября с этим известием прискакал в тарутинский лагерь, «прямо к квартире генерала Коновницына», полковник Д. Н. Болговский. «Я распечатал привезенный конверт и, разбудив Коновницына, подал ему рапорт, с которым он поспешил к Кутузову в соседнюю избу», — вспоминал А. А. Щербинин. Фельдмаршал приказал 6-му пехотному корпусу Д. С. Дохтурова «не следовать, а, если можно, бежать к Малому Ярославцу», чтобы преградить неприятелю путь на Калугу: остальным же войскам отдал распоряжение «быть готовыми к выступлению в течение двух дней». По воспоминаниям В. И. Левенштерна, «фельдмаршал выступил из лагеря с главными силами армии 11-го числа вечером и шел всю ночь, остановившись в пяти верстах от Калуги. Сражение при Малоярославце продолжалось до ночи, вице-король удержал одну половину города, а мы — другую. <...> Кутузов провел со своим штабом ночь в открытом поле»¹⁴⁰. П. Х. Граббе рассказывал: «Кутузов, исполнив свой долг Главнокомандующего, поставив быстрым и искусным переходом армию свою перед ним (Наполеоном) как щит твердый, непроницаемый, сам под шумом гремевшего боя, почти под ядрами заснул на бурке под открытым небом. Я видел его, приехав от Милорадовича за приказанием, вместе с другими, почтительно ожидавшими его пробуждения. Старость взяла свое неодолимое право». Однако артиллерист И. С. Жиркевич утверждал, что Кутузов ночевал в

палатке одного из гвардейцев: «К ночи за моей батареей была разбита палатка, принадлежавшая Семеновского полка штабс-капитану Кошкареву, в ней ночевал Кутузов. Около 10 часов вечера, когда он, вероятно, начинал засыпать, вдруг пальба, прекратившаяся совершенно у города часу в восьмом, внезапно открылась в большом размере. Кутузов вышел из палатки и с сердцем сказал: „Ох уж этот мне Дмитрий Сергеевич (Дохтуров. — Л. И.), и уснуть не даст! Оставил бы их, проклятых, в покое. Кашкаров! Пошли узнать, что это за тревога?“ — Потом, войдя в палатку, он проспал уже до рассвета, до нового похода. На одном из маршей Кутузов, на дрожках подъехав к Семеновскому полку, спереди которого ехали верхом Посников, я и другие ближайшие офицеры, объявил нам, что перехвачен курьер, везший известие к Наполеону о маллетовском заговоре, возникшем в Париже. Рассказав подробно обстоятельства этого дела, он прибавил: „Я думаю, собачьему сыну эта весточка не по нутру будет. Вот что значит не законная, а захваченная власть“. Кутузов был вообще красноречив; но при солдатах и с офицерами он всегда говорил таким языком, который бы им врезывался в память и ложился бы прямо на сердце. В одну деревню, где назначена была квартира для Семеновского полка и вместе Главная квартира Кутузова, он приехал вперед один в крытых санях парой и с конвоем двух только казаков. Сани въехали во двор, а сам он вошел в избу и уселся на скамье. Квартиргер полка поручик Буйницкий, прибывший туда незадолго для занятия квартир, внезапно вбежал в ту же избу и, найдя неожиданно Главнокомандующего, оробел и спешил выйти. Кутузов остановил его и спросил: „Какого полка и что тебе надобно, мой друг?“ Буйницкий отвечал: „Семеновского, прибыл для занятия квартир“. — „Чего же ты испугался меня и бежишь вон, — продолжал Кутузов, — а еще гвардеец, и не нашелся! Обожди. Присядь со мной и побеседуем вместе. Успеешь еще занять квартиры — полк далеко“. Усадил его с собой и продержал с четверть часа»¹⁴¹.

На следующий день после Малоярославецкого сражения «Кутузов хотел целою армией опрокинуть головы колонн французской армии, когда они выходить будут из Малоярославца, разбив их, вступить в город и тогда уже держаться в этой позиции. Но когда граф Милорадович дал знать, что неприятель покоен, и летучие отряды донесли о направлении его к Верее, Кутузов решился отступить в Гончарово. Переход этот, дознанный всеми ненужным и заставивший нас потерять трое суток, был после единственным обвинением, которое возводимо было на него. Суждение о событии сем и после времени не оправдало Кутузова в глазах Александра, даже когда он пожал лавры победы и изгнал французов из России,

несмотря на совершенное уничтожение их армии. Первая встреча их, когда они увиделись, в Вильно была, что Государь с негодованием потребовал от старика отчета в так называемом им бездействии армии. Оправдание Кутузова коротко, ясно, удовлетворительно»¹⁴². Вероятно, князь А. Б. Голицын что-то перепутал, потому что Кутузов направил подробный рапорт государю еще 7 ноября из города Красного: «Всемиловейший Государь! Из донесения моего сего числа Ваше Императорское Величество усмотреть изволили, что сделано при Красном, к которому направлялись все неприятельские силы. Все сие не сделано прежде по Смоленской дороге по многим причинам. С самой той минуты, как неприятель после разбития 6-го числа прошедшего месяца (под Тарутином. — Л. И.) решился оставить Москву, должно было прежде думать закрыть коммуникации наши с Калугою и воспрепятствовать ему вход в оную, чрез которую он намерен был пройти в Орловскую губернию и потом в Малороссию, дабы не терпеть тех недостатков, которые довели теперь его армию до такого бедственного состояния. Что он имел сие намерение, подтвердили мне многие из пленных генералов, почему и должно было заставить его идти по Смоленской дороге, на которой (как нам известно было) он не приготавливал никакого пропитания. Сии причины понудили меня, оставя Малой Ярославец, перейти на дорогу, ведущую от Боровска чрез Медынь к Калуге, где уже находился неприятельский корпус; от сего моего движения неприятель должен был, оставя свое намерение, идти чрез Верею на Смоленскую дорогу; я же шел чрез Медынь к Боровску, чтобы сблизиться и в случае, если нужно соединиться с моим авангардом. Генерал Милорадович имел при себе 2-й и 4-й корпуса и достаточное число кавалерии и, будучи обманут ложным движением, принял было близко к Медыне по Боровской дороге; но, узнав о марше неприятеля от Боровска уже к Верее, направился вслед за оным, но потерял однако же целый марш и взошел по следам неприятеля на Смоленскую дорогу; Главная же армия боковою дорогою направилась к Вязьме. Случилось, что я близко трех дней не мог получить от авангарда сведения, потому что неприятель бегущий рассыпался по сторонам дороги и, наконец, также ложное известие, будто бы генерал Милорадович, после сражения с неприятелем, не доходя до Вязьмы, должен был отступить. Сии обстоятельства остановили меня на 8 часов, и армия не могла приблизиться к Вязьме, сделав в тот день сорок верст маршу, прибыла не ранее как за полночь, а могли поспеть только 40 эскадронов кирасир с конною артиллериею под командою генерал-адъютанта Уварова, которые способствовали к разбитию неприятеля под Вязьмою генералом Милорадовичем. Неприятель не мог держаться и в

городе, где был он форсирован и часть его перебита; он, того вечера, прошед Вязьму, не смел остановиться и удалился по Смоленской дороге прежде, нежели армия к оной приблизиться могла.

Вот причины, которые воспрепятствовали нанести неприятелю таковой чувствительный удар при Вязьме, каковой нанесен ему при Красном. Притом, сказать должно, что при Вязьме не был он еще в таковом расстройстве, имел еще почти всю артиллерию, и тех знатных потерей в людях еще сделано им не было, которые он понес ретирадою до Смоленска. Ошибки, от ложных известий иногда происходящие, неизбежны. Предприятия в военных операциях основываются не всегда на очевидности, но иногда на догадках и на слухах, но ложные известия, о коих упомянул я выше, произошли от самых казаков, но и они впали в сие недоразумение невинным образом. От Вязьмы предпринял я диагональный марш чрез Ельну к Красному, где и настиг неприятеля»¹⁴³.

Именно в Главную квартиру князя Кутузова в Полотняный Завод близ Калуги князь Кудашев, его зять, привел взятого в плен вскоре после Малоярославца генерала графа Боволье: «Услышав фамилию генерала, Кутузов призадумался. — „Не родственник ли вы тех Боволье, которые играли такую выдающуюся роль в вандейской кампании и один из которых подписал письмо к ее величеству императрице Екатерине II с просьбою оказать помощь против республиканцев?“ — „Письмо это подписано мною в качестве генерал-интенданта и президента высшего совета армии“. — „Это вы и есть! Ну, очень рад, что вы мой пленник: вам будет оказано все уважение, которого вы заслуживаете“. — Кутузов прибавил, что читал с большим интересом историю вандейской войны. Он много расспрашивал генерала Боволье о французской армии, о Москве, о Наполеоне. <...> Прощаясь с Боволье, Кутузов сказал ему: „Ваш Наполеон — чистый разбойник: я отправил к нему 40 французов, взятых в плен на аванпостах, — он отказался принять их! Мне-то что же с ними делать? Его поведение ужасно. Он нисколько не заботится о нации, которой всем обязан“. Князь Кутузов путешествовал в экипаже более чем скромном; он не позволял себе ни малейшей роскоши и довольствовался только самым необходимым. Выросший среди солдат, он вежлив, как любой придворный; он не только доступен, но и предупредителен. Французские пленники, офицеры и солдаты, в восторге от того уважения, с каким он относился к французскому народу»¹⁴⁴. Тем временем многие в окружении Кутузова были недовольны медлительностью в преследовании неприятеля. В их числе был «Русский Боярд», генерал М. А. Милорадович. Впоследствии

Михайловский-Данилевский привел в Записках разговор с ним: «„Какое различие полагаете вы между Суворовым и Кутузовым?“ — спросил я его. „Вот оно, — сказал мне граф с обыкновенною своею живостью. — Когда меня отрядили с половиною армии от Малого Ярославца для преследования неприятеля, то я, видя возможность пересечь ему отступление близ Вязьмы, отважился на сие движение, хотя не имел предписания от Кутузова; я донес ему, что иду на Вязьму, и объяснил все причины, меня к тому побуждавшие; но, зная его нерешительный характер, я заключил донесение сими словами: 'могу уверить вашу светлость, что от сего движения не предстоит никакой опасности'. Если бы Суворов был на месте Кутузова, то я не сказал бы ему ни слова об опасности, а написал бы просто: 'иду на Вязьму!', а он бы мне ответил: 'благословляю!'“»¹⁴⁵. Однако Светлейший по-прежнему старательно избегал больших сражений. С его точки зрения, они были теперь бессмысленны: «Весь план нашего преследования заключался в том, чтобы не допускать его удаляться из России по вновь избранной им дороге, а всячески обращать его на ту же, по которой приблизился к России. Пробрались они к Малоярославцу, но так как тут встретили их не с хлебом и солью, а с пушками, то опять вынуждены они были обратиться на назначенную нами Смоленскую дорогу»¹⁴⁶. По словам очевидцев, Наполеон, перед тем как отдал приказ повернуть на Старую Смоленскую дорогу, упал в обморок. Параллельное преследование, которое К. Клаузевиц назвал «высшей формой стратегического преследования», и без сражений требовало немало напряжения сил, что явствует из письма Кутузова жене от 17 октября: «Неприятель бежит из Москвы и мечется во все стороны, и везде надобно поспевать. Хотя ему и очень тяжело, но и нам за ним бегать скучно. Теперь он уже ударился на Смоленскую дорогу»¹⁴⁷. Светлейший был человеком изощренного ума и тонким психологом. Если бы он принудил неприятельских солдат сражаться, они бы вновь почувствовали себя воинами. Это возвысило бы их дух, сплотило бы их ряды, удвоило бы силы: смерть с оружием в руках их не страшила! Зачем Кутузову было превращать беглецов в героев, поднимать настроение в стане врагов Отечества? Это была не его забота. Он вводил войска в бой только по мере необходимости, чтобы убедить противника в собственном бессилии. Закончить войну под Вязьмой, как предлагали генералы, подпавшие под влияние беспокойного сэра Вильсона? Но что тогда было делать с фланговыми корпусами, к которым прорывался Наполеон? Кутузов готовил ему не поражение, а катастрофу, как туркам. Вверенные фельдмаршалу

войска, по его убеждению, не должны были доказывать превосходство во фронтальных и фланговых атаках на поле боя. Его главной целью было сохранить боеспособную армию. В конце концов, Наполеон был зятем австрийского императора, который в любой момент мог оказать поддержку своему родственнику, обещавшему ему земли на Дунае. «Я отнюдь не уверен, — сказал Кутузов британцу Вильсону, — что полное уничтожение императора Наполеона и его армии будет таким уж благодеянием для всего света. Наследие его не достанется ни России, ни какой-либо другой континентальной державе, но той, которая уже владеет морями...» 23 октября любимец Светлейшего генерал Н. Н. Раевский сообщал из Вязьмы своему родственнику старому сослуживцу Кутузова — графу А. Н. Самойлову: «Заглавие письма моего, милостивый государь дядюшка, обрадует вас. Неприятель бежит. Мы его преследуем казаками и делаем золотой мост. <...> Неприятель пошел на Можайск и Вязьму и, как кажется, пойдет на Витебск и так далее за границу. Казаки его преследуют кругом, французы мрут с голоду, подрывают ящики, и с 12-го мы имеем их до 60-ти пушек, а великий Наполеон сделал набег на Россию, не разочтя способов, потерял свою славу и бежит как заяц. <...> Можно считать, что настал перелом счастья Бонапарте. Русский Бог велик! <...> Мы веселы, холоду, голоду не чувствуем, — все ожило, злодей наш осквернил и ограбил храмы Божьи — теперь едва уносит ноги свои. Дорога устлана мертвыми людьми и лошадьми его. Неприятель идет день и ночь при свете пожаров. Ибо он все жжет, что встречает на ходу своем. Зато и мы хорошо ему платим, ибо пленных почти не берут, разве одни регулярные войска»¹⁴⁸. Действительно, жестокое отношение к пленным со всей очевидностью свидетельствовало, что война вышла за пределы обыкновенного. 28 октября М. И. Кутузов сообщал жене из Ельни: «По сию пору французы все еще бегут неслыханным образом, уже более трехсот верст, и какие ужасы с ими происходят. Это участь моя, чтобы видеть неприятеля без пропитания, питающегося дохлыми лошадьми, без соли и хлеба. Турецкие пленные извлекали часто мои слезы, об французах хотя и не плачу, но не люблю видеть этой картины. Вчерась нашли в лесу двух, которые жарят и едят третьего своего товарища. А что с ими делают мужики!» Но, как ни странно, первыми выпустили «джинна из бутылки» отнюдь не северные варвары. Следуя по Смоленской дороге, вблизи от Гжатска, русские войска обнаружили страшную картину, которую описал в Мемуарах де Сегюр: «Вечером этого бесконечного дня императорская колонна приблизилась к Гжатску: она была изумлена, встретив на своем пути только что убитых русских. Причем у каждого из них была

совершенно одинаково разбита голова и окровавленный мозг разбрызган тут же. Было известно, что перед нами шло две тысячи русских пленных и что их сопровождали испанцы, португальцы и поляки. <...> Коленкур вышел из себя и воскликнул: „Что за бесчеловечная жестокость! Так вот та цивилизация, которую мы несли в Россию! Какое впечатление произведет на неприятеля это варварство? Разве мы не оставляем ему своих раненых и множество пленников? Разве не на ком будет ему жестоко мстить?“»¹⁴⁹.

Трехдневная битва под Красным, убив в армии Наполеона волю к сопротивлению, окончательно уничтожила в ней и остатки дисциплины. «Я не сходил с места четыре дня, и вот ваша гвардия и все корпуса, следовавшие за Наполеоном, постепенно мимо нас проходили, каждый для того, чтобы оставить половину своих солдат с нами. Поверь, что спаслось под Красным, то с великим трудом пройдет Оршу!» — сказал Кутузов в дружеской беседе с пленным полковником М. Л. де Пюибюском. Именно в ходе боев под Красным на долю В. И. Левенштерна, прибывшего с донесением к Кутузову, выпала завидная честь — он был приглашен к обеденному столу Светлейшего: «Я был весь перепачкан и походил скорее на разбойника, чем на офицера: тулуп и накинутый поверх него, попорченный бивуачными огнями плащ представляли собою удивительный контраст со свежими и элегантными костюмами щеголей Главной квартиры. Слушая мое донесение, фельдмаршал, при каждом моем слове, улыбался с видимым удовольствием, затем усадил меня подле себя, не дав мне пообчиститься, и любовался прекрасным аппетитом, с каким я пожирал его превосходный обед. Он приказал однако Дохтурову с его корпусом поддержать Милорадовича. Я осмелился заметить фельдмаршалу, что это бесполезно, и уверял его, что 15000 пленных были уже в его руках. — О, как прыток наш молодой человек! Да уверены ли вы, что их 15000 человек? — Я хотел бы, чтобы их было 30000, — отвечал я, продолжая есть с прожорливостью, — так как результат был бы один и тот же и эти 30000 человек были бы ваши точно так же, как эти 15000 уже принадлежат вам. Его глаза засверкали радостью...» Тогда же дежурный генерал П. П. Коновницын направил распоряжение генералу В. С. Ланскому: «По необыкновенно большому числу взятых в последние дела пленных, Его Светлость Главнокомандующий армиями поручил мне отнестись к Вашему Превосходительству с просьбою, дабы Вы приняли все возможные и от Вас зависящие меры об отпуске им провианта, в том особливо уважении, что многие из них по несколько дней вовсе не ели и что самое человечество требует доставить им необходимое пропитание для отвращения голодной

смерти»¹⁵⁰.

Не раз доводилось увидеть в те дни Кутузова и Н. Е. Митаревскому: «Во время всех переходов от Тарутина до Березины, фельдмаршал Кутузов часто останавливался у дороги и смотрел на проходившие войска, иногда и под дождем; случалось, говорил солдатам: „Что, устали, ребята? Холодно? Ели ли вы сегодня? Нужно отстоять матушку Россию, надо догонять и бить французов!“ <...> На все это проходившие солдаты кричали: „Рады стараться, ваше сиятельство!“ Обыкновенно он стоял или же сидел на простых складных креслах, в простом сюртуке и фуражке, без всяких принадлежностей своего сана; с неразлучною казачьею нагайкой на ремешке через плечо. Никак мы не могли разгадать, для чего у него нагайка, тем более, что никогда не видели его верхом на лошади. Офицеры говаривали обыкновенно: „хитрый наш старик Кутузов, знает он, как подобраться к солдатам“»¹⁵¹. Особенно подробно описал все встречи с Кутузовым И. С. Жиркевич: «Тут после сильных морозов, начавшихся от Вязьмы и продолжавшихся дней десять, сделалась сильная оттепель. На дневке вечером, часу в пятом, Кутузов, объезжая бивуаки, подъехал к Семеновскому полку. За ним ехало человек пять генералов, в числе которых были принц Александр Виртембергский, Опперман и Лавров, а позади их семь человек конногвардейцев везли отбитые у неприятеля знамена. „Здравствуйте, молодцы семеновцы! — закричал Кутузов. — Поздравляю вас с новой победой над неприятелем! Вот и гостинцы везу вам! Эй, кирасиры! Нагните орлы пониже! Пусть кланяются молодцам! Матвей Иванович Платов доносит мне, что сегодня взял сто пятнадцать пушек и сколько-то генералов... не помнишь ли, Опперман, сколько именно?“ Опперман отвечал: „Пятнадцать“. — „Слышите ли, мои друзья, пятнадцать, то есть пятнадцать генералов! Ну, если бы у нас взяли столько, то остальных сколько бы осталось? Вот, братцы, пушки пересчитать можно на месте, да и тут не верится; а в Питере скажут: 'Хвастают!'“

Затем Кутузов подъехал к палатке генерала Лаврова, командовавшего в то время 1-й гвардейской пехотной дивизией и расположившегося за Семеновским полком. Кутузов и прочие генералы сошли с лошадей и приготовились пить чай у Лаврова. Тут же кирасиры сошли с лошадей, стали в кружок и составили из знамен навес вроде шатра. Кто-то из офицеров, подойдя к знаменам, стал читать надписи на одном из них, вслух все те сражения, в которых отличился тот полк, которому принадлежало знамя, и в числе прочих побед прочел: „Аустерлиц!“ „Что там? — спросил Кутузов. — Аустерлиц? Да, правда, жарко было и под Аустерлицем! Но

омываю руки мои пред всем войском: неповинны они в крови аустерлицкой! Вот хотя бы и теперь, к слову, не далее как вчера я получил выговор за то, что капитанам гвардейских полков за Бородинское сражение дал бриллиантовые кресты в награду. Говорят, что бриллианты — принадлежность кабинета и что я нарушаю предоставленное мне право. Правда, *и в этом я без вины виноват* (выделено мной. — Л. И.). Но ежели по совести разобрать, то теперь каждый, не только старый солдат, но последний ратник, столько заслужили, что осыпь их алмазами, то они все еще не будут достаточно вознаграждены. Ну, да что и говорить! Истинная награда не в крестах или алмазах, а просто в совести нашей. Вот здесь кстати я расскажу о дошедшей до меня награде. После взятия Измаила я получил звезду Святого Георгия (орден Святого Георгия 2-го класса), тогда эта награда была в большой чести. Я думаю, здесь есть еще люди, которые помнят молодого Кутузова. (Тут Кутузов вздернул нос кверху.) Нет? Ну, после! Когда мне матушка-царица приказала прибыть в Царское Село к себе, я поспешил выполнить ее приказание — поехал. Приезжаю в Царское. Прием мне был назначен парадный. Я вхожу в залу в одну, в другую, все смотрят на меня, я ни на кого и смотреть не хочу. Иду себе и думаю, что у меня Георгий на груди. Дохожу до кабинета, отворяются двери; что со мной случилось? И теперь еще не опомнюсь! Я забыл и Георгия, и то, что я Кутузов. Я ничего не видел, кроме небесных голубых очей, кроме царского взора Екатерины. Вот была награда“. — И с чувством, постепенно понижая голос, Кутузов приостановился — и все кругом его молчало. Потом, весь этот рассказ он повторил на французском языке принцу Александру Виртембергскому, видимо, с целью, чтобы от него перешло это выше — в Петербург...»¹⁵² Заметим, что Кутузов публично ведет себя перед гвардейцами совершенно вопреки легенде о «придворной угодливости», поведав «к слову» о том, что он получил очередной выговор от императора за распределение наград, что в глазах государя он, по обыкновению, «без вины виноват», завершив сравнением «века нынешнего с веком минувшим», да еще и с французским переводом специально для родственника Александра I.

И. С. Жиркевич продолжал рассказ: «Тут один из офицеров Семеновского полка сказал громко: „Не правда ли, как эта сцена походит на сцену из трагедии 'Дмитрий Донской' (трагедия Озерова)!“ Посников закричал: „Ура! Спасителю России!“ — и громкое „ура!“ понеслось и разлилось по всему войску. Столь неожиданный возглас тронул каждого из присутствующих, Кутузова, конечно, более всех. Он вдруг встал на скамейку и закричал: „Полноте, друзья мои, полноте! Что вы! Не мне эта

честь, а слава русскому солдату!“ — и потом, бросив вверх свою фуражку и сильно возвысив свой голос, закричал: „Ура! Ура! Ура! Доброму русскому солдату“... Потом, когда „ура“ утихло, Кутузов уселся опять на скамью и, обращаясь к Лаврову, продолжал так: „Где этот собачий сын сегодня ночует? Я знаю, что в Лядах он не уснет покойно. Александр Никитич (партизан Сеславин, в это время только капитан гвардии) дал мне слово, что он сегодня не даст ему покоя. Вот послушайте, господа, какую мне прислал побасенку наш краснобай Крылов: собрался волк на псарню, псов потревожить. Войти-то он вошел, да вот как пришлось выбираться оттуда — давай за ум! Собаки на него стаей, а он в угол, ошетинился и говорит: 'Что это вы, друзья! За что это вы на меня? Я не враг вам. Пришел только посмотреть. Что у вас делается, а вот сейчас и вон пойду'. Но тут подоспел псарь и отвечает ему: 'Нет, брат, волчище, не проведь тебе нас! Правда, ты, серый, умен, но и я, дружище, сед уже и не глупее тебя'“. — Тут Кутузов снял шапку и рукой, кругом головы, показал седины свои. — „Не уберешься так легко отсюда, как пришел сюда!“ — „И пустил стаю псов на него“, — прибавил он. Громкое „ура!“ повторилось вновь по войску!...»¹⁵³ Осталась в памяти у офицера и менее торжественная, но не менее трогательная встреча со Светлейшим: «После оттепели сделался легкий морозец. На походе моя полурота перевозилась с одной горы на другую, и тут же подъехал в крытых санях Кутузов. Пара, везшая его, была не подкована, и при начале спуска с горы одна лошадь упала. Я тотчас же приказал солдатам спустить сани с горы и на себе поднять их на другую сторону. Кутузов, видя мою заботливость, велел подзвать меня к себе и, когда я подошел, спросил, как меня зовут. Получив ответ, сказал мне: „Припомни, друг мой Жиркевич, меня старика под старость. Как ты меня бережешь старика, так и тебя когда-нибудь беречь станут!“»¹⁵⁴. И тут Кутузов не ошибся...

В те дни фельдмаршал нередко получал стихотворные послания, воспевавшие его подвиги и славившие его как спасителя Отечества. Так, доставили ему письмо от родственника А. В. Суворова, поэта графа Д. И. Хвостова. В ответ Кутузов пишет: «Письмо Вашего Сиятельства с приложением оды творения Вашего я с особенным удовольствием получил. Вы как бы возвышаете меня перед Румянцевым и Суворовым. Много бы я должен был иметь самолюбия, если бы на сию дружескую мысль Вашу согласился. И ежели из подвигов моих что-нибудь годится преподанным быть потомству, то сие только от того, что я силюсь по возможности моей и по умеренным моим дарованиям идти по следам сих великих мужей.

Между тем обязанным себя считаю изъяснить Вам мою признательность <...>»¹⁵⁵. В дни боев под Красным Михаил Илларионович поделился радостными новостями со своими «верными друзьями», как на протяжении всей своей жизни он называл супругу Екатерину Ильиничну и дочерей, в особенности «Лизиньку с детьми». Жене он писал из Красного собственноручно: «Вот еще победа! В день твоего рождения дрались с утра до вечера. Бонапарте был сам, и кончилось, что разбит неприятель в пух; сорок с лишком пушек достались нам, прекрасные знамена гвардейские и пребогатые. Вчерась прибыл из Смоленска еще большой корпус Нея. <...> Этот принят очень хорошо, пушек у них мало, а он наткнулся на наших сорок орудиев; натурально отбит. Но собрался он с поспевшими от Смоленска и пошел еще, тут его приняли штыками и множество истребили, других рассеяли по лесам... <...> В Смоленске наш гарнизон. Теперь думаю, как бы отправить туда Смоленскую Богоматерь с хорошим приданым. Жаль расставаться, и третьего дня, во время сражения, стояла за батареей. Тебе купил прекрасные часы в день рождения твоего»¹⁵⁶.

Письмо дочери по понятной причине Михаил Илларионович позволил написать зятю князю Н. Д. Кудашеву: «Лизинька, мой друг и с детьми, здравствуй! Вот и вечер настал, мой дорогой друг, а я до сих пор не выбрал минуты, чтобы тебе написать; писать же при свете [свечи] мне очень трудно. Поэтому опять за меня пишет Кудашев. Боже, сколько Его милостей до настоящего времени! Вязьма, Смоленск, Витебск, Орша, думаю, что даже до Могилева все освобождено. Враг бежит со всех ног. 5-го и 6-го мы одержали блестящие победы. 5-го Бонапарте присутствовал лично. <...> Проклятия армии этому человеку, когда-то великому, а теперь ничтожному, — поистине ужасны. Меня уверяют даже, что, проклиная его, благословляют мое имя за то, что я сумел справиться с таким чудовищем. Это точно мне было сказано за столом моими генералами, и я беру в свидетели Кудашева, иначе это было бы хвастовством. Безусловно, у меня много прекрасных минут, но я не весел, как обычно, хотя, признаюсь, что я растроган тем счастьем, которое мне сопутствует, но нельзя быть веселым при таком напряжении». Князь Кудашев в продолжение письма подтвердил слова главнокомандующего о невероятной усталости, сопутствовавшей параллельному преследованию неприятеля: «Не сердитесь на меня, дорогие и добрые друзья, что не получаете от меня известий о папеньке так часто, как бы вам этого хотелось. Причина, которую я вам приведу, будет похожа на хвастовство, и я в отчаянии, потому что это как раз то, чего папенька терпеть не может. Но тем не менее это правда: благодаря тому

напряжению, с которым мы постоянно преследуем и бьем врага, у нас остается время только на отдачу приказов. Очень часто глаза невольно смыкаются. Усталость такая, от которой стареешь. <...> Постарайтесь, дорогие друзья, как можно скорее покинуть Крым, присоединяйтесь к нам вместе с моей маленькой семьей, и мы все поедem в Париж. Можно быть уверенным во всем, когда во главе находится такой гениальный полководец»¹⁵⁷. Наши войска действительно вступили в Париж в марте 1814 года, но счастливый и усталый князь Кудашев не мог предвидеть, что его тесть скончается в апреле 1813 года от болезни в Бунцлау, а сам он получит смертельную рану в том же году в октябре в Битве народов под Лейпцигом, то есть жить им оставалось менее года.

Березина

Последним крупным столкновением враждующих армий явилось сражение на реке Березине. Современники долго потом удивлялись, как случилось, что остаткам французских войск, оказавшихся в кольце трех русских армий, удалось избежать окружения и полного разгрома. Поэт и партизан Денис Давыдов рассуждал так: «Армии, которым надлежало соединиться на Березине для совокупной атаки, были весьма разобщены и притом они не были, по-видимому, расположены оказать деятельное содействие одна другой, вследствие неприязни и зависти, существовавшей между военачальниками; Витгенштейн не хотел подчиниться Чичагову, которого, в свою очередь, ненавидел Кутузов <...>»¹⁵⁸. На наш взгляд, исход этой военной операции можно было предугадать заранее, Д. В. Давыдов не назвал имени еще одного действующего лица, полноправно несшего ответственность за весь ход военных действий в 1812 году. Речь идет конечно же об императоре Александре I, который постоянно искал и находил «новых людей». К их числу принадлежал адмирал П. В. Чичагов, в лице которого царь встретил своего единомышленника, обеспечив ему быстрое продвижение по службе. Заметим, что Чичагов был откровенным «западником». Один из офицеров флота, встречавшийся с ним в кабинете Морского министерства, так характеризовал его: «<...> Будучи прямого характера, он был удивительно свободен и как ни один из других Министров прост в обращении и разговорах с Государем и царской фамилией. Зная свое преимущество над знатными придворными льстецами как по наукам, образованию, так и по прямоте и твердости характера, Чичагов обращался с ними с большим невниманием, а с иными даже с пренебрежением, за что был, конечно, ненавидим почти всем придворным миром»¹⁵⁹. Этот симпатичный и вызывающий сочувствие образ почти полностью перечеркивается свидетельствами более опытных соратников. Генерал А. Ф. Ланжерон был к нему особенно беспощаден: «Голова его ежеминутно изобретала новые проекты, и проекты эти, обыкновенно вздорные и неприменимые, надо было приводить в исполнение сию же минуту. <...> Он не имел ни одной правильной идеи и чрезмерное самолюбие не позволяло ему ни слушать, ни принимать советов <...>»¹⁶⁰. Мнение Ланжерона, который подчас бывал чрезмерно пристрастен в своих суждениях, красноречиво подтвердили генералы Ламберт, Щербатов, Красовский — участники сражения при Березине. Но Александр I

благоволил к Чичагову и, по-видимому, как с ним это случилось неоднократно, сильно переоценивал его способности, в особенности, там, где речь шла о сравнении скромных дарований адмирала и Кутузова. По этой причине между обоими военачальниками уже возник скрытый конфликт в период подписания Бухарестского мирного договора, лавры которого государь решил отобрать у Кутузова, передав своему ставленнику. Но Кутузов был не прост, и Чичагову не удалось сыграть в глазах общества роль миротворца. Некоторые современники полагали, что на Березине «старик жестоко мстил Чичагову», но это мнение можно было бы считать справедливым, если бы адмиралу удалось отобрать у старого полководца хотя бы часть его славы. Потерпевшей стороной в тех условиях оказался сам Чичагов. Михаил Илларионович давно убедился в том, что он не в состоянии завоевать доверие и расположение императора, но посмеяться над незадачливым, но самонадеянным соперником ему не составило труда. При подобных обстоятельствах Александру I не следовало допускать, чтобы пути этих людей пересекались в дальнейшем. Однако менее чем через полгода император вновь создал подобную ситуацию с теми же действующими лицами. Дело было не только в характере Чичагова; после начала боевых действий в 1812 году генерал Г. Армфельд заметил государственному секретарю А. С. Шишкову: «Какая странная мысль — доверить сухопутную армию адмиралу?»¹⁶¹

Кутузов, назначенный главнокомандующим всеми российскими армиями, естественно, запросил от Чичагова сведений о местонахождении его армии, приказав сблизиться с главными силами. «Вы легко ныне усмотреть изволите, что невозможно ныне думать об отдаленных каких-либо диверсиях»¹⁶², — иронично намекал Светлейший на план «адриатической» экспедиции Чичагова, где предлагалось нанести «отвлекающий» удар, высадив десант в Италии. На приказ Кутузова Чичагов высокомерно не ответил. За день до Бородина Светлейший получил предписание императора, запрещающее перемещать армию Чичагова. Через неделю после оставления Москвы главнокомандующий, которому было уже не до шуток и претензий Чичагова, отдал ему очередной приказ: «Идти к Могилеву, на Смоленскую дорогу и далее к помянутой линии, как для сближения с здешними армиями, так и для угрожения неприятельского тыла и пресечения всякого сообщения его»¹⁶³. Кутузов отдавал соответствующие распоряжения всем российским армиям, разбросанным на обширной территории пока без всякой связи друг с другом. «Скоро все наши армии, то есть Тормасов, Чичагов, Витгенштейн и

еще другие станут действовать к одной цели, и Наполеон долго в Москве не пробудет», — уверенно успокаивал полководец родственников в письме от 27 сентября¹⁶⁴. Однако вскоре к нему в штаб явился адъютант императора полковник А. И. Чернышев с рескриптом «о новых военных предположениях», датированным 12 сентября, то есть отправленным еще до того, как Александр I узнал об оставлении Москвы неприятелю. В плане, привезенном из Петербурга, впервые была высказана идея окружения неприятельских войск на Березине или на реке Уле: с севера должен был нанести удар корпус Витгенштейна, с юга — армия Чичагова, в то время как главные силы под командованием Кутузова будут «гнать» французов с востока на запад. С точки зрения кабинетного стратега, каким являлся Александр I, план был безусловно хорош. Для Кутузова план, существовавший на бумаге, разительно отличался от того, что происходило в действительности. Обратиться в бегство войска Наполеона и преследовать их до соединения с войсками Витгенштейна и Чичагова было в тот момент довольно сложно. Кутузов рассчитывал на содействие этих армий для освобождения Москвы. На необходимости их поддержки он писал в ответе государю от 22 сентября, настаивая, чтобы Чичагов «сколь можно скорее приблизился к окрестностям Могилева»¹⁶⁵. Император ничего не ответил Кутузову, молчал, уверенный в высочайшей поддержке, и Чичагов. Реальность, окружавшая Кутузова: Наполеон в Москве, отсутствие точных сведений о Чичагове и Витгенштейне, нежелание Александра I обсуждать с ним какие-либо перспективы военных действий — все это позволяло в тот момент фельдмаршалу вообще не думать о плане, нехотая присланном из Петербурга. Насколько серьезным было в тот момент отношение к полученному рескрипту, явствует из рассказа А. А. Щербинина: «В <...> инструкции в подробности упоминалось о предназначенном графу Витгенштейну в подкрепление Чичагову движении на левый фланг отступающего неприятеля. <...> Подлинная инструкция предназначалась Чичагову, а копия графу Витгенштейну. Брозин, начальник канцелярии нашей, сам запечатал обе бумаги, сделал надписи на пакетах и отправил курьеров. Когда Главная квартира пришла в Вильну, Витгенштейн, знавший Брозина лично и хорошо к нему расположенный, показал ему инструкцию, которую граф получил из Леташевки. Это была подлинная на имя Чичагова, следственно, к сему последнему попала копия»¹⁶⁶.

После оставления неприятелем Москвы армия Кутузова осторожно двинулась вслед за уходящим противником, но Александр I постоянно требовал реванша за потерю Москвы. Фельдмаршал же сознавал, что ни

бой под Тарутином, ни сражение под Малым Ярославцем, ни Вязьма пока не давали повода думать о полном разгроме еще достаточно сильной армии Наполеона. Главное, что сдерживало Кутузова и заставляло его обуздывать воинственный дух его армии, так это отсутствие известий о готовности войск Чичагова и Витгенштейна, что в этом случае было очень важно. Многие из окружения Кутузова, кто упрекал его в нерешительности, совершенно упускали из виду, что, помимо его главных сил, существовали еще и так называемые фланговые русские армии, о которых у главнокомандующего не было известий. Так, 21 октября, уже под Вязьмой, Кутузов писал сенатору Д. Тро-щинскому: «Адмирал, который имеет сильную армию, должен бы действовать на сообщения неприятельские и тем способствовать мне, но он так что-то скромн, что и не рапортует мне о том, что делает»¹⁶⁷. Сведения, полученные от Чичагова после сражения под Вязьмой, не то что не обнадежили, но озадачили фельдмаршала: адмирал известил его о своем намерении произвести «диверсию в Герцогстве Варшавском». Итак, Кутузов фактически следовал в «неизвестность» за армией Наполеона, который стремился к своим сохранившим боеспособность корпусам. «Постоянна была мысль князя Кутузова о том, на что может решиться Наполеон в крайности, в отчаянных обстоятельствах», — вспоминал Ермолов¹⁶⁸. Кутузов запрашивал от Александра I сведения о Чичагове и Витгенштейне, настаивая на подчинении их обоих себе. Государь, наконец, оценил опасность ситуации и принял меры.

Первым дал о себе знать П. Х. Витгенштейн: Светлейший получил копию его рапорта государю о победе под Полоцком 18–19 октября. В это время армия Наполеона откатывалась к Смоленску, опасаясь выхода Витгенштейна на дорогу Смоленск — Орша. Кутузов двигался параллельным маршем, охватывая левый фланг неприятеля и с надеждой, что ему удастся совместно с подоспевшим Витгенштейном нанести поражение ослабевшим войскам Наполеона у Смоленска при переправе через Днепр, не дожидаясь Дунайской армии. «Ибо отдаленность адмирала Чичагова так велика, что он более имеет удобства расстроить Виленскую конфедерацию, нежели участвовать в поражении неприятельской главной армии»¹⁶⁹, — с сарказмом писал Кутузов Витгенштейну 14 ноября, за десять дней до решающих событий на Березине. Судя по этому документу, Кутузов решил рискнуть: вступить в сражение с Наполеоном и в случае успеха поставить перед фактом и Александра I, и где-то затерявшегося Чичагова. Кутузов правильно оценивал состояние неприятельской армии:

физически она была изрядно потрепана в сражениях под Вязьмой и Красным, изнурена долгими и быстрыми переходами, голодом, холодами, и сильный удар с помощью Витгенштейна мог бы ее сокрушить. Но Кутузов знал Витгенштейна только по его рапортам. По мнению сослуживцев, этот генерал обладал рыцарским характером и полным отсутствием военных талантов. «Мужественный, но недальновидный защитник Петербурга» (Д. В. Давыдов) сильно преувеличил в донесениях значимость своих побед. Кутузов полагал, что корпус Г. Сен-Сира разбит полностью и не существует более как военная сила. Это предположение могло бы дорого стоить полководцу менее осторожному, и Кутузов вряд ли бы добился успеха у Смоленска с таким сотрудником. Но, к своему счастью, 15 ноября он получил известие от адмирала Чичагова, направляющегося в Минск, а оттуда в город Борисов на Березине, где и было назначено соединение трех российских армий. Таким образом, сам собой отпал план Кутузова и формально вступал в силу план, начертанный Александром I. Конечная цель предприятия была ясна. Вопрос заключался в практическом осуществлении. С той минуты, как Чичагов и Витгенштейн вышли на исходные позиции, их роль становилась главной. Они должны были преградить дорогу самому Наполеону, какой бы путь он ни избрал. Задача армии Кутузова, естественно, делалась более скромной. Его сильно утомленные войска преследовали главные силы Наполеона, стремясь определить направление, которым он пойдет, переправясь через Днепр. Кутузов выделил довольно сильный авангард в составе войск генералов Милорадовича, Ермолова и Платова, который должен был подоспеть на шум битвы.

С самого начала наиболее вероятным считалось движение противника в Литву. Судя по переписке Кутузова, с 7 ноября ситуация стала обостряться. Александр I выразил опасения за судьбу корпуса Витгенштейна, который мог быть раздавлен войсками Наполеона, соединившегося с корпусами Виктора и Удино. В тот же день Кутузов отдал приказ усилить корпус Витгенштейна войсками Платова и Штейнгеля, доведя его численность до 45 тысяч. 8–9 ноября Витгенштейн известил Кутузова о полной победе, одержанной им при Чашниках над войсками Виктора. Все еще уверенный в способностях этого генерала, Кутузов поставил перед ним важную задачу, от решения которой зависела судьба всей дальнейшей операции: не допустить соединения корпусов Удино и Виктора, по рапортам Витгенштейна, уже им разбитых, с главными силами Наполеона. Сразу оговоримся: Витгенштейн с этим не справился, после чего успех всей операции стал сомнителен.

Современники упрекали Витгенштейна в том, что он опоздал к месту сражения, но Кутузов знал, что тот «провинился» гораздо раньше.

10 ноября Кутузов отдал распоряжение Чичагову: удерживать стремление Наполеона на город Борисов, в то время как Витгенштейн справится с Удино и Виктором, а главная армия Кутузова нанесет удар с тыла. Кутузов назвал адмиралу еще два возможных варианта движения войск Наполеона: через Борисов правым берегом Березины к Минску или из Бобра на Игумен, Минск, Несвиж. Причем Кутузов указал, что последнее направление будут контролировать главные силы армии.

Далее события развивались совсем не по плану. Пока Кутузов с главными силами в деревне Дубровка ожидал сведений, какую дорогу выберет Наполеон, генерал Ермолов, что явствует из его письма Витгенштейну от 11 ноября, но о чем он «забыл» сообщить в Записках, потерял неприятеля из виду при переправе через Днепр. В результате французы соединили свои силы всего в одном переходе от Борисова. Витгенштейн, по словам Ермолова, «был кругом обманут французами» и теперь старался, по крайней мере, не потерять их из виду. Если Витгенштейн вел себя пассивно, то Чичагов в это же время развил активность, которую можно объяснить лишь его беспокойным характером. Он впоследствии полностью оправдывал себя в Записках, но воспоминания его подчиненных, сохранившиеся в Российском государственном военно-историческом архиве, позволяют взглянуть на него иначе. 9 ноября авангард генерала И. Ламберта овладел Борисовом и обнаружил в одном из домов письмо Наполеона генералу Брониковскому, где сообщалось, что 10 ноября в Борисове будет располагаться Главная квартира Великой армии. К изумлению Ламберта, Чичагов этой информацией полностью пренебрег, расположив в этом городе, в тылу которого находилась река, свою собственную Главную квартиру, а также казну, обоз и раненых. Главные силы Дунайской армии были оставлены им на противоположном, ближайшем к французам правом берегу. Эта ошибка Чичагова, имевшая пагубные последствия, отмечалась всеми участниками сражения, так же как и заносчивая самонадеянность адмирала, не способного выслушивать советы. Его действия

11 ноября вообще не поддаются объяснениям: одни считали, что Чичагов решил сам атаковать французов, выслав вперед авангард генерала Палена; другие утверждали, что, напротив, когда ему сообщили, что в одном переходе от Борисова находятся французы, адмирал объявил эти сведения вздором и выдумкой и приказал накрывать столы к обеду; наконец, третьи полагали, что Чичагов направил свой авангард для

установления связи с Витгенштейном, который должен был соединиться с ним в Борисове. Но день закончился плачевно. Его итог подвел Кутузов в рапорте Александру I: «<...> Авангард под командою графа Палена, будучи встречен в 10-ти верстах от Борисова всею <...> неприятельскою армиею, привел оную на плечах своих в Борисов в то время, когда в оном Главнокомандующий спокойно обедал»¹⁷⁰. Следствием была потеря обозов, казны, всех раненых. В адрес адмирала штабс-капитан квартирмейстерской части С. Малиновский заметил, что тот «почти сам способствовал своему поражению»¹⁷¹.

Итак, потеря Борисова создала для Наполеона благоприятную возможность вырваться из окружения, переправившись через Березину. Соратники Чичагова надеялись, что он не допустит этого, заняв «крепкую позицию у Стахова, прикрытую лесами», и приложит силы к тому, чтобы произвести разведку возможных мест переправы французов и, как советовали многие генералы, послать наблюдательные отряды в обоих направлениях вдоль берега. Но Чичагов замкнулся на рассуждениях о возможных планах Наполеона, и из письма Кутузова от 11 ноября он уяснил только, что цель Наполеона — соединиться с войсками Шварценберга, хотя Кутузов высказал эту мысль как один из возможных вариантов. По мнению же своих соратников генералов Щербатова, Ламберта, Ланжерона, Красовского и других, ему следовало «с главными силами оставаться в центральной позиции против Борисова», а «не ставить себя на фланг неприятельской армии»¹⁷², и предвидеть возможность переправы у Студенок, на которую ему указывали как на выгоднейшую с точки зрения артиллерийского прикрытия. Вместо этого Чичагов предпринял движение к деревне Шабашевичи, где утром 12 ноября был извещен о переправе французов у Студенок, куда смог вернуться лишь 12-го вечером, не имея уже ни физических, ни, главным образом, моральных сил препятствовать этому событию. Соратники Чичагова настаивали на немедленной атаке неприятельских войск, скапливающихся на правом берегу. 14 ноября адмирал весь день наблюдал за переправой, совещался, медленно собирал войска, рассредоточенные вдоль реки. Только отряд генерала Чаплица, которого Кутузов позже немилосердно обозвал «дураком и коровою», весь день провел в перестрелке, вместо того чтобы уничтожить гати через Зембинское болото. 15-го вечером на «хвосте» у корпуса Виктора появился долгожданный Витгенштейн. Его прибытие лишь усугубило положение войск Чичагова: заметив появление новых сил русских, французы ускорили переправу на правый берег. Примерно в это

же время прибыли войска генералов Ермолова и Платова. Чичагов изложил им «предположения к атаке». Но как опытным военачальникам следовало относиться к адмиралу, не имевшему опыта полевых сражений, если неприятельскими войсками командовал Наполеон? По поводу адмирала в армии распространился анекдот: «Когда Чичагов <...> решился атаковать французов, он, по мнению некоторых, обратясь к своему начальнику штаба И. В. Сабанееву, сказал ему: „Иван Васильевич, я во время сражения не умею распоряжаться войсками, примите команду и атакуйте неприятеля“»¹⁷³. И действительно, участники боя свидетельствуют, что ими распоряжался генерал Сабанеев, сразу допустивший ошибку: в то время как неприятель собрался в колонну для прорыва, он, напротив, почти две дивизии «рассыпал в стрелки». «В десять часов утра 17-го числа Наполеон вступил в Зембинское дефиле» — так констатировал исход военной операции генерал Ермолов¹⁷⁴.

Многие современники, а затем историки в провале операции обвиняли и обвиняют сейчас М. И. Кутузова, безусловно, самую крупную фигуру среди русских военных деятелей той поры. Некоторые считают, что с его стороны было стремление навредить авторитету Чичагова, отплатив за прежние обиды. Это мнение представляется нам наивным: адмирал не по вине Кутузова попал в сложное и неловкое положение, согласно шутке генерала Д. С. Дохтурова, «управляя сухопутными войсками „по ветрам“». Умысла со стороны фельдмаршала здесь, очевидно, не было: Чичагов сам сообщил ему преувеличенные сведения о численности своих войск, избегал советов старого полководца. Неосновательными являются обвинения генералов А. Ермолова и Д. Давыдова в адрес Кутузова, якобы умышленно проставлявшего неверные числа на письменных распоряжениях Чичагову. Фельдмаршал поступал так с введомо Александра I, которому сообщил, что, не ведая местонахождения Дунайской армии, числа будет выставлять на исходящих бумагах приблизительно, и уже в этом заключалась трудновыполнимость кабинетного плана, согласно которому, при несовершенстве средств сообщения, несколько участников должны были явиться одновременно в одном и том же месте. Для Кутузова, вероятно, было неожиданным разочарование в Витгенштейне, который не выполнил ничего из того, что от него требовалось. «Отдельные действия Витгенштейна оправдать нельзя, а могут они только прощаться ради тогдашней славы его», — признался полководец. Нельзя признать полностью справедливыми упреки в том, что фельдмаршал не торопился к месту сражения. Он выслал вслед за армией Наполеона сильные и наиболее боеспособные войска под

общим командованием генерала Милорадовича; главные же силы его армии сами нуждались в отдыхе. Так, князь А. Б. Голицын вспоминал: «Кутузов после сражения под Красным <...> решился не изнурять войско свое усиленными маршами». Вот слова фельдмаршала по поводу их состояния: «Я желаю, чтобы существование большой нашей армии стало для Европы действительностью, а не химерою <...>»¹⁷⁵. Кстати, о Европе. Англичане усиленно обвиняли Кутузова в том, что он сознательно выпустил Наполеона из России. Так, английский эmissар в штабе русской армии сэр Р. Вильсон писал о Кутузове довольно резко: «Он просто старый прожженный плут, ненавидящий все английское <...>»¹⁷⁶. Сэр Вильсон требовал от английского посла в России лорда Кэткарта добиваться у Александра I отставки Кутузова, обвиняя его в пристрастиях к Наполеону. Фельдмаршал действительно произнес фразу, что «ему достаточно видеть неприятеля уходящим из России». Что касается его отношения к Чичагову, то, по свидетельству современников, «Кутузов говорил с насмешкою, что простить даже можно Чичагову по той причине, что моряку нельзя уметь ходить по суше и что он не виноват, если Государю угодно было подчинить такие важные действия в тылу неприятеля человеку, хотя и умному, но не ведающему военного искусства <...>». В заключение хочется добавить, что старый фельдмаршал, наверное, изменил бы самому себе, если бы не отправил после событий на Березине письмо Чичагову, где поместил такие двусмысленные строки: «Лестно всякому иметь такого сотрудника и такого товарища, какого я имею в Вас»¹⁷⁷.

Глава четырнадцатая

ПОСЛЕДНИЙ ПОХОД

12 декабря, спустя ровно полгода после «открытия военных действий», в Вильне вновь состоялся бал, который устроил фельдмаршал М. И. Кутузов по случаю дня рождения государя императора. В числе приглашенных были все офицеры гвардии, для которых конец похода был ознаменован подлинным военным торжеством. В этот день П. С. Пущин записал в Дневнике: «Вечером город был великолепно иллюминирован. Были употреблены те же самые украшения, которые употреблялись во время празднеств, устраиваемых Наполеону, с некоторыми необходимыми изменениями, так заменена буквой „А“ буква „Н“, заменен русским двуглавым орлом — одноглавый французский. По-видимому, радость и ликование были всеобщие. Фельдмаршал дал бал, закончившийся в 4 часа утра. Два неприятельских знамени, очень кстати полученные от генерала Платова из авангарда перед самым балом как трофеи, были повергнуты к стопам государя, когда он входил в зал, и тут же его величество возложил на князя Кутузова орден Св. Георгия 1-й степени»¹.

21 декабря в Вильне генерал-фельдмаршал светлейший князь Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов-Смоленский поставил свою подпись под знаменитым приказом по армиям: «Храбрые и победоносные войска! Наконец вы на границах Империи, каждый из вас есть спаситель Отечества. Россия приветствует вас сим именем. Стремительное преследование неприятеля и необыкновенные труды, подъятые вами в сем быстром походе, изумляют все народы и приносят вам бессмертную славу. Не было еще примера столь блистательных побед. Два месяца сряду рука ваша каждодневно карала злодеев. Путь их усеян трупами. Токмо в бегстве своем сам вождь их не искал иного, кроме личного спасения. <...> Не останавливаясь среди геройских подвигов, мы идем теперь далее. Пройдем границы и потщимся довершить поражение неприятеля на собственных полях его. Но не последуем примеру врагов наших в их буйстве и неистовствах, унижающих солдата. Они жгли дома наши, ругались Святынею, и вы видели, как десница Вышнего праведно отметила их нечестие. Будем великодушны, положим различие между врагом и мирным жителем. Справедливость и кротость в обхождении с обывателями покажет им ясно, что не порабощения их и не суетной славы мы желаем, но ищем

освободить от бедствия и угнетений даже самые те народы, которые вооружались противу России»². В последние годы у нас появилась литература, убеждающая читателей в безусловном процветании «под скипетром владычества Наполеона» европейских народов, в связи с чем у них не было необходимости освобождаться от его порабощения. К сожалению, авторы порой смотрят на события Наполеоновских войн глазами ветеранов Великой армии, с восторгом приводят цитаты из их мемуаров, игнорируя мнение тех, кто не служил под знаменами Наполеона, пытаясь выжить в те непростые времена. Так, свидетельство ганзейца И. А. Эренстрема совсем не располагает к идиллии: «Гамбургское купечество было очень озабочено близким соседством французской армии и опасалось, что его сословию тяжело придется почувствовать это соседство. Эти опасения оправдались во время моего пребывания там. Так как курфюршество Ганноверское, обремененное долгами еще с Семилетней войны, не в состоянии было выполнить возлагаемых на него контрибуций, а ограниченные его доходы истощались постоянными реквизициями, для содержания и обмундирования расположенных там войск, то пришлось искать других источников для пополнения необходимых средств. Поэтому Бонапарт решил в городах Гамбурге, Любеке и Бремене сделать заем на имя курфюршества; заем этот, разумеется, не мог быть иным, как принудительным, и только страх перед французским оружием мог принудить эти города дать требуемые деньги. Упомянутый выше генерал Леопольд Бертье, которого я видел в Ганновере, был послан из Парижа с поручением — уладить этот заем. Он, в сопровождении своей жены, прибыл в Гамбург, в бытность мою там, и был именно подходящий человек для исполнения такого неприятного поручения. Тотчас, по приезде туда, он потребовал, чтобы сенат был созван, и передал ему возложенное на него дело в такой форме, что о долгом рассуждении не могло быть и речи. Он назначил цифру долженствующего быть займа, а равно и какая из него часть должна была пасть на долю Гамбурга; уплату остальных частей займа пришлось почувствовать городам Любеку и Бремену. Напрасны были возражения гамбуржцев, что денег не имеется; он настаивал на том, что их можно взять из банка; ему пытались разъяснить, что у банка нет собственных фондов; но в этом его нельзя было уверить, и он окончил тем, что потребовал, чтобы на другой день ему дан был категорический ответ, и дал понять, что, если требование не будет немедленно и добровольно исполнено, то город займут французскими войсками — величайшее из зол, могущее постигнуть этот город. Эта угроза не замедлила иметь желанное действие. Приведенный в ужас сенат подчинился насилию и обязался в

определенное непродолжительное время представить требуемую значительную сумму денег, что и было на следующий день сообщено прибывшему генералу в заседании сената. Достигнув таким образом цели возложенного на него поручения, он имел еще бесстыдство напомнить, что его сопровождает его жена и что есть обычай, что при сделках подобного рода с французскими генералами женам их подносили денежный подарок *pour leurs epingles*(\), соответствующий чину их мужа. Гамбургскому сенату пришлось уступить и этому требованию и избавиться от алчного посланца подарком его жене, сколько припомню, в 8000 гамбургских рейхсталеров. Получив эти деньги, Бертье уехал в Любек и Бремен для такой же операции.

Время это было богато примерами такого грабительства. Прусский министр-резидент в Гамбурге однажды при мне рассказывал шведскому резиденту Пейрону о следующем случае. Депутат от города Бремена, живший в Париже для охранения выгод своего города, при происходившем тогда деле о вознаграждении и секуляризации в Германии, бразды которого Франция держала в своих руках, был однажды приглашен к Талейрану, который спросил его, не хочет ли уж город его стать в независимое положение и не считает ли он для себя не нужным покровительство Франции. Депутат, испуганный таким вопросом, отвечал, что он, в сущности, за тем и послан своим городом, чтобы просить для него покровительства Франции, и прибавил, что не может понять, почему могло возникнуть высказанное им подозрение. Это весьма понятно, сказал Талейран. Все князья и государства Германии, которые при настоящих обстоятельствах ищут покровительства и защиты Франции, в доказательство своего дружелюбного образа мыслей, являлись уже с большими или меньшими приношениями к г-же Гранд (*Grand*), (любовнице Талейрана, а впоследствии его жене), а она сообщила мне, что и слуху не было о городе Бремене. Бременец, крайне изумленный этим беззастенчивым требованием, отвечал, что ему не было известно это обстоятельство, что он на такого рода случай не получил инструкций от своих доверителей; но что немедленно напишет в свой город и попросит указаний относительно этого. На это Талейран ему сухо ответил, что он может делать какие ему угодно проволочки; но что через четыре дня он представит Первому консулу свой доклад о Германии, который касается и интересов города Бремена, но что решенное тогда останется бесповоротным; затем Талейран отпустил его. Бременец хорошо понял значение сказанного ему, поспешил удалиться, чтобы на свой страх занять значительную сумму денег, и на следующее утро отнес эти деньги г-же

Гранд, у которой велел доложить о себе, как о депутате города Бремена. Он сейчас же был принят, застал у нее много посетителей, запинаясь, изъяснил ей цель своего прихода и получил в ответ: „C'est bien, monsieur, mettez cela sur la table^[3], после чего он сейчас же удалился“³.

В этом же ключе воспринимал годы правления Наполеона и роялист граф П. Ф. де Боволье. Несмотря на амнистию вандейцам, Наполеон всегда подозрительно относился к Боволье, каждый приезд которого в Париж оканчивался тюремным заключением и высылкой в его родовые земли, где он жил под надзором полиции. В начале 1812 года граф Боволье был назначен интендантом 5-й кирасирской дивизии. Он сделал весь „русский поход“ от Парижа до Москвы; под Боровском был взят в плен, представлен Кутузову и в 1814 году возвратился в Париж. В том же году он составил свои Записки, воспроизводившие „реалии“ эпохи, среди которых он жил: „Движение армии (Наполеона к русским границам) в пределах Пруссии ознаменовалось такими страшными реквизициями, что ненависть пруссаков не знала уже границ; к тому же командир французского корпуса (дивизии), генерал Кампан, вел свои полки по прусским областям с развернутыми знаменами, барабанным боем, с готовым пальником, что оскорбляло население. Когда прусский король Фридрих Вильгельм объявил, что вступает в союз с Наполеоном против России, общее негодование охватило всю Пруссию и было особенно сильно среди военных, которые считали унижением для себя служить Франции, столь враждебной их родине. Прусские офицеры, громко высказывавшие свое неудовольствие, были арестованы и заключены в крепость. Вся Пруссия искренно желала Наполеону полной неудачи. На Эрфуртской конференции (в 1808 году) Пруссия признала свой долг Франции в размере 141 миллиона франков. Пользуясь этим, французская армия, вступив в пределы Пруссии, собирала реквизиционным путем продовольствие и фураж, стоимость которого шла в уплату долга, причем цены на продукты устанавливались французским интендантством. Население, от которого отбирались хлеб, скот, водка, сено и овес, получало вместо платы квитанционные расписки французского кригскомиссара, по которым должно было взыскивать деньги с прусского казначейства, объявившего уже в то время о своей несостоятельности! Не удивительно, что проход французской армии по прусским землям представлялся пруссакам какой-то карой Божией; Франции же он ничего не стоил, так как, по положению прусских финансов, она не могла и рассчитывать на уплату ей прусского полуторамиллионного долга“⁴.

В отечественной историографии прочно укоренилась традиция считать Александра I и М. И. Кутузова антагонистами во взглядах на целесообразность Заграничного похода. Например, академик Е. В. Тарле считал Светлейшего убежденным противником этого предприятия. Казалось бы, в пользу того говорит и диалог, приведенный в Записках А. С. Шишкова, государственного секретаря и автора всех правительственных манифестов 1812–1814 годов: „В бытность нашу здесь (в Вильне) имел я однажды с фельдмаршалом князем Смоленским следующий разговор:

Я. — Разрешите мое сомнение, зачем идем мы за границу?

Он. — Для продолжения войны.

Я. — Зачем продолжать ее, когда она кончена? Можно ли предполагать, что Наполеон, пришедший сюда со всеми своими и европейскими силами и сам по истреблению всех его полчищ и снарядов насилу отселе ускакавший, может покуситься вторично сюда прийти?

Он. — Я думаю, что не придет. Довольно и одного раза быть так отпотчивану.

Я. — А сидя в своем Париже, какое может он сделать нам зло?

Он. — Нам, конечно, нет, но господство его над другими державами, Австрией), Пруссией, Саксонией и прочими, останется то же, какое доселе было.

Я. — Если мы идем освобождать их, то цель войны должна быть та, чтоб Наполеона свергнуть с престола, ибо в них самих не будет твердости, то он и по замирении рано или поздно возобладает над ними: честолюбивые намерения его не престанут в нем пылать. Буде же предполагается вырвать из рук его Францию, то это по многим причинам не так легко: 1-е, Пруссия бессильна, поработана, во многих ее городах сидят французы; 2-е, Наполеон женат на дочери австрийского Императора и уже имеет от ней сына; 3-е, саксонский король по расчетам своим или от страха предан совершенно французскому двору. По всем сим обстоятельствам, может быть, и самые победы наши не ободрят их столько, чтобы поднять оружие и вступить с нами в союз. Итак, не будучи в них уверены, мы идем единственно для них, оставляя сгоревшую Москву, разгромленный Смоленск и окровавленную Россию без призрения, с новыми надобностями требовать от ней и войск, и содержания их.

Он. — Да! Признаться должно, что этот великодушный наш поступок и ожидаемая от того слава сопряжены с немалыми пожертвованиями и великою отважностью.

Я. — Хорошо, если предприятие наше увенчается успехами, но ежели, паче чаяния, мы, зашедши далеко, принуждены будем прогнанные и с

потерями возвратиться назад, то, подняв опять Наполеона, не лишимся ли мы тех преимуществ, какие теперь над ними имеем? Не скажет ли Европа: они сравнялись, прогнали взаимно друг друга и кто из них одержит верх — неизвестно?

Он. — Да, это правда! Будущего нельзя знать.

Я. — Для чего не остаться нам у себя в России, предлагая утесненным державам, чтобы они воспользовались удобностью случая освободить себя из-под ига Франции? Можно, если они ополчатся, обещать им вспомоществование частью наших войск, как Павел I помогал Австрии, послав к ней Суворова с войсками, но не участвуя в том всем своим царством. Тогда если б и последовали какие неуспехи, уважение других держав к могуществу России особливо же низложением исполинских наполеоновских сил приобретенное, нимало бы чрез то не уменьшилось.

Он. — Я сам так думаю, но Государь предполагает иначе, и мы пойдем далее.

Я. — Если и вы так думаете, то для чего же не настаите в том пред Государем? Он по вашему сану и знаменитым подвигам, конечно, уважил бы ваши советы.

Он. — Я представлял ему об этом, но первое, он смотрит на это с другой стороны, которую также совсем опровергнуть не можно, и другое, скажу тебе про себя откровенно и чистосердечно: когда он доказательств моих оспорить не может, то обнимет меня и поцелует, тут я заплачу и соглашусь с ним.

Сим кончился разговор наш. Да не подумает кто, что я сии последние слова, по особой ко мне доверенности сказанные, привожу для помрачения славы того, кто, по заслугам своим Отечеству, соединил в себе Пожарского с Румянцевым и Суворовым. Нет, я чту память его священной, но что правда, то правда! Кутузов, искусный и храбрый пред неприятелем полководец, был робок и слаб перед Царем. Он пошел бы за Отечество на верную смерть, но ни в коем случае не мог бы сделать того, что сделал Сюлли с Генрихом IV, оттащив его насильно от слез любимой им женщины, преклонявшей его к предосудительному поступку. Сия слабость в столь знаменитом муже, каков был Кутузов-Смоленский, показывает только, что человеку несвойственно совершенство⁵. Почему-то слова Михаила Илларионовича, будто бы по „доверенности сказанные“, не производят впечатления откровенности; он, скорее, ушел от бесплодного разговора, прекратив его фразой, которую мог бы и не произносить во избежание осуждения. Он был хорошим психологом и конечно же предвидел, что его собеседник адмирал Шишков, который все понимал

буквально, именно так его и поймет, ужаснувшись его слабости. Кутузов же, зная, что его упрекали в отсутствии твердости перед государем, нарочито демонстрирует это качество, подобно тому, как он демонстрировал всем своих „владычиц“.

Кутузов, вероятно, понимал, что с изгнанием Наполеона из России война в Европе приобретет новый размах. „Горделивому повелителю“ трудно будет снести унижение, свидетелем которому оказались вчерашние побежденные. „Вид их был страшен, — пишет свидетель из Бартенштайна, — носы, уши, руки и ноги были обморожены, однако их грустный вид был отчасти смешным. Офицеры и солдаты, укрываясь от холода, закутались в шерстяную одежду и разного рода меховые шапки. Дамские шубы и пальто на меху спасали от холода многих героев“⁶. Как некогда заметил сам Светлейший: „Бонапарте не может с бешенства чего-нибудь не предпринять“. Естественно было предположить, что Наполеон будет цепляться за власть над той частью Европы, где он пока оставался полным хозяином. Поэтому русские войска шли по его следу. 25 ноября Светлейший сообщал императору: „Ежели неприятель в Вильне не остановится, что полагать можно, потому что неуповательно, чтоб он мог соединиться с князем Шварценбергом так скоро; неверно также и то, чтобы успел или возмог с ним соединиться Макдональд; по-видимому, напротив, должно думать, что из отдаленных пунктов, в которых сии части находятся, соединение их последовать не может к одному центру, как долгими радиусами, то есть за Неманом. Хотя и должен я буду с Главною армией на некоторое время около Вильно остановиться, дабы дать ей несколько собраться <...> но легкие войска корпусов графа Витгенштейна и армии адмирала Чичагова действовать будут за Неман. Во всяком случае, за правило я себе поставлю не касаться границ Австрии, хотя бы Шварценберг, убегая войск наших, и вступил бы в свои пределы. Но каковы поступки наши должны быть с Пруссиею, о том бы нужно было мне знать волю Вашего Императорского Величества. Между тем, если бы случилась надобность войти в границы Пруссии, тогда сие безостановочно сделаю. Но и вступая в границы, есть разница в поступках против непосредственного неприятеля, или такого, который по несчастным обстоятельствам завлечен в сию войну“⁷. Мы видим, что еще до приезда Александра к армии русские войска перешли через границу, о чем Кутузов ставит императора в известность, спрашивая дальнейших распоряжений в отношении пруссаков и „цесарцев“: „<...> Может быть, Ваше Императорское Величество в сем случае какое-нибудь различие поставить

изволите?“ Суть противоречий между ними заключалась в следующем: государь плохо представлял себе положение русской армии, численность которой после 800 верст зимнего преследования неприятеля сократилась в четыре раза и составляла всего 27 тысяч при 200 орудиях. По этому поводу в донесении императору Светлейший заметил, что эту численность „должно было утаить не только от неприятеля, но и от самих чиновников, в армии служащих, и для того сведения сии собирались по полкам и бригадам“. 48 тысяч человек осталось в госпиталях и числилось отставшими, что было естественно в ходе „кампании претруднейшей“. Кутузов полагал, что последним нужно около двух недель, чтобы, отдохнув и отогревшись, добраться до Вильны. Он также оставлял войска в освобожденных городах, где после ухода наполеоновских войск не было ни администрации, ни гарнизонов, чтобы наладить жизнь местного населения, опасавшегося огромного количества мародеров из обеих армий. Регулярные войска заменялись по мере поступления ополченцами, позволявшими им возвращаться к армии. Необходимо было дожидаться резервов (около 43 тысяч), которым также требовалось время на соединение с армией Кутузова. При отсутствии государя для Светлейшего не составляло проблемы молча поступать по-своему. Остановив войска в Вильне, он возразил против немедленного движения всей армии за границу, не скрывая горькой иронии: „<...> Ежели бы не приостановясь, а продолжали действие ею (армией) верст на полтора, тогда бы, может быть, расстройка ее дошла до такой степени, что должно бы, так сказать, снова составлять Армию“. Наполеон тем временем объявил два рекрутских набора: один — когда отступал от Смоленска, а второй — уже вернувшись во Францию. Русским войскам требовалось время на восстановление коммуникационной линии, закладывание баз у западной границы, в то время как Наполеон, вырвавшись из России, сократил коммуникацию, приближаясь к своим базам, созданным накануне войны. Главную же задачу Кутузов видел в том, чтобы не дать соединиться „по долгим радиусам“ корпусам Шварценберга и Макдональда. По этому поводу он рассуждал: „Неизвестны нам силы, какие неприятель мог или может там собрать, и армия его может быть составлена из остатков, перешедших Неман, из того, что присоединить к нему мог Ожеро, также в Пруссии находившийся весь корпус Макдональда или часть одного, наконец, из самих пруссаков“⁸. В итоге французский корпус Макдональда был отеснен на север к Кенигсбергу, а австрийцев удалось „удалить от Варшавы в Галицию“. Последнюю проблему разрешили дипломатическим путем: Шварценберг, формально оставаясь союзником Наполеона, втайне согласовывал маршрут своего движения с

русским командованием. Наши войска постоянно создавали „угрозу“ окружения, что позволило „цесарцам“ отступить в свои границы.

Итак, два „слабых“ и „нерешительных“ (в глазах „прямодушных“ и „волевых“ современников) человека, полководец и царь, из которых один в течение года „угробил“ две неприятельские армии, а второй (в который раз!) поднимал на ноги всю Европу, чтобы низложить Наполеона, снова отправились в поход. 25 декабря Кутузов отправил дочери письмо из Вильны: „Лизанька, мой друг, и с детьми, и с Николаем Федоровичем, здравствуйте! Вот наш Кудашев и генерал, и скоро увидится с женою. Какой счастливец! Мы несколько поутихли, то есть, поизменились. В наших границах уже нет ни одной неприятельской души. Несчастные остатки замороженных французов бежали вдали от меня. Сейчас получил твое письмо от 27-го ноября, в котором ты слишком меня восхваляешь; это может меня испортить. Вчера я писал Дашеньке в Ревель и столько ей наговорил, что сам расплакался. Сегодня мы оставляем Вильну и отправляемся в герцогство Варшавское, куда уже вступили несколько наших корпусов. Катенька часто мне пишет. Прекратилась ли несносная чума? Вчера 20000 пруссаков отделились от французов“. 30 декабря генерал Йорк, командовавший прусским корпусом, решился подписать Таурогенскую конвенцию с представителями русского командования. „Согласно конвенции весь корпус отделялся от корпуса Макдональда и оставался нейтральным впредь до решения Пруссим Королем вопроса о союзе с Россией. <...> Известие о заключении Таурогенской конвенции было ужасной новостью для Пруссим Короля и государственного канцлера Гарденберга. Причём получили они её за дружественным обедом с французским послом Сен-Морсеном и маршалом Ожеро. Гарденберг выразил французскому посольству возмущение по поводу действий Йорка, заверив также, что генерал будет арестован и предан суду. Любопытно, что Йорк, узнав об этом, в свою очередь, также торжественно, но уже в кенигсбергской газете объявил, „что в прусском государстве газета не является официальным государственным органом, что ещё ни один генерал не получал отставки через газету“. С. М. Соловьёв предположил, что Фридрих Вильгельм III „стал играть в двойную игру: перед французами не одобрил соглашения Йорка, послал генерала Клейста сменить его; но Императору Александру дал знать, что одобряет поступок Йорка, только явно признавать его не может“⁹. Действительно, король тайно предупредил Йорка: „как скоро он узнает об указе генералу Клейсту арестовать его, то отдался бы под покровительство Императора Александра и старался

держаться недалеко от прусского войска“¹⁰. Это была та ситуация, когда следовало стремиться не к уничтожению живой силы противника, который в любой момент мог превратиться в союзника, а к захвату его территории. 1 января 1813 года, находясь на границе герцогства Варшавского, Михаил Илларионович отправил письмо Екатерине Ильиничне: „Дай Бог, чтобы тринадцатый год кончился так счастливо, как начинается. Сейчас едет курьер. Я, слава Богу, здоров. Государь, слава Богу, с самого приезда ничем не пожаловался, хотя и не бережется никак. <...> Не знаем, когда будем в Варшаве, а ежели будем, то не остановимся, тебе, мой друг, никак приехать будет не можно. Детям благословение“¹¹.

3 января Кутузов вспомнил про девицу А. П. Бунину, которая посвятила ему оду, восхваляя мужество полководца, который пожертвовал Москвой, чтобы сохранить жизнь русских воинов. Светлейшему эта мысль не понравилась: „Я весил Москву не с кровью воинов, но со спасением России“. Но он не представлял себе, что может оставить без благодарности этот знак внимания к себе, поэтому обратился к Екатерине Ильиничне: „Скажи, пожалуйста, что за девица Бунина, которая оду писала? Хотя эта ода мне мало принадлежит, но для чего не поблагодарить; только не знаю: кто, где и как зовут?“¹² 10 января полководец отправил письмо любимой дочери, которая находилась в эти дни в Крыму: „Лизанька, мой друг, здравствуй. Вот, мое дорогое дитя, я и в Пруссии. Когда мы расставались в Петербурге, я, конечно, не надеялся так скоро увидеть эту страну. Едет курьер, но так неожиданно, что я не успею тебе много писать. С некоторого времени Государь с нами и очень ко мне милостив. Он меня очень успокоил, уверяя, что чума в Крыму прекратилась. На прошедших днях я был болен коликами, но теперь уже прошло. Мы приняты пруссаками как братья. К нам их присоединилось до 20000. Только и хотят знать Александра и, кажется, готовы забыть своего Короля. Государь всякий день разъезжает верхом и надо видеть, как пруссаки за ним бегают“¹³. Давно ли его беспокоило здоровье средней дочери? Но вот теперь все чаще в письмах жене он жалуется на свои болезни. 11 января он написал ей из Иоганнштадта: „Я выздоравливаю; осталось несколько кашля, который по утрам беспокоит. Но сегодня был у Государя и поеду к нему обедать“¹⁴. Письма убедительно свидетельствуют о том, что старый полководец, говоря его словами, „достучался до дверей для него запертых“: император окончательно сменил свое нерасположение к нему на милость. Вернее, это была даже не милость: он, наконец, догадался об истинной причине преданности к себе старого полководца, которого он считал то льстецом, то

низким интриганом, который стремился любой ценой быть в фаворе у двора. В глазах Кутузова государь был прежде всего внуком Екатерины Великой, которому он прощал все обиды, старался предостеречь от бед, принимал на себя его промахи. Вероятно, он на всю жизнь сохранил в памяти, как во время их первой встречи в Вильне фельдмаршал, едва живой от усталости, собрал силы и швырнул ему под ноги два французских знамени: символический жест, означавший, что враг Александра повержен. „Вообще Император общался с ним со всевозможным уважением, казалось, он хотел вознаградить его за те неудовольствия, которые ему делались от двора со времени Аустерлицкого сражения“¹⁵. Государь, всякий раз отправляя почту в Петербург, не забывал предупредить об этом Михаила Илларионовича. „13 января. Иогансбург. Вчера, мой друг, писал к тебе с фельдъегерем, а сегодня отъезжает генерал Розен. Я, слава Богу, здоров, но еще поберегаюсь. Сегодня рождение Ели[заветы] Алексеевны, но я у обедни не был и только что поеду к Государю обедать. В заботе крайней я об больных наших в Петербурге. Верно, все трое дети больны. Барклай ожидаем; я думаю, мы с ним не поссоримся, тем более, что не вместе будем жить“¹⁶. Кутузов в те дни, по-видимому, не подозревал об „Оправдательных письмах“ М. Б. Барклая де Толли, которому трудно было пережить триумф старого полководца, в отличие от Светлейшего он не был философом: „...Я давал бы сражения, я засыпан был бы наградами и милостями, тем более, если бы, следуя примерам своих товарищей, тешил бы Вас и публику блестящими реляциями. <...> Когда я дошел до конца этого плана и готов был дать решительный бой, князь Кутузов принял командование армией. <...> Впрочем, пусть князь Кутузов наслаждается своими трофеями, пусть он утешается мыслью, что обратил в ничтожество того, кто подготовил ему их, ибо он только слепо и, надо сказать, вяло следовал за нитью событий, вытекающих из предшествовавших действий“¹⁷. Отстраненный от права распоряжаться армиями, Барклай стал оптимистом: с его слов выходило так, что только приезд Кутузова помешал ему стать бесспорным победителем под Царевом Займищем, на что Александр I не преминул съязвить: „...Так как в Ваши планы входило дать неприятелю рано или поздно генеральное сражение, то не все ли было равно дать его у Смоленска или у Царева Займища?“ Исчерпывающую характеристику всему циклу „Оправдательных писем“ дал, на наш взгляд, все тот же А. И. Михайловский-Данилевский: „Ничтожные слабости, мелкие сплетни оттеняются желчною насмешкою, и ругательства и поносительные слова на всех неприязненных Барклаю де Толли людей... Как радостно

воспользовался бы историк войны 1812-го года запиской Барклая де Толли, если бы при высоком самоотвержении человека, стоящего выше мелких расчетов оскорбленного самолюбия, беспристрастно изложил он свои ошибки, указывая на свои заслуги, и отдал справедливость делам своих соперников. Можно ли верить беспристрастности Барклая де Толли при его явно односторонних описаниях, если при том в его записке не видим ни порядка в идеях, ни полноты в изложении, пропущено важное, говорится о неважном, и все дополняется бранью, недостойною высокого назначения ни того, о ком писано, ни того, кто писал, ни того великого дела, к которому были они призваны¹⁸. Одним словом, сам тон писем Барклая, адресованных государю, был невозможен для Кутузова: для Светлейшего это был „дурной тон“.

Похоже, в последние месяцы жизни фельдмаршала государь редко расставался с ним, зная, что его общество доставляет полководцу радость. По-видимому, и самому Александру Кутузов стал интересен. 14 января Михаил Илларионович сообщал жене: „Сегодня расстаюсь с Государем на одни сутки, негде бы было ночевать ему в гаубт-квартире моей <...>»¹⁹. Александр старался развеять тревоги Кутузова по поводу болезни корью сразу нескольких внуков. Может быть, он впервые узнал о том, что Михаил Илларионович потерял своего единственного сына, в младенчестве подхватившего эту болезнь. Всю свою жизнь Александр был страшно одинок. По-видимому, беседы с фельдмаршалом то о прошлом, то о настоящем, то о войне, то о политике, то за обедом, то за чаем создавали для государя обстановку теплоты и доверительности, от которой он отвык. Может быть, общаясь с Кутузовым, который воплощал минувшее, он забывал о своем разладе с бабушкой и в памяти всплывало самое главное — любовь к нему Екатерины. Ему было трогательно наблюдать за тем, как старый полководец переживал исчезновение домашнего гостинца — трески, о которой Кутузов написал жене в письме из Пруссии 16 января: «От 9-го числа получил твое письмо, мой друг, с фельдъегерем, где ты пишешь, что послала трески, но ее не привезли. Я, слава Богу, здоров и здесь, конечно, все идет хорошо, как военные, так и политические дела. Слава Богу, что дети выздоравливают»²⁰. Благодаря фельдъегерской почте супруги теперь переписывались часто: «24 января, близ Вислы. <...> Теперь не скоро и письма получишь: далеко ушли. Мы, то есть корпус наш, под Варшавой и можно бы занять завтра: жители все сего желают. Но французы так много оставили болезней, что и нехорошо вводить много войск; а станут около, под самым городом. По рапортам к Государю, чума в

Крыму совсем прошла, и я от этого покойнее. Выздоровливающих всех целую»²¹. Государь, очевидно, навел справки и заверил Кутузова, что его дочери Елизавете Михайловне чума не грозит. 29 января фельдмаршал с радостным волнением писал жене из Плоцка: «Вчера, мой друг, писал к тебе с фельдъегерем; а это готовлю с Васильчиковым, который, думаю, завтра поутру поедет. Сегодня поутру Государь говорит мне: „Ты мне всякой день рассказываешь хорошие вести, так и я что-нибудь скажу: 'Опочинину — ленту, а Хитрово совсем прощен'“. <...> Сегодня было здесь молебствие. Когда Государь вышел к разводу, объявил, что Варшава взята, ему закричали „ура!“. Скоро очень я пришел и говорю ему: „сейчас получил, что крепость Пилау сдалась“; он меня обнял и говорит: „мне сейчас кричали 'ура!', должно и тебе“. Закричали „ура!“, и Государь опять меня обнял. Гвардейские были сим тронуты. Детям благословение. Дашеньку, мой друг, поздравляю и тебя и Аннинского кавалера (Опочинина), и целую вас»²². Сцена, столь кратко описанная в письме полководца, в действительности взволновала всех присутствующих. По-видимому, офицеры гвардии, наслышанные о размолвках государя со старым военачальником, искренно переживали по этому поводу. «<...> Государь Император изволил присутствовать при разводе Лейб-гвардии Измайловского полку, и с особенным удовольствием известил храбрых своих воинов, прославившихся и увековечивших царствование его на непоколебимом основании славы и величия, о взятии прежде бывшей столицы Польши. Громогласное ура раздавалось по рядам воинов, сердечная радость и восторг изображались на лицах всех присутствующих. <...> По окончании развода Император в сопровождении храбрых воинов своих изволил шествовать ко дворцу, вблизи коего был встречен фельдмаршалом князем Кутузовым-Смоленским»²³. Можно себе представить, как Михаил Илларионович почтительно стоял впереди небольшой свиты, дожидаясь удобной минуты, когда он сможет объявить о сдаче крепости Пилау государю, который с оживленным, радостным лицом легким шагом направлялся во дворец. Наверное, они составляли полный контраст друг другу: исхудавший, состарившийся от усталости, но старавшийся сохранять осанку старый воин «времен Очакова и покоренья Крыма» и полный здоровья и сил венценосец и «прекрасный мужчина», как признавались современники. «Небесный взгляд» и «невыразимая улыбка», сочетание простоты и величия, даже вертикальная морщина на лбу, придававшая лицу гневное выражение, которую, в свое время, Екатерина II велела «не замечать» портретистам, — все это, независимо от поведения

Александра, напоминало Кутузову его покойную императрицу. И он растроганно смотрел на ее внука, забыв про все обиды, радуясь его радостью. Александр, как известно, не доверял людям, опасаясь быть обманутым в лучших чувствах, но, по-видимому, в лице Кутузова он прочитал столько любви и восхищения, что в то же мгновение забыл, что сам неоднократно называл его лживым стариком. Старик, но не лживый! Михаил Илларионович стоял перед ним весь как на ладони. «Тут открылась новая разительная картина, — рассказывал современник, — превосходящая всякое описание. Монарх, признательный к заслугам престарелого вождя победоносных своих войск <...> спешит к знаменитому князю Смоленскому, поседевшему на поле чести и славы, обнимает его, целует и, обращаясь к воинам, произносит „ура!“. Сей Монарший восторг перешел мгновенно в души всех свидетелей сего единственного зрелища, и единодушное „ура!“, переливаясь из уст в уста, наполнило окрестные места громкими его откликами. Фельдмаршал, преклонный летами, маститый старостью, покрытый славою, знаменитый победами, с изъявлением живейшей благодарности бросается к Государю, ознаменовавшему старость его столь многими милостями и щедротами. Слезы сердечного восхищения блистали на глазах Монарха, полководца его и всех присутствовавших». Одним словом, по свидетельству очевидцев, плакали в эту минуту все. «Воины воскликнули еще троекратно „ура!“, и потом музыка, игравшая пред дворцом, долгое время, казалось, повторяла еще все изливания общих радостных чувств и продолжала сии восхитительные и незабвенные минуты. Что может быть восхитительней сей единственной сцены?» Кстати, сдача крепости Пиллау — еще одно убедительное свидетельство тайной, но упорной вражды европейцев по отношению к наполеоновской Франции. «Имеются свидетельства того, что горожане, по приказу прусского коменданта крепости полковника Треско, а по другим данным под руководством бургомистра Фляха, приступили к созданию народного ополчения, в которое записалось 700 моряков торгового флота. Готовясь к выступлению против французов, они втайне по ночам учились владеть оружием. <...> 24 января М. И. Кутузов через генерала П. Х. Витгенштейна объявляет генералу Йорку, „чтобы он, не теряя времени, приступил к переговорам с Пилавским комендантом“. Прусской части гарнизона предлагалось присоединиться к Таурогенской конвенции. Французским же солдатам разрешался выход со всеми воинскими почестями, но маршрут их движения указывался русским командованием, причем не к Данцигу, а строго в направлении Одера. Боясь усиления французского сопротивления у Данцига, М. И. Кутузов также строго

запрещал отпускать пленных „в свое отечество“ и требовал посылать их только в Россию. <...> 7 февраля 1813 года русские войска приблизились к крепости на пушечный выстрел и установили батареи, потребовав сдать крепость. После демонстративной подготовки русскими войсками штурма крепости начальник прусского отряда гарнизона крепости полковник Треско заявил, что пруссаки не будут сражаться против русских и готовы присоединиться к корпусу Йорка. А 7 февраля 1813 года французский комендант Пиллау генерал Каstellла подписал условия капитуляции. <...> В городской хронике Пиллау была сделана запись: „Все опасности были позади, и занялась заря светлого будущего“»²⁴. 31 января Михаил Илларионович отправил из Плоцка домой награды и царские подарки: «С генерал-адъютантом Васильчиковым послал я, мой друг, бриллиантовые вещи, которые, пожалуйста, сохрани: табакерку, солитер, часы и шпагу»²⁵. На следующий день он отправил подробное письмо дочери Елизавете, чтобы она узнала обо всем: и о новом отношении к нему государя, и о событиях, в которых они вместе участвовали за границей: «1 февраля. Плоцк. Лизанька, мой друг, здравствуй. Я очень доволен, зная, что ты в Севастополе, где, как я надеюсь, нет чумы; по крайней мере, Государь меня в этом сегодня уверил. Ты меня просила не есть много устриц. Расстройства желудка у меня от них не было, потому что я ни одной не видал. Вот уже четвертый день, что Варшава занята Милорадовичем. Жители желали иметь наши войска. Варшавские щеголихи премило витийствуют; как например: „Господа, вы ведете себя как ангелы, но хотите, чтобы вами любовались“. Другая говорит: „Посудите, как мы несчастны: вы нас принуждаете вас любить и презирать французов“. Еще другая говорит: „Отчего я не русская, я бы разделяла вашу славу“. Бонапарт, проезжая через Варшаву, сказал польскому министру Потоцкому: „6-го октября я был еще властелином света, а сегодня уже нет. Как мало расстояние между величественным и смешным!“ Боже мой, когда я буду с вами! Опочинин получил Анну 1-й степени»²⁶. Из последней строки заметно, что Кутузову очень хотелось разделить радостные минуты со своими близкими. Александр был человеком деликатным. Он помнил, что во времена Екатерины чин фельдмаршала и титул светлейшего предполагали, что их обладатель благодетельствует тем, кто к нему обращается. Кутузов не обладал состоянием Потёмкина, но государь предоставил ему возможность вернуться в старые времена. 4 февраля Кутузов писал из Кладова: «У нас все, слава Богу, хорошо. Последние происшествия те, что Воронцов разбил четырехтысячный корпус и прогнал

его к Познани. Винцингероде поймал корпус Ренье, который прежде был у Варшавы и долго очень от нас прятался, — у Калита его разбил, взял семь пушек, два знамя, генерала саксонского, Ностица, 36 офицеров и до двух тысяч рядовых. И гнал их день и ночь. Неприятель был тысячах в пятнадцати. Они все были с Шварценбергом и в Варшаве: оттого так целы. <...> Об девице Буниной я сегодня просил. И Государь приказал ей *умножить пенсioen до двух тысяч рублей* (выделено мной. — Л. И.). Об этом я уже сказал и Александру Семеновичу. Можешь ей об этом объявить и от меня поклониться. А все-таки я не так весил Москву, не с кровию воинов, а со всею Россиею»²⁷. 18 февраля из Калиша он снова посетовал на недуг: «Я все не могу совсем оправиться, все прихватывают маленькие колики, и несколько дней сижу дома от дурной погоды, и Государь всякий день у меня. Вчерась я имел честь подписать трактат с Пруссией, а от их подписал Гарденберг <...>»²⁸. А. И. Михайловский-Данилевский вспоминал: «Когда недуги не позволяли ему (Кутузову) докладывать Императору по делам, Его Величество приходил к нему сам, и часто заставая не одетым старца, увенчанного лаврами, занимался с ним делами в его кабинете». Конечно же все родные и близкие Кутузова не могли не нарадоваться тому, что человек, которого они искренне любили, был оценен не только в кругу семьи и близких друзей. Кутузов же очень тосковал без них. «Вот вам еще хорошее известие, — сообщал он 22 февраля. — Берлин взят и войсками графа Витгенштейна занят; Кенигсберг также называется столицею Пруссии; итак, вышед из пределов своих, мы уже занимаем третью столицу. <...> Поздравляю с приездом Аннушки и с Мишенькой. Как ты, мой друг, счастлива, что живешь с ими, а я все скитаюсь, окружен дымом, который называют славою; но к чему постороннему не сделаешься равнодушным? Я только тогда счастлив, когда спокойно думаю о своем семействе и молюсь за их Богу. <...> Табак, который был прислан, очень хорош и прошу прислать несколько жестянок. Несколько дней не выезжал, а сегодня даю Государю бал, и так как это в другом доме, то выеду. Вся болезнь в том, что часто прихватывают колики, хотя весьма легкие. Аннушкино и Дашенькино письма такие благодарные, что я и не знал, что я такое для них сделал...»²⁹ Наблюдательный Александр скоро заметил особую привязанность Кутузова к внучке. «25 февраля. Поздравляю, мой друг, с фрейлиною. Несколько дней назад, как разведывали, сколько ей лет; а Государь мне сказал только вчерась: это за мир с Пруссией. <...> А к тебе посылаю портрет мой, в Берлине сделанный наизусть; в немецкой земле далее всяких манеров есть и по две копейки по

деревням. Забыл по сию пору послать здешних гостинцев; все эти дни в суетах. Последний день масляницы был у меня бал, дам до пятидесяти. Вчерась отвез сам принцу Александру Виртембергскому третьего Георгия и первого Владимира, и он очень рад. <...> Хотел отправить левантинов, но курьер едет и уже ночь, то и нельзя ни рассмотреть, ни сторговать, пришло с будущим курьером, также и новой фрейлине 500 р. на платье...»³⁰ Об этой же новости Михаил Илларионович торопится сообщить дочери в Крым: «27, 28 и 29 февраля. Калиш. Лизанька, мой друг и с детьми, здравствуй! Два дня тому назад Государь сделал мне приятный сюрприз, объявив, что послал шифр Катеньке; ему я никогда не говорил, как я люблю этого ребенка, но в Главной квартире это знали. Это было по случаю трактата, заключенного мною с Пруссией, которая дает нам 100000 войска; Катенька — добыча этого приобретения. За несколько дней узнавали, сколько ей лет и действительно ли я ее так много люблю. Не знаю, доставит ли ей это удовольствие; она довольно равнодушна к подобным вещам. Мы остановились здесь на некоторое время. Надо вздохнуть, пока наши отряды в Саксонии и в Гамбурге. Итак, наши войска в течение этой зимы перенесли с берегов Оки к берегам Эльбы. Саксонский король покинул свою столицу и не знает, куда отправиться. Все немецкие народы за нас. Даже саксонцы и владетельные князья Германии не в силах остановить этой реакции и им остается только следовать ей. Между прочим, примерное поведение нашей армии есть главная причина этого энтузиазма. Какое благонравие солдат! Как держат себя наши генералы! Милорадович, разговаривая со мною об этом, сказал: „даже Милорадович сделался скромн“. <...> Ты уезжаешь на Кавказ; но когда же мы увидимся? Знай, что я очень состарился в течение этой зимы. Я очень похудел и большое движение меня утомляет. Государь поехал в Бреславль, где его приняли как Ангела-хранителя. Он сегодня вернется. Посылаю тебе мой портрет, гравированный в Берлине по памяти и рассказам обо мне. В Богемии есть и с красками — по две копейки за экземпляр. Сегодня французский принц и многие члены парламента меня о нем просят. Тот, который для Государя сделан в Берлине, так похож, что, когда он его получил, то прослезился. За него я получил чувствительную любезность от Государя»³¹. Зная характер Александра, в глазах современников не менее хитрого и двуличного, чем Кутузов, можно предположить, что император демонстрировал единение с фельдмаршалом из политических соображений, принимая во внимание его популярность за границей. Но разве можно объяснить корыстными побуждениями желание государя

иметь портрет Михаила Илларионовича? И, уж конечно, никакие «политические виды» не заставили бы внука Екатерины заплакать при виде сходства портрета с оригиналом. Кутузов же продолжал, при активном содействии Александра, совершать добрые дела, отличавшие во все времена «большого вельможу». Число людей, обращавшихся к Светлейшему за самой разнообразной помощью, было немалым. 1 марта он сообщал жене из Калиша: «Ты еще, кажется, писала о Черепанове, который обойден в генерал-майоры? Он был в кампании при вагенбурге; а здесь производят только тех, которые в сражениях отличились, и этих награждать больше нечем. Но по старшинству же ни один не произведен. Вчерась произвели Кайсарова, также за отличность. <...> Государь сегодня приобщался и говел по-христиански. Он отъедет, думаю, дня на три в Бреславль. <...> Об Пизани вчера говорил. Государь взял к себе и сказал: „Я за это возьмусь“. Об Валуеве и не помню, что ты писала; об Валуеве напомни мне. Сейчас получил письмо твое от 20-го февраля. К патриотическим дамам буду писать. А вы, удивительные люди, что курьер не приехал семь дней, вы и в страхе. Ведь мы от вас ушли на тысячу верст. Дороги сделались похуже, так и разница курьеру дня три»³². Через неделю он вновь пользуется фельдъегерской почтой для сообщения известий о себе и государе: «Сейчас из Бреславля едет курьер в Петербург, и Государь вслед за ним. Он там три дни гостил. Прием был чрезвычайный и пруссаки без памяти. Король мне отдал в команду свои войски. Не смею задержать курьера, и Государь должен сейчас приехать. С будущим курьером надеюсь много писать о дрезденских праздниках. Наши на Эльбе и здесь все тихо»³³.

Из письма явствует, что старый полководец с нетерпением ожидал возвращения государя из Бреславля, чтобы обсудить с ним военные и политические новости. Со стороны может показаться, что Михаил Илларионович почивал на лаврах. Именно так и представляли себе его положение те, в ком он вызывал недоброжелательство. Конечно, физические силы заметно покидали Кутузова. Но сила нашего героя заключалась не только в двигательной энергии, но и в его умственных способностях, с помощью которых он легко ориентировался в создавшейся ситуации, направляя действия и даже исправляя промахи своих сослуживцев. «Так, 4 марта <...> П. Х. Витгенштейн в прокламации к населению германских княжеств и городов Ганновера, Гамбурга, Бремена и Любека призвал его к совместной борьбе с Наполеоном, но вместе с тем предупредил, что вооруженные немцы в армии Наполеона будут сосланы в

отдаленные русские провинции. В прокламации от 11 марта он допустил бестактность в отношении саксонского короля Фридриха-Августа I, когда написал, что жители Саксонии „должны иметь свободного короля и называться свободными саксонцами“». Главнокомандующий Силезской армией фельдмаршал Г. Л. Блюхер вообще заявил, что отныне Саксония будет управляться прусскими войсками. Спору нет, король Саксонии входил в число наиболее преданных союзников Наполеона, получив от него за усердие королевский титул и значительные земельные вознаграждения за счет Священной Римской империи. Он не мог не сознавать, что в сложившейся ситуации и то и другое находилось под угрозой. Саксонский король не проявил возвышенного чувства преданности к своему благодетелю: в 1813 году он успел дважды предать Наполеона и союзников, меняя курс в зависимости от военных успехов той или другой стороны. Но почести, выпавшие на долю русского полководца в Германии, были исключительными: современник сообщал, что между жителями различных немецких земель нет единодушия, тем не менее его можно восстановить выполнением общего желания, состоящего в том, «чтобы князь Кутузов-Смоленский, победитель Наполеона, принял начальство над всеми ополчениями и войсками Германии»³⁴. 12 марта Светлейший сообщал домочадцам: «У нас опять радостные вести: Гамбург нашими войсками занят. Сегодня едет курьер с известием к государыням, а завтра с ключами генерал Бороздин. Вчерась их привезли, они превеликие, и я их нечаянно принес к Государю и бросил в ноги: Гамбург кланяется...»³⁵ 13 марта князь Кутузов обратился с воззванием к народам Германии, в котором подчеркивал, что возвращение Германии свободы и независимости являлось «священной и бескорыстной целью» союзных армий. В этом же документе было сказано, что Рейнский союз южногерманских земель под протекторатом Наполеона более существовать не может. В письме же П. Х. Витгенштейну Светлейший деликатно намекнул: «Что же касается до таких предметов, которые относятся к тайности кабинетов, таковых отнюдь в прокламации не включать, не согласясь со мною». В ответ на просьбу саксонцев дать разъяснения по поводу заявления Блюхера Кутузов заявил, что «г-н Блюхер действовал не политично».

Благодаря письму Екатерине Ильиничне от 16–17 марта у нас есть возможность мысленно прожить два дня, разделяя заботы и хлопоты Михаила Илларионовича: «Сейчас получил, мой друг, твое письмо от 8-го марта и удивляюсь, что ничего еще не пишешь об Катиньке, то есть об фрейлине? Неужто не было молебна об занятии Берлина? <...> Ждем чрез

два дни сюда Короля Прусского, и я готовлю у себя иллюминацию с надписями и с картинами. <...> Я удивился, что ты ничего не говорила о нашей фрейлине, но мне растолковал Государь. Об этом объявлено будет на молебне, а того молебна еще не было. Сестре Дарье Ларионовне Государь пожаловал по смерти пенсию 2000 р.»³⁶. Поначалу он волновался по поводу отсутствия вестей о представлении Катеньки ко двору в качестве фрейлины. Потом его поглотили приготовления к встрече в Калише прусского короля: это был серьезный политический вопрос, от которого зависело будущее союза двух держав в войне с Наполеоном. Полководец не сообщил жене о том, как выглядела «иллюминация с надписями и картинами», но эти сведения сохранились в записках современника: «Соединенная сила сильнее».

Из письма от 22 марта явствует, что и в Саксонии русские войска встретили теплый прием, но в основном Кутузов сообщал о встрече с венценосным союзником, которого он впервые видел при исполнении дипломатической миссии в 1797 году: «Вчера с Король Прусский приехал сюда в три часа пополудни. Гвардия, гренадерский корпус, кирасиры и несколько артиллерии были в строю. <...> Удивительно, что говорит много по-русски; мне перед войсками наговорил большие комплименты. Сегодня поутру был у меня с визитом, и я его принял. В Дрездене наши приняты чрезвычайно, и в вечеру дали итальянскую *La Vestale*. Сказывают, оркестр первый в свете. <...> Благодарю очень Костиньку, что уведомил, что бон-маман чашку разбила. <...> У меня сегодня бал для Короля, а билеты званные от имени одной дамы, для того, что пост»³⁷. Как и в 1797 году, Фридрих Вильгельм III относился к Кутузову с подчеркнутым уважением, что, в особенности, подтверждает письмо от 25 марта: «Король поехал очень доволен. Удивительно, как все у русских перенимает, говорит по-русски и читает. Я ему иногда рапорты посылаю по-русски. За день до отъезду прислал ко мне государственного канцлера (Гарденберга. — Л. И.), который подал мне от Короля: черного и красного орла (то есть ордена. — Л. И.), сказав от имени Короля, что он благодарит меня, как восстановителя Пруссии, и что, ежели поможет Бог, утвердит все начатое, тогда Король желает иметь меня своим согражданином и утвердит за мною имение в Пруссии. Я его благодарил так учтиво, как надобно, сказав, однако же, что Император Александр никогда не допустит нуждаться в чем-либо ни меня, ни детей моих. Все это сказал я Государю. Орденов здесь больше никому не давал, чтобы не поравнять кого-нибудь со мной. Думаю, сегодня пошлем (с Государем. — Л. И.) рескрипт Федору Петровичу (Опочинину на орден

Святой Анны 1-й степени. — Л. И.). Впрочем, и я еще на первого Георгия не имею (рескрипта. — Л. И.). Ей-Богу, недосуг. Забыл сказать, что дал Король мне табакерку на 4800 талеров ценою. Завтра выходим в поход к Дрездену, где уже будем накануне Пасхи. Там уже есть тысяч шестьдесят наших войск. Целую и благословляю детей и внучат, которые те же дети...»³⁸

«28-го марта, Краточин. Вот вам опять молебен. Взята крепость польская, Ченстохов, — где славный монастырь, явленный образ и пр.; — да и французский корпус под командою генерала Морана с двенадцатью пушками, более трех тысяч весь или побит, или взят. Я купил тебе, мой друг, большой кусок на дворцовое платье, чего-то белое, с серебряною нитью; только очень хорошо. Белого гладкого левантину в Калише не было, а впереди будет. Нельзя было материи послать: фельдъегерь везет знамены и всякую всячину. С будущим пришлю. Я очень рад, что Катинька во дворце понравилась, и воображаю ее с хвостом (шлейфом). Соболева велено определить к герольдии. Нянюшкин сын ко мне не явился, и ищу его как булавку. Он, говорят, в канцелярии Балашова. Кейзерлинг, о котором гра[финя] Ливен просила, определен майором в кавалерию»³⁹.

«31-го марта, Драхенберх, в Шлезии. Письмо твое, мой друг, получил, где пишешь о празднике Дашинькином и стихи Костинькины очень милы. Вы и меня в слезы ввели; покой мне нужен, я устал; как давно мне покоя не было. В Шлезии мне очень приятно. <...> Сегодня дам двадцать съехались издалека и собрались перед окошком. Увидя, наконец, что я долгое время не показываюсь, просили адъютантов, чтобы я подошел к окошку; я их позвал к себе и слышал множество комплиментов, что оне приехали видеть своего избавителя, что им теперь не надобно смотреть на портреты мои, что мой образ запечатлен в сердцах их. На улицах кричат: *vivat Kutuzow/ Vivat der grosse alte!*^[4], иные просто кричат *vivat unser grosfater Kutuzoff!*^[5] Этого описать нельзя, и такого энтузиазма не будет в России. Несть пророк честен в отечестве своем»⁴⁰. 4 апреля император и Светлейший прибыли в силезский город Гайнау. Местные жители решили устроить торжество в честь именитых гостей. При выходе из дома Кутузову, направлявшемуся на военный совет к императору, была устроена овация. Красивейшие дамы и девицы благородного происхождения с венками и гирляндами из роз, лавровых и дубовых листьев засыпали Светлейшего цветами, называя его своим спасителем. Естественно, что он остановился и стал благодарить жителей за теплый и любезный прием. Весенняя погода была обманчивой. После совещания у императора Михаил Илларионович попросил своего

адъютанта К. Монтрезора: «Я продрог, достань мне через камердинера рюмку водки». 6 апреля Кутузов с государем отправились в Бунцлау в открытом экипаже: дорогой начался мокрый снег, и до места полководец добрался совершенно больным. Государь отправился к армии в Дрезден, оставив Светлейшего в Бунцлау вместе с князем П. М. Волконским и своим лейб-медиком Я. В. Виллие. 10 апреля через Бунцлау проезжал прусский король, который велел срочно прибыть к фельдмаршалу лейб-медику Вибелю и знаменитому врачу, профессору Венского и Берлинского университетов К. В. Гуфеланду. Жители города, узнав о болезни полководца, приносили солому и устилали ею улицы возле дома, чтобы больного не тревожил шум войск, постоянно проходивших через город. Они предлагали Гуфеланду 100 тысяч талеров, лишь бы медицинское светило вылечило фельдмаршала. Кутузов, похоже, не сомневался, что дни его подходят к концу. Он сознавал, что ему уже не встретиться в этой жизни ни с Екатериной Ильиничной, ни с Лизанькой, не увидеть Катеньку в платье с хвостом. Что ж, он был солдат и знал, что такой участи «любой из них подвержен». Покидая дом, они никогда не знали, вернутся ли они снова в эти стены. Он считал нужным сделать последние распоряжения и сказать последнее «прости»: «11-го апреля, Бунцлау. Я к тебе, мой друг, пишу в первый раз чужою рукою, чему ты удивишься, а, может быть, и испугаешься. Болезнь такого рода, что в правой руке отнялась чувствительность перстов. <...> А теперь посылаю 10 т[ысяч] талеров на уплату долгов, 3 т[ысячи] — Аннушке и 3 т[ысячи] — Парашеньке, — всем, кажется, по надобности; — ты можешь требовать от меня еще. Я отстал от Государя; он уже в Дрездене, а я еще за 17 миль от него. При мне живет [лейб-медик] Виллие, и Король, проезжая, оставил своего лейб-медика. В Бреславле при маленьких великих князьях и великих княжнах живет Гуфланд, которому тоже велено быть сюда, и я надеюсь, приедет он сегодня. Прости, мой друг. Князь К. Смоленский». В это самое время его приехал навестить генерал Н.Н. Раевский, которого он помнил со «времен Очакова и покоренья Крыма»: «Светлейший князь Кутузов удостаивал его особеннейшим своим расположением, отдавая ему во всякое время должную справедливость. Во время последней кампании он испросил себе увольнение от службы, для излечения от приключившейся ему болезни. Сие происшествие было весьма прискорбно для Михаила Ларионовича, но уступая обстоятельствам, он желал видеть храброго и усердного генерала в вожденном здравии, и сею мыслию услаждал горестные минуты чувствительной разлуки. Между тем князь Кутузов писал к Раевскому письма, в коих изъявлял сожаление, что давно его не видит, просил, чтоб он

обрадовал его своим приездом. Наконец, Раевский является и застаёт героя за два дня до кончины. В сие время никого уже не допускали к больному, но зная расположение его к сему генералу, просят у докторов позволения войти генералу Раевскому, чтоб видеть, придет ли Светлейший князь в чувство и узнает ли его? Раевский входит, и Кутузов при первом взгляде узнаёт любимого им генерала, обращается к доктору и говорит ему: „Господин доктор, меня оставьте лечить. Пользуйте лучше его; он не очень здоров, — он хороший генерал; он отец семейства!“»⁴¹. Вероятно, перед смертью Михаил Илларионович подумал о том, что скоро он вступит «в царство мертвых», которое было для него таким же реальным, как и мир, откуда он уходил. Он представлял себе и графа Петра Александровича Румянцева-Задунайского, и светлейшего князя Григория Александровича Потёмкина-Таврического, и графа Александра Васильевича Суворова-Рымникского. К ним присоединится он: светлейший князь Голенищев-Кутузов-Смоленский и поведаёт государыне Екатерине Алексеевне о том, как он сохранил империю ее внука...

16 апреля 1813 года великий русский полководец скончался. На следующий день доктор Виллие и местный врач Вислизенус произвели вскрытие и бальзамирование тела покойного. Причем Вислизенус отметил: «<...> Сердце в нем оказалось удивительной величины <...> если бы Светлейший князь не имел упомянутой выше сего внутренней болезни и перенес приключившуюся ему простуду, то жил бы до ста лет с лишним». Как тут не вспомнить строки из поэмы Марины Цветаевой: «Доктора узнают нас в морге по не в меру большим сердцам»! 25 апреля вдова Светлейшего получила рескрипт от государя: «Княгиня Катерина Ильинишна! Судьбы Вышнего, которым никто смертный воспротивиться не может, а потому и роптать не должен, определили супругу Вашему, Светлейшему князю Михаилу Ларионовичу Кутузову-Смоленскому, посреди громких подвигов и блистательной славы своей, переселиться от временной жизни к вечной. Болезненная и великая не для одних Вас, но и для всего Отечества потеря! Не Вы одне проливаете о нем слезы; с Вами плачу я, и плачет вся Россия. <...> В честь ему воздвигнется памятник, при котором россиянин, смотря на изваянный образ его, будет гордиться, чужестранец же уважать землю, порождающую столь великих мужей». 20 мая из Стокгольма пришло скорбное письмо от Жермены де Сталь: «Вы испытали большое несчастье, княгиня, и с вами вся Европа; если что-нибудь может вам уменьшить жестокую утрату, то только чудный блеск вашего имени. Фельдмаршал Кутузов спас Россию, и ничто в будущем не сравнится со славою последнего года его жизни — сердце мое, однако,

сжимается при мысли, что не увижу никогда человека, который был так же великодушен, как и велик. Я соболезную всей душой о ваших страданиях <...> я отправляюсь через два дня в Англию, где непрерывно мне будут говорить о вашем знаменитом супруге. Я буду гордиться тем, что видела, как он отправлялся на подвиг самопожертвования. Соболаговолите вспомнить обо мне и верьте в мою глубокую привязанность к вам и в то живое участие и удивление, которое внушает мне ваше имя; дай Бог, чтобы преемственность славы, которую фельдмаршал Кутузов оставил по себе, освободила Европу. Позвольте мне оплакивать ваше несчастье...»⁴² Весной 1813 года А. В. Чичерин, узнав о смерти М. И. Кутузова, с горестью записал в Дневнике: «Сейчас все превозносят светлейшего до небес, а совсем недавно почти все его осуждали; я рад, что, как ни молод, ни разу не поддался соблазнам злословия. Благоразумие светлейшего, которое вы называли робостью, сохранило жизнь нашим славным солдатам; ваш дух был, видно, слишком слаб, чтобы понять весь размах его политики. Все его действия имели тщательно обдуманную цель. Все обширные операции, которыми он руководил, были направлены к одному; отдавая распоряжения о размещении орудий, кои должны были обеспечить победу над французами, он в то же время обдумывал сложные политические комбинации, кои должны были нам обеспечить благорасположение всех европейских кабинетов. В армии его обожали и за его имя, и за его знакомое любимое лицо; достаточно было ему показаться, чтобы все радовались»⁴³.

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава первая

«ПРОСТОЙ ПСКОВСКИЙ ДВОРЯНИН»

- ¹ Псковская земля. История в лицах. М., 2006. С. 76.
- ² Фельдмаршал Кутузов. Документы, дневники, воспоминания. М., 1995. С. 293.
- ³ Гуляев Ю. Н., Соглаев В. Т. Фельдмаршал Кутузов: Историко-биографический очерк. М., 1995. С. 14.
- ⁴ Бантыш-Каменский Д. Н. Биографии Российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. СПб., 1840. Ч. 3. С. 27.
- ⁵ Псковская земля. История в лицах. С. 10–15.
- ⁶ Фельдмаршал Кутузов. Документы, дневники, воспоминания. С. 293.
- ⁷ Чечулин Н. Д. Русское провинциальное общество во второй половине XVIII века. М., 2008. С. 40.
- ⁸ Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи, начатый в 1797 году. СПб., 1798. Ч. 2. С. 31.
- ⁹ Там же. С. 299.
- ¹⁰ Там же. С. 430.
- ¹¹ Записки современников о 1812 годе (граф Боволье) // Русская старина. 1893. Кн. 1. С. 24.
- ¹² Псковская земля. История в лицах. С. 72.
- ¹³ Там же. С. 73.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Чечулин Н. Д. Указ. соч. С. 31.
- ¹⁶ Гуляев Ю. Н., Соглаев В. Т. Указ. соч. С. 16.
- ¹⁷ Романович-Славутинский А. В. Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. СПб., 1870. С. 147.
- ¹⁸ Чечулин Н. Д. Указ. соч. С. 41.
- ¹⁹ Гуляев Ю. К., Соглаев В. Т. Указ. соч. С. 16.
- ²⁰ Псковская земля. История в лицах. С. 84.
- ²¹ Фельдмаршал Кутузов. Документы, дневники, воспоминания. С. 20.
- ²² Псковская земля. История в лицах. С. 84.
- ²³ Мелентьев В. Д. Кутузов в Петербурге. Л., 1986. С. 5–6.

- ²⁴ Бантыш-Каменский Д. Указ. соч. С. 27.
- ²⁵ Чечулин Д. Н. Указ. соч. С. 40–41.
- ²⁶ Псковская земля. История в лицах. С. 72–75.
- ²⁷ Гуляев Ю. Н., Соглаев В. Т. Указ. соч. С. 17; Троицкий Н. А. Фельдмаршал Кутузов: мифы и факты. М., 2002. С. 53–55.
- ²⁸ Гуляев Ю. Н., Соглаев В. Т. Указ. соч. С. 17.
- ²⁹ Псковская земля. История в лицах. С. 76.
- ³⁰ М. И. Голенищев-Кутузов. Материалы научной конференции, посвященной памяти полководца. СПб., 1993. С. 90.
- ³¹ Там же. С. 90.
- ³² Псковская земля. История в лицах. С. 76.
- ³³ Чечулин Д. Н. Указ. соч. С. 42.
- ³⁴ Там же. С. 49–50.
- ³⁵ Бантыш-Каменский Д. Н. Биографии Российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. С. 26; Гуляев Ю. Н., Соглаев В. Т. Указ. соч. С. 18; Мелентьев В. Д. Кутузов в Петербурге. С. 5.
- ³⁶ Псковская земля. История в лицах. С. 77–81.
- ³⁷ Там же. С. 81.
- ³⁸ Псковская земля. История в лицах. С. 84.
- ³⁹ М. И. Кутузов. Документы. М., 1950. Т. 1. С. 2.
- ⁴⁰ Фельдмаршал Кутузов. Документы, дневники, воспоминания. С. 13.

Глава вторая

ОБРАЗОВАНИЕ

¹ Исторический очерк 2-го кадетского корпуса. 1712–1912. СПб., 1912. С. 1.

² Фридрих Великий о России в первой половине XVIII века // Русский архив. 1877. № 1. С. 16.

³ Цит. по: *Целорунго Д. Г.* Офицеры русской армии — участники Бородинского сражения. М., 2002. С. 112.

⁴ *Чечулин Н. Д.* Указ. соч. С. 56–57.

⁵ *Болотов А. Т.* Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. М., 1986. С. 30.

⁶ Там же. С. 30.

⁷ Там же. С. 39.

⁸ *Бантыш-Каменский Д. Н.* Указ. соч. С. 27.

⁹ *Отрощенко Я. О.* Записки генерала Отрощенко (1800–1830 гг.). М., 2006.

¹⁰ Фельдмаршал Кутузов. Документы, дневники, воспоминания. С. 13.

¹¹ *Жилин П. А.* Кутузов. М., 1979.

¹² *Чечулин Н. Д.* Указ. соч. С. 55.

¹³ Исторический очерк 2-го кадетского корпуса. С. 2.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 3.

¹⁶ Там же. С. 18.

¹⁷ Там же. С. 18–20.

¹⁸ *Бантыш-Каменский Д. Н.* Указ. соч. С. 27.

¹⁹ Картина жизни, военных и политических деяний его светлости князя Михаила Ларионовича Голенищева-Кутузова-Смоленского. М., 1813. С. 13.

²⁰ Историческое обозрение 2-го кадетского корпуса. СПб., 1862. С. 89.

²¹ Там же.

²² Исторический очерк 2-го кадетского корпуса. С. 83.

²³ Там же.

²⁴ Там же. С. 85.

- ²⁵ Там же. С. 85–86.
- ²⁶ Историческое обозрение 2-го кадетского корпуса. С. 33.
- ²⁷ *Бантыш-Каменский Д. Н.* Указ. соч. С. 300–308.
- ²⁸ *Анисимов Е. В.* Россия в середине XVIII века // В борьбе за власть: Страницы политической истории России XVIII века. М., 1988. С. 248.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Там же. С. 255.
- ³¹ Там же. С. 238.
- ³² *Гуляев Ю. Н., Соглаев В. Т.* Указ. соч. С. 29.
- ³³ Там же. С. 28.
- ³⁴ Там же. С. 30.
- ³⁵ Историческое обозрение 2-го кадетского корпуса. С. 35.
- ³⁶ *Гуляев Ю. К., Соглаев В. Т.* Указ. соч. С. 30.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Цит. по: *Анисимов Е. В.* Россия в середине XVIII века. С. 142.
- ³⁹ *Анисимов Е. В.* Россия в середине XVIII века. С. 145.
- ⁴⁰ Там же. С. 148.
- ⁴¹ *Бильбасов В. А.* История Екатерины II. Берлин, 1900. Т. 1. С. 9.

Глава третья

«ПЕРВЫЕ ЛЕТА»

¹ Архив князя М. И. Голенищева-Кутузова-Смоленского. Письма М. И. Голенищева-Кутузова к жене // Русская старина. 1871. Кн. 1. С. 50.

² Избранные философические, политические и военные творения принца де Линя, изданные одним из его приятелей. М., 1810. Т. 5. С. 89–91.

³ Крейе Э. Политика Меттерниха. Германия в противоборстве с Наполеоном. 1799–1814. М., 2002. С. 16.

⁴ Фельдмаршал Кутузов. Документы, дневники, воспоминания. С. 69.

⁵ Там же.

⁶ Анисимов Е. В. Россия в середине XVIII века. С. 231.

⁷ Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). СПб., 1994. С. 13.

⁸ Фельдмаршал Кутузов. Документы, дневники, воспоминания. С. 98–99.

⁹ Там же. С. 63.

¹⁰ Замечания о русской армии, сделанные принцем де Линем по требованию генерал-фельдмаршала князя Потёмкина-Таврического // Избранные творения принца де Линя. М., 1810. Т. 5. С. 23.

¹¹ Ермолов А. Я. Записки. 1797–1826. М., 1991. С. 152.

¹² Там же.

¹³ Энгельгардт Л. Н. Записки. М., 1997. С. 59.

¹⁴ Анисимов Е. В. Россия в середине XVIII века. С. 231.

¹⁵ Там же. С. 91.

¹⁶ Там же. С. 106.

¹⁷ Эйдельман Н. Я. Твой 18-й век. М., 1991. С. 13.

¹⁸ Герцен А. И. Собрание сочинений. М., 1954. Т. 7. С. 192.

¹⁹ Лотман Ю. М. Указ. соч. С. 22–29.

²⁰ Анекдоты или достопамятные сказания о его светлости генерал-фельдмаршале князе Михаиле Ларионовиче Голенищеве-Кутузове-Смоленском. СПб., 1814. Ч. 1. С. 1.

²¹ Анисимов Е. В. Россия в середине XVIII века. С. 229–230.

²² Цит. по: Петров А. К биографии Светлейшего князя Голенищева-

Кутузова-Смоленского // Военный сборник. 1900. Т. 3. С. 4.

²³ Русский биографический словарь. Т. 12: Кнаппе — Кюхельбекер. М., 1995. С. 626–627.

²⁴ Синельников Ф. М. Жизнь, военные и политические деяния его светлости генерал-фельдмаршала Михаила Ларионовича Голенищева-Кутузова-Смоленского. В 6 ч. СПб., 1813–1814. Ч. 6. С. 3.

²⁵ Чечулин Н. Д. Указ. соч. С. 62–63.

²⁶ Там же. С. 165.

²⁷ Анисимов Е. В. Россия в середине XVIII века. С. 124.

²⁸ Цит. по: Кони Ф. А. История Фридриха Великого. Ростов н/Д., 1997. С. 253–254.

²⁹ Там же. С. 223–224.

³⁰ Анисимов Е. В. Россия в середине XVIII века. С. 540.

³¹ Цит. по: Кони Ф. А. Указ. соч. С. 536.

³² Наполеон Бонапарт. Искусство войны: императорские максимы. М., 2009. С. 384.

³³ Чайковская О. Г. «Как любопытный скиф...». Русский портрет и мемуаристика второй половины XVIII века. М., 1990. С. 6.

³⁴ Избранные философические, политические и военные творения принца де Линя. С. 18–21.

³⁵ Дельбрюк Г. Всеобщая история военного искусства. М., 2008. С. 694.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же. С. 708.

³⁸ Там же. С. 712.

³⁹ Петров Л. Указ. соч. С. 1.

⁴⁰ Там же. С. 758–759.

⁴¹ Там же. С. 760.

⁴² Там же.

⁴³ Жомини Г. Очерки военного искусства. М., 2011. С. 185.

⁴⁴ Глинка С. Н. Записки. М., 2004.

⁴⁵ Мориц Саксонский. Теория военного искусства. М., 2009. С. 7–11.

⁴⁶ Там же. С. 13–19.

⁴⁷ Там же. С. 140.

⁴⁸ Там же. С. 110.

⁴⁹ Там же. С. 97.

⁵⁰ Там же. С. 103.

⁵¹ Там же. С. 140.

⁵² Там же. С. 141.

⁵³ *Михайловский-Данилевский А. И. Журнал 1814 года // Мемуары. 1814–1815. СПб., 2001. С. 122.*

Глава четвертая

«БЕСЦЕННЫЙ ОПЫТ»

- ¹ Чечулин Н. Д. Указ. соч. С. 63.
- ² Там же. С. 64.
- ³ Эйдельман Н. Я. Указ. соч. С. 73.
- ⁴ Гуляев Ю. Н., Соглаев В. Т. Указ. соч. С. 31.
- ⁵ Анекдоты или достопамятные сказания... Ч. 1. С. 1.
- ⁶ Бантыш-Каменский Н. Д. Указ. соч. С. 313.
- ⁷ Брикнер А. Г. История Екатерины Второй. М., 2007. С. 108.
- ⁸ Боханов А. Н. Павел I. М., 2010. С. 36.
- ⁹ Анисимов Е. В. Россия в середине XVIII века. С. 267.
- ¹⁰ Бильбасов В. А. Указ. соч. Т. 1. С. 242.
- ¹¹ Цит. по: Валькович А. М. Золотой век Российской гвардии. М., 2010. Т. 2. С. 15.
- ¹² Гуляев Ю. Н., Соглаев В. Т. Указ. соч. С. 32.
- ¹³ Фельдмаршал Кутузов. Документы, дневники, воспоминания. С. 16–17.
- ¹⁴ Линь Ш.-Ж., де. Избранные философические, политические и военные творения... М., 1810. Т. 5. С. 34.
- ¹⁵ Анекдоты или достопамятные сказания... Ч. 1. С. 3–4.
- ¹⁶ Петров А. Указ. соч. С. 3–4.
- ¹⁷ Брикнер А. Г. Указ. соч. С. 287–288.
- ¹⁸ Бантыш-Каменский Н. Д. Указ. соч. С. 28.
- ¹⁹ Цит. по: Брикнер А. Г. Указ. соч. С. 308.
- ²⁰ Синельников Ф. М. Указ. соч. Ч. 2. С. 7–8.
- ²¹ Брикнер А. Г. Указ. соч. С. 555.
- ²² Там же. С. 574.
- ²³ Чечулин Н. Д. Указ. соч. С. 67.
- ²⁴ Там же. С. 66–67.

Глава пятая

«ГДЕ ТРЕВОГА — ТУДА И ДОРОГА»

¹ Брикнер Л. Г. Указ. соч. С. 308.

² Цит. по: Там же. С. 295.

³ Там же. С. 309.

⁴ Там же. С. 320.

⁵ Петров А. Указ. соч. С. 4–5.

⁶ Анекдоты или достопамятные сказания... Ч. 1. С. 6–7.

⁷ М. И. Кутузов. Документы. Т. 1. С. 5–6.

⁸ Анекдоты или достопамятные сказания... Ч. 1. С. 47–48.

⁹ Там же. С. 47.

¹⁰ Русская военная мысль. XVIII век. М.; СПб., 2003. С. 98.

¹¹ Меерович Г И. Румянцев в Петербурге. Л., 1987. С. 183.

¹² Золотарев В. А., Межевич М. Н., Скородумов Д. Е. Во славу Отечества Российского. М., 1984. С. 38.

¹³ Там же. С. 35–36.

¹⁴ Цит. по: Золотарев В. А., Межевич М. Н., Скородумов Д. Е. Указ. соч. С. 37–38.

¹⁵ Цит. по: Лопатин В. С Потемкин и Суворов. М., 1992. С. 68.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Глинка С. Н. Записки. М., 2004. С. 147.

¹⁸ 1812 год в воспоминаниях современников. М., 1995. С. 108.

¹⁹ Гуляев Ю. И., Соглаев В. Т. Указ. соч. С. 56.

²⁰ М. И. Кутузов. Документы. Т. 1. С. 11.

²¹ Жилин И А. Кутузов. М., 1978. С. 23.

²² Гуляев Ю. Н., Соглаев В. Т. Указ. соч. С. 57.

²³ Там же. С. 58.

²⁴ М. И. Кутузов. Документы. Т. 1. С. 2–3.

²⁵ Цит. по: Гуляев Ю. И., Соглаев В. Т. Указ. соч. С. 62.

²⁶ Жиркевич И. С. Записки Ивана Степановича Жиркевича. 1789–1848. М., 2009. С. 80–81.

²⁷ Анекдоты или достопамятные сказания... Ч. 1. С. 79.

- ²⁸ Там же. С. 82–83.
- ²⁹ Синельников Ф. М. Указ. соч. Ч. 1. С. 31.
- ³⁰ Петров А. Указ. соч. С. 7.
- ³¹ М. И. Кутузов. Документы. Т. 1. С. 17.
- ³² Фельдмаршал Кутузов. Документы, дневники, воспоминания. С. 17.
- ³³ Там же. С. 14.
- ³⁴ Прозоровский А. А. Записки генерал-фельдмаршала князя Александра Александровича Прозоровского. 1756–1776. М., 2004. С. 597–599.
- ³⁵ М. И. Кутузов. Документы. Т. 1. С. 16–17.
- ³⁶ Русские анекдоты военные, гражданские и исторические, изданные Сергеем Глинкою. В 3 ч. М., 1820. С. 70–71.
- ³⁷ Там же. С. 70–71.
- ³⁸ Анекдоты или достопамятные сказания... Ч. 1. С. 22.
- ³⁹ М. И. Кутузов. Документы. Т. 1. С. 14.
- ⁴⁰ Русские анекдоты военные, гражданские и исторические... С. 65.
- ⁴¹ Цит. по: Лопатин В. С. Указ. соч. С. 18.
- ⁴² Там же. С. 18–19.
- ⁴³ Брикнер А. Г. Указ. соч. С. 220–222.
- ⁴⁴ Анекдоты или достопамятные сказания... Ч. 1. С. 8–9.
- ⁴⁵ Наполеон Бонапарт. Искусство войны. С. 288.
- ⁴⁶ Полевой Н. Могила Кутузова // Столетие России. СПб., 1845. С. 6.
- ⁴⁷ Гуляев Ю. Н., Согдаев В. Т. Указ. соч. С. 67.
- ⁴⁸ М. И. Кутузов. Документы. Т. 1. С. 21.
- ⁴⁹ Там же. С. 20.
- ⁵⁰ Там же. С. 24.
- ⁵¹ Русские анекдоты военные, гражданские и исторические... С. 71–72.
- ⁵² Троицкий Н. А. Фельдмаршал Кутузов. Мифы и факты. С. 61.
- ⁵³ Лопатин В. С. Указ. соч. С. 62.
- ⁵⁴ Там же. С. 65.
- ⁵⁵ Там же. С. 32–33.
- ⁵⁶ Дриго Э. Восточная политика Наполеона // Русская старина. 1904. Кн. 4. С. 610.
- ⁵⁷ Синельников Ф. М. Указ. соч. Ч. 1. С. 39.
- ⁵⁸ М. И. Кутузов. Документы. Т. 1. С. 25.

- ⁵⁹ Там же. С. 94.
- ⁶⁰ Цит. по: *Гуляев Ю. Н., Соглаев В. Т.* Указ. соч. С. 89–90.
- ⁶¹ Тактика победы // Михаил Илларионович Кутузов. М., 2011. С. 7—
- 34.
- ⁶² *Гуляев Ю. Н., Соглаев В. Т.* Указ. соч. С. 91.
- ⁶³ Там же.
- ⁶⁴ *Лопатин В. С.* Указ. соч. С. 103.
- ⁶⁵ *Петров А.* Указ. соч. С. 8.
- ⁶⁶ Русские анекдоты военные, гражданские и исторические... С. 71.
- ⁶⁷ *Гуляев Ю. Н., Соглаев В. Т.* Указ. соч. С. 99–100.
- ⁶⁸ Там же. С. 100.
- ⁶⁹ *Брикнер А. Г.* Указ. соч. С. 434.
- ⁷⁰ *Цебриков Р. М.* Указ. соч. С. 157.
- ⁷¹ *Суворов А. В.* Письма. М., 1986. С. 117.
- ⁷² Там же. С. 139.
- ⁷³ М. И. Кутузов. Документы. Т. 1. С. 48–49.
- ⁷⁴ Там же. С. 52.
- ⁷⁵ *Суворов А. В.* Письма. С. 118.
- ⁷⁶ М. И. Кутузов. Документы. Т. 1. С. 57.
- ⁷⁷ Там же. С. 65.
- ⁷⁸ Анекдоты или достопамятные сказания... Ч. 1. С. 10.
- ⁷⁹ *Цебриков Р. М.* Вокруг Очакова. 1788 год // Русская старина. 1895. Кн. 3 (№ 9). С. 171.

Глава шестая

ОЧАКОВ, ИЗМАИЛ, МАЧИН

¹ Цебриков Р. М. Указ. соч. С. 170.

² Там же.

³ Там же. С. 206–207.

⁴ Анекдоты или достопамятные сказания... Ч. 1. С. 23.

⁵ Линь Ш.-Ж., де. Избранные философические, политические и военные творения... Т. 5. С. 31.

⁶ Анекдоты или достопамятные сказания... Ч. 1. С. 50–51.

⁷ Хейзинга Й. Homo ludens. Человек играющий. СПб., 2007. С. 12.

⁸ Фукс Е. Б. Собрание разных сочинений. СПб., 1827. С. 155.

⁹ Он же. Письма, мысли и избранные творения принца де Линя. Т. 1. М., 1809. СІ.

¹⁰ Линь Ш.-Ж., де. Избранные философические, политические и военные творения... Т. 5. С. V–XIV.

¹¹ Там же. С. VIII–IX.

¹² Цебриков Р. М. Указ. соч. С. 201.

¹³ Суворов А. В. Письма. С. 118.

¹⁴ Цебриков Р. М. Указ. соч. С. 200.

¹⁵ Там же. С. 172.

¹⁶ Линь Ш.-Ж., де. Избранные философические, политические и военные творения... Т. 5. С. 23.

¹⁷ Там же. С. 173.

¹⁸ Там же. С. 174.

¹⁹ Там же. С. 175–176.

²⁰ Суворов А. В. Письма. С. 395.

²¹ Там же. С. 183–185.

²² Линь Ш.-Ж., де. Письма, мысли и избранные творения принца де Линя... Т. 1. М., 1809. С. 40–42.

²³ Гуляев В. Н., Соглаев В. Т. Указ. соч. С. 105.

²⁴ Синельников Ф. М. Указ. соч. С. 51–52.

²⁵ Суворов В. Светлейший князь Смоленский, фельдмаршал Михаил

Илларионович Голенищев-Кутузов и его современники. М., 1898. С. 7.

²⁶ Екатерина II и Г. А. Потемкин. Личная переписка. 1769–1791. М., 1997. С. 840.

²⁷ Фельдмаршал Кутузов. Документы, дневники, воспоминания. С. 25.

²⁸ Тюрин М. В., Мефодовский А. Ф. О ранениях М. И. Кутузова // М. И. Голенищев-Кутузов. Материалы научной конференции, посвященной памяти полководца. СПб., 1993. С. 44.

²⁹ Там же. С. 46.

³⁰ Полевой Н. Русские полководцы, или Жизнь и подвиги российских полководцев от времени Петра Великого до царствования императора Николая I. СПб., 1845. С. 203.

³¹ Анекдоты или достопамятные сказания... Ч. 1. С. 37.

³² Цебриков Р. М. Указ. соч. С. 159–160.

³³ М. И. Кутузов. Документы. Т. 1. С. 76.

³⁴ Анекдоты или достопамятные сказания... Ч. 1. С. 23.

³⁵ Лопатин В. С. Указ. соч. С. 176.

³⁶ Цит.: Там же. С. 179.

³⁷ Анекдоты или достопамятные сказания... Ч. 1. С. 14–15.

³⁸ Лопатин В. С. Указ. соч. С. 191–192.

³⁹ М. И. Кутузов. Документы. Т. 1. С. 113.

⁴⁰ Суворов А. В. Письма. С. 393–395.

⁴¹ М. И. Кутузов. Документы. Т. 1. С. 109–113.

⁴² Гладкий А. И. Разведывательная деятельность М. И. Кутузова под Измаилом // М. И. Голенищев-Кутузов. Материалы научной конференции, посвященной памяти полководца. СПб., 1993. С. 30–31.

⁴³ Барское Я. Л. Переписка московских масонов XVIII в. СПб., 1915. С. 45.

⁴⁴ Там же. С. 75.

⁴⁵ Русские анекдоты военные, гражданские и исторические... С. 76.

⁴⁶ Анекдоты или достопамятные сказания... Ч. 1. С. 21–23.

⁴⁷ Русские анекдоты военные, гражданские и исторические... С. 198–201.

⁴⁸ Там же. С. 20–21.

⁴⁹ Русские анекдоты военные, гражданские и исторические... С. 72.

⁵⁰ Фукс Е. Сочинения. С. 153–159.

⁵¹ Фельдмаршал Кутузов. Документы, дневники, воспоминания. С. 28–29.

⁵² *Голденков М.* Наполеон и Кутузов: неизвестная война 1812 г. Минск, 2010. С. 132–133.

⁵³ Анекдоты или достопамятные сказания... Ч. 1. С. 38–40.

⁵⁴ Там же. С. 40–41.

⁵⁵ Фельдмаршал Кутузов. Документы, дневники, воспоминания. С. 27.

⁵⁶ Там же. С. 30–31.

⁵⁷ Там же. С. 31.

⁵⁸ Там же. С. 34.

⁵⁹ *Энгельгардт Л. Н.* Записки. М., 1997. С. 91–92.

⁶⁰ Там же. С. 93–94.

⁶¹ *Лопатин В. С.* Указ. соч. С. 249.

⁶² Фельдмаршал Кутузов. Документы, дневники, воспоминания. С. 36.

⁶³ *Глинка С. Н.* Записки. С. 156.

⁶⁴ М. И. Кутузов. Документы. Т. 1. С. 156.

Глава седьмая

«НЕОБЫЧАЙНЫЕ НАЗНАЧЕНИЯ»

- ¹ Фельдмаршал Кутузов. Документы, дневники, воспоминания. С. 38.
- ² Там же. С. 39.
- ³ Там же.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Суворов А. В. Письма. С. 62.
- ⁶ М. И. Кутузов. Документы. Т. 1. С. 199.
- ⁷ Фельдмаршал Кутузов. Документы, дневники, воспоминания. С. 43.
- ⁸ Там же. С. 43–44.
- ⁹ М. И. Кутузов. Документы. Т. 1. С. 192.
- ¹⁰ Там же. С. 201.
- ¹¹ Фельдмаршал Кутузов. Документы, дневники, воспоминания. С. 41–42.
- ¹² Архив князя М. И. Голенищева-Кутузова-Смоленского. Письма к жене, 1793–1794 гг. // Русская старина. 1870. Кн. 2. С. 517–518.
- ¹³ Там же. С. 44–45.
- ¹⁴ Дриго Э. Указ. соч. С. 610.
- ¹⁵ Фельдмаршал Кутузов. Документы, дневники, воспоминания. С. 48.
- ¹⁶ Там же. С. 46.
- ¹⁷ Там же. С. 47.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Архив князя М. И. Голенищева-Кутузова-Смоленского // Русская старина. 1870. Кн. 2. С. 519.
- ²⁰ М. И. Кутузов. Документы. Т. 1. С. 292.
- ²¹ Фельдмаршал Кутузов. Документы, дневники, воспоминания. С. 48.
- ²² Архив князя М. И. Голенищева-Кутузова-Смоленского // Русская старина. 1870. Кн. 2. С. 521.
- ²³ Мелентьев В. Д. Кутузов в Петербурге. Л., 1986. С. 31.
- ²⁴ Там же. С. 36–37.
- ²⁵ Фельдмаршал Кутузов. Документы, дневники, воспоминания. С. 138.

²⁶ *Жиркевич И. С* Указ. соч. С. 216.

²⁷ *Глинка С. Н.* Записки. С. 147.

²⁸ Там же.

Глава восьмая

НОВОЕ ЦАРСТВОВАНИЕ

¹ М. И. Кутузов. Документы. Т. 1. С. 378–381.

² Там же. С. 381.

³ Карновин Е. П. Великий князь Константин Павлович. СПб., 1899. С. 13.

⁴ Тучков С. А. Записки // Золотой век Екатерины Великой. Воспоминания. М., 1996. С. 270.

⁵ Цит. по: Елисеева О. И. Екатерина Великая. М., 2010. С. 587.

⁶ Там же. С. 545.

⁷ Бильбасов В. А. Памяти Императрицы Екатерины II // Русская старина. 1896. Кн. 4 (№ 11). С. 241.

⁸ Саблуков Н. А. Записки // Цареубийство 11 марта 1801 года. СПб., 1990. С. 20–21.

⁹ Там же. С. 14.

¹⁰ Вигель Ф. Ф. Записки. Т. 2. С. 630.

¹¹ Саблуков Н. А. Указ. соч. С. 14.

¹² Тучков С. А. Записки. С. 267.

¹³ Боханов А. Н. Указ. соч. С. 99.

¹⁴ Бильбасов В. А. Указ. соч. С. 268.

¹⁵ Карамзин Н. М. Записка о новой и древней России. М., 1991. С. 44–46.

¹⁶ Иванов О. А. Павел — Петров сын? // Иванов О. А., Лопатин В. С., Писаренко К. А. Загадки русской истории: Восемнадцатый век. М., 2000. С. 153.

¹⁷ Там же. С. 112–113.

¹⁸ Головкин Ф. Г. Двор и царствование Александра I. М., 1912. С. 123.

¹⁹ Григорович Н. Канцлер князь Александр Андреевич Безбородко в связи с событиями его времени. СПб., 1879–1881. Т. 1–2. С. 44.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. С. 49.

²² Там же. С. 23–24.

²³ М. И. Кутузов. Документы. Т. 1. С. 395.

- ²⁴ Там же. С. 396.
- ²⁵ Там же. С. 399.
- ²⁶ Там же. С. 398.
- ²⁷ Там же. С. 400.
- ²⁸ Там же. С. 399.
- ²⁹ Там же. С. 400–401.
- ³⁰ Там же. С. 401.
- ³¹ Там же. С. 402.
- ³² Там же. С. 402–403.
- ³³ Там же. С. 405–406.
- ³⁴ Боханов А. Н. Указ. соч. С. 120.
- ³⁵ Введенский Г. Э. Пять веков русского военного мундира. М., 2006. С. 60–61.
- ³⁶ Мориц Саксонский. Указ. соч. С. 64.
- ³⁷ Линь Ш.-Ж., де. Избранные философические, политические и военные творения... С. 34–36.
- ³⁸ М. И. Кутузов. Документы. Т. 1. С. 482–483.
- ³⁹ Письма М. И. Голенищева-Кутузова к жене его, Екатерине Ильиничне, рожденной Бибиковой. 1790–1813 // Русская старина. 1870. Т. 2. С. 523.
- ⁴⁰ М. И. Кутузов. Документы. Т. 1. С. 484–486.
- ⁴¹ Там же. С. 491.
- ⁴² Там же. С. 492.
- ⁴³ Тургенев А. М. Записки А. М. Тургенева (1796–1801 гг.) // Русская старина. 1895. С. 44.
- ⁴⁴ М. И. Кутузов. Документы. Т. 1. С. 493.
- ⁴⁵ Там же. С. 495.
- ⁴⁶ Там же. С. 496.
- ⁴⁷ Там же. С. 497.
- ⁴⁸ Тургенев Л. М. Указ. соч. С. 44–45.
- ⁴⁹ М. И. Кутузов. Документы. Т. 1. С. 497.
- ⁵⁰ Там же. С. 501.
- ⁵¹ Там же. С. 676.
- ⁵² Там же. С. 511.
- ⁵³ Там же.

- ⁵⁴ Там же. С. 515.
- ⁵⁵ Там же. С. 525.
- ⁵⁶ Князь М. И. Голенищев-Кутузов-Смоленский. Письма к жене // Русская старина. 1870. Кн. 2. С. 527–529.
- ⁵⁷ М. И. Кутузов. Документы. Т. 1. С. 528.
- ⁵⁸ Там же. С. 554–555.
- ⁵⁹ Там же. 558.
- ⁶⁰ Там же. С. 559.
- ⁶¹ Там же. С. 561.
- ⁶² Там же.
- ⁶³ Там же. 483.
- ⁶⁴ Там же. С. 529.
- ⁶⁵ Там же. С. 536.
- ⁶⁶ Фельдмаршал Кутузов. Документы, дневники, воспоминания. С. 314–315.
- ⁶⁷ Записки Н.А. Саблукова // Цареубийство 11 марта 1801 года. М., 1990. С. 72.
- ⁶⁸ Русский архив. 1876. Кн. 3. С. 414–417.
- ⁶⁹ Записки Августа Коцебу // Цареубийство 11 марта 1801 года. С. 286–287.
- ⁷⁰ Фельдмаршал Кутузов. Документы, дневники, воспоминания. С. 69.
- ⁷¹ Манфред Л. З. Наполеон Бонапарт. М., 1980. С. 349–351.
- ⁷² Крейе Э. Указ. соч. С. 42.
- ⁷³ Там же. С. 40–41.
- ⁷⁴ Боханов А. Н. Указ. соч. С. 282.
- ⁷⁵ Там же. С. 291.
- ⁷⁶ Дриго А. Указ. соч. С. 614–615.
- ⁷⁷ Боханов А. Н. Указ. соч. С. 295.
- ⁷⁸ Россомахин А. А., Хрусталева Д. Г. Вызов императора Павла, или Первый миф XIX столетия. СПб., 2011. С. 15.
- ⁷⁹ Там же. С. 40.
- ⁸⁰ Там же. С. 106.
- ⁸¹ Там же. С. 142.
- ⁸² Голенищева-Кутузова Е. И. «1802 г. Поездка в Хрущово» // Ровенский Г. В. Светлейшая княгиня Смоленская Екатерина Ильинична

Голенищева-Кутузова, урожденная Бибикова. Фрязино, 2009. С. 15.

Глава девятая

ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОР СЕВЕРНОЙ СТОЛИЦЫ

¹ Тургенев Л. М. Указ. соч. С. 56.

² М. И. Кутузов. Документы. Т. 1. С. 601.

³ Там же. С. 611–612.

⁴ Фельдмаршал Кутузов. Документы, дневники, воспоминания. С. 63.

⁵ Записки князя Адама Чарторыйского // Царевубийство 11 марта 1801 года. С. 207–209.

⁶ Там же. С. 210–212.

⁷ Там же. С. 615.

⁸ Там же. С. 616–617.

⁹ Там же. С. 617.

¹⁰ Там же. С. 620.

¹¹ Телегин Я. И. М. И. Голенищев-Кутузов на посту военного губернатора Санкт-Петербурга // М. И. Голенищев-Кутузов. Материалы научной конференции, посвященной памяти полководца. СПб., 1993. С. 25–29.

¹² Фельдмаршал Кутузов. Документы, дневники, воспоминания. С. 69–71.

¹³ М. И. Кутузов. Документы. Т. 1. С. 635.

¹⁴ Волконский С. Г. Записки Сергея Григорьевича Волконского (декабриста). СПб., 1902. С. 64.

¹⁵ Энгельгардт Л. Н. Записки. С. 95.

¹⁶ Телегин Я. И. Указ. соч. С. 28.

¹⁷ Бартошевич В. Загадки медали в честь М. И. Кутузова // Миниатюра. Газета для коллекционеров. Вып. 3. 1995. С. 6.

¹⁸ Фельдмаршал Кутузов. Документы, дневники, воспоминания. С. 72.

¹⁹ Телегин Я. И. Указ. соч. С. 29.

²⁰ Полевой Н. Указ. соч. С. 10.

²¹ Троицкий Н. А. Фельдмаршал Кутузов. С. 95–96.

²² Соллогуб В. А. Воспоминания графа В. А. Соллогуба. СПб., 1993. С.

80.

²³ *Шильдер Н. К.* Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. М., 2008. С. 157.

²⁴ *Местр Ж., де.* Петербургские письма. 1803–1817. СПб., 1995. С. 182–183.

²⁵ См.: *Боханов А. Н.* Павел I. М., 2010.

²⁶ *Давыдов М. А.* Оппозиция Его Величества. Дворянство и реформы в начале XIX века. М., 1994. С. 35.

²⁷ *Глинка С. Н.* Записки. С. 150–152.

²⁸ *Левенштерн В. И.* Записки генерала В. И. Левенштерна // Русская старина. 1900. Кн. IV. С. 271–272.

²⁹ *Вигель Ф. Ф.* Записки. Т. 2. С. 630.

³⁰ *Местр Ж., де.* Указ. соч. С. 120.

³¹ *Энгельгардт Л. Н.* Записки. С. 165.

³² *Местр Ж., де.* Указ. соч. С. 24.

³³ *Фельдмаршал Кутузов.* Документы, дневники, воспоминания. С. 85.

³⁴ К чести России. Из частной переписки 1812 года. М., 1988. С. 108–109.

³⁵ Там же.

³⁶ *Шильдер Н. К.* Указ. соч. С. 30.

³⁷ *Фельдмаршал Кутузов.* Документы, дневники, воспоминания. С. 403.

³⁸ *Телегин Я. И.* Указ. соч. С. 29.

³⁹ *Местр Ж., де.* Указ. соч. С. 214.

⁴⁰ «России двинулись сыны»: Записки об Отечественной войне 1812 года ее участников и очевидцев. М., 1988. С. 139.

⁴¹ «России двинулись сыны»: Записки об Отечественной войне 1812 года ее участников и очевидцев. М., 1988. С. 79.

⁴² *Фельдмаршал Кутузов.* Документы, дневники, воспоминания. С. 152.

⁴³ *Местр Ж., де.* Указ. соч. С. 219.

⁴⁴ *Глинка С. Н.* Записки. С. 309.

Глава десятая

1805 ГОД

¹ Архив князя М. И. Голенищева-Кутузова-Смоленского // Русская старина. 1871. Кн. 1. С. 50.

² Там же.

³ Там же. С. 52.

⁴ *Тарле Е. В.* Континентальная блокада. М., 1913. С. 468–469.

⁵ Там же. С. 466.

⁶ Архив князя М. И. Голенищева-Кутузова-Смоленского // Русская старина. 1871. Кн. 1. С. 52–53.

⁷ *Соловьев С. М.* Император Александр 1. М., 1995. С. 18–19.

⁸ *Наполеон Бонапарт.* Искусство войны. С. 269.

⁹ *Местр Ж., де.* Указ. соч. С. 112.

¹⁰ *Меттерних К. Н.* // Наполеон в России в воспоминаниях иностранцев. Кн. 1. М., 2004. С. 21.

¹¹ *Тюлар Ж.* Наполеон, или Миф о «спасителе». М., 1996. С. 14.

¹² *Ермолов А. П.* Записки. М., 1991. С. 33.

¹³ *Тарле Е. В.* Наполеон. М., 1940. С. 134.

¹⁴ Там же. С. 144.

¹⁵ *Шильдер Н. К.* Указ. соч. С. 151.

¹⁶ Там же. С. 13.

¹⁷ *Мэхэн А. Т.* Влияние морской силы на Французскую революцию и Империю. М.; СПб., 2002. С. 114.

¹⁸ Там же. С. 29–31.

¹⁹ *Кастело А.* Наполеон. М., 2004. С. 19.

²⁰ *Чандлер Д.* Военные кампании Наполеона. М., 2000. С. 244.

²¹ Там же. С. 245.

²² Там же. С. 9.

²³ Там же. С. 10, 18.

²⁴ Там же. С. 13.

²⁵ Там же. С. 24–25.

²⁶ Там же. С. 26.

- ²⁷ Фельдмаршал Кутузов. Документы, дневники, воспоминания. С. 75.
- ²⁸ *Голенищев-Кутузов-Смоленский М. И.*, кн. Письма к дочери гр. Е. М. Тизенгаузен // Русская старина. 1874. Кн. 2. С. 338–339.
- ²⁹ *Ермолов А. П.* Указ. соч. С. 33.
- ³⁰ *Соловьев С. М.* Указ. соч. С. 97.
- ³¹ *Ермолов А. П.* Указ. соч. С. 34.
- ³² Фельдмаршал Кутузов. Документы, дневники, воспоминания. С. 75.
- ³³ М. И. Кутузов. Документы. Т. 2. С. 21–22.
- ³⁴ Фельдмаршал Кутузов. Документы, дневники, воспоминания. С. 77–78.
- ³⁵ М. И. Кутузов. Документы. Т. 2. С. 88.
- ³⁶ *Михайловский-Данилевский А. И.* Описание Первой войны императора Александра с Наполеоном в 1805 году. СПб., 1844. С. 39.
- ³⁷ М. И. Кутузов. Документы. Т. 2. С. 83.
- ³⁸ *Бутовский И.* Фельдмаршал Кутузов. СПб., 1888. С. 16.
- ³⁹ *Михайловский-Данилевский Л. И.* Указ. соч. С. 40–41.
- ⁴⁰ М. И. Кутузов. Документы. Т. 2. С. 93.
- ⁴¹ Там же. С. 85.
- ⁴² Там же. С. 91.
- ⁴³ Там же. С. 96.
- ⁴⁴ Там же. С. 98.
- ⁴⁵ Там же. С. 109.
- ⁴⁶ *Ермолов Л. П.* Указ. соч. С. 35.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ М. И. Кутузов. Документы. Т. 2. С. 112.
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ *Михайловский-Данилевский Л. И.* Указ. соч. С. 61.
- ⁵¹ Там же. С. 86.
- ⁵² М. И. Кутузов. Документы. Т. 2. С. 130.
- ⁵³ *Ермолов А. П.* Указ. соч. С. 36.
- ⁵⁴ М. И. Кутузов. Документы. Т. 2. С. 131.
- ⁵⁵ Там же. С. 135–136.
- ⁵⁶ Там же. С. 135.
- ⁵⁷ Там же. С. 138.

⁵⁸ Бутовский И. Указ. соч. С. 29.

⁵⁹ Проскурин Б. М. Об армейских болезнях начала XIX века // 1812 год. Люди и события великой эпохи. Материалы международной научной конференции. С. 115.

⁶⁰ М. И. Кутузов. Документы. Т. 2. С. 140.

⁶¹ Там же. С. 151.

⁶² Там же. С. 141.

⁶³ Соколов О. В. Аустерлиц. М., 2006. Т. 1. С. 220–221.

⁶⁴ Михайловский-Данилевский А. И. Указ. соч. С. 92–93.

⁶⁵ М. И. Кутузов. Документы. Т. 2. С. 146–147.

⁶⁶ Там же. С. 147–148.

⁶⁷ Там же. С. 145–146.

⁶⁸ Там же. С. 144–145.

⁶⁹ Там же. С. 143–144.

⁷⁰ Там же. С. 168.

⁷¹ Анекдоты или достопамятные сказания... Ч. 1. С. 66.

⁷² Соколов О. В. Аустерлиц. Т. 1. С. 236–239.

⁷³ Михайловский-Данилевский А. И. Указ. соч. С. 109.

⁷⁴ Цит. по: Чандлер Д. Указ. соч. С. 258.

⁷⁵ М. И. Кутузов. Документы. Т. 2. С. 156.

⁷⁶ Михайловский-Данилевский А. И. Указ. соч. С. 112.

⁷⁷ Анекдоты или достопамятные сказания... Ч. 1. С. 70–71.

⁷⁸ Соколов О. В. Шенграбенское сражение // Сержант. 2005. № 3. С. 33.

⁷⁹ Он же. Аустерлиц. Т. 1. С. 253.

⁸⁰ М. И. Кутузов. Документы. Т. 2. С. 157.

⁸¹ Там же. С. 158.

⁸² Там же. С. 157–158.

⁸³ Там же. С. 161–162.

⁸⁴ Там же. С. 171.

⁸⁵ Там же. С. 171–172.

⁸⁶ Там же. 167–168.

⁸⁷ Там же. С. 169.

⁸⁸ Шильдер Н. К. Указ. соч. С. 191.

⁸⁹ Михайловский-Данилевский А. И. Указ. соч. С. 156–157.

- ⁹⁰ Шильдер Н. К. Указ. соч. С. 192–193.
- ⁹¹ Соловьев С. М. Указ. соч. С. 106–107.
- ⁹² Бутовский И. Указ. соч. С. 37.
- ⁹³ Энгельгардт Л. Я. Записки. С. 168–169.
- ⁹⁴ Там же. С. 169.
- ⁹⁵ Глинка С. Я. Записки. С. 182–183.
- ⁹⁶ Фельдмаршал Кутузов. Документы, дневники, воспоминания. С. 316.
- ⁹⁷ Шильдер Я. К. Указ. соч. С. 196.
- ⁹⁸ Михайловский-Данилевский А. И. Указ. соч. С. 184.
- ⁹⁹ Глинка Ф. Я. Письма русского офицера. М., 1990. С. 44–45.
- ¹⁰⁰ Шильдер Я. К. Указ. соч. С. 196–198.
- ¹⁰¹ Бутовский И. Указ. соч. С. 52.
- ¹⁰² Жиркевич И. С. Указ. соч. С. 84.
- ¹⁰³ Михайловский-Данилевский А. И. Указ. соч. С. 212–213.
- ¹⁰⁴ Фельдмаршал Кутузов. Документы, дневники, воспоминания. С. 325.
- ¹⁰⁵ Там же. С. 216–217.
- ¹⁰⁶ Соловьев С. М. Указ. соч. С. 107.
- ¹⁰⁷ М. И. Кутузов. Документы. Т. 2. С. 291–293.
- ¹⁰⁸ Местр Ж., де. Указ. соч. С. 59–60.
- ¹⁰⁹ М. И. Кутузов. Документы. Т. 2. С. 291.
- ¹¹⁰ Там же. С. 305–306.
- ¹¹¹ Фельдмаршал Кутузов. Документы, дневники, воспоминания. С. 93.
- ¹¹² Михайловский-Данилевский А. И. Указ. соч. С. 250.
- ¹¹³ Фельдмаршал Кутузов. Документы, дневники, воспоминания. С. 94.
- ¹¹⁴ Там же.
- ¹¹⁵ Голенищев-Кутузов-Смоленский М. И., кн. Письма к дочери... С. 339.
- ¹¹⁶ Михайловский-Данилевский А. И. Указ. соч. С. 213.

Глава одиннадцатая

ПОСЛЕ АУСТЕРЛИЦА

¹ Архив князя М. И. Голенищева-Кутузова-Смоленского // Русская старина. 1871. Кн. 1. С. 55–56.

² Там же. С. 51.

³ Фельдмаршал Кутузов. Документы, дневники, воспоминания. С. 339.

⁴ Синельников Ф. М. Указ. соч. Ч. 2. С. 138.

⁵ Архив князя М. И. Голенищева-Кутузова-Смоленского // Русская старина. 1871. Кн. 1. С. 56.

⁶ Там же. С. 59.

⁷ Там же. С. 57.

⁸ Волконский С. Г. Указ. соч. С. 62–63.

⁹ Там же.

¹⁰ Шильдер Я. К. Указ. соч. С. 158.

¹¹ Там же. С. 58.

¹² Фельдмаршал Кутузов. Документы, дневники, воспоминания. С. 101–102.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 58–59.

¹⁵ Голенищев-Кутузов-Смоленский М. И., кн. Письма к дочери... // Русская старина. 1874. Кн. 6. С. 340.

¹⁶ Там же. С. 341.

¹⁷ Там же. С. 342.

¹⁸ Автобиографические записки Егора Федоровича фон Брадке // Русский архив. 1875. № 1. С. 24.

¹⁹ Вигель Ф. Ф. Записки. Т. 2. С. 630.

²⁰ Голенищев-Кутузов-Смоленский М. И., кн. Письма к дочери... С. 342.

²¹ Там же. С. 343.

²² Там же.

²³ Фельдмаршал Кутузов. Документы, дневники, воспоминания. С. 103.

²⁴ Архив князя М. И. Голенищева-Кутузова-Смоленского // Русская старина. 1871. Кн. 1. С. 60.

²⁵ Там же.

²⁶ *Голенищев-Кутузов-Смоленский М. И., кн. Письма к дочери...* С. 343.

²⁷ Архив князя М. И. Голенищева-Кутузова-Смоленского // Русская старина. 1871. Кн. 1. С. 60.

²⁸ Там же. С. 201.

²⁹ Фельдмаршал Кутузов. Документы, дневники, воспоминания. С. 105–106.

³⁰ Архив князя М. И. Голенищева-Кутузова-Смоленского // Русская старина. 1871. Кн. 1. С. 202.

³¹ Там же. С. 203.

³² *Голенищев-Кутузов-Смоленский М. И., кн. Письма к дочери...* С. 345.

³³ Архив князя М. И. Голенищева-Кутузова-Смоленского // Русская старина. 1871. Кн. 1. С. 204.

³⁴ Бессонов В. А. Николай Захарович Хитрово (материалы к биографии) // Эпоха Наполеоновских войн: люди, события, идеи. Материалы VI Всероссийской научной конференции. М., 2003. С. 6–7.

³⁵ *Голенищев-Кутузов-Смоленский М. И., кн. Письма к дочери...* С. 345.

³⁶ Там же. С. 346.

³⁷ Там же. С. 346–347.

³⁸ Фельдмаршал Кутузов. Документы, дневники, воспоминания. С. 332.

³⁹ Записки современников о 1812 годе (граф Боволье). С. 13.

⁴⁰ Фельдмаршал Кутузов. Документы, дневники, воспоминания. С. 422.

⁴¹ Там же. С. 421.

⁴² Там же. С. 124.

⁴³ Воспоминания графа В. А. Соллогуба. С. 54.

⁴⁴ Левенштерн В. И. Записки... С. 108–109.

⁴⁵ *Голенищев-Кутузов-Смоленский М. И., кн. Письма к дочери...* С. 348.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Архив князя М. И. Голенищева-Кутузова-Смоленского // Русская старина. 1872. Кн. 1. С. 258–259.

⁴⁸ *Голенищев-Кутузов-Смоленский М. И., кн. Письма к дочери...* С. 348.

⁴⁹ Там же. С. 351.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же. С. 353.

⁵² Там же.

⁵³ Там же. С. 359.

⁵⁴ Цит. по: *Бессонов В. А. Указ. соч.* С. 8.

⁵⁵ Там же. С. 9.

⁵⁶ Там же. С. 12.

Глава двенадцатая

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ ДУНАЙСКОЙ АРМИЕЙ

¹ Михайловский-Данилевский А. И. Описание Турецкой войны с 1806 по 1812 год // Полное собрание сочинений. СПб., 1849. Т. 3. С. 281.

² Отрощенко Я. О. Указ. соч. С. 38–39.

³ Петров М. М. Рассказы служившего в 1-м егерском полку полковника Михаила Петрова о военной службе и жизни своей и трех родных братьев его, зачавшейся с 1789 года // 1812 год. Воспоминания воинов русской армии. М., 1991. С. 158.

⁴ Отрощенко Я. О. Указ. соч. С. 40.

⁵ Михайловский-Данилевский А. И. Указ. соч. Т. 3. С. 276.

⁶ Цит. по: Гуляев Ю. Н., Согдаев В. Т. Указ. соч. С. 245.

⁷ Там же.

⁸ Архив князя М. И. Голенищева-Кутузова-Смоленского // Русская старина. 1872. Кн. 1. С. 262.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 263.

¹¹ Михайловский-Данилевский А. И. Указ. соч. С. 283.

¹² Попов А. Н. Отечественная война 1812 года. М., 2008. Т. 1. С. 242.

¹³ Архив князя М. И. Голенищева-Кутузова-Смоленского // Русская старина. 1872. Кн. 1. С. 263.

¹⁴ Попов А. Н. Указ. соч. С. 224–225.

¹⁵ Там же. С. 227.

¹⁶ Там же. С. 233.

¹⁷ Михайловский-Данилевский А. И. Указ. соч. С. 285.

¹⁸ Там же. С. 286.

¹⁹ Там же. С. 286–287.

²⁰ Там же. С. 288.

²¹ Попов А. Н. Указ. соч. С. 237–238.

²² Там же. С. 238–240.

²³ Там же. С. 235–236.

- ²⁴ Михайловский-Данилевский А. И. Указ. соч. С. 290.
- ²⁵ Попов А. Н. Указ. соч. С. 237.
- ²⁶ Там же. С. 291.
- ²⁷ Там же. С. 294.
- ²⁸ Цит. по: Попов А. Н. Указ. соч. С. 244–245.
- ²⁹ Михайловский-Данилевский А. И. Указ. соч. С. 297.
- ³⁰ Попов А. Н. Указ. соч. С. 243–244.
- ³¹ Там же. С. 246–247; Из «Записок графа Ланжерона о Русско-турецкой войне 1806–1812 гг.» // Михаил Илларионович Кутузов. Тактика победы. М., 2011. С. 339.
- ³² Попов А. Н. Указ. соч. С. 295.
- ³³ Архив князя М. И. Голенище ва-Кутузова-Смоленского // Русская старина. 1872. Кн. 1. С. 264.
- ³⁴ Голенищев-Кутузов-Смоленский М. И., кн. Письма к дочери... С. 364.
- ³⁵ Там же. С. 248.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Михайловский-Данилевский А. И. Указ. соч. С. 194.
- ³⁸ Там же. С. 315–316.
- ³⁹ Попов А. Н. Указ. соч. С. 250.
- ⁴⁰ Голенищев-Кутузов-Смоленский М. И., кн. Письма к дочери... С. 367.
- ⁴¹ Цит. по: Гуляев Ю. Н., Соглаев В. Т. Указ. соч. С. 271.
- ⁴² Фельдмаршал Кутузов. Документы, дневники, воспоминания. С. 155.
- ⁴³ Коленкур А., де. Поход Наполеона в Россию. Смоленск, 1991. С. 68.

Глава тринадцатая

1812 ГОД

- ¹ Фельдмаршал Кутузов. Документы, дневники, воспоминания. С. 151.
- ² «К чести России». Из частной переписки 1812 года. М., 1988. С. 44.
- ³ Фельдмаршал Кутузов. Документы, дневники, воспоминания. С. 156.
- ⁴ Фельдмаршал Кутузов. Документы, дневники, воспоминания. С. 356.
- ⁵ Цит. по: Гуляев Ю. Н., Соглаев В. Т. Указ. соч. С. 290.
- ⁶ Фельдмаршал Кутузов. Документы, дневники, воспоминания. С. 160.
- ⁷ Сто лет назад. Письма И. П. Оденталю к А. Я. Булгакову о петербургских новостях и слухах // Русская старина. 1912. Кн. 3. С. 165.
- ⁸ «К чести России»... С. 113.
- ⁹ Попов А. Я. Указ. соч. С. 200, 209.
- ¹⁰ Там же. С. 200–201.
- ¹¹ Там же. С. 205.
- ¹² 1812 год в воспоминаниях современников. М., 1995. С. 85.
- ¹³ Мнения генерала Михайлова кого-Данилевского о двух записках, представленных князем Барклаем де Толли императору Александру I. Ф. ВУА. Д. 3465. Ч. IV. Л. 385.
- ¹⁴ М. И. Кутузов. Документы. Т. 4. Ч. 1. С. 85.
- ¹⁵ Скугаревский А. П. 1812 год. От начала войны до Смоленска включительно. Казань, 1898. С. 26.
- ¹⁶ «К чести России»... С. 108.
- ¹⁷ Клаузевиц К 1812 год. М., 1997. С. 69.
- ¹⁸ Фельдмаршал Кутузов. Документы, дневники, воспоминания. С. 252.
- ¹⁹ Мнения генерала Михайловского-Данилевского о двух записках. Л. 393.
- ²⁰ «К чести России»... С. 108.
- ²¹ Местр Ж., де. Указ. соч. С. 220.
- ²² Русская старина. 1893. № 12. С. 509.
- ²³ Фельдмаршал Кутузов. Документы, дневники, воспоминания. С. 356.

- ²⁴ Там же. С. 357–358.
- ²⁵ «К чести России»... С. 108–109.
- ²⁶ Фельдмаршал Кутузов. Документы, дневники, воспоминания. С. 359.
- ²⁷ Там же. С. 358.
- ²⁸ Там же. С. 166.
- ²⁹ Там же. С. 170.
- ³⁰ Бородино. Документы, письма, воспоминания. М., 1962. С. 14.
- ³¹ Клаузевиц К. 1812 год. С. 66.
- ³² Вильсон Р. Т. Повествование о событиях, случившихся во время вторжения Наполеона Бонапарта в Россию и при отступлении французской армии в 1812 году. СПб., 2008. С. 120.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Клаузевиц К. 1812 год. С. 63.
- ³⁵ Пущин П. С. Дневник Павла Пущина. 1812–1814. Л., 1987. С. 59.
- ³⁶ Муравьев Н. Н. Записки // Русский архив. 1885. Ч. 3. С. 244.
- ³⁷ Чичерин А. В. Дневник Александра Чичерина. 1812–1813. М., 1966. С. 87.
- ³⁸ Дубровин Н.Ф. 1812 год в письмах современников (1812–1815). СПб., 1882. С. 101.
- ³⁹ Бородино. Документы, письма, воспоминания. С. 96.
- ⁴⁰ Фельдмаршал Кутузов. Документы, дневники, воспоминания. С. 163.
- ⁴¹ Труды ИРВИО. СПб., 1912. Т. 5. С. 262.
- ⁴² Там же. С. 183.
- ⁴³ Клаузевиц К. 1812 год. С. 65.
- ⁴⁴ Записки графа Л. Л. Беннигсена о кампании 1812 года // Русская старина. 1909. № 9. С. 493.
- ⁴⁵ Труды ИРВИО. Т. 6. С. 183.
- ⁴⁶ Фельдмаршал Кутузов. Документы, дневники, воспоминания. С. 357.
- ⁴⁷ Записки графа Л. Л. Беннигсена... С. 369.
- ⁴⁸ Ермолов А. П. Указ. соч. С. 130.
- ⁴⁹ Записки А. А. Щербинина // Харкевич В. И. Указ. соч. Вильна, 1900. Вып. 1. С. 5.

- ⁵⁰ Вильсон Р. Т. Дневник и письма. 1812–1813. СПб., 1995. С. 149.
- ⁵¹ Ермолов Л. П. Указ. соч. С. 183.
- ⁵² Наполеон Бонапарт. Искусство войны... С. 383.
- ⁵³ «России двинулись сыны»... С. 332.
- ⁵⁴ Ермолов А. П. Указ. соч. С. 153.
- ⁵⁵ Фельдмаршал Кутузов. Документы, дневники, воспоминания. С. 168.
- ⁵⁶ Там же. С. 55.
- ⁵⁷ Горностаев М. В. К вопросу о «вине» Ф. В. Ростопчина в оставлении Москвы русскими войсками в 1812 году // Эпоха Наполеоновских войн: Люди, события, идеи. Материалы V Всероссийской научной конференции. М., 2002. С. 31–44.
- ⁵⁸ Дубровин Н. Ф. Указ. соч. С. 4.
- ⁵⁹ Бородино. Документы, письма, воспоминания. С. 59.
- ⁶⁰ Фельдмаршал Кутузов. Документы, дневники, воспоминания. С. 441.
- ⁶¹ Дрейлинг И. Р. Воспоминания участника войны 1812 года // 1812 год. Воспоминания воинов русской армии. С. 372.
- ⁶² Военский К. А. Исторические очерки и статьи, относящиеся к 1812 году. М., 2011. С. 192.
- ⁶³ Дубровин Н. Ф. Указ. соч. С. 94.
- ⁶⁴ Тартаковский А. Г. Обманутый Герострат// Родина. 1992. № 6–7. С. 93.
- ⁶⁵ Дубровин Н. Ф. Указ. соч. С. 99.
- ⁶⁶ Там же. С. 98.
- ⁶⁷ Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1861. Кн. 3. 4.5. С. 220–221.
- ⁶⁸ Бородино. Документы, письма, воспоминания. С. 359.
- ⁶⁹ Петров М. М. Указ. соч. С. 262–263.
- ⁷⁰ Там же.
- ⁷¹ Там же. С. 140.
- ⁷² Фельдмаршал Кутузов. Документы, дневники, воспоминания. С. 327.
- ⁷³ Военский К. А. Указ. соч. С. 196.
- ⁷⁴ Наполеон Бонапарт. Искусство войны. С. 383.

- ⁷⁵ Жомини Г. Указ. соч. С. 189.
- ⁷⁶ Беннигсен Л. Л. Указ. соч. С. 499.
- ⁷⁷ Митаревский Н. Е. Из записок // Бородино в воспоминаниях современников. СПб., 2001. С. 173–174.
- ⁷⁸ Глинка Ф. Н. Очерки Бородинского сражения // Глинка Ф. Н. Письма русского офицера. М., 1985. С. 39–40.
- ⁷⁹ D'Anthouard. Notes et documents...// Carnet de la sabretache. 1906. № 162. Р. 341.
- ⁸⁰ Чандлер Д. Указ. соч. С. 489.
- ⁸¹ Там же. С. 494.
- ⁸² Брюс Р. Войны и сражения эпохи Наполеона. 1792–1815. М., 2009. С. 47.
- ⁸³ Клаузевиц К. Указ. соч. С. 63.
- ⁸⁴ Там же. С. 29.
- ⁸⁵ Толь К. Ф. Описание сражения при Бородине...// Бородино в воспоминаниях современников. С. 320–321.
- ⁸⁶ Бородино. Документы, письма, воспоминания. С. 342.
- ⁸⁷ Там же. С. 165.
- ⁸⁸ Ермолов А. П. Указ. соч. С. 189.
- ⁸⁹ Цит. по: Попов А. И. Действие вестфальцев в Бородинском сражении // Материалы научной конференции «Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы». Бородино, 1995. С. 68.
- ⁹⁰ Сегюр Ф. Поход в Россию. Мемуары адъютанта. М., 2002. С. 31.
- ⁹¹ Journal du capitaine François. Paris, 1904. Р. 787.
- ⁹² Попов А. И. Действие вестфальцев в Бородинском сражении. С. 78.
- ⁹³ Сен-При Э. Ф. Замечания на Бородинское сражение и вызванные им события // Харкевич В. И. 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Вильна, 1900. Т. 1. С. 156.
- ⁹⁴ Глинка Ф. Н. Указ. соч. С. 113.
- ⁹⁵ Левенштерн В. И. Записки... С. 578–579.
- ⁹⁶ Там же. С. 384.
- ⁹⁷ Ермолов А. П. Указ. соч. С. 198.
- ⁹⁸ Валлотон А. Александр I. М., 1991. С. 209.
- ⁹⁹ Троицкий Н. А. 1812: Великий год России. М., 1988. С. 177.
- ¹⁰⁰ Бородино. Документы, письма, воспоминания. С. 102.

- ¹⁰¹ Там же. С. 117.
- ¹⁰² Там же. С. 78.
- ¹⁰³ Фельдмаршал Кутузов. Документы, дневники, воспоминания. С. 178.
- ¹⁰⁴ Там же. С. 379.
- ¹⁰⁵ Там же. С. 380.
- ¹⁰⁶ Там же. С. 381.
- ¹⁰⁷ Там же. С. 382.
- ¹⁰⁸ Там же.
- ¹⁰⁹ Там же. С. 383.
- ¹¹⁰ Волконский Д. М. Дневник // Знамя. 1987. № 8. С. 135–154, 142–143.
- ¹¹¹ Фельдмаршал Кутузов. Документы, дневники, воспоминания. С. 383.
- ¹¹² Михайловский-Данилевский А. И. Записки. 1823 // Исторический вестник. 1892. Кн. 3. С. 194.
- ¹¹³ Фельдмаршал Кутузов. Документы, дневники, воспоминания. С. 386.
- ¹¹⁴ Там же. С. 387.
- ¹¹⁵ Чичерин А. В. Указ. соч. С. 18.
- ¹¹⁶ Фельдмаршал Кутузов. Документы, дневники, воспоминания. С. 389.
- ¹¹⁷ Там же. С. 198.
- ¹¹⁸ Там же. С. 199.
- ¹¹⁹ Там же. С. 200.
- ¹²⁰ Щербинин А. А. Мои записки о кампании 1812 года // Харкевич В. И. 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Вильна, 1900. Вып. 1. С. 29.
- ¹²¹ Фельдмаршал Кутузов. Документы, дневники, воспоминания. С. 392.
- ¹²² Там же. С. 204.
- ¹²³ Там же. С. 205.
- ¹²⁴ Щербинин А. А. Указ. соч. С. 30.
- ¹²⁵ Митаревский Н. Е. Указ. соч. С. 53.
- ¹²⁶ Сегюр Ф., де. Указ. соч. С. 143–145.
- ¹²⁷ Там же. С. 396.

¹²⁸ Фельдмаршал Кутузов. Документы, дневники, воспоминания. С. 396–397.

¹²⁹ Там же. С. 398.

¹³⁰ Там же. С. 117–118.

¹³¹ *Петров М. М.* Указ. соч. С. 194.

¹³² Фельдмаршал Кутузов. Документы, дневники, воспоминания. С. 386.

¹³³ Там же. С. 221–222.

¹³⁴ Там же. С. 405.

¹³⁵ Там же. С. 406.

¹³⁶ Записки современников о 1812 годе (граф Боволье). С. 25.

¹³⁷ Фельдмаршал Кутузов. Документы, дневники, воспоминания. С. 407.

¹³⁸ *Давыдов Д. В.* Сочинения. В 3 т. М., 1895. Т. 2. С. 72–73.

¹³⁹ *Душенкевич Д. В.* Из моих воспоминаний от 1812 до 1815 года // 1812 год в воспоминаниях современников. М., 1985. С. 118–119.

¹⁴⁰ Фельдмаршал Кутузов. Документы, дневники, воспоминания. С. 416–417.

¹⁴¹ *Жиркевич И. С.* Указ. соч. С. 82–83.

¹⁴² Фельдмаршал Кутузов. Документы, дневники, воспоминания. С. 418.

¹⁴³ Там же. С. 254–255.

¹⁴⁴ Записки современников о 1812 годе (граф Боволье). С. 24–25.

¹⁴⁵ *Михайловский-Данилевский А. И.* Записки. С. 64.

¹⁴⁶ *Евреинов М. М.* Память о 1812 годе: Записки московского ополченца 1812 г. М. М. Евреинова// Русский архив. 1874. Кн. 1.

¹⁴⁷ «К чести России»... С. 156.

¹⁴⁸ Там же. С. 158.

¹⁴⁹ *Сегюр Ф.* Указ. соч. С. 184–185.

¹⁵⁰ Там же. С. 255–256.

¹⁵¹ *Митаревский Н. Е.* Указ. соч. С. 157.

¹⁵² *Жиркевич И. С.* Указ. соч. С. 83–85.

¹⁵³ Там же. С. 85–86.

¹⁵⁴ *Жиркевич И. С.* Указ. соч. С. 88.

¹⁵⁵ Фельдмаршал Кутузов. Документы, дневники, воспоминания. С.

252.

¹⁵⁶ Там же. С. 256.

¹⁵⁷ Там же. С. 257.

¹⁵⁸ Давыдов Д. В. Сочинения. Т. 2. С. 125.

¹⁵⁹ Толстой Ф. П. Записки // Русская старина. 1873. № 2. С. 98.

¹⁶⁰ Ланжерон А. Ф. Записки о войне с Турцией 1806–1812 гг. // Русская старина. 1908. Кн. 2. С. 267.

¹⁶¹ Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова. Берлин, 1870. С. 126.

¹⁶² Фельдмаршал Кутузов. Документы, дневники, воспоминания. С. 167.

¹⁶³ Там же. С. 202.

¹⁶⁴ Там же. С. 211.

¹⁶⁵ Там же. С. 206.

¹⁶⁶ Харкевич В. И. 1812 год в дневниках, записках, воспоминаниях современников. Вильна, 1900. Вып. 1. С. 45–46.

¹⁶⁷ Фельдмаршал Кутузов. Документы, дневники, воспоминания. С. 231.

¹⁶⁸ Ермолов А. П. Указ. соч. С. 253.

¹⁶⁹ М. И. Кутузов. Документы. Т. 4. Ч. 2. С. 379.

¹⁷⁰ Фельдмаршал Кутузов. Документы, дневники, воспоминания. С. 246.

¹⁷¹ Харкевич В. И. Указ. соч. С. 88.

¹⁷² Там же. С. 63–88.

¹⁷³ Давыдов Д. В. Сочинения. Т. 2. С. 124.

¹⁷⁴ Ермолов А. П. Указ. соч. С. 253.

¹⁷⁵ Фельдмаршал Кутузов. Документы, дневники, воспоминания. С. 434.

¹⁷⁶ Вильсон Р. Т. Дневник и письма. 1812–1813. С. 79.

¹⁷⁷ Фельдмаршал Кутузов. Документы, дневники, воспоминания. С. 267.

Глава четырнадцатая

ПОСЛЕДНИЙ ПОХОД

¹ Пущин П. С. Дневник. С. 77.

² Фельдмаршал Кутузов. Документы, дневники, воспоминания. С. 275–276.

³ Из исторических записок Иоанна Альберта Эренстрема // Русская старина. 1893. Кн. 3. С. 425–427.

⁴ Записки современников о 1812 годе (граф Боволье). С. 6–7.

⁵ Фельдмаршал Кутузов. Документы, дневники, воспоминания. С. 439–441.

⁶ Панченко Л. А. От «несчастливой войны» к освобождению от наполеоновского господства. Восточная Пруссия в 1806–1813 гг. Калининград, 2007. С. 133.

⁷ Фельдмаршал Кутузов. Документы, дневники, воспоминания. С. 266.

⁸ Поход Русской армии против Наполеона в 1813 году и освобождение Германии: Сборник документов. М., 1964. С. 9.

⁹ Панченко А. А. Указ. соч. С. 140.

¹⁰ Там же. С. 141.

¹¹ Архив князя М. И. Голенищева-Кутузова-Смоленского. Письма к жене 1813 г.// Русская старина. 1872. Кн. 1. С. 688.

¹² Там же.

¹³ Голенищев-Кутузов-Смоленский М. И., кн. Письма к дочери... С. 375.

¹⁴ Архив князя М. И. Голенищева-Кутузова-Смоленского. Письма к жене 1813 г. С. 689.

¹⁵ Фельдмаршал Кутузов. Документы, дневники, воспоминания. С. 443.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Труды ИРВИО. Т. IV. Кн. 2. С. 13–14.

¹⁸ РГВИА. Ф. 846. Д. 3465. Ч. Г/. Л. 393-393об.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Архив князя М. И. Голенищева-Кутузова-Смоленского. Письма к

жене 1813 г. С. 690.

²² Там же.

²³ Анекдоты или достопамятные сказания... Ч. 2. С. 112–114.

²⁴ Панченко А. А. Указ. соч. С. 147–149.

²⁵ Архив князя М. И. Голенищева-Кутузова-Смоленского. Письма к жене 1813 г. С. 691.

²⁶ Голенищев-Кутузов-Смоленский М. И., кн. Письма к дочери... С. 375–376.

²⁷ Архив князя М. И. Голенищева-Кутузова-Смоленского. Письма к жене 1813 г. С. 691–692.

²⁸ Там же. 692.

²⁹ Там же. С. 693.

³⁰ Там же.

³¹ Голенищев-Кутузов-Смоленский М. И., кн. Письма к дочери... С. 376–377.

³² Архив князя М. И. Голенищева-Кутузова-Смоленского. Письма к жене 1813 г. С. 694.

³³ Там же.

³⁴ Гуляев Ю. Н., Согдаев В. Т. Указ. соч. С. 367.

³⁵ Архив князя М. И. Голенищева-Кутузова-Смоленского. Письма к жене 1813 г. С. 694–695.

³⁶ Там же. С. 695.

³⁷ Там же. С. 696.

³⁸ Там же. С. 696–697.

³⁹ Там же. С. 697.

⁴⁰ Там же. С. 698.

⁴¹ Анекдоты или достопамятные сказания... Ч. 2. С. 117–118.

⁴² Там же. С. 704–705.

⁴³ Чичерин А. В. Указ. соч. С. 182–183.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГЕНЕРАЛ- ФЕЛЬДМАРШАЛА СВЕТЛЕЙШЕГО КНЯЗЯ МИХАИЛА ИЛЛАРИОНОВИЧА ГОЛЕНИЩЕВА-КУТУЗОВА- СМОЛЕНСКОГО

1745(?), 5(16) сентября — в семье псковских дворян инженер-поручика Иллариона Матвеевича и Анны Илларионовны (урожденной Бедринской) Голенищевых-Кутузовых родился сын Михаил, будущий великий полководец.

1759 — после экзамена зачислен капралом в Артиллерийскую и инженерную школу.

1761 — поступил «в действительную службу» в чине инженер-прапорщика, зачислен флигель-адъютантом в свиту принца Петра Августа Гольштейн-Бекского.

1762 — в чине капитана назначен командиром роты Астраханского пехотного полка.

1764 — участвовал в боевых действиях в Польше под командованием генерал-майора барона И. И. Веймарна.

1767–1768 — работа в комиссии по составлению нового уложения.

1769 — участие в боевых действиях в Польше против войск «Барской конфедерации».

1768–1774 — участие в Русско-турецкой войне.

1770 — в составе 1-й армии генерал-аншефа П. А. Румянцева отличился в сражениях при урочище Рябая Могила, при реках Ларге и Кагуле, во 2-й армии генерал-аншефа графа П. И. Панина — при взятии крепости Бендеры, произведен в премьер-майоры с переводом в Смоленский пехотный полк.

1771 — произведен в подполковники за отличие в сражении при Попештах.

1772 — переведен во 2-ю Крымскую армию генерал-аншефа князя В. М. Долгорукова.

1774 — в чине командира гренадерского батальона Московского легиона отличился в сражении у деревни Шумы под Алуштой, где получил тяжелое ранение в голову.

1775 — указом императрицы Екатерины II «пожалован кавалером ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия в четвертом классе».

1776 — находился в Европе в отпуске «для излечения ран» на средства, пожалованные императрицей.

1777 — произведен в полковники и назначен командиром Луганского пикинерного полка.

1778 — вступил в брак с Екатериной Ильиничной Бибиковой, дочерью инженер-генерал-поручика И. А. Бибикова.

1778–1782 — под командованием генерал-поручиков А. В. Суворова и А. Б. де Бальмена с отличием служил на Днепровской оборонительной линии, произведен в бригадиры.

1783–1784 — участвовал в присоединении Крыма к России, «награжден чином генерал-майора».

1785 — по приказу президента Военной коллегии генерал-фельдмаршала светлейшего князя Г. А. Потёмкина-Таврического назначен командиром вновь формируемого корпуса Бугских егерей.

1786 — участвовал в формировании «гренадерских батальонов для пяти гренадерских полков». Укомплектовывал людьми Екатеринославский, Таврический, Фанагорийский и Киевский — прославленные полки Российской императорской армии; разработал «Примечания о пехотной службе вообще и о егерской особенно».

1787 — после участия в высочайшем смотре войск в городе Кременчуге во время путешествия императрицы Екатерины II по Таврической губернии с 28 августа 1787 года по июль 1788 года с отличием командовал Бугским егерским корпусом «у закрытия границ по Бугу».

1787–1791 — участие в Русско-турецкой войне.

1788 — участие в Очаковской операции, второе тяжелое ранение в голову под Очаковом.

1789 — награжден орденом Святой Анны 1-й степени за Очаков и орденом Святого Владимира 2-й степени за формирование Бугского егерского корпуса, отличившегося в боевых действиях против турок.

1790 — командовал штурмовой колонной при взятии крепости Измаил.

1791 — по представлению А. В. Суворова произведен в генерал-поручики и награжден орденом Святого Георгия 3-й степени за отличие при взятии Измаила. По представлению Г. А. Потёмкина награжден

орденом Святого Александра Невского за победу над турецким корпусом при Бабадаге. По представлению князя Н. В. Репнина пожалован орденом Святого Георгия 2-й степени за отличие в битве при Мачине.

1792 — направлен в Константинополь «чрезвычайным и полномочным посланником».

1794–1797 — директор Сухопутного шляхетного кадетского корпуса.

1795 — назначен командовать сухопутными войсками на границе с Финляндией.

1797 — назначен инспектором Финляндской дивизии, произведен в генералы от инфантерии.

1797–1798 — дипломатическая миссия в Берлине.

1799 — назначен командиром русского экспедиционного корпуса в Голландии, а затем — литовским военным губернатором, инспектором инфантерии Литовской и Смоленской губерний, шефом Псковского мушкетерского полка.

1801–1802 — назначение военным губернатором Санкт-Петербурга.

1802–1804 — пребывание в опале.

1805 — командовал русскими войсками в войне против Наполеоновской Франции на австрийской территории, поражение при Аустерлице.

1806 — назначен киевским военным губернатором.

1808–1809 — назначен помощником главнокомандующего Дунайской армией генерал-фельдмаршала князя А. А. Прозоровского в Русско-турецкой войне 1806–1812 годов.

1809 — назначен виленским военным губернатором.

1811 — в должности главнокомандующего возглавлял Дунайскую армию в войне против Турции, одержал победу над турками в сражении при Руцуке, разбил, окружил и взял в плен армию великого визиря при Слободзее, пожалован титулом графа.

1812 — подписал предварительные условия Бухарестского мира с Турцией, возведен в княжеское достоинство с титулом светлости, в должности главнокомандующего российскими армиями нанес поражение Великой армии Наполеона в России, произведен в чин генерал-фельдмаршала, награжден орденом Святого Георгия 1-й степени, пожалован почетной приставкой к фамилии: Голенищев-Кутузов-Смоленский.

1813 — главнокомандующий союзными войсками, действовавшими против Наполеона в Европе; 16 (28) апреля скончался в городе Бунцлау в Силезии во время освободительного похода русской армии и был

похоронен в Казанском соборе в Санкт-Петербурге.

БИБЛИОГРАФИЯ

Анекдоты или достопамятные сказания о его светлости генерал-фельдмаршале князе Михаиле Ларионовиче Голенищеве-Кутузове-Смоленском. Ч. 1–4. СПб., 1814.

Анисимов Е. В. Россия в середине XVIII века // В борьбе за власть. Страницы политической истории России XVIII века. М., 1988.

Архив князя М. И. Голенищева-Кутузова-Смоленского (1745–1813) // Русская старина. 1870. Кн. 1. С. 249–258; 1870. Кн. 2. С. 513–529; 1871. Кн. 1. С. 49–60, С. 201–204; 1872. Кн. 1. С. 645–660; 1874. Кн. 2. С. 337–377.

Ахшарумов Д. И. Описание войны 1812 года. СПб., 1819.

Бантыш-Каменский Д. Н. Биографии Российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. Т. 1–2. Б. г., 1990.

Барклай де Толли М. Б. Изображение военных действий 1-й Западной армии в 1812 году // Труды ИРВИО. СПб., 1912. Т. 6. Кн. 2.

Безотосный В. М. Наполеоновские войны. М., 2010.

Беннигсен Л. Л. Письма о войне 1812 года. Киев, 1912.

Бессонов В. А. Николай Захарович Хитрово (материалы к биографии) // Эпоха Наполеоновских войн: люди, события, идеи. Материалы VI Всероссийской научной конференции. М., 2003.

Бильбасов В. А. Памяти императрицы Екатерины II // Русская старина. 1896. Кн. IV. № 11.

Болотов А. Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. М., 1986.

Болховитинов Е. А. (митрополит Евгений). Сокращенная Псковская летопись, избранная из разных российских и чужестранных летописей и особенно Псковской. Псков, 1993.

Бородино. Документы, письма, воспоминания. М., 1962.

Боханов А. Н. Самодержавие. Идея царской власти. М., 2002.

Боханов А. Н. Павел I. М., 2010.

Брикнер А. Г. История Екатерины Второй. М., 2007.

Брюс Р. и др. Войны и сражения эпохи Наполеона. 1792–1815. М., 2009.

Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П. И. Щукиным. М., 1904. Т. 7–8.

Бутовский И. Фельдмаршал Кутузов. СПб., 1858.

Бутурлин Д. П. История нашествия императора Наполеона на Россию

в 1812 году. Ч. 1–2. СПб., 1823–1824.

Бутурлин Д. П. Кутузов в 1812 году // *Русская старина*. 1894. Кн. 4.

Валькович А. М. Золотой век Российской гвардии. Т. 1–2. М., 2010.

Вандаль А. Наполеон и Александр I. СПб., 1995. Т. 2–4.

Введенский Г. Э. Пять веков русского военного мундира. СПб., 2005.

Вильсон Р. Дневники письма. 1812–1813. М., 1995.

Вильсон Р. Т. Повествование о событиях, случившихся во время вторжения Наполеона Бонапарта в Россию и при отступлении французской армии в 1812 году. СПб., 2008.

Военский К. А. Исторические очерки и статьи, относящиеся к 1812 году. М., 2011.

Вяземский П. А. Мемуарные заметки // *Державный сфинкс*. М., 1999.

Глинка С. Н. Записки. М., 2004.

Глинка Ф. Н. Очерки Бородинского сражения. М., 1985.

Голенищева-Кутузова Е. Я. «1802 г. Поездка в Хрущово» // *Ровенский Г. В.* Светлейшая княгиня Смоленская Екатерина Ильинична Голенищева-Кутузова, урожденная Бибикова. Фрязино, 2009.

Головкин Ф. Г. Двор и царствование Александра I. М., 1912.

Граббе П. Х. Из памятных записок // *Русский архив*. 1873. Кн. 1–3.

Давыдов Д. В. Сочинения. В 3 т. М., 1895. Т. 2.

Дельбрюк Ханс. Всеобщая история военного искусства в рамках политической истории. М., 2008.

Домашний памятник Н. Г. Левшина // *Русская старина*. 1876. Кн. 5.

Дубровин Н. Ф. Отечественная война в письмах современников (1812–1815 гг.). М., 2006.

Евгений Вюртембергский. Воспоминания о кампании 1812 года в России // *Военный журнал*. СПб., 1848. № 4.

Екатерина II и Г. А. Потёмкин. Личная переписка. 1769–1791. М., 1997.

Елисеева О. И. Екатерина Великая. М., 2010.

Ермолов А. П. Записки. 1798–1826 гг. М., 1991.

Жилин П. А. Гибель наполеоновской армии в России в 1812 году. М., 1974.

Жилин П. А. М. И. Кутузов. М., 1979.

Записки Александра Михайловича Тургенева // *Русская старина*. 1886. Кн. 1.

Записки современников о 1812 годе (граф Боволье) // *Русская старина*. 1893. Кн. 1.

Записки генерала В. И. Левенштерна // *Русская старина*. 1900. Кн. 1–4.

Записки Фридриха Великого о политических отношениях его к России

в первой половине XVIII века // Русский архив. 1877. № 1.

Золотарев В. А., Межевич М. Н., Скородумов Д. Е. Во славу Отечества Российского. М., 1984.

Иванов О. А. Павел — Петров сын? // *Иванов О. А., Лопатин В. С., Писаренко К. А.* Загадки русской истории XVIII века. М., 2000.

Из дневника Бернгарди. Беседы с принцем Евгением Виртембергским // Русская старина. 1893. Кн. 3.

Из исторических записок Иоанна Альберта Эренстрема // Русская старина. 1893. Кн. 3.

Исторические лица в голове простолюдина. Рассказ гатчинского солдата // Русский архив. 1873. № 10. Ст. 2074–2076.

Исторический очерк 2-го кадетского корпуса. 1712–1912. СПб., 1912.

Историческое обозрение 2-го кадетского корпуса. СПб., 1862.

Йена Д. Екатерина Павловна — великая княжна, королева Вюртемберга. М., 2005.

Каргалов В. В. Московские воеводы XVI–XVII вв. М., 2006.

«К чести России». Из частной переписки 1812 года. М., 1988.

Кастело А. Наполеон. М., 2004. Т. 1–2.

Клаузевиц К. 1812 год. М., 1997.

Клаузевиц К. О войне. М.; СПб., 2007.

Колюбакин Б. М. 1812 год: Избрание Кутузова Главнокомандующим над всеми армиями // Русская старина. 1912. № 7.

Кони Ф. А. Фридрих Великий. Ростов н/Д., 1997.

Крейе Э. Э. Политика Меттерниха. Германия в противоборстве с Наполеоном. 1799–1814. М., 2002.

Ланжерон А. Ф. Записки о войне с Турцией 1806–1812 гг. // Русская старина. 1908. Кн. 2.

Левенштерн В. И. Записки // Русская старина. 1900. Кн. 3.

Линь Ш.-Ж., де. Письма, мысли и избранные творения принца де Линя, изданные баронессою Сталь Голстейн и г-м Пропиаком. М., 1809. Т. 1.

Линь Ш.-Ж., де. Избранные философические, политические и военные творения принца де Линя, изданные одним из его приятелей, служащие продолжением к творениям его, изданным госпожою Сталь-Голстейн и г. Пропиаком. В 10 т. М., 1810.

Лопатин В. С. Потёмкин и Суворов. М., 1992.

Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начала XIX века). СПб., 1994.

Людовик XVIII в России // Русский архив. 1877. № 9.

М. И. Голенищев-Кутузов. Материалы научной конференции,

посвященной памяти полководца. СПб., 1993.

М. И. Кутузов. Документы. Т. 1–4. М., 1950.

Меерович Г. И. Румянцев в Петербурге. Л., 1987.

Мелентьев В. Д. Кутузов в Петербурге. Л., 1986.

Местр Ж., де. Петербургские письма. СПб., 1995.

Митаревский И. Е. Воспоминания о войне 1812 года. М., 1871.

Михайловский-Данилевский А. И. Описание первой войны императора Александра с Наполеоном в 1805 году. СПб., 1844.

Михайловский-Данилевский А. И. Описание турецкой войны в царствование императора Александра с 1806 по 1812 год. СПб., 1843.

Михайловский-Данилевский А. И. Описание Отечественной войны в 1812 году. М., 2008.

Мориц Саксонский. Теория военного искусства. М., 2009.

Мэхэн А. Т. Влияние морской силы на Французскую революцию и Империю. Т. 1–2. М.; СПб., 2002.

Наполеон Бонапарт. Искусство войны: императорские максимы. М., 2009.

Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи, начатый в 1797 году. СПб., 1798. Ч. 2.

Орлов А. А. Союз Петербурга и Лондона. Российско-британские отношения в эпоху Наполеоновских войн. М., 2005.

Панченко А. А. От «несчастливой войны» к освобождению от наполеоновского господства. Восточная Пруссия в 1806–1813 гг. Калининград, 2007.

Переписка Императора Александра Павловича с графом Ф. В. Ростопчиным (1812–1814) // Русская старина. 1893. Кн. 1.

Петров А. К биографии Светлейшего князя Голенищева-Кутузова-Смоленского // Военный сборник. 1900. № 3.

Полевой Н. Могила Кутузова // Столетие России. СПб., 1845.

Попов А. Н. Отечественная война 1812 года. Т. 1–3. М., 2008–2011.

Поход русской армии против Наполеона в 1813 году и освобождение Германии: Сборник документов. М, 1964.

Прозоровский А. А. Записки генерал-фельдмаршала князя Александра Александровича Прозоровского. 1756–1776. М, 2004.

Псковская земля. История в лицах. «Дворяне все родня друг другу...» М., 2006.

Псковский край в истории СССР. Очерки истории. Л., 1970.

Пуцин П. С. Дневник Павла Пуцина. 1812–1814. Л., 1987.

Романович-Славутинский А. В. Дворянство в России от начала XVIII

века до отмены крепостного права. СПб., 1870.

«России двинулись сыны»: Записки об Отечественной войне 1812 года ее участников и очевидцев. М., 1988.

Россомахин А. А., Хрусталева Д. Г. Вызов императора Павла, или Первый миф XIX столетия. СПб., 2011.

Ростопчин Ф. В. Записки о войне 1812 года // «Ох, французы!» М., 1992.

Русская военная мысль. XVIII век. М.; СПб., 2003.

Русские анекдоты военные, гражданские и исторические, изданные Сергеем Глинкою. В 3 ч. М., 1820.

Синельников Ф. М. Частная жизнь и характер Его Светлости Генерал-фельдмаршала князя Голенищего-Кутузова-Смоленского. Ч. 1–6. СПб., 1814.

Скобелев И. Н. Солдатская переписка 1812 года // 1812 год в воспоминаниях и рассказах современников. М., 2001.

Соколов О. В. Аустерлиц. Наполеон, Россия и Европа, 1799–1805 гг. Т. 1–2. М., 2006.

Соллогуб В. А. Воспоминания. СПб., 1993.

Соловьев М. Император Александр I. Политика, дипломатия. М., 1995.

Станиславский Н. В. Император Александр I и русская оккупация Восточной Пруссии в конце 1812 года и в начале 1813-го // Русская старина. 1913. Кн. 4.

Тарле Е. В. Континентальная блокада. Исследование по истории промышленности и внешней торговли Франции в эпоху Наполеона. М., 1913.

Тарле Е. В. Бородино. М., 1962.

Тарле Е. В. Нашествие Наполеона на Россию в 1812 году. М., 1938.

Тартаковский А. Г. 1812 год и русская мемуаристика. М., 1980.

Тартаковский А. Г. Неразгаданный Барклай. М., 1996.

Таршаковский А. Г. Обманутый Герострат // Родина. 1992. № 6–7.

Толстой Ф. П. Записки // Русская старина. 1873. № 2.

Троицкий Н. А. «Народ хотел Кутузова...» // В мире книг. 1987. № 10.

Троицкий Н. А. 1812 — великий год России. М., 1988.

Троицкий Н. А. Фельдмаршал Кутузов: мифы и факты. М., 2002.

Тучков С. А. Записки // Золотой век Екатерины Великой. Воспоминания. М., 1996.

1812 год... Военные дневники. М., 1990.

1812 год. Воспоминания воинов русской армии. М., 1991.

- 1812 год в воспоминаниях современников. М., 1995.
- Тюлар Ж. Наполеон, или Миф о «спасителе». М., 1996.
- Фельдмаршал Кутузов. Документы, дневники, воспоминания. М., 1995.
- Фукс Е. Б. Суворов и Кутузов // Сочинения Е. Фукса. СПб., 1827.
- Харкевич В. И. 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Вильна, 1900–1907. Вып. 1–4.
- Цареубийство 11 марта 1801 года. СПб., 1990.
- Цебриков Р. М. Вокруг Очакова. 1788 год // Русская старина. 1895. № 9. Кн. 3.
- Целорунго Д. Г. Офицеры русской армии — участники Бородинского сражения. М., 2002.
- Чайковская О. Г. «Как любопытный скиф...» Русский портрет и мемуаристика второй половины XVIII века. М., 2001.
- Чарторижский А. Мемуары. М., 1998.
- Чечулин Н. Д. Русское провинциальное общество во второй половине XVIII века. М., 2008.
- Чичерин А. В. Дневник Александра Чичерина. 1812–1813. М., 1966.
- Шильдер Н. К. Император Александр I. Его жизнь и царствование. М., 2008.
- Шишков А. С. Домашние записки // Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова. Берлин, 1870. Т. 1.
- Шмидт С. О. Общественное самосознание российского благородного сословия. XVII — первая треть XIX века. М., 2002.
- Эйдельман Н. Я. Твой 18-й век. М., 1991.
- Энгельгардт Л. Н. Записки. М., 1997.
- Юркевич Е. И. Военный Петербург эпохи Павла I. М.; СПб., 2007.
- Longford E. Wellington. The Years of the Sword. New York, 1969.
- Lieven D. Russia against Napoleon. Penguin books, 2010.

Иллюстрации

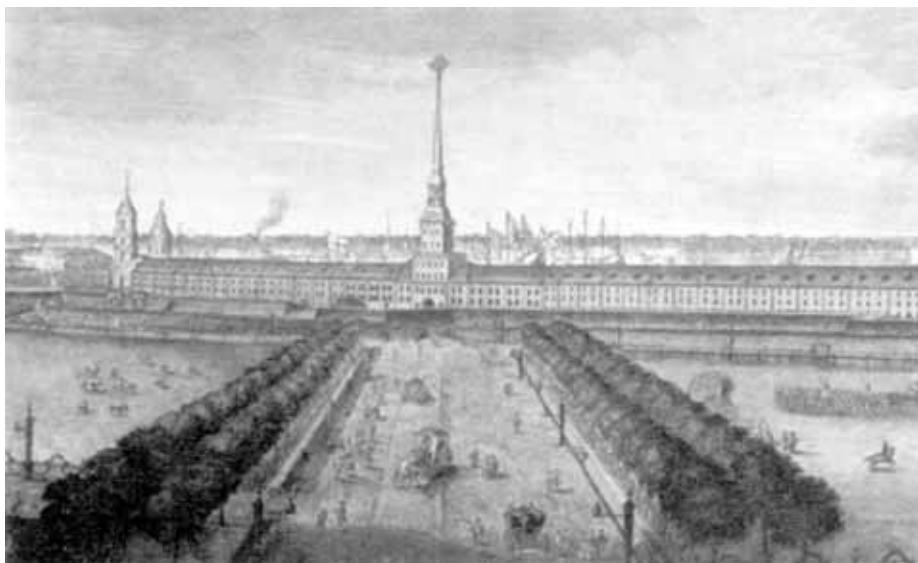
Alexander S. Pushkin

Иван Лонгинович Голенищев-Кутузов. Художник Д. Г. Левицкий.
Начало XIX в.

Анна Илларионовна Голенищева-Кутузова, урожденная Бедринская.
Атрибутируется предположительно.

Проспект Адмиралтейства и окололежащих строений с частью
Невской перспективной дороги. Гравюра Г. А. Качалова по рисунку М. И.

Махаева. 1748 г.

Миша Кутузов с отцом. Художник И. Д. Архипов. 1953 г.

Граф Петр Иванович Шувалов. Гравюра Г. Шмидта. 1760 г.

Юбилейная медаль в честь 200-летия 2-го кадетского корпуса. 1912 г.

Великий князь Петр Федорович. Художник А. П. Антропов. 1753 г.

Генерал-фельдмаршал принц Петр Август Фридрих Голштейн-Бекский. Литография Тюлева по рисунку П. Иванова. 1840 г.

Вид Ревельской крепости. Гравюра Ф.-Б. Лорье по рисунку Л. Кленце 1832 г. с оригинала Г. Швенке (?) конца 1790-х гг.

Великая княгиня Екатерина Алексеевна. Художник П. Ротари. Около 1761 г.

Фельдмаршал граф Петр Александрович Румянцев-Задунайский.
Неизвестный художник. 1770-е гг.

Генерал-аншеф Василий Михайлович Долгоруков-Крымский.
Неизвестный художник. 1770-е гг.

Сражение при Кагуле 21 июля (1 августа) 1770 года. Художник Д. Ходовецкий. 1770-е гг.

Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов в звании полковника Луганского пикинерного полка. *Неизвестный художник. Не ранее 1777 г.*

Орден Святого Георгия 4-й степени.

Елизавета Михайловна Хитрово, урожденная Голенищева-Кутузова.
Художник П. Ф. Соколов. 1838 г.

Екатерина Ильинична Голенищева-Кутузова, урожденная Бибикова.
Миниатюра Э. Вижье-Лебрэн. 1780-е гг.

Прасковья Михайловна Толстая, урожденная Голенищева-Кутузова.
Художник П. Ф. Соколов. 1840-е гг.

Дарья Михайловна Опочинина, урожденная Голенищева-Кутузова.
Неизвестный художник. 1800-е гг.

Анна Михайловна Хитрово, урожденная Голенищева-Кутузова.
Неизвестный художник. Около 1802 г.

Генерал-фельдмаршал светлейший князь Григорий Александрович Потёмкин-Таврический. *Неизвестный художник. 1780-е гг.*

Генерал-фельдмаршал Николай Васильевич Репнин. *Неизвестный художник. Конец XVIII в.*

Штурм Очакова 6 декабря 1788 года. Раскрашенная гравюра А. Бартча с картины Ф. Казановы. Конец XVIII в.

Штурм Измаила 11 (22) декабря 1790 года. Раскрашенная гравюра С. Шифляра по рисунку М. Иванова, сделанному во время сражения. Конец XVIII в.

Генералиссимус граф Александр Васильевич Суворов-Рымникский, князь Италийский. *Неизвестный художник. 1799 г.*

Султан Селим III. Художник К. Капидаглы. 1803–1804 гг.

Здание Императорского российского посольства в Стамбуле. Гравюра на дереве Л. А. Серякова. Вторая половина XIX в.

Меншиковский дворец. С 1732 года — здание Сухопутного шляхетского (позже 1-го) кадетского корпуса. Гравюра Л. И. Ростовцева. 1716 г.

Кадеты Малолетнего отделения 1-го кадетского корпуса, 1802–1813
годы. *Середина XIX в.*

Павел I в costume гроссмейстера Мальтийского ордена. Художник В. Л. Боровиковский. 1800 г.

Строевые учения русской армии по прусскому образцу в Гатчине при Павле I. Художник Г. Шварц. 1847 г.

Граф Петр Алексеевич Пален.

Граф Леонтий Леонтьевич Беннигсен.

Князь Платон Александрович Zubов.

Михайловский замок со стороны набережной Фонтанки. Акварель Б. Патерсена. 1801 г.

Александр I. Художник Г. Кюгельхен. 1801 г.

Генерал-фельдмаршал светлейший князь Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов-Смоленский. Художник Р. М. Волков. 1813 г.

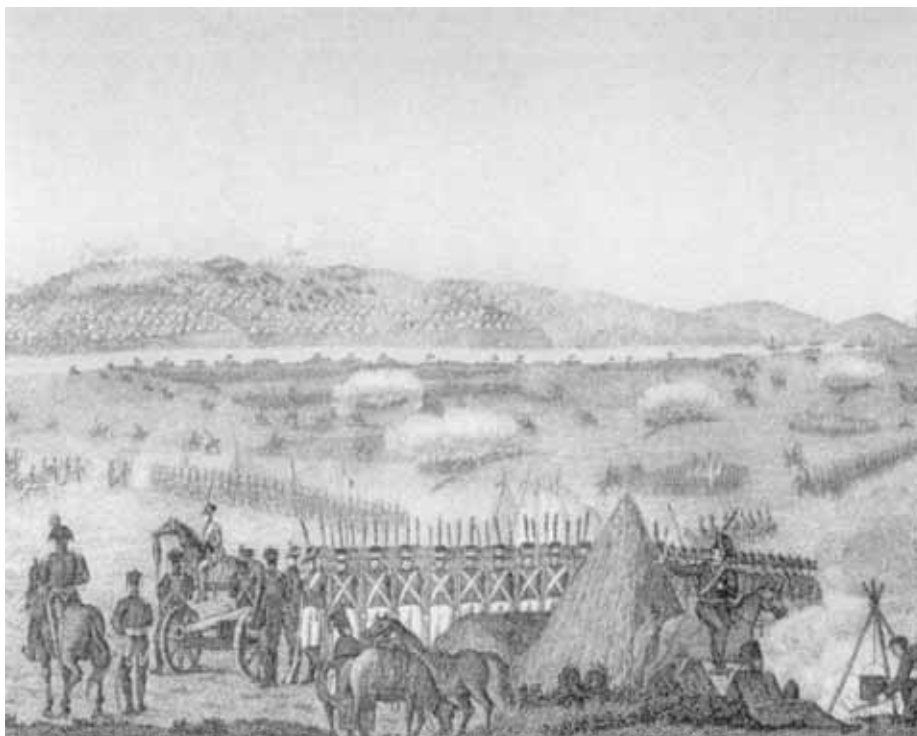
Франц II Габсбург — последний император Священной Римской империи и под именем Франц I — первый император Австрии.

Сражение при Аустерлице 20 ноября (2 декабря) 1805 года.
Раскрашенная гравюра И. Ругеданса. 1810-е гг.

Граф Николай Петрович Румянцев, министр иностранных дел, канцлер Российской империи с 1809 года. *Художник Дж. Доу. 1827 г.*

Сражение при Слободзее 14 (26) октября 1811 года. Гравюра неизвестного художника. Начало XIX в.

Генерал от инфантерии князь Петр Иванович Багратион. Гравюра С. Карделли. 1810-е гг.

Генерал-фельдмаршал князь Михаил Богданович Барклай де Толли.
Художник К. Зенф. 1816 г.

Оборона Смоленска 5 августа 1812 года. Художник А. Ю. Аверьянов.
1994 г.

Генерал от инфантерии граф Карл Федорович Толь. Художник Дж. Доу. 1820-е гг.

Граф Федор Васильевич Ростопчин. Художник О. Л. Кипренский. 1820 г.

М. И. Кутузов — начальник Санкт-Петербургского ополчения.
Художник С. Герасимов. 1953 г.

Генерал от инфантерии Алексей Петрович Ермолов. Гравюра Л.
Ухтомского по оригиналу В. Машкова. Первая четверть XIX в.

Генерал от инфантерии граф Михаил Андреевич Милорадович.
Гравюра Ф. Боллингера с оригинала Геизингера. Начало XIX в.

Военный совет в Филях 1(13) сентября 1812 года. *Цветная литография по оригиналу А. Кившенко. 1912 г.*

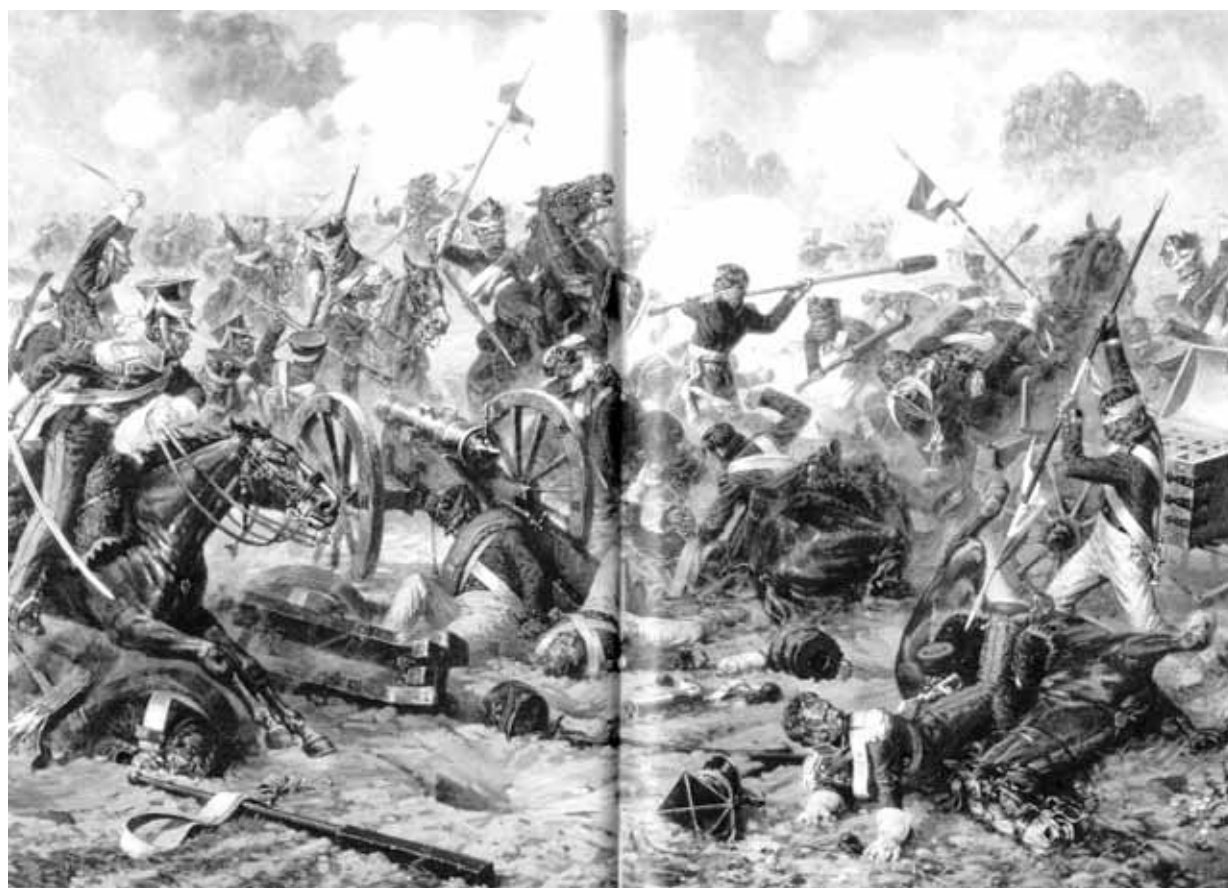
Генерал от кавалерии Николай Николаевич Раевский. Художник Дж.
Доу. 1820-е гг.

Генерал от инфантерии Дмитрий Сергеевич Дохтуров. Художник Дж.
Доу. 1820-е гг.

Русская армия и жители оставляют Москву в 1812 году. Художники Л. Соколов и Л. Семенов. 1958 г.

Подвиг генерала Костенецкого. Художник Л. Ю. Аверьянов. 1993 г.

М. И. Кутузов. Литография В. Адама. Середина XIX в.

Бивак. Художник А. Ю. Аверьянов. 1992 г.

Полковник Александр Самойлович Фигнер. *Неизвестный художник.* 1830-е гг.

Генерал-лейтенант Денис Васильевич Давыдов. Художник Дж. Доу. 1820-е гг.

Наполеон и маршал Лористон (Мир во что бы то ни стало). Художник В. В. Верещагин. 1899–1900 гг.

Ружейный залп пехотного батальона — 300 пуль. *Бородино. 1812 г.*

Ружья солдат русской армии. *Начало XIX в.*

Бой за Малоярославец 12 октября 1812 года. Хромолитография Н. Самокиша. Начало XX в.

Эпизод из Отечественной войны 1812 года. Художник И. М. Прянишников. 1874 г.

Переправа наполеоновской армии через Березину 14–17 (26–29) ноября 1812 года. *Раскрашенная литография по оригиналу П. Гесса. Середина XIX в.*

Кончина М. И. Кутузова в городе Бунцлау 16 (28) апреля 1813 года. *Акварель И. Л. Ефимовича — адъютанта Кутузова. 1813 г.*

Похороны М. И. Кутузова в Петербурге. *Рисовал и гравировал М. Воробьев. 1814 г.*

Константин Федорович Опочинин, внук М. И. Кутузова. *Художник В. И. Гау. 1848 г.*

Дарья Федоровна Фикельмон и Екатерина Федоровна Тизенгаузен, внучки М. И. Кутузова, дочери Е. М. Хитрово. Художник А. П. Брюллов. 1825 г.

Памятник М. И. Кутузову на Бородинском поле. Архитектор П. А. Воронцов-Вельяминов. 1912 г.

notes

Примечания

Котерия (фр. *coterie*) — общество, собирающееся для увеселения; тесный союз лиц с их частными сокрытыми видами и происками.

Мой повелитель, у меня нет ни копейки денег (*фр.*).

3

Хорошо, сударь, оставьте на столе (*фр.*).

Да здравствует Кутузов! Да здравствует великий старик! (нем.).

Да здоровствует наш дедушка Кутузов! (нем.).